

НИЗАМИ

Советский
издатель

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

Ф. Я. Прийма (главный редактор),

И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан,

А. Н. Болдырев, А. С. Бушмин,

Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,

Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, С. А. Рустам,

А. А. Сурков

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

НИЗАМИ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья,
составление и примечания
Рустама Алиева*

Низами Гянджеви (1140—1202) — великий поэт азербайджанского народа, писавший на языке классической персидской литературы, создатель монументального цикла поэм — так называемой «Хамсе» («Пятерицы»), в которую входят поэмы: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искендернаме». Творения Низами оказали могущественное воздействие на развитие литературы не только Азербайджана, но и большинства стран мусульманского Востока. Настоящее издание с достаточной широтой знакомит читателя с художественным наследием поэта-гуманиста, мыслителя, блестящего мастера стиха. В книгу входят также избранные стихотворения Низами. Некоторые из них публикуются в новых переводах.

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

В ходе многовекового культурно-исторического развития человечество выделяет из своей среды людей, которые видят дальше и яснее других, которые открывают перед ними необъятные духовные горизонты. В ряду подобных гигантов человеческого духа почетное место занимает Низами, один из старейших представителей восточной поэтической классики. Его вклад в сокровищницу мировой культуры можно сравнить с бесценным наследием Фирдоуси, Данте, Шекспира, Пушкина.

Творчество Низами предопределило характер дальнейшего развития литературы не только Азербайджана, но и многих народов Ближнего и Среднего Востока, писавших на тюркских, персидском, урду, курдском, таджикском и других языках. На протяжении истекших восьми веков каждое из столетий воспринимало произведения поэта как художественные явления современности. Любая поэма Низами — целый мир в движении. Этот мир не подвержен закону тления и старения, он молодеет и пышнее расцветает из века в век.

По мере развития общечеловеческой культуры расширяется сфера влияния Низами, увеличивается круг его читателей, из года в год умножается число мастеров изящной словесности, живописи, музыки и других видов искусства, обращающихся к творчеству Низами, к неисчерпаемому богатству его духовного наследия. В чем же секрет вечной молодости творений поэта? В том, что великий художник своей волшебной кистью изобразил такие человеческие чувства, мечты и чаяния, которые будут живы, пока живет человечество.

Низами обожествлял прекрасный мир чистых и возвышенных стремлений человеческой души, вдохновенно воспевал преданную, самоотверженную любовь, предваряя тем самым в европейской литературе Данте, Петрарку, трубадуров. Он нарисовал незабываемые картины социальной утопии — страны, где нет ни классов, ни клас-

совых раздоров, где господствуют всеобщее равенство, счастье и братство, где люди умирают не от болезни, а от долголетия.

О жизни поэта, о фактах его биографии известно немного. После Низами прошло около восьми веков, веков многочисленных войн, разрушений, под обломками которых были погребены несметные сокровища труда, ума, таланта и гения народа. Достаточно напомнить, что всего через несколько лет после смерти поэта по всему Ближнему и Среднему Востоку прошел всепожирающий ураган монгольского нашествия, который превратил цветущие города в руины и пастбища. Дикие завоеватели, предав огню и мечу великую культуру, которая создавалась совместным трудом многих народов на протяжении нескольких столетий, прервали нормальный ход истории этих народов на длительное время. В огне пожарищ и под руинами погибли сотни тысяч великолепных рукописных книг, вместивших в себя драгоценный опыт жизни и думы наших предков, их открытия и взгляды на жизнь и будущее, их мечты, идеалы, жизнеописания великих людей и исторические хроники.

Великий исполин Низами устоял против разрушительного натиска времени. Его главные творения дошли до нас, хотя и понесли весьма чувствительный урон. Все сохранившиеся рукописи его произведений, которые являются основными источниками сведений о его жизни и образе мыслей, переписаны после монгольского нашествия, в XIV веке, то есть спустя почти двести лет после их создания.

За это время поэмы подвергались основательной переработке переписчиков, многочисленным изменениям и переделкам. Почти все даты и большинство биографических данных искажены до неузнаваемости. Многие замечательные лирические стихотворения просто не дошли до нас.

Еще хуже обстоит дело с произведениями современников Низами — поэтов, писателей, историков и географов. Из сочинений мастеров художественного слова, ученых, живших и творивших в одно время, в одном городе и в одной стране, чьи вкусы, мнения и творения составляли культурную атмосферу Низами, уцелели в большинстве случаев лишь отдельные отрывки. На основании свидетельств поэта и его современников жизнь Низами вырисовывается перед нами в следующем виде.

1

Низами жил и творил в XII веке, в эпоху необычайно богатую событиями, сыгравшими исключительную роль в дальнейшей истории человечества. Он жил и творил в эпоху, которая унаследовала великую культуру, созданную античным миром и арабским халифатом (в состав которого входили многочисленные народы

Ближнего и Среднего Востока, Африки, Испании), в эпоху, когда Азербайджан стал одним из культурных и экономических центров Востока, в эпоху, когда достигла расцвета персоязычная литература, созданная представителями многих народов.

Родина Низами — Гянджа, развалины которой находятся в пяти километрах от нынешнего города Кировабада. Датой его рождения принято считать 1141 год. Однако анализ одного автобиографического указания, содержащегося в поэме «Хосров и Ширин», позволяет сделать иной вывод. В главе «В оправдание сочинения этой книги» говорится:

Мой знаешь гороскоп? В нем — лев, но я сын персти,
И если я и лев, я только лев из шерсти.
И мне ли на врага, его губя, идти?
Я лев, который смог лишь на себя идти!

Из этих строк явствует, что поэт родился «под знаком» созвездия Льва. В другом месте он указывает, что в начале работы над поэмой ему было сорок лет, а он начал ее в 575 году по мусульманскому (лунному) календарю. Значит, Низами родился в 535 году. В этом году солнце находилось в зоне созвездия Льва с 17 по 22 августа. Переводя эти данные на современное летосчисление, мы с достоверностью устанавливаем, что Низами родился между 17 и 22 августа 1140 года.

Низами — прозвище поэта, и означает «упорядочиватель слов». Собственное его имя было Ильяс. Отца поэта звали Юсуф, дед имел прозвище Заки ад-Дин, а прадед — Муайяд фид-Дин. Подобные прозвища на средневековом мусульманском Востоке давали выдающимся представителям ученого сословия и духовенства. Как видно, поэт рос в культурной и довольно знатной семье. Кстати, и мать его, «курдская госпожа» (или «курдская княжна»), также происходила из знатного рода.

Дядя поэта Омар, имевший титул хадже, который в те времена присваивался высшим сановникам государства, по-видимому, служил при дворе атабеков — правителей Азербайджана в Гяндже.

Несмотря на свою родовитость, семья Низами, очевидно, не обладала большим достатком. Все же она нашла возможность дать юноше блестящее для того времени образование. Еще в детстве он выучил Коран, который впоследствии неоднократно цитировал в своих произведениях, мусульманское право, предания о Мухаммаде и весь комплекс дисциплин, входивший в круг «адаб» — «образованность». В те времена для продолжения учения представители состоятельных семей, как правило, отправлялись в знаменитое училище «Низамийя» в Багдаде или в Дамаск, Мекку, Каир и другие города.

Однако Низами никуда не ездил, он продолжал пополнять свое образование в родном городе, благо что в 50-х годах XII века в Гянджу со всех стран стекались крупнейшие ученые, поэты, писатели, зодчие и т. д. Книжки, которые читал поэт, то есть рукописные копии произведений по самым различным областям науки, написанные в самых отдаленных краях мусульманского мира, переводы, интерпретации античных авторов, поэтические сборники арабоязычных и персоязычных авторов, украшали библиотеки Гянджи и были доступны поэту. Он систематически изучал арифметику, алгебру, высшую математику, геометрию, астрономию, химию, минералогия, медицину, логику, географию, историю, поэтику, стихосложение и т. д.

Познания Низами в области астрономии поражают даже современных специалистов. В своих поэмах («Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и других) поэт перечисляет и профессионально характеризует такие небесные светила, многие из которых стали известны европейской науке лишь после открытия телескопа.

Шарообразность земли, автономность каждой планеты («каждая звезда — отдельный мир, который имеет свою землю и небо»), строение «вечно крутящегося небосвода», «закон сохранения вещества», «вечность мироздания», «сущность и структура всех четырех стихий» и т. д. — все было известно его пытливому уму. Ему было известно также, что Сатурн имеет свое кольцо, которое в Европе было открыто гораздо позже Галилеем.¹ Низами, понятно, не сам дошел до этих истин, но его знания свидетельствуют о том, что он был в курсе всех достижений науки своего времени. Как говорил поэт, он «за короткую жизнь прочел все науки от кольца Сатурна до центра земли и стал морем знаний всех предметов».

В отличие от большинства своих современников Низами занимался астрономией не ради предсказания судеб, а ради постижения тайн природы. Он не верил в астрологию, в звездочетов, которые неизменно входили в свиту царей и правителей, открыто отрицал всеобщую веру во влияние звезд на человеческую судьбу. Он писал:

Разве доброе и злое людям от светил?

Сами звезды под влияньем злых и добрых сил...

...Среди многих звездочетов разве ты встречал

Одного, что путь по звездам к кладу отыскал?

(«Семь красавиц»)

---

¹ См.: Г. Д. Мамедбейли, Низами как передовой ученый своего времени. — «Низами. Сборник первый», Баку, 1940, с. 103—107.

Во времена поэта термин «алхимия» обозначал мистическую веру в химические соединения, которые отождествлялись со ступенями духовного развития человека, «науку» превращения одних элементов в другие, например меди в золото и т. д., и вместе с тем науку, занимавшуюся строением материи, исследованием ее структуры экспериментальным методом. Отвергая фантастический аспект алхимии, Низами ценил ее второй аспект. В его сочинениях часто встречаются специфические химические термины и описания химических анализов. Он так говорил об этой науке: «У того во власти находится химия, кто не поддается на уловки алхимиков».

Необычайно глубоки и разнообразны были его познания и в области медицины. Он хорошо знал труды античных врачей Галена (Джалинуса), Гипократа (Буграта), замечательные достижения мусульманской медицины и фармакологии (Рази, Исхака ибн Хунайна, Авиценны и других). Рецепты и советы, преподанные Низами для поддержания здоровья, нередко поражают современных медиков.

Поэт специально изучал и историю культурных народов, древних и средневековых. Он хорошо знал историю античного мира, арабского халифата, доисламскую историю иранских народов, историю и этнографию многочисленных тюркских племен, рассеянных на огромном пространстве от Китая до Средиземного моря. Ему были известны «Республика», «Законы», «Тимейос» Платона, труды Аристотеля, трактаты Архимеда, Евклида, Гермеса Трисмегиста, Фалеса Милетского, Аполлония Тианского, Порфирия Тирского и т. д. Как свидетельствуют многочисленные данные, настольными пособиями поэту служили труды ат-Табари, ал-Балазури, ал-Йакуби, Ибн-Кутайбы, Бальами, Ибн-Фадлана, Масьюди и других арабоязычных и персоязычных историков, откуда черпал он свои знания о разных народах.

Низами пополнял свое образование и за счет тесного общения с представителями различных народов — с грузинами, армянами, евреями, русскими. Так, сведения о Руси черпались им не только из книг, но и, без всякого сомнения, из бесед с русскими купцами, которые были основными поставщиками пушнины на гянджинский рынок. Приведенные в поэме «Искендер-наме» («Книге об Александре») русские собственные имена «Чудра», «Ерема», «Купал», слово «князь», конечно, были почерпнуты поэтом в живом общении.¹

В своих произведениях поэт обнаруживает знание Библии и

---

¹ Об искажении русских имен в рукописях произведений Низами см.: Рустам Алиев, О проблеме восстановления подлинных текстов произведений Низами. — «Литературный Азербайджан», 1979, № 8, с. 129.

христианской литературы. Тут, видимо, ему помогали многочисленные христианские ученые армянского, греческого и грузинского происхождения, постоянно жившие в Гяндже. Ведь Гянджа издавна славилась как международный город. Еще в X веке арабский географ и путешественник Ибн-Хаукал писал о ней: «Город Джанза красивый, богатый и населенный. Это поселение, заполненное людьми до тесноты, и жители его щедры, мягкого нрава, благорасположенные, ласковые и любящие иностранцев и ученых». ¹

Видимо, поэт знал некоторые языки христианских стран. В «Искендер-наме» он прямо указывает на это:

Много слов золотых в разных списках сверкало,
А тех списков, мной найденных, было немало.

В каждом списке сыскал ценных множество слов
И в убранство стиха я облек свой улов.

В письменах пехлевийских читал я указы,
За еврейскими взял христианские сказы.

Прежде чем приступить к написанию какой-либо поэмы, Низами вел тщательную, долгую подготовительную работу. Он добывал из самых отдаленных уголков мусульманского мира рукописи, сопоставлял их и лишь после всестороннего освоения темы приступал к ее поэтической обработке. Так, в начале поэмы «Семь красавиц» поэт пишет:

Но, творенье создавая, всё же я хотел,
Чтобы блеском небывалым сказ мой заблестел.

Углубился я в сказанья, стал вникать во тьму
Тайн, рассеянных когда-то по свету всему.

На арабском прочитал я всё и на дарӣ,
Книгу Бухари прочел я, книгу Табари.

Чтобы не было пробелов, не было потерь,
Переполненных хранилищ отпирал я дверь.

Пехлевийские в подвалах свитки я искал,
Со свечою — по листку их бережно сшивал.

И когда все книги предков изучил я сам,
Изощрился, окрылился быстрый мой калам.

---

¹ В. Н. Левинатов, Эпоха Низами. — «Низами. Сборник первый», с. 50.

Здесь трудно очертить круг познавательных интересов Низами. Его интересовали и глобальные проблемы мироздания, и частные вопросы строения материи, причины образования гор и океанов и мельчайшие изгибы человеческой души. Результаты своих наблюдений он всегда вкладывал в уста героев, философов и мыслителей прошлого, образы которых он воссоздал в своих творениях. Поэт оставался в пределах опытного знания до тех пор, пока его пылкий ум не останавливался перед проблемами, неразрешимыми таким путем, и лишь в трактовке этих проблем его сознание апеллировало к религии.¹

Молодой Ильяс еще с юношеских лет увлекался поэзией. Кроме своего родного азербайджанского, который тогда назывался тюркí (тюркский), Низами блестяще владел арабским и персидским языками. Если тюрки служил обиходным, разговорным языком (основная масса населения Гянджи и всего Аррана была тюркоязычной), то арабский был языком науки и религии, а персидский служил его поэтическому творчеству. Он изучал и запоминал стихи до- и послеисламских арабских поэтов и писателей: Имр ул-Кайса (500—540), ал-Ахталя (640—710), ал-Фараздака (641—732), Джарира (653—733), Башшара ибн-Бурда (714—784), Абу Нувваса (762—813), Ибн ал-Мукаффы (724—759), Сахл ибн-Харуна (VIII век), Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (897—967), Ибн-Кутайбы (828—889), ал-Джахиза (775—868), ал-Мутанабби (915—965), Ибн ал-Мутацца (863—908), Абу-л-Ала ал-Маари (973—1058) и других, следы знакомства с творчеством которых можно обнаружить в произведениях поэта. Еще основательней Низами изучал персоязычную литературу. Творения великих Рудаки (ум. в 940) и Фирдоуси (936—1020) были его настольными книгами. Он изучал и творчество таких выдающихся мастеров слова газневидского двора, как Унсури (ум. в 1040-х годах), Фаррухи (ум. в 1037 или 1038), Манучихри (ум. в 1040 или 1041), Масуда Са'да Салмана (1046—1121), поэтов Санан (1080—1131), Ансарн (1006—1089), поэтов сельджукского двора: Му'izzi (XI век), Фахр ад-Дина Гургани (XI век), великолепного мастера касыды Анвари (ум. в 1187), виртуоза четверостиший Омара Хайяма (1049—1121) и других поэтов. Особое внимание он уделял творчеству своих соотечественников, которые в середине XII века первенствовали в литературе Ближнего и Среднего Востока.

Низами были известны не только шедевры творчества Катрана Табризи (1010—1085), Абу-л-Ала Гянджеви (XII век), Фалаки Ширвани (1108—1146), Изз ад-Дина Ширвани (XII век) и, наконец, непревзойденного мастера касыды Хагани (ум. в 1199). Он знал

---

¹ См. об этом: Е. Э. Бертельс, Низами и Физули, М., 1962, с. 109.

многие их стихотворения наизусть. Ведь в те времена существовало неписаное правило: молодые поэты, прежде чем приступить к сочинению собственных стихов, обязаны были выучить наизусть двадцать тысяч строк из произведений классиков и десять тысяч строк современников.

Низами начал пробовать свои силы на поэтическом поприще уже в юношеские годы. Громадное поэтическое дарование помогло ему, еще совсем молодому человеку, очень быстро завоевать большую популярность среди читателей. На это поэт указывает неоднократно. Его нежные лирические газели распевались во многих городах не только Азербайджана, но и в Средней Азии и Иране. Перед поэтом открывалась блестящая возможность придворной карьеры.

В его произведениях содержится несколько прозрачных намеков на то, что когда-то, по молодости лет, он чуть было не поддался искушению блестящей придворной жизни. Но, быстро очнувшись от этих соблазнов, он признал, что все мирское преходяще, что «небосвод этот — лишь старая вдова, а мир этот — пожелтевший плод» и, следовательно, не стоит привязываться к «тленному и преходящему». Чтобы подавить в себе «мирские страсти», он в молодости занимался «подвижничеством», «воспитанием своей плоти».

В конце 60-х годов произошло важное событие в жизни Низами. В руки правителя Дербенда Дария ал-Малик ал-адил Музаффара сына Мухаммада сына Халифа (правил примерно с 1155 по 1170 год) попала юная пленница, тюрчанка из кыпчаков, по имени Аппак («белая», «беленькая», в арабской передаче: Афак, ибо в арабском языке нет звука «п»). Музаффар, соблазнившись красотой девушки, хотел, как это было принято в те времена, украсить ею свой гарем. Но свободолюбивая, гордая, целомудренная Афак, как и все ее соплеменницы, принявшие ислам и еще не успевшие отвыкнуть от своей былой независимости и свободы (об этом поэт напишет впоследствии подробнее, во второй книге «Искендер-наме»), не покорилась воле правителя Дербенда. Ни его уговоры, ни подарки, ни угрозы не могли сломить волю Афак — она не поладила со своим господином.

Не сумев покорить целомудренную невольницу, Музаффар решил подарить ее поэту в качестве гонорара за касыду. Этим подарком он, может быть, хотел достичь две цели: наказать поэта и посмеяться над ним за его слишком навязчивые наставления и поучения, вручив ему строптивую и гордую рабыню, и вместе с тем унижить и Афак, подарив ее бедному поэту и лишив, таким образом, «шелковых» нарядов и изысканных яств. Однако Музаффар просчитался. Сам того не желая, он оказал литературе огромную услугу: осчастливил великого поэта.

Это событие произошло в 1170 году. Покоренный Афак, тридцатилетний поэт впервые в жизни испытал настоящую любовь. Гордую и красивую «тюрчанку» Низами ввел в свой дом не как невольницу, а как законную и почитаемую жену.

Афак не была образованна, но зато, как вспоминал поэт, бня обладала незаурядным умом, внутренней культурой, прекрасно знала народные сказания и песни, героические легенды своего народа. Ее рассказы об обычаях и нравах соплеменников позднее нашли отражение в поэмах Низами.

Афак сыграла заметную роль в судьбе поэта. Она вдохновила его на создание пленительных женских образов Ширин, Нушабе, Нистандарджихан. В 1174 году Афак подарила поэту сына Мухаммада. Эти годы, годы любви и семейного счастья, были самой светлой порой в жизни поэта. В этот период он как бы обрел себя, достиг совершенства в избранной им миссии глашатая социальной справедливости. У него окончательно сложились общественные идеалы и художественные навыки, эстетические воззрения. Молодой поэт решил систематизировать свои гуманистические взгляды в едином произведении. Примерно во второй половине 1176 года он приступил к созданию своей первой дидактической поэмы «Сокровищница тайн» («Махзан ал-Асрар»). Поэт завершил ее, как он сам указывает в конце сочинения, в 1177 году.

В 1178 или 1179 году Афак умерла. Ее смерть нанесла Низами глубокую рану. Описывая смерть главной героини поэмы «Хосров и Ширин», где Низами возвеличил женщину, которую в мусульманском мире оценивали лишь как продолжательницу рода и источник наслаждения, поэт с глубокой душевной болью говорит о своей покойной супруге. В своей последней поэме («Искендер-наме») он вспоминает ее так, будто совсем недавно расстался с ней.

Потеряв Афак, поэт перенес всю свою любовь на сына Мухаммада, воспитанием которого он занимался лично. В большинстве своих поэм Низами посвящал сыну специальную главу под названием «Наставления моему сыну Мухаммаду». Эти наставления имеют важное значение для понимания педагогических взглядов поэта. Нравственные идеалы, которые Низами хотел привить своему сыну и всему подрастающему поколению, отличаются удивительной чистотой, благородством и общественной значимостью.

В 1180 году Низами приступил к сочинению поэмы «Хосров и Ширин», а в 1188 году завершил свой другой шедевр — поэму «Лейли и Меджнун». В 1197 году Низами закончил поэму «Бахрам-наме», вошедшую в литературный обиход под названием «Семь красавиц».

Работа над «Искендер-наме», самой большой и самой монументальной поэмой, протекала в последние годы жизни поэта. В 1199 го-

ду первая ее часть «Книга о славе» («Шараф-наме») была готова, а в 1201 году была завершена и вторая часть — «Книга о счастье» («Икбал-наме»).

Дата смерти Низами до сих пор оставалась проблематичной. Однако существуют данные, позволяющие решить этот вопрос.

Кто-то из близких Низами лиц, быть может его сын, описал кончину поэта и включил эти строки во вторую книгу романа об Искендере, в главу, посвященную смерти античных философов — Платона, Сократа, Аристотеля. В этом описании указан возраст автора «Искендер-наме»:

Шестьдесят было лет и три года ему,
И шесть месяцев сверх, — и ушел он во тьму,

Всё сказав о мужах, озарявших своими
Поченьями всех, он ушел вслед за ними.

Если 63 с половиной лунных года выразить в современном летоисчислении (лунный год на 10 дней меньше солнечного), то довольно точно устанавливается, что поэт умер в июне 1202 года.

Творческая деятельность Низами началась с лирики, главными видами которой были газели и касыда. Из-за отсутствия хронологических данных мы почти лишены возможности выяснить, к какому этапу творческого пути поэта относятся те или иные газели и касыды, ибо он продолжал писать их до конца жизни. Уже в 1188 году, как видно из поэмы «Лейли и Меджнун», Низами был автором «Дивана» (сборника стихотворений), включавшего в себя, по утверждению некоторых средневековых биографов поэта, около двадцати тысяч строк. Однако до нас дошло всего около двух тысяч строк, причем принадлежность поэту многих из них оспаривается.

Газель коренным образом отличается от других форм лирики. Когда-то она составляла вступительную часть касыды (насиб), воспевала картины природы, передавала разнообразные чувства поэта. Со времени Низами тематика газели сузилась и застыла в своем развитии. Сложилась устойчивая модель этого жанра, подтвержденная сотнями тысяч написанных на протяжении десяти веков газелей. Если упростить расстановку «персонажей» и обобщить конкретные лирические ситуации в газелях, то можно получить типичную схему ее содержания: а) герои стихотворения — поэт и его избранница; б) он безумно любит ее и готов ради нее на всевозможные жертвы, включая саму жизнь; в) она восхитительна в своей несравненной красоте и почти всегда недоступна либо лукава и коварна; г) из-за препятствий в любви герой несчастен и неимоверно страдает.

Конечно, допускались и значительные отклонения от схемы, часто в газели появлялись и другие «персонажи» — соперники, за-

вистники, советчики героя и т. д. Но все они — не столько живые люди, сколько понятия, превратившиеся в своеобразный художественный ассортимент.

Как известно, любовь — одна из главных тем художественной литературы, причем обогащение этой темы очень часто идет от живого опыта жизни. В газели трактовка любовной темы почти не зависит от него. Здесь существуют свои законы любовных переживаний, которые нисколько не изменились со времен Рудаки и чуть ли не до наших дней. Что же заставляло гениальных поэтов Востока, глубоких знатоков самых затаенных уголков человеческой души, на протяжении многих веков творить в этой стеснительной и застывшей форме, в которой они тем не менее создавали изумительные шедевры лирики? Дело в том, что каноны газели предписывали также и обновление художественных образов, разнообразие в их варьировании и в компоновке.

Именно потому в газели зачастую нет единой сюжетной ситуации, нет даже логической последовательности между отдельными бейтами (двустушиями), нет перехода от одного стиха к другому, нет развития. Каждый бейт или группа бейтов в газели — миниатюрная картина, сотканная из тонких, словно кружево, словесных узоров. Единственное, что объединяет отдельные стихи газели, — это рифма и размер, которые и составляют ее внешнюю рамку. Именно благодаря этим особенностям, газель — специфическая форма поэзии — абсолютно не похожа на другие формы лирики.

В силу установившейся традиции с ее жесткими правилами газели подавляющего большинства восточных авторов, даже самых выдающихся, редко служат выражением реальных чувств и переживаний. Лирические стихи Низами в этом отношении существенно отличаются от газелей его современников. Они проникнуты чувствами и настроениями, вышедшими из глубин внутренней жизни поэта. Многие из его газелей созданы не для исполнения под музыку, а по тому или иному случаю, как исповедь души, освобождающей от нахлынувших на нее чувств — грусти, надежды, радости:

Расступился черный мускус, и она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.

Луноликая спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с Луны срывая, розы обожгла вчера.

На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам — влажная — сошла вчера.

И покоились мы рядом. Пробудилось — и бегом
Счастье резвое пустилось, чуть сгустилась мгла вчера.

«Ухожу! — она сказала. — Что мне дать в залог тебе?»
— «Поцелуй», — я той ответил, что мне жизнь дала вчера.

И еще одна особенность Низами. Читателю предлагается маленький рассказ-исповедь, в котором представлены и последовательное движение событий, и их итог — черта большого художника, великого мастера в построении сложных произведений, что с такой силой сказались в эпосе Низами.

Лирика поэта носит жизнеутверждающий характер. В ней он воспевает, несмотря на невзгоды и огорчения, красоту жизни. Жизнь прекрасна при всех ее страданиях, муках, неразделенной любви, при всех заботах о хлебе насущном, и каждый человек должен воспитывать в себе чувство прекрасного, тонкое восприятие природы. Низами призывает своих читателей ценить молодость, не тратить жизни в постах и молитвах ради надежды на райские блаженства:

Готова молодость твоя откочевать, схвати ее.
Родную кинувший страну, скажи мне: где пути ее?

Затем согнулись старики, давно изведавшие мир,
Что ищут юность; глядя в прах, всё мнят в пыли найти ее.

Зачем бросаешь ты, скажи, на буйный ветер жизнь свою?
Припомни вечность. Надо здесь тебе приобрести ее.

Подлинный переворот совершил поэт в содержании касыды, одного из древнейших и интереснейших жанров лирики, во времена Низами превратившегося в изысканный и помпезный панегирик власти имущим. Согласно заведенному порядку, при дворах султанов, шахов, правителей содержался специальный «штат» стихотворцев во главе с «царем поэтов» (мэлик-уш-шуара), чьи обязанности заключались в перевозке несуществующих доблестей правителя, в утверждении его морального права на господство. Среди таких стихотворцев было немало даровитых мастеров слова, растративших, по выражению Низами, свой «божественный талант ради презренного золота».

Отказавшись от придворной карьеры, поэт отказался следовать и за придворными авторами касыд. До нас дошло всего пять его касыд, и каждая в своем роде является шедевром.

К типу панегирической касыды может быть отнесено только одно стихотворение Низами «Зри: сидит Султан Каабы, семь стран света — Его трон...» Поэт, всю жизнь мечтавший совершить хадж (паломничество в Мекку) и не имевший на то средств, обратился в этой касыде к атабеку Нусрат ад-Дину Абу-Бакру. Но и тут он

проявил большее разнообразие, чем требовалось. Среди неизбежных в таком случае комплиментов, занимающих, кстати, сравнительно скромное место в стихотворении, поэт не преминул под видом похвалы намекнуть на «кроткий» нрав могущественного адресата:

Ты врагов смиряешь гневом без плетей, оков и тюрем.
Тот, кого ты ненавидишь, без кинжала умерщвлен.

В других касыдах вместо пышных дифирамбов власть имущим Низами проповедует защиту обездоленных. Он призывает правителей не притеснять и не грабить свой народ:

Непосильна справедливость, обуздай хотя б насилье,
Помни: тот, над кем ты властен, — человек, а не баран. . .

. . . Не лишай подвластных хлеба, не лишай воды поля их,
Чтобы ангелам на радость дань тебе платил шайтан.

*(«Слышишь, звякнул бубенцами в путь
готовый караван. . .»)*

Угрожая неотвратимым возмездием, даже днем Страшного суда, поэт увещевает властителей не творить беззаконий, не лить кровь своих подданных:

Не прочно царство у того, кто кровь ему подвластных пьет,
Луна кровь солнца пьет, и вот ей лик пятнают синяки.

Спешి пополнить свой амбар хотя б крупницей добрых дел.
И от невзрачного зерна тучнеют хлебные мешки.

Но те, кого ты угнетал, — страшись! — поднимут в Судный день
Над грешной головой твоей неумолимые клинки.

*(«Уж время шашками закрыть шесть клеток
мировой доски. . .»)*

Прочие касыды очень интересны тем, что поэт говорит в них о себе. Необычно, почти как элегия, звучит стихотворение «Я долго шел по лугу лет, и сгорбилась моя спина. . .». Но особенно поразительна касыда «Я царем царей в державе мудрых мыслей. . .». Поэт создает в ней духовный автопортрет. Эта касыда — думы вслух, думы, заключенные в такие звучные, торжественные строки, что знаток персоязычной литературы получает от чтения ее такое же наслаждение, какое получает истинный ценитель музыки от симфоний Бетховена или органных произведений Баха. Каждая из двух частей касыды написана с полярно противоположной позиции: безудерж-

ному самоутверждению первой части противостоит столь же крайнее саморазвенчание второй, так что «подведение итога» как бы оставляется на усмотрение читателя.

Таким образом, во всех разновидностях касыды Низами выступает как замечательный реформатор этого жанра.

2

Первая поэма Низами «Сокровищница тайн» (1177) посвящена изложению его философских и этических взглядов. Слова «мардоми», «адами», «адамайат» еще до Низами употреблялись в персидском языке в смысле «человечность», «человечный». Однако в творчестве Низами они стали обозначать целостное и подробно развитое гуманистическое учение. «Сокровищница тайн» состоит из двадцати «Речей», нескольких самостоятельных глав и традиционных, обязательных славословий Аллаху и пророку Мухаммаду, помещенных в качестве вступления к поэме. В двух самостоятельных разделах¹ поэт излагает свои взгляды на природу, говорит о миссии художественного слова и о превосходстве стихотворного сочинения над прозаическим.

Далее следует исключительно важный раздел, который представляет собой как бы преамбулу, предвещающую основную тему произведения. Называется этот раздел «О наступлении ночи и значении сердца». Хотя обязательной последовательности в расположении «Речей» нет, но они посвящены двум сторонам одной проблемы: человеку как индивидуальности и человеку общественному. Поэт анализирует сущность человеческой природы, психологию индивида, а в беседах об обществе излагает свою философию.

Первая «Речь» посвящена раскрытию сущности любви (эшк), которая является первопричиной бытия. Она была создана богом до сотворения мира. Создав ее, творец тем самым заложил основу бытия. Любовь — величайшее преимущество человека, возвышающее его, наряду с разумом, над всеми творениями бога, даже над ангелами. Сердце — вместилище этого божественного чувства, «без которого смерть иссушит мир», которое «заставляет янтарь притягивать к себе солому», «огнепоклонника обожать огонь», а «мусульманина обращаться лицом к Каабе». Человек состоит из двух начал — духовного и телесного, его природа двойственна:

Он и чистый и мутный, хоть золото в нем засияло,
Он и камень для пробы, и он же — пытливый меняла.

---

¹ «Речь о превосходстве слова» и «Превосходство речи, нанизанной в должном порядке, перед речью, подобной рассыпанным жемчугам».

Духовный мир управляется разумом и любовью. Телесный же мир противоположен духовному, ибо в нем безраздельно властвуют такие «хищники, как желудок, печень, желчь, легкие, почки, селезенка» и т. д., назначение которых — поддерживать жизнь организма. Биологические инстинкты, которые Низами называет «низменными страстями», по природе своей прожорливы, ненасытны и требовательны, но без удовлетворения их немыслима жизнь. Если полностью подавить чувство голода, холода, жажды и т. д., то наступит конец жизни, которая ведет вечную, непрерывную борьбу со смертью. Вместе с тем неперенное условие существования человека — совместный труд с себе подобными, жизнь в обществе. Однако вся трагедия человеческого общежития заключается в том, что люди не научились до сих пор управлять своими страстями и создать такое сотрудничество, при котором продукты совместного труда распределялись бы равномерно, а инстинкты всех индивидов, составляющих общество, удовлетворялись бы одинаково, в разумных пределах. На основе своего учения о разуме и телесных страстях поэт создал удивительно стройную, хотя и наивную, социальную теорию, которая предвосхитила на много столетий мысли выдающихся социалистов-утопистов — Кампанеллы, Т. Мора и других.

Низами утверждал, что источник всей неустроенности на земле, невзгод и бедствий — социальное неравенство, при котором одни члены общества чрезмерно подавляют естественные потребности и влечения, а другие, составляющие его меньшинство, за их счет ненасытно расширяют свои вожделения и притязания. Следовательно, главная забота общества — воспитание инстинктов, разумное их ограничение и подавление ради сбережения духовного богатства. Обозревая доступную ему часть человеческой истории, анализируя законы природы, поэт стремился внедрить в сознание людей ту печальную истину, — которая давно уже была излюбленной темой философской поэзии народов Ближнего и Среднего Востока, — что земной мир изменчив и скоропреходящ.

Богатство и могущество, власть и роскошь, безудержное улаживание своих страстей, сознание собственного превосходства над другими — словом, все то, что обольщает людей, не одаренных светом разума, — не могут возвысить человека над животными, приобщить его к счастливому чувству вечности.

Проповеди поэта обращены к власти имущим, к сильным мира сего, а не к тем, кто был лишен возможности даже минимально удовлетворять свои естественные потребности. Но при этом поэт учит их, не унижаясь, не заискивая, а обращаясь к ним с поразительной смелостью, придает своим словам остроту, которая удивляла последующие поколения читателей.

Он возвещал царям и правителям, что мирские блага — могу-

Щестьво, богатство и мнимое величие — ничто в сравнении с подлинным величием человека, бросающим на него свет божества. Единственное, что может превратить человека в частицу божественной субстанции и сделать его, таким образом, нетленным, это «адамийат» — человечность, гуманность. Наделенный разумом человек должен воспитывать свое тело, подавлять плотские страсти, очищаться от «телесной мути», и тогда он может стать подлинным человеком. Наиболее эффективным средством обуздания инстинктов поэт считал подвижнический образ жизни, воздержанность во всем, переклечение всей духовной энергии на созидательный труд, ибо основное назначение человека — созидание, общественно-полезная деятельность.

Обуздав с помощью планомерного воспитания низменные страсти, очистившись от «телесной мути», облагородив свои инстинкты, человек должен посвятить себя службе обществу, народу. Подобным проповедям посвящены несколько «Речей» (2, 4, 9, 10, 12-я и другие). Поучения этих «Речей» иллюстрированы многочисленными притчами. Так, например, после «Речи о справедливости и правосудии» поэт приводит рассказ, который самой логикой своих событий подкрепляет убедительность поэтических деклараций. Притча эта называется «Повесть о Нуширване и его визире». Во вступительной части той же «Речи» поэт следующим образом обосновывает один из разделов своего учения, обращаясь к царям и султанам:

Вознеси правосудье — и всех осчастливишь людей.
Угнетателей свергни. Об этом бессменно радей...

... Угнетающий царство — его разрушает, а тот,
Кто внимателен к людям, его к процветанью ведет...

... Притесняя подвластных, ты править страной не сумеешь.
Лишь призвав правосудье, ты царством своим овладеешь.

Продолжая эти мысли в других «Речах», все настойчивее проповедуя мудрое, справедливое правление, иллюстрируя эти поучения рассказами из жизни тиранов или справедливых царей, Низами заявляет, что прежде всего нужно обути, одеть и накормить людей и создать нормальные условия труда:

Убивать ты не должен больших или малых, ведь виру
Ты за кровь не отдашь и страданья не надобны миру.

И плохие и добрые чтут повеленье твое,
И в плохом и в хорошем они — отраженье твое.

Те, кого ты обуешь, дадут тебе шапку за эфё.
Чью ты тронешь завесу — твоя будет так же задета.

На протяжении всего произведения поэт тиранам-правителям противопоставляет простых людей — землешапцев, городских тружеников, зодчих, ученых, искусных мастеров, тех, кто создает все мирские блага. Яркой иллюстрацией этой мысли может служить рассказ о старике кирпичнике.

Гармоничное общество будет установлено лишь тогда, когда благотворная сознательность овладеет душами власть имущих, когда сердца их будут очищены от всякой телесной скверны — от всех низменных страстей, от похоти, чревоугодия, алчности, зависти, властолюбия. В начале поэмы Низами создает образ своего сердца и повествует о том, как он вошел в его божественный чертог, как увидел в нем чудесный мир прекрасных идеалов, лучезарной любви, где покорно и послушно сидели «семь халифов», т. е. семь телесных органов, порождающих те или иные биологические инстинкты. Выслушав напутствия сердца, поэт постиг одну истину, изложению которой он посвятил свою поэму. Истина эта сводится к тому, что великое счастье достижимо и на земле:

Коль человек ты, послушай речь мою:
Не только в небесах, но ты и здесь — в раю.

Одна из интереснейших мыслей, во многом обуславливающих звучание поэмы, — это мысль о глубоком сродстве человека и природы. Взаимоотношения людей с окружающей средой интересовали мусульманских философов еще в VIII—IX веках. Впервые же эта тема получила свое художественное освещение в произведениях Низами. В «Сокровищнице тайн» он уделил ей целую главу. По учению поэта, вся природа — цельный, неделимый организм. Каждый член этого организма выполняет свою, отведенную ему творцом функцию. Повреждение любого звена в цепи принесет вред всему организму, пагубно отразится в конечном счете и на судьбе человечества. В природе нет ни одной твари, лишенной ценности, животные обладают, так же как и люди, телом и душой. Они в чем-то похожи на них, хотя стоят на низшей ступени развития. И потому человек должен заботиться о животных, растениях, о земле, о чистоте источников. Для иллюстрации этой мысли поэт приводит великолепный рассказ о легендарном царе Фаридуне и газеленке. Фаридун на охоте с вожделием преследует красивого газеленка, но конь не может догнать его, стрела не может попасть в цель. Царь начинает осуждать коня и стрелу, и вдруг они, обретя дар человеческой речи, возвещают ему, что нельзя уничтожать бессловесную

божью тварь, ибо, истребляя ее, человек истребляет природу, частью которой является сам, обедняя себя, он уничтожает в себе чувство красоты и свое духовное богатство.

3

«Сокровищница тайн» принесла ее автору громкую славу. Однако вскоре сам поэт понял, что дидактическая, нравоучительная форма — не самое эффективное средство для пропаганды его гуманизма. Он решил избрать иной жанр, с помощью которого можно было бы сильнее увлечь сердца читателей, привить им свои идеи более надежным и более доходчивым способом. Для определения такого художественного явления, как «Хосров и Ширин», обычные жанровые понятия — эпос, поэма, роман и другие — совершенно недостаточны. Восточный термин «дастан» ввиду широты своего значения (повествование, сказание, поэма) в данном случае также выглядит весьма приблизительным. Все же отсутствие подходящего жанрового определения может быть отчасти восполнено двойным термином «роман-поэма».

По сложности своего построения, по богатству человеческих образов, событий, крутых поворотов в их развитии произведение Низами может поспорить с известными сюжеторазветвленными романами нового времени. В этом отношении азербайджанский поэт на много веков предвосхитил достижения мировой художественной классики. Но, пожалуй, важнее другая сторона дела — метод обрисовки главных и второстепенных героев, смысловая насыщенность сюжета. Последний, выражаясь словами М. Горького, концентрирует в себе «связи, противоречия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей». ¹ Достоин удивления, что в этом раннесредневековом произведении фантастический элемент играет совершенно ничтожную роль — все зарождается и движется естественным путем. Основной принцип сюжетостроения Низами — саморазвивающееся действие, пружинами которого служат страсти, интересы, положения и характеры персонажей, наконец, те обстоятельства, в которые они поставлены.

Некоторые художественные особенности «Хосрова и Ширин» позволяют наметить аналогию с «Евгением Онегиным». Однако пушкинский «роман в стихах» отличается по характеру своей лирической атмосферы, и отличается весьма существенно. Величественный, монументальный лиризм Низами имеет своим объектом предметы универсального, священного и общепhilosophического значения. К тому же этот лиризм тесно связан с традицией героического эпоса.

---

¹ М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 27, М., 1953, с. 215.

Именно этот неиссякаемый лиризм, который так часто согревает авторское повествование, придает ему торжественный блеск, эта богатейшая орнаментальность стиля и музыка стиха заставляют рассматривать «Хосрова и Ширин» и как особый вид поэмы, точнее, как роман-поэму. О воссоздании реальных характеров на реальном фоне жизни, об отборе из многочисленных фактов лишь тех, которые помогают обнажить движения души, о своей ответственности за каждое слово, наконец, о правдивости своего изображения жизни поэт высказался в специальном разделе поэмы «О проникновении в сущность сей книги». Здесь, наряду с другими творческими декларациями, поэт утверждает, что он не отступает от действительности:

Хоть всё вмещать в слова живущим и дано
И может в их ключе всё быть заключено, —

Но если отражать в них истину мы можем,
То небылицы мы с их помощью не множим.

Сюжет романа-поэмы имел под собой историческую основу. Хосров — один из последних императоров домусульманского Ирана из династии Сасанидов. Он вступил на престол в 590 году и был убит своим сыном Шируйе в 628 году. Ширин была одной из его жен и происходила из древней столицы Азербайджана (Аррана) г. Барды из мелкого княжеского рода, который был в вассальной зависимости от Ирана.

Как указывал поэт, он отнюдь не собирался писать историческую хронику и воссоздавать биографии Хосрова и его возлюбленной супруги Ширин. История служит поэту материалом для изображения человеческих характеров, важных для постижения глубинной нравственной сущности жизни.

Главные герои произведения — прекрасная Ширин, царевич (а затем царь) Хосров, искусный ваятель и каменотес Ферхад. Место действия — древний Иран (с его столицей Медани) и Арран (со столицей Барда).

Арраном правит могущественная и добродетельная царица Михин-Бану, у которой есть племянница по имени Ширин (Сладкая). Ширин воспитана в обычаях своей родины: она свободолюбива и независима, прекрасна и нежна, образованна и начитанна, обладает великолепным слухом и слагает стихи, она исключительно отзывчива, ласкова, умна и всегда печется о благе тех, которые служат ей, — ведь она наследница трона. А став царицей Аррана, Ширин приводит страну в порядок, превратив справедливость и правосудие в политику своего правления. В стране благодаря ей царят благоденствие и мир.

Внутренне созревшая для пылкой, всепоглощающей любви, для бескомпромиссных чувств, добродетельная Ширин влюбляется в Хосрова. С этого времени любовь к нему становится единственной целью жизни, источником самых благородных помыслов и начинаний.

Наследник иранского престола Хосров рос прекрасным и статным юношей. Он превосходил в ловкости, смелости, красноречии своих сверстников. Его благородная внешность, остроумие восхищали всех. Он любил проводить время в веселье, в обществе красивых певиц и музыкантов. Наслаждения и радости жизни он ценил выше, чем интересы государства или какие-либо высокие нравственные идеалы и мудрость.

Его необыкновенная привлекательность, смелость, изящные манеры, красноречие и остроумие и вначале безупречное поведение все больше покоряют Ширин. Но любовь для нее — священное чувство. Она жаждет Хосрова, готова соединиться с ним и ради этого способна пожертвовать даже жизнью, но только не честью. Для нее женское достоинство — первое условие подлинной любви. Беспредельная любовь к Хосрову не толкает ее на безрассудство, наоборот, укрепляет в ней чувство святости любви, чувство собственной значительности. Близость с любимым должна быть вечной, а не тленной. Ее любовь, мечты о близости питаются чистотой души, возвышенностью помыслов.

Хосров по своей натуре разительно отличается от Ширин. Он знает себе цену, он знает, что он статен и неотразим — ни одна женщина не может устоять перед ним. Он по-своему любит Ширин, но любит ее красоту, ее изящество, стройный стан. Ему не приходят в голову мысли о самоотречении ради любимой. Больше всего на свете он любит себя.

Ширин видит, что Хосров ведет себя легкомысленно не только по отношению к ней, но и к своему долгу перед подданными. Ведь отец Хосрова умер и трон его узурпирован. Ширин ясно предвидела, что Хосров, склонный к забавам и беспечный по природе, глубоко раскается, когда осознает, что он лишился власти — источника его беззаботной жизни, наслаждений и утех. В то же время она предвидела, что, вернувшись к власти, Хосров может забыть ее.

Убедительные речи и мольбы Ширин производят впечатление на Хосрова. Уязвленное самолюбие заставляет его действовать. Но у него нет войска. Он отправляется в Византию и обращается к кесарю за помощью. Кесарь соглашается помочь с условием, что Хосров женится на его дочери Мариам.

Эта ситуация лучше всего выявляет сущность Хосрова. Забыв о Ширин, которой клялся в вечной любви, он соглашается на усло-

вие кесаря. С помощью войск отца Мариам он возвращает себе трон.

Между тем Хосров снова загорается желанием встретиться с Ширин, хотя страх перед Мариам удерживает его. И теперь он поступает сообразно своей натуре. Открывшись Мариам, Хосров просит ее разрешить ввести Ширин во дворец в качестве наложницы, обещая ей, что Ширин во всем будет покорна ей. Более того, руководствуясь своими «нравственными принципами», Хосров через посредство своего друга Шапура уговаривает Ширин встречаться с ним тайно и получает от нее решительный отпор своим домогательствам.

С каждой следующей главы читатель начинает все более ощущать теснейшее смысловое сродство «Хосрова и Ширин» и «Сокровищницы тайн». Ведь одна из ключевых идей первой поэмы Низами заключалась в утверждении созданного им учения о необходимости подавления или ограничения плотских страстей ради высветления «божественной» сущности человека — чувства бескорыстной и преданной любви, в которой поэт видел могущественный источник гуманизма вообще.

Очень важную роль в развитии этой мысли имеет линия Ферхад—Ширин, контрастно оттеняющая линию Хосров—Ширин.

Ферхад — искусный скульптор, архитектор и каменотес. Его приглашают в замок Ширин и поручают ему прорыть канал через скалы, чтобы пустить по этому каналу свеженадоенное молоко.

Пленительный облик царевны так очаровывает богатыря, что он обещает в месяц выполнить возложенную на него труднейшую задачу. Ферхад полюбил Ширин так же сильно и беззаветно, как она Хосрова. По благородству и возвышенной чистоте чувств он под стать Ширин. Ширин понимает это, глубоко чтит и уважает его, но чувствами она с Хосровом, она любит Хосрова так же, как Ферхад ее. Родство их душ позволяет ей оценить всю глубину чувств, все величие его души. Узнав о любви Ферхада, Хосров ревнует к сопернику и приказывает ему оставить о Ширин всякие помыслы. Беседа с Хосровом — кульминационная точка поэмы.

В конце концов Ферхад гибнет жертвой жестокого и подлого обмана, спровоцированного Хосровом. Потрясенная смертью Ферхада, Ширин горько оплакивает его и строит для него прекрасную гробницу. Любовный поединок Хосрова и Ширин теперь вступает в новую фазу развития. Хосров раскаивается в своем гнусном поступке. Но когда умирает Мариам, он, вместо того чтобы искупить свою вину перед Ширин, наносит ей еще одну рану: женится на красавице Шакар.

Однажды, оказавшись во время охоты близ замка Ширин, Хосров просит принять его. Однако гордая Ширин, оберегая свою честь,

не впускает царя. Между нею и Хосровом происходит объяснение — знаменитый диалог на расстоянии. Удивительно меткие, исполненные чувства собственного достоинства суждения и упреки Ширин, ее нескрываемая любовь и в то же время ее непреклонная решимость заставили Хосрова наконец-то очнуться. Униженный и растерянный, он начинает понимать, что до сих пор по своему легкомыслию он пренебрегал величайшим в мире сокровищем — любовью достойнейшей и прекраснейшей из женщин. Хосров устраивает свадьбу с Ширин по всем правилам старины. К концу поэмы становится ясно, что подлинный герой произведения не Хосров, а Ширин. Ее любовь так глубока и неистощима, что она источает свой свет добра на все окружающее.

Ширин возмущена произволом и гнетом, царящим в подвластной мужу стране, беспечным его отношением к насилию знати над подданными, к грабежам и угнетению, которым они подвергали народ. Ширин высказывает царю горькие истины. Поэт устами Ширин произносит свой приговор царю Хосрову и в его лице — современным правителям-тиранам:

Но их не погуби несправедливым делом,

Страшись! Отшельники молитвословный жар
Вздымают с просьбою о ниспосланье кар.

И старой женщины молитва на рассвете
Тебя за зло твое в тугие схватит сети.

Без пользы закричишь, горé глаза воздев,
Когда тебя сметет их справедливый гнев. . .

Гневно, но в то же время с любовью преподанные советы Ширин оказывают действие.

Хосров окружает себя учеными, старается по справедливости править страной. Но, в то время когда он достигает счастья и облик его нравственно просветляется, на сцену выступает сын Хосрова от Мариама по имени Шируйе (Львенок), унаследовавший все самое худшее от отца. Юноша, воспылавший преступной страстью к Ширин, свергает с престола отца, заключает его в темницу. Но Ширин вместе с супругом готова на любые испытания. Она разделяет с ним и заточение. Хосров же в последние часы жизни показывает себя с самой лучшей стороны. Проснувшись в тюрьме от раны, нанесенной скрывшимся убийцей, он чувствует, что жизнь покидает его. Он хочет разбудить Ширин, мирно спящую рядом с ним. Но ему

приходит в голову, что она много ночей провела в тюрьме без сна и теперь в первый раз забылась. Хосров не хочет лишать ее отдыха и безмолвно умирает. Низами показывает, как изменился эгоистичный, избалованный шах, никогда в жизни не думавший о других и искавший только удовольствий. Хосров поднимается в этот миг до уровня трагического героя. А Ширин остается верной себе: когда тело шаха вносят в склеп, она входит туда, закрывает двери и закалывается кинжалом над прахом своего возлюбленного.

«Хосров и Ширин» — величайший памятник мировой поэзии. Не нужно забывать, что он написан на сто с лишним лет ранее «Божественной комедии» Данте, за полтора ста с лишним лет до сонетов Петрарки, а между тем в нем с неподражаемым мастерством создан образ беззаветно любящей женщины, готовой на смерть ради любимого, но неспособной преступить священный закон чести. Главы о любви Ферхада предвосхищают стихи провансальских и позднее итальянских поэтов вроде Джауфре де Рюделя (XII век), воспевавших безответную любовь. Интересно задуман образ Хосрова — человека с «роем благородных задатков», отдающегося своим страстям, но находящего в конце концов в себе силы под благотворным влиянием Ширин стать иным, более привлекательным человеком и справедливым правителем. Образ Хосрова — живой упрек современным Низами венценосцам, повторявшим недостатки Хосрова, но не достигшим нравственного величия, отличавшего его в моменты высшего подъема духа.

4

Весною 1188 года, когда поэт был преисполнен творческих замыслов, хотя и находился в стесненном материальном положении, к нему прибыл гонец из Ширвана и передал послание ширваншаха Ахсатана I, сына Манучехра. Правитель этого княжества предлагал Низами написать и связать с его именем поэму на сюжет известного на Востоке предания о любви Меджнуна и Лейли. Суля поэту большие награды, ширваншах уверял его, что он не «тюркского происхождения» и не нарушит своего обещания подобно тому, как это сделал некогда «низкородный тюрк» султан Махмуд Газневи в отношении великого Фирдоуси.

Низами поначалу, как он сам рассказывает во вступлении к поэме, скептически отнесся к этому заказу. Он считал, что сказание, созданное народом о Лейли и Меджнуне, — само по себе уже законченное художественное целое, стало быть, «вновь дополнять творенье — смысла нет». Кроме того, ему казалось, что сюжет легенды настолько мрачен, что «облечь его в поэтическую форму — не дело мудрых людей», ибо «иной народу нужен разговор»:

Чтобы слово было сердцем рождено,
Чтобы звенело радостью оно!

Рожденное без радости — мертво.

Но в процессе ознакомления с письменными источниками и устными материалами поэт страстно увлекся преданием. Работа над новой поэмой пошла быстро и легко, а через четыре месяца она уже была готова.

Следует полагать, что главным материалом для Низами послужили не фольклорные версии предания, а письменные источники. До XIII века они существовали только на арабском языке. Легенда о Лейли и Меджнуне зародилась в конце VII—начале VIII века среди североарабских племен — бедуинов. К началу X века относится письменное оформление легенды.¹ Основными письменными источниками, которыми мог пользоваться Низами, являются «Трактат о поэзии и поэтах» Ибн Кутайбы (ум. в 889 г.), «Книга песен» Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (ум. в 967 г.) и доньяне популярная на Востоке «Повесть о Меджнуне», составленная Абу-Бекром ал-Валиби (XI век). Сюжет ранней повести о Лейли и Меджнуне во всех вышеуказанных источниках почти одинаков.

В северной Аравии в племени Амир жил одаренный юноша по имени Кейс ибн-ал-Мулаввах (по другим вариантам: Кейс ибн-Муад или Махди ибн-Муад и т. д.). С детства он страстно привязался к девушке из своего племени Лейли, с которой пас верблюжат. Лейли также полюбила Кейса. Влюбленные часто встречались, и Кейс читал ей свои стихи, в которых описывал ее красоту и свои чувства. Отец Лейли отказался выдать дочь замуж за Кейса. Потрясенный Кейс убегает в пустыню и живет там среди зверей, слагая стихи о своей возлюбленной. Он получает кличку Меджнун, что значит «безумный», «одержимый». Родители насильно увозят его в Мекку. Но, услышав случайно имя Лейли, Меджнун опять впадает в безумие и в священном храме Кааба молит бога, чтоб он усилил его любовь к Лейли. Затем он опять убегает в пустыню. Отец Лейли выдает ее замуж за богача, однако девушке удается сохранить целомудрие. Неудовлетворенная страсть подтачивает здоровье мужа Лейли и приводит к смерти. Вскоре гибнет Лейли, разлученная с Меджнуном, который, узнав о ее кончине, приходит на могилу возлюбленной и умирает там. Кроме этих главных эпизодов возникли впоследствии и некоторые другие, вошедшие в состав повествования.

---

¹ См.: И. Ю. Крачковский, Ранняя история повести о Меджнуне и Лейли в арабской литературе. — Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, с. 31—36.

Именно этот сюжет, который вызвал вначале сомнения Низами, поэт положил в основу своего произведения. Чем больше он размышлял над письменными и устными преданиями, тем больше вдохновлялся ими. Постепенно творческое воображение поэта стало прозревать в них глубочайшую художественную идею, которую ему предстояло развить до конца и которая ни в какой мере не повторяла того, что заключала в себе роман-поэма «Хосров и Ширин», хотя емкость любовной тематики, казалось, была исчерпана в ней. За короткий срок Низами создал гениальную эпическую драму, полностью отвечающую тем требованиям, которые он предъявлял себе:

Чтобы влюбился будущий мой чтец
В творенье, кто бы ни был — хоть мертвец.

В отличие от Хосрова и Ширин герои новой поэмы Низами любят друг друга с одинаковой преданностью и почти с одинаковой силой, они вполне достойны друг друга. И такое положение сохраняется на протяжении всего повествования. Но зависимое положение Лейли и Кейса-Меджнуна резко отличает их от Хосрова и Ширин.

Будучи совсем молодыми, Лейли и Меджнун находятся под опекой своих родителей, причем особенно стеснена в своем поведении Лейли. Отец Меджнуна — шейх, глава племени, отец Лейли — предводитель другого племени. И тот и другой — рабы обычая, религиозной морали, закоснелых норм поведения, которые они обязаны блюсти. При всех своих различиях сущность их одна: оба слепо придерживаются раз навсегда установленных догм, понимая, что всякое их нарушение будет ударом по их престижу. Отец Лейли и отец Меджнуна были по-своему добры и справедливы. Они желали, как им казалось, только счастья детей, но это счастье они понимали по-своему. Их собственные поступки и чувства служили единственным мерилom для оценки поступков и чувств других людей. Когда они обнаружили, что у детей не такие чувства, поступки, как у их отцов, они решили, что их детям грозит опасность. И они, не жалея сил, «спасают» своих детей, свою честь и доброе имя. Они не догадывались, что в этом «спасении» и заключается гибель их детей, гибель их надежд. Так, ничего не поняв и сетуя на волю providения, они губят и детей и самих себя. . .

Обычай страны не допускали такой любви, которую питали друг к другу Кейс и Лейли. Такая любовь каралась законами общества. Брак в мусульманских странах заключался без любви. Отец Лейли, этот уважаемый среди соплеменников старец, храбрый воин, олицетворение всех «священных традиций», не может «запятнать свою честь», «очернить свою седую бороду», выдав дочь замуж за «ума-

лишенного», за одержимого «нечистой силой». Он считает, что Меджнун ославил себя своими любовными стихами, унизил мужскую честь, всецело отдавшись своему чувству. Только ради отца Меджнуна, ради его рода отец Лейли не выходит из границ вежливости:

Твой сын прекрасен, и родство мне лестно,

Но он для нас не родич и не друг,
И счастья не внесет в семейный круг.

Он одержим безумием и болен.
Ты исцелить его, конечно, волен

Молитвами — тогда и приходи.

Но исцелить Меджнуна от любви, которую считали безумием, невозможно. Его любовь к Лейли — не просто всепоглощающее чувство, это чувство, которое без остатка растворяет в себе все остальные человеческие интересы, вернее, оно отменяет их. Понятно, почему Меджнун, узнав об ответе родителей Лейли, приходит в отчаяние. Он попадает в заколдованный круг, из которого ему нет выхода. И не потому, что у него слабая воля, пассивная натура, а потому что он сам этого не хочет. Ради какой цели он получит Лейли, если должен излечиться от тех прекрасных чувств, которые он испытывает к ней? Весь ушедший в свою любовь, Меджнун не находит себе места в обществе соплеменников. Он убегает по утрам в пустыню, где бы ему не мешали хоть помечтать о любви, а вечером, когда «дурные глаза сомкнутся», пробирается на улицу своей возлюбленной, упивается тем воздухом, которым дышит она, и только поздней ночью, изможденный, он возвращается домой. А рано утром — опять в степь, где можно на крылах утреннего ветра послать Лейли свои любовные посланья, где можно свободно произносить ее имя, слагать в ее честь газели и оплакивать свою горькую судьбу. Наконец, когда Меджнун уже не в силах жить среди «озверелых дикарей», он уходит в пустыню к зверям. Этот бунт Меджнуна против современного общества напоминает позднейший романтический бунт байроновских героев, бегущих от варварства цивилизованной жизни к дикарям. Но в отличие от байроновских героев Меджнун не питает к людям ненависти и не пытается мстить им. Свое единственное утешение он находит в дружбе с животными. Эпизоды, посвященные этой теме, очень важны для прояснения всей идеи произведения.

Если последующие поэты, обращавшиеся к тому же преданию, дружбу Меджнуна с дикими животными объясняли вмешательством сверхъестественных сил, говоря, что то были не звери, а ангелы

в образе животных, то Низами в трогательной дружбе Меджнуна с животными не видит ничего необычайного. Его Меджнун кормит зверей пищей, и они за это оберегают его от опасностей. Здесь поэт еще раз показывает отличие естественного мира зверей, воздающих добром за добро, от искусственного мира людей, ставящих преграды и условия, враждебные искренности, бескорыстию, чистоте. Если любовь Меджнуна в глазах Низами — высочайший взлет человеческого духа, равносильный божественной благодати, то истоки этого взлета — в бессознательной жизни природы, в том космическом чувстве любви, которое скрыто пребывает в ней.

В образе Меджнуна Низами показал противоречие между естественным влечением сердца и искусственными установлениями феодального общества, враждебными природе человека, самым ярким и прекрасным ее порывам. Такая коллизия позднее стала одной из ключевых тем величайших созданий европейской литературы.

Резонную параллель между поэмой Низами и «Ромео и Джульеттой» проводит И. Ю. Крачковский.¹ Герои Шекспира гибнут жертвой предрассудков, вносящих в жизнь дух ненависти. В «Лейли и Меджнуне» общественное мнение осуждает любовь вообще. Господствующие религиозно-нравственные представления были враждебны ей.

Образ Лейли — одно из лучших созданий волшебной кисти Низами. Наряду с традиционными чертами внешности и характера, обычными для описания восточных красавиц, этот образ наделен и резко индивидуальными чертами, что придает ему исключительное обаяние.

Лейли — дочь знаменитого человека. Жизнь должна бы быть для нее легкой и спокойной. Она выросла в довольстве и неге, потом ее выдали бы замуж за какого-нибудь сына шейха, она родила бы много детей и умерла бы, не испытав никаких треволнений. Но случилось иначе. Лейли встретила с Кейсом, привязалась к нему, постепенно привязанность превращается в пылкую любовь. Но она слишком рано на горьком опыте убеждается, что ей нельзя любить. Любовь женщины — это тяжкий грех, позорное преступление. Женщина — это товар, который можно продавать и покупать. Именно на таком языке идет разговор между обоими родителями во время сватовства Меджнуна и Лейли (глава «Отец Меджнуна отправляется сватать Лейли»). Этот разговор напоминает диалог двух купцов.

Таким образом, и у Лейли чувства вступают в противоречие с обычаем. Убедившись в том, что ей не полагается иметь своих

---

¹ И. Ю. Крачковский, Ранняя история повести о Меджнуне и Лейли в арабской литературе. — Сб. «Алишер Навои», с. 31.

желаний, она не пошлет против этой несправедливости, не уходит, как Меджнун, в горы. Ее рабское положение кажется ей если и не естественным, то во всяком случае неизбежным — так уж заведено исстари. Раз ты женщина, то твой долг — беспрекословное подчинение сначала воле отца, потом — мужа. В Лейли происходит тяжелая внутренняя борьба.

Любовь толкает ее на опасный шаг: она назначает тайное свидание Меджуну. Но в решающий момент понятие о чести, «женском стыде» удерживает ее. Когда Меджнун приходит к ней, она убегает и скрывается в шатре. Когда ей приказывают не встречаться с ним, она безропотно подчиняется. Когда ее выдают замуж за незнакомого человека, она тоже повинуется. И все же торжество внушенных понятий долга лишь внешнее: она не может перестать любить Меджнуна. Выйдя замуж, выполнив волю отца, она все время вспоминает о былом счастье, мечтает о несбыточном, предается сладостным любовным томлениям. . .

Лейли считает, что она страдает больше, чем Меджнун. Меджнун свободный мужчина. Никто не мог принудить его волею закона остаться среди людей. Но положение Лейли было иное. Если бы она, подобно Меджуну, захотела убежать в пустыню, ей не дали бы этого сделать. Ее отец, который по-своему очень сильно любил свое единственное дитя, не задумываясь, убил бы ее.

Лейли приходилось таить свою любовь от людских взоров, притворяться. От этого ее мучения еще больше. Разницу положения влюбленных поэт раскрывает с огромной художественной силой.

В таких условиях поведение Лейли, остающейся верной своей любви, является подлинным героизмом.

В «Лейли и Меджнуне» Низами с замечательным мастерством показал глубочайшие изгибы человеческой души, бурю страстей и высоких чувств, борьбу и столкновение светлых, естественных человеческих стремлений с окостенелыми и неумолимыми законами мрачной средневековой действительности.

5

Четвертая поэма Низами «Семь красавиц» существенно отличается от предыдущих прежде всего особенностями своего построения. В произведении два основных пласта. Первый составляет повествование об истории шаха Бахрама Гура, одного из правителей домусульманского Ирана, сына Ездигерда-Грешника.

Бахрам, по рассказу Низами, вывез семь красавиц, взятых им в жены, из семи поясов земли, на которые, согласно распространенным на средневековом Востоке представлениям, разделялся весь обитаемый мир. Второй пласт произведения образуют семь вставных

повелл, рассказываемых поочередно женами Бахрама в специально возведенных для них семи дворцах. Цвет каждого соответствовал цвету одной из семи известных в то время планет, покровительствующих семи поясам земли:

Цвет свой семь пределов мира шаху принесли.
Как хозяйки семь царевен в семь дворцов вошли.

Каждая царевна замок выбрала себе
По ее происхождению, цвету и судьбе.

Внутреннее всё убранство в каждом из дворцов
Свойственных ему оттенков было и цветов.

В те дворцы по дням недели шах Бахрам входил
И с одною из красавиц время проводил. . .

. . .И в каком дворце за чашей ни садился он,
В цвет дворца и в цвет планеты был он облачен.

В истории правления Бахрама поэт продолжает развивать свои просветительские взгляды на идеального правителя, использующего власть в интересах народа. Бахрам лишь отчасти удовлетворяет выдвигаемым Низами требованиям. В Бахrame немало ценных задатков и черт характера, необходимых для мудрого и справедливого государя. Придя к власти, он обещает править справедливо, кротко. Его страна в скором времени превращается в обетованную землю: все сыты, все благоденствуют. Но наступает засуха, Бахрам приказывает открыть двери государственных кладовых и снабжать население всем необходимым. За четыре года от голода умер всего один человек. Рассказывая об этом, гениальный гуманист пишет: если бы случилось такое в наше время, то, наверное, остался бы в живых один человек.

Когда прекращается засуха, в стране вновь наступает благополучие, но Бахрам, привыкший к удачам, теряет бдительность. Пользуясь беспечностью шаха и неспособностью его военачальников, китайский хакан нападает на Иран. Опасность побуждает Бахрама к решительности. Благодаря удачному тактическому маневру он одерживает победу над противником.

Подобно Хосрову, облик Бахрама двоится, хотя и в меньшей степени. Бахраму, по мысли поэта, не хватает твердой воли в проведении разумной политики, в неусыпном надзоре за важнейшими государственными делами. Временами в облике этого героя проступают черты слабого человека, склонного к лени, чувственным удовольствиям и развлечениям, который забывает о своей высокой

миссии. Подобное забвение государственного долга чревато бедой. Так, например, водворив порядок в стране, Бахрам снова утопает в удовольствиях, наслаждаясь сладкой жизнью в своих семи дворцах. Но и на этот раз его эпикурензм оплачивается дорогой ценой: хакан опять собирает войска против Ирана. Лишь теперь шах наконец постигает одну простую истину, что враг нападает лишь тогда, когда в стране беспорядок, когда в государстве царит произвол, что самая лучшая защита от врагов — это благоденствие подданных. Низами здесь вводит в повествование очень важный для просветительского смысла поэмы образ простого пастуха, который открывает глаза Бахраму своей мудрой притчей. Этим эпизодом поэт хотел показать, что правителям государств полезно прислушиваться к голосу народа.

Пастух рассказывает Бахраму о том, что он покарал пса за то, что тот полюбил волчицу и поэтому «продавал» стадо волкам, которые безнаказанно растаскивали овец. Притча повлекла за собой серьезные последствия. Бахрам решает проверить политику своего везира, которому он доверил правление страной. Он посещает темницы, тюрьмы, выслушивает заключенных.

Бедствия узников, описанные Низами, приводят на память пространенный в те времена жанр тюремной элегии.

Тюремные элегии («зинданийят», «хабсийят») как жанровая форма лирики возникли еще в X веке. Первыми их создателями были придворные поэты, многие из которых становились жертвой той политики, которой они служили. Блестящие образцы тюремной элегии создал один из самых талантливых придворных поэтов Азербайджана Хагани (1120—1199).

Низами никогда не сидел в темнице. Но, будучи гениальным художником, он создал в поэме «Семь красавиц» потрясающий цикл «Хабсийят». В нем он приводит жалобы семи заключенных, в которых обличает тиранию и насилие.

Выслушав обиженных, Бахрам восстанавливает правосудие, казнит везира, и снова в стране наступает порядок и благоденствие.

Кончина Бахрама выглядит многозначительно: во время охоты на диких ослов (онагров) он таинственно исчезает в пещере. По учению Низами, в этом мире никакой дурной поступок не остается безнаказанным, но не забывается и хорошее. Смерть похищает Бахрама неожиданно, когда он был увлечен любимым занятием, без каких-либо моральных или физических страданий.

Немаловажно значение и семи вставных новелл. Верный и здесь своему учению о возвышенной, нетленной любви и о разрушительной сущности плотских, эгоистических страстей, Низами искусно иллюстрирует его повестями, которые шах Бахрам выслушивает от своих

жен. В этом плане особенно показателен рассказ индийской царевны о городе, прозванном Обителью скорбей, все население которого носит черную одежду. Герой повести на собственном опыте познает одну печальную истину, в которую посвящены, но упорно скрывают жители злополучного города. Этот герой получает редчайшую возможность вкушать чары любви с прелестнейшей из красавиц, но он оказывается недостойным таких даров. Бессильный обуздать собственную плоть, он «охлаждает» свою чувственность в объятиях рабынь прекрасной Тюрктаз, чью деликатную и нежную натуру ему не постичь. Растратив сокровища, которые ему были отпущены природой, герой новеллы возвращается в город черных и сам облачается в черную одежду. Символика этого цвета, наконец, блестяще раскрывается всем содержанием повести, рассказываемой в черном дворце. Чернота ассоциируется здесь с угашением огня в человеке, с мертвенностью его духа, с погребальным обрядом.

Обыгрывание цвета дворца повторяется и во всех других новеллах, каждая из которых приурочена к определенному дню недели и к планете (или светилу), которая, по представлению вавилонских астрологов, покровительствует этим дням. Порядок дней, планет и светил с приписываемыми им цветами таков: суббота — Кейван (Сатурн), черный цвет; воскресенье — Солнце, желтый; понедельник — Луна, зеленый; вторник — Маррих (Марс), красный; среда — Утарид (Меркурий), синий; четверг — Муштари (Юпитер), сандаловый; пятница — Зухра (Венера), белый.

Героиню второй новеллы поэт сначала именуется «золотым извятием», сравнивает цвет ее тела с золотом. Затем — по ходу сюжета — появляются «золотые драгоценности», которыми шах украшает свою возлюбленную. А в конце новеллы ее рассказчица — обительница желтого дворца — воздает хвалу этому цвету.

«Семь красавиц» — одна из тех поэм Низами, в которых заметную роль играет фантастический элемент, доминирующий во вставных новеллах. Недаром в них такое обилие мифических и сказочных персонажей — всякого рода духов и чудовищ (гули, ифриты, дивы, ремненоги и т. д.). Несмотря на сказочную поэтику новелл, Низами и в них выступает как неподражаемый воспитатель чувств, как мастер, виртуозно владеющий всеми видами художественного воздействия на читателя.

6

«Искендер-наме» — последнее, самое большое творение Низами, насчитывающее около 20 000 строк, и по грандиозности своего замысла и по размаху эпического повествования вполне заслуживает названия эпопеи.

Современного читателя не может не удивить тот факт, что главный герой, воспетый Низами, — знаменитый полководец Александр Македонский, покоривший своим мечом многие страны Востока, в частности разгромивший могущественную империю Дария III. Ни с точки зрения ислама, ни как типичный деятель западной цивилизации исторический Александр едва ли заслуживал такой чести. Однако поэт не претендовал на историческую достоверность. С течением времени сознание народов, некогда входивших в состав громадного государственного конгломерата, созданного македонским царем, внесло весьма существенные коррективы в его образ. Возникают многочисленные предания, легенды, хроники, даже своеобразный роман (так называемый «Псевдо-Калисфен»), породивший целый ряд «александрий», в которых Александру приписывались особые симпатии к Востоку, благотворность его политики для последующего развития этих стран и для утверждения в них ислама. Дело доходит до того, что в «Шах-наме» Фирдоуси, от которого в значительной мере отправлялся Низами, Искендер (т. е. Александр) оказывается в кровном родстве с иранским царем из династии Ахеменидов Дарием II. Наконец, под именем Зуль-Карнейна (Двурогого) Александр удостоивается упоминания в одной из сур Корана, причем мусульманская теология причисляет его к сонму пророков.

Таким образом, вопрос о допустимости Александра в качестве главного героя эпопеи перед Низами не стоял. Поэт прекрасно знал многие документы, произведения и предания, связанные с деятельностью македонского полководца. Он знал и подлинные исторические факты, свидетельства античных историков, которые противоречили позднейшим версиям о происхождении и походах Александра. Низами, например, было доподлинно известно, что его герой умер в 321 году до н. э., т. е. задолго до возникновения ислама. Между тем в его произведении Искендер — деятель мусульманского мира, он совершает паломничество в Мекку, пропагандирует среди племени кыпчаков ношение чадры, закрывающей лицо женщины, ведет благочестивые разговоры о вере и т. д.

Как бы предвидя возможные упреки в нарушении исторической перспективы, Низами во вступлении к эпопее говорит: «Не упрекайте меня в передвижении событий вперед и назад, ибо художнику поневоле приходится делать это». Одно из самых примечательных свойств художественного метода Низами — принципиальный анахронизм. Во имя чего поэт столь демонстративно отказывается от исторической реальности?

Дело в том, что весь смысловой фундамент произведения определяется проповедью излюбленных Низами и знакомых нам идеалов человеколюбия и гармонического жизнеустройства. Эти идеалы

диктовали свою художественную логику событий, свою компоновку исторического материала. Во имя этих идеалов поэт восстает против всемирной судьбы, «злого небосвода», который, по его мнению, творит историю во многом бессмысленно, стихийно, несправедливо. Как бы «замещая» его роль, поэт заявляет о том, что сущность истории не может не иметь положительного смысла и положительного итога. По этой логике вещей, мудрость, воинская доблесть, государственный талант, справедливость и благородство должны существовать в одно время, соединяться в одной стране или даже в одном лице. Таков Искендер Низами — непобедимый воитель и мудрец, современниками которого являются не только Аристотель и Платон (что соответствует истории), но и Сократ, Архимед, Порфирий Тирский, Фалес Милетский, Аполлоний Тианский, которые, как известно, жили в иное время.

Исторический Александр совершил поход в Египет после решительных побед над персидскими войсками, а не раньше, как у Низами. Поэт изображает такие походы, которых не было, например двукратное посещение Закавказья и г. Барды, войну с «русами» и т. п.

Однако свобода обращения с материалом отнюдь не беспредельна: в повествовании остаются многие исторические факты, их подробности, исторические деятели с их действительными поступками и т. д., причем отбор этого материала также подчинен изображению совершенно иной действительности, раскрытию сущности бытия вообще и его человеческих устоев. Как известно, у всех народов на заре их цивилизации такого рода миссию выполняла мифология, служившая универсальным объяснением жизни и универсальным же руководством к ней. Художественное мышление Низами в его эпопее во многом подчинено приемам мифологического творчества. Низами здесь по сути дела выступает завершителем восточного мифа об Искендере, первом повелителе и устройтеле мира, сосредоточившем в себе одном ценнейшие свойства и дарования людей, чья деятельность была предустановлена свыше для поучения народов, для назидания потомкам.

Искендер, объединитель народов и государств, зачастую достигает этой цели путем кровопролитных войн. Но, как правило, не страсть к господству и жажда богатства движут полководцем. Войска его водворяют справедливость в межгосударственных отношениях либо устанавливают справедливый порядок внутри страны.

Порой Искендер по просьбе самого народа приходит к нему на помощь, избавляя его от вторжения агрессивных и хищных соседей. Такой была первая война с зинджами, на которых жаловались египтяне. Искендер взял под свою защиту египтян и разбил зинджей. Победа над могущественным Дарием привела к тому, что

Иран избавился от царя-деспота, ослепленного гордыней, дурно обращавшегося с подданными. По просьбе народа, обитавшего в северных пределах и страдавшего от опустошительных набегов свирепых яджуджей, Искендер построил вал, положивший конец разбою. Когда же войска Искендера вступали в страну миролюбивую, процветающую под властью попечительного правителя, то они не причиняли ей ни малейшего ущерба. Таким было посещение племени кыпчаков или владений царицы Азербайджана Нушабе, где были установлены порядки, подобные тем, которые ввела в своей стране Ширин, после того как престол перешел к ней. Случалось, что целые государства во главе с их правителями добровольно подчинялись Искендеру (например, китайский хакан, признавший себя вассалом), становились союзниками Искендера, помогая ему в его последующих походах. Но и сам Искендер не был равнодушен к судьбе своих достойных союзников. Узнав, например, о захвате Барды, он спешит вызволить царицу Нушабе из плена и вступает в войну с опаснейшим противником.

Стремление первенствовать среди царей и полководцев, жажда приумножения славы пленяют Искендера, но не они единственный стимул его неистощимой энергии. Искендер — воин-странствователь. Он скитается по белу свету в поисках ключей к тайнам мироздания, им руководит познание смысла человеческого счастья. В конце концов он попадает в некую обетованную страну, в своего рода земной эдем. В этой стране солнца и всеобщего счастья не было господ и слуг, угнетенных и угнетаемых, в ней нет классов и вражды, люди умирают там не от болезней и нервного истощения, а от старости. Вот что узнает Искендер, попавший в «город прекрасного края», от одного из его жителей:

Мы закрыли на ключ криводушия дверь,
Нашей правдою мир одолели, поверь.

Лжи не скажем вовек. Даже в сумраке дремы
Неправдивые сны нам, о царь, незнакомы.

Мы не просим того, что нужнее для нас.
Этих просьб не доходит к всевышнему глас.

Шлет господь нам всё то, что всем нам на потребу,
А вражда, государь, нежелательна небу...

Помогая друзьям, всеблагому в угоду,
Мы свою, не скорбя, переносим невзгоду.

Если кто-то из нас в недостатке большом
Или в малом и если мы знаем о том,

Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,
Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном.

Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.

В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.

Потрясенный увиденным и услышанным от старейшин города солнца, Искендер постигает идеал гармонически устроенного общества. В свете последней истины его военные успехи кажутся теперь ему ненужной жестокостью. Он думает о том, чтобы ввести те же благие порядки в своем отечестве:

И промолвил себе сей венец мироздания:
«Эти тайны приму как слова назиданья!

Полно рыскать в миру. Мудрецам не с руки
Лишь ловитвой гореть, всюду ставить силки.

Не довольно ль добыч? От соблазнов свободу
Получил я, внимая благому народу.

В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей.

Озарился весь мир перед нами — рабами,
Стали мира они золотыми столпами.

Если правы они, ложь свою ты пойми!
Если люди они, нам ли зваться людьми?

Для того лишь прошел я по целому свету,
Чтоб войти напоследок в долину вот эту!

О, звериный мой нрав! Был я в пламени весь,
Научусь ли тому, что увидел я здесь?!»

Подробнее, чем где-либо, изложив конечную цель своего учения, создав образ гармонического общества «долины изобилия и правды, добра и красоты, мира и любви», поэт завещал потомкам воплотить в жизнь этот социальный идеал.

По мысли Низами, познанием «края справедливого и солнечного» миссия Искендера на земле исчерпывается. Он вскоре умирает как обыкновенный смертный. Поднимая личность своего героя на

недосягаемую высоту, Низами вместе с тем далек от того, чтобы делать его каким-то богоподобным сверхчеловеком. Искендер в эпосе — сын Земли, которому не чужды обыкновенные человеческие слабости и заблуждения, который способен колебаться, предаваться раскаянию. Но, показывает поэт, одно из замечательных преимуществ Искендера — это его скромность, сознание ограниченности своих возможностей, понимание того, что не всегда следует полагаться на свой разум и предприимчивость, что ему есть чему поучиться у других, в том числе и у людей из простого народа. Умение воспользоваться лучшим, что есть в его время, собрать это лучшее вокруг себя поднимает Искендера на огромную высоту.

Глубокое осознание того, в чем именно заключается достоинство великого человека, закономерно вовлекло Низами в развенчание древнеиранской теории о царях, прославленной в персидской поэзии X—XI веков, например в той же «Шах-наме». Согласно этой теории, властителями народов могли быть лишь те, кто принадлежал к царскому роду («нижад»), обладал «царственной сущностью» («гоухар»), был свыше осенен благодатью — божественным ореолом (так называемый «фарр») и отличался доблестью («хунар» — это понятие объединяло в себе мужество, ум, даровитость и многие другие достоинства). Но герой Низами затмевает всех когда-либо существовавших царей исключительно за счет собственных заслуг. Оспаривая предшественников, описывавших биографию полководца, Низами показывает, что он был настоящим сыном македонского царя Филиппа (Филикуса) и, следовательно, никаких родственных прав на иранский трон не имел. Своим счастьем и своей славой он обязан не «фарру», а таким качествам, как правосудие, великодушие, храбрость, щедрость, любовь к сподвижникам, вера, наконец, тому, что он «заключал свои телесные страсти в темницу» и давал «свободу другим и сам находил в этом свободу».

«Искендер-наме» — триумф творчества Низами, произведение энциклопедической широты по насыщенности материалом и, конечно, по грандиозной емкости вложенных в него идей. В эпосе мы обнаруживаем тот же пафос, те же мысли, которыми были проникнуты и другие произведения поэта. Низами не боялся вновь и вновь возвращаться к ним. Напротив, он считал своим долгом всемерно способствовать их распространению, как можно прочней закрепить их в памяти современников и потомков.

Многочисленное повторение этих идей каждый раз передавалось неистощимо разнообразными средствами художественного воплощения, что, естественно, активизировало читательское восприятие, поддерживало неослабевающий интерес к произведению. Достаточно прочесть хотя бы «Хосрова и Ширин», чтобы заметить, с каким искусством автор то и дело меняет «регистры» своего повествова-

ния. Бросается в глаза разнообразие глав. Среди них мы находим и главы событийного характера,двигающие действие вперед, и главы, в которых оно замедляется — для того чтобы читатель мог полюбоваться какой-то красивой сценкой, живописной местностью, привлекательным обликом героев. Встречаются главы, почти сплошь состоящие из монолога и диалога, главы философско-назидательного и развлекательного характера, главы-письма, главы-мемуары, вставные новеллы и т. д. и т. п. А внутри многочисленных глав — та же многоцветная палитра красок. Мы наблюдаем тут постоянное взаимодействие проникновенного лиризма и деловитой обстоятельности повествования, наглядности изображения и художественного абстрагирования, метафорической усложненности и нагой простоты, афористической краткости и неторопливой пространности речи. Сходную картину мы обнаружим в других поэмах Низами, особенно в «Искендер-наме». Такое искусство полифонично по самой своей природе, ибо оно зиждется на проведении определенного ряда устойчивых идей, развитие которых проходит через бесчисленные вариации разных средств воплощения.

Совершенно не случайно, что со временем поэмы Низами стали восприниматься как нечто целое, ибо, действительно, эти произведения органично связывались в своеобразный цикл, обладающий ярко выраженным идейно-художественным единством. Уже после смерти поэта этот цикл получил наименование «Хамсе» (т. е. «Пятерица»).

«Хамсе» Низами на многие века вперед предопределила характер последующего развития литературы многих народов Ближнего и Среднего Востока. С начала XIII и вплоть до конца XVIII века она служила эталоном высочайшего поэтического мастерства. Все выдающиеся поэты Востока, в первую очередь персоязычные и тюркоязычные, считали своим долгом вступить в творческое состязание с «Пятерицей» Низами, т. е., используя сюжетно-тематическую основу этих произведений, их специфические композиционно-жанровые особенности (вплоть до формы стиха), создавать по этим образцам так называемые «назира» («подобия»). Достоинство таких произведений определялось самостоятельной, оригинально-творческой трактовкой того материала и тех форм, которые заключала в себе «Пятерица» Низами. Конечно, лишь немногим мастерам удавалось создать полный цикл поэм. Сотни поэтов ограничивались тем, что писали одну или две поэмы на темы поэм «Хамсе». По неполным данным, только на поэму «Лейли и Меджнун» было написано более ста «ответов» (на языках фарси и тюрки). «Сокровищница тайн» насчитывает лишь на одном персидском языке свыше сорока назира. Прославленными продолжателями Низами, знаменитыми авторами «Пятериц» явились: индо-персидский поэт Амир Хосров Дехлеви (1253—1325),

Хаджу Кермани (1281 — ок. 1352), Имад ад-Дин Кермани (ум. в 1371 или 1372 г.), творец «Семерицы», персо-таджикский поэт Аб-дуррахман Джами (1414—1492), наконец, великий узбекский поэт Алишер Навои (1444—1501).

* * *

Учение Низами, его мечты о равенстве, братстве, свободе, добре и любви в обществе издавна вдохновляли мыслящих представителей всех поколений на переустройство мира. Прошло свыше восьми столетий со дня рождения Низами. Но его немеркнувший талант с каждым днем раскрывается перед нами все новыми гранями. Всегда будут жить добрые чувства, которые он возбуждал своей лирой. Низами будет жить вечно и участвовать в самых благородных свершениях человечества. Он сам говорил, обращаясь к потомкам:

Я в заботе, что стала мне так нелегка:
Сохранить свое имя хочу на века. . .

. . . Путник, милый мне! Вспомни об этих словах,
Если ты посетить пожелал бы мой прах,

Всю непрочность гробниц ты увидишь, прохожий,
Рассыпается насыпь их тленных подножий. . .

. . . Ты живешь. Связи с жизнью и я не нарушу.
Ты мой прах посетишь — посету твою душу.

Не считай, что я сир, что безлюдьем томим,
Я ведь вижу тебя, хоть тобою не зрим. . .

Рустам Алиев

СТИХОТВОРЕНИЯ

Г А З Е Т Ы

1

Мне ночь не в ночь, мне в ночь невмочь, когда тебя нету
со мной.
Сон мчится прочь, сон мчится прочь, беда в мой вступает
покой.

Клянусь, придет свиданья час: пройти бы не мог
стороной.

Клянусь я мглою кос твоих: уйдешь — и охвачен я мглой.

Не мне ль нестись к тебе одной, стремиться могу ли
к другой?

Тебе ль искать подобных мне, — не тешусь надеждой
пустой.

Сравнись со мной — величье ты, взглядишь — никну я пред
тобой.

Сравнюсь с тобой — не прах ли я? Все клады в тебе лишь
одной.

Нет глаз, чтоб видеть мне твой лик, мне радости нет
под луной.

Нет ног — поспеть к тебе, нет рук, чтоб с жаркой
сложить их мольбой.

Забыла ты о Низами, владея моею судьбой.
Днем гороскопы числю я, в ночь звезды слежу над собой.

2

Готова молодость твоя откочевать, схвати ее.
Родную кинувший страну, скажи мне: где пути ее?

Затем согнулись старики, давно изведавшие мир,
Что ищут юность; глядя в прах, всё мнят в пыли найти ее.

Зачем бросаешь ты, скажи, на буйный ветер жизнь свою?
Припомни вечность. Надо здесь тебе приобрести ее.

Ведь жизнь не жизнью ты купил, не знаешь цену жизни
ты.

Жемчужины не взвесил вор, хоть он зажал в горсти ее.

Коль будешь радоваться ты — в отставку горе не уйдет.
Горюя, радость не спугнуть, навек не отмести ее.

Дай органа звонящие нам! Дай аргаванное вино!
Есть песнь любви, о Низами! На радость в мир пусти ее!

3

Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг!
Душа желанием полна, — о, погляди на миг!

Ты — жизни плещущей родник, исток существованья,
Недаром я к тебе приник, — прильни к груди на миг!

Не ненавидь, не прекословь, дай мне немного счастья!
Смотри, как жадно бьется кровь, — к ней припади на миг!

Верь этим благостным слезам и, если я отравлен,
От черной немочи, бальзам, освободи на миг!

Зачем ты пляшешь на ветру, изменчивое пламя?
Будь благовоньем на пиру и услады на миг!

Но смоль волос вокруг чела — тугры крылатый росчерк.
Я раб, султаном ты пришла, — так награди на миг!

4

Расступился черный мускус, и она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.

Лунолика спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с Луны срывая, розы обожгла вчера.

На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам — влажная — сошла вчера.

Чтоб взор недобрый не сглазил тебя, уж сколько дней,
в предрассветный час,
Шепчу благие молитвы я, вздохатель страстно
влюбленный твой!

В укор мне слезы мои не ставь, хотя тебя недостоин я:
Сухим остаться не может взор, во взор глядящий
бездонный твой.

Меня в игре перекрыла ты, и бита ставка души моей,
Но не плутуй ты со мной в игре, — ведь я слуга
побежденный твой.

Таких, как я, Низами, толпа к твоей руке путеводной
льнет.
Ты, как Иса, чудеса творишь; рубин вручаешь червонный
твой.

7

Я полюбил тебя. Куда теперь шагнуть?
Путь праведный избрать или позорный путь?

Пока жива душа, живешь в моей душе.
А если мне не быть, то ты на свете будь.

Из-за любви со мной враждуют города,
Раз не прощаешь ты, простит ли кто-нибудь?

С протянутой рукой твой локон стерегу,
Забытого бежать и презирать забудь.

О, пусть никто, как я, не будет без тебя.
Не я проник к тебе: тоска проникла в грудь.

8

Спешу, о, спешу, без тебя умираю!
Мне помощь подай, — без нее пропадаю!

В крови мое сердце, стенаю в разлуке:
Свиданья! Тоска! Часа встречи не знаю!

Постучись в согласья двери, будь хоть день в ладу
со мной,
Не страшны враги мне, если ласкова порою ты.

Ты куда летишь, как птица? Как тебя мне разгадать?
Нет, не поймана ни глазом, ни моей душою ты.

Город весь тебя желал бы, не один лишь Низами,
Но лишь только Ахсатана обняла рукою ты.

11

О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!
О, рок мой, он благосклонен: я твой аромат вдыхал.

Я господу славословлю, о, пламень очей моих,
К ногам красоты сегодня взор мой счастливый упал.

Противоядьё — свиданье! Два мира ему цена.
Губительный яд разлуки испробовал я, узнал.

Кто хоть однажды взглядом окинет красу твою,
Не скажет, что я понапрасну тебя для любви избрал.

Как вырвать теперь из сердца, о друг мой, любовь
к тебе, —
Ведь с жизнью и с телом вместе я эту любовь питал.

Душа аромату свиданья возрадовалась давно,
Но время прошло, я в клочья рубаху в тоске порвал.

С пылающим кровью сердцем всё это сказал Низами.
О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!

12

Эй, бабочка, гаси свечу! Уж светоч здесь влекущий мой.
Эй, туча, всею кровью плачь! Уж розан здесь цветущий
мой.

Ристалищем твоим я стал, я дань твоя в день торжества:
Фагфур в мой Индостан пришел — властитель
всемогущий мой.

Ведь стан ее — что кипарис, пред ним робеет райский
страж,
Я раб ее, она султан, владыка вездесущий мой.

Блеснуло, как свеча, лицо, и крылья мотылек спалил.
Я, жаждущий, склонил уста, она родник зовущий мой.

Я ей сказал: «Любви полна, побудь со мною, с Низами!»
Она в ответ: «С ним буду я, он — радости несущий —
мой!»

13

Спать не стоит! Станем лучше веселиться до утра!
Этот сон в другие ночи мной продлится до утра.

То к тебе прижму я веки, то тебя душою пью,
Чтоб тебе вот в этом сердце поселиться до утра.

Ты, дитя, миндальноока, сахар — твой красивый рот,
Пьяным люблю снедью этой усладиться до утра.

До утра вчера в разлуке руки горестно ломал.
Ночь — и я в венце, и розам не развиться до утра.

Жизнь свою тебе я отдал. Вот — рука, и весь я твой.
Дважды шесть! И в нардах счастье нам сулится до утра!

Ты склони свой зульф смиренно и до полночи целуй.
Растрепи, как зульф, смиренность, — винам литься до утра.

К Низами стихам склоняйся! Что кольцу в твоём ушке
До кольца дверного! Кто-то пусть стучится до утра!

14

Счастье пьяное мое в ум придет когда-нибудь.
Крепкий сон судьбы моей, он пройдет когда-нибудь.

Эту дверь раскроет вихрь, ночь засветит ясным днем.
Душу мне воровка душ вновь вернет когда-нибудь.

Враг в надежде на любовь ласки не дождется, нет!
Лишь презрение во мне он найдет когда-нибудь.

Для нее неверным стал, — может, черный зульф ее,
Как зуннар виясь, мой стан обовьет когда-нибудь.

15

Влюбленный слеп. Но страсти зримый след
Ведет его, где зрячим хода нет.

Вне страсти нам отрады не сыскать,
Есть только желчь да темень черных бед.

С полою грязной не идут к любви.
Есть у влюбленных множество примет.

Через безумие идет их путь,
И подражателям тут места нет.

Ведь ты, когда ты любишь и любим,
Миров обоих обретаешь свет.

Покинь скорей темницу слова «я»,
Ты скажешь: «Мы», — и зацветет рассвет.

Прекрасен отдых на твоём пути,
Но и терзаний вкусишь горький цвет.

Будь праведен, коль можешь, Низами.
Для сердца светоч — праведности свет.

16

Я хочу тебе открыть глубину скорбей своих,
Чтобы ты дала совет влажной мгле очей своих.

Ты меня не попрекай, ты влюбилась бы сама,
Лик свой в зеркале узрев в серебре лучей своих.

Облик ясный, как луна! Не сердись на беглеца,
Что защиты ищет он у иных друзей своих.

Другим знавала ты меня, а ты — ты лучше, чем была,
Твоя умножилась краса, моя же молодость прошла.

Я только пламя, ты Халил, — что ж я не гасну пред
тобой?
Нет, не умру я лишь затем, чтоб ты из сердца не ушла.

Не по приказу ты меня, по доброте своей утешь.
Насколько можешь, будь со мной и, сколько хочешь,
будь мила.

Меня разбитым назовешь — смогу ли не разбитым быть?
Ведь облик видела ты мой, и сердце ты узнать могла.

Лишь на служение тебе стал препоясан Низами, —
Ведь он для счастья двух миров желает, чтобы ты жила.

Весть! Весть о милой пришла! Что же с ней?
С той, что для сердца стрела, — что же с ней?

Чем занята, что творит, что вершит?
Глаз ее сладостна мгла. Что же с ней?

С той, что как жизнь моя дорогá,
С той, что мне хочет лишь зла, — что же с ней?

Долгие дни я сгораю в огне.
С розой, что в росах выросла, — что же с ней?

Льет мою кровь она ловко! Скажи
С клятвой, что роза дала, — что же с ней?

Стал Низами — как Якуб, ну, а с той,
Что, как Юсуф, расцвела, что же с ней?

И под мечом буду руки тянуть к локонам черным твоим,
Лишь бы, как ворот, меня обняла милая, злая моя!

Я погибаю, сгораю, спаси, я прибегаю к тебе:
Сладостный рот твой — живительный ключ, жизнь он
вторая моя.

Слушай, приди к Низами, чтоб, гордясь, голову поднял
свою
Царь Ахсатан — ведь ему вручена песня любая моя.

22

О мой кумир, сердца не дам, нет, не расстанусь я с ним!
Если возьмешь сердце мое, знаю, уйдешь ты с другим.

Сил уже нет, ну так зачем всё угнетаешь меня?
Словно себе, сделай ты мне то, что находишь благим.

Я не Джемшид, я не богат, твой не купить поцелуй.
Вот оно, вот сердце мое! На! Насладишься ты им?

Я на пиру лишь о тебе розовой плачу водой.
Роза моя! Горек твой смех бедным колючкам моим!

Блеском небес, светом очей я называю тебя.
Слава тебе, лику луны, сахарным лалам твоим!

23

Впору мне груз твой! Скажешь — немолод, —
пусть!

Нóшу приемлю. Путь не прополот? Пусть!

Страсти, тобой мне внушенной, пью я хмель:
Яд примешан тобой в чистый солод, — пусть!

Мной не гнушайся — ты мне дороже всех.
Если сердцем твоим правит холод, — пусть!

Молот против меня жизнью дан тебе.
Если жизни тобой дан тот молот, — пусть!

Жду я тебя, насытый. Жду, изнемог.
Пусть утоленьем кончится голод, пусть!

Ах, Низами, в саду твоём — соловей:
Роза цветет, шипом он проколот. . . пусть!

24

О спеси думай ты, как о своем недуге,
Когда припомнишь ты о дружественном круге.

Когда вина страстей испил в кругу приветном,
Забудь о жизни ты, как о плохой подруге.

Со всяким встречным ты искать не должен дружбы:
Ты можешь потерять и друга в верном друге.

Ждать справедливости от друга — ослепленье,
Когда она сама не вся к твоей услуге.

Но если хоть одно ты ранил сердце, — тщетно
О дружбе вспоминать ты будешь на досуге.

25

Друг, утешься. Судьба нам на помощь в печали
приходит,
К опечаленным, друг, из неведомой дали приходит.

Хочешь вечного счастья — не спи, ночи в дни превращая.
Спящий — слеп. Счастье к спящим ночами едва ли
приходит.

Ты — Хума — накорми воробьев, ты здоров — будь
спокоен.
Врач к больному — чтоб помощь ему оказали —
приходит.

От счастливого хмеля возлюбленных нищие пьяны.
Но черед отрезвлению — не ждали иль ждали —
приходит.

Мухе — мед, а на пламени бабочке в муках метаться.
Вор крадет, а к айарам беда — не всегда ли —
приходит?

Бой султанский прошел, и, как дождь, всюду — стрелы
да стрелы.
Дождь к полям — если стрелы жужжать перестали —
приходит.

О дворцах ты не думай: и псарь в час охоты там нужен,
Если время рядиться в доспехи из стали — приходит.

Низами, будь утешен. Ведь каждый по-своему счастлив:
К безработным работа, что долго искали, приходит.

26

Может быть, эту газель прочитав, меня исцелить
пожелаешь ты.
Раненым сердце увидишь мое — как сердце утешить,
узнаешь ты.

Верен тебе, опоясался я — таков незадачливый путь
любви.
Ты ведь любимая, так для чего мною всегда управляешь
ты?

Если скажу я: «Налей мне вина», — вино моей крови ты
в кубок льешь.
Если же музыки я попрошу — то стоны звучать
заставляешь ты...

Встреча с тобой — торжество для меня, да нужной мне
твари для жертвы нет.
В жертву себе ты меня принеси, — как жертву меня
принимаете ты?

Разве, сраженный тобой, о Луна, не стою я хоть лепестка
от роз?
Каждым колючим шипом, о душа, зачем мою душу
пронзаешь ты?

Ведомо всем: в мире нет у меня души без тебя, да и
сердца нет.
Да запретят тебе все без меня пирушки, что втайне
справляешь ты.

Если я сделал глаза Низами лишь садом твоим для
прогулок — то...
Что, если призрак твой вдруг в ночи придет ко мне
в гости? Не знаешь ты?

27

Юность всю тебе я отдал: юности ты милой слаще,
Я умру перед тобою — жизни ты унылой слаще.

Ты для глаза — буря злая, но на сердце — свет от взора.
Ты, что сердце давишь горем, — радостного пыла слаще.

«Погляди», — сказала. Что же? Я тебе цены не знаю.
Знаю только, дней моих ты мне всегда светила слаще.

Мир с тобой, с тобою ссора — слаще мне одно другого.
В гневе ты сладка, ласкаешь — сердце не забыло —
слаще.

Жизнь — жемчужина: свиданье Низами оплатит
жизнью.
Но платить ли мне так скупое? Всѣ, что ты дарила, —
слаще.

28

Жить в заботе и невзгодах, расточая зло, — не стоит.
Тосковать и горько плакать — пусть нам тяжело —
не стоит.

Мир со всем его богатством невелик: зерна он меньше.
Перед правдою неверной преклонять чело не стоит.

День заботливый, — он полон животворного сиянья.
Предрассветного тумана всё его тепло не стоит.

Наша жизнь, я слышал, стоит меньше малого. Неправда.
Жизнь и этого — ничтожней что бы быть могло? —
не стоит.

29

Любовь пришла, чтоб день мой угасить.
Хочу тоску по степи разгласить.

Я в бой вступил на улице твоей.
Оружье смуты должно мне носить.

Не вижу милосердия в тебе,
Иль глаз мой слеп? Тебя ли мне винить?

Закон любви установил не я,
Зачем ты хочешь кровь мою пролить?

Жемчужины в глазах у Низами,
Я мог бы ими море одарить!

КАСЫДЫ

30

Слышишь, звякнул бубенцами в путь готовый караван.
Кочевать тебе отныне по дорогам горных стран.

Бубенцы — твои стенанья, боль — вожатый
непреклонный.
Что ж, терпи и обживайся в круге слова «караван».

Ты пока — кольцо дверное, стонущее под руками,
Бубенцом стенать почетней, не страшись, иди в туман.

В бубенце печаль трепещет — оттого он и стенает,
А стенать кольцу дверному пустотою повод дан.

Мы легко простим бубенчик — стонет он от боли в сердце,
Но кольцо простим охотней: сердца нет — велик изъян.

На четыре буквы мира положи четыре пальца.
Где он, мир? И блага мира мельче маковых семян.

До того как мир обманом зачеркнет тебя навеки,
Зачеркни паршивца в мыслях, как ошибку и обман.

Сердце отвяжи от мира, не желай его сокровищ:
Перегруженную лодку легче топит океан.

Мишуру, отличья знаки, словно пыль, стряхни с одежды,
Глупо принимать игрушку за счастливый талисман.

Ты земным садам цветущим предпочти сады ислама:
Слаще розы — вздох Юсуфа, мак бледней безвинных ран.

Усмиряя в теле страсти, ты в душе умножишь веру:
Ладан, давший меньше пепла, более благоухан.

Знание — вот наш повелитель, но соседствует с ним
алчность.
Жив Рустам, но ратью дивов полонен Мазендеран.

Власти мудрости взыскаю, отыщи родник. При этом
Не считай чужих пороков, не гляди в чужой карман.

И земля не беспорочна: вздыбься, род людской изводит.
И сближенье звезд пророчит смертоносный ураган.

Если мир заколебался, зри спасенье в колыбели:
Не корабль спасает в бурю, но спасительный Коран.

Отпори с одежд узоры, коль они — не вязь аятов,
Если верой не расшит он — кинь за двери дастархан.

Путь проделав в паланкине истин, молвленных Аллахом,
Поспеси под сень речений, коих свод пророком дан.

Шариат твоим слугою пребывает бескорыстно,
Ты ему служи без платы, рвеньем сердца обуян.

Бди в круговращенье жизни, вежд бессонных не смыкая,
Спящего скорей уносит близкой гибели бурян.

На корабль попав случайно, возвышайся и не падай!
Парус, падать не умея, светом солнца осиян.

В человеческом обличье двуедин ты по натуре,
Лишь с годами прояснится, ангел ты или шайтан.

Люди сущностью различны, так из разного металла
Выкованы жала копий или дужки для стремян.

Темнокожие индусы схожи лицами, однако
Этот вор, а этот стражник, тот смиренец, тот смутьян.

Персть земная — ветхий коврик под светильником
злосчастливым.
Сколько ж бить его ногами? Не для этого он ткан.

Облачившись в голубое, ты возвысишься, как небо,
Но осенним прахом станешь, расцветеся, как аргаван.

Мускус цельный, непочатый пребывает в грубой шкуре,
А рассеянный — закутан в шелк, парчу или сафьян.

В пыльных штопанных одеждах по дорогам бродит
святость.
У старухи скрыт под пеплом нехладеющий таган.

Над ханакой поднебесья голубой сверкает купол.
Злак, что пищей станет, зелен, жито желто, плод багрян.

Беготня козла не кормит — есть такая поговорка.
Горы золота скопивший — всё равно не великан.

Золото дано, чтоб тратить, не пленяйся желтизною,
А не то признать придется: ярче золота шафран.

Толку в роскоши немного, золото дари и жертвуй,
Будешь сам сиять нетленно, словно золотой кумган.

Сделай красящей сурью пыль с дороги шарията,
Торопись, пока в глазницах смертный не залег туман.

Чтоб не стать рабом ничтожным, под уздцы ведущим
шею сунь в ярмо халифа, сердце пусть клеймит султан.
лошадь,

Почему вкусна так шея у вола и полны ляжки?
Знай, клеймо, ярмо для мяса, как душистый майоран.

Не зрочки ты прячешь в веках — пару аспидных
жемчужин.
Аббасидам и сельджукам этот цвет для стягов дан.

Если белый цвет исчезнет, не жалея его нисколько,
Захлестнет все страны света цвета черного аркан.

Черный цвет победно мчится в белый день из черной
ночи,
Черный негр смеется чаще белолицых христиан.

Что султан? Земной владыка, он у неба — в полном
рабстве.
Сделайся рабом Аллаха, стань таким же, как султан.

Если же ты сам владыка, то лелей рабов послушных,
Чтобы и тебя лелеял тот, кто носит высший сан.

Справедливый и в могиле озарен сияньем солнца,
В Судный день прохладной тенью осенит его платан.

Непосильна справедливость, обуздай хотя б насилие,
Помни: тот, над кем ты властен, — человек, а не баран.

Судный день на дне колодца всех насильников застанет,
Как Харут с Марутом будет каждый скорбью обуян.

Не лишай подвластных хлеба, не лишай воды поля их,
Чтобы ангелам на радость дань тебе платил шайтан.

От глотка Хусейн бы ожил, а кусок сгубил Адама.
Стань оплотом воздержанья, словно месяц рамазан.

Не гляди в родник соседа, будь он хоть источник
Хызра,
И на хлеб чужой не зарься, пусть душист он и румян.

Станешь львом в делах и мыслях, укрепишь трудами
руки,
Прибегут к тебе в пустыне барс и трепетный джейран.

Вспоминай былую слабость, уязвимость брэнной плоти
Ты, эмир, рабом побывший, врач, познавший жженье
ран.

Накопившиеся слезы пусть легко на грудь прольются,
Так жемчужною росою украшается тюльпан.

Подними веков завесу, посмотри, людьми какими
Время весело играет в нескончаемый човган.

Ездигерд венцом гордился, а венец его — репейный,
Вывалян в пыли и соре царственный Ануширван.

Да и ты, как ни храбришься, всё равно свой щит
отбросишь:
Хрупок панцирь черепахи, рыбу тоже ждет казан.

Как отраднo в люльке мира чувствовать себя младенцем.
Только время — нянька злая, да и ты не мальчуган.

У седого лицемера щедрость и беспечность ложны:
С камфарой змея в соседстве, что ж искать иных охран?

Время, как лукавый лучник, птицу шариком сбивает.
Оттого дрожу я в страхе, глядя на его колчан.

Если б время было зрячим, я б собой его утешил,
Но красив слуга напрасно, коль слепым рожден тиран.

Вот уж неуча проказа пусть лишит ногтей и зренья,
Косточки размером с ноготь он не выскулит, болван.

Кознями в Гяндже казимый, словно казнокрад
презренный,
В Йемене свой суд творю я, и послушен мне Хотан.

Здесь земля ко мне сурова, как безводная пустыня,
Я омыт своей слезою и своей слюною пьян.

Серебро — ничто, покуда не расстанется с рудою.
В мастерской рубин не ценен, даже если чист огран.

Низами, тебе — за тридцать, исполняй, что сам наметил,
Уплати по счету прежде, чем закроется духан.

«Скоро...» — ты твердишь Каабе. Это «скоро» —
бесконечно.
Так блюди же тут, на месте, долг священный мусульман.

31

1

Я царем царей в державе мудрых мыслей нынче стал.
Повелителем пространства, шахом времени я стал.

Громок моего дыханья полнозвучный колокольчик.
Свой калам — свой стяг победный я над миром водружал.

Лоб моих стремлений выше, чем корона Кей-Кубада,
Торсу моего величья и кафтан Гурхана мал.

Солнцем двигаясь по кругу, сея свет с небес четвертых,
Как Мессих, своим дыханьем жизнь я мертвым даровал.

В царстве благозвучных песен не делюсь ни с кем я
властью,
Мой удел — одни победы, поражений я не знал.

Мыслей дерзкою атакой сильных мира покоряю,
Знаниями воздвигаю обороны прочный вал.

Так, как я рождаю слово, доброта рождает доблесть.
Так, как юности румянец, бог талант мне даровал.

Звук моих газелей слаще, чем напевы органона.
Мысли освежают разум, словно взмахи опахал.

Звезды признанные светят, потому что я зажег их.
Я — вода небесных сводов, а они — набор пиал.

Слово девственным оставлю, не ударю в бубен речи,
Чтоб объедками со свадьбы хор пронур не пировал.

Пар случайных размышлений многим я дарил наукам,
А осадок драгоценный в песнопеньях применял.

Поэтических находок сам чеканю я монету,
Всё иное побывало много раз в мешках менял.

За экспромтом и шарадой сотни сотен душ увлек я,
А при помощи софизмов тысячи сердец украл!

Легкий почерк мой увидев, Ибн-Мукла кусал бы пальцы,
Ибн-Хани со мною в споре был сражен бы наповал.

Я — луна в полночном небе, но не знающая пятен.
Я — жемчужина, изъяном бог меня не покарал.

Захворав, бальзам не пей ты, ведь мои целебней бейты,
Слог мой, точно финик сладкий, выше всяческих похвал.

У души моей на створках вырезано завещанье:
«Не звучать речам на свете после тех, что я сказал».

Если стать замыслю вровень я с Давудом-псалмопевцем,
Голоса мобедов стихнут, точно ветер между скал.

Если прекращу дыханье — у людей сердца увянут,
Так без воздуха и солнца базилик бы вмиг увял.

Если б во дворце Вселенной мои песни не звучали,
Кто познал бы суть блаженства, кто б вино у магов
брал?

Легкой плавностью напева мне гордиться не зазорно,
Так гордится, источая благовоние, сандал.

Океан — мое дыханье, в нем приливы и отливы,
Вдох — на дно ушел ныряльщик, выдох — перл со дна
достал.

Воздух каплями дождинок грудь мою спешит наполнить,
Чтоб из раковин без счета жемчуга я вынимал.

Сам, как в раковине чистой, в браке истинном зачатый,
Двух ублюдков поношенья я выслушивать устал.

Трижды мерзостен завистник, стану Йеменской звездой,
Свет которой блуд и скверну поражает, как кинжал.

Скакуны моих творений что-то резвость потеряли,
Видно, я нуждой и горем их копыта подковал.

Хвастовство мое звенело, точно дутые браслеты,
Как я каюсь, как стыжусь я неумеренных похвал.

Так сниму же погремушки, отопру сундук сокровищ,
Не уймуся, куда людям не отдам последний лал.

2

Не добывший и агата, что рубинами я грежу?
Что мне перлы уст, коль перлов кошельком я не поймал?

Пир ночной вершу вдвоем я со своим печальным
сердцем,
Не в вине — в слезах кровавых омочив края пиал.

А пинки, что получаю, добывая хлеб насущный,
Горше палочных ударов, что базарный вор узнал.

Обнищав, душой изверясь, — всё, как прежде, жажду
славы,
Бос и гол, я жажды власти всё еще не потерял.

Не стремиться бы мне в небо от земли, из черной
бездны:
Дерево, чьи корни слабы, не для мачты матерьял.

Я не фокусник лукавый, не фальшивый богомолец:
Луком глаз своих не мазал, щек шафраном не пятнал.

Вздор, как будто совершенен я в искусстве песнопенья,
Словно ботало верблюжье, я бессмысленно болтал.

Шелк стихов, узоры мыслей — паутина, прах летучий,
Где, я мнил, живое чувство — мертвый черепа оскал.

Я — бездомный пес, и мчатся вслед за мной собаколовы,
Хвать! — и кинут в пропасть ада, чтоб на стражей
не брехал.

На дворе монетном слова — не медяк ли я чеканил?
Разве от слона защита жалкий глиняный дувал?

Чем гордиться стихотворцу, коль пророк однажды
молвил:
«Самый лучший стих, который больше лжи в себя
впитал».

Для науки безразлично, где какой язык ей служит:
Суть красавицы не тронешь сменой пестрых покрывал.

Для стихов переложенье на другой язык — смертельно.
Горд удачей, а взглядишься: вытек смысл и дух пропал.

Я, как зеркало, порою миру противопоставлен,
Твердым ликом непрогляден и душою крепче скал.

Но, охваченный сомненьем, становлюсь слабей былинки,
Встер гнет меня и треплет, капля рушит наповал.

Грош цена мне в мире этом, но в ином существованье
Я — дирхсма полновесный, благороднейший металл.

Господи, молю, взыскую: укажи тропу такую,
Чтобы дел дурных и мыслей я засаду миновал.

Осени благословеньем мой источник вдохновенья,
Чтобы сладость песнопенья в уши мудрых я вливал.

Окажи мне, боже, помощь, чтоб не ждать ее от смертных,
Защити, чтоб я защиты у богатых не искал.

Ты тавром прижги чело мне, к рукавам пришей мне
метки,
Чтоб, махнув рукой, у древних я ума не занимал.

Мнений суетных и злобных не пускай в мое ты сердце:
Несовместен с нежной ланью злобно воющий шакал.

Не взыщи, что мал и слаб я, прахом был и стану прахом,
Вот двуличье, стоязычье — пострашней змеиных жал.

Грешен, но молю прощенья, окажи святую милость,
Я стыжусь — ты это видишь, жизнь трудна — ты это знал.

Все мы — сущие мгновенно, все мы — меченные смертью,
Ты — необходимо сущий, будешь, есть и пребывал.

Так возвысь, позволь увидеть несомненные приметы...
О, я — глуп! Ты ж бесприметно, беспредметно мир объял.

Сердца моего движенье длится лишь тебе в служенье,
Без него порвался б жизни обветшалый матерьял.

В теле собственном себя я ежечасно распиною,
Дай смиренья, дай уменья не искать, что потерял.

Хоть однажды благосклонно приласкай мне взглядом
сердце,
Чтоб в израненном, усталом свет отрадный засиял.

За нечаянный проступок Низами прости без гнева,
Произвол небес известен: шел туда, сюда попал.

Дал ему ты счастье жизни, до конца продли щедроты:
Смерть пошли ему благую, отбери легко, как дал.

32

Зри: сидит Султан Каабы, семь стран света — Его трон,
Он одет зеленой тканью, черной тканью осенен.

Как Хосров, скрестивший ноги, формой — четверуголен,
Сам Он — центр круговращенья всех народов и племен.

Стройностью — араб, и тюрок — красотой
и благородством.
Белый цвет лица одной лишь родинкою оттенен.

Так, как родинки отметки, — в мире этом беды редки.
А Его кольцо дверное — злу ловушка и заслон.

Мускус праведного камня — всех сокровищ пробный
камень,
Рядом с ним чистейший мускус до песчинки уценен.

Мускус, где б ни находился, в плотный шелк укутан
плотно.

Мускус родинки зеленым шелком тоже затенен.

«Вот я, весь перед тобою!» — голоса взлетают к небу.
В битвах так гремят угрозы, в Судный день так грянет
стон.

На столбах Его узоры древу райскому подобны,
Водосток сереброгорлый здесь Ковсаром орошен.

Всемогущий мудрый кормчий, мира кораблем Он правит,
Потому и якорь прочен, парус бурей не снесен.

В чертеже полнообъемном на таблице милосердья
Центр — Его михраб, а стены — замкнутость шести
сторон.

Чистотой благоухая, очищает Он пространство.
Он — пупок Земли, проливший аромат на ткань времен.

Он — орел, слетевший с неба, севший на ковер из камня.
Птицам путь над ним заказан: смертный страх их гонит
вон.

Господи, ужели очи Низами не насладятся
Созерцаньем храма прежде, чем последний примут сон?

«О, господь моей Каабы!» — он шептал бы неустанно,
Обращал бы славословья к справедливейшему он.

Кто ж такой — Санджар в сраженье, мудрый кисра
на престоле,
Кто ста киср и ста Санджаров доблестями наделен?

То Нусрат ад-Дин славнейший, повелитель в царстве
мира.
Меч его грозе подобен, слово каждое — закон.

Он — Мансур, сын Музаффара, Феридун — Джемшида
семья,
Он подобен Абу-Бакру, что Мухаммедом рожден.

Мыслями высок он, в битвах всех отважных затмевает.
Так все звезды гасит солнце, лишь взойдет на небосклон.

Он — венец всех венценосцев, строгий пастырь всех
пасущих.
Даже стяги Искендера не затмят его знамен.

Под его могучей дланью подданные процветают,
Он подвластные державы защитил со всех сторон.

На друзей, подобно туче, льет дожди он золотые.
На врагов, как лев пустыни, мчится, дик и разъярен.

Скромное людское счастье от судьбы и звезд зависит.
Счастье звезд ему подвластно, и судьбою правит он.

Если гнев его охватит, задрожит земля от страха,
Кисра свой венец уронит, у хакана треснет трон.

Милости его улыбкой отпираются щедроты:
Шахам звон монет он дарит, женам — украшений звон.

Выи те, что уклонялись от ярма его упряжки,
Петле поклонились, либо крюк отвесил им поклон.

Нет другого человека, чтоб вместил в себя два мира,
Мудростью и благочестьем в равной мере одарен.

Ты, кто щедростью своею исчерпать способен море,
Чьим дождем великодушья прах пустыни орошен.

Правосудия десницу ты поддержкой укрепляешь,
А насилью причиняешь нескончаемый урон.

Ты врагов смиряешь гневом, без плетей, оков и тюрем.
Тот, кого ты ненавидишь, без кинжала умерщвлен.

В нард судьбы играя с небом, ты закрыл ему шесть
клеток
И обрек на поражение игрока шести сторон.

Хоть немало я жемчужин приносил к подножью трона,
Обносим бывал я чашей и наградой обойден.

Низами даров, о щедрый, не отвергни, умоляю!
И твоим дарам бесценным пусть порадуется он.

Твои ночи да пребудут, дням подобно, лучезарны,
Каждый светлый день да будет наилучшим замещен.

Вечной юности сиянье излучая на престоле,
Будь один владыкой мира, что Аллахом сотворен.

Уж время — шашками закрыть шесть клеток мировой
доски,
С небес две кости для игры смахнуть движением руки.

А черноту и белизну небес расписки долговой —
Обещанных ночей и дней — рви, не жалея ни строки.

И гидросферы весь объем пусть испарится без следа,
И геосферы весь объем пусть разлетится на куски.

Давно уж может небосвод направить прочь свою ладью,
Чтоб капнул мир в небытие, как тонущий — на дно реки.

О, если бы чуть легче стал вращающийся небосвод!
У мельницы короче век, коль жернова ее легки.

Поскольку держит Землю Бык, уравновесив на рогах,
Дома, что воздвигашь ты, все не надежны, не крепки.

Как поразить Быку Земли своим копытом Льва Небес?
Бык дрогнет, встретив когти Льва и смертоносные
клыки.

Однако вижу я кругом сердца собачьи и боюсь:
Вдруг Бык теперь могуч и храбр, у Льва же — лапы
коротки?

Пугает Землю небосвод — парящий купол голубой.
Так голубь башню облетит, боясь наткнуться на силки.

Чтоб в бурном океане дней корабль уверенней ты вел,
Пусть якорем твоя нога уйдет в смирения пески.

Стань Хызром праведным. Когда откочевать пора придет,
Все воды перейдешь ты вброд, сколь ни были бы глубоки.

Ты на Аллаха уповай, и, если морем станет мир,
Клянусь, на пальцах ног твоих сухими будут волоски.

Старая, не добреет страсть, и нам не легче сладить
с ней:
Кусается змея больней в свои последние деньки.

Прямой и честный сделай шаг и станешь прям, как
кипарис.
Крупницей мускуса весы на благовонье обреки.

В искусстве слов не почитай искусный вычурный обман,
Пусть правда славится тобой любым соблазнам вопреки.

Таким явись перед людьми, что, если даже и солжешь,
Поверят правдолюбцы в ложь, от всех сомнений далеки.

В обитель веры и добра вселись, душою обновлен,
В ней против дивов не нужны тебе ограды и замки.

Ослепнет страшная змея, едва взглянув на изумруд,
Иблис, услышавший Коран, оглохнет с первой же строки.

Когда, как праведный Халил, ты путь смиренья изберешь,
К тебе разбойники пойдут в смиренные проводники.

Кричи и в стену бейся лбом, но сердце спящее твое,
Пока не грянет Судный день, презрит и крики, и пинки.

Будь голосом хоть сам Санджар, греми под куполом
небес,
Но эха тщетно станешь ждать: уж слишком своды
высоки.

Но каждый, скорбный сердцем, свят и обретет огонь
Мусы.
Пророком Хызром стать не всем, кто открывает родники.

Довольно горечи морской испить придется прежде, чем,
Глотнув дождинку, различишь в себе жемчужины
толчки.

Жемчужину свою блюди, хоть свет ее ничтожно мал,
Тусклей того, каким весной в ночи мерцают светлячки.

А ты, готовый мотыльком к семи светильникам взлететь,
Пугайся солнечной свечи: сгорают быстро мотыльки.

Став мудрой, голова твоя в човгане этом круговом
Всею клюшкам пусть подставит лоб, чтоб рады были
игроки.

Слугой послушным быть учись, Избравшего служенья
пусть
Возвысит тот, кого Аллах избрал себе в ученики.

Шихна, который справедлив, эмира обретает власть,
Эмира, коль он справедлив, о небо, шахом нареки.

Потворствуй преданным друзьям, их за проступки
не гони.
Как напоит тебя сосуд, тобой разбитый в черепки?

Скликая войско, щедрым будь, хлеб не жалея раздавай,
И муравей, дающий хлеб, способен в бой вести полки.

Не жри, как плотоядный червь, жизнь воздержанием
продли:
Ведь режут первыми овец, чьи тяжелее курдюки.

Но съеденное возвращай, стань словно шелковичный
червь.
Его сверкающий венец — слюны бессчетные витки.

Страсть плотскую ты низведи до уровня тончайших трав
И бди, чтоб в сосны невзначай не превратились
стебельки.

Страсть похотливую спешి как можно раньше одолеть:
Змея, в дракона превратясь, под старость злее жмет
тиски.

Не прочно царство у того, кто кровь ему подвластных
пьет.
Луна кровь солнца пьет, и вот ей лик пятнают синяки.

Спеши пополнить свой амбар хотя б крупницей добрых
дел.
И от невзрачного зерна тучнеют хлебные мешки.

Но те, кого ты угнетал, — страшись! — поднимут
в Судный день
Над грешной головой твоей неумолимые клинки.

В мирах обоих суд един, и справедливость — всем судья:
Бесценней взятых золотых раздаренные медяки.

И если руки раздробит Бахману славному дракон,
То из обломков прорастут ладони, но не кулаки.

Я долго шел по лугу лет, и сгорбилась моя спина.
От долговечности теперь какая доля мне дана?

Не в силах людям подарить я ни прохлады, ни плодов:
Плоды сбил бедствий ураган, листва дождями сметена.

Мой стан — подобье кетменя, им лишь могилу и копать.
И разве не на камфару мне намекает седина?

Свой черный мускус кабарга под белым волосом хранит.
Из мускуса моих волос — вот чудо! — лезет белизна.

Жемчужин светлых два ряда во рту я некогда носил.
Но вероломны небеса: шкатулка опустошена.

Исчезли перлы, потускнев, — а ведь блестели ярче звезд!
Звезда моя, едва взойдя, была нуждой омрачена.

Закат уж близок. Я хочу сам, как сова, лететь туда,
Где вместо праха и руин блаженной вечности страна.

Эдесь я согбен, как черный сук засохшего карагача,
У добродетели в саду, как пальма, стать моя стройна.

Согнулся вдвое я затем, чтобы одежд не запятнать:
Кровоточит моя душа, вот и слеза обагрена.

Возлег на голову мою седых волос тяжелый снег.
Не проломил бы кровлю он, давя с рассвета дотемна.

Снег, увенчав чело горы, родит стремительный поток.
Горючих слез моих река причиной той же рождена.

Я, немощами изнурен, бесплотным сделался, как тень,
Меня дорогой протащи — не будет пыль возмущена.

Никто не помнит обо мне, поскольку я, лишенный сил,
Друзьям на память не приду: дорога для меня трудна.

Хоть стан мой согнут, словно лук, он сам собой укрыться
рад.

Но у стрелка, чье имя «смерть», наметан взгляд, рука
верна.

Вершин покоя как достичь, как воспарить над бездной
бед?
Поломаны мои крыла, мне высота теперь страшна.

Плоды моих былых надежд раскатаны по всей земле,
Камнями сбитые с ветвей и не созревшие сполна.

Освобожденье от плодов древесный распрямляет ствол,
Но пальма тела моего и без плодов наклонена.

Несчастиями истомлен, я опустил главу на грудь.
Не опустила б смерть меча, ведь шея так обнажена...

Слабеют веки у меня, я плачу от любви к друзьям,
Мне вскоре уходить тропой, чья не измерена длина.

В дому печали я сижу, забившись в темный уголок,
Порога мне не одолеть: ослаблен дух и плоть больна.

Я книгу жизни завершу тем, что познал в конце концов:
«Неведома мне суть земли, суть неба для меня темна».

И черный цвет, и белый цвет — неотличимы для меня,
Сияет солнце ли в лицо или светильник жжет луна.

Жизнь миновала. Что же в ней я совершал? Грехи,
грехи...
Склоняюсь ниц перед людьми, душа раскаянья полна.

В ознобе нынче трепещу, одолевает руки дрожь,
Веселья чаша на пиру моим устам не суждена.

Стучится в двери смертный час, как гостя этого приму?
Чем стану потчевать того, кому лишь жизнь моя нужна?

А жизнь с житейского стола немного сладостей взяла,
Хоть и халву держу во рту, горчит отравой слюна.

Прощается со мною жизнь, в своих объятьях жмет и гнет,
Совсем согнула, неужель в меня так сильно влюблена?

Я опасуюсь каждый миг: от хватки яростной ее
Не лопнули бы ремешки, чем к кости кость прикреплена.

При том, что пальцем на ходу считаю, где упал, где
встал,
Своим годам я счет веду — вот чем душа изумлена.

Со мною на лугах земли в разладе воздух и вода.
Исы дыханье мне не впрок, вода живая мне вредна.

Как туча зимняя — дожди, я сожаленья слезы лью:
Перед глазами пронеслась моя далекая весна.

Монеты юности давно я на дорогах растерял,
А нынче под ноги смотрю, да не попалась ни одна.

К стене теперь я льну, как тень, чтоб удержаться
на ногах.
Ты послужи опорой мне, не отвергай меня, стена!

Со смехом время унесло дирхемы юности моей,
Взамен игрушку кинув мне, а той игрушке — грош цена.

Из царства радости порой к нам вести добрые летят,
Но глуше ваты седина, заткнула уши мне она.

В стенаньях, тягостным трудом насущный добывая хлеб,
Я — точно жалкий муравей, что еле тащит ползерна.

Неблагородная судьба, чтоб обесценить суть мою,
Расколотила камнем бед мой перл, подняв его со дна.

Мой тайный дар, заветный дар вовсю завистники хулят,
Как будто бы порока он изнаночная сторона.

Неся на сердце знаний свет, я станом скрюченным своим
Напоминаю ореол, в котором нам луна видна.

Нить мыслей и забот моих вся в петлях, в путаных узлах.
Распутая ль хотя бы часть до погруженья в сумрак сна?

Склонясь над садом бытия, неумолимый небосвод
Счет мне корни топором, ведь крона уж не зелена.

В чем содержанье, не пойму, не смыслю в форме ничего.
Нет содержания в душе, и взору форма не ясна.

Я на земле так гнусно жил, что, если окажусь в аду,
Меня там станут избегать и грешники и сатана.

Сад бунта вырастил меня, но время сушит плоть мою,
Чтоб в адском пламени горел я лучше ветки и бревна.

Всевышний кончиком пера украсил лист моей судьбы.
Но говорят лишь о грехах начертанные письмена.

Старался смыть потоком слез я страшный текст, а толку
что?

Упрямым всевышним, повесть та им вновь и вновь
повторена.

В упорстве этом он всеблаг, не дав полнее проявить,
Сколь мерзок по натуре я и совесть как моя черна.

И если кто меня убьет за то, что растранижил жизнь,
Суд разума произнесет: заслуга это — не вина.

Но если дам костру души я расплаться в полный жар,
Вскипят, взбурлят небеса, их голубая глубина.

ПОЭМЫ

СОКРОВИЩНИЦА ТАИН

О ПОЛОЖЕНИИ И ДОСТОИНСТВЕ ЭТОЙ КНИГИ

Я, которым прославлена свежая роза моя,
В розах шахских садов распеваю звучней соловья.

Я дышу лишь тобой, и всё жарче и всё полновесней,
Словно в колокол, бью я своей призывающей песней.

Для напева слова́ мне никто бы не смел указать,
Говорю только то, что мне сердце велело сказать.

Необычные вещи сегодня показаны мною.
Новый очерк им создан, и каждая стала иною.

Много утренних зорь о премудром раздумывал я.
Из колдующих зорь ныне сшита завеса моя.

В ней высокий удел и покорное нищенство слиты,
И сокровища тайные этой завесой укрыты.

Этот сахар не видел слетевшихся мошек. Я мал,
Словно мошка, но всё же я сахар чужой не сбирал.

Этот мир недоступным окажется даже для Ноя,
Даже Хызр свой кувшин разобьет у сего водооя.

И, взыскуя прекрасного, нужных искал я примет.
Стал я жребий метать, и благой получил я ответ.

В двух краях книги две засверкали. В своей благодати
Два на них Бахрам-шаха свои положили печати.

Книга первая — золото. Новый открылся рудник.
А вторая — жемчужина. Дар из пучины возник.

Та — для всех из Газны́ понесла свое знамя.
Другая —
На румийском дирхеме чекан поместила, сверкая.

Хоть звенит звонким золотом прежний блестящий
дирхем,
Мой дирхем золотой ты сравнить не сумеешь ни с чем.

Пусть моих караванов не так многочисленны выюки,
Но сдаю свой товар я в прекрасные, в лучшие руки.

Вникни в книгу мою. Книга будто чужда и странна,
Но прими ее ласково. Близкою станет она.

В ней слова что цветы насажденного правильно сада.
В ней лишь только свое, ничего ей чужого не надо.

Всё в ней создано лучше, чем в мире и суши и вод.
Эта книга свежей и древней, чем лазоревый свод.

И с окраской она всей сверкающей шири не сходна,
И она с языком, существующим в мире, не сходна.

Для стола твоего эти яства готовились мной.
Их прими, государь, их никто не касался иной.

Коль они хороши, то да будет тебе в них услада,
Если нет, то и помнить о яствах подобных не надо.

Ты читай мою книгу, блистая меж звездных гостей,
Со стола своего ты мне кинь хоть немного костей.

Я ведь только твой пес, и расстался я с роком угрюмым,
Услужая тебе этим лаем покорным и шумом.

Мне немало владык благосклонно внимало, но я
Их оставил. Тебе предназначена служба моя.

Будет время, я знаю, на верного глянешь ты с верой.
И, приблизив меня, наградишь меня полною мерой.

Хоть в чертог, где живут только те, чьи сверкают венцы,
Для хвалений вседневных пришли отовсюду певцы,

Оценить Низами кто из них не сумел? Одиноко
Он стоит пред певцами, стоит перед ними высоко.

На стоянке одной повстречался я с ними в пути.
На один переход я их всё же сумел обойти.

Мой язык — что алмаз. Это меч мой, — тебе ведь он
ведом.

Я им головы снес, всем за мной появившимся следом.

Этот меч Низами, многим головы сбросивший с плеч,
Не стареет. Ведь он — притупленья не знающий меч.

Хоть мне равных и нет и удел мой высок настоящим, —
Но для ног Низами есть предел, еще выше стоящий.

Я к зениту лечу, хоть его и высоки сады,
Но вкушу я, быть может, своих помышлений плоды.

И, быть может, твоим благосклонным утешенный словом,
Возле ног твоих царских склонюсь я под царственным
кровом.

Чтоб достичь небосвода, за пыль твоих стоп ухвачусь.
До созвездий крутящихся как же еще я домчусь?

Быть с тобой два-три месяца так я хотел, чтоб хвалами
Твой порог осыпать. Но суровыми, злыми делами

Занят горестный мир; я в кольце, и заказан мне путь,
И тугое кольцо я не в силах сейчас разомкнуть.

Чтобы быть мне с тобой, чтобы встать мне у тронных
подножий, —
Мне казалось, о шах, из своей мог бы выйти я кожи.

Но хоть множество львов на дорогах предчувствовал я,
Хоть мечей и кинжалов сверкали везде лезвия,

На путях, преграждаемых злыми клинками, — с тобою
Прсбываю душой. Утверждаю тебя я хутбою.

Направляю к тебе я бегущую воду речей.
Я — педвижный песок, словословья звенящий ручей.

Я — пылинка. Ты — солнца на утреннем небе явленье.
Я молюсь на заре. Да услышится это моленье!

Сердце — море. В нем жемчуг. Мой жемчуг сияет огнем.
Этот жемчуг — подвески на поясе царском твоём.

Ночь твоя пусть вовек ярче звездных блестит узорчий!
Пусть твои жемчуга озаряют течение ночи!

Пусть тебя в сей обители бедствий не мучает гнет!
Пусть другая обитель тебе еще ярче блеснет!

И оно всех селений отраднее в этом селенье,
И древней, чем лазурь, и, как небо, забыло о тленье.

С цветом выси подлунной и шири не сходно оно,
С языками, что слышатся в мире, не сходно оно.

Там, где слово свой стяг поднимает велением бога,
Там несчетны слова, языков там несчитанных много.

Коль не слово сучило бы нити души, то ответь,
Как могла бы душа этой мысли распутывать сеть?

Весь предел естества захватили при помощи слова.
Письмена шарирата скрепили при помощи слова.

Наше слово имел вместе с золотом некий рудник.
Пред менялюю слова он с этой добычей возник.

«Что ценней, — он спросил, — это ль золото, это ли
слово?»
Тот сказал: «Это слово. Да, слово!» — промолвил он
снова.

Все дороги — до слова. Весь путь неземной для него.
Кто всё в мире найдет? Только слово достигнет всего.

Слов чекань серебро. Деньги — прах. Это ведаем все мы.
Лишь газель в тороках у блестящего слова — дирхемы.

Лишь оно на престол столько ясных представило прав.
И держава его всех земных полновластней держав.

Всё о слове сказать наше сердце еще не готово.
Размышлений о слове вместить не сумело бы слово.

Пусть же славится слово, пока существует оно!
Пусть же всем, Низами, на тебя указывает оно!

**ПРЕВОСХОДСТВО РЕЧИ,
НАПИСАННОЙ В ДОЛЖНОМ ПОРЯДКЕ, ПЕРЕД РЕЧЬЮ,
ПОДОБНОЙ РАССЫПАННЫМ ЖЕМЧУГАМ**

Если россыпи слов, что размерной не тешат игрой,
Те, что тнут жемчуга, жемчугами считают порой,

Тонких мыслей знаток должен знать, что усладою верной
Будет тонкая мысль, если взвешенной будет и мерной.

Те, что ведают рифмы, высоко влекущие речь,
Жемчуга двух миров могут к речи певучей привлечь.

Двух сокровищниц ключ — достижений великих
основа —
Есть язык искушенных, умеющих взвешивать слово.

Тот, кто меру измыслил, к напевам влекущую речь,
Предназначил искусным блаженство дающую речь.

Все певцы — соловьи голубого престола, и с ними
Кто сравнится, скажи? Нет, они не сравнимы с другими.

Трепеща в полыханье огня размышлений, они
Сонму духов крылатых становятся часто сродни.

Стихотворные речи — возвышенной тайны завеса —
Тень речений пророческих. Вникни! Полны они веса.

В том великом пространстве, где веет дыханье творца,
Светлый путь для пророка, а далее — он для певца.

Есть два друга у Друга, чья светлая сущность едина.
Все слова — скорлупа, а слова этих двух — сердцевина.

Каждый плод с их стола — ты приникнуть к нему
поспеши —
Он не только лишь слово, он свет вдохновенной души.

Это слово — душа. Клювом глины ее исторгали.
Мысли кажет оно. Зубы сердца его разжевали.

Ключ речений искусных не стал ли водою простой
От певцов, что за хлеб разражаются речью пустой?

Но тому, для кого существует певучее слово,
Дан прекрасный дворец. Он приюта роскошней земного.

И к коленам своим наклоняющий голову — строг.
Не кладет головы он на каждый приветный порог.

Жарким сердцем горя, на колена чело он положит,
И два мира руками зажать он, как поясом, сможет.

Если он, размышляя, к коленам склоняет лицо,
Он в раздумье горячем собой образует кольцо.

И, свиваясь кольцом, в бездну вод повергает он душу,
И затем, трепеща, вновь ее он выносит на сушу.

То в кольце созерцанья горит он, спешит он, — и вот
Он вдевает кольцо даже в ухо твое, небосвод!

То в ларец бирюзовый — уменья его и не взвесить! —
Только шарик вложив, из него достает он их десять.

Если конь его мчится и взлета страшна высота,
Его дух, замирая, его лобызает уста.

Чтоб достичь рудника, где свои добывает он лалы,
Семь небес он пробьет, совершая свой путь небывалый

Как согласных детей, он слова собирает — и рад
Их к отцу привести. Их отец — им излюбленный лад.

Свод небесный идет, изгибаясь, к нему в услуженье;
Тяжкой службы тогда незнакомо певцу униженье.

И становится благом напев его дышащих слов,
И любовью становится множества он языков.

Тот, кто образ рождает и мчится за образом новым,
Будет вечно прельщаться его вдохновляющим словом.

Пусть его Муштари чародейств поэтических чтут.
Он подобен Зухре. Им повержен крылатый Харут.

Если речи поклажа для дерзостных станет добычей,
Речь унизят они; это всадников низких обычай.

Их набеги готовы мой разум разгневанный сжечь!
Украшатели речи лишают достоинства речь.

Сердца плод, что за душу певец предлагает победный, —
Разве это вода, что за пищу вручает нам бедный?

Уничтожь, небосвод, этот ряд нам ненужных узлов,
Препоясавших пояс! Щадить ли метателей слов?

Ты мизинцем ноги развязать каждый узел во власти.
Наши руки бессильны. Избавь нас от этой напасти!

Те, что ждут серебра, а за золото на́ смерть пойдут, —
Лишь одно серебро, а не золото людям несут.

Кто за деньги отдаст то, что светит светлее, чем пламень,
За сияющий жемчуг получит лишь тягостный камень.

Что еще о «премудрых»? Ну, что мне промолвить о них?
Хоть восходят высоко, они ведь пониже других.

Тот, носивший парчу, тот, кто шаху казался любезным,
Всё же в час неизбежный куском подавился железным.

Тот, кто был серебром, тот, кто к золоту ртутью не льнул,
От железа Санджара — ведь он — серебро! — ускользнул.

Речью созданный мед отдавать за бесценок не надо,
Не приманивай мошек. Для них ли вся эта услада!

Не проси. Ведь за верность без просьбы получишь дары.
Для молитвы в стихах нужно должной дожждаться поры.

До поры, как Закон не почтит тебя благостным светом,
Не венчайся ты с песней. Смотри же, запомни об этом!

Возведет тебя песня на лотос предельных высот
И над царствами мысли высоко тебя вознесет.

Коль Закон осенит твою песню высокою сенью,
В небесах Близнецы не твоей ли оденутся тенью?

Будет имя твое возвеличено. Ведает мир,
Что «владеющий ладом в эмирстве речений — эмир» .

Небосводу не надо к тебе наклоняться. В угоду
Светлым звездам твой стих будет блеском сродни
небосводу.

С головою поникшей ты будь как подобье свечи.
Днем холодный всегда, пламенеющим будь ты в ночи.

Если мысль разгорится в движенье и жарком и верном,
Станет ход колеса, как движение неба, размерным.

Без поспешности жаркой свою облюбовывай речь,
Чтобы к выбору речи высокое небо привлечь.

Если в выборе медлишь и ждешь ты мучительно знанья,
Лучший лад обретешь ты: дадутся тебе указанья.

Каждый жемчуг на шею ты не надевай, погоди!
Лучший жемчуг, быть может, в своей ты отыщешь груди.

Взвивший знамя подобное — шар у дневного светила
Отобрал, и луна, с ним играя, свой мяч упустила.

Хоть дыханье его не горело, не мчалось оно,
То, что создано им, всё ж дыханьем горящим полно.

В вихре мыслей горя, он похитил — об этом ты ведай —
Все созвездья, хоть сам пристыжён будет этой победой.

Из крыла Гавриила коня он себе сотворил,
И перо-опахало вручил ему сам Исрафил.

Пусть посевов твоих злой урон от нашествия минет!
Пусть конца этой нити никто у тебя не отнимет!

Ведь с инжиром поднос стал ненужным для нас потому,
Что все птицы из сада мгновенно слетелись к нему.

Прямо в цель попадать мне стрелою певучей привычно.
На меня посмотрите. Творенье мое — необычно.

Мною келья стихам, как основа их мысли, дана.
Дал я песне раздумье. Приемных не знает она.

И дервиш и отшельник — мои не прельстительны ль
Устремились ко мне. Не пужны им хырка и зуннары. —
чары? —

Я — закрытая роза: она в ожиданье, что вот
На ее лепестки ветерок благодатный дохнет.

Если речи моей развернется певучая сила —
То молва обо мне станет громче трубы Исрафила.

Всё, что есть, всё, что было, мои услышавши слова,
Затрепещет в смятенье от властного их волшебства.

Я искусством своим удивлю и смущу чародея,
Обману я крылатых, колдующим словом владея.

Мне Гянджа — Вавилон, тот, которым погублен Харут.
Светлый дух мой — Зухра, та, чьи струны в лазури поют.

А Зухра есть Весы, потому-то мне взвешивать надо
Речь духовную. В этом от всех заблуждений ограда.

В чародействе дозволенном пью я рассветов багрец,
Вижу свиток Харута. Я новый Харута писец.

Я творю, Низами, и своих я волшебств не нарушу.
Чародейством своим в песнопевца влагаю я душу.

О НАСТУПЛЕНИИ НОЧИ И ПОЗНАНИИ СЕРДЦА

Солнце бросило щит, и щитом черной тени земля
Пала на́ воду неба, прохладу ночную суля.

Сердце мира стеснилось. Светило так тяжело дышало.
Ниспаданье щита всё вокруг с желтым цветом смешало.

И, спеша, войско солнца — его золотые лучи —
Над его головою свои обнажило мечи.

Если падает бык, хоть он был ожерельем украшен,
Все клинки обнажают. Ведь он уже больше не страшен.

Месяц — нежный младенец — за ночь ухватился, а та
Погремушку мерцаний пред ним подняла неспроста:

Ей самой был тревожен сгустившийся мрак, и для мира
Не жалела она серебро своего эликсира.

И дыханьем Исы стал простор благовонный, земной;
Светлой влагой он залил пылание страсти ночной.

И смягчились настоем страдания мира больного,
И о сумраке страстном он больше не молвил ни слова.

Сколько крови он пролил! О, сколько ее он хранил!
Он простерся на ложе, и стал он чернее чернил.

И сказала судьба, всё окинувши взором проворным:
«Мир с неверными схож, потому-то и сделался черным!»

И мгновение каждое эта ночная пора
Лицедейство творила, и кукол мелькала игра.

И луна то белела, то в розах подобилась чуду,
И Зухры яркий бубен дирхемы разбрасывал всюду.

*

Я в полуночной мгле, что была распростерта кругом,
Был в саду соловьем. Но мечтал я о саде другом.

С кровью сердца сливал я звучание каждого слова;
Жар души раздувал я под сенью полночного крова.

И, прислушавшись к слову, свою я оценивал речь,
И смогли мои мысли меня к этой книге привлечь.

И услышал я голос: «Ты с мыслями спорить не смеешь,
Тó возьми ты займы, что отдать ты, бесспорно, сумеешь.

Почему на огонь льешь ты воду приманчивых дней
И запасный твой конь — буйный ветер мгновенных
страстей?

Буйный прах позабудь, будто в мире узнал он кончину.
Но огонь ты отдай огневому, благому рубину.

Быстрых стрел не мечи, ведь сужденье разумное — цель.
Плеть свою придержи. Неужель бить себя, неужель?

Но настала пора. Оставаться нельзя неправдивым.
К двери солнца приди водоносом с живительным дивом.

Пусть твой синий кувшин наши взоры утешит сполна;
Пусть он повесть хранит, и да будет отрадна она!

От пяти своих чувств, от злодеев своих убегая,
Путь у сердца узнай; иль не знать ему нужного края?»

Тем, чье чистое племя к девятому небу пришло,
Гавриила пресветлого дивное веет крыло.

От обоих миров отвратить поспешивший поводья,
Встретив нищенство сердца, благие увидит угодыя.

«Сердце — глина с водой». Если б истина в этом была,
Ты бы сердце такое у каждого встретил осла.

Дышит всё, что живет, что оваяно солнечным светом.
Будь же сердцем горяч; бытие твое только лишь в этом.

Что есть уши и очи? Излишек природы они.
Видят только лишь плен, только синие своды они.

Ухо — правды не слышит, как розы тугой сердцевина,
Очи разум смущают, они — заблуждений причина.

Что же розы с нарциссами чтить ты в саду бытия?
Пусть каленым железом сжигает их воля твоя.

Словно зеркало — глаз: отразится в нем каждый
ничтожный.
Он лишь в юности тешится мира отрадою ложной.

Знай: природа, что миру твой сватает разум, должна
Сорок лет ожидать. Денег раньше не сыщет она.

Всё же за́ сорок лет, чтобы стать пред желанным
порогом,
Много денег она разбросает по многим дорогам.

Ныне друга зови. Заклинанья иные забудь.
Сорок лет подойдет, и тогда лишь всезнающим будь.

Руки сердца прости и гляди с ожиданием в дали.
Пусть разделит печаль тот, кто будет опорой в печали.

Не грусти! Вот и друг; он твою разделяет печаль.
Грусти шею сверни. Вместе с другом к отрадам причаль.

Распростертый в печали, подобной томленью недуга,
Помощь добрую сыщешь ты в помощи доброго друга.

Если дружат друзья так, что будто бы дышат одним,
Сто печалей, умчась, никогда не воротятся к ним.

Только первое утро забрезжит мерцающим светом,
Крикнет утро второе и звезды погасит при этом.

Знаем, первое утро не будет предшествовать дню,
Если дружба второго его не поможет огню.

Коль один ты не справишься с трудностью трудного
дела,
Тотчас друга зови, чтобы дружба о нем порадела.

Хоть не каждый наш город богат, как блистательный
Хар, —
Каждый найденный друг — небесами ниспосланный дар.

Нужен каждому друг; с ним пойдешь ты в любую дорогу.
Лучший друг — это друг, что приходит к тебе на подмогу.

Два-три чувства твои не премудры; они не друзья;
Их кольцом ты стучишь только в дверь своего бытия.

Руки вдень в торока устремленного сердца! Отрада
Быть добычею сердца. Ему покоряйся. Так надо.

Царь девятого неба, к тебе нисходящий в тиши,
Создал видимый мир, создал светлое царство души.

Следом души людей были созданы миром нездешним,
И души устремленье смешал он с обличем внешним.

Эти двое обнявшихся создали сердце. Оно
На земле воцарилось. Так было ему суждено.

И дано ему царством великим владеть, повсеместным.
И телесное всё сочетается в нем с бестелесным.

Не Канопом ли сердца людской озаряется лик?
Облик наш, как душа, повелением сердца возник.

Лишь я стал размышлять о пылающем сердце, мой разум
Принял масло в свой пламенник. Многое понял он разом.

Дал я слуху веленье: «Прислушайся к сердцу! Спеши!»
Сделал душу свою я открытой веленьям души.

Красноречье свое напитал я возвышенным знаньем.
В душу радость вошла, а томление стало преданьем.

И взирал я не холодно. Стал я по-новому зряч.
Пламя сердца пылало, затем-то и был я горяч.

Узы сбросил я с рук. О земном я не думал нимало.
Взросла моя мощь, а грабителей сердца не стало.

Бег мой сделался быстрым, никто не поспорил бы с ним.
К двери сердца, спеша, я пришел переходом одним.

Я направился к сердцу, мой дух — по дороге к исходу.
Полдень жизни пришел. Жаждал этого год я от году.

Я в священной максуре, и я размышляю. Мой стан
Словно шар изогнулся, а был он похож на чоуган.

Где тут шар, где чоуган, где пределы согнутого стана?
Вот кафтана пола, а прижался к ней ворот кафтана.

Из чела сделав ноги, я голову сделал из ног.
Стал я гнутым чоуганом, и шаром казаться я мог.

Сам себя позабыв, покидал я себя всё охотней.
Сотня стала одним, и одно мог увидеть я сотней.

И свой отдал поклон я владыке прекрасному — сердцу.
Душу отдал свою я Султану всевластному — сердцу.

Взял я знамя воителей жаркого сердца, и лик
Я от мира отвел: новый мир предо мною возник.

И сказало мне сердце: «Ты сердце обязан прославить.
Дух твой, птицам подобный, гнездо свое должен
оставить.

Я — огонь. Всё иное считай только дымом и сном.
Соль лишь только во мне. Нету соли во всем остальном.

Я сильнее кипариса с его многомощною тенью.
И над каждой ступенью вздымаюсь я новой ступенью.

Я — сверкающий клад, но Каруну не блещет мой свет.
Вне тебя не дышу и в тебе я не кроюсь, о нет!»

Так сказало оно. И словес моих бедная птица
Позабыла о крыльях. Пришла ей пора устыдиться.

И в стыде, преклоненный, руками закрыл я лицо,
И в учтивости ухо я рабское принял кольцо.

Благ, кто сердцем владеет. И вот я опять, как бывало,
Услыхал: «Низами!» Это небо меня прославляло.

Быть подвижником стойким — удел моего бытия.
И, склоняясь перед властным, подвижником сделался я.

ПЕРВОЕ ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ

(О воспитании сердца)

И наставник высокий, как будто смирял он коня,
От узлов девяти был намерен избавить меня.

Эти девять узлов он решил отстранять понемногу.
На веревки конец он поставил уверенно ногу,

Чтоб узлы перебрать, — все узлы, что достойны
хулы, —
И тогда он с веревки последние срежет узлы.

И владеющий сердцем, в желанье высоком, едином
Мне на помощь прийти, стал отныне моим господином.

В двух обширных мирах начал он мне указывать путь,
Захотел потому-то он в душу мою заглянуть.

Хоть от нас он достойного часто не видит вниманья,
Всё же нас никогда своего не лишит состраданья.

Если я, недостойный, почтительность мог позабыть,
Научил он меня неизменно почтительным быть.

От подобного мне не пустился он в бегство. О новом
Он беседовать стал. Бедный прах удостоил он словом.

Из колодца, из мрака он вызволил душу мою,
Словно спас он Иосифа в чуждом, далеком краю.

Погасили огни многозоркой, внимательной ночи,
И чуть видной зари раскрывались блестящие очи.

Поднимался светильник, и яркого ждали огня,
И сапфирный покров стал багряным предвестником дня.

Взял наставник лампаду — мерцала отрадно лампада, —
Дал мне руку, и вот мы направились к зарослям сада.

Из полы моей тотчас он вынул колючки иглу,
И несчетные розы в мою набросал он полу. . .

Я смеялся, как рот приоткрытый тюльпана; с размаху,
Словно роза, в восторге свою разорвал я рубаху.

Был я крепким вином из прекрасных пурпуровых роз.
Был затянут мой пояс, как пояс затянутых роз.

Я вину был подобен, вину, что отрадно кипело;
Я был розой, чья радость найти не умела предела.

Я меж роз пробирался, спешил я, спешил я туда,
Где меж веток и листьев, журча, зарождалась вода.

И лишь только Любовь добралась до прекрасного края,
Там, где веяла верность, благой аромат разливая,

Дуновенье любимой в речениях, полных красоты,
Оживило мне душу, подобно дыханью Исы.

И мой конь побежал неспешным, умеренным бегом,
Ветерков предрассветных предавшись прельстительным
негам.

Я услышал: «Кичливый, с коня ты сойди своего,
Иль я тотчас тебя увезу из тебя самого».

Я, подобный ладье, уносимой поспешной рекою,
Внемля веянью рая, пришел к золотому покою.

И, поток увидавши, немедля сошел я с коня
И направился к берегу. Жажда томила меня.

Был поток словно свет, знать, вовеки не ведал он бури.
Сновидения Хызра не знали подобной лазури.

И как будто во сне вдоль жасминных он тек берегов;
И дремали нарциссы, усеяв прибрежный покров.

Этот край был причастен лазури небесного края;
Перед амброю здешней склонялось дыхание рая.

И ползучие розы — услада отрадных долин —
Высоко поднимались, порой обвивая жасмин.

Этим розам свой мускус охотно вручили газели,
А лисицы — свой мех, чтоб колючки колоться не смели.

И, пред розой прекрасной стыдливо склонясь, попугай
Украшал опереньем такой новосозданный рай.

Попугай, сладкий сахар — вот образ, являющий травы.
Коль съедят их газели, то станут, как львы, величавы.

Свежий ветер склонил над прекрасною розой главу.
Молодая газель возле розы щипала траву.

Златоцветы слились; на своем протяженье немало
Они стали для амбры большим золотым опахалом.

Зелень тешила взоры, ведь взоры в ней радость берут.
Травы змей ослепляли: всегда их слепит изумруд.

Всюду розы с жасмином для мыслей засаду сплетали.
Соловьи с сотней горлинок рифмы по саду сплетали.

Однодневная лилия — счастье для местности сей —
Подняла свою длань, будто поднял ее Моисей.

Дикий голубь лесной, что воркует всегда на рассвете,
Увидал, что вся высь в голубином раскинулась цвете.

На листке черной ивы рукою надежд ветерок
Описать прелесть розы в душистом послании смог.

И всему цветнику приносила весна благодарность.
Розы никли к шипам: ведь за мягкость нужна
благодарность.

Был жасмин словно тюрок; шатром разукрасил он сад.
Над шатром полумесяц вознес он до самых Плеяд.

Сердцевины тюльпанов — индусского храма эрпаты,
Все тюльпаны в молитве великою тайной объаты.

Белый тюрок жасмина и черный из Индии маг —
Свет звезды Иемена и веры неправедной мрак.

Сад воздвиг знамена золотого и красного цвета.
Высь меж ними виднелась, глубокой лазурью одета.

Воды белкой казались, и были они — горностай.
Горностай рядом с белкой — отрадою взора считай.

Ветви сада из света, что слали небесные дали,
У подножий деревьев на землю дирхемы бросали.

Пятна света в тени — золотого сиянья уста,
И песок славословил прекрасные эти места.

Гиацинта лобзанья терзают фиалку; а к розам
Льнут колючки, и розы внимают их нежным угрозам.

В **златоцвета** колчане не сыщется колющих стрел;
Но щитом золотым всё ж прикрыть он себя захотел.

Заколдована ива, дрожит, но тюльпана кадило
В дым ее облекло: чародейство оно проследило.

Весь цветник трепетал, и казалось; вот-вот улетит;
И казалось, жасмин в легком ветре куда-то спешит.

И поднялся тростник, раздавать сладкий сахар готовый;
Желтый конь лозняка — будто в кровь опустил он
подковы.

Дальше дикая роза — нам спеси ее не пресечь —
С пролетающим ветром вела торопливую речь.

Стал небесный простор зеленее листка померанца.
В этот миг захотела рассвета рука померанца.

Разукрасил свой стяг небосвод бирюзовый, но тут
С ним решил состязаться прекрасной земли изумруд.

Каждый узел ковра, что земля распростерла для пира,
Был душою земли, был и сердцем надземного мира.

Будто в свете рассвета промолвила счастья звезда,
Наклоняясь к земле: «Будь всегда молодою! Всегда!»

Или небо велело сойти своему изумруду
Не к кораллам зари, а к земли воскрешенному чуду?

Весь источник сверкал, взоров гурий являл он привет,
Из источника солнца добыл он сверкающий свет.

И прибрежные травы свершили свои омовенья
С благодарной молитвой за светлые эти мгновенья.

Птице в веянье розы печаль Соломона слышна,
И Давидову песню, грустя, затянула она.

На ветвях кипариса за раною новая рана:
Их когтит куропатка за смерть золотого фазана.

Сад указ разгласил, пожеланий своих не тая:
«Да убьет злого ворона сладкий напев соловья».

Совы скрылись; ну что же, ведь это их рок обычный.
Знать, погибли за то, что владели опасною тайной.

Веял мягкий Сухейль на зеленый раскинутый стан;
И земля — не шагреня; вся земля — это мягкий сафьян.

Встретить утро спеша, был тюльпан преисполнен горенья,
Сердце тяжко забилося: приводит к беде нетерпенье.

Тень ветвистой чинары, влюбленная в стройный тюльпан,
Длань к нему протянула: ей дар врачевания дан.

Лепесточек жасмина, похожий на месяца ноготь,
Ноготь ночи унес, целый мир захотел он растрогать.

Появился Иосиф, небес позлащая предел.
В подбородке жасмина он ямку с высот разглядел.

Как еврей, вся земля в ярко-желтом касаве. Белея,
Заблестела вода, как блестящая длань Моисея.

И земля вместе с влагой составила снадобье. Мгла
Благодатной земле всё добытое вновь отдала.

Свет, разросшись, велел ветру свежему снова и снова
Тень деревьев гонять по смарагдам земного покрова.

Тени! Солнца уста! Был и слитен узор, и красив,
И расчесывал ветер прекрасные волосы ив.

И поспешные тени мгновенно сменялись лучами,
И лужайки, смеясь, их своими ловили ключами.

Я к алоэ стремился, к нему-то и мчался мой конь.
Стал душистой курильницей пурпурной розы огонь.

Соловью стала роза зеленой мечети мимбаром,
Стал фиалковый пояс для розы пленительным даром.

Птица с песней Давида — всем сердцем ее восприми!
Роза с речью прекрасней речей самого Низами.

РЕЧЬ ВТОРАЯ.

НАСТАВЛЕНИЕ ШАХУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

О властитель, чьи мысли царят над любым из царей,
Что несметным венцам шлет жемчужины многих морей,

Если ты — государь, ты ищи драгоценного крова;
Если ты — драгоценность, венца ты ищи неземного.

Из предвечного света, которым овеян простор,
На тебя не один благодетельный бросили взор.

Ты ценнее всего. Словно городом, правишь ты миром.
Всё, что ныне на свете, тебя почитает кумиром.

О, какую страну владеешь безмерною ты!
О, гордись, над страной возвышаешься верною ты.

Времена твои выйдут из круга столетий; с тобою
Не сравнится вселенная ширью своей голубою.

Знаем: зеркало в небе заря поднимает, чтоб ты
В золотом этом зеркале царские видел черты.

Колыбель небосвода затем и забыла про бури,
Чтобы ты, как дитя, отдыхал в безмятежной лазури.

Ты — Иса наших душ, птица сердца, и скажет любой,
Что сравнить тебя можно беспорно лишь только
с тобой!

Солнце в пламени страсти твоим восторгается ликом,
Потому-то оно и сверкает в пыланье великом.

Месяц так истощился! Он был уж совсем невелик.
Но опять он сияет: он снова увидел твой лик.

Ты превыше других. Наслаждайся всем жизненным
миром.
Все печали отбрось. Не склонен, словно раб, ты пред
миром.

Будь ко всем снисходителен, будь благодарнее вод.
Будь, как ветер свободный, свободен от тяжких забот.

Будь спокойной землею. Страстей не поддайся насилью.
Если землю встревожить, земля станет черною пылью.

Преклони пред создателем жаркую душу свою.
Вот как царствовать, царственный, должен ты в нашем
краю.

Жду ответа, о шах! Отвечай же, вопросам внимая.
Где находимся все мы? Где скрыта обитель иная?

Всё известно душе, что возвышенной веры полна,
И о мире ином всё доподлинно знает она.

Этот мир ты обрел. Ты о вере подумай. Быть может,
Область веры найдешь, и она тебе в мире поможет.

Если ж мир ты отдашь, чтобы веру купить, — никогда
Не внимай слову дьявола: может нагрнуть беда.

Знай, крупица алмазная веры, ведущей из плена,
Камня магов грузней, хоть он был бы увесистой мена.

Камень темный отдай, а сверкающий камень возьми:
С ним и золото веры, что блещет, как пламень, возьми.

Тот, дающий припасы — ну, трудно ли нам это
взвесить? —
Взяв припас твой единый, припасов пошлет тебе десять.

Состоянье свое поместить как бы лучше ты смог?
Сколько прибыли верной на свой ты положишь порог!

Стало долгом твоим воспитание праведной веры.
Мудрецы правосудные к этому приняли меры.

Вознеси правосудье — и всех осчастливишь людей.
Угнетателей свергни. Об этом бессменно радей.

Должен городу с войском ты блага желать, и на это
Город с войском ответят. Плохого не будет ответа.

Угнетающий царство — его разрушает, а тот,
Кто внимателен к людям, его к процветанью ведет.

Знай, развязка придет, и пред ней, не знававшей
преграды,
Пусть твои будут мысли всему, что содеял ты, рады.

Дай спокойствие всем. Никому не чини ты обид.
Что за ними придет? Что за ними почувствуешь? Стыд.

Пьяный разум уснет, и, беды не увидев причину,
Правосудья ладья в неизбежную канет пучину.

Если б скорбным и бедным зажал ты безжалостно рот,
Если б отнял ты силой имущество нищих сирот,

Для себя отыскать ты какие бы смог оправданья
В день Суда, на который придут все земные созданья?

Лик свой к вере направь, и опору найти будешь рад;
К солнцу стань ты спиной, не молись ему, словно эрпат.

Это — желтый мышьяк иль подобие блещущих кукол,
Что явил небосвод, — тот, что жизнью людей убаюкал.

Под завесой пустой, что висит на гвоздях девяти,
Всё — игра этой куклы. Иди по иному пути.

Вышли ветер на мир. Чтоб лампада соблазнов угасла,
Своего в ней ни капли не должен оставить ты масла.

Разве мы — мотыльки? Мир блестит, но не думай о нем
Не бросай же свой щит перед этим ничтожным огнем!

К той завесе, к которой Иса возлетел без усилья,
Ты стремись, чтоб ты сам за спиной мог почувствовать
крылья.

Кто, подобно Исе, бросит душу в надзвездный полет,
Тот весь мир завоюет. По праву его он возьмет.

Притесняя подвластных, ты править страной не сумеешь
Лишь призвав правосудье, ты царством своим овладеешь.

То, в чем нет справедливости, твой не умножит доход.
То, в чем нет правосудья, как ветер, тебя унесет.

Справедливость — гонец, что спешит наш обрадовать
разум;
Тот работник, кто в царстве всё нужное сделает разом.

Справедливость твоя укрепляет сверкающий трон.
Если ты справедлив, вечно будет незыблемым он.

ПОВЕСТЬ О НУШИРВАНЕ И ЕГО ВИЗИРЕ

На охоте одной Нуширван был конем унесен
От придворной толпы: с пышной знатью охотился он.

Только царский визирь не оставил царя Нуширвана.
Был с царем лишь визирь из всего многолюдного стана.

И в прекрасном краю — там, где всё для охоты дано, —
Царь увидел селенье. Разрушено было оно.

Разглядел он двух сов посреди разрушений и праха.
Так иссохли они, будто сердце засохшее шаха.

Царь визирю сказал: «Подойдя друг ко другу, они
Что-то громко кричат. Их беседа о чем? Разъясни!»

И ответил визирь: «К послушанию сердце готово.
Ты спросил, государь. Ты ответное выслушай слово.

Этот крик — некий спор; безотрадно его существо.
Этих сов разговор — не простой разговор — сватовство.

Та — просватала дочь, и наутро должна ей другая
Должный выкуп внести, и внести, ни на что не взирая.

Говорит она так: «Ты развалины эти нам дашь
И других еще несколько. Выполнишь договор наш?»

Ей другая в ответ: „В этом деле какая преграда?
Шахский гнет не иссяк. Беспокоиться, право, не надо.

Будет злобствовать шах, — и селений разрушенных я
Скоро дам тебе тысячи: наши просторны края“».

И, услышав про то, что предвидели хищные совы,
Застонал Нуширван, к предвещаньям таким неготовый.

Он заплакал навзрыд, — он, всегдашний любимец удач.
За безжалостным гнетом не вечно ли следует плач?

Угнетенный, в слезах, закусил он в отчаянье палец.
«Ясно мне, — он сказал, — что народ мой — несчастный
страдалец.

Мной обижены все. Знают птицы, что всюду готов
Я сажать вместо кур лишь к безлюдью стремящихся сов.

Как беспечен я был! Сколько в мире мной сделано злого!
Я стремился к утехам. Ужель устремлюсь я к ним снова?

Много силы людской, достоянья людского я брал!
Я о смерти забыл! А когю ее меч не карал?

Долго ль всех мне теснить? Я горю ненасытной алчбою,
Посмотри, что от жадности сделал с самим я собою?

Для того полновластная богом дана мне стезя,
Чтоб того я не делал, что делать мне в жизни нельзя.

Я не золото — медь, хоть оно на медь заблестало.
И я то совершаю, что мне совершать не пристало.

Притесняя других, на себя обратил я позор,
Сам себя я гнету, хоть иных мой гнетет приговор.

Да изведаю стыд, проходя по неправым дорогам!
Устыдась пред собой, устыдиться я должен пред богом.

Притесненье свое я сегодня увидел и жду,
Что я завтра позор и слова поруганья найду.

В Судный день ты сгоришь, о мое бесполезное тело!
Я сгораю, скорбя, будто пламя тебя уж одело!

Мне ли пыль притесненья еще поднимать? Или вновь
Лить раскаянья слезы и лить своих подданных крови!

Словно тюркский набег совершил я, свернувши с ~~дороги~~.
Судный день подойдет, и допрос учинится мне строгий.

Я стыдом поражен, потому повергаюсь я в прах.
С сердцем каменным я, потому я с печалью в очах.

Как промолвлю я людям: «Свои укоризны умерьте!»
Знай: до Судного дня я в позоре, не только до смерти.

Станут бременем мне те, кого я беспечно седлал.
Я беспомощен! Помощь мне кто бы сейчас ниспослал?

Устремляться ли в мире к сокровищам блещущим,
Дорогим? Что унес Феридун? Что припрятано Самом? ^{к самым}

Что указы мои, что мое управленье, мой суд
Мне навеки вручат? Что надолго они принесут?»

Взвил коня Нуширван. Сожигал его пламень суровый.
От огня его сердца коня размягчились подковы.

И лишь только владыка примчался в охотничий стан,
Запах ласки повеял. Приветливым стал Нуширван.

ПОВЕСТЬ О СОЛОМОНЕ И ПОСЕЛЯНИНЕ

Как-то царь Соломон не имел государственных дел.
И случилось, что ветер светильник задуть захотел.

Царь свой двор перенес в ширь степного, просторного
дола,
Там вознес он к лазури венец золотого престола.

Скорбен стал Соломон: он увидел, теряя покой,
Старика земледельца, который в равнине скупой,

Зерна в доме собрав — хоть добыча была так убога, —
Поручил закрома одному милосердию бога.

И повсюду в степи разбросал эти зерна старик,
Чтоб из каждого зернышка радостный колос возник.

Но все тайны зерна и все тайны творящего лона
Говор птиц сделал внятными слуху царя Соломона.

Царь промолвил: «Старик! Будь разумным! Коль зерен
не счесть,
Можно зерна бросать. Но твои! Их ты должен был
съесть.»

Для чего ж ты надумал напрасно разбрасывать зерна?
Предо мной быть неумным ужели тебе не зазорно?

Нет мотыги с тобой, что ж царапаешь глину весь день?
Тут ведь нет и воды, для чего же ты сеешь ячмень?

Мы бросали зерно в землю, полную влаги, и что же?
То, что мы обрели, с изобилием было несхоже.

Что же будет тебе под пылающим солнцем дано
На безводной земле, где мгновенно сгорает зерно?»

Был ответ: «Не сердись, мне не нужно обычного блага!
Что мне сила земли, что посевам желанная влага!

Что мне зной, что дожди, хоть бы длились они без конца!
Эти зерна — мои, а питает их воля творца.

Есть вода у меня: на спине моей мало ли пота?
И мотыга со мной. Это — пальцы. О чем же забота?

Не пекусь я о царствах, мне область ничья не нужна,
И пока я дышу, моего мне довольно зерна.

Небеса мне мирволят, добычу мою умножая.
Сам-семьсот я беру. Я бедней не снимал урожая.

Надо сеять зерно без мольбы у дверей сатаны,
Чтоб такие всегда урожаяи нам были даны.

Только с должным зерном, только с небом нам следует
знать, знаться,
Чтобы колоса завязь, как должно, могла завязаться.

Тот, кто с разумом ясным был призван творцом к бытию,
Тот по мерке своей ткет разумно одежду свою.

Ткань одежды Исы не на каждого ослика ляжет,
Не на каждого царь, как на помощь престола, укажет.

Лишь одни носороги вгрызаются в шею слону.
Что пожрет муравей? Саранчовую ножку одну.

От нашествия рек море станет ли злым и угрюмым?
А ручей от потоков наполнится яростным шумом.

Человеку, о царь, всё дает голубой небосвод.
Всё, чего он достоин, себе он под небом найдет.

Государственный муж быть не крепким, не стойким не
может;
Иль под бременем тягостным до́ смерти он изнеможет.

Нет, не каждый живущий родился для сладостных нег,
И великие тайны не каждый таит человек».

Пусть несдержан юнец. Я же прожил немалое время,
Низами молчаливо несет свое тайное бремя.

РЕЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
О БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ
ШАХА К ПОДДАННЫМ

Ты — боец без щита. Ты — в гордыне один. Иль тебя
Гуль в пустыню загнал, отчужденную душу губя?

Ты — в венце золотом. Но венцы существуют ли вечно?
Ты — в цвету бытия. Но припомни: оно — скоротечно.

О спешащий за теми, которым лишь в пиршествах свет,
О покорный игре бесконечно бегущих планет!

Ты, отбросивший саблю, забывший о чтенье Корана, —
Для чего? Лишь для чаши, лишь только для винного
жбана.

То ты с гребнем, то с зеркалом, счастлив ты ими вполне.
О ценитель кудрей, ты подобен манящей жене.

Рабию ты припомни; она ведь в пустыне однажды
Разлучилась с косою для собаки, понурой от жажды.

В стыд вгоняешь ты доблесть. Деянья твои таковы!
Устыдился б деяния той сердобольной вдовы.

Будешь славить себя или силой кичиться доколе?
Этой сильной жены быть сильнее ты, как видно, не в воле.

Человеческий разум и светлая доблесть — одно.
Надо всем правосудье. Всех доблестей выше оно.

Не в твоем ручейке стали воды прозрачными. Стала
Миловидною родинка в блеске чужого овала.

Ты не злой небосвод. Лишь о благе раздумывай ты.
Помни вечно о бедах, что к людям спешат с высоты.

Лишь добро проявляй, отдаваясь крутящимся годам.
Лишь такое имущество радует верным доходом.

На себя ты не должен людскую обиду навлечь,
Бойся честь обескровить и кровью людей пренебречь.

Притязали иные на честь и на доблесть. Быть может,
Честным двум или трем твой пример появиться
поможет?

Правосудье твори; бойся мощных карателей зла.
Ночью ждет притеснитель: возмездья ударит стрела.

Мысли зорких грозят. Все подверглись их мощному
сглазу,
Сглаз опасен, поверь, не простил он виновных ни разу.

Могут все испытать его страшный, негаданный суд.
Забывать ты не должен: ему подвергался Махмуд.

Сглаз людей беспорочных застигнет тебя ненароком,
И увидишь, бессильный, что ты наказуешься роком.

Те, кто схожи с крылатыми, те, что душой в небесах,
На пути черепашьем не меньше других черепах.

Пусть насилья мечом их дорога не будет задета,
Иль узнаешь стрелу, что метнут они в блеске рассвета.

Если ценишь владычество, ты правосудье цени!
Ты на беды от гнета, что царствуют в мире, взгляни!

Человек, чья душа в доме этом ко благу готова,
Всё свершает в ночи к устройению дома второго.

ПОВЕСТЬ О СТАРУХЕ И СУЛТАНЕ САНДЖАРЕ

Как-то шаха Санджара седая старуха одна
За полу ухватила, и в гневе сказала она:

«Справедливость являть, видно, властный, тебе не
угодно,
Но обида твоя настигает меня ежегодно.

Пьяный стражи начальник вбежал в наш спокойный
квартал
И напал на меня. Избивал он меня и топтал.

И, за волосы взявши, меня он повлек от порога,
И царапала щеки мне жесткая наша дорога.

И обидам ужасным меня он речами подверг,
Кулаками позору пред всеми очами подверг.

«Прошлой ночью, — кричал он, исполненный пьяного
пыла, —
С кем-то тут сообща человека не ты ли убила?»

Он обшарил весь дом. Беззаконье мы терпим и гнет!
Где же спины людей произвол еще тягостней гнет?

О пьянчуге шихне неужели не верил ты слуху?
Он и был во хмелю, потому-то избил он старуху.

Те, стучащие кубками, весь твой расхитили край!
И ни в чем не повинных уводят они невзначай.

Тот, кто видит всё это и всё же помочь нам не хочет
Тот порочит народ, но тебя ведь он тоже порочит.

Я изранена вся. Еле дышит разбитая грудь.
В ней дыхания нет. Но, смотри, государь, не забудь:

Если быть справедливым тебе в этот час неохота,
Всё ж получишь мой счет. Ты получишь его в день
расчета.

Правосудья и правды я вовсе не вижу в тебе;
Угнетателя волю я так ненавижу в тебе.

От властителей правых поддержка приходит и сила,
От тебя — только тяжесть, что всех нас к земле
придавила.

Разве дело хорошее — грабить несчастных сирот?
Человек благородный у нищих добра не берет:

На дорогах больших не воруй ты поклажу у женщин.
Не бери, государь, ты последнюю пряжу у женщин.

Притязает на шахство! Но ты не властитель, ты — раб!
Лишь вредить ты умеешь, а в помощи людям ты слаб.

Шах, внимательный к людям, порядок наводит в округе,
И о подданном каждом он думает, словно о друге,

Чтоб указом любим всех он радовал в нашем краю,
Чтобы шахскою дружбою нежили душу свою.

Ты всю землю встревожил! Иль я неразумно толкую?
Ты живешь. Ну а доблесть, скажи мне, явил ты какую?

Стала тюрков держава лишь доблестью тюрков сильна.
Правосудьем всегдашним в веках укрепилась она.

Но грабеж и бесчинство ты в каждую вносишь обитель.
Нет, ты больше не тюрк, ты, я вижу, индусский грабитель.

Города посмотри-ка: в развалинах наша страна,
Хлебопашец ограблен, оставлен тобой без зерна.

Ты припомни свой рок! Приближенье кончины исчисли.
Где от смерти стена? Вот на что ты направил бы
мысли!

Справедливость — лампада. Лампады пугается тень.
Пусть же с завтрашним днем будет дружен сегодняшней
день!

Пусть же слово твое будет радовать старых готов!
Ты же дряхлой старухи, властитель, запомнил бы слово:

Обделенным судьбой никакого не делай ты зла,
Чтоб их громких проклятий в тебя не попала стрела.

Стрелы всюду не сыпь, иль дождешься недоброго часа!
Есть припасы молитв у несчастных, лишенных припаса.

Чтоб раскрылась вся правда, с железом ключа ты
пришел.
Не за тем, чтобы правду ударить сплеча, ты пришел.

Ведай, взявший венец, ты вовек не покроешься срамом,
Если раны недужных ты благодным тронешь бальзамом.

Пусть обычаем немощных станет тебя восхвалять,
А твоим, повелитель, — ласкать их опять и опять.

Береги, словно милость, возвышенных душ благостыню,
Охраняя немногих, что в тихую скрылись пустыню».

Что же стало с Санджаром, что встарь захватил
Хорасан?
Знай: не вявшему старой урок был губительный дан.

Где теперь правосудье? Всё черным бесправьем объято.
Знать, на крыльях Симурга оно улетело куда-то.

Стыд лазурному своду, всегда пребывавшему в зле.
Вовсе чести не стало на где-то висящей земле.

Слезы лей, Низами, удрученный такую бедою,
Ты над сердцем их лей, что кровавою стало водою.

ПОВЕСТЬ О СТАРИКЕ КИРПИЧНИКЕ

В землях Шама когда-то старик поселился. Ей-ей,
Был он с духами схож: он всегда сторонился людей.

Он рубаху свою плел из трав, и, хваля мирозданье,
Кирпичи он выделявал, чтобы добыть пропитанье.

Те, что бросили меч и прощенье стремились достичь,
Брали в землю с собою лишь только могильный кирпич:

Ведь того, кто во тьме, в смертной тьме, не имел
покрывала,
Хоть и грешен он был, всё же высшая воля прощала.

И работы нелегкой привычная шла черед,
И в привычное дело всё больше влагал он труда.

И по воле небес некто юный, красивый на диво
К старику подошел, и взглянул, и промолвил спесиво:

«Чтоб тебя укорять, подыскать не сумею я слов.
Месишь глину, старик, но ведь ты не погонщик ослов.

Что ты бьешь по земле? Что работой позоришь ты небо?
Ты найдешь и без этого корку насущного хлеба.

Брось свои кирпичи, приведи всю работу к концу,
Образец твой негоден, к другому приди образцу.

Делать комья земли! Гнуть над ними без устали спину!
Сколько лет ты намерен с водою размешивать глину?

Вспомни, жалкий бедняк, что давно уже стал ты седым.
Не для старых твой труд. Предоставь же его молодым».

Молвил старец: «О юноша, речью неумной не трогай
Для тебя непонятного. Шел бы своею дорогой.

Знай, что делать кирпич подобает седым старикам.
Лишь носить кирпичи молодым поручают рукам.

Я за труд свой взялся потому, что в нем вижу поруку,
Что не стану к тебе за подачкой протягивать руку.

Я не нищий, о нет, и с алчбой не гляжу я вокруг,
Ем я хлеб, что добыт лишь трудом этих старческих рук.

Ты меня не кори, я добытым довольствуюсь хлебом.
Коль тебе я солгал — да не буду помилован небом!»

И в смущенье великом, услышав спокойный ответ,
Порицатель ушел. Неразумный давал он совет!

Знать, на нашей земле много было увидено старым.
И за дело свое принялся он когда-то недаром.

В двери мира стучать не довольно ль тебе, Низами?
В двери веры стучать ты благое решенье прими.

ПОВЕСТЬ О ФЕРИДУНЕ И ГАЗЕЛИ

Как-то царь Феридун, при сиянье встающего дня,
Приближенных скликав, с отрадой вскочил на коня.

И, в степи предаваясь любимой охоты веселью,
Он увидел внезапно, что сам он подстрелен газелью.

Прелесть шейки и ног от вражды отклоняла стрелка.
О пощаде просили глаза, и спина, и бока.

Пусть охотника взгляд для бегущей газели — засада,
Но она, восхищая, казалось, бежала от взгляда.

Полонен был охотник, и плен был и скор, и таков,
Что владыка почувствовал цепи тяжелых оков.

И, рванув повод, и горя, и скача возле цели,
Спинку лука он сделал нетвердой, как брюхо газели.

И большая стрела не попала в отличную цель.
И встревоженный конь обежал неудачно газель.

Шах промолвил стреле: «Где же злое твое оперенье?»
И коню закричал: «Где твое за добычей стремленье?»

О ничтожный твой бег, о ничтожность твоей тетивы!
Перед сей травоядной какое ничтожество вы!»

И сказала стрела: «Подстрелить! Вот была бы досада!
Бессловесная эта — приманка для царского взгляда.

Твой восторженный взгляд — для прекрасной газели
броня.
В цель должна я стрелять, но твоя не для цели броня».

Бубен видит владыка, и ждет он отрадного лада,
Лишь ладони играющих — радость для шахского взгляда.

Быть с клеймом вознесенных — завидный и сладостный
рок.
Ведь с клеймом вознесенных и сам ты безмерно высок.

Знай обряды служенья, чтоб званье найти человека.
Услужать — это честь. Это ведомо людям от века.

Для людей умудренных, чей так пронзателен взор,
Нет служенья похвальней, чем крепкий святой договор.

Дланью верности крепкой возьми ты за пояс обета,
Стражем верности будь пред лицом многолюдного света.

Много лалов имея, сокровищ немало тая,
Как служения пояс, лежит возле кладов змея.

Потому небосвод ярких звезд рассыпает каменья,
Что, над прахом поднявшийся, поясом стал он служенья.

Обладающий даром, хоть дар его светлый не мал,
Пред наставником пояс на трудном пути повязал.

И свеча, что сияет огнем золотым и веселым,
Пояс также носила, для воска покорствуя пчелам.

Ты не связан ничем, так вставай же скорей, Низами,
Чтоб связать себя службой, с поспешностью пояс возьми.

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ПОСПОРИВШИХ МУДРЕЦАХ

Жили двое мыслителей некогда в доме одном
И полны были гнева, поспорив о доме своем.

Долго спорили мудрые. С распрею не было слада.
«Хоть премудрость одна лишь — сказать о премудрости
надо,

Правды две не нужны: лишь одной пожелают внимать,
Две главы вознесутся, — одну не придется ли снять?»

Для хранения двух сабель я кожаных ножен не видел.
Я ведь пир двух Джемшидов — ну как он возможен? —
не видел».

Двое мудрых твердили об этом не раз. Потому
И решили, что дом надлежит передать одному.

Каждый в схватке слепой был исполнен вражды и упорен
И желал, чтобы дом стал удобен ему и просторен.

И однажды в ночи голоса возвышали они,
Будто клича людей, общий дом продавали они.

И решили мужи после спора пред самым рассветом,
Что друг друга они угостят ядовитым «щербетом»,

Чтоб узнать, кто сильнее и кто явит познание свое
И сумеет создать наиболее злое питье.

Тотчас разума два одному они отдали делу,
Будто два устремленья вручили единому телу.

Первый муж создал яд, потрудившись немало над ним.
Этот яд черный камень прожег бы зловоньем своим.

И врагу подал враг свой состав и сказал: «Мой напиток
Укрепляет все души, и сахара в нем избыток».

А другой, эту чашу, влекущую в царство теней,
Выпив смело, сказал: «Только сладость я чувствовал в
ней».

Нуш-гия в нем таился: врагу причиняя досаду,
Прекратил бы он доступ любому смертельному яду.

Муж обжегся, как мошка, но тотчас он крылья раскрыв
И, как светоч сияя, к другим мудрецам поспешил.

На лугу, мимоходом сорвав темно-красную розу,
Он заклятье прочел, и подул на прекрасную розу,

И врагу ее дал. Словно скрытый заботливо яд
Лепестки ее нежные в пурпурной чаше таят.

Взяв заклятую розу, поддавшись безмерному страху,
Недруг взялся за сердце, и душу вручил он Аллаху.

Тот премудрый отраву из тела исторгнуть сумел,
А другой из-за розы подлунный покинул предел.

Друг мой, каждая роза, горящая пурпурным цветом, —
Капля крови людской, пурпур сердца. Ты помни об этом.

Ты из сада времен: и весна и цветение ты,
Но ведь сад увядает; его отражение ты.

Острый камень всади в этот прах, взгроможденный
слоями.

Прахом воду осыпь, что подвешена кем-то над нами,

Эту воду покинь, эти марева злые забудь!
Ты над прахом взлети, от притона подалее будь.

Ты от месяца с солнцем свое отстрихни размышленье.
Ты убей их обоих, как их убивает затменьё,

Златоблещущий месяц — его восхвалять я могу ль? —
На дорогах любви — человека смущающий гуль.

Небосвод, полный зла, наше утро призвавший к ответу,
Из великого света привел тебя к этому свету.

Если светлого сердца услышишь благой ты совет,
То из этого света возьми его в канувший свет.

Слезы лей и мечтай, чтобы слезы надежды смывали
Всё, что явлено людям на этой двухцветной скрижали,

Чтобы этой надеждой ты душу смущенную спас
В день Весов, в Судный день, в неизбежный
торжественный час.

Укрепи свою руку, призвав благотворную веру,
Чтоб она на весах указала надежную меру.

Кто, печалясь о вере, возносится в светлую даль,
Тот свободной душой забывает земную печаль.

Ты, чьей жажде к земле и подлунному миру я внемлю,
Ты мне веру отдай, а себе ты возьми эту землю.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ-ПРИТЕСНИТЕЛЕ И ПРАВДИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Жил властитель один, был с людьми он безжалостно
строг.
Словно злобный Хаджадж, издеваться над всеми он мог.

Всё, что ночь порождала, наследуя дню, — на рассвете
Открывалось царю. Все пред яростным были в ответе.

Неким утром к владыке явился один человек.
Был он зорче, чем утро. Учился он долгий свой век

У луны хитрым играм, у зорь — появляться с доносом.
Он, с притворною злобой, горящей во взоре раскосом,

Прошептал: «Некий старец убийцею назвал тебя,
Он сказал, что ты правишь, людей неповинных губя».

И, пугая придворных своим изменившимся ликом,
Царь воскликнул: «Казнить!» И умолк он во гневе
великом.

Нат мгновенно постлали, песком весь посыпали нат,
Даже дэв, ужаснувшись, бежал бы из царских палат.

В тот же час от юнца старец злое узнал повеленье,
Услыхал он: «Владыка возвел на тебя обвиненье».

Омовенье свершив, в белом саване старец пошел
Во дворец, и пред ним засверкал величавый престол.

Царь, в решениях быстрый, потер свои руки, и очи
Опустил он на землю, и был он угрюмее ночи.

Молвил он: «Я слышал, что я очень прогневал тебя.
Ты твердишь, говорят, что я правлю, невинных губя.

Ведь известно тебе, что мой суд — мудрый суд Соломона,
Почему ж ты твердишь, что наш край полон плача и
стона?»

И ответил старик: «Говорил я, о царь, не во сне.
И сказал я не всё, что известно доподлинно мне.

Всюду юные в страхе, и в страхе не каждый ли старый,
Городам и селеньям грозят беспрестанные кары.

Все пороки твои я собрал воедино, но я
Только зеркало. Я — лишь неправда и правда твоя.

Ты увидел, что образ, показанный зеркалом, — верен.
Иль сломаешь ты зеркало? Будь и во гневе умерен!

Светлой правды возжаждай: и жажду твою утолю.
Иль на шею мою повели ты накинуть петлю».

И правдивого старца такое бесстрашное слово
Смелой правдой своей образумило сердце царево:

Вспомнил царь обо всем, что свершал он в подвластном
краю,
И, застигнутый правдой, он понял неправду свою.

И сказал: «С мудреца скиньте саван! Парчовым халатом
Вы его облачите, парчу напитав ароматом».

И в царе с той поры пламень гнева и злобы утих,
Справедливым он стал, вспомнил подданных, пекся **О**
них.

И правдивого слова никто не скрывал, и невзгоды
Не томили правдивых, и мирные начались годы.

Ты не бойся погибнуть. Правдивым ты будь до конца.
Побеждает правдивый по воле благого творца.

Если будет правдивость всегдашней твоею повадкой,
Много горького скажешь: ведь правда не кажётся
сладкой.

Если к речи правдивой сердца ты захочешь привлечь,
Вседержитель поддержит твою благотворную речь.

Знай: сияние правды душой Низами овладело
И великою правдой его озаряется дело.

РЕЧЬ ПЯТНАДЦАТАЯ. ПОРИЦАНИЕ ЗАВИСТНИКОВ

Небосвода завесу раздвинувши, некий игрок
К беспрестанной игре принуждает находчивый рок.

Весь в цимбалах ковер, плясунов же, как видно, не стало.
В море — жемчуга тьма, да ловцов многоопытных мало.

В небе сонмы дирхемов и много мечей и венцов.
Ниспослать их тебе небосвод благосклонный готов.

Если сильной душой пожелал бы ты крыл Гавриила,
Их тебе подарила бы дивная, высшая сила.

У нее столько кладов, что, сколько бы ты ни унес,
Будет взорам казаться: их отблеск лишь только возрос.

К дивным тайнам иди и дорогу осматривай строго.
В дверь кольцом постучи, ведь за нею прекрасного много.

Этот в яхонтах путь, камень мудрости блещет на нем.
Всё ты должен постичь, озаренный волшебным огнем.

Тут в руке дерзновенной калам обломился — и стали
Все сокровища тайной: их синие ткани застлали.

Но в потайном саду каждый миг новый видится плод.
Он прекрасней прекрасных, он дивного лада оплот.

Нить горящих сердец, что в жемчужнице этой зардели, —
Ожерелье, что пламенней многих иных ожерелий.

Те, что шествуют здесь, что проходят один за другим, —
Умудренней премудрых. Кого приравняем мы к ним?

Разум в мысли влюблен, на него не подействуют чары
Юных лет, и его не смутит долголетием старей.

Говорят, будто камень, когда ему много веков,
Может яхонтом стать, но иных я знавал стариков.

Чем старше они, тем настойчивей; всё им помеха.
Громогласны они, как в горах многократное эхо.

Хоть ты им и знаком, но, когда им подашь молоко,
«Яд, — воскликнут они, — умерщвляет этим ядом легко!»

Мало старых, что в новом отрадные чувствуют чары.
К молодому сочувственно редко относится старей.

Новой розой любуются: это отрада очей.
Старый шип только ранит. Чей взор он порадует? Чей?

Молодой виноград исцеляет глаза. Только стоны
Змеи старые вызовут: это не змеи — драконы.

Благотворные мысли, чье место — сосуд головы,
Старый мозг отвергает. Они ему чужды. Увы!

Те, что книги прочли, где созвездьям чертились дороги, —
Календарь устарелый. Указ их не надобен строгий.

Много старых собак, что прожорливей львов, и они
Рвут газелей на части. Господь, нас от них сохрани!

Коль, на старых волков взор незлобный бестрепетно
бросив,
Я спокойно стою, ты скажи: «Появился Иосиф».

Что удар стариков! Это робкий, несильный удар.
Но виновен ли я, что огонь во мне дышит и жар?

Если юность — познание и если в ней много раздумья,
То не скрыто ли в ней также буйное пламя безумья?

Вижу много жасминов. О, ложь их седой белизны!
Это — злые индийцы, их скрытые души черны.

Я, что с розою схож, я, чей клад осчастливит народы,
Я желаю быть старым уже в эти юные годы.

Тот, кто к прежнему клонится, ценит лишь только себя.
Он творцу не внимает, помощи его не любя.

Юный месяц ты видел в его новолуние прекрасном,
Стал он полной луной; полнолунием он сделался ясным.

Возле пальмы высокой, коль можешь, высоко ты стань.
Как иначе до финика сможет дотронуться длань?

«Это только зерно», — мне какой-то слышался голос.
Почему он зерном называет поднявшийся колос?

Морем стал водоем, бывший прежде ничтожным ручьем.
Почему ж только прежним остался он в сердце твоём?

Скрылась ночь от зари, многозвездным прикрывшись
узором, —
На нее новый день глянул новым внимательным взором.

Мудрый враг, что всечасно готов на тебя нападать,
Лучше друга-невежды, что всем неразумным под стать.

Если видишь тростник, что смотреть на окрестные травы!
В тростнике ценен сахар; лишь он удостоился славы.

Одаренных ценя, а не тех, что желают прослыть.
Дичью быть для возвышенных — значит возвышенным
быть.

Не в воде ли вся ракушка, всё же нам ведомо: нужен
Только вес малой капли для лучшей из лучших
жемчужин.

Нужно сердце кружить, нужно вихрям не ведать конца,
Чтоб во тьме приметить сверкающий камень венца.

Если знамя возникло и новым является зовом —
Охранять это знамя, идти с этим знаменем новым.

Не разрушен еще многоцветного мира рибат,
И ковров не свернули: слова и напевы звучат.

Не кори этот мир, всё прими иль с отрадой, иль кротко,
Иль узнаешь, как дьявол, что значит ременная плетка.

Если ты небосвода признать не желаешь права,
У ворот непризнанья поникнет твоя голова.

РЕЧЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ. В ОСУЖДЕНИЕ ДВУЛИЧНЫХ

Вот фальшивомонетчики, — чтобы продолжить обман,
Для новейшей подделки они смастерили чекан.

Знай: у них и живот и спина из латуни дешевой.
От нечистой руки береги свое каждое слово.

Пред тобою они — лицемеры — открыты как день.
За спиной у тебя они скрытны, как темная тень.

Будто прямы как свечи, а спутанней веток алоэ.
Хоть наружность проста, да запутано в них основное.

В милосердьe откажут, насильно же волю дадут.
Недостатки считают и жалобам книгу введут.

Научились любви, — про любовь им другие сказали,
Сколько злобы скопили — узлы на узлы навязали!

Горячи они, — всё же прохладней, чем печени их.
Хоть живые, — мертвы и сердце холоднее своих.

Пробным камнем души не испытывай дружбу их ныне,
Ты как будто не пьян, — не скользи же ногою по глине

Тайны им не вверяй: эти люди — что отгулы гор,
Бойся их клеветы, опасайся вступить в разговор.

Все они — болтуны, от тебя они ждут уваженья,
Все лишь выгод хотят, лишь свое укрепить положенье.

Ищем мира с двуличными, от нищеты присмирив, —
Но на эдакий мир да обрушит всевышний свой гнев!

Если в дружбу людей хоть немного корысти проникнет,
В тот же миг меж друзьями враждебное чувство
возникнет.

Если с виду и дружба, но каждый твердит про свое, —
Это ложная дружба, враждебность — основа ее.

Почему ты, о сахар, считаешься другом отравы?
Кто друзья твои, грех? Добродетель и добрые нравы.

Друг для близкого друга — как нежный целебный
бальзам.

Если ж это не так, перестань с ним беседовать сам.

Правда, с кошкой бывает, — но это зверей недостаток! —
Что она от любви поедает своих же котятков. •

Если друг ты неложный, так накрепко тайну храни.
А предатели тайны — судьбы переменней они.

Все добиться хотят над тобой своего превосходства,
У тебя потихоньку похитить чекан производства.

Коль извне поглядеть — будто дружбу с тобою ведут;
А как будешь в беде, сами с просьбой к тебе подойдут.

Если дружбу ты сам замечаешь в другом человеке
И отвергнешь ее — ты врага наживешь, и навеки.

Разве могут глаза в этом множестве друга найти?
Угадает лишь сердце, кто верность умеет блюсти.

Но хоть сердце одно, его много печалей печалит,
Вянет роза одна, но шипов ее тысяча жалит.

Много царств на земле — Феридун же один меж царей.
Много смесей душистых — да мало мозгов у людей.

Соблюдающих тайну не сыщешь и в целой вселенной.
Только сердце одно — вот поверенный твой неизменный.

Если вверенной тайны не держит и сердце твое,
Как ты можешь хотеть, чтоб другие держали ее?

Коль уста твои тайну везде раззвонили не сами,
Как же стала она очевидной, как день над полями?

Тайну ты раззвонил, не сдержал ее в сердце своем, —
Что же, тайны свои выдает и бутылка с вином!

Всё ж иметь сотоварища всякому в жизни придется, —
Не гони же того, кто с тобою дружить соберется.

Уж поскольку приходится в этом судилище жить,
Ты найди себе друга, с которым возможно дружить.

Но пока не узнал ты доподлинной сущности друга,
Тайн ему не вверяй, заболтавшись в минуту досуга.

ПОВЕСТЬ О ДЖЕМШИДЕ И ЕГО ПРИБЛИЖЕННОМ

Был у шаха Джемшида один молодой приближенный,
Ближе месяца к солнцу, почетом от всех окруженный.

Так и жил он при шахе, и дело дошло до того,
Что из всех повелитель его выделял одного.

И поскольку его он особою мерою мерил,
Благородному сердцу сокровища тайны поверил.

И хоть юноши к шаху теснейшею близость была,
Шаха он избегал — так от лука стремится стрела.

Тайна сердце сверлила, недавно открытая шахом,
И о ней он молчал, руководствуясь божим страхом.

Раз явилась старуха к нему. Удивительно ей,
Что тюльпаны его ее роз престарелых желтей.

Говорит: «Кипарис! Что ты вянешь? Испил ты водицы
Не простого ручья, ты напился из царской криницы!

Почему ж пожелтел? Никаких ты не терпишь обид.
Среди радости общей зачем же печален твой вид?

На лице молодом словно след долголетия и боли,
И тюльпаны твои уподобились желтофиоли.

Ты — поверенный шаха, он сердце раскрыл пред тобой.
Уподобься ему и лицо для веселья раскрой.

Благомилостив шах — и у подданных лица румяны,
А румянее всех у ревнителей шахской охраны».

Он старухе в ответ: «Не права ты в сужденье своем,
Говоришь ты, не зная, что в сердце творится моем.

Мне такое страданье приносит мое же терпенье!
И лицо желтизной мне окрасило тоже терпенье.

Шах измерил меня, недостойного, мерой своей,
Шах со мной поделился, почтил меня верой своей.

Мне открытые тайны велики и необычайны,
Никому не могу я раскрыть те великие тайны.

Всё ж от шаховой тайны не столь молчаливым я стал,
Чтоб в всяких делах вообще говорить перестал.

Но с тобою, старуха, не стану болтать и смеяться:
Птица тайн с языка неожиданно может сорваться.

Если тайна из сердца наружу не выйдет, тогда
Сердце пусть обливается кровью, теперь и всегда.

Если ж тайну раскрою, то счастья лишусь я всецело,
Клятву я престудлю — пропадет голова, и за дело».

Отвечала старуха: «Искать не пытайся в другом
Настоящего друга, — найдется в тебе лишь самом.

Тем, кто всех откровенней, оказывать бойся доверье,
Даже собственной тени оказывать бойся доверье.

Лучше это лицо ты монетою желтой зови, —
Хуже всей голове потонуть по заслугам в крови»,

Часто слышится мне, как в ночи раз за разом, тревожно
Голова говорит языку: «Берегись! Осторожно!»

Чтоб на плаху не лечь, свой язык ты не делай мечом.
Ты не день, — а лишь дню раскрывание тайн нипочем.

Коль завязан язык, человек беззаботен и весел, —
Только бешеный пес свой язык чуть не до земли свесил.

Благо будет тебе, коль удержишь под небом язык.
Хорошо, если меч не к ладоням, а к ножнам привык.

Многим сроду известно, что это и мудро и верно, —
И беда голове, коль язык говорлив непомерно.

Если будешь фиалкой, чьим запахом каждый влеком,
То тебя обезглавят твоим же они языком.

Пусть в посудине рта он молчит, не мешая дыханью,
Чтоб потом голова не воскликнула «ах!» над лоханью.

Усладительна речь — всё же накрепко губы зашей:
Забываться нельзя — за стеною немало ушей.

Слов не слушай дурных — надо ныне страдать глухотою,
И молчи о дурном — надо ныне дружить с немотою.

Что бы ты ни писал, придержи осторожно калам.
Если пишет другой, ты язык свой завязывай сам.

Всё смывай, как вода, что услышать успел от другого,
Будь, как зеркало, нем: что увидел, об этом ни слова.

Что ревнивцу привиделось ночью, о том нипочем —
Хоть оно и чудно! — никому не расскажет он днем.

Нет сомненья, что купол, сияющий звездами ночью,
Днем расскажет едва ли, что видел он за ночь воочью.

Если хочешь у звезд благонравью учиться, то днем
Разглашать не подумай, что в сумраке видел ночном.

О, глубокая ночь! В ней сокровища мира таятся,
В ней премногих сердец драгоценности тайно хранятся.

Кто в заботе о главном несется, как молния скор,
Не расскажет другому, на чем остановится взор.

Чья в выси голова за девятое небо выходит,
Мяч свой с поля игры, как прямой победитель, выводит.

Те глаза и язык, что с наружною жизнью дружны,
Словно лишняя кожа иль волос, срезаться должны.

Коль любовь за завесой становится чуду подобной,
То лишь выйдет наружу — и похотью станет трущобной.

Тайн господних суму только вере возможно соткать,
Но Трепальщика нить расщипали на хлопок опять.

Тайн завесой облек свою душу цветок нераскрытый,
Но, разверзнув уста, погибает он, кровью залитый.

Неужели ж такая доступна устам высота?
Повесть тайную сердца расскажут лишь сердца уста.

Миска сердца нужна, чтобы стали те кушанья любви,
Если ж попросту есть, обожжет тебе пламенем губы.

Есть души красноречье: оно и молчанье — одно.
Есть души поспешенье: оно промедленью равно.

Свет божественный сердца к тому лишь свой голос
направит,
Кто, предавшись молчанью, другим говорить
предоставит.

Сердца речи, которых в глубинах сердечных родник,
Не устам толковать, — передаст их лишь сердца язык.

Коль весельем души с Низами ты окажешься равным,
Будешь малым доволен и станешь владыкой державным.

ПОВЕСТЬ О ХАРУН-АР-РАШИДЕ И ЦИРЮЛЬНИКЕ

Срок настал для Харуна халифом назваться. В тот миг
Стяг потомков Аббаса небесного свода достиг.

Как-то в полночь, оставив жену и обитель ночлега,
Вышел в баню Харун насладиться покоем и негой.

В бане начал цирюльник властителю голову брить
И, к досаде его, много лишнего стал говорить:

«О, ты знаешь меня! Без наград мы умения не тратим:
Отличи же меня, назови меня нынче же зятем!

Обрученье устрой, за меня, за раба своего,
Ты отдай свою дочь, что дороже мне мира всего».

От природы горячий, халиф раздражился сначала, —
Но уж чувство стыда его первую вспышку смягчало.

Он сказал: «От жары перегрелась, зная, печень его:
Он рехнулся с испуга при виде лица моего.

Если б был он в уме, так и вздору нести не пришлось
бы, —
Может только безумный такие высказывать просьбы».

Утром вновь испытал он слугу, но остался ни с чем:
Был всё тем же чеканом чеканен фальшивый дирхем.

И не раз и не два подвергал он его испытаньям,
А цирюльник всё тот же, всё с тем же безумным
желаньем!

Так умом помраченный всё дело вконец помрачил,
И то дело распутать дастуру халиф поручил.

Он дастуру сказал: «На меня с языка брадобрея
Вдруг свалилась печаль, — так узнай мою тайну скорее.

Он считает достойным, чтоб я его зятем назвал!
Кто же так и учтивость и место свое забывал?

И язык его — бритва, и в правой руке его бритва!
Два клинка на меня: согласись, что неравная битва!

Каждый день, подвизаясь над высшей из царских голов,
Мне кидает он в душу камня заносчивых слов!»

И ответил везир: «Не смущайся, но истины ради
Испытай: может статься, стоит он ногами на кладе?»

Как появится с бритвой, цирюльника ты упреди:
«Здесь обычно стоишь, но сегодня туда перейди!»

Если будет спесив, так рубить ему голову надо.
Если ж нет — поищи, где стоял он, зарытого клада».

И, смиренной послушен природе, недавний «эмир»
Стал на новое место, как дал указанье везир.

И едва отошел он и встал в расстоянии некоем,
Показался халифу он вовсе другим человеком.

И совсем не болтает — как будто с завязанным ртом, —
И глаза и язык безупречно учтивы притом.

До тех пор как цирюльник обычного места держался,
Образ царственной власти в простецкой душе отражался,

Но, едва с того места сойти поспешил поскорей,
Стал цирюльником вновь — открывай себе лавку да
брей!

И халиф приказал, и вскопала то место лопата —
И явились сокровища, скрытые в землю когда-то.

На сокровища став, что до срока таиться должны,
Всякий станет речист, отмыкает он двери казны.

Но казна Низами всем открыта, кто ищет совета,
Грудь свободна от праха и сердце исполнено света.

**РЕЧЬ ДВАДЦАТАЯ.
О ЗАНОСЧИВОСТИ СОВРЕМЕННИКОВ**

От себя мы самих отмахнулись, от жизни устали, —
Почему ж, утомленные, к праху земному пристали?

Пребывая средь праха, ты стал, как колючка, в
Дел подобных немало с живыми проделывал прах. шипях, —

Жизнь успела пройти, — среди вышедших из дому рано
Мы последними стали — отставшая часть каравана!

Покорили мы ангелов наших, им пути надев,
Ищет дружества с нами и сам обесславленный дэв.

Мы — что в бане котлы: горячи мы и холодны вместе;
Мы — что куча золы: горячи мы и холодны вместе.

Где же ясность души, где же сердца сияющий свет?
Где же отдых былой? Где спокойствие духа? Их нет!

Утро ночи темней, загорается черное пламя,
Меркнет утро души, и его опускается знамя.

Беззаботности смех прерывается в наших устах,
Вожделенне к жизни в душе разбивается в прах.

На ладони у праха создай себе силой волшебной
Средство душу спасти как-нибудь в суете непотребной.

Вылетай же скорей, разорви кровожадный силок,
Человеку лукавство дано, чтоб он вырваться мог.

Пусть зубастее волк, но лукавством сильнее лисица:
Из ловушки сумела лукавая освободиться!

Знай свое назначенье и верности верным пребудь!
Брось себе поклоненье, Аллаху служить не забудь!

Прахом сердца ты стань, ибо верность лишь там обитает,
Только в сердце одном справедливости роза возрастает.

Если сердцем твоим добродетель тебе внушена,
Одеянию верности краем послужит она.

В человеке возникнут едва лишь хорошие свойства —
Пропадут, если ты не похвалишь, хорошие свойства.

Но одобрил ты их — и становятся лучше тогда,
И обильнее вдвое в ручье заструится вода.

Кто не чужд воспитанью, бывает другими воспитан,
Коль на добрые свойства в ком-либо ином поглядит он.

Праху дать чистоту добродетель лишь может одна, —
Только в прахе земном добродетель теперь не видна!

Ведь едва добродетель поднять свою голову сможет,
На нее нечестивый немедленно руку наложит.

Добродетельных гонят, о жизни стоит уж вопрос!
Каждый рад, если вред добродетели тоже нанес.

Коль подвижника видят, так это им только забавно.
А раздумья считают горячкой страстей и подавно.

Имя щедрости назвали горстью убытка они,
Полагают, что верный рабу даровому сродни.

Щедрость только посмешище их издевательствам
вздорным;
Ими ясная речь именуется омутом черным.

Абрис верности их нарисован на тающем льду,
Даже солнце с луной эти люди хулят на ходу.

Если кто хоть на миг усладился бальзамом покоя,
Он уж их уязвил, их лишает тем самым покоя.

Каждый с губ у другого отведаст сласти, а сам
Опаршивевшим пальцем ему проведет по губам.

Людам с печенью плотной, подобной инжирине спелой,
Подают они уксус, даваемый гроздью незрелой.

Чтоб хорошее видеть, у них не имеется глаз,
Но любые пороки готовы приметить тотчас.

В море много всего, но ничто не ценнее жемчужин:
Если есть добродетель, иной уж прибыток не нужен.

Для слепого что капля — могучего Тигра струя,
И нога саранчи тяжеленька для лап муравья.

Двое-трое скупают пороки, о почестях споря, —
И порочный и праведный с ними натерпятся горя.

Сами в прахе они и душою чернее, чем прах,
Горше всех огорчений, что носим мы в наших сердцах.

Станут дымом, едва до чьего-либо носа достанут,
Лишь увидят светильник — и ветром немедленно станут.

Посмотри ты на мир, на устройство его посмотри:
Кто в нем знатные люди, имущие власть главари?

Двое-трое порочных живут на позорище веку, —
И наш век, и я сам через них превратился в калеку.

Только я — как луна, не разрушишь мою полноту:
Мне ущерб нанесут — от ущерба еще возрасту.

Пусть хлопочут вовсю, только шахматы — трудное дело,
Вряд ли их плутовство небосвод обыграть бы сумело.

Хоть свежа моя речь, хоть духовного сада влажней, —
Словно спутники Ноя, хулители реют над ней.

Знамя Хызра, развейся! Зови нас на поприще боя,
На священную брань! На неверных — с молитвами Ноя!

Что мне их нечестивость? Что сердцу поступки дурных?
Пропади, мое сердце, лишь только вспомнешь о них!

Нет предела их злу, их проступкам не видно скончанья, —
Пусть же голосом громким мое им ответит молчанье!

Много стука в ларце, но жемчужина в нем лишь одна.
А наполнит он чрево — и будет в ларце тишина.

Если утро — всего лишь пронзительный крик петуха,
Это разве лишь на смех, и шутка такая плоха.

Наш о помощи крик небосводу внимать не угодно,
От его же кольца ни одна голова не свободна.

Не болтай о великих стихах, повторяй их в уме,
Или, как Низами, ты окажешься тоже в тюрьме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ

О писец, да пошлет тебе доброе утро Аллах!
Вот я узником стал, как перо у поэта в руках.

Этот род стихотворства превыше небесного свода.
Дал стихам мой калам все цвета, что являет природа.

Я алмазы расплавил, единым желаньем горя,
Коль не сделать кинжал, то хоть ножик сковать для
царя.

Ибо в камне таилась руда для меча моих песен
И кузнечный мой горн был для дела великого тесен.

Если б небо послало мне счастье, простив за грехи,
То полжизни своей не истратил бы я на стихи.

Сердце мне говорит, что я грех совершил в самом деле:
Под каламом моим этой книги листки почерпели.

Здесь шатер новобрачных, и всё, что таится внутри,
Под пером заблестало за три иль четыре зари.

Вот шашлык из ягненка — что ж дым ты глотаешь и
ныне?
Что ты в вяленом мясе находишь, в сухой солонине?

Так иди же и сделай неспешность своим ремеслом,
А начнешь размышлять — размышляй с просветленным
умом.

Если в слове моем — отойти от добра искушенье,
Это слово рукою сотри, я даю разрешенье.

Если поднял я стяг, где не истина знания, а ложь,
То и слово мое, и меня самого уничтожь.

Если б я полагал, что мои сочинения низки,
То по всем городам я не слал бы в подарок их списки.

Стихотворчеством скован, я в этой сию стороне,
Но все стороны света охотно покорствую тебе.

И сказало мне время: «Ведь ты не земля, — подвигайся!
Что бесплодно лежишь, как в пустыне земля?»
Подвигайся!»

Я сказал: «Сокровеннейшим, девственным мыслям моим
Не в чем выйти: по росту одежды не сделали им.

Есть лишь полукафтан, до колен он доходит, не боле,
Потому-то они на коленях стоят поневоле.

Им бы надо украсить нарядной одеждою стан,
Встать им было б прилично, забыли бы полукафтан».

Молодой или старый, в одном все окажутся правы:
Ничего до сих пор не добился я — разве лишь славы.

Ни волненья толпы, ни червонцев не вижу за труд, —
Знай торгуй на базаре! Добьешься ли большего тут?

Как петлею Гянджа захлестнула мне шею, однако
Я, хоть петель не плел, покорил все богатства Ирака.

«Эй ты, раб! — этот крик повсеместно был поднят
людьми. —
Что еще за Гянджа? И откуда и кто Низами?»

Богу слава за то, что дописана книга до точки
Прежде, нежели смерть отказала в последней отсрочке.

Низами эту книгу старался украсить как мог —
В драгоценных камнях утопил с головы и до ног.

Благодатно да будет, что щедрую россыпь жемчужин
Подношу я царю, что не менее с щедростью дружен.

Книгу птица пера в высоту от земли вознесла,
Над бумагою птица раскрыла два легких крыла,

Головою ступая, жемчужины с губ расточала:
О сокровищах тайн драгоценную книгу кончала.

Эту книгу пометить, чтоб верно судить о былом,
Надо первым раба и двадцать четвертым числом.

Пять веков пролетело со времени бегства пророка,
Года семьдесят два ты прибавишь для точности срока.

ХОСРОВ И ШИРИН

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

Всех зовов сладостней любви всевластный зов,
И я одной любви покорствоваться готов!

Любовь — михраб ветров, к зениту вознесенных,
И смерть иссушит мир без вод страны влюбленных.

Явись рабом любви, заботы нет иной,
Для доблестных блеснет какой же свет иной?

Всё ложь, одна любовь — указ беспрекословный,
И в мире всё игра, что вне игры любовной.

Когда бы без любви была душа миров —
Кого бы зрел живым сей круголетный кров?

Кто стынет без любви, да внемлет укоризне:
Он мертв, хотя б стократ он был исполнен жизни.

Хоть над любовью, знай, не властна ворожба,
Пред ворожкой любви — душа твоя слаба.

У снеди и у сна одни ослы во власти.
Хоть в кошку, да влюбись. Любой отдайся страсти!

Дерись хоть за нее, ну что ж — достойный гнев!
Ты без любви ничто, хоть ты и мощный лев.

Нет, без любви ничьи не прорастают зерна,
Лишь в доме любящих спокойно и просторно.

Без пламени любви, что все живые чтут,
Не плачут облака и розы не цветут.

И гебры чтут огонь, его живую силу,
Лишь только из любви к полдневному светилу.

Ты сердце не считай властителем души, —
Душа души — любовь, найти ее спеши!

Любовь поет кыблу, но помнит и о Лате,
К Қаабе льнет, горит в языческой палате.

И в камне — если в нем горит любовный жар —
Сверкнет в добычу нам бесценный гоухар.

И если бы магнит был не исполнен страсти,
Железо привлекать он не был бы во власти.

И если бы весь мир не охватила ярь,
Не мог бы привлекать соломинку янтарь.

Но сколько есть камней, которые не в силах
Привлечь соломинку, — бездушных и застылых.

И в веществах во всех — а можно ли их счесть? —
Стремленье страстное к сосредоточью есть.

Огонь вскипит в земле, и вот в минуту ту же
Расколет землю он, чтоб вздыбиться наруже.

И если в воздухе и держится вода,
Всё ж пасть в стремлении придет ей череда.

Для тяготения в чем сыщется преграда?
А тяготение назвать любовью надо.

О смертный, разум свой к раздумью призови,
И ты постигнешь: мир воздвигнут на любви.

Когда на небесах любви возникла сила,
Она для бытия нам землю сотворила.

Был в жизни дорог мне любви блаженный пыл, —
И сердце продал я, и душу я купил.

С пожарища любви дым бросил я по странам,
И очи разума задернул я туманом.

Я препоясался, пылая, — и постичь
Любовь сумеет мир, услышавши мой клич.

Не для презренных он! Мой стих о них не тужит.
Сладкочитающим, взыскательным он служит.

Вот сказ, но исказит мои стихи певец.
Страшусь: припишет мне свои грехи певец.

НАЧАЛО РАССКАЗА

Так начал свой рассказ неведомый сказитель —
Повествования о канувшем хранитель:

Когда луна Кисры во мрак укрылась, он
В наследье передал Ормузу царский трон.

Мир озарив, Ормуз державно создал право,
И правом созданным прочна была держава.

Обычаи отца на месте он держал.
И веру с милостями вместе он держал.

И, рода своего желая продолженья,
Он посвящал творцу все жертвоприношенья. . .

Творец, его мольбы отринуть не хотя,
Дал мальчика ему. О, дивное дитя!

Он был жемчужиной из царственного моря,
Как светоч, он светил, светилам божьим вторя.

Был гороскоп хорош и благостен престол:
Соизволеньем звезд свой трон он приобрел.

Его отец, что знал судьбы предначертанье,
Ему Хосров Парвиз дал светлое прозванье.

Парвизом назван был затем царевич мой,
Что для родных он был красивой бахромой.

Его, как мускус, в шелк кормилица укрыла, —
В пушистый хлопок перл бесценный уложила.

И лик его сиял, все горести гоня,
Улыбка сладкая была прекрасней дня.

Уста из сахара так молоко любили!
И сахар с молоком младенцу пищей были.

Как роза, он сиял на пиршествах царя,
В руках пирующих над кубками паря.

Когда же свой покой он люлечный нарушил,
Мир положил его в свою большую душу.

Был в те года храним он сменою удач,
Всему нежданному был ум его — толмач.

Уже в пять лет всё то, что дивно в нашем мире,
Он постигал, и мир пред ним раскрылся шире.

Парвизу стройному лет наступило шесть,
И всех шести сторон мог свойства он учесть.

Его, прекрасного, увидевши однажды,
«!Осуф египетский!» — шептал в восторге каждый.

И к мальчику отец призвал учителей,
Чтоб жизнь его была полезней и светлей.

Когда немного дней чредою миновало,
Искусства каждого Хосров познал начало.

И речь подросшего всем стала дорога:
Как море, рассыпать умел он жемчуга.

И всякий краснобай, чья речь ручьем бурлила,
Был должен спорить с ним, держа в руках мерило.

Он волос в зоркости пронизывал насквозь,
Ему сплестать слова тончайше довелось.

Девятилетним он покинул школу; змея
Он побеждал, со львом идти на схватку смея.

Когда ж он кирпичи десятилетия стлал,
Тридцатилетних ум он по ветру пускал.

Была его рука сильнее лапы львиной,
И столп рассечь мечом умел он в миг единый.

Он узел из волос развязывал стрелой,
Копьем кольцо срывал с кольчуги боевой.

Как лучник, превращал, на бранном целясь поле,
Он барабан Зухры в свой барабан соколий.

Тот, кто бы натянул с десяток луков, — лук
Хосровов гнуть не мог всей силой мощных рук.

Взметнув аркан, с толпой он не боялся схваток.
Обхват его стрелы был в девять рукояток.

Он Зло пронзал стрелой — будь тут хоть Белый див
Не диво — див пред ним дрожал, как листья ив.

Коль в скалы он метал копьа летучий пламень —
Мог острее копьа он вбить глубоко в камень.

А лет четырнадцать к пределу донеслись —
У Птицы знания взметнулись крылья ввысь.

Он всё укрытое хотел окинуть взором,
Добро и зло своим отметить приговором.

Один ученый жил; звался Бузург-Умид.
Сам разум — знали все — на мудрого глядит.

Всё небо по частям постичь он был во власти,
И вся земля пред ним свои вскрывала части.

И были тайны тайн даны ему в удел.
Сокровищниц небес ключами он владел.

Хосров его призвал. В саду, к чертогам близком,
Тот речью засверкал — мечом своим индийским.

Он в море знания жемчужины искал,
Руками он ловил, царевичу вручал.

Он озаренный дух овеял светом новым, —
И было многое усвоено Хосровом.

Кольца Кейвана свет и весь хребет земли —
Весь мир — именовать слова его могли.

В недолгий срок во власть морские взял он недра,
Всё знал он, что открыл ему учитель щедро.

К познанию дух пришел из безраздумных дней.
В своем пути достиг он царских ступеней.

Когда же для него — пределов звездных друга —
Открылись все круги крутящегося круга,

Он понял: долга нет отраднее, чем долг
Служения отцу, и пред отцом он молк.

Отец его любил сильнее всей вселенной,
Да что вселенная! — сильней души нетленной.

Чтоб долголетие любимый сын узнал,
У длинноруких всех он руки обкорнал.

И, укрощая зло, гласил стране глашатай:
«Беда злокозненным!» — и никнул виноватый.

Гласил: «Пасти коней в чужих полях нельзя,
К плодам чужих садов заказана стезя.

Смотреть на жен чужих — срамнее нету срама.
Не пребывай в дому турецкого гуляма,

Иль кару понесешь достойную». Не раз
Шах в этом поклялся, — да помнят все наказ!

Он к справедливости не погашал стремленья, —
И в эти дни земля достигла исцеленья.

И выпустило мир из рук ослабших Зло.
Не стало злых людей, спасение пришло.

ВЫЕЗД ХОСРОВА НА ОХОТУ

Был весел день. Хосров, в час утренней молитвы,
Поехал по местам, пригодным для ловитвы.

Всем любовался он, стрелял зверей, и вот
Селенье вдалеке веселое встает.

И тут над розами зеленого покровы
Раскинут был ковер веленнем Хосрова.

Пил алое вино на травах он, и, глядь, —
Златая роза вдаль уж стала уплывать.

Вот солнце в крепости лазоревой на стены
Взнесло свой желтый стяг. Но быстры перемсны:

Оно — бегущий царь — алоэ разожгло.
Раскрыло мрак шатра, а знамя унесло.

И под гору оно коня, пылая, гнало,
Мечами небосвод, ярьась, полосовало.

Но, ослабев, ушло, ушло с земли больной
И свой простерло щит, как лотос, над водой.

В селении Хосров потребовал приюта.
Для пира всё собрать пришла теперь минута.

Он тут среди друзей ночную встретил тень,
Пил яркое вино, ночь обращая в день.

Под органона гул — о, звуков преизбыток! —
Пил аргаванный он пурпуровый напиток.

Во фляге булькал смех. Была она хмельна.
И сыну царскому с ней было не до сна.

С зарей Хосровов конь — безудержный по нраву—
Меж чьих-то тучных трав был схвачен за потраву.

А гурский нежный раб, всем улаждавший взгляд,
Через ограду крал незрелый виноград.

И вот лишь солнце вновь над миром засияло
И ночи голову от тела дня отъяло,—

Уж кое-кто из тех, что носят яд в устах,
Умчались во дворец, и там услышал шах,

Что незаконное свершил Хосров, что, верно,
Ему не страшен шах, что шепот будет скверный.

Промолвил шаханшах: «Не знаю, в чем вина».
Сказали: «Путь его — неправедность одна.

И для его коня не создана ограда,
И раб его желал чужого винограда.

И на ночь бедняка лишил он ложа сна,
И арфа звонкая всю ночь была слышна.

Ведь если бы он был не отпрыск шаханшаха,
Он потерял бы всё, наведаясь бы страха.

Врач в длань болящего вонзает острие,
А тело острием он тронет ли свое?»

«Меч тотчас принести!»—раздался голос строгий,
И быстрому коню немедля рубят ноги,

А гурского раба владельцу лоз дают, —
Сок лозы сладостной в поток соленый льют.

Оставили в жилье, где пили в ночь охоты,
Как дар, Хосровов трон искуснейшей работы.

Арфисту ногти — прочь, чтоб голос арфы смолк,
А с арфы смолкнувшей сорвать велели шелк.

Взгляни — вот древний суд, для всех неукоснимый,
Суд, даже над своей жемчужиной творимый.

Где ж правосудье днесь великое, как рок?
Кто б сыну в наши дни подобный дал урок?

Служил Ормуз огню. Свое забудем чванство!
Ведь нынешних времен постыдно мусульманство.

Да, мусульмане мы, а он — язычник был.
Коль то — язычество, в чем мусульманства пыл?

Но слушай, Низами, пусть повесть вновь струится:
Безрадостно поет правоучений птица.

ХОСРОВ СО СТАРЦАМИ ИДЕТ К СВОЕМУ ОТЦУ

Когда Хосров Парвиз увидел свой позор,
Он призадумался, его померкнул взор.

Он понял: для себя он в прошлом не был другом.
Он понял: прав отец — воздал он по заслугам.

Всё дело рук своих! И вот руками он
Бил голову свою, собою возмущен.

Двум старцам он сказал, не ощущая страха:
«Ведите кипарис к престолу шаханшаха.

Быть может, вашему заступничеству вняв,
Шах снизойдет ко мне, хоть я и был не прав».

И саван он надел, и поднял меч — и в мире,
Как в Судный день, шел плач, звуча всё шире, шире.

С мольбою старцы шли. Смотри смиренно вниз,
Подобно пленнику, за ними шел Парвиз.

Лишь к трону подошли — не умеряя стона,
В прах, грешник горестный, царевич пал у трона.

«Так много горести, о шах, мне не снести!
Великим будь — вину ничтожному прости.

Юсуфа не считай ты оскверненным волком.
Он грешен, но он юн, он свет не понял толком.

Ведь рот мой в молоке, и всё мне в мире вновь.
Что ж мощный лев испить мою желает кровь?

Пощады! Я — дитя! Сразит меня кручина,
Не в силах вынести я гнева властелина!

Коль провинился я — вот шея, вот мой меч.
Тебе — разить, а мне — сраженным наземь лечь.

Я всякий гнет снесу на перепутьях жизни,
Лишь только б царственной не внять мне укоризне».

Так молвил чистый перл и начал вновь стенать.
И голову свою склонил к земле опять.

Покорность мудрая толпу людей сразила,
И вновь раздался плач — его взрастала сила, —

И вопли понеслись, как шум листвы в ветрах,
И жало жалости почуял шаханшах.

Он видит: сын его, хоть молод он и нежен,
Уж постигает путь, что в мире неизбежен.

Он, для кого судьба не хочет вовсе зла,
Сам хочет одного — чтоб скорбь отца прошла.

Подумай: как с тобой поступит сын, — он то же
Увидит от того, кто всех ему дороже.

Для сына ты не будь истоком зла и мук,
Преемником ему ведь твой же будет внук.

И на сыновний лик склонился взор Ормуза.
Он понял: сын ему — целенье, не обуза.

Он благороден, мудр, и как не разгадать,
Что божия на нем почила благодать.

Целуя сына в лоб, обвив его руками,
Ормуз повелевать велит ему войсками.

Когда, сойдя с крыльца, на двор ступил Хосров,
Мир засиял опять: с него упал покров.

Гадал Хосровов лик — он был для взоров пиром, —
Дано ли в будущем сиять ему над миром?

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ СВОЕГО ДЕДА АНУШИРВАНА

Лишь кудри полночи разлили аромат,
Свет утонул во тьме и свет был тьмой объят.

И, ткани мглы развив, блеснул в выси кудесник,
Не чародей дневной, а страстных игр предвестник, —

Вошел во храм Хосров, и там, склонивши стан,
Он на ступени сел, еще шепча: «Яздан».

Вчера из чаши сна не отпил он нимало,
И дрема сладкая на юношу напала.

И деда своего увидел он во сне.
Дед молвил: «Юный свет! Весь мир в твоём огне.

Ты четырех рабов утратил ненароком.
Четыре радости тебе пошлются роком.

За то, что ты вкусил столь горький виноград,
Но горестным не стал и не померк твой взгляд,

Красавицу; о внук, обнимешь ты. Едва ли
Такую красоту созвездья создавали.

Затем: за то, что ног лишен твой лучший конь,
Но всё ж тебя не жжет неистовый огонь,

Шебдиза обретешь. Его летучи ноги.
Следы его подков не врежутся в дороги.

А третья: твой отец дал бедному твой трон,
Но от несчастья в том счастью — не урон.

Утешен будешь ты сверкающим престолом.
Он деревом златым возвысится над долом.

Четвертое: за то, что, пылкий, не вспылит,
Хоть шах прогнал певца и струн тебя лишил, —

Барбеда ты найдешь; внимать ему услада, —
Припомнившим о нем сладка и чаша яда.

Утратив камешки — клад золотой найдешь,
Костяшки потеряв — ты перлов рой найдешь».

Стряхнул царевич тьму дремотного тумана
И встал, и вновь хвалой прославил он Яздана.

Он целый день молчал, был думой взор одет,
Он будто всё внимал тому, что молвил дед.

И, мудрецов созвав, он рассказал им ночью
О том, что видел он как будто бы вочью.

РАССКАЗ ШАПУРА О ШИРИН

И некий жил Шапур, Хосрова лучший друг,
Лахор он знал, Магриб прошел он весь вокруг.

Знай: от картин его Мани была б обида.
Как рисовальщик он мог победить Евклида.

Он был калама царь, был в ликописи скор.
Без кисти мысль его могла сплетать узор.

Столь тонко создавал он нежные творенья,
Что мог бы на воде рождать изображенья.

Он перед троном пал, — и услышал Хосров,
Как зажурчал ручей отрадных сердцу слов:

«Когда бы слух царя хотел ко мне склониться,
Познанья моего явилась бы крупица».

Дал знак ему Парвиз: «О честный человек!
Яви свое тепло, не остужай наш век!»

Разверз уста Шапур. В струенье слов богатом
Он цветом наделил слова и ароматом.

«Пока живет земля — ей быть твоей рабой!
Да будет месяц, год и век блажен тобой!

Да будет молодость красе твоей сожитель!
Твоим желаньям всем да будет исполнитель!

Да будет грустен тот, кто грусть в тебе родил!
Тебя печальший — чтоб в горести бродил!

По шестисводному шатру моя дорога.
Во всех краях земли чудес я видел много.

Там, за чредою гор, где весь простор красив,
Где радостный Дербент, и море, и залив,

Есть женщина. На ней блеск царственного сана,
Кипенья войск ее достигло Исфакана,

Вплоть до Армении Аррана мощный край
Ей повинуется. Мой повелитель, знай:

Немало областей шлют ей покорно дани.
На свете, может быть, счастливей нет созданий.

Без счета крепостей есть у нее в горах,
Как велика казна — то ведает Аллах.

Четвероногих там исчислить не могли бы.
Ну, сколько в небе птиц? Ну, сколько в море рыбы?

Нет мужа у нее, но есть почет и власть.
И жить ей весело: ей всё на свете всласть.

Она — ей от мужчин в отваге нет отличья —
Великой госпожой зовется за величье.

Шемору видел я, прибывши в ту страну.
Шемора — так у них звучит Михин-Бану.

Для месяцев любых, в земли широтах разных,
Пристанищ у нее не счесть многообразных.

В дни розы госпожа отправится в Мугань,
Чтоб росы попить, весны приемля дань.

В горах Армении она блуждает летом
Меж роз и тучных нив, пленясь их ярким цветом.

А осень желтая надвинется — и вот
На дичь в Абхазии вершит она налет.

Зимой она в Барде. Презревши смены года,
Живет она, забыв, что значит непогода.

Там дышит радостней, где легче дышит грудь,
Отрадный обрета в делах житейских путь.

И вот в ее дворце, в плену его красивом,
Живет племянница. Ее ты счел бы дивом.

Она — что гурия! О нет! Она — луна!
Владычица венца укрытая она!

Лик — месяц молодой, и взор прекрасен черный.
Верь: черноокая — источник животворный.

А косы блещущей — ведь это негры ввысь
Для сбора фиников по пальме поднялись.

Все финики твердят про сладость уст румяных,
И рты их в сахаре от их мечтаний пьяных.

А жемчуга зубов, горящие лучом!
Жемчужины морей им не равны ни в чем.

Два алых сахарца, два — в ясной влаге — лала.
Арканы кос ее чернеют небывало.

Извивы локонов влекут сердца в силки,
Спустив на розы щек побегов завитки.

Дыханьем мускусным она свой взор согрела, —
И сердцевина глаз агатом заблестела.

Сказала: «Будь, мой взор, что черный чародей.
Шепчи свой заговор всех дурноглазых злей».

Чтоб чарами в сердца бросать огонь далече,
Сто языков во рту, и каждый — сахар мечет.

Улыбка уст ее всечасно солона.
Хоть сладкой соли нет — соль сладкая она.

А носик! Прямотой с ним равен меч единый,
И яблоко рассек он на две половины.

Сто трещин есть в сердцах от сладостной Луны,
А на самой Луне они ведь не видны.

Всех бабочек влекут свечи ее сверканья,
Но в ней не сыщешь к ним лукавого вниманья.

Ей нежит ветерок и лик и мглу кудрей,
То мил ему бобер, то горностаи милей.

Приманкою очей разит она украдкой.
А подбородок, ах, как яблочко, он сладкий!

Ее прекрасный лик запутал строй планет,
Луну он победил и победил рассвет.

А груди — серебро, два маленьких граната,
Дирхемами двух роз украшены богато.

Не вскроет поцелуй ее уста — строга:
Рубины разомкнешь — рассыплешь жемчуга.

Пред шеей девушки лань опускает шею,
Сказав: «Лишь слезы лить у этих ног я смею».

Источник сладостный! Очей газельих вид
Тем, кто сильнее льва, сном заячьим грозит.

Она немало рук шипами наполняла,
Кто розу мнил сорвать, не преуспел нимало.

Хоть зрят ее во сне сто сотен человек, —
Им въявь ее не зреть, как солища в ночь, возек.

Она, браня свой ~~взор~~, ища исток дурманов,
В глазах газелевых находит сто изъянов.

Узрев нарциссы глаз, в восторге стал бы нем
Сраженный садовод, хоть знал бы он Ирем.

Как месяц, бровь ее украсит праздник каждый.
Отдаст ей душу тот, с кем встретится однажды.

Медждуна бы смутить мечты о ней могли, —
Ведь красота ее страшна красе Лейли.

Пятью каламами рука ее владеет
И подписать приказ: «Казнить влюбленных» —
смеет.

Луна себя сочтет лишь родинкой пред ней.
По родинкам ее предскажешь путь ночей.

А ушки нежные! Перл прошептал: «Недужен
Мой блеск! Хвала купцу! Каких набрал жемчужин!»

Слова красавицы — поток отрадных смут,
А губы — сотням губ свой нежный сахар шлюют.

Игривостью полны кудрей ее побеги,
А лал и жемчуг рта зовут к истомной неге.

И лал и жемчуг тот, смеясь, она взяла
И от различных бед лекарство создала.

Луной ее лица в смятенье ввержен разум.
Кудрями взвихрены душа и сердце разом.

Красой ее души искусство смущено,
А мускус пал к ногам: «Я раб ее давно».

Она прекрасней роз. Ее назвали Сладкой:
Она — Ширин. Взглянув на лик ее украдкой,

Всю сладость я вкусил, вдохнул я всю весну.
Наследницей она слывет Михин-Бану.

Рой знатных девушек, явившихся из рая,
Ей служит, угодить желанием сгорая.

Их **ровно семьдесят**, прекрасных, как луна,
Ей так покорны все, ей каждая верна.

Покой души найдешь, коль их увидишь лики.
От луноликих мир в восторг пришел великий.

У каждой чаша есть, у каждой арфа есть.
Повсюду свет от них, они — о звездах весть.

Порой на круг луны свисает мускус; вина
Там пьют они порой, где в розах вся долина.

На светлых лицах их нет гнета покрывал;
Над ними глаз дурной в бессилье б изнывал.

На свете их красы хмельнее нету зелья.
Им целый свет — ничто, им дайте лишь веселья.

Но вырвут в должный час — они ведь так ловки —
И когти все у льва и у слона — клыки.

Вселенной душу жгут они набегом грозным
И копьями очей грозят мерцаньям звездным.

О гуриях твердят, что ими славен рай.
Нет, не в раю они, — сей украшают край.

Но всё ж Михин-Бану, владея всей страной,
Владеет не одной подобною казною.

Привязан в стойле конь. Дивись его ногам:
Летит — и пыль от ног не ухватить ветрам.

Его стремительность не уловить рассудком.
Он в волны бросится, подобно диким уткам.

Он к солнцу вскинется, — так что ему до стен!
Он перепрыгнет вмиг небесных семь арен.

В горах взрыхлят скалу железные копыта,
А в море пена волн с хвостом волнистым слита.

Как мысли — бег его, движенья — бег времен.
Как ночь — всезнающий, как утро — бодрый он.

Зовут его Шебдиз, им целый мир гордится,
О нем грустят, как в ночь грустит Ночная птица».

Умолк Шапур, чья речь свершила всё сполна:
Покой свалился с ног, а страсть — пробуждена.

«Ширин, — сказали все, — должны почесть мы
дивом».
Охотно вторят все устам сладкоречивым.

«Всё, что возносит он, — возвышенным считай:
Ведь живописью он прельстил бы и Китай».

В мечтах за повестью Хосров несется следом.
Стал сон ему не в сон, а отдых стал неведом.

Слов о Ширин он ждет, и в них — она одна, —
Уму давали плод лишь эти семена.

Дней несколько о ней он был охвачен думой,
Речами ублажен. Но час настал. Угрюмый,

Он руки заломил. Весь мир пред ним померк.
В тоске он под ноги терпение поверг.

Шапура он зовет, ему внимает снова,
Но после сам к нему он обращает слово:

«Всё дело, о Шапур, кипучих полный сил,
Ты прибери к рукам, я — руки опустил.

Ты зданье заложил искусно и красиво.
Всё заверши. Всегда твои созданья — диво.

Молчи о сахаре. Твой сказ не зря возник.
Будь там, где насажден сей сахарный тростник.

Иди паломником туда, где этот идол.
Хочу, чтоб хитростью ты идола мне выдал.

Узнай, добра ль, узнай — мне сердца не томи, —
Общаться может ли со смертными людьми.

И коль она, как воск, приемлет отпечаток,
Отгисни образ мой. Внимай! Наказ мой краток:

Коль сердце жестко в ней — лети назад, как шквал,
Чтоб я холодное железо не ковал»,

**ШАПУР В ПЕРВЫЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН
ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА**

Когда ночных кудрей раскинулся поток,
А жаркий светоч дня сгорел, как мотылек,

И черною доской, промолвив: «Нарды бросьте»,
Закрыли желтые, сверкающие кости,

Всплыл яркий Муштари, держа в руках указ:
«Шах выбрался из пут, Шапуру — добрый час».

И вот в монастыре передохнул немного
Шапур прославленный: трудна была дорога.

И старцам, знающим небес круговорот,
Шапур почтительный вопросы задает.

Не скажут ли они, куда пойдет походом
С зарей красавиц рой, к каким лугам и водам?

Велеречивые сказали старикки:
«Для неги дивных жен — места недалекки.

Под грузною горой, там, на дремучих скатах,
Есть луг, укрывшийся меж зарослей богатых.

И кипарисов рой сберется на лужок,
Лишь их проснувшийся овеет ветерок».

Шапур, опередить стремясь кумиры эти,
Свой пояс затянул, проснувшись на рассвете.

И ринулся он в лес, что вокруг лужайки рос,
Чтоб с россыпью сойтись багряных этих роз.

Взяв листик худжасте руки движеньем самым
Скупым, Хосровов лик набросил он каламом.

Рисунок довершил и в сладостную тень
Его он поместил, вложив в щербатый пень.

И будто бы пери, унесся он отсюда.
И вот пери сошлись: они чудесней чуда.

Со смехом на лужке они уселись в круг,
То вязь плетя из роз, то заплетая бук,

То выжимая сок из розы ручкой гибкой,
Сияя сахарной и розовой улыбкой.

И нежит их сердца сок виноградных лоз,
И розы клонятся к охапкам нежных роз.

И, зная, что лужок чужим запрещен взорам,
В хмельной пустились пляс, живым сплетясь узором.

Меж сладкоустых лиц Ширин прельщала взгляд,
Сияя, как Луна меж блещущих Плеяд.

Подруг любимых чтя, Ширин запиновала,
Сама пила вино и милым пить давала.

Прекрасная, гордясь, что лик ее — луна,
Глядит — и худжасте увидела она.

Промолвила Ширин: «Рисунок мне подайте,
Кто начертал его? Скажите, не скрывайте».

Рисунок подали. Красавица над ним
Склонилась; время шло... весь мир ей стал незрим.

Она от милых черт отвлечь свой дух не в силах,
Но и не должно ей тех черт касаться милых.

И каждый взгляд пьянит, он — что глоток вина.
За чашей чашу пьет в беспамятстве она.

Рисунок видела — и сердце в ней слабело,
А прятали его — искала оробело.

И стражи поняли, признав свою вину:
Ширин прекрасная окажется в плену.

И в клочья рвут они утонченный рисунок:
Бледнит китайский он законченный рисунок.

И говорят они, поспешно клочья скрыв:
«Поверь, его унес какой-то здешний див.

Тут властвуют пери! С лужайки — быстрым бегом!
Вставайте! Новый луг отыщем нашим негам».

Сия кадиланица в них бросила огонь,
И окурились все, как бы от злых погонь,

И, дымом от огня затмив звезду несчастий,
Коней погнали в степь, спасаясь от напастей.

ШАПУР ВТОРОЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШПИРИИ ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Лишь только красный конь копытом на горе
Взрыл огненную пыль, пророча о заре,

И в каждой щели он отрыл багрянец клада,
В тот час, когда гора парче пурпурной рада, —

Шапур свой начал день; он снова под горой
Был прежде, чем туда примчался райский рой.

Еще заранее, достав бумагу, снова
Он начертал на ней красивый лик Хосрова.

И, услаждая дух, в тени большой горы
Цепь роз опять сплелась для песен и игры.

Посрамлена луна, лишь спало покрывало —
Египетская ткань, что их полускрывала.

Как будто нехотя вошли в игру. Росло
Веселье медленно — и в пляске расцвело.

Но только увлеклись они живой игрою —
Над ними начал рок шутить своей игрою.

Едва Ширин свой взор приподняла опять, —
Дано ей было вновь Хосрова созерцать.

Глядит; ее души затрепетала птица,
Язык утратил речь. Иль этот лик ей снится?

Для опьяненного не много нужно сна.
Дал глине горсть воды — насыщена она.

Зовет она подруг: «Что там? Что значит это?
Игра моей мечты? Игра теней и света?»

Картину дайте мне». Рисунок скрыли вмиг.
Но солнца не укрыть! Кто сей забудет лик?

И девы молвили: «Здесь духи смяли травы.
Поверь, им не чужды подобные забавы».

И утварь подняли, стремясь от мнимых гроз,
И луг испуганно очистили от роз.

ШАПУР В ТРЕТИЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Вот Анка Черная, исполненная гнева,
Зерно лучистое в свое внедрила чрево,

Вот гурии в степи, что Анджарак зовут,
Вновь обретя покой, вино по чашам льют.

В хмелю, меж трав степных, заснули девы наши,
У ножек — базилик, в руках — пустые чаши.

День поднял голову из тканей мглы. Конец
Луне пришел. Весь мир золотой надел венец.

И венценосные на троне бирюзовом
Вино преподнесли его испить готовым, —

И мчатся в монастырь — он звался Перисуз, —
В день путь свой совершив, ни в чем не зная уз.

И там, где небеса как цвет глазури синий,
Бродили, протянув узор волнистых линий.

Как души мудрецов — зеленые ковры,
А воздух — ласковость младенческой поры.

Прохладный ветерок приятней ветров рая,
Лужайка в лютиках от края и до края.

Каменья словно храм; обвили их вьюнки,
Причесывая луг, струятся ветерки.

И говор горлинок, и рокот соловьиный
Меж пламенных цветов сплелись в напев единый.

Пернатых волен лёт, не страшно им людей,
Порхают радостно меж трепетных ветвей.

Две пташки здесь и там, прижавшись друг ко другу,
Дают пример цветам, дают отраду лугу.

На луг пришел Шапур, и для улады глаз
Хосрова светлый лик он создал в третий раз.

Узрев безбурный луг под куполом лазури,
Здесь гурия вино решила пить меж гурий.

И вновь увидели красавицы глаза
То, чем смирилась бы души ее гроза.

Она поражена подобной ворожбою,
Уж дев играющих не видит пред собою.

Сосредоточен взор, встает она, идет,
Изображение в объятия берет.

Ведь в нем отражено ее души мечтанье,
И вот оно в руках! И счастье и страданье!

Она в беспамятстве, она стоит едва,
Шепча недолжные — забудем их! — слова.

Да! Коль все меры взять и слить все меры эти,
И дивов, как людей, в свои поймаем сети.

Лишь те, чей лик из роз и что подобны дню,
Столепестковую увидели родню.

Как стало ясно им, что облик сей красивый —
Не зло, что не грешны тут сумрачные дивы.

В работу мастера вгляделись, — не скрывать
Хотят ее теперь, а холить, восхвалять.

Кричат красавицы: «Пусть всё придет в движенье, —
Клянемся разузнать, чье здесь изображенье!»

Увидела Ширин, что их правдива речь
И что хотят они печаль ее пресечь.

«Ах, окажите мне, — она взывает, — помощь!
Ведь от друзей друзьям всегда бывает помощь.»

Чтоб дело подогнать, порою нужен друг,
Порою нужен он, чтоб дел сомкнулся круг.

Лишь с другом не темна житейская дорога,
Нет ни подобия, ни друга лишь у бога».

Промолвила Ширин с великою тоской:
«Навек утрачены терпенье и покой.

Подруги! Этот лик мы от людей не скроем.
Так выпьем за него! Веселие устроим».

И снова на лугу — веселие одно.
Пир начинается, вино принесено.

И за газелями поются вновь газели,
И голос кравчего приятней пьяных зелий.

Напиток горький пьет сладчайшая Ширин.
О, горечь сладкая! Властнее нету вин.

И с каждой чашею в томлении великом
Ширин целует прах, склонясь пред милым ликом.

Когда же страсть и хмель ей крепче сжали грудь,
Терпенье тронулось нетерпеливо в путь.

Ширин, одну луну поставив при дороге,
«Кто ни прошел бы здесь, — приказ дает ей
строгий, —

Узнай, что делает он в этой стороне,
Об этом облике что может молвить мне?»

Одних спросили вслух, других спросили тайно.
Что ж? Всё таинственно и всё необычайно!

И тело Сладостной ослабло в злой тоске,
И все от истины блуждали вдалеке.

И, как змея, Ширин в тоске сгибалась грозной,
Из раковины глаз теряя жемчуг слезный.

БЕГСТВО ШИРИН ОТ МИХИН-БАНУ В МЕДАИИ

Умолк Шапур, и вот Луну объяли чары,
А хитрость — в гурии раздула пламень ярый.

И он ушел, решив: «Надежда мне дана».
Луну покинул он; Луна была одна.

Бегут прекрасные к своей Ширин и рады
С ней рядом заблестать, как светлые Плеяды.

И месяц приказал блестящим звездам: «Прочь
Отсюда всем бежать, пока не минет ночь,

Подковами коней гороподобных горы
Разрыть, как рудники, побег начавши скорый!»

Целительницы душ, отправив паланкин,
Пустились в путь, блестя над ширями долин.

Беседуя, смеясь, речам не зная края,
Путь провели, и вот — луга родного края.

Всем отдохнуть дает родной приветный кров,
Но сердце Сладостной под тяжестью оков.

Вот полночь. Целый мир наполнен дымом ночи,
И сном наполнены ночного мира очи.

Навесили покров над солнечной главой,
Цветок пылающий укрыли под листвою.

Ширин пришла к Бану: «Я к солнцу, я к величью
Пришла. Позволь с зарей мне выехать за дичью.

Назавтра прикажи, о ты, чье имя чтут,
Шебдиза бурного освободить от пут!

Помчусь я на коне, стреляя дичь проворно,
А вечером к тебе приду служить покорно».

«О светлая Луна! — в ответ Михин-Бану. —
Что конь! Тебе отдать могла б я всю страну!

Но вороной Шебдиз, запомнить это надо,
Неудержим. Скакать — одна его отрада.

Грохочет скок его, что громыханье бурь,
Он бешеной ветров, всклокочивших лазурь.

Шебдиз! Нет ничего быстрее у природы.
В огонь он обратит своим кипеньем воды.

Ну что ж! Коль на него ты всё же хочешь сесть, —
Он — полночь, ты — Луна, твоих красот не счесть.

Взнуздай коня уздой в серебряной оправе
И приучи к своей уверенной управе».

Розоволикая, как роза, расцвела,
Склонилась ниц, ушла — и сладостно спала.

Вот синему ларцу с узором из жемчужин —
Так порешил Китай — замок червонный нужен.

Выходит из ларца мечта китайских нег,
В мечтаньях начертав поспешный свой побег.

Явились ей служить китайские изделия
Иль кипарисов ряд — очей благое зелье.

Увидела Ширин черты любимых лиц
И молвит ласково склоняющимся ниц:

«В степь ради лучшего, что есть на нашем свете,
Помчимся: сотни птиц хочу поймать я в сети».

Повязки сбросили красавицы с голов,
Чтоб по-мужски внимать звучанью властных слов.

Одев мужской кулах на головы, охотно
Укрыли под плащом тончайшие полотна.

Так должно: девушки, охотясь по степям,
По виду каждая должна быть как гулям.

И вот пришли к Ширин, одетые пригоже,
Вот на седле Ширин, они на седлах тоже.

Вот выехали в ширь с дворцового двора,
И каждая, как Хызр, нашедший ключ, бодра.

И мчатся по степи своей веселой цепью,
В одной степи летят, летят другою степью.

Рой гурий сладостных, быстрее быстрых бурь
На луг проник, а луг был яркая глазурь —

Земля зеленая! Тут носятся газели,
Порывы ветерков тут просятся в газели.

И вскачь пустились вновь прибывшие сюда,
Для скачки отпустив свободно повода.

Шебдизом правящий был смелостью богатый
И опытный ездок, а конь под ним — крылатый.

Всё горячит коня Ширин моя и вдруг
Свернула — и летит от скачущих подруг.

Подруги говорят: «Шебдиз понес». Не знали,
Что это в ней самой желанья бунтовали.

Как тени, спутницы летят за нею вслед,
Хоть тень ее поймать, — но даже тени нет.

Подруги рыскали за ней до самой ночи,
И вот надежды нет, и мчатся нету мочи.

Водительница их во мраке, далеко.
Устали их тела, их душам нелегко.

К дворцу Михин-Бану стеклись порой ночью
Созвездья. Их Луна — за черной пеленою.

Они, к престолу путь очами подметя,
Сказали о Ширин, волнуясь и грустя,

Сказали, не щадя ее судьбы каприза,
Что, видно, удержать не в силах ей Шебдиза.

Встает Михин-Бану, внимает им, клянет
Несущий бедствия судьбы круговорот.

Сошла со ступеней, полна тоски и страха, —
И в прахе голова, склоненная до праха.

И, руки заломив над горестной главой,
Потоки слез лила, страх не скрывая свой.

Всё плачет о Ширин, всё поминает брата —
Стца Ширин. Иль вновь к ней близится утрата?

«Не дурноглазым ли, — в сердцах твердит она, —
Я к одиночеству, к тоске присуждена?»

О роза милая, ты сорвана! В какие
Ты брошена шипы и бедствия людские?

Иль более твоей не стою я любви?
За кем ты следуешь? Ты мне их назови!

О лань! Тебе свои наскучили газели?
Иль ты в плену у льва? О милая! Ужели?

Луна, зачем же ты ушла от звезд своих?
Не солнце ты — Луна. Ты быть должна меж них!

Моя душа — твой сад, б кипарис мой! Жаждой
Я по тебе томлюсь, грущу о ветке каждой.

Кому твой светит лик, о милая Луна?
Я горем и бедой рассудка лишена!»

Так до зари она стенала, и возрастали
Ее тоска, и боль, и возгласы печали.

Когда ж из кладезя, где замкнут был Бижен,
Светило дня возшло, свой расторгая плен,

Войска к Михин-Бану явились и стояли
И приказания безмолвно ожидали.

Когда бы повелеть решила им Бану —
На молниях-конях обшарили б страну.

Но молвила Бану, что покидать не надо —
Подобно ей самой — оград родного града.

Предвидела она сию беду во сне:
Умчался сокол прочь, блестя в дневном огне.

Но только сожалеть она об этом стала,
Уселся сокол вновь ей на руку устало.

Бану сказала им: «Хоть птицами нам стать,
Хоть знать всё тайное нам было бы под стать, —

Но ведь не отыскать нам даже водопоя,
Где побыл мой Шебдиз, копытом землю роя.

За птицей быстрою не следует лететь.
Поймать не сможем дичь, увидевшую сеть.

Не плачь, что голубь твой твои покинул руки.
Он — твой, он прилетит, не вытерпит разлуки.

Я молнии узрю, терпение храня,
Из-под копыт ее строптивного коня.

Сокровище мое отыщется, и снова
Я буду счастлива. Я к радости готова.

В сокровищницу вновь сокровище верну,
Даров на радости немало разверну».

И вот войска Бану, услышав эти речи,
Ей повинуются. А где Ширин? Далече.

Да, той порой Ширин кипучий нес Шебдиз,
А в мире для Ширин был только лишь Парвиз.

С планетой схожая, неслась она; привала
Не делала нигде, неслась, не уставала.

Как будто бы гулям, свой повязавши плащ,
Селеньями неслась, и ветер был свистящ.

Грозили ей враги, неслась она в тревоге
По взгорьям, по степям, дорогой, без дороги.

Гороподобный конь был, словно ветер, скор.
Был ветер — позади, как ряд мелькнувших гор.

Ведь, верно, знаешь ты старинное преданье,
Как встарь ворожея свершала волхвованье.

Не здесь ли зеркало она и гребешок
На землю бросила, и небо долгий срок

Их не могло найти: одно воздвигло горы,
Другой лесами стал, и ведьма, что просторы

Сумела одолеть, вошла в стволы дерев
И в камни этих гор — в свой колдовской посев.

Но всё ж поддался путь наездницы усилью,
И взгорий и лесов она покрылась пылью.

Ее усталый лик стал призрачен и бел,
А нежный нрав ее в скитаньях погрубел.

Четырнадцатый день, сияя светлым ликом,
Луна свершала путь в горении великом.

Она спешит вперед — ей остановки нет, —
Расспрашивая всех, сама ища примет.

И побеждал скакун ветров прыгучих племя,
Сказав земле: «Забудь, что есть на свете время».

КУПАНИЕ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Рассвет; уже вдали мерцает бледный свет,
А изнуренной мгле уже надежды нет.

Нарциссов тысячи с крутящихся просторов
Скатились. Всплыл рубин меж облачных уборов.

Полна и горечи и страстного огня,
Ширин торопит бег прекрасного коня.

И распростерся луг, мерцающий росой,
И чистый ключ сверкнул эдемскою красой.

Стыдась блестящих вод источника, поник,
Померк живой воды прославленный родник.

Скиталица Ширин! Ее разбито тело.
Пыль с головы до ног прекрасную одела.

Вокруг источника — улады этих мест —
Всё кружится она; безлюдие окрест.

И спешила Ширин, и скакуна — на привязь,
И взор ее блеснул, безлюдьем осчастливаясь.

Источник радости к источнику идет,
Блестя, он взор небес своим блистаньем жжет.

Вот сахарный Сухейль освобожден от шерсти,
И вскрикнул Тиштрия, увидев прелесть персти.

Лазурная вилась вокруг чресел ткань. Кумир
Вошел в ручей, и вот — огнем охвачен мир.

Лазурью скрытые, чуть виделись Плеяды.
Шиповник с лотосом сплетаться были рады.

Вот всю ее стеной обводит синева,
Луны над синевой сияет голова.

Сеть, свитую из кос, влачит она в затоне,
Не рыба, а луна попалась ей в ладони.

О, мускус черных кос над бледной камфарой!
Мир гаснул пред ее победной камфарой.

Иль час грядущего ее душе был ведом?
Иль знала, кто за ней сюда придет следом?

Из вод ключа Ширин, что сладостней всего,
Готовила джуляб для гостя своего.

ХОСРОВ ВИДИТ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Рассказчик, на фарси о канувшем читавший,
Рассказывал; узнал рассказчику внимавший:

Когда Хосров послал Шапура в дальний край,
Сказав: «Ты о мечтах Прекрасной разузнай», —

И день и ночь он был в покорном ожиданье,
Что будет сладкое назначено свиданье.

С зарей и в сумерках — как солнце и луна —
Он службу нес отцу; душа была ясна.

И юный был Хосров, согласно древним сказам,
Отцовского венца излюбленным алмазом.

Но хоть сиял отцу сей сладостный алмаз,
Вмиг изменилось всё: дурной вмешался глаз.

Тот враг, что кознями весь край бы заарканил,
Дирхемы с именем Парвиза отчеканил.

Он их пустил гулять во многих областях;
Тревогой был объят персидский старый шах.

Он мыслит: сын игру затеял не без толка.
Захватит юный лев престол седого волка.

И царь задумался: какой же сделать ход?
Вот первый: юношу в ловушку он запрет.

О мерах думал он, но думал не глубоко:
Не ведал он игры играющего рока.

Не ведал, что всегда Хосров отыщет путь,
Что месяц молодой в оковы не замкнуть,

Что каждый, истину избрав своим кумиром,
Мир победит, ни в чем не побежденный миром.

О шахских замыслах узнал Бузург-Умид.
Он юношу сыскал, спасая от обид.

«Взгляни, твоя звезда плывет по небу книзу,
Царь в гневе на тебя, — промолвил он Парвизу. —

Пока не схвачен ты, покинь родимый край,
От кары удались и голову спасай.

Быть может, пламень сей останется без дыма,
Взойдет твоя звезда, вернешься в край родимый».

Хосров глядит: беда, плетя за нитью нить,
Ему готовит сеть, желая полонить.

К мускуснокудрым он, в спокойствии великом,
Пошел. И вымолвил Хосров месяцеликим:

«Из замка скучного я на немного дней
Уеду: пострелять мне хочется зверей.

Желаю, чтобы дни вы весело встречали.
Играйте. Никакой не ведайте печали.

Когда ж прибудет та, чей дивен черный конь,
Осанка — что павлин, улыбка — что огонь, —

О луны! Вы ее приветствуйте, в оконце
Взгляните-ка! Она светлей, чем это солнце.

Ее примите вы и станьте с ней близки,
Чтоб знала радости, не ведала б тоски.

Когда ж взгрустнет она в Дворце моем зеленом,
Предъятенная иным: лугов зеленым лоном,

Вы луг пленительный найдите и дворец
Постройте на лугу владычице сердец.

Уже душа ему пророчила о многом,
И, говоря, Хосров был вдохновляем богом.

Слова он вымолвил, как ветер, и — смотри! —
Пошел, как Сулейман со свитою пери.

Он взвил коня, чтоб бил он менее дорогу.
Он покорил себе к Армении дорогу.

Чтоб только не узреть отеческих седин,
Два перехода он, летя, сливал в один.

Но обессилели его гулямов кони
Там, где Луна свой лик увидела в затоне.

Гулямам он сказал: «Тут сделаем привал,
Чтоб каждый скакуну тут корма задавал».

Хосров Парвиз один, без этой свиты верной,
Направился к ручью; рысцей он ехал мерной,

И луг он пересек, и вот его глаза
Увидели: блестит затона бирюза.

Орел на привязи — и где восторгу мера? —
Не дивный ли фазан у чистых вод Ковсера?

Конь тихо ел траву у золотых подков,
И тихо, чуть дыша, в тиши сказал Хосров:

«Когда б сей образ лун был мой, о, что бы стало!
Когда бы сей скакун был мой, о, что бы стало!»

Не знал он, что Луну вот этот вороной
Примчит к нему, что с ней он слит судьбой одной.

Влюбленных множество приходит к нашей двери,
Но словно слепы мы: глядим, любви не веря.

И счастье хочет к нам в ворота завернуть,
Но не покличь его — оно забудет путь.

Провел царевич взор небрежно по просторам,
И вот Луна в ручье его предстала взорам.

И он увидел сеть, что рок ему постлал:
Чем дольше он взирал, тем больше он пылал.

Луну прекрасную его узрели взгляды.
И место ей не здесь, а в небе, где Плеяды!

Нет, не луна она, а зеркало и ртуть.
Луны нехшебской — стан. Взглянуть! Еще
взглянуть!

Не роза ль из воды возникла, полукроясь,
Лазурной пеленой окутана по пояс.

И миндаля цветком, отрадное суля,
Была вода. Ширин — орешком миндаля.

В воде сверкающей и роза станет краше.
Еще нежней Ширин — в прозрачной водной чаше.

На розу — на себя — она фиалки кос,
Их расплетая мглу, бросала в брызгах рос.

Но кудри вихрились: «Ты тронуть нас посмей-ка!
Ведь в каждом волоске есть мускусная змейка!»

Как будто их слова над ухом слышал шах:
«Ты — раб, мы — господа, пред нами чувствуй
страх».

Она была что клад, а змен, тайны клада
Храня, шептали всем: «Касаться их не надо».

Нет, в руки их не брал, колдуя, чародей,
Сражали колдунов клубки опасных змей.

Наверно, выпал ключ из пальцев садового, —
Гранаты двух грудей открыли дверцы входа.

То сердце, что узрит их даже вдалеке,
Растрескается всё — как бы гранат — в тоске,

И Солнце в этот день с дороги повернуло
Затем, что на Луну и на воду взглянуло.

Вот струи на чело льет девушки рука —
То жемчуг на Луну бросают облака.

Как чистый снег вершин, ее сверкает тело.
Страсть шаха снежных вод изведать захотела.

Парвиз, улицезрев сей блещущий хрусталь,
Стал солнцем, стал огнем, пылая несся вдаль.

Из глаз его — из туч — шел дождь. Он плакал млея!
Ведь поднялась Луна из знака Водолея.

Жасминогрудая не видела его
Из змеекудрого покрова своего.

Когда ж прошла луна сквозь мускусные тучи,
Глядит Ширин — пред ней сам царь царей могучий.

Глядит: пред ней Хумой оседланный фазан,
И кипарис вознес над тополем свой стан.

Она, стыдясь его, — уж тут ли до отваги! —
Дрожит, как лунный луч дрожит в струистой влаге.

Не знала Сладкая, как стыд свой превозмочь,
И кудри на луну набросила, как ночь,

Скрыв амброю луну — светило синей ночи,
Мглой солнце спрятала, дня затемнила очи.

Свой обнаженный стан покрыла черным вмиг,
Рисунок чернью вмиг на серебре возник.

И сердце юноши, кипением объято,
Бурлило; так бурлит расплавленное золото.

Но, видя, что от льва взалкавшего олень
Пришел в смятение, глазами ищет сень, —

Не пожелал Хосров приманчивой добычи:
Не поражает лев уже сраженной дичи.

В пристойности своей найдя источник сил,
Он пламень пламенных желаний погасил.

Скрыть терпеливо страсть ему хватает мочи,
И от стыдливой честь его отводит очи.

Но бросил сердце он у берега ручья.
Чья ж новая краса взор утолит? Ничья.

Взгляни: две розы тут у двух истоков страсти.
Здесь двое жаждущих у двух глубин во власти.

Хосрову в первый день путь преградил поток,
Луну во глубь любви ручей любви повлек.

Скитальцы у ручьев свои снимают клады,
Размочат жесткий хлеб и нежатся в прохладе.

Они же у ключей большую взяли кладь,
И ключ всё мягкое стал в жесткость обращать.

Но есть ли ключ, скажи, где путник хоть однажды
Не увязал в песке, горя от страстной жажды?

О солнце бытия! Ключ животворных вод!
И ты, рождая страсть, обходишь небосвод.

Когда он от пері отвел глаза, взирая,
Где паланкин для той, что прибыла из рая, —

Пері, схвативши плащ, из синих водных риз
Вспорхнув, бежит к коню, — и мчит ее Шебдиз.

Себе твердит она: «Коль юноша, который
Кружился вокруг меня, в меня вперяя взоры,

Не должен вовсе стать возлюбленным моим, —
Как сердце взял, как завладел он им?

Сказали мне: «Хосров весь облечен в рубины», —
На всаднике ж рубин не виден ни единый».

Не знала, что порой одет не пышно шах —
Ему грабители в пути внушают страх.

Но сердце молвило, путь преградив с угрозой:
«Стой! Этот сахар ты смешай с душистой розой.

Рисунок зрела ты, а здесь — его душа.
Здесь — явь, там — весть была. Вернись к нему,
спеша»,

Вновь шепчет ум: «Бежать! Мой дух не будет слабым,
Не должно смертному молиться двум михрабам.

Вино в единый круг нельзя нам дважды пить.
Служа двум господам, нельзя достойным быть.

А если самого я встретила Хосрова,
Здесь быть мне с ним нельзя. С ним встретимся мы снова.

Пусть под покровами меня увидит шах:
Кто тканью не покрыт, того покроет прах.

Ведь всё еще пока укрыто за завесой,
И мне одна пока защита — за завесой».

И взвихрила орла, и вот уж — далека.
И гром копыт смутил и Рыбу, и Быка,

И ветер, гонясь за ней, узнал бы поражение.
Она была быстрее, чем времени движенье.

Победа в быстроте. Прекрасная перй
От дива унеслась. Смотри! Скорей смотри!

Мгновенье — и Хосров взглянул назад, — и что же!
Не встретил никого. Нет, мой рассказ неложен!

И начал он, дивясь, коня гонять окрест,
Но сердце взявшая ушла из этих мест.

Вот у источника он спешил; пыливый,
Склонясь, искал следов жемчужины красивой.

Дивился дух его: как быстрая стрела,
Куда направиться красавица могла?

То зорко он взирал на древние деревья. . .
Хосров! Иль птицами взята она в кочевья?

То очи омывал он водами ручья, —
В ручье ль его Луна? О, где она, о, чья?

Он пальцев мостики облил своей слезою,
Он мост двух рук своих ломал над головою.

Поток прелестного! Ширин! Ее одну
Он видел. Он упал, как рыба, в глубину.

Он горестно стенал. Поняв его стенанье,
Заплакал небосвод, пославший испытанье.

Шебдиза он искал и светлую Луну.
«Где ворон с соколом?» — будил он тишину.

Носился он кругом, как на охоте сокол.
Где ворон? Вместе с ним ушел в полете сокол.

Злой ворон быстротой какое создал зло!
Весь мир так черен стал, как ворона крыло.

День — ворон сумрачный, не сокол он красивый.
Он что колючий лес — не мускусные ивы.

Царевич ивой стал. Душа его мрачна.
И слезы падают, как ивы семена.

Где солнце? Скорбен вид согнувшегося стана.
Стан — ива. Вот и стал он клюшкой для човгана.

Из сердца пылкого пошел палящий стон:
«Да буду, как щепя, я пламенем спален!

Лишь миг я зрел весну! Горька моя утрата!
Не освежил я уст прохладой Евфрата!

Жемчужину найдя, не смог ее схватить!
Что ж! Камень я схвачу, чтоб камнем сердце бить!

Я розу повстречал, да не сорвал с зарею, —
И ветер взял ее, и мгла сказала: «Скрою».

Я снежный зрел нарцисс над гладью синих вод, —
И воды замерли и стали, словно лед.

Бывает золото в воде под льдистой мутью.
Что ж сделалась она вмиг ускользнувшей ртутью!

Хума счастливую мне даровала тень
И трон мой вознесла в заоблачную сень.

Но, как луна, я тень покрыл своей полою,
И света я лишен, и стал я только мглою.

Мой нат уже в крови. Уж близок я к беде!
Меч палача, он где еще свирепей? Где?

Возникла из ключа сверкающая роза.
Всё видел я во сне. Мне этот сон угроза:

Теперь, когда в ключе уж этой розы нет,
Не броситься ль в огонь? К чему мне божий свет!

Кто мне велел: «Красу и взором ты не трогай.
Блаженство повстречав, ступай другой дорогой?»

Какой злокозненный меня попутал див?
Я сам покинул рай, разлуку породив.

Терпением обладать — полезен сей обычай.
Лишь мне он вреден стал: расстался я с добычей.

Я молнией души зажечь костер смогу.
На нем напрасное терпенье я сожгу.

Когда б вкусил я вод источника, такое
Из сердца своего не делал бы жаркое.

Из моря скорбных глаз я слезный жемчуг лью.
Готов наполнить им я всю полу свою.

Излечится ли тот, кто болен злым недугом,
Пока не пустит кровь? О рок, ты стань мне другом!»

Рыдал он у ручья меж зарослями роз,
Ладонями со щек стирая капли слез.

И падал наземь он, рассудку не внимая,
Как розы цепкие, источник обнимая.

Где стройный кипарис? Исчез! Его уж нет!
Стан юноши поник, и роз не розов цвет.

О, стройный кипарис! Вот он лежит во прахе,
Трепещет, как от бурь трава трепещет в страхе.

Он шепчет: «Коль она — лишь смертный человек,
То бродит по земле, меж пажитей и рек.

Когда ж она — пері, то к ней трудна дорога,
Ведь у ключей лесных видений бродит много.

Остерегись, Хосров, уста свои запри.
Не разглашай, что ты влюбляешься в пері.

Что обрету я здесь? Мечтать ли мне о чуде?
Пері бегут людей, всегда им чужды люди.

Ведь сокол с уткой — не пара, и вовек
С перй свою судьбу не свяжет человек.

Да! Сделаться сперва я должен Сулейманом,
Потом смирать перй, за их гоняться станом!»

Он горестно роптал: «Забудь ее, забудь!»
Он жалобы вздымал, терзающие грудь.

Он сердце бедное от девы светлолицей
Отвел. К армянской он отправился столице.

ПРИЕЗД ШИРИН В ЗАМОК ХОСРОВА В МЕДАИНЕ

Судьба, нам каждый шаг назначивши, порой
Намерена своей потешиться игрой.

Пускай для бедняка придет достатка время, —
Обязан он сперва труда изведать бремя.

«Когда им на пути от тернов нет угроз,
Они, — решает рок, — не ценят нежность роз».

Верь: за чредою дней, что шли с клеймом разлуки,
Отрадней взор любви и дружеские руки.

Ширин от ручейка была уж далека, —
Но за царевичем неслась ее тоска.

И вот она, узнав, где пышный сад Парвиза,
Пылая, в Медаин направила Шебдиза.

За суженым спеша, обычай дев презрев,
Уж не была Ширин в кругу обычных дев.

И спешиться Ширин с кольцом Хосрова рада
У медаинского отысканного сада.

Прислужницы, смотря на дивные черты,
От зависти свой перекусали рты.

Но знали чин дворца — и под царевым кровом
Различья не было меж гостьей и Хосровом,

Ей молвили они: «Знать, севши на коня,
Для поклонения Хосров искал огня.

И вот достал огонь, блистающий, как зори,
И зависти огонь зажег он в нашем взоре».

И хочет знать рабынь шумливая гурьба,
Как привела сюда красавицу судьба.

«Как имя? Где выросла? Что в думах на примете?
Откуда, пташка, ты? Из чьей вспорхнула сети?»

Ширин уклончива. Не опустив ресниц,
Она им бросила крупницы небылиц.

«Она, мол, о себе сказать могла бы много,
Да скоро и Хосров уж будет у порога.

Пред сном он вас в кружок сберет, и при огне
Он сам потешит вас рассказом обо мне.

А этого коня беречь и холить надо,
Ведь ценный этот конь ценней любого клада».

Так молвила Ширин веселая, — и вот
Окружена она уж тысячью забот.

Сосуд с водой из роз ей дан для омовенья.
В конюшнях царских конь привязан во мгновение.

Ей принесли наряд. Он был ей по плечу.
Узором жемчуга украсили парчу.

В саду ее надежд раскрылась роза встречи.
Отрадно спит Ширин, тяжелый путь — далече.

Сахароустую хранившие чертог
Рабынею сочли, — кто б вразумить их мог?

Сахароустая не чванилась. Отныне,
Играя с ними в нард, была она рабыней.

ПОСТРОЙКА ЗАМКА ДЛЯ ШИРИН

И сада нежного хранила колыбель
Ширин, чьих сладких уст касался нежный хмель.

И месяц миновал в спокойствии, и снова
Покой пропал: твердят, что нет вблизи Хосрова.

Что он охотился, а будто бы потом
В Армению бежал, отцовский бросив дом.

Чем горе исцелить? Упало сердце, плача.
Воистину бежит за нею неудача!

Недолго охранял красавицу дворец, —
Уж сердце страстное измучилось вконец.

Всё стало ясно ей: тот юноша, который,
Попридержав коня, во взор ей бросил взоры,

Был сам Хосров; свой путь забыв, ее одну
Он видел, он взирал, как солнце на луну.

Она бранит себя, хоть мало в этом проку,
Но вот — отвергла скорбь, но вот — покорна року.

Но вот — терпением как будто бы полна,
Но вот воскликнула: «Я тягостно больна!

Мне замок надлежит на высоте просторной
Построить, чтоб синел мне кругозор нагорный!

Горянка я. Меж роз я рождена. Тут зной
Их всех желтит. На мне — нет алой ни одной!»

Подруге молвила подруг лукавых стая:
«Напрасно, как свеча, ты изнываешь, тая.

Велел властитель наш создать тебе приют
В горах, где ветерки прохладу подают.

Когда прикажешь ты — приказов исполнитель
Построит на горе отрадную обитель».

Ширин сказала: «Да! Постройте мне скорей
Дворец, как приказал вам это царь царей».

Рабыни — ревности их всех пронзало жало —
Там, где ничья душа словам их не мешала,

Строителю жужжат: «Из Вавилонских гор
Колдунья прибыла; ее всесилен взор.

Велит она земле: «Взлетай, земля!» — поспешно
Поднимутся пески, день станет мглой кромешной.

Прикажет небесам застыть — и вмиг тогда
Застынут небеса до Страшного суда.

Она велела там построить ей жилище,
Где обращает зной и камни в пепелище,

Чтоб не было окрест из смертных никого:
В безлюдии творит колдунья колдовство.

Для вещей ты сверши свой путь необычайный.
Найди тлетворный лог, и огненный и тайный.

Там замок сотвори не покладая рук,
А плату с нас бери какую знаешь, друг».

Потом несут шелка, парчу несут и золото:
Ослиный полный груз — строителя оплата.

Строитель принял клад. Обрадованный, в путь
Он тронулся, в пути не смея отдохнуть.

Ища безлюдных мест, он в горы шел, и горы,
На горы вставшие, его встречали взоры.

Есть раскаленный край, на мир глядит он зло.
Дня в неделю б там состариться могло.

В фарсангах десяти он от Кирманшахана.
Да что Кирманшахан! Он марево тумана.

Строитель приступил к работе: «Не найду
Я края пламенной, — сказал он, — я в аду.

И тот, кого б сюда загнать сумели бури,
Поймет: чертог в аду построен не для гурий».

Стемнело. Мускусом ночная пала мгла.
Не жарко, — и Шприн свой путь начать смогла.

Отроковицы с ней. Но было их немного —
Не знавших, что любви злокозненна дорога.

И в замкнутой тюрьме, в которой жар пылал,
Ширин жила в плену, как сжатый камнем лал.

И, позабыв миры, полна своим недугом,
Своих томлений жар она считала другом.

ПРИЕЗД ХОСРОВА В АРМЕНИЮ К МИХИН-БАЛУ

Покинувши ручей, Хосров печален. Он
Струит из глаз ручьи; его покинул сон.

Пленительный ручей! Виденьем стал он дальним!
И делался Парвиз всё более печальным!

Но всё ж превозмогал себя он до поры:
«Ведь не всплыла еще заря из-за горы.

Ведь если поспешу я в сторону востока,
Мне солнца встретится сверкающее око».

И роза — наш Хосров — достиг нагорных мест, —
И к стражам аромат разносится окрест.

Вельможи у границ спешат к нему с дарами:
С парчой и золотом. Он тешится пирами.

И не один глядит в глаза ему кумир —
Из тех, что сердце жгут и услаждают пир.

Ему с кумирами понравилось общенье.
Тут на немного дней возникло промедленье.

Затем — в Мугани он; затем, свой стройный стан
Являя путникам, он прибыл в Бахарзан.

Гласит Михин-Бану: «Царевич недалече!» —
И вот уж к царственной она готова встрече.

Навстречу путнику, в тугом строю, войска,
Блестя доспехами, спешат издалека.

В казну царевичу, по чину древних правил,
Подарки казначей от госпожи направил.

Жемчужин и рабов и шелка — без конца!
Изнемогла рука у каждого писца.

К великой госпоже вошел Парвиз в чертоги.
Обласкан ею был пришедший к ней с дороги.

Вот кресла для него, а рядом — царский трон,
Вокруг стоит народ. Садится только он.

Спросил он: «Как живешь в своем краю цветущем?
Пусть радости твои умножатся в грядущем!»

Немало мой приезд принес тебе хлопот.
Пускай нежданный гость беды не принесет».

Михин-Бану, познав, что речь его — услада,
Решила: услужать ему достойно надо.

Ее румяных уст душистый ветерок
Хвалу тому вознес, пред кем упал у ног,

Кто озарил звездой весь мир ее удела,
Любой чертог дворца своим чертогом сделал.

Неделю целую под свой шатровый кров
Подарки приносил всё новые Хосров.

Через неделю, в день, что жаркое светило
Считало лучшим днем из всех, что засветило,

Шах восседал, горя в одежде дорогой.
Он был властителем, счастливый рок — слугой.

Вокруг него цветов сплетаются побеги,
С кудрями схожие, зовя к блаженной неге.

На царственном ковре стоят рабы; ковер,
Как стройноствольный сад, Хосрову нежит взор.

Застольного в речах не забывают чина, —
И все вознесены до званья господина.

Веселье возросло, — и в чем был тут отказ?
Налить себе вина проси хоть сотню раз.

Михин-Бану встает. Поцеловавши землю,
Она сказала: «Шах!» Он отвечает: «Внемлю»,

«Мою столицу, гость, собой укрась; Барда
Так весела зимой! Ты соберись туда.

Теплей, чем там зимой, не встретишь ты погоды.
Там травы сочные, там изобильны воды».

Согласье дал Хосров. Сказал он: «Поезжай.
Я следом за тобой направлюсь в дивный край».

Привал свой бросил он, слова запомнив эти,
И, званный, в «Белый сад» помчался на рассвете.

Прекрасная страна! Сюда был привезен
Венец сверкающий и государев трон.

Зеленые холмы украсились шатрами,
И все нашли приют меж синими горами.

В палате царственной Хосрова ни одну
Услугу не забыть велит Михин-Бану.

У шаха день и ночь веселый блеск во взоре:
Пьет горькое вино он Сладостной на горе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАПУРА

Хосров уже хмелен. Не медлит кравчий. Звуки
Порхают: чанг поет о встречах, о разлуке.

Рабыня нежная вошла, потупя взгляд,
И вот услышал он — пропавший найден клад:

«Шапур приема ждет. Впустить его иль надо
Сказать, что поздний час для встречи с ним —
преграда?»

Хосров обрадован. Вскочил, затем на трон
Себя принудил сесть, к рассудку возвращен.

Он входа распахнуть велит сейчас же полог.
Дух закипел: ведь был срок ожиданья долог.

И жил с душою он, раздвоенной мечом,
И скорбной тьмой одет, и радостным лучом.

Мы ждем — и сердце в нас разбито на две части.
Взор не сводить с дорог — великое несчастье.

Невзгода каждая терзает нашу грудь,
Невзгоды худшей нет — безлюдным видеть путь.

Коль в горести, о друг, ты смотришь на дорогу, —
Со счастьем дни твои идти не могут в ногу.

И вот Шапур вошел — Парвиз его позвал —
И поцелуями он прах разрисовал.

И, стан расправивши, стоял он недвижимо,
С покорностью, что нам в рабах вседневно зрима.

И, на художника склонив приветный взор,
Хосров сказал: «Друзья, покиньте мой шатер».

Шапура он спросил про горы и про реки,
Про всё, на что Шапур в скитаньях поднял веки.

С молитвы начал речь разумный человек:
«Пусть шаха без конца счастливый длится век!»

Войскам его всегда лететь победной тучей.
С его чела не пасть венцу благополучий.

Его желаньям — удаче быть вождем.
Пусть дни его твердят: «Мы лишь удачи ждем».

Всё бывшее с рабом, в пути его упорном,
Является ковром — большим, хитроузорным.

Но если говорить получен мной приказ,
Приказ я выполняю; послушай мой рассказ».

С начала до конца рассказывал он мерно
О непомерном всем, о всем, что беспримерно.

О том, что скрылся он, как птица, от очей;
Что появился он, как между скал ручей;

Что он у всех ручьев был в предрассветной рани;
Что смастерил луну, уподобясь Муканне;

Что к лику одному — другой припал с алчбой;
Что бурю поднял он умелой ворожкой;

Что сердцу Сладостной, как враг, нанес он рану
И к шахскому ее направил Туркестану.

Когда его рассказ цветка весны достиг,
Невольный вырвался у властелина крик.

«Мне повтори, Шапур, — вскричал он в ярый
страсти, —
Как сделалась Луна твоей покорна власти?»

И геометр сказал: «Я был хитер, и рок
Счастливым твой пошел моим уловкам впрок.

Был в лавке лучника твой мастер стрел умелый
И выбрал нужный лук, давно имея стрелы.

Едва сыскав Ширин, не напрягая сил,
Серебряный кумир уже я уносил.

Уста Ширин ни к чьим устам не приникали.
Лишь в зеркале — в хмелю — свои уста ласкали.

И рук не обвила вокруг человека. Ночь
Своих кудрей не вить лишь было ей невмочь.

Так тонок стан ее, как самый тонкий волос,
Как имя Сладостной, сладки уста и голос.

Хоть весь смутила мир прекрасная Луна,
Пред образом твоим смутилась и она.

Ей сердце нежное направивши в дорогу,
Я на Шебдиза речь направил понемногу.

Летящую Луну конь поднял вороной.
Так всё исполнено задуманное мной.

Здесь, утомившийся, остался я на время,
Хоть должен был держать я путницу за стремя.

Теперь, все трудности пути преодолев,
Она в твоём саду, среди приветных дев».

Художника обняв, подарками осыпал
Его Хосров, — и день Шапуру светлый выпал.

На рукаве своем «Сих не забыть заслуг»
Парвизом вышито. Был им возвышен друг.

Луна в источнике, миг их неожиданной встречи,
Поток ее кудрей — всё подтверждало речи.

Смог также государь немало слов найти,
Чтоб рассказать о том, что видел он в пути.

Да, пташка милая — им вся ясна картина —
Перепорхнула вмиг в пределы Медаина.

Решили всё. «Я вновь, — сказал Шапур, — лечу,
Подобно бабочке, к прекрасному лучу.

Вновь изумруд верну я руднику. Дурмана
Жди сладкого опять от нежного рейхана».

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Чуть опьяненный шах вздремнул; мечтает он:
Его благой удел свой позабудет сон.

И вот спешит гонец, и вот он в шахском стане —
И развернул Слону рассказ об Индостане.

Фарфор китайский — взор: он влагой полонен.
Как волос негра — стан: весь изогнулся он.

О, крючья черных строк! О, черная кручина!
Бесчинна смерть, — и пуст и Занга трон, и Чина.

Где шах? Лишь ты взирай на все его края.
Ему лишь посох дан, уж нет ему копья!

Владыка мира, верь, уж не увидит мира,
А ты — владычеству, тебе дана порфира.

И приближенные, а было их не счесть,
Друг другу не сказав, ему послали весть:

«Остерегайся. В путь собирайся во мгновение.
Мир выскользнет из рук, опасно промедленье».

Хоть в глине голова — ты сам ее не мой.
Хоть слово начал ты — умолкни, как немой».

Когда Хосров узрел, что дней круговоротом
Он трону обречен и горестным заботам, —

Постиг он: с индиго хранит поспешный рок
Бакан, и укус дней от меда недалек,

И воздух, что родит земли неверной доли, —
То шершня кружит он, то в нем летают пчелы.

Опала, почести, любовь, и злость, и яд
С напитком сладостным — всё это дни таят.

Земля! Какой ручей ты не засыплешь прахом?
Твой камень много чаш одним ломает взмахом.

Кто скован бытием — идет путями бед.
Покой — в небытии. Пути другого нет.

Брось на ветер скорей свой груз напрасный — душу!
Замкни темницу зла, моря забудь и сушу.

Весь мир — индусский вор; чтоб он не отнял кладь,
Чтоб не скрутил тебя — с грабителем не ладь.

Знай, в этой лавочке ты не отыщешь нитки
Без колющей иглы, лишь иглы в ней в избытке.

Вот тыквенный кувшин, вода в нем — что кристалл.
Что ж от водянки ты, как тыква, желтым стал?

Деревьям лишь тогда в весенней быть одежде,
Когда все почки их разломаются, — не прежде.

Пока не сломит рок согнувшийся хребет, —
Он снадобья не даст для исцеленья, нет!

Наденешь саван ты, зачем же — молви толком —
Как шелковичный червь, ты весь облекся шелком?

Зачем роскошество — носил бы полотно.
Тебя в предбаннике разденут всё равно.

В простой одежде будь, она пойдет с тобою,
Пока ты бродишь здесь, дорогою любою.

Ты отряхни подол от множества потреб,
Доволен будь, когда один имеешь хлеб.

Творить неправду, мир, намерен ты доколе?
Тебе — веселым быть, мне — корчиться от боли?

Я в горе — почему ж твой слышится мне смех?
Я свержен — и тебе я не хочу утех.

Ты продаешь ячмень, а нам кричишь: пшеница!
В пшенице той ячмень сгнивающий таится.

Пшеницы я зерно, и желт я, как ячмень,
Пшеницы вкус забыл, измолот что ни день.

Довольно предлагать да прибирать пшеницу!
А мне — быть жерновом, перетираться пшеницу!

Уж лучше в омуте, где ночь, лишь ночь одна,
Ловить ячменный хлеб я буду, как Луна.

О Низами! Из дней уйди ты безотрадных,
Весь этот грустный мир оставь для травоядных.

Питайся зернами да ездь на осле.
Ты жди Исы, томясь в земном, житейском зле.

Ты — ослик. Вот и кладь! Одну ты знай заботу.
Ведь ослики — не снесь. Их ценят за работу.

ХОСРОВ ВОСХОДИТ НА ТРОН ВМЕСТО ОТЦА

Когда промчалась весть, что царствования груз
Велением творца сложил с себя Ормуз,

Шах, в юном счастье не ведавший урона,
В столице поднялся на возвышенье трона.

Хоть в мыслях лишь к Ширин влекла его стезя,
Всё ж царство упустить наследнику нельзя.

То государства он залечивал недуги,
То взоры обращал он в сторону подруги.

И за строительство его уж люди чтут,
Уж много областей он охранил от смут.

В несчастья вверженных залечивалась рана:
Шах справедливостью затмил Ануширвана.

Но вот закончились насущные дела,
Опять к любви, к вину душа его влекла.

Мгновенья не был он без чаши, без охоты.
Когда ж он о Ширин вновь полон стал заботы —

Спросил придворных он, что слышали о ней.
Ему ответили: «Уже немало дней,

Как из дворца, что там, где сумрачно и хмуро,
Она умчалась прочь. С ней видели Шапура».

Круговращеньем бед внезапно поражен,
Шах небо укорил. Но что мог сделать он?

Воспоминания он предавался негам,
И черный конь прельщал его горячим бегом.

Как ночь, его Шебдиз, ну а Луны — всё нет!
Он камнем тешился, но помнил самоцвет.

ШАПУР ПРИВОЗИТ ШИРИН К МИХИН-БАНУ

Ширин в ее края примчал художник снова, —
Но встреча не сбылась: там не было Хосрова.

С Гульгуна сняв Ширин, в цветник Михин-Бану
Ее он снова ввел, как светлую весну.

И снова гурия меж роз родного края
Дарила свет очам, огнем очей играя.

И приближенные, и слуги, и родня,
Которые давно такого ждали дня,

Увидевши Ширин, ей поклонились в ноги
И, прахом ставши, прах лобзали на дороге.

И благодарственным молениям и дарам
Предела не было, и был украшен храм.

А что с Михин-Бану? Да, словно от дурмана,
Ей тесно сделалось в пределах шадурвана,

Как сердцу старому, что стало юным вновь,
Что мнило умереть, а в нем взыграла кровь.

Беглянки голову Бану к себе прижала —
И пробудился мир и начал жить сначала.

Как ласкова Бану! Какой в ней пламень жил!
Ну кто хоть в сотне строк всё это б изложил?!

Введя Ширин в простор дворцового предела,
Ей предложила всё: «Что хочешь, то и делай!»

Покровами стыда ей не затмив чела,
Ей омрачить чела печалью не могла.

Ведь понимала всё: ее побег — сноровка
Неопытной любви, влюбленности уловка.

И в шахе виделись ей признаки любви.
Ей шепот лун открыл огонь в его крови.

Вино бродящее укрыть она старалась,
Свет глиною укрыть — хоть солнце разгоралось.

Бану твердит Луне: «Покорной надо стать,
Домашний, тихий мир, как снадобье, принять».

И с ней она нежна и создала — в надежде
Всё прошлое вернуть — всё то, что было прежде.

И снова куколок, прекрасных, как весна,
Дано ей семьдесят, — чтоб тешилась она.

Круговорот небес, что кукольник, баюкал
И пробуждал к игре сереброгрудых кукол.

Ширин, увидев их, — как прежнюю порой,
Лунною рассекла веселый звездный рой.

Ширин опять в дому. Как праздник новоселья —
Опять открыл базар досуга и веселья.

БЕГСТВО ХОСРОВА ОТ БЕХРАМА ЧУБИНЕ

Победы ключ сверкнул и грозен стал: могуч
Рассудок — золотой преодолений ключ.

Рассудок победит могучих с их мечами.
Венец, прельщая всех, царит над силачами.

Лишь разуму дано тьму воинов смести, —
Мечом ты их сметешь не больше десяти.

На трон взошел Парвиз. Все помыслы Бехрама
К Парвизову венцу влекли его упрямо.

И он схватил венец, когда к нему простер
Он руку ловкую. Был ум его остер.

И клевету творить Бехраму — не в обузу, —
Он всем шептал: «Хосров пронзил глаза Ормузу»,

Хоть знал он, что, когда Юсуф умчится вдаль,
Якубу — света нет: всё затемнит печаль.

Он тайно разослал посланья людям разным,
Благое исказив рисунком безобразным.

«Ребенку ли владеть вселенной суждено?
Отцеубийце быть владыкой не дано.

Ста братьев кровь прольет он за глоток напитка,
Напитка, что в домах имеем до избытка.

Арфисту — царство даст: над арфами дрожит.
Что царство! Песнею он больше дорожит.

Горячий — он путей к делам не примечает,
Незрелый — он добра от зла не отличает.

Клеймо любовных игр горит на нем. И страсть
К неведомой Ширин над ним простерла власть.

Злой, обезглавливать за малое готовый;
Утратив голову, не обретают новой.

Оковы бы сковать, чтоб им греметь на нем!
Исправить бы его железом и огнем!

Пусть покорится нам! Не покорится — верьте,
Отцеубийцу нам предать разумней смерти.

Ему закройте путь, неожиданный меч воздев,
И знайте — я иду, могущественный лев».

Вот так-то этот лев, взыскующий признанья,
Свел шахских подданных с дороги послушанья.

И видит шаханшах — счастливый рок смущен,
И подданных своих в смятенье видит он.

И силу счастья он крепил казной златою,
И слепоту врага он множил слепотою.

И так тянулись дни. Но враг привел войска —
И тотчас поднялась восстания рука.

Опоры не было — был сломлен трон Парвиза, —
И с трона пересел он на спину Шебдиза.

От вихрей, взвившихся из-за камней венца,
Он голову унес: она ценней венца.

Уж венценосца нет. Владычества порфира
И мира брошена возжаждавшему мира.

Когда по воле звезд узрел смятенный шах
Меча Бехрамова над головою взмах, —

В сей шахматной игре, что бедами богата,
Без «шаха» для него уж не было квадрата.

С уловок сотнею, свой потерявши сан,
По бездорожью проникнул он в Арран.

Оттуда он в Мугань направился: в Мугани
Жила Ширин; в сей храм свои понес он дани.

ВСТРЕЧА ХОСРОВА И ШИРИН НА ОХОТЕ

Сказитель говорил: мое познание пей.
Когда Хосров Парвиз, домчавшись до степей,

Стрелял и стрелы в дичь без счета попадали, —
Вдали взметнулась пыль: неслась Ширин из дали.

В кругу своих подруг с дворцового двора
Ширин охотиться отправилась с утра.

И два охотника, одним замкнуты кругом,
Коней пустили вскачь, охотясь друг за другом.

И стройных два стрелка, дворцов покинув сень,
Друг в друга целились, как целятся в мишень.

Два друга — им любовь, как хмель, затмила око, —
Пылая, всех друзей оставили далеко.

Хосров — ему венец рука судьбы дала;
Ширин — та сто венцов с Хосрова сорвала.

Здесь — гиацинты кос над нежной розой гнутся,
А там — по розам щек их лепесточки выются.

Здесь — амброю кудрей прикрыты уши, там —
Арканы мускуса сползают по плечам.

Здесь — облачко пушка вокруг Луны играет,
Там — подбородка грань Луну оберегает.

Глазами так они друг другу жгут глаза,
Что на зрачках у них уж светится слеза.

Вблизи Ширин — Парвиз; их бег согласный страстен,
Гульгуна обогнать Шебдиз уже не властен.

Ну как заговорить? Она Ширин иль нет?
Парвиз ли перед ней? Достаточно ль примет?

И вот назвали их. И вот, узнав друг друга,
Без чувств, упав с коней, они лежат средь луга.

Беспмятство прошло, и, головы подняв,
Они свой жемчуг слез рассыпали меж трав.

И, встав, беседуют, по правилам дворцовым
Друг другу поклонясь. Но много ль молвишь словом?

О благе и о зле сказали всё — и вот
Примолкли: «Ждать и ждать!» — лишь это разум
жжет.

И, чтоб связать с землей ширь голубого крова,
Как птицы — на древа, на седла сели снова.

Тут каждый, кто скакал, поводья натянул,
Коней под лунами глухой умолкнул гул.

И видят спутницы: Луна и Солнце рядом
И, встретясь в синеве, друг друга манят взглядом.

В их души обронен огонь любовных снов.
Как бы вдавились в топь копыта скакунов.

И подъезжавших всех дивило это диво:
Они — равны красой, всё в них равно красиво.

Шептали муравьи, что в тесный круг сползлись:
«Взгляни, сам Соломон и Савская Балькис».

Всё новые войска спешили, подъезжали,
Хосрова и Ширин рядами окружали.

Когда сомкнулся строй на склонах ближних гор.
Стон сдавленной земли был для Быка — укор.

И говорит Ширин: «Твой счет на всех высотах!
Как тысячи рабов, и я в твоих тенетах.

Твой царственный престол земле дарует честь.
О благе твой венец в лазурь направил весть.

Хотя семь областей, во всем их протяженье,
В твоём, о царь земли, находятся владенье, —

Недалеко от нас — подарок пышный твой —
В узорах высится шатер наш кочевой.

Коль снизойдет к нам шах и примет просьбу нашу, —
Чтоб услужить ему, я стан свой опояшу.

Коль Слон пожалует на муравья ковер, —
В восторг придет мураш, его заблещет взор».

Промолвил государь: «Коль ты принять готова,
Войду, возликовав, под сень благого крова».

Склонилась ниц Ширин, чтоб юношу почтить,
И славословий вновь ему сплетает нить.

На сменных скакунах она к Бану послала
Служителя, — и та не медлила нимало:

Известье получив, хозяйственных хлопот
Не уstraшает: Хосрова в гости ждет.

Навстречу выехав, под синими горами
И Солнце и Луну осыпала дарами.

Юнца в какой дворец направила судьба!
Что было схоже с ним? Лишь райская Туба.

Дворец приподнят был под купол небосвода,
Как два майдана, ширь от входа и до входа.

Прощения прося за скромный дар, послы
Роскошеством даров заполнили столы.

И здесь Парвиз такой осыпан был казною,
Что повестью о ней не скажешь ни одною.

И вот в душе царя звучит лишь крик: «Ширин!» —
Его душою стал прекрасный лик Ширин.

НАСТАВЛЕНИЕ МИХИН-БАНУ ШИРИН

Когда свое зерно крестьянин бросит чистым, —
Родится чистым то, что было в прахе мгlistом.

Коль чистый человек имеет чистый род, —
Бредя в земной грязи, подол он подберет.

И чистая Бану была в невольном страхе,
Узнав и о Ширин и о влюбленном шахе.

Раздумия о них никак ей не избыть.
Ну, как ей с хворостом огонь соединить?

И говорит она: «Ширин моя, ты сладость
Не только для меня, ты всем прекрасным радость.

Твой черный, томный взор — сто царских областей.
От Рыбы до Луны длина косы твоей.

Две тени у тебя, и тень вторая — счастье.
Благополучие, Ширин, твое запястье.

Ты освещаешь мир сияньем красоты,
А красота твоя — в чертоге чистоты.

Ведь ты — сокровище; так будь запечатленна.
Ведь благо есть в миру, и есть в нем то, что тленно.

Лукаво и хитро умеет мир играть:
И красть жемчужины, и яхонт растирать.

Мне сердце весть дало, и мне, о роза, мнится,
Что хочет царь царей с тобой соединиться.

Коль сердце отдал он, то счастья ты не кличь
Иного: дивную ты заманила дичь.

Но, увидав его от нетерпенья пьяным,
Не покоряйся ты, Ширин, его обманам.

Он так остер; тебе — слова любви новы.
Страшусь: бесплатно он отведаст халвы.

Он посрамленную тебя оставит; страстный,
К другой он бросится, охвачен страстью властной.

Я не хочу, Ширин, — мою запомни речь, —
Чтоб ты скорей, чем хлеб, к нему попала в печь.

Ведь десять тысяч роз есть у него красивых,
Об этом говорят слова людей нелживых.

Коль мчится сердцем он к великолепию роз,
Привяжется ль к одной, обвитый цепью роз?

Но коль не сможет он тайком схватить алмаза,
Не отвратит лица, чтоб не купить алмаза.

Узнав, как ты чиста, как ты ясна на взгляд, —
Ко мне он явится. Так правила велят,

Озарена небес ты будешь чистым лоном,
И наградит земля тебя царевым тронном.

Коль чистоту души мечты твои таят, —
Противоядием преодолеешь яд.

Но, если б овладеть тобою смог влюбленный,
Тебя он, верно б, счел беспечной, опьяненной.

Смотри, чтоб над тобой позор твой не навис;
Стыдом в умах людей была покрыта Вис.

Он — месяц, ты — луна, и род наш так же славен.
Да, мы — Афрасиаб, коль он Джемшиду равен.

Поверь, не мужество мужчинам вслед бежать,
Такая смелость, верь, невестам не под стать.

Сорвали много роз, чуть приодетых в росы,
Вдохнули аромат — и бросили в отбросы.

Немало было вин, что, привлекали взор,
Но чуть вкусили их — и вылили во двор.

Ты ведаешь сама: под праведности знаком
Нет лучше нежных игр, чем озаренных браком».

И сладость пьет Ширин, к Бану склонив лицо,
Чтоб вдеть совет в ушко, как рабское кольцо.

Ведь сердцем отвечать на сладостное слово,
Столь близкое душе, давно она готова.

И клятву крепкую дает Ширин. Зарок
Она дает Бану: «Твой выполню урок.

Хоть пью любовь к нему я огненною чарой,
Клянусь, что будем с ним мы лишь законной парой».

Так молвила Ширин и клятвою такой
Уверенность Бану вернула и покой.

Та разрешила ей в дому и на майдане
Быть с гостем, чтоб иных не жаждал он свиданий,

Чтоб он в безлюдии не требовал утех
И всё, что говорит, чтоб говорил при всех,

ОПИСАНИЕ ВЕСНЫ И ВЕСЕЛИЯ ХОСРОВА И ШИРИН

Уж старец-небосвод, одетый в бирюзу,
Дал молодость цветам и оживил лозу, —

И нежных роз цветник, для юных и для старых,
Вновь блещет в розовых и золотых пожарах.

Пусть роза царствует! Фиалки, как павлин,
Свой расстилают хвост по зелени долин.

О, сколько птиц! О, звон, к любви взывать готовый!
В былых влюбленностях жар пробудился новый.

Веселым стал Хосров: Ширин с ним хороша.
И вспомнил мир весну, веселием дыша, —

Влюбленный, радостный, отринув проволочку,
Играя, разорвал он розы оболочку.

А та внесла свой стяг, — ведь так отрадно ей.
Прогнали воронов отряды голубей.

Жасмин за кравчего. Призыв нарцисса: «К чаше!»
Фиалка с розою в хмелю нежней и краше.

Снял с женственных цветов покровы ветерок
И оживлял и звал всех тех, кто изнемог.

А ветер зашумел, затем — единым духом
Согнул «зрачок быка», выиграл «слоновым ухом».

Земля — ковер; взгляни — весь в анемонах он.
«Мышиных ушек» он узором озарен.

Вон кипарисы ввысь свои вздымают станы,
Свои рубахи рвут от страстности тюльпаны.

Фиалок завиток сцепился с завитком,
А слух шиповника зашептан ветерком.

Рейханы прячут лик, страшась отдаться взорам,
Древа плодовые — под свадебным убором.

А воздух, росами осыпав каждый луг,
Дал изумруду перл движеньем легких рук.

Земля родящая свое забыла бремя:
Уж родилось цветов ликующее племя.

Пьяны веселием газели; сосунки
Снуют близ матерей, игривы и легки.

Фазаны на рейхан роскошным опереньем
Склоняются; рейхан украшен их гореньем.

И ветка каждая — весны цветущей дар.
И роза каждая взяла в ладонь нисар.

Вот песни соловьев, вот песни куропатов —
В них — нетерпение, в них — страсти отпечаток.

В те дни, когда кругом любовью всё полно,
Грех не любить. Весной — влюбляться суждено.

Хосров с Прекрасною бродили днем и ночью,
Склоняя взор к цветам и к травок узорочью.

То пили на лугу сок благодатных рос,
То на горах они собирали пламень роз.

Они с вином в руках, меж роз, по изумруду,
Хмельные, в этот день подъехали к Шамруду.

И спешились они; и плещется Шамруд.
Сидят; поет певец, звенит и плачет руд.

С сахароустою легко достигнешь чуда:
Как сахарный тростник, простой тростник

Шамруда.

Красу окрестностям ее дарует стан,
Как жемчуг ракушке порой дает Нейсан.

Глянь, мускус этих кос дороже амбр; пропала
Вся спесь у сахара пред медом рдяным лала.

Ее улыбок мед весь сахар приманил, —
И в Хузистане плач варений слышен был.

Кусту прекрасных роз промолвил стан: «Достоин
Ты охранять меня, ты мой надежный воин»,

Жасмин, что краше роз казаться мог легко,
Страдал: был по уши влюблен в ее ушко.

А роза, разглядев ее глаза, во власти
Свирепой ревности рвала себя на части.

ХОСРОВ УБИВАЕТ ЛЬВА ВО ВРЕМЯ ПИРА

С Ширин гуляет шах меж радостных долин.
Прекрасно всё окрест, прекрасно, как Ширин.

Когда желанная — вершина мироздания,
То место каждое есть место любованья.

И, отдыха ища, глядят: невдалеке
Лишь лилии цветут на сладостном лужке.

И, колышками прах в таком раю ударив,
С поспешностью шатер воздвигли государев.

Гулямы, девушки вокруг шатра видны —
Иль вереница звезд блестит вокруг Луны?

Сидят Хосров с Ширин и песен внемлют звуку, —
Они ведь за ногу повесили разлуку.

Вот кравчий накренил рубиновый сосуд,
И струны говорят: дни радости несут.

Влюбленность и вино! В них — неги преизбыток,
Пьянит царя царей сей смешанный напиток.

И вот внезапно лев скакнул из-за куста,
И в воздух взвил он пыль ударами хвоста.

Как пьяный, бросился к стоянке он с размаха,
И наземь воины попадали со страха.

И, подскочив к шатру и яростью горя,
Сын логовищ лесных взметнулся на царя.

В рубахе, без меча, в свою удачу веря,
Нетрезвый шаханшах опережает зверя.

До уха натянул он лука тетиву —
И грузно рухнул лев: пронзил он сердце льву.

Льва обезглавили. И вскоре светло-бурой,
Умело содранной, все любовались шкурой.

И повелось в стране с Хосрововых времен:
Хоть пиршествует царь — меч сохраняет он.

Хоть мощен был Парвиз, как лев пустыни дико́й,
Но был владыкой он — медлительны владыки.

В хмелю он победил своим умением льва.
Не хмелем славен стал, а одолением льва.

И эту крепкую, приученную к луку,
Спасенная Луна поцеловала руку.

Как розовой воды коснулся сладкий рот.
И вот в ладонь царя горсть сахара кладет.

С прекрасных уст печать уста царя сломали,
Чтоб не ладони сласть, а губы принимали.

Поцеловав уста, он вымолвил: «Вот мед!
Вот поцелуев край, куда наш путь ведет».

Тот поцелуй гонцом был первым, чтоб второго,
Такого же, ей ждать от жадного Хосрова.

Но хоть и множество мы выпьем ночью чаш,
Всё ж чаша первая милей всех прочих чаш.

О, хмель, что нам испить дают впервые чаши!
Что́ вин изведанных — пусть огневые — чаши!

При первой чаше мы восторг найдем в вине,
Испив последнюю, печаль найдем на дне.

И роза первая среди весенних станов
Благоуханнее десятка гюлистанов.

В жемчужнице зерну отрадно первым быть.
Что́ зерен перед ним последующих нить!

И мало ли плодов мы сладостных встречали,
И что же! Каждый плод нам сладостней вначале.

И вот напиток нег обжег влюбленным рот, —
И отвели они поводья всех забот.

Спеша к безлюдному чертогу или лугу,
Как молоко к вину, тянулись друг ко другу.

Так руку за добром протягивает вор,
Увидевши, что страж смежил беспечный взор.

И за врагом они одним следили глазом,
Другим они к цветам тянулись и к алмазам.

Лишь на мгновенье враг позабывал свой страх, —
Они лобзание хватали второпях.

Когда в руках Ширин вина не примечалось, —
То птица райская к ее устам не мчалась.

Когда ж она была беспечной от вина,
То и на ней была любовная вина.

Так мощно он сжимал ее в объятье рьяном,
Что горностаи ее в шелку скрывался рдяном.

Так рот его впивал атлас ее щеки,
Что меж румяных роз возникли васильки.

Тогда, из-за стыда пред синими следами,
И по небу Луна шла синими садами,

Держа в час трезвости и в ночи пьяных гроз
Белила в скляночке, подобно розе роз.

ХОСРОВ И ШИРИН ОСТАЮТСЯ ОДНИ

Весной, в такую ночь, каких у нас немного,
Блеснул блаженства лик, судьбы пришла подмога.

В день обратила ночь высокая луна:
Ведь чашу подняла огромную она.

И в лунном пламени — о, света переливы! —
Вновь полилось вино под зыбкой сенью ивы.

И пересвисты птиц и крики: «Нушануш!» —
И где разлуки грусть? Она ушла из душ.

Луна ручью в стихах передавала тайны;
Их ветер толковал — толмач необычайный.

Сад кипарисов-слуг сновал на берегах.
Весенняя пора кипела в их сердцах.

Один не кубок взял, а бубен. У другого
Сосуд с водой из роз. И вина льются снова,

И чаша не один свершила круг, — и сна
Сердца возжаждали от сладкого вина.

И, разрешение спросивши у Хосрова,
Все с пиршества ушли с веселого с царева.

И виночерпиям уж не хватало сил,
И дремный дух певцов покоя запросил.

Без соглядатаев укромный пир! Подобен
Он розе без шипов: он сладок и незлобен.

С пути терпения шах удалился; он
Уж загоняет дичь в желания загон.

Он кудри Сладостной своими сжал перстами,
Забывши о перстах, простершихся над нами.

Ее целует он: «Я — в рабстве, ты — мой рок.
Я — птица. Дай зерна. Попал я в твой силок.»

Ты прошлому скажи: быть не хочу с тобою.
Упьемся новым днем и новою судьбою.

Здесь только ты да я! Ну, оглянись, взгляни!
Чего страшиться нам? Ты видишь — мы одни.

Горит моя душа! Я жажду благостыни!
Ведь ты — моя судьба; будь ею ты и ныне!

Любовь — плодовый сад, родиться должен плод.
Во мне надежда есть, а в чем ее оплот?

Пускай воздвигнут мост из камня голубого, —
Коль мост непроходим, о нем не молвят слова.

Овечью печень ждет собака мясника, —
Да знает лишь свою: в ней горькая тоска.

И тьма солончаков, казавшихся водою,
Рты жаждущих воды зарыла под землею.

И в чашу для чего смертельный налит яд,
Который сладостью является на взгляд?

Сверлят жемчужину, когда она влажнее.
Сверлить ее потом ведь было бы сложнее.

Молочным следует барашка свежевать —
Его, подросшего, ведь может волк задрать.

Лишь только голубок начнет взлетать высоко —
Ласк не увидит он: в него вопьется сокол.

Подобной льву не будь, смири ненужный гнев.
Есть руки у меня, чтоб стал смиренным лев.

Хоть горд нагорный путь прыгучего джейрана,
Есть руки длинные у хитрости аркана.

Пускай быстрее ветров газель несется вскачь, —
Собака шахская не знает неудач.

Что родинки беречь, таить под спудом кудри?
Ты, подать уплатив, поступишь всех премудрей.

Купец! Где сахар твой? Знать, сто харваров есть?
Что ж двери на замке, коль сахара не счесть?

Ведь индиго, торгош, находит спрос: уныло
Не хмурься. Вскрой тюки, будь ты хоть в глубях
Нила».

ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

И сахар дать ответ ему был нежный рад.
И был ответ его — сладчайший табарзад.

«Я прах, и пребывать со мной на царском троне
Для шаха значило б — в напрасном быть уроне.

Сочту ль за скакуна я своего осла?
Коня арабского догнать я б не смогла.

И хоть как всадница могу я подвизаться, —
С охотником на львов мне всё ж не состязаться.

Моя уклончивость имеет цель, о да!
Кто сахар ест в жару? Не вышло бы вреда!

Остынем, государь! Немного подождать бы,
Чтоб сахар был тебе и мне... во время свадьбы».

Тут на ее губе жемчужинка зажглась.
И змеями она от уст обереглась.

Хоть мысль ее — строга, но, клятву дам, иное
Вещала ей душа, в томленьях тайных ноя.

Пусть, рассердясь, она, как острие, остра, —
Не страшно: розы жар — роскошнее костра.

Пусть гнев ее встает жестокой львиной гривой —
В нем нежный горноста́й укрыл свои извивы.

Пусть лук ее бровей натянут — не грозна
Стрела ее очей, а томности полна.

Пусть взор ее — копье, — ведь круг войны всё
шире, —
Но взор к боям готов и к сотням перемирий.

«Не наноси мне ран», — твердят уста; спроси
Ты их еще разок, услышишь: «Наноси».

Хотя ее уста прикрыло покрывало, —
Но всё ж свое ушко она приоткрывала.

Колечко рта сомкнув и отклонив лицо,
Всё ж понесла в ушке покорности кольцо.

То прихотливый взгляд ввергал в одни мученья,
То милосердного он полон был значенья.

Лик отвратит — и вот: прельстительна коса.
«Простите лик», — твердит ее спины краса.

Ширин, узрев царя в алчбе кипучей, страстной
И честность в сей игре увидевши напрасной, —

Явила блеск спины, моленья отклоня:
Ведь белой серою не загасить огня.

Иль, может быть, явя в стыдливом бегстве спину,
В нем думала зажечь раскаянья кручину?

Не то! Ее спины слоновокостный трон
Напоминал царю, чтоб трон свой занял он.

А может быть, она так поступила, дабы
Он знал, что у любви есть разные михрабы.

Что странного? Одна исчезла сторона,
Сказав: прельстись другой, еще светлей она.

Игра лукавых дев: прогонят с глаз — и рады
Метать в изгнанников приманчивые взгляды.

Суровый скажет взгляд: «Уйди», но, погляди, —
Взгляд утешающий сказал: «Не уходи».

«Нет», — молвила, но, глянь, «да» молвила б охотней.
За это я годов пожертвовал бы сотней!

ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

Глядит Хосров: Луна не хочет нипочем
Для страждущего стать внимательным врачом.

Дерзнул он вымолвить: «О нежащая души!
Свои укору брось. Утихни и послушай.

И ты пила вино и мне давала пить.
К чему ж мне пьяным быть, тебе же трезвой быть?

Трезва ли ты? О нет, ты в сладостном дурмане.
Ведь мне подобна ты; не думай об обмане.

Где пташка сердца? Где? Признайся, ведь она
Уж соколом любви в когтях унесена.

Коль тайну утаить ты в сердце мнишь — терпенье
Зови: ведь с сердцем ты должна вступить в боренье.

Иль свертывай шатры — и, протрубив отбой,
Беги с равнин войны к Капелле голубой.

От торга, что с мечом ведется заостренным,
Спасаться и бежать дозволено влюбленным!

Ты знаешь: наземь тот повергнется в бою,
Кто не сумел сдержать заносчивость свою.

Ты сердцу своему, что жестко и упорно,
Дай приказание быть нежным, хоть притворно.

Коль скажет мне: «Я — друг» — за друга и приму.
Мне — будет радостно, не горестно — ему.

Шутя предсказанный, благой удел сбывался
Нередко. В добрый час ряд нежных дел сбывался.

Сказал один мудрец в далекие года:
«Себе отрадное предсказывай всегда.

Коль устроишься бед — прийти поможешь бедам,
Предскажешь доброе — оно возникнет следом».

Пусть твой рубин мне даст один лишь поцелуй.
Коль он запрещен мне, его мне не даруй.

Но и молить о нем, губительна и яра,
Ты запрещаешь мне! Я в пламени пожара.

Мне страшно: раздирать свой завтра будешь лик,
Сразив влюбленного, что в горести поник,

И кровь моя хватать тебя за полы станет:
Кровь страстных не умрет и в просьбах не устанет.

Скажи мне: если ты быть нежной не склонна,
И в поцелуев счет игра тебе странна,

И целовать твой рот я не дерзаю строгий, —
Так что ж мне целовать, рукав твой иль пороги?

Мне поцелуй на срок — ведь я не нищий — дай.
О рте не говорю: для пробы пищи дай!

Дав поцелуй — один, взамен получишь — десять,
Торговля добрая! Всей прибыли не взвесить!

Харвары сахара припрятала к чему?
Открыла б лучше дверь стремленью моему!

Всё разрешишь — на всё получишь разрешение.
Всего лишишь — сама изведаеть лишенья.

Пусть из ключа воды взял много водонос, —
Ключ, вечно льющийся, ущерб не понес.

Я — туча, влага — ты; не слит ли я с тобою?
И со своей душой готовится ль мне к бою?

Индеец дерзостный — твой локон: в свете дня
Нагрянув, начисто ограбил он меня.

Коль не управлюсь я с твоим индийцем черным,
Сам, как индеец-вор, я стану непокорным.

Хоть будет с топором к тебе ломиться вор,
Лишь крикнешь на него — уронит он топор.

Но руку молодцу ведь не отрубят? Гладко
Всё у него идет: есть воровская хватка.

Ты локона аркан на шею мне набрось,
Хоть дичью тощею разжиться довелось.

Будь покупателем — тебе продам я душу.
Будь кравчим — и вовек я пира не нарушу.

Тебя узрев, сдержать пыланье не могу.
Светильник дружбы я горящим берегу.

Кольцо твоих кудрей пусть на ухо мне ляжет!
Я — раб. Пускай твой рот купить меня прикажет.

Вести лобзаньям счет — вот сладостный удел!
Лобзанья дай! Считать их так бы я хотел!

Приди, чтоб вместе мы вступили в двери счастья.
Мы станем счастливы! Судьба полна участья.

Так сладостно дышать в сегодняшнюю ночь!
День завтрашний — в пути, его не превозмочь.

Платить наличными нам эта полночь рада.
Ждать одолжения грядущего не надо.

Брось локоном играть! Со мною поиграй.
Мне руку помощи сегодня ночью дай.

Я сердцем изнемог, меня здоровым сделай.
Меня свой райский сад принять готовым сделай.

Ты сладостней души, ты — радости поток!
Тебя в объятьях сжать мне предназначил рок.

Что сладостнее? Уст иль ног твоих касаться?
Всё может в сладости и в прелести равняться.

Всё тело сладостно, и всё влечет уста!
Да! Названа «Ширин» была ты неспроста!

Так сладость расточай, ликуя, не с оглядкой!
Не «Сладостная» ты, коль быть страшишься
сладкой!»

ШИРИН СНОВА ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Ответила Ширин: «Как беспощаден ты,
Прося пощады, шах! Не падай с высоты.

Молить вовеки шах не должен о пощаде.
С деянием худым ты должен быть в разладе.

Ты не ищи ручья, что честь мою умчит,
Ты от алчбы своей не жди во мне защит.

Ведь к цели подойдешь один лишь ты, не двое.
Ты станешь пламенем, сгорю я, как алоэ.

Я сердцем ласкова была и без любви.
Меня, влюбленную, холодной не зови.

Когда б любви базар была моя дорога,
То радости с тобой я б испытала много.

Но в нард с самим собой, поверь, играть нельзя.
И только радости в пути собирать нельзя.

Полмира нам дано для радостного пира,
Для славы доблестной нам отдано полмира.

Зачем же у судьбы в неподчиненье быть
И двух прославленных бесславием покрыть?

Самих себя стыдясь, себя оглянем строго —
Вот лучший путь. Наш стыд есть почитанье бога.

Муж! Женщину смирить желаньем не гори.
Коль мужественен ты, ты сам себя смири.

Тот, кто смирил себя, тот стал навеки славен.
Себя унизивший! Никто ему не равен.

Я деревцу сродни; во мне — я такова —
Есть розовый шербет и сладкая халва.

Сперва довольствуйся лишь розовой водою,
Халву возьмешь потом; всё делай чередою.

Не думай о халве, ведь подали шербет.
Халву внесут потом, пока на ней — запрет.

Коль сахар есть во рту, то для чего же стану
Протягивать ладонь за сладстью к Хузистану?

Настолько благодна прозрачная вода,
Что бурю пламени поборет без труда.

Но ежели вода покроет с головою,
Погибельна, хоть будь она «водой живою».

От мной любимого привета не хотеть —
То, значит, жизни мне и света не хотеть.

Но лихорадочный, страдающий от жажды,
Скорбит, что ел халву хотя бы лишь однажды».

ХОСРОВ УМОЛЯЕТ ШИРИН

И видит шах: Ширин, его слова поправ,
Не кротко говорит, забыв свой кроткий нрав.

Он молвит: «О Луна, горящая высоко!
Упрек друзей — не зло; страшусь ли я упрека?»

Но как хвалить людей, в которых сердца нет,
Которые молчат молениям в ответ?

Я лишь к тебе стремлюсь, о Сладостной мечтая,
Любого побору, тебя приобретаю.

Я вижу: локон твой меня опутал. Ты —
Победу празднуешь, я — рухнул с высоты.

Ты клятвы не нарушь. Об этом ли толкуем?
Ты отрезви меня одним лишь поцелуем.

Хоть молви, что ко мне придет счастливый век:
«Хоть мертвым, да пойдет на волю Мубарек».

Свиданий розами наполни мне кошницу.
Разлука стелет мне на ложе власяницу.

Пусть розы наших встреч мне свой шербет сулят!
О ты, цветник! Даруй ты мне хоть аромат!

В руке — твой локон; ты опьянена — причина
Того, что горькая умчалась прочь кручина.

С тобою пью вино, — как радости не быть?
Ты здесь, — ну как с тобой и сладости не быть?

Ты здесь, — и золотым становится мой пояс,
И счастье светит мне, на радость не скупое.

Со мной расстанешься, что камень со змеей, —
Без розы буду я, ты — без колючки злой.

Коль, сеть мою поправ, помчишься по раздолью,
Расстанусь с головой, ты — с головною болью.

Вот сердце! На, бери! Коль хочешь, можешь съесть!
Я думал: друга нет, теперь, я вижу, есть.

Когда твой светлый лик мне сердце жечь не будет,
Я сердце сохраню, но свет оно забудет.

Коль требовать мой глаз взаимности начнет,
Пускай мучительный почувствует он гнет.

Но если от тебя моя душа в истоме
Уйдет — невеста к ней придет лишь только в дреме.

Коль ты теперь пошлешь мне хоть один укор,
Один твой волосок пресечь сумеет спор».

Уснул он, прошептав любовных слов немало,
И локон Сладостной рука его сжимала.

... Лишь кубок небеса пустили круговой,
Напиток пурпурный расплескивая свой,

Проснулся государь и кубок поднял снова.
Еще вчерашний хмель бродил в уме Хосрова.

И ухватила вновь его за полы страсть,
И пламени опять его зажала пасть.

Забушевал огонь вскипающей отравы,
Как будто бы напал на высохшие травы.

Ширин он сжал, сказав: «Я медлить не хочу».
Он будто на тахту натягивал парчу.

Спасен онагра бок от жадной львиной пасти:
Находчивой не быть у сильного во власти.

И, распалившись увидевши царя,
«Не надо, — молвила, — безумствовать, горя.

Что распалить себя? Ведь жребий незавидный
Мне сделаться, о шах, в твоих глазах бесстыдной.

Нехорошо, что ты таким огнем объят:
Ведь с разогретых роз чуть веет аромат.

Коль господин с рабом в своих речах не сдержан,
Соблазнам дерзостным его слуга подвержен.

Зачем пытаешься с рабами рассуждать,
Коль надо промолчать иль наказание дать?

Царь, ежели под ним царевый конь хромает,
Как нужного достичь, смутясь, не понимает.

Когда минует срок твоей невзгоде, верь:
Тобой любимое к тебе ворвется в дверь.

И пьяный для очей разумных не находка,
Коль с чашей он сидит, а на ногах — колодка.

Ты к царству устремись, а я невдалеке,
Ты в руку власть возьми, а я в твоей руке.

Венчанный! Без твоей быть не хочу я чести.
И честь твоя, и я — мы быть желаем вместе.

Честолюбива я, и под ноги тебе
Повергну душу. Я — верна твоей судьбе.

Возрадуйся, ведь ты откроешь двери власти,
Ликуй, твой светел рок, минуют все напасти.

От царственных удач к любви пойдет стезя.
В тревоге отыскать сокровища нельзя.

С терпеньем ты найдешь всё, что тебя чарует,
В покое обретешь ту, что покой дарует.

Язык, потом — слова; глаза, а после — свет.
Поднимется лоза, вино приходит вслед.

Не в яростном жару у мудрых дело зреет,
«От жаркой беготни козел не разжиреет».

Не должно мне, о нет, в изгнании твоём
Быть прихотью твоей, с тобою быть вдвоем.

Могу ли дружбою связаться я нестрогой,
Быть другом, что ведет недоброю дорогой?

Пусть ты и власть твоя — вы будете друзья,
Тогда, о шаханшах, с тобой сдружусь и я.

Боюсь, что, коль во мне одна твоя услада,
Меж царством и тобой останется преграда.

Коль будешь возвращен к могуществу судьбой,
То буду я, увы, утрачена тобой.

Наследьем древним был весь мир в роду Хосрова.
Ему ль наследьем стать наследника другого?

Ты хочешь мир схватить — не медли же, не стой!
Завоеватели владеют быстротой.

Чреда верховных дел идет путем размерным,
Но царство должно брать ударом быстрым, верным.

В любого шаха ты попристальной вглядишь, —
Решеньем быстрым он в свою вознесся высь.

Ты юн, и мошен ты, ты создан для державы.
Ты родом царственен, прекрасный, величавый.

Стреножена страна; сбрось узы мятежа.
Очнись, и робкий враг покается, дрожа.

Индийца, что, напав, твои поклажи вырвал,
По-тюркски твой венец в мгновенной краже вырвал,

Ударь мечом, и прочь отпрянет голова!
Да канут все следы былого колдовства!

Рука царя, что всё добудет в жизни нашей,
То быть должна с мечом, то с пиршественной чашей.

Ты должен меч поднять и кликнуть клич; ведь шесть
Пределов мира есть, и войска в них не счесть.

Удача, вымолвив: «С Хосровом рядом встану», —
Направит камень твой ко вражескому стану.

Иль руку приложу я к делу твоему,
Иль руки за тебя в молитве подниму».

**ХОСРОВ ПОКИДАЕТ ШИРИН И
НАПРАВЛЯЕТСЯ В РУМ.
ВЕНЧАНИЕ ХОСРОВА С МАРИАМ**

И царь был распален ее великим жаром,
И на Шебдиза он вскочил во гневе яром.

Он грозно выкрикнул: «Меня не скоро жди!
Коль море иль огонь увижу впереди,

Клянусь: я от огня не отвращу Шебдиза;
И что́ его прыжку морей кипучих риза.

Не думаешь ли ты, что буду спать и впредь?
Ручаюсь: дремлющим Хосрова не узреть.

На высоту слона теперь я землю взрою,
И боевых слонов для смотра я построю.

И стану я, как слон, могучий, грозный слон.
Я на подушке спал. Я ныне пробужден.

Я, всё забыв, осла завел на эту крышу!
Свести сумею вниз! Я зов рассудка слышу.

Кувшин, что сделал я, теперь не берегу.
Сумел его слепить — разбить его смогу.

Меня ли разжигать, в меня вперяя очи,
Иль обучать гореть во мраке долгой ночи,

Неисполнением желанья устрашать
Иль мужеству меня надменно обучать?

Моя любовь к тебе меня миров лишила!
О, страсть! Тьму тем людей она голов лишила!

Я знал бы, коль во мне ты не родила б смут:
Опять края венца мне волосы сожмут.

Не голову ль мою поймала ты арканом?
Сняла его, но всё ж я пленным был и пьяным,

Ты мне дала вина смертельнее огня,
И опьяненного связала ты меня.

И опьяненному твердишь ты: «Поднимайся,
На трезвого врага неистово бросайся».

Да, мы сразимся с ним! Я вражий сброшу гнет.
Но дай сперва уйти из тягостных тенет.

Душа, опомнившись, движенья захотела.
По следу двинусь я мне радостного дела.

Да, наставленье мне хорошее дано.
И совершится всё, что ныне быть должно.

Ты мне сказала всё о том, каков я ныне,
Ты мне поведала о зле, о благостыне.

В былом подвластен мне был необъятный дол.
Мой славен был венец, мой славен был престол,

В скитальца ты меня мгновенно обратила,
В того, кто в горестях бессменно, обратила,

Я был пришит к седлу любовною тоской.
Какой бы вихрь занес сюда меня? Какой?

Пока твоя приязнь сверкала мне украдкой,
И речь твоя ко мне текла, как сахар, сладкой.

Тобою от любви я ныне отрешен.
На мой отъезд приказ тобою мне вручен.

Я знал, что я уйду, лишь срок укажет небо,
Ведь злонамеренным я гостем вовсе не был.

Был потчеван тобой — и медлил потому,
Уйду, коль хлеба ты мне сунула в суму».

Гилянского коня направив из ограды,
Путем гилянским он повел свои отряды.

Сердитый на Ширин, он мрачен был, угрюм.
Поход ускоривши, направился он в Рум.

Он знал: стрела врага лететь в него готова.
Венца не стало. Шлем — вот он венец Хосрова!

Он, зная, что пути оберегал Бехрам,
Скакал без устали по долам и горам.

Четырехкрылый был под ним орел; дракона
Хранил у пояса. Бехрам! Страшись урона!

И вот к монастырю примчался он; монах
Ютился там. То был «Всепостиженья шах».

Ему грядущее немало дел открыло,
И для Хосрова он истолковал светила.

Всё стало явственней. Он мудрый дал совет,
Он изречениями открыл Хосрову свет.

И к морю поспешил Хосров, и переходы
Он делал одвуконь. И вот сверкнули воды.

Он гнать вдоль берега гнедого не устал,
В Константинополе кайсару он предстал.

И призадумался тогда владыка Рума,
И важное чело изборозила дума,

Удачею он счел для дома своего
Приезд Хосрова в Рум; и обнял он его.

Узнав, что в числах звезд приязнь, а не коварство,
Прибывшему решил свое вручить он царство

И дать — хоть воздвигал он христианства храм —
Парвизу в жены дочь, царевну Мариам.

И меж владыками в ночь свадьбы было много
Условий скреплено; всё обсудили строго.

О Мариам, о нем, кто счастья встретил свет,
О том, какой он смог румийцам дать ответ,

Как с Ниатусом он хитро, хвостом павлина,
Построил рать, о всех походах властелина

Не стану говорить: о том сказал иной —
Бреду, а он уснул, пройдя свой путь земной.

Коль захочу я сбить былым рассказам цену,
Сказитель будущий собьет мне разом цену,

ЗАВЕЩАНИЕ МИХИН-БАНУ

Бану тоску Ширин стремилась превозмочь.
Опять ее Луна должна украсить ночь.

Но, к благу бытия пресытившись любовью,
Она, призвав Ширин однажды к изголовью,

Ей подает ключи: «Сокровища принять
Готова будь, Ширин, твоя уходит мать».

С недугом тяжкий спор стал глуше, бесполезней:
От благоденствия Бану пришла к болезни.

Недуга быстрого ее промучил зной;
Отвергло тело дух; дух — мир отверг земной.

Рок разлучил ее с отрадой жизни краткой, —
И мир столь сладостный она вручила Сладкой,

Ушел ее закат за черный небосклон, —
И в землю снизошла, покинув царский трон.

Таков закон миров, иного нет удела.
Всем веснам свой предел земля иметь велела.

Хоть склянка из камней, но склянка не снесет
Удар кремня, и всё свой обретет черед.

Судьба творит стекло, иначе не бывает,
Но каждое стекло она же разбивает.

Пусть мудрая пчела скопить сумела мед, —
В чем польза, коль сама весь этот съела мед?

Вкруг зримого всего не вихри ли завыли?
Ты зримым не пленись: оно — пригоршня пыли.

И ветер, налетев, раскинет складки риз,
И травы разметет, и сломит кипарис.

В основу ветер взят, и вот — жильё готово.
Не радуйся жилью: плоха его основа .

Из-за чего в силках ты бьешься? Посмотри:
Нам дан гнилой орех, лишь пустота внутри.

Как заяц, как лиса, прельщаться ль в жизни краткой
Сном рока заячьим да лисьею повадкой?

Охотники на львов! Их мощный ряд — не мал.
Но сей лисицебарс их в должный срок подмял.

Я взором опыта на мир взглянул — и что же?
С чесанием руки все наслажденья схожи.

Так хорошо руке! А тронь и снова тронь —
И скоро руку жжет мучительный огонь.

Хоть сладостно пьянит благая чаша мира,
Похмелье — лишь оно останется от пира.

Забудь свою печаль: ее не стоит свет.
И радости твоей твой мир не стоит, нет!

Уставил яства мир направо и налево, —
Но вкусишь только то, что умещает чрево.

Сто кладов у тебя иль только лишь динар, —
Лишь то, что сможешь съесть, от мира примешь в
дар.

Пока во здравье ты, пока не стал ты хилым,
Твой дух всем сумрачным противостанет силам.

Коль поколеблен дух, коль в нем не стало сил,
Напрасно бы у звезд здоровья ты просил.

Твой улыбнется рот земному пепелищу,
Коль естество твое усваивает пищу.

Коль человек взомнит: «Уж мне надежды нет», —
Путей спасения он забывает след.

Мир и дела его — всё кажется мне ядом.
Ешь осторожно снедь; мирским не верь уладам.

О жадный! Кто жадней могильных злых червей?
Ты пояс подтяни, как скромный муравей.

Недуг обходит тех, кто скромн, а сегодня,
Как и вчера, умрет обжор дебелых сотня.

Не надо истреблять чрезмерно много трав,
Иль станешь ты искать лекарственный состав.

Коль будешь хлеб вкушать, как долю гульшакара,
Ты тело не отдашь в неволю гульшакара.

Как роза, блещет всё, что не пошло на снедь,
Но съеденным плодам уж не блистать, а тлеть.

Зачем стяжаешь ты, коль жизни ты не просишь?
Спеша к мирским делам, зачем ты их поносишь?

Тому дает покой житейский горький дол,
Кто в нем, подобно мне, приюта не нашел.

Кто поселился в нем, тот должен на потребу
Иметь хоть горсть воды к ниспосланному хлебу.

Ты, смятой глины ком, — в смятении не будь!
Ты — прах, но пусть твоя не изнывает грудь.

Стыдится мир того, кто может из-за мира
В уныние прийти, чей дух блуждает сиро.

О пропитанье, друг, ты не имей забот:
Кто жизнь тебе послал, тебе и снедь пошлет.

Как небо ни хитро, как небо ни зловеще,
Две клячи — день и ночь — оно посменно хлещет.

Знать, одвуконь езда ему на ум пришла.
То оседлает свет, то сумрак у седла.

Коль унесен отец в сей горестной стремнине,
Как сыну в свой черед не приблизиться к кончине?

Когда индеец — мир — убьет отмститель, он
Клинком отмщения не будет поражен.

В ладу с индейцем ты, отца убившим? Воин!
Как ни бесстрашен ты, быть сыном не достоин.

Кинь горбуну стрелу в изогнутый хребет!
Он весь твой род убил, в нем снисхожденья нет.

Пока небесный свод свой лук тугой имеет,
Жир нагулять себе добыча не сумеет.

Коль по траве олень идет к приюту льва, —
Клинками острыми становится трава.

Ты ль в безопасности? Подумай, друг любезный,
Ведь за тобою — смерч, а пред тобою — бездна.

Страшись! На сей реке спокойствия печать,
Но ей дано людей спокойно поглощать.

Найти ль цветущий сад, что, побежденный днями,
Не стал бы пустырем с обглоданными пнями?

Пред мудрецом наш мир не горестно ль возник?
Кто сладостно живет, тем горек смертный миг.

Тот, кто весь этот свет со скорбью озирает,
Тот, светочу сродни, сияя умирает.

Взлюбивших мир сравню с кустом цветов лесных:
Лобзают руки тех, что обезглавят их. . .

Вот проповедник наш, кричит он: «Как солому,
Брось мир, — я подниму, он пригодится дому!»

А вот подвижник наш, в сто человеческих сил
Он молит: «Скинь его — чтоб я его носил!»

Но если хрупкий мир — расколота чара, —
Все царства на земле не стоят ни динара.

Гостинец пустоте, небытию припас —
Та сущность чистая, что обитает в нас.

Сказали мудрецы всезнающие: «Верьте,
Кто плох, а кто хорош — узнается в день смерти».

Есть женщины, они — мужи в предсмертный миг.
Иной дрожащий муж от смерти прячет лик.

Творец! Когда наткнушь на камень и с разлета
Нырнет моя ладья во мрак водоворота,

Ты одари меня, под кров благой возьми,
Успокоением возрадуй Низами.

ВОЦАРЕНИЕ ШИРИН

И перешла к Ширин Михин-Бану держава.
От Рыбы до Луны о ней сверкнула слава.

И справедливости возрадовался люд.
Былые узники свободный воздух пьют.

Все угнетенные забыли время гнета:
Ширин с времен своих отбросила тенета.

Уж не взимался сбор у городских ворот,
Налогов не платил за пажити народ.

Облагоденствовав и город и селенья,
Ширин, не ждя даров, сыскала восхваленья.

И вот и перепел и сокол — уж друзья,
И даже волк с овцой встречались у ручья.

Народ, и дальних мест, и живший недалеко,
Царицу полюбил бесхитростно, глубоко.

Обилье всё росло, всё ширилось оно.
Сам-сто смогло давать единое зерно.

Добра исполнен шах — и щедрых трав цветенье
Рождает не цветы, а ценные каменья.

У злонамеренных сады иссушит рок,
Добра исполнен шах — и путь его широк.

И ширь и тесный лог в его краю счастливом
Гордится временем и шахом справедливым.

У шаха, коль он шах, дух не спует во тьме.
Нет злодеяния у шаха на уме.

Но о царе царей к Ширин не мчатся вести.
Хоть царство у нее, но сердце не на месте.

Хоть Кей-Хосровову она имеет власть,
В пустыню смотрит взор, а в этом взоре — страсть.

От караванов ждет и ждет, сгорая, снова
Живительных вестей о странствии Хосрова.

Узнав, что счастлив шах, что, как Юпитер, он
От праха до Плеяд свой прежний поднял трон,

Она рассыпала сокровища — и люду,
Законы дружбы чтя, их раздарила грудю.

Но весть о Мариам ей муку принесла:
Законы Мариам строжайшие блюла.

И в Руме Мариам принудила Хосрова
В великой верности дать клятвенное слово.

Ширин, проведавши о горести такой,
Вдыхая горестно, утратила покой.

«Судьба,— твердит она,— мне всё свершает нáзло»,
Ширин, как мул в грязи, в страданиях завязла.

Она царила год, храня свои края,
Ни птахи не спугнув, щадя и муравья.

Как мрак разбойных глаз, и сердце стало темным,
Как буря локонов, и дух стал беспокойным.

Ширин устрашена: ее тоска вот-вот
Честь справедливых дел в смятении сметет.

Другого не нашел сей кипарис исхода,
Чтоб чистым был Диван, как в дни былого года, —

Как только, чтоб сиял пред ней один — Хосров,
Причина всей тоски и всех кручин — Хосров.

Решительности нет, ее душа устала.
Ведь твердости всегда влюбленным не хватало.

Наместник принял власть и всё свершал один.
Ношением венца пресыщена Ширин.

ПРИБЫТИЕ ШИРИН В МЕДАИН

Гульгун навьючен; в путь пуститься вышло время.
Ширин в седле, Шапур ее хватает стремя.

Ширин сбиралась в путь, окружена гурьбой
Красавиц; только тех взяла она с собой,

От коих в дни трудов и в час досужий смеха
И помощь ей была, и светлая утеха.

Динары и парчу с собой она взяла.
Четвероногих взять приказ она дала:

«Верблюдов и коней, овец, коров!» И долам
Дано наполниться потоком их веселым.

К чертогу горному спешит она; стада
За нею тянутся, как зыбкая гряда.

И в раковине блеск вновь затаился щедрый.
И драгоценный лал вновь погрузился в недра.

Индийской топи мгла клад убрала от глаз,
В кремнистый лог тоски запрятался алмаз.

Но от жемчужины блеснул окрестный камень.
Так мрачный храм огня вмиг озаряет пламень,

От лика Сладостной, что розовой весны,
Тюльпаны меж камней нежданные видны.

От пламени Ширин, что разгорелось яро,
В горячем воздухе всё больше было жара.

И царь, проведавши, что друг невдалеке,
В надежде возомнил: срок миновал тоске.

Но страх пред Мариам сражал огонь порыва:
Глядела Мариам в глаза его пытливо.

Не знал он, как завлечь Ширин в свой паланкин,
Не ведал, как бы мог он встретиться с Ширин.

Лишь вестью о Луне, лишь ветром он доволен,
Что плыл с ее путей. Он вновь любовью болен.

Взывая каждый миг: «Где милая моя?»,
Он извивается в томленье, как змея.

ХОСРОВ ПОСЫЛАЕТ ШАПУРА ЗА ШИРИН

Шапуру вымолвил однажды властелин:
«Доколе тосковать я должен по Ширин?»

Ты в башню Лунный Свет введи ночной порою,
И, словно лал в ларце, я там его укрою.

Свой возвратив престол, державу берегу
И быть с желанною открыто не могу.

Страшусь, что Мариам в неистовой печали
Сама себя распнет, как их Ису распяли.

Для сладостной Луны не лучше ль — посмотри —
Мне тайным другом быть; так дружатся перы.

Хоть на ее пути свои обжег я ноги,
Хочу ее беречь, как руку, что в ожоге,

Коль явно всё свершу, жене не угодив, —
Вмиг, дива оседлав, она мелькнет, как див».

«Спокоен будь, — сказал художник островзорый, —
Я начерчу тебе китайские узоры».

И прибыл к замку он. Был замок — пенный шквал,
Шквал, что не пену вод, а пену вин взвивал.

Склоняясь пред Ширин, сказал Шапур с участием,
Что следует порой заигрывать со счастьем:

«Чтоб гнаться за тобой, есть Рахш, но остриям
Царевых стрел сверкать мешает Марнам.

Он должен чтить ее. Он молвил мне угрюмо:
«В том клятву шахскую я дал владыке Рума».

Так выйди же со мной, мы сядем на коней,
В укромной башне ждут, — и мы помчимся к ней.

Будь с милым, час назначь утечи, а не плача.
Сумеешь — улетит соперницы удача».

УПРЕКИ ШИРИН ШАПУРУ

Кумир в безлюдье злом, в злой пустоте Луна,
Что вся изнемогла, что всё была одна,

Вскричала гневная, блестя очами строго:
«Стыдись речей своих, не ведающий бога!

Сомкни уста! Мой мозг ты словно сжечь готов!
Молчи! Достаточно безумных этих слов.

Дано тебе сверло, да не для всех жемчужин!
Не каждый помысел с умелой речью дружен!

Не к каждому ручью отыщется стезя!
Пусть руки могут всё — всего свершить нельзя!

Ты справедливым был? Об этом я не знаю,
Что ты не справедлив, теперь я понимаю.

Пусть удалит господь тебя от низких дел!
Пускай рассудок твой укажет им предел!

Ты царства моего лишил меня, а ныне
Взломил души лишить — последней благостыни.

Как лют разбойник мой! Я — словно крепость, он
Метнул в нее огонь — и мой напрасен стон.

Я — здесь, а там к другой спешит душа Хосрова,
Базар любовный там он затевает снова.

Честь утекла моя, но не замочен он.
Как будто я — ничто, ничем он не смущен.

О, как дозволено разбойнику такому
Меня, достойную, предать бесчестью злому!

Нет! Он в бою со мной так разогнал коня,
Что с ним уже ничто не примирит меня!

Из замка мне бежать, когда б он был и раем,
Не должно, хоть судьбы мы будущей не знаем.

Хотя бы не Шапур, дочь кесаря пришла, —
Ее с позором бы из замка прогнала.

Что басни мне твердить! Ведь не хмельна я, право!
Меня не уловить играющим лукаво!

Да что царя хвалить иль слать ему хулу!
Господь! Ты знаешь всё. Ты не прощаешь злу.

Молящему о том свои отдам я губы.
Нет, не берут халвы рукой такую грубой.

Весеннему цветку милей на землю пасть,
Чем в ветре осени метаться и пропасть.

Уж лучше, если псы на ловле схватят, — дабы
Не устрашаться львов, вгрызающихся в слабых.

Приди, всё сам скажи, и сам ответ мне дай.
Есть ноги у тебя, других не утруждай.

Лев, чей умелый лов народ повсюду славит,
Лишь на своих ногах весть о себе доставит.

Ты ноги мне связал. Своих не мучишь ног.
Ты шлешь ко мне других, хоть сам прийти бы мог.

Не на чужих плечах свои таскают грузы.
Не зубы посланных перегрызают узы.

Долготерпенья жар горит в моей крови.
Меня «Красавицей Терпенья» ты зови.

Но и в чужом краю, вдали родного дома,
Вольна в поступках я, с неволей незнакома».

Но хоть упрек Ширин о камни бьет стекло.
Смиряет сердолик ее упреков зло.

Весь гнев ее слова излили на Шапура —
И сердцу легче вновь; взглянув не так уж хмуро,

Шапуру молвила: «О, ты красноречив,
И речь твоя течет, как плавных вод прилив.

Когда приветствовать ты щаха будешь снова,
То передай ему... мое послушай слово:

«Так говорит Ширин: „Неверный! Не поймет
Моя душа, где речь, мне сладкая, как мед?»

Я мнила, что бродить не суждено мне сирю, —
Ты ж покупателем другого стал кумира.

Я прошлый облик твой в душе не берегу,
Ведь сердце отворил ты моему врагу.

Да от неправых дел твой дух влечется к правым!
Да вспомнишь вздох Ширин ты сердцем
нелукавым!

Ты — счастье спящее. С тобой ли мне дружить?
Ты — рок. Могу ли я с тобой в согласье быть?

Ведь я унижена. Зачем искать такую?
Ведь если я — раба, пошли мне отпускную.

Нет! Я тебе ровня! И мой возвышен трон.
Припомни, что мой рок тебе не подчинен.

Меня поставил вниз, но буду я другою.
Знай: на твои врата я обопрюсь ногою.

Рассыплю зерна я кипящих слез — и вмиг
На мой порог взбежишь; я твой услышу крик.

Ты на моей крови сад насаждал с усладой,
Плоды собираешь ты. А я? Я — за оградой.

От твоего огня не стало мне теплей,
Но дымом взор мой жжешь всё чаще ты и злей.

Как вероломен ты! Ведь ты мой стан разграбил.
И честь, принявши вновь свой царский сан,
разграбил.

О, долго ль мне ладью потоком слез вести!
О, долго ль дружеским свиданьям не цвести!

Ты был скитальцем — я дружить с тобой хотела.
Ты дело совершил — и нет до Сладкой дела.

Меня ты вверг в позор; он тяжек и глубок.
Ты свой забросил щит в надменности поток.

Ты подписал приказ, ты мне назначил муки.
Уйдя, поверг меня в мучительство разлуки.

Картину ты сыскал в румийской мастерской.
К армянской сладости что ж тянешься рукой?

Цветы румийского ты обрываешь дола,
Так не терзай венец армянского престола.

Страшусь: не зажигай ты снова свой огонь.
Огонь рождает дым; ты прошлого не тронь.

Ты не бросай шипов в полу судьбы. Послушай,
Не надо сыпать соль на разлученных души.

Ты ввержен в сладкий сон меж царственных пиров.
Что ж, отвернись от всех скитальческих шатров.

Пускай терзаюсь я, забудь ко мне дорогу,
Чтоб я могла себя отдать служенью богу.

Считай, что заманил ты птицу снова в сеть,
Но птица снова в степь сумела улететь.

Теперь безгорестных ночей я не имею.
И благосклонности твоей я не имею.

О, как терплю я гнет мучительных дорог.
Ведь охромел мой конь, а мой привал — далек.

И сколько слез я лью, меня сжигает горе.
Пред ними ад — свеча, и с каплей схоже море.

И в море, где в огне горит моя ладья,
И в райских долах я, и в адских горнах я.

И всё ж близ адских бездн, о сладостной отчизне!
Припомнив, я тайком ищу истоков жизни.

Могу ли не скорбеть в пустыне без тебя?
Тот год — была с тобой, а ныне — без тебя.

Твоей землянки дверь засыпана землею,
Моей воды поток потек над головою.

О, долго ль мне ладью потоком слез вести!
О, долго ль дружеским свиданьям не цвести!

Ведь без тебя мое не завершится дело,
Чтоб зреть ему, должны быть вожделенья зрелы.

Покуда бытия не оборвется нить,
Больной надежд на жизнь не может не хранить.

Рассудок мой велит лишь к мудрости стремиться,
Но выводы любви не на ее странице.

На пегом скакуне уверенный ездок,
Ристалищем любви помчавшись, изнемог.

Творит ученый смесь, что умудряет разум.
Но смесь дают тому, кто уж теряет разум.

Ты терпеливого влюбленным не зови.
В тревоге сладостной рождение любви.

Терпенье не идет путем любви счастливым.
Любви блаженный жар не свойствен терпеливым.

Но пусть в тоске Ширин и в горе. Никогда
Пусть шаха не гнетет подобная беда!"»

И вот, когда Ширин прочла всю повесть, землю
Поцеловал Шапур, и вымолвил он: «Внемлю.

Решенье царственной всех наших слов ценней.
Твоя уместна речь», — и он поник пред ней.

Пусть мысль его была сверлить его готова,
Не говорил Шапур, сперва не взвесив слова.

Да! Слово каждое, что твой рождает рот,
Ты взвесь, как золото, пуская в оборот.

НАЧАЛО ЛЮБВИ ФЕРХАДА

Серебряный кумир был весь исполнен гнева.
Подобная перй, в шелках шуршащих дева

Там, где меж хмурых гор раскинулась тоска,
Не знала ничего приятней молока.

Хотя бы сто сортов халвы пред нею было,
И то бы молоко ей пищею служило.

Но далеко паслись ей нужные стада,
И путь к ним требовал немалого труда.

Вкруг логова тоски, по скатам гор разлитый,
Желчь источающий, рос лютик ядовитый.

И гнал стада пастух, проведавши про яд,
Туда, где пастбища угрозы не таят.

Ночь локоны свои широко разметала,
В ушко продев кольцо из лунного металла.

В кольцо тоски Луна, что жжет, тоской поя,
Кольцом, до самых зорь, свивалась, как змея.

Пред ней сидел Шапур; готовясь вновь к дорогам,
Он с грустной Луной беседу вел о многом.

В заботы, что несла услада рая, он
Вникал, и обо всем он был осведомлен.

Узнав, что пастбища в такой дали от стана,
Внимающий расцвел, как лепестки тюльпана.

Индусом пред Луной он свой склоняет лик.
Как пред Юпитером — Меркурий, он поник.

«Есть мастер-юноша, — сказал он, — будешь рада
Ты встретить мудрого строителя Ферхада.

Все измерения он разрешает вмиг.
Евклида он познал и Меджисте постиг.

С искусною киркой склоняясь к кремнистой глыбе,
Начертит птицу он, сидящую на рыбе.

Он розе пурпурной даст пурпур, и меж гор
Скале железом даст китайский он узор.

Пред ним поник весь Рум, и, сделав камень плоским,
На нем рисует он, его считая воском.

Помочь твоей беде, я знаю, он бы смог,
Он — ключ, и каждый шип он обратит в цветок.

Без мастера ни в чем достичь нельзя предела.
Но мастера найдешь, и завершится дело.

Мы с ним — ровесники; в Китае рождены.
И мастером одним нам знания даны.

Тот мастер ведал всё; как лучшую награду,
Мне бросил он калам, кирку вручил Ферхаду».

Когда умолк Шапур, с души Сладчайшей гнет
Был снят — докучный гнет хозяйственных забот.

День зеркало свое повесил, и закрыла
Ночь многоокая все очи — все светила.

И стал Шапур искать и вскоре разыскал
Того, кто был сильнее неколебимых скал.

Он ввел его к Ширин. Приветливо, с поклоном,
Как гостя важного, его почтил он тронном.

Вошел, с горою схож и всех ввергая в страх,
Ферхад, что груды скал раскидывал в горах.

Был высотой силач, что мощный слон; почила
В Ферхаде двух слонов чудовищная сила.

И каждый страж из тех, кем был гарем храним,
Его приветствуя, склонился перед ним.

Он засучил рукав. Как должен был по званию,
Он, препоясанный, встал пред широкой тканью.

В смущенье был Ферхад: рок на своем пиру
Вел за завесою какую-то игру.

И вот — ночной набег! Внезапное злодейство!
Рок развернул свое за тканью лицедейство.

С улыбкой, что в себя весь сахар собрала,
Вся сладость Сладостной свой голос вознесла.

Два сахарных замка сняла Ширин с жемчужин.
Стал сахар с жемчугом в одном звучанье дружён

И Пальма сладкая те финики дала,
Чья сладость финики терзала, как игла.

И сахар, сладость слов — о, молоко с хурмою! —
Почтя, сказал, что мед без них пойдет с сумою.

И сахар услышал: мир сахарный возник —
И отряхнул полу от Хузистана вмиг.

Ее ведь Сладкою назвали, — и на диво
Беседу Сладкая вела сладкоречиво.

Ну что сказать еще? Да всё, что хочешь, друг!
Пленил и птиц и рыб ее речений звук.

Когда уста Ширин свой сахар источали,
С поклоном леденцы Сладчайшую встречали.

Едва на сборище Ширин откроет рот —
Сердца внимающих в полон она берет.

Сражала речью всех! От Сладкой оборона,
Клянусь, не найдена была б и для Платона.

В Ферхада слух вошла речь Сладостной — и жар
В нем запылал, и дух в нем стал кипуч и яр.

Смятенная душа вздох извергает жгучий —
И падает Ферхад, как падают в падучей.

Удар по темени Ферхада жег, и он
Крутился, как змея, ударом оглушен.

Ширин, увидевши, что сердце у Ферхада,
Как птица трепеща, свой плен покинуть радо,

Взялась его лечить, но лишь сумела сеть,
Рассыпав зерна слов, вновь на него надеть.

«О мастер опытный, — услышал он от Сладкой, —
Ты разрешенною обрадуешь загадкой.

Желание мое, о мастер, таково,
Чтоб услужили мне твой ум и мастерство.

Ты, зная мудрый труд и замыслами смелый,
Сей заверши дворец своей рукой умелой.

Ведь стадо — далеко, а в молоке — нужда,
Дай талисман, чтоб нам иметь его всегда.

Меж стадом и дворцом в фарсанга два преграда:
Уступы скал, и в них проток устроить надо,

Чтоб пастухи в него вливали молоко,
Чтоб мы сказать могли: достали молоко».

И, сладкоречия журчанию внимая,
Впал в немощность Ферхад, речей не понимая.

В свой жадный слух вбирать еще он мог слова,
Но что в них значилось, не знала голова.

Хотел заговорить — да нет! — умолк он сразу.
Он перст беспомощно прикладывает к глазу.

Он вопрошает слуг: «Что приключилось тут?
Я пьян, а пьяные как ошупью бредут.

Что говорила мне, мне говорите снова,
Что просит у меня, о том просите снова».

И слуги речь Ширин пересказали вновь,
По приказанию слова связали вновь.

Когда постиг Ферхад красавицы веленье,
Его запечатлел в душе он во мгновенье.

И в мыслях приступил он к сложному труду,
Подумав: «Тонкое решение найду».

Он вышел, сжав кирку; за ремесло он снова
Взялся; служить любви рука его готова.

Так яростно дробил он мускулы земли,
Что скалы воском стать от рук его могли.

Был каждый взмах кирки, когда ломал он камень,
Достоин тех камней, чей драгоценен пламень.

Он рассекал гранит киркою, чтоб русло,
Что он вытесывал, меж кряжами прошло.

Лишь месяц миновал — и путь, киркой пробитый,
Вместить бы смог поток в разъятые граниты.

От пастбища овец до замковых ворот
Он камни разместил, укладывая ход,

И так он всё свершил, что водоемы рая
Пред ним простерлись бы, ступни его лобзая.

Так слитно плитами он выложил проток,
Что между плитами не лег бы волосок.

Ложбиной, созданной рукой творца умелой,
Сумели струи течь, гонимы дланью смелой.

Пусть кажется порой: безмерного труда
Рука преодолеть не сможет никогда.

Но сто булатных гор, воздвигнутых от века,
Сумеют разметать ладони человека.

Где то, чего б не смял всеильный род людской?
Лишь смерти не сразить невечною рукой.

ПРИЕЗД ШИРИН К МЕСТУ РАБОТ ФЕРХАДА

И вот возникло то, что людям незнакомо:
Стекает молоко в пределы водоема,

И мастером Луне известие дано:
Водохранилище им сооружено.

И гурия, прибыв, всему дивясь глубоко,
Вкруг водоема шла, прошла и вдоль протока,

Ей мнилось: водоем и новое русло
Здесь только божество расположить могло.

Не дело смертного водораздела рая,
Где бродят гурии, у млечных рек играя!

Услышал от Ширин хваление Ферхад:
«Да будешь промыслу божественному рад!»

И счастлив он, призыв от луноликой слыша.
И был посажен он всех приближенных выше,

«Мне нечем наградить такое мастерство.
Тут и помощникам не сыщешь ничего».

У дивной, меж камней, и в полумраке ясных,
В ушах светились две жемчужины прекрасных,

И каждая красой венцу была равна.
Дань города была — жемчужинам цена.

И, серьги сняв, Ширин с пьянящею мольбою
Сказала: «О, прими! Продай ценой любовью.

Когда смогу добыть я лучшее — ценой
Достойной оплачу всё то, что предо мной».

Жемчужины приняв, их восхвалив, проворно
Ферхад к ногам Ширин бросает эти зерна.

И устремился он, смиряя горе, в степь.
Слезами заливал он, словно море, степь.

Нет! Страстью не затмит он созданного дела!
Он ждал, чтоб даль его забвением одела.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ЛЮБВИ ФЕРХАДА

И передал царю один из царских слуг
То, что сказал ему его ближайший друг.

Он слышал, что Ферхад, рыдающий в пустыне,
Лишь о себе весь мир твердить заставил ныне,

Что устремления любовного напасть
В пустыню бедняка заставила попасть.

От страсти к красоте, что всем сжигает очи,
Стеная, бродит он во мраке долгой ночи.

Он говорит: «Душа из-за Ширин больна!»
И речь его громка, и всем она слышна.

Ни стрелы, ни мечи, разящие с размаха,
Ни старцы, ни юнцы в нем не рождают страха.

Но знают: лишь душой привязан он к Луне,
Лишь слухом о красе довольствуясь вполне.

Серебротелую всечасно поминая,
Про самого себя не помнит он, стеная.

В неделю раз он к ней приходит в замок; есть
Ему услада в том: «О ней услышать весть».

Едва лишь внял Хосров нежданному рассказу,
К грабительнице душ страсть возрастает сразу.

В соревновании бойцы отважней бьют,
Два соловья нежней над розою поют.

Коль двое второпях становятся у лавки,
Ты должен от купца ждать на товар надбавки.

Хосрова сердцу вновь ристалище дано:
Тот, сердце бросивший, с Хосровом заодно.

И по-инному шах заревновал подругу.
Придал соратник жар ревнивому недугу.

Всё просит мысль его: «Ты делу помоги».
Не в глине ль он увяз? Не вытащить ноги!

Когда недуги нас охватят или скорби,
То стройный кипарис свой стан высокий сгорбит.

Очам болящего подмога не видна,
Ведь мысль болящего, как сам больной, больна,

Во здравье человек — и мысль его здорова,
А хил — всех дел его колеблется основа.

Врач, щупавший, леча, биенье многих жил,
В жару свой щупать пульс другому предложил.

СОВЕЩАНИЕ О ФЕРХАДЕ

И, отобрав людей из приближенной знати,
Шах в совещательной задумался палате.

«Как одержимого неистовство сдержать?
Как этой костью нам игральной сыграть?»

Коль сохранить его — мое погибнет дело.
Сразить невинного — мне честь не повелела.

В могуществе царя я мыслил быть один.
На праздник мой прийти решил простолюдин.

Прекрасною Луной мне празднество готово.
Безумца позвала, чтоб радовать Хосрова».

И дали мудрецы царю такой ответ:
«Удача лишь тебе свой зажигает свет.

И венценосные перед тобой во прахе,
И прахом ног твоих окрест клянутся шахи.

Да будут, словно мир, твои бессмертны дни, —
Да счастьем вечному сопутствуют они!

Ему, чтоб для царя не стало вновь обузы,
Из золота скуем, не из железа, узы.

Ведь зелье от тоски — лишь золото, да, да.
Да! С золотом та смесь целебная всегда.

Ты призови его, ты в нем роди надежды,
Чтоб он на золото свои приподнял вежды.

За золото Ферхад и веру отметет,
За сладость звонкую от Сладкой отойдет.

Ведь с золотом мошна немало глаз гасила.
В железе от него оскудевала сила.

Коль золотой глупца не отмести метлой,
Тогда займи его работой над скалой.

Чтоб до поры, когда его иссякнет время,
Напрасно бы он бил в скалы гранитной темя».

ХОСРОВ ВЫЗЫВАЕТ К СЕБЕ ФЕРХАДА

И, речи выслушав, уж не бродя впотьмах,
Гор сокрушителя велел доставить шах.

И вот ввели его, могучего, как горы.
Вокруг стоял народ, в него вперяя взоры.

В страданье он склонил открытое чело,
Забвение всего на мощного нашло.

Он в тягостной тоске, в смятении глубоком,
Стоял, овеанный неблагоприятным роком.

На шаха не взглянув и не взглянув на трон,
Ногами в прах, как лев, уперся крепко он.

Он, унесенный прочь томленьем по прекрасной,
Счел думу о себе и о царе напрасной.

Ферхаду мощному оказан был почет.
Предложенным дарам ты потерял бы счет.

Слоноподобный сел, почтен многообразно.
Ларь с золотом, как слон, вздымался для соблазна.

Но в госте яхонтов огни сохранены,
И золото и прах для чистого равны.

Поняв, что лучший дар могучему не нужен,
Хосров разверз уста — ларец своих жемчужин.

На острые слова, что складывал Хосров,
Гость острые слова был складыватв готов.

СПОР ХОСРОВА С ФЕРХАДОМ

Хосров спросил: «Ты кто? Тут все я знаю лица».

Ферхад: «Мой край далек, и Дружба — в нем столица».

Хосров: «Чем торг ведут, зайдя в такую даль?»

Ферхад: «Сдают сердца, взамен берут печаль».

Хосров: «Сдавать сердца — невыгодный обычай».

Ферхад: «В краю любви не каждые с добычей».

Хосров: «Ты сердцем яр. Опомнись спеша».

Ферхад: «Разгневан ты, я ж молвил — от души».

Хосров: «В любви к Ширин тебе какая радость?»

Ферхад: «Сладчайшая душе влюбленной — сладость».

Хосров: «Ты зришь ее всю ночь, как небосклон?»

Ферхад: «Когда усну. Но недоступен сон».

Хосров: «Когда гореть не станешь страстью злою?»

Ферхад: «Когда усну, прикрыв себя землею».

Хосров: «А если ты войдешь в ее чертог?»

Ферхад: «Я голову склоню у светлых ног».

Хосров: «А коль она твое поранит око?»

Ферхад: «Скажу: рази, второе — недалеко».

Хосров: «Когда б другой прекрасную сыскал?»

Ферхад: «Узнал бы меч, хоть был бы тверже скал».

Хосров: «Коль к ней дойти тебе не станет мочи?»

Ферхад: «Что ж! Издали Луна ласкает очи».

Хосров: «Быть вдалеке не надо от Луны».

Ферхад: «Больным нужна ограда от Луны».

Хосров: «Коль «всё отдай» она промолвит строго?»

Ферхад: «Я с воплями прошу об этом бога».

Хосров: «Коль вымолвит: „Где ж голова твоя?“»

Ферхад: «. . . то сей заем вмиг с шеи сброшу я».

Хосров: «Любовь к Ширин исторгни ты из тела».

Ферхад: «О, чья б душа погаснуть захотела!»

Хосров: «Найди покой, не жди благого дня».

Ферхад: «Спокойствие запретно для меня».

Хосров: «Твоя стезя — явить свое терпенье».

Ферхад: «Горя, нельзя явить свое терпенье».

Хосров: «Стань терпелив, и в сердце будет свет».

Ферхад: «Хотел бы я... да вот уж сердца нет».

Хосров: «Полно скорбей любви опасной дело».

Ферхад: «Чего милей любви всевластной дело?»

Хосров: «Ей сердце дал, хоть душу сбереги».

Ферхад: «Томлюсь. Душа и сердце — не враги».

Хосров: «Чего-нибудь страшишься в этой муке?»

Ферхад: «Лишь тягости мучительной разлуки».

Хосров: «Хотел бы ты наложницу? Ответь».

Ферхад: «Хотел бы я и жизни не иметь».

Хосров: «Зачем горишь в такой любви великой?»

Ферхад: «Осведомись у сладостного лика».

Хосров: «Ты принужден о Сладостной забыть».

Ферхад: «Но без души, нам сладостной, не жить!»

Хосров: «Она — моя, забудь, что в ней услада».

Ферхад: «Забвения не стало для Ферхада».

Хосров: «Коль встречу с ней, что скажешь

мне — врагу?»

Ферхад: «Небесный свод я вздохом подожду».

Что вымолвить в ответ, не ведал ум Хосрова.

И увидал Хосров: его бессильно слово.

И вымолвил друзьям: «Меж земнородных нет

Умеющих бросать так огненно ответ.

Я золотом речей его не оплетаю.

Его, как золото, на камне испытаю».

И, как железный меч, он обнажил язык,

Чтоб к глыбе каменной алмаз кирки приник:

«Мы ищем путь прямой, удобный для дороги.
Нам трудно обходить окрестных гор отроги.

Ты в каменной горе пророй просторный путь,
Ведь он послужит мне, об этом не забудь.

Никто бы не сумел за это взяться дело,
Лишь знание твое его бы одолело.

Ты честью Сладостной мне поклянись; другой
Не знаю клятвы я такой же дорогой.

Ты должен выполнить большую просьбу эту.
Ты должен выполнить простую просьбу эту».

И многомогущий муж дает ему ответ:
«Я гору уберу, к тому преграды нет.

Давай условимся! Трудом займусь я старым,
Но обязательство я выполню не даром,

И сердце шахское мне клятву дать должно:
Пусть сахар Сладостной с себя стряхнет оно».

Разгневался Хосров; едва лишь не простерла
Его рука булат, чтоб вражье ранить горло.

Но мыслит: «Не страшусь, хоть всё ему суля.
Не взрыть ему горы — там скалы, не земля.

А хоть бы и земля — и с ней не будет сладу!
А хоть бы взрыл ее — куда снесет громаду?»

И быстро говорит: «Согласен я; когда
Забуду договор — да будет мне беда!

Яви в своем труде, стан подтянув потуже,
Всю силу, что живет в таком могучем муже».

И вымолвил Ферхад, не ведающий лжи:
«О справедливый шах, мне гору укажи!»

И подведен к горе, что Бисутуном ныне
Зовут, каменотес, терзавшийся в пустыне,

И явно, что Ферхад свой блеск не сохранит,
Что вся гора — тверда, что вся гора — гранит.

Но с радостной душой, подбодренный Хосровом,
Шел разрыватель гор, горя порывом новым.

Взлетел он на гору, как бурный ветер яр,
И подпоясался, и первый дал удар.

И вот он с первым же руки своей движеньем
Стал покрывать скалу одним изображеньем:

Киркою стан Ширин он высек; так Мани
Свой украшал Эрженг, творя в былые дни.

И, лишнего киркой не совершая взмаха,
На царственном коне изобразил он шаха.

Так юная творить ему велела кровь.
Он был возвышенным, вела его — любовь.

Но с юным — злая весть должна коснуться слуха,—
Что сделала судьба — горбатая старуха!

РАССЕКАНИЕ ГОРЫ ФЕРХАДОМ И ЖАЛОБЫ ЕГО

Недолго высекал те образы Ферхад,
Был изваянием покрыт гранитный скат.

И рассекать скалу с утра до темной ночи
Он начал. Сладостной пред ним сияли очи.

Чтоб гору побороть, свою он поднял длань,
За гранью грозная откалывалась грань.

Ударит он киркой в расщелину гранита —
И башня тяжкая от стен его отбита.

Ударит — гору с гор руки низвергнет взмах,
Свержением громад людей ввергая в страх.

И яхонты сверлил алмазами ресниц он,
И гору умолял пред ним склониться ниц он:

«Гора! Хоть встала ты гранитною стеной,
Ты дружелюбней будь — рассыпсья предо мной.

Ну, в честь мою лицо ты раздери немного!
Дай, чтоб кирке моей везде была дорога!

А нет — клянусь Ширин! — кроша тебя, круша,
Покуда будет жить во мне моя душа,

Тебя терзать начнет, клянусь, мое упорство,
Поставлю душу я с тобой на ратоборство».

По вечерам, когда, сходя с равнин судьбы,
Свет солнца горные окрашивал горбы,

Когда по светлому узор стелился мглистый,
И поднимался стяг, и ник султан огнистый,

Близ образа Ширин Ферхад стоял в тиши,
Ища в граните след ее живой души.

Он прижимал уста к стопам изображенным,
В горах цимбалами его звучали стоны:

«Очам художников единственный михраб!
Целительница душ! Твой поникает раб.

Ты, с сердцем каменным! Ты, с телом серебристым!
Ты сердце путника влачишь путем тернистым.

Ты в камне поймана, как драгоценный лал.
Лал сердца моего твой камень разломал».

Пред изваянием смилив свои рыдания,
За них прощенья он просил у изваянья.

Он восходил затем до каменной гряды,
Взваливши на спину все тяжести беды.

И к замку направлял он взор свой неустанно,
Стонал: «О кипарис! О ты, розовостанный!

Вся печень выжата. Ты светом сердца будь!
Ты сбитого с пути направь на верный путь!

Желание мое ты пожелай исполнить!
Дай безнадежный дух надеждою наполнить!

Я знаю, что меня нет в памяти твоей.
От милого тебе свет в памяти твоей.

Я ж друг, что о тебе грустит под звездным лоном.
Миросжигающим я мир сжигаю стоном.

Пока в твоей душе царит Хосров один,
Скитальца бедного припомнишь ли, Ширин?

Нет, роза радостна. И в мыслях розы снова
Слова, что сахар шлют для жданного Хосрова.

А сладостную жизнь безрадостный Ферхад
Для розы сладостной отдать сегодня рад.

Хоть ты, о светлая, подобная алмазу,
Меня, покорного, не вспомнила ни разу, —

Ты всё же — светоч мой. Но надо мною тень
Простерлась черная. Мой сумеречен день.

Мне сделалась земля скупой отчизной — камнем,
И жизнь свою зову я с укоризной камнем.

Не ведал я, душой спеша к такому злу,
Что рок меня схватил с угрозой за полу.

Нет, не из камня я, и ты всё не близка мне!
Что ж верности искать в железе мне и в камне?!

Ты душу, о Ширин, не унижай мою.
Не бей меня в камнях, как бьют в камнях змею!

Барашек я. Зачем ждут мясники приказа?
Рази! Ведь мясники — твои два черных глаза.

На пастбище твоём остался только я.
Я — хил! Отвержен я! Горька судьба моя!

Я мотылек. Страшусь. Я и вдали сгораю.
Сгорю, приблизившись к сверкающему раю.

К тебе приблизиться? Но я ведь только прах.
Быть приближенным? Нет! Меня объемлет страх!

Тебе покорен я! Быть жертвою — отрада!
Убей меня! Клянусь — мне лучшего не надо!

Развей тоску мою. Как справиться мне с ней?
Мне смерть отраднее всей смены этих дней.

Пусть не рождает мать сынов с такой судьбою.
Пусть им звезды моей не видеть над собою!

Иль молвила мне мать: «Далек да будешь ты
От цели сладостной, от сладостной мечты!»

Поспешный меч судьбы не всем приносит муку:
Тем тронет ноготки, а мне отрубит руку.

От рока благодати добиться не легко.
Что ж мне он дарит кровь, тебе же — молоко?

Я молоком прошу, тебя вскормившим, — дома
Когда ты молоко черпнешь из водоема,

Припомни ты о том, кто весь горит в огне,
И негу сладкую оно пошлет и мне.

Дай молока, пастух! Стою с пустою чашей.
Как дети к молоку, стремлюсь ко встрече нашей.

Вкушая молоко, меня не позабудь.
Я буду молоком, а ты ребенком будь.

Ты сладости таишь. Я таю, голодаю,
Но именем твоим свой рот я услаждаю.

Где утешители? Взираю я вокруг.
Будь утешителем! Ты вымолви: «Мой друг».

Мне увлажни уста; они иссохли. К свету
Ты черный мрак направь, дня укажи примету.

Перед тобой бедняк. Но вымолвить спешу:
Тебе я ценный дар, я душу подношу.

Богатство бедняка, — оно такого рода,
Что, и безденежный, желает он дохода.

Мне душу не сжигай, ведь мой хранитель — ты!
Что мне подлунный мир! Мой утешитель — ты!

Ты блещешь красотой и радостной и томной.
Не покидай меня, с моей душой бездомной.

Ведь ты, прекрасная, бездомной не была.
Бездомным не желай бездомности и зла!

Я жизнью дорожил, ценил ее когда-то.
Я верил в молодость, далекий от заката.

Но жизнь и молодость во мне уж не поют,
Беда! Моя душа — отчаянья приют.

Тот, кто с тобою был, тебе приветно вторя,
Уходит от тебя в минуту злого горя.

Ты крикнешь: «Руку дай!» — а друг твой дорогой
На скорбный твой порог не ступит и ногой.

Ты кровь мою не пей — молю тебя со страхом,
И в городе твоём я схож лишь только с прахом.

За что же, говори, ты мне готовишь месть?
В чем ты винишь меня? Подай об этом весть.

Вина ль, что пред твоим я преклоняюсь ликом?
Припомнишь о каком ты мне грехе великом?

Ты друга не предай, о сладостный кумир!
Таких безбожных дел еще не ведал мир!

Ты кипарис, я ветер, исполненный порыва, —
И ветру бурному кивни ты, словно ива.

Я — прах, ты — дивный клад. Приди ко мне, и я
Прославлюсь. Станет прах — «Священные края».

Коль мне ты не велишь, моя свеча Тараза,
В светильнике твоём растаять, — жду приказа:

«Ты должен умереть!» Да лягу я вдали
От лика светлого в объятия земли!

Я — птица полночи. Блеснет ночная риза,
И слышен горький плач и стоны шебавиза.

Приди ко мне хоть раз, как призрак, и услышь,
Как вопли и мольбы тревожат эту тишь.

Будь сердце у тебя суровой камня, всё же
Взгрустнешь над бьющимся о каменное ложе.

Мне столько от тебя обид нанесено!
Ты ж считаешь их за малое зерно.

Как вол измученный, свалился я на землю,
Ты ж гонишь ослика: печали, мол, не внемлю.

Я мертв, но я был твой. Помилосердней будь!
Ведь сердце ты взяла, мою рассекши грудь!

Знай, это не игра. Взгляни: я камни рою.
Я пригожусь тебе. Не тешусь я игрою.

Но я соломинка в руках твоих! Твой взор
Гнетет меня, хоть я колеблю склоны гор.

Незыблемой горы сильней мои ладони.
Страшны ли мне войска, и всадники, и кони!

Коль меч я обнажу пред диким зверем, то
Шебдиз не нужен мне. Мне и Парвиз — ничто!

Ширин, Парвиз, Ферхад, — в нас родственного
много:
У каждого из нас, ты знаешь, по два слога.

Зачем же одному победы так легки
И всех сильнее мощь Парвизовой руки?

Нет, пораженья тень не надо мной нависла!
В таблице вещей звезд мои победы числа.

Но счастья моего отхлынули года,
А над соперником — счастливая звезда.

Мой злобен темный рок, и хитрый он предатель.
А счастье знает враг — мой вечный зложелатель.

Но пусть никто вовек не ведает врага,
Чья светлая судьба созвездьям дорога!

Сгораю я в борьбе, я в схватке, — всё же вскоре
Мой враг добудет всё, а я — добуду горе.

Тот, кто послал меня на схватку со скалой,
Мне гибели желал мучительной и злой.

Я, смерти пожелав, за камнем камень рушу,
Я горя захотел и в горе ввергнул душу.

Кремнист мой путь любви. Вокруг сгустилась тень.
И давит сердце мне безжалостный кремьень.

Знай, это не игра. Взгляни: я камни рою.
Я пригожусь тебе. Не тешусь я игрою.

Я в горе жестким стал, созвездиям грозя,
Железа устыдить мне всё ж таки нельзя.

Я, словно желтый воск, сгораю в жаркой страсти,
Я сердце уберечь уж больше не во власти.

Где серебро мое и золото? Тюков
Тебе не принёсу. Я — нищий. Я — таков.

Желт горестного лик. О, золото печали!
О, горе! Серебром лишь слезы замерцали.

О светоч! Вижу свет в твоём лишь я огне!
Я стражду светлым днем, и стражду я во сне.

И хоть горячим днем мучительно я стражду,
Но в дремах я любви еще страстнее жажду.

И днем со мною ты, и ты — в виденьях сна.
Прибежище мое лишь только ты. Одна.

Приди! Любя весь мир, тебе я отдал душу!
Не див я, — как с людьми я связь свою нарушу!

Нет сердца пламенной среди людских сердец,
Чем у того, кто сжал ваятеля резец.

Злосчастнее меня кто ныне во вселенной?
Я будто в горестной пустыне — во вселенной.

Любвеобильного где друга я найду,
Кто мне промолвит: «Встань!», коль наземь я паду.

Да! Косяки людей бесчисленны, — но кто же,
Когда скончаюсь я, мое оправит ложе?

Моя душа — в тоске, я в мире — одинок.
Как жертву, голову кладу на твой порог.

Хоть просижу сто лет я в глубине колодца,
Лишь свой услышу стон: никто не отзовется.

Хоть проброжу сто лет, в свои уйдя края,
Пойдет за мною вслед одна лишь тень моя.

Я — пес? Иль бешенства низвержен я напастью?
Мечусь, как тот, кто был укушен песьей пастью.

Есть место и для псов, а для Ферхада — нет!
Для трав простор готов, а для Ферхада — нет!

И барса в логове лощина приютила,
И есть меж вод речных приют для крокодила.

А я лишен всего, моя душа во мгле,
И камнем я не стал, и не лежу в земле.

Так если на земле я только горю внемлю,
Чтоб обрести покой, уйти я должен в землю.

Пусть буду на земле бездомным только я!
Как жить, коль никнет жизнь, одной тоской моя?

К тебе меня влечет погибели ветрило,
К погибели меня земля приговорила!

Коль существуешь ты, так что же значу я!
Селение — твое, а где в нем жизнь моя?

Скажу ли: «ты» и «я»? Нас мир одной судьбою
Объединил. Ну как склоняться пред собою?

Могу ль я отступать своим путем крутым?
Горенья моего всё застилает дым.

Безмерно утомлен, пришел я на стоянку.
Я запоздал прийти, — уйду я спозаранку!

Коня пускаю в путь я верною рукой.
Куда ж мне гнать коня? Где ждет меня покой?

Я в горе каждый миг. Я плачу о кумире,
И счастье не хочу ничье я видеть в мире.

Душа моя, тебе ведь память дорога
О том, как мудрецы низали жемчуга:

«Недужный человек, что страждет и пылает,
Здоровья никому вовек не пожелает».

Как благотворное увидеть мне в любви,
Когда я весь в шипах, когда я весь в крови?

Хотя в моем мозгу уж больше нету масла,
Но горе душу жжет; душа всё не погасла.

Страданием своим я весь испепелен.
Но в пепле есть огонь: под ним укрылся он.

Я — прах, я ветром взвит. Не жду уж я участия.
В ногах не стало сил, в руках не стало счастья.

Коль ноги обрету — их тотчас под полú
Я подтяну. Свою покину ль я скалу?

Как точку, спрячу лик под циркулем. Я спрячу
Себя в своей скале, лишь в ней найду удачу.

Я огражу себя оградой многих стен,
Чтоб образы ничьи мой не смущали плен.

Лишь образ твой со мной! Ему вручил я душу.
Я верности ему вовеки не нарушу!»

Так восклицал Ферхад, стонал и плакал вновь,
И сердца своего так расточал он кровь.

И ночь ушла из гор, и, полные отваги,
Войска зари, блестя, свои раскрыли стяги.

И вновь безумный — днем, и вновь бессонный —
Ударами кирки мнил гору перевозмочь. в ночь

Все ночи наполнял он только жемчугами,
А камни он сверлил пылающими днями.

Так много жемчуга он сыпал и камней,
Что отличать не стал жемчужин от кремней.

И по подлунному промчалась весть простору
Об истрадавшемся, о разрывавшем гору.

И не один к нему пришел каменотес,
Чтоб видеть, как булат вонзается в утес.

И каждый — недвижим; свой закусивши палец,
Глядел, как рвет скалу неистовый скиталец.

**ХОСРОВ УЗНАЕТ О ПОЕЗДКЕ ШИРИН.
ГИБЕЛЬ ФЕРХАДА**

Вседневно хитростно искал владыка мира
Каких-нибудь вестей о действиях кумира.

Он больше тысячи лазутчиков имел.
Был каждому из них дан круг особых дел.

Лишь пальчиком Луна дотронется до носа,
Они спешат к царю для нового доноса.

Когда на Бисутун взошла Ширин и там
Узрела кряж, сродни булатным крепостям, —

Все соглядатаи промолвили владыке:
«Ферхад увидел рай в ее прекрасном лике,

И сила дивная в Ферхаде возросла:
Силач взмахнет киркой — и валится скала.

Восторгом блещет он, в его душе разлитым,
Он, меж гранитных глыб, сам сделался гранитом,

Железом, что дробит угрюмых скал табун,
Сутулой сделает он гору Бисутун.

Воинственен, как лев, твой недоброжелатель
И рвет недаром кряж, ведь он — кладоискатель.

Лисица победит, в уловках зная толк,
Хоть в состязание с ней вступит сильный волк.

Хоть груды ячменя увесистей динара,
Весы шепнут: «Динар, ты ячменю не пара».

Коль с месяц он свою еще промучит грудь, —
То из спины горы наружу выйдет путь».

И шах изнемогал от этой яррой схватки,
Как сохранить рубин? Не разрешить загадки!

И старцев он спросил, гоня кичливость прочь:
«Какими мерами могли бы вы помочь?»

И старцы молвили, не медля ни минуты:
«Коль хочешь, шаханшах, распутать эти пути,

Ты дай Ферхаду знать, среди его вершин,
Что смерть внезапная похитила Ширин.

Немного, может быть, его ослабнут руки, —
И он прервет свой труд от этих слов разлуки».

И принялись искать глашатая беды,
Чей хмурый лоб хранит злосчастия следы,

Того, кто, как мясник, в крови вседневной сечи,
Того, кто из усов огонь смертельный мечет.

И вот научен он дурным словам; сулят
Иль золото ему, иль гибельный булат.

Идти на Бисутун, свершить худое дело
Он должен. Для него иного нет удела.

И дерзостный пошел, вот перед ним — Ферхад.
Кирку сжимала длань, не знавшая преград.

Ферхад что дикий лев, с себя сорвавший пути.
Рыл гору он, как лев, напрягшийся и лютый.

О лике сладостном слагая песни, бил
Он яростно гранит; он словно пламень был.

Ферхаду вымолвил нежданного глашатай,
Как будто горестью неложною объятый:

«Беспечный человек! Вокруг себя взгляни.
Зачем в неведение свои проводишь дни?»

Ферхад: «Я друга чту, и для него с охотой
Я время провожу, как видишь, за работой.

Того я друга чту, чьи сладостны слова
И кем на жизнь мою получены права».

И вот когда узнал горькоречивый вестник:
Тут ворожит Ширин — пленительный кудесник,

Он, тягостно вздохнув, сказал, потупя взгляд:
«О смерти Сладостной не извещен Ферхад!

О, горе нам! Когда сей кипарис веселый
Был сломлен бурею, подувшей в наши доли,

Мы амброю земли осыпали Луну,
Снесли дорогой слез на кладбище Весну.

И, прах похоронив прекрасной черноокой,
Направились домой мы в горести глубокой».

В Ферхада за клинком он направлял клинок,
Вздыхал за стоном стон, чтоб сильный изнемог.

Когда «О Сладкая! — сказать посмел. — О горе!»,
О, как такой вещун не онемел, о горе!

Чье сердце этих тайн хотело б не хранить?
Внимал им или нет — не смеешь говорить!

Когда в Ферхадов слух метнули вестью злою,
С вершины пал Ферхад тяжелою скалою.

Вздыхнул Ферхад, и вздох был холоден: копье,
Казалось, в грудь его вонзило острие.

Рыдая, молвил он: «Не зная облегченья,
Я ведал тяжкий труд, и смерть полна мученья.

Пуускай пастух овец бесчисленных пасет,
Волк жертву нищего из стада унесет.

Да, цветнику сказал шербетчик, рвущий розу:
«Вернуть всё взятое не забывай угрозу».

Проворный кипарис покрылся прахом! Ах,
Зачем же мне чело не осыпает прах?

Румяных лепестков развеяна станица!
Зачем же мне сады, когда вокруг — темница?

Уж пташка унеслась в край отдаленный свой!
Зачем же не кричу я тучей громовой?

Погас над миром свет, горевший звездным знаком!
Зачем же в этот день мир не покрылся мраком?

В небытии с Ширин свидание мое!
Я, не промедливши, уйду в небытие!»

Оповестил о ней он и моря и сушу,
И, прах поцеловав, свою он отдал душу.

Всем ведомо: судьбе иного дела нет —
Как души отнимать, гасить для смертных свет.

К злосчастному стремясь, рок позабыл о мере, —
И входят бедствия, все распахнувши двери.

Он видит: счастья нет, лишь горечь дни сулят;
Он вложит сахар в рот — тот обратится в яд.

За розу ухватясь, он скажет: «Ты близка мне»,
Не розы на него посыплются, а камни.

Увидит — бурный мир, увидит: мир — не гладь.
Из мира этого свою забрать бы кладь!

Поводья свесились, неудержимо время,
А юности нога попасть не может в стремя.

Свой рок преодолеть придет тебе пора,
Лишь только ты уйдешь из этого шатра.

В четвертых небесах прибудешь к серафимам,
Чтоб в сонме светочей всё ж сделаться незримым.

Мир — див; храни свой дух — да будет скован
див! —

Дух добронравием от дива оградив.

Не делай для себя свой нрав суровый адом.
Пусть раем станет он, ведя других к уладам.

Коль человек ты, послушай речь мою:
Не только в небесах, но ты и здесь — в раю.

О глаз! Беспечный глаз! Ты мир узри воочью.
Мир обними, как те, не дремлющие ночью.

Как долго под землей ты будешь спать, о друг!
Крутящихся небес тебя забудет круг.

Лет пятьдесят игры злокозненной промчится, —
Сей костью глиняной доколь тебе кичиться?

Пусть и пять тысяч лет — срок воровской игры —
Брось кость, ведь всё равно играешь до поры,

Что крепче, чем кремень? Под ветра частым взмахом
Он всё же стал песком, он стал зыбучим прахом.

О, коврик кожаный — земля! И вновь и вновь
На этот коврик льют одну лишь только кровь!

Кровавые дожди впитала эта суша.
Кто мог бы из-под них спасти и Сиавуша?

В песчинках взвившихся, что закрутил бурун,
Несется Кей-Кубад иль мчится Феридун.

И людям не найти на всем земном покрове
Горсть глины бед людской, людьми пролитой крови,

Кто знает, что таил сей вековечный храм,
Счет вечерам его и счет его утрам?

Столетие пройдет — и всё течет сначала.
Лишь век умчится прочь — уж век другой примчало.

И с веком человек свой также кончит век,
Чтоб он на сущность дней своих не поднял век.

Но что в крупицах дней среди тысячелетий
Увидеть сможешь ты иль услышать на свете?

Всё ж и добро и зло в столетье каждом есть,
И в том для мудрого о некой тайне весть.

Коль ты не хочешь быть в гонении бескрайном,
Ты век не поучай другого века тайнам.

Чреда ночей и дней, что пегий конь, летит.
От бега времени ничто не защитит.

Хоть ты на сто наук свершил свои набеги,
Тобой не будет взят в поводья этот пегий.

Себя боготворить не должен ты, о нет!
Забвение себя — спасения завет.

Котел земли кипел по воле звезд, но что же?
Необработанной земля подобна коже.

Небес игорный дом, незримый для очей,
Все деньги отобрал у многих богачей.

Иль кажется тебе, что ты с невестой? Мудрый!
Мечту на ветер брось, не будь с сереброкудрой.

Быть может, грянет смерч, и злой его полет
Невесту — жизнь твою — с землю разведет.

Придет ли смерч иль нет, забудь свою усладу.
Не зажигай в ночи напрасную лампаду.

На горсти праха ты. В твоей горсти лишь прах.
Хоть руку для земли зажег бы ты впотьмах, —

Ей будет нипочем твою увидеть муку,
Ей не присыпать, нет, израненную руку!

Нам тягостная плоть созвездьями дана,
Так часто мучима недугами она!

Ведь с кровли прыгнуть вниз нетрудно. Только в злости
Твой неизбежный рок тебе сломает кости.

Но люди, что во сне не ощущают тел,
Не смогут пострадать от многих сотен стрел.

Свое дыхание, что управляет нами,
Мы ветром осени прикармливаем сами.

Но мертв твой каждый вздох, когда в нем нет любви.
Твой каждый вздох сочтен; ты страстно проживи.

Ты, умирая, смерть встречай бесстрашным взглядом,
Но в страсти, человек, ты должен быть Ферхадом.

Любил, чтоб на кирку приладить рукоять,
Стронтель дерево гранатовое брать.

Была ему кирка помощницею верной,
Всегда сподручною в борьбе его безмерной.

Когда его вешун тоскою захлестнул,
Кирку он за гору в отчаянье метнул.

Кирка впилась в гранит, а рукоять отбило, —
Вошла во влажный прах, а после вот что было:

Гранатовый побег из рукоятки взрос,
И, ставши деревом, гранаты он принес.

И каждый этот плод всех снадобий полезней
И немощных любых излечит от болезней.

Не зрел их Низами, но измышлять не стал,
А в древней книге он об этом прочитал.

СМЕРТЬ МАРИАМ

Не радуйся, Хаким, так волили созвездья:
За все свои дела дождешься ты возмездья.

Знай, будет оценен поступок твой любой!
Рок препоясался — следит он за тобой.

Когда Хосров послал, все зная про Ферхада,
Ширин свое письмо, исполненное яда,

Так было сумрачным угодно небесам,
Чтоб в Руме царствовать не стала Мариам.

Твердят: «Отравы злой ее убила сила.
Ведь это месть Ширин, что также яд вкусила».

Но истину блюдя, не слушай, что твердят:
Низвергнул Мариам лишь властной мысли яд.

Индусы, видел я, являли силу мысли —
Вмиг листья свежие, как мертвые, повисли.

И, одурманив люд, они порой Луну,
Как шар сияющий, бросали в вышину.

Лишь только Мариам прекрасная навеки
Замкнула сладкий рот и опустила веки,

Как, ощутив себя уж не в ее руках,
Всю вольность прежнюю вкушает шаханшах.

Когда сгорел престол, как дерево Марии,
Как пальма — шах расцвел, как «дерево Марии»,

Но всё же Мариам оказан был почет, —
И в сумрачном дворце день горестно течет.

И месяц шах провел в молитвенном обряде,
Не трогал тронных дел и в черном был наряде.

Лишь обо всем Ширин была извещена,
Почуяла меж роз и тернии она:

Ей было радостно свою оставить гневность,
Ведь чистоту души уничтожает ревность.

Но всё ж росли печаль и сокрушенье в ней:
Прозрела Судный день за сменой смертных дней.

В теченье месяца, чтоб быть душой с Хосровом,
Веселья под своим она не знала кровом.

А месяц миновал — и в душах нету ран,
И мир уже забыл свой горестный изъян.

И предалась Ширин уверенной надежде:
Пошлет ему письмо, и вспыхнет он, как прежде.

Все, все слова души в него метнет она,
Как в почву сеятель бросает семена.

ПОЕЗДКА ХОСРОВА К ЗАМКУ ШИРИН ПОД ПРЕДЛОГОМ ОХОТЫ

Лишь только свет воздвиг свой позлащенный стяг,
И мрак он разогнал, как скопище бродяг, —

Припомнил царь: на дичь так радостна охота!
И счастья попытать пришла ему охота.

В душе была Ширин, как свет былого дня,
И в степи весело направил он коня.

Вот най, вот барабан! Гремят его раскаты, —
И закружился мир, веселием объятый.

Знаменоносцев ряд вздымает шелк знамен.
Кто смел, спешит к царю — ловитвою прельщен.

Царь блещет на коне. Как должно по обрядам,
Венчанный строй владык идет с Шебдизом рядом.

Шел слева Ниатус. Как он, забыв свой сан,
С рукою у седла шел справа богдыхан.

Пылает лик царя. Душа Хосрова рада,
И набекрень надел венец он Кей-Кубада.

И солнце молвило: «К ноге его прильну!»
А конь кольцо рабынь повесил на луну.

Как будто над луной зыбучей тучей вся,
Над головой царя струился стяг Кавея.

Все в золоте мечи вокруг царя горят,
Как будто вокруг царя оград замкнулся ряд.

Сквозь них протиснуться — напрасная отвага.
Никто сквозь этот строй не мог бы сделать шага.

И копыта зыблются, и острая трава
Изогнутых клинков спугнуть могла бы льва.

И, растянув свой рот сверкающий, секира
Кричала небу: «Прочь! Идет владыка мира!»

Зонт золотой над ним и сокол на зонте,
И тень черна, и царь в отрадной темноте.

Копыта по камням бьют с мощностью такою,
Что исправляют путь, — бьют будто бы киркою.

И груз железных сил надменно землю гнет,
И воздух чувствует от их движенья гнет.

Конюших толпище обводит выезд кругом.
Им не найдешь числа, как и придворным слугам.

Ведя со спин слонов свой буйный разговор,
Гром барабанный рвет предел окрестных гор.

Звон колокольчиков — жемчужин звонких зерна...
Сквозных курильниц блеск, украшенных узорно.

Вот водоносов строй: их всех сто пятьдесят,
Все розовой водой дорогу оросят.

Сто пятьдесят юнцов с кадилами проворно
В огонь душистые подбрасывают зерна,

И сотни с золотом надели кушаки,
Чтоб золото метать им было бы с руки,

Чтоб всюду на пути увенчанного Солнца
На землю падало сверкание червонца,

Чтоб каждый пешеход, взглянув невольно вниз,
Увидел: проезжал сверкающий Парвиз.

Лишь выступил Хосров на радостную сечу —
Непостижимый рок пошел к нему навстречу.

В смятенье счетчики: войскам, взметнувшим прах,
Нет счета. Так куда ж стремится шаханшах?

И молвил сей огонь, сей царь, подобный чуду:
«В степях, стреляя дичь, дней несколько пробуду».

Соколий барабан свой поднял зов, и вот
Стремительный ловец взвивает свой полет.

И сокол носится, на злую ловлю падкий,
И гибнут голуби, и гибнут куропатки.

Неделю целую все соколы несут
Приказов тяготу; идет над ними суд.

И царь охотится, стрелков с весельем клича, —
Но лучшая царю мерещится добыча.

«К стоянкам новым! В путь!» — приказ всем ловчим
дан,

И неустанно царь передвигает стан.

Он тайным умыслом, безмолвно, понемногу,
Сворачивал коня, к Ширин сыскав дорогу.

До замка был фарсанг, и слез Хосров с седла, —
Ведь чаша благодати поблизости была.

Ночь на вселенную склонилась черной челкой.
Была зима, и ветер струился стужей колкой.

И на огне, что скрыл в подземные края
Свой жар, ковались рек стальные лезвия.

Хоть в теплом поясе лежит твой край, нó всё же
Со стужей не шути — иль скорчишься ты в дрожи.

И вот алоэ жгут, и холоду взамен
Мгла дышит амброю. За меном тает мен.

Алоэ веяло, но тою же порою
Весь воздух наполнился серебристой камфарою.

И тело мощное усталого царя
Покоя жаждало; уснул он, и заря

Приподняла рубин из мглы подземной пасти,
И ночь, увидев день, изнемогла от страсти.

И с ложа царь вскочил, и снова, как вчера,
Веселью предался он с самого утра.

Вновь виночерпию протянута им чаша.
Им всё исчерпано, чем жизнь отрадна наша.

Когда же в мозг его вошла хмельная муть,
Вошло желание в пылающую грудь.

И вспрыгнул он в седло в своем порыве яром;
Помчался он к Ширин, пылая пьяным жаром.

В нем пламя вспыхнуло и пляшет, по полям
Летит. За ним гулям, а вслед — еще гулям.

Кричат Ширин: «Хосров! Он без вельмож и даже
С ним мало слуг!» Ширин в испуге внемлет страже.

И, непорочная, страшась позора, шлет
Упрек любимому за дерзостный налет.

Ворота запереть она велит; пред ними
Поставить сторожей с подносами большими,

И с них червонцев груз, сверкающий огнем,
Велит она метнуть пред царственным конем.

Она велит — и вот для отдыха Парвиза
На площади ковры растянуты, как риза.

Велит — и вдоль пути сокровищ бахрома,
И, как алоэ жар, горит она сама.

На кровлю поднялась — о, путь Луны к высотам!
Склонен к дорогам взор, а чуткий слух — к воротам.

И вот не утро ль там прожгло летучий прах,
Иль средь ограды сад в сверкающих цветах?

И светоч, видя свет горящим в отдаленье,
Свой палец маленький кусает в удивленье.

Был белый тополь взят, чтоб выдолбить седло, —
И тополь царственный горел на нем светло.

Вся перевязь на нем алмазами пылала,
И набекрень венец был пламеннее лала.

Лик — роза юная. Вокруг румяных щек
Смесь амбры с мускусом — чернеющий пушок.

Нарциссы он держал, нет их томнее, кроме
Нарциссов глаз его, полусмеженных в дреме.

О, розы шахских щек! Их зной рососою пьян.
Под розами плясал оседланный фазан.

Гулямы вокруг царя — их кони также в пляске, —
В их пальцах поднятых цветов душистых связки.

Глядит Ширин: Хосров неистов от вина.
Шатается и чувств лишается она.

Очнувшись, поднялась движением усталым
И в затруднении стоит она немало.

«Смирить свой гнев? Но нет! Уж чувствую: навис
На мне позор и срам, — я стану словно Вис.

Прогнать его? Но нет! Ворвется в сердце мука,
И эта новая убьет меня разлука.

Так что же делать мне?.. Так вот что! Ото всех
Попытку сделаю укрыть свой тяжкий грех».

Подъехал царь — и рать, готовая заране,
Метнула золото и распластала ткани.

О мир! Везут плоды не сеявшим зерно!
О колесо времен! Как вертится оно!

И царь пустил коня по шелковым настилам,
И к замку прискакал — к пределам, сердцу милым.

И вспыхнул в гневе он у замкнутых ворот, —
И сердце в горестный летит водоворот.

Царю вернуться вспять, — к сему найти ли повод?
Разбить ворота? Нет! Он сжал ременный повод.

И стража подозвал: «Скажи-ка, почему
Не впущен в замок я? Никак я не пойму!

Иль горек я, скажи, для Сладостной? Иль что-то
Подобное? За что я брошен за ворота?

Ступай к ней и скажи, что от ее раба
Привет ты ей несешь. Вот вся моя мольба.

Скажи ей, что Хосров прельстительной покорен.
Уйти? Иль будет путь открыт и благотворен?

Спроси: коль вечно соль имеет на устах,
Зачем передо мной запоры на вратах?

Пусти меня, я царь, и к твоему порогу,
Моля простить меня, пустился я в дорогу.

Ты ведаешь сама, что никакой вины
Не знаю за тобой. Мы встретиться должны.

Ко мне ты снизойди, молю тебя стократно.
Не повидав тебя, не тронусь я обратно.

Когда б желала ты, чтоб я не медлил, — ты,
Не медля, о Ширин, сошла бы с высоты».

Так шаханшах молил. Смущен он был немало,
А Сладкоустая вздыхала и внимала.

И вот наперснице промолвила Луна:
«Вот поручение. Всё выполни сполна.

Снеси вот этот шелк наружу. Шестисводный
Шатер там возведи узорный и свободный.

Сор вымети внутри. Для царственной души
Шатер ты мускусом, шафраном надуши.

И надо, расстелив ковер золототканый,
В передний угол трон поставить шестигранный.

Затем полу шатра ты вздерни до основ
Тугого купола и молви: «Царь Хосров,

Здесь тюрка нет, и речь ты выслушать готов ли
Индийского раба с дворцовой этой кровли?

Ширин — индийский раб. Она тебе верна,
И вот, что молвила, любовью сожжена:

„Шах, если ты мой гость, — там оставайся, где бы
Я ни назначила, и большего не требуй.

Сегодня здесь, в шатре, свою отбросив спесь,
Из осторожности пробудешь. Только здесь.

Я ж подымусь, о шах, к дворца высоким кровам,
А там склонюсь во прах пред царственным
Хосровом.

Одно лишь должное промолвлю. Лишь одно.
Сказав, я сделаю, что сделать суждено“».

И вот, пройдя врата и с утварью и с шелком,
Служанка умная всё выполнила с толком.

И, в полный золота разубранный шатер
Введя царя, ушла, свой потупляя взор.

Лицо Ширин горит. Полна она смущенья:
Как приготовить ей получше угощенья?

Рассыпав золото, такому дару вслед
Составить следует живительный шербет.

И вот пленительный напиток составитель
Несет шербет к царю в невольную обитель,

Ширин, чету серег подвесивши к луне,
В тень солнце облекла, но всё ж она в огне!

Укрылась в рдяный шелк, горящий, как гранаты,
Легли арканы кос на плеч прекрасных скаты.

За каждое кольцо кудрей твоих, кумир,
Носить кольцо раба хотел бы целый мир.

Сверкнула перевязь, ее золотые грани
Легли на рдяные струящиеся ткани.

· Указ китайских жен свершила: надо в сеть
Жемчужин блещущих чело свое одеть.

И словно молвила: «Я черною чадрую,
Что дышит амброю, луну свою прикрою».

И Феникс этот стал не Феникс, а павлин.
И, как фазан, взвилась нарядная Ширин.

В веселой гордости, блестя своим нарядом,
Увидевши мольбу, маня призывным взглядом,

Игривая Ширин, паря, как в облаках,
И будто бы раба, облобызавши прах, —

Рубины из серег, взор устремляя книзу,
Кидает для подков заржавшему Шебдизу

И мечет жемчуга, что выше всех даров,
Их градом радужным осыпан был Хосров.

СВИДАНИЕ ХОСРОВА С ШИРИН

Узрев Луну, что свет простерла по округам,
Для тополя сего он сердце сделал лугом.

Увидел гурию, что здесь, в земном краю,
Ворота заперла, как гурия в раю.

Увидев светлый ум, готовый к обороне,
Чуть не повергся в прах сверкающий на троне.

И с трона он вскочил, чтоб вмиг облобызать
Пред ней свои персты, — и сел на трон опять.

С мольбой о милости он к ней приподнял длани;
Он осыпал ее сладостями пожеланий:

«Как тополь, ты стройна, юна и хороша.
Да будет радостна всегда твоя душа!

Твое лицо — заря; с ним блещет вся природа.
Ты — стройный кипарис, опора небосвода.

От свежести твоей во мне весенний свет.
Поработил меня учтивый твой привет.

Ты ткани и ковры постлала по дорогам,
И мчался я к тебе, как будто бы чертогом.

Ушких подковок лал, исполненный огня,
Дала ты для подков мне верного коня.

За ценным даром вновь я одарен был даром;
От жарких яхонтов мой лик пылает жаром.

Ты — россыпь радостей! Как лучший дар, возник
Передо мной твой лик! Да светится твой лик!

Я — молоко, ты — мед. Твои усладны речи.
И выполнила ты обряд почетной встречи.

Но для чего врата замкнула на замок?
Ошиблась ты, иль здесь мне что-то невдомек?

Меня назначила ты в плен земле и водам —
Сама же в высоте явилась небосводом.

Но я не говорил, что, мол, вознесена
Хосрова мощь над той, что светит, как луна.

Нет, я ведь только гость. Гостей приезжих взоры
Не упираются в железные затворы.

Опасным пришлецом могу ли быть и я?
Ведь для меня лишь ты — источник бытия!

Приветливых гостей, приблизившихся к дому,
Высокородные встречают по-иному.

Ведь если смертен я, ты также не перй,
И с райских жительниц примера не бери».

ПЯТЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

Вновь Сладкая велит скитаться по местам,
Где зреют финики, благим своим устам.

С жемчужин приподняв два рдеющие лала,
Она жемчужины и лалы рассыпала.

И молвила она: «О юный царь, чей трон
Так блещет! Твой венец! Всех озаряет он!

Твой стоек царский стяг! Твои так стойки ноги.
Как длань твоя — твой меч, необоримый, строгий.

Одев твой мощный стан, горда твоя каба.
Пред властью рук твоих стрела судьбы слаба.

В друзьях будь счастлив ты, от горести далече, —
Горбатый свод небес твои поддержат плечи».

И следом, распалясь, вся пламенем полна,
«Гордец воинственный! — промолвила она. —

Ты шах, так уходи, тебе присуща слава.
А вся игра в любовь для шаха лишь забава.

Влюблен лишь тот, пред кем в обители земной
И небо и земля — в единственной, в одной.

Не упрекай меня влюбленностью Ферхада, —
Скитальца мертвого с печалью помнить надо.

Ферхад, чей жаркий дух и скорбен был и сир,
Лишь брат мой названный, наш посетивший мир.

Для глаз его была я лишь подобьем духа,
Лишь только голос мой его коснулся слуха.

Он Сладкой горечь знал. Но запах горьких трав
Он пил, как аромат, а не как дым отрав.

Я сладкому огню словес его внимала;
Подобных ты не знал, словес подобных мало.

Приятней мне шипы из розовых садов,
Чем пышный кипарис, не знающий плодов.

На ложе каменном я лучше бы лежала,
Чем видеть недруга, хоть с золотым кинжалом.

Дай медный мне браслет. Не нужен мне огонь,
Что, плавя серебро, сжигает мне ладонь.

Нам дорог тот огонь, что осветит жилище, —
Не тот, что обратит жилище в пепелище.

Но коль упреками осыплешь ты меня,
То обвинителю я стану неровня.

Порою поутру мы видим: о досада!
Порыв неожиданных бурь унес листок из сада.

Вот так унес меня порыв моей тоски,
А ты сбирайся в путь! Увязывай тюки!

Я вся в кольце огня; он вьется, вьется снова...
Ты видишь? Так беги! Страшись огня такого.

Что дивного: с небес несется камфара.
Вот и в моей душе холодная пора.

Глянь: облако весь мир осыпать хочет солью.
Ступай! Не сладостью являюсь я, а болью.

Летучей мыши, царь, отраден мрак ночной.
Будь соколом. Взлетай лишь только в час дневной.

Они давно ушли — те сказки, что ты ведал.
Они давно ушли — те ласки, что ты ведал.

Уж ни шаира ласк в душе царицы нет.
А вот с арабского: уж ни крупницы нет.

Не турок я, о царь! Я знаю речь араба.
А злозязычья речь да козней — знаю слабо.

Напал злословья мрак на дом, на кокон мой,
А ведь коварен, верь, лишь черный локон мой.

О царь! Твоей души бескрыла птица, ведай.
Твоей души заря не разгорится, ведай.

Со стражами веду иль с шаханшахом спор,
Твой дротик будто бы дейлемский их топор.

Так собирайся в путь! Под эту сень не вступишь,
Хоть молвил, что, любя, ты стал как тень, —
не вступишь.

О мощный! В жадности не следует коснеть.
Для пищи ты ищи питательную снесь.

Стяни потуже грудь, нет пользы в лживом стоне;
На рот свой наложи печать своей ладони.

Что соколы едят? Им лучшее дают,
А падаль мерзкую — стервятники клюют.

Немало я себе уже стяжала славы
За то, что мне милы сладчайшие забавы:

Одним печальных слез я в чашу лью струю.
Мне соименную, другим я сладость лью.

Да, я вода из роз, и я горька. Ну что же,
Ведь в розовой воде всегда есть горечь тоже.

Я крепче, чем набиз. Пригубишь — и беда! —
Я с ног тебя свалю на долгие года.

Коль создана Ширин для сладкого улова,
Пусть горстку горечи ее содержит слово.

Две сладости зараз? Не жди столь сладких дрем.
Ведь финик — с косточкой, орешек же — с ядром.

Я не сродни ежам, не наношу увечья,
И нежность спрятала в язвительную речь я.

Хурма в шипах. Горит в простой оправе лал.
Клад золотой не раз в развалинах пылал.

Пускай выносливость пойдет твоим вожатым.
Вращенный низостью, не станет сад богатым.

Что сокол без крыла? Не вьется, хоть убей.
И победит его ничтожный воробей.

Отбившийся верблюд! Он и за мышью ловкой
Пойдет безропотно, потянутый веревкой.

Сражаешься со львом и не желаешь пасть?
Так обнажай клыки, раскрой пошире пасть.

Собаки сцепятся, да вмиг оставят схватку,
Увидев блеск зубов и зная их повадку».

И поклялась она, взор поднимая свой,
Всезрящим разумом, душою огневой,

Предвечным куполом, высоким, бирюзовым,
Истоком пламени и солнцем, вечно новым,

Всей райской красотой, всей прелестью небес
И каждой буквою всех, всех земных словес,

Тем поклялась живым, кто будет жить вовеки,
И тем взирающим, кто не опустит веки,

Тем щедрым богачом, кто всю насытил тварь,
Все души возрастил и всем живущим — царь:

«Всевластный шах! Сдержу я слово обещанья:
Я для тебя ничто — до нашего венчанья!»

И отвратила лик, исполненный огня,
Уже добытый клад рукою отстраня.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОСРОВА ОТ ЗАМКА ШИРИН

Уж солнце, как газель хотанскую, уводит
Веревка мрака в ночь — и вот на небосводе

Газелей маленьких за рядом вьется ряд, —
То звезды на лугу полуночном горят.

Царь, что газель, в чью грудь стрела вошла глубоко,
Внял яростным словам Ширин газелеокой.

И хлопья снежные помчались в мрак ночной,
И капельки дождя мелькали, как весной.

От горести гора слезливой стала глиной.
И сердце ежилось, бредя ночной долиной.

Снег, словно серебро, пронзал окрестный мрак;
И на Шебдиза пал серебряный чепрак.

Звучал упреками Хосрова громкий голос,
Черноволосую не тронув ни на волос!

Как долго он молил, как жарко! Для чего?
Сто слов — да не годны! Все! Все до одного!

Молил он и вздыхал — был словно пьян — всё глубже.
Вонзались стрелы в грудь — о, сколько ран! —
всё глубже,

И вот еще текла в своем ненастье ночь,
А царь, нахмурившись, от врат поехал прочь.

То он к Шебдизу ник, то, будто от недуга
Очнувшись, всё хлестал и торопил он друга.

Он оборачивал лицо свое к Ширин,
Но ехал, ехал прочь. Он был один! Один!

И ночи больше нет — ее распалась риза,
Но нет и сильных рук, чтоб направлять Шебдиза.

Царь воздыханья вез, как путевой припас;
Он гроздья жемчуга на розы лил из глаз.

«Когда бы встретил я, — так восклицал он в горе, —
Колодезь путевой, иль встретил бы я взгорье,

Я спешил бы здесь, и я б не горевал,
Навеки близ Ширин раскинувши привал».

То вскинет руки царь, то у него нет мочи
Не плакать, — и платком он прикрывает очи.

И вот военный стан. Царем придержан конь,
А сердце у царя как выющийся огонь.

Серебряный цветок освободили тучи,
И месяц заблестал над этой мглой летучей.

И царь вознес шатер до блещущих небес,
Для входа подвязав края его завес.

Но не прельщался царь всей прелестью вселенной,
Он сердце рвал свое, как рвет одежды пленный.

Он, позабыв покой, сжав пальцами виски,
Не поднимал чела с колен своей тоски,

Придворным, и ловцам, и стражам, и дастурам
Царь повелел уйти; остался он с Шапуром.

Как живопись творя, стлал пред царем Шапур
Узоры, говоря: «Не будь, владыка, хмур».

На пламень горести он лил благую влагу.
Смеяться в горький час имел Шапур отвагу.

«Тебя от горечи хочу я уберечь,
Поверь, нежна Ширин. Ее притворна речь.

Столь омрачившимся останешься доколе?
Ты рвешься к финикам, так знай — и пальма колет».

Хосров — он не сводил с Шапура жадных глаз —
Обильным жалобам открыл потайный лаз:

«Ведь видел ты, с какой пришла ко мне отравой
Та, что весь мир смутит улыбкою лукавой?

И бог не страшен ей! Смела, дерзка она!
Ну что же, женщина — так значит нескромна.

Я шапку снял пред ней и бросил пред собою.
Как стройный кипарис, я встал пред ней с мольбою.

Но оттолкнула трон с порфирию она,
Ствол царственный снесла секирою она.

В мороз ее душа не сделалась горячей.
Ее безжалостность увидел каждый зрячий.

И речь ее была — секира и стрела.
В словах почтительных так много было зла.

Есть тернии в любви, но в этот час вечерний
Без меры я познал уколы этих терний.

Но и в моей груди ведь тоже сердце есть.
И злоба тоже ведь у страстотерпца есть.

Пусть как Харут она, слетавший с небосклона,
Пусть в родинке ее все чары Вавилона,

Но так был холоден ее зимы налет,
Что для меня Ширин уж не Ширин, а лед.

Но от моей любви, терпевшей поношенья,
Мне ведом — о Шапур! — источник утешенья.

Ребенка скверный нрав известен мамке. Нет
Соседа, чтоб не знал, каков его сосед.

Ширин — мой тайный враг! Мрак под личиной
света.

Таится ненависть под нежностью привета.

Как жаден был мой пыл, как был напрасен он!
И вот, отверженный, рассудка я лишен.

Не слушала она; крутилась непогода;
И речь моя текла как будто больше года.

Мне в тьме полуночной свечи не принесла.
Бальзама мне от ран в ночи не принесла.

Хоть встретить Сладкую для каждого отрада,
Хоть сладостна Ширин, — мне новых встреч не
надо!

Ведь встреча всех обид мне не искупит, нет!
Ведь с горьким вкусом хлеб никто не купит, нет!

Быть под ногой слона, быть мертвым на кладбище
Отрадней, чем просить у злого скраги пищи.

Быть лучше под водой, быть рыбой, чем свои
Моления нести в пристанище змеи.

Отрадней землю рыть. Да! Лишь не довелось бы
В дом недостойного свои направить просьбы!

Жемчужин чистых блеск не в чистых ли морях?
Кто роет черный прах — найдет лишь черный прах.

Покинь пустую копь! Иль, чтоб душа угасла,
Мне быть светильником, в котором нету масла?!

Жизнь стоит ли вручать той прихотливой, той
Лукавой, для кого она лишь звук пустой?

Клянусь, еще таит подлунная долина
С павлином равную подругу для павлина».

ШИРИН СОЖАЛЕЕТ ОБ ОТЪЕЗДЕ ХОСРОВА

Тот, ветхий днями, муж, что положил начало
Рассказа, продолжал. И вот, что зазвучало:

Жестокосердая, прогнавшая царя,
Себя бьет камнем в грудь, раскаяньем горя.

Она корит себя, и что ни слово — слезы.
И снова всё текут, текут всё снова слезы.

Как птица сбитая, металась и не раз
На землю падала, закрыв нарциссы глаз.

Клеймя свой гордый дух, рыдала, в то же время
Бия ладонями и грудь свою и темя.

И вздохами ее был воздух обожжен.
Земля столь горьких слез не видела у жен.

Нет силы, чтоб сдержатъ порывы горькой страсти,
Чтоб сердце усмирить, нет во вселенной власти.

Когда ж душа ее вконец изнемогла,
Стыда тяжелого ее объяла мгла.

И вот подпружен конь — Гульгун ее прекрасный.
Душа ее в крови, и конь кроваво-красный.

На рыжеогненном и взвихренном коне
Она — как блеск воды на трепетном огне.

Тропа узка, как бровь; как у прекрасной косы,
И небеса черны, и горные откосы.

И на крутой тропе, стегая жеребца,
На помощь в этой тьме звала она творца.

Но глушь и трудный путь Гульгуну — не препона,
И он помчал Ширин быстрее небосклона.

Одеждою слуги свою стянувши грудь,
Она Шебдизу вслед направила свой путь.

И вот сквозь гулкий гром, сквозь громозвучный топот
Порой был слышен плач, порой был слышен ропот,

И взор вперяла в тьму Луна прекрасных лун...
К шатрам охотничьим примчал ее Гульгун.

Военачальники уснули. Тишь, и даже
У царского шатра нет переклички стражи.

Все, словно опиум, вливая лунный свет,
В курильне ночи спят. Нигде движенья нет.

И смущена Ширин: к царевому порогу
Она приблизилась, да в ком найдет помощь?

Но из-за полога Хосровова шатра
Шапур глядит,— что там? Не света ли игра?

Лишь миг тому назад, охваченный истомой
Сиянья лунного, царь был окован дремой.

И, слугам не сказав, туда, где встал Гульгун,
Шапур идет взглянуть, кого примчал скакун.

Он молвил всаднику: «Как призрак, ты прекрасен,
Но если ты не тень, то твой приезд опасен:

Тут и с напавших львов кичливость мы собьем,
Заползшая змея тут станет муравьем».

Но отступил Шапур пред этим нежным дивом,
Смущен его лицом и действием учтивым:

Ширин художника узнала; отняла
Сапожки от стремян и спрыгнула с седла.

Лик разглядел Шапур; длань поднял он к кулаку
И вскинул ввысь кулах, а лбом склонился к праху.

И молвил он: «Луна! Всем страждущим глазам
Прах из-под ног твоих — целительный бальзам».

Ответила Ширин словам его достойным
Со взглядом ласковым, для женщины пристойным.

И за руку она взяла его, и он
Услышал всё и был не очень удивлен.

Услышал он о том, что слезные потоки
Стыда, раскаянья ей обжигают щеки,

Что речь ее с царем была дерзка и зла,
Что недостойные слова произнесла,

Что лишь умчался царь — укоры зазвучали
В ее душе и дух попал в силок печали.

И говорит она: «Меня обьяла тьма,
И не внимала я велениям ума.

Решилась я на всё: рок становился хмурым.
Ведь свойственен в беде прыжок тигриный гурам.

И провидением небесным ты сочти,
Что я разбойников не встретила в пути.

Но так как был огонь стремления безмерен,
То путь мой — путь прямой, он правилен, он верен.

Мое доверие ты принял, и оно
Твердит: «Грядущее тебе же вручено».

Две просьбы у меня. Тебе исполнить надо
Их обе, чтоб ко мне опять пришла отрада.

Вот первая, Шапур: когда придет Хосров
На пиршество, под крик: «Да будешь ты здоров!», —

Ты усади меня в укромный угол. Тайна
Да сохраняется! Не выдай и случайно!

Веселый нрав его, подобную лучу
Всю красоту его увидеть я хочу.

Вторая: если царь глазами уж не злыми
Мой встретит взор, то пусть он скажет о калыме.

Коль хочешь, о Шапур, исполнить всё точь-в-точь, —
Всё подготовь, Шапур, покуда длится ночь.

Не хочешь — на коня я снова сяду; снова
В свой замок возвращусь, не повидав Хосрова».

Две просьбы услышав, Шапур отверз уста
И клятвы ей дает; их было больше ста.

Гульгуна в стойло ввел он, будто бы Шебдиза.
В шатер он ввел Ширин, как будто бы Парвиза.

Два царственных шатра имел Хосров; они
Мерцали в жемчугах, как звездные огни.

Ближайший — для пиров, а полускрытый, дальний
Служил для отдыха. Он был опочивальней.

Повел Шапур пері воздушную. Вдвоем
Они вошли в шатер, назначенный для дрем.

И прочь пошел Шапур, ей указав на ложе,
И полог опустил, с небесной ризой схожий.

Царя как бы меж роз уснувшим обрета,
Шапур был радостен, как утро, как дитя.

Вкруг «сада роз» кружась и не стремясь к покою,
Он оправлял свечу заботливой рукою.

СВАДЬБА ХОСРОВА И ШИРИН

Всем розам небеса сперва сказав: «Пробудим
Вас в день весны», — потом их предлагают людям.

Великий рок, венцу жемчужины дая,
Венец в жемчужинах наденет на царя.

Пловцы ныряют вглубь на поиски жемчужин,
Чтоб стал жемчужин блеск с венцом царевым
дружен,

Став слаще, чем джуляб, прекрасней, чем пері,
Ширин, позвав царя, промолвила: «Бери,

Пей сладкий кубок мой, пребудь в истоме сладкой.
Ты сладостно забудь всё в мире, кроме Сладкой».

В словах, являющих величие и честь,
Ширин потайную царю послала весть:

«Не прикасайся ты сегодня ночью к чаше:
Два опьянения не входят в сердце наше.

Что яство для людей, чей ум затмит вино?
Поймет ли — солоно ль, не солоно ль оно.

Хмельной, найдя всё то, к чему стремился страстно,
Промолвит: «Я был пьян, всё бывшее — неясно».

И те, что во хмелю откроют свой замок,
Потом бранят воров, и всё им невдомек».

По нраву эта весть пришлась владыке мира.
«Исполню, — молвил он, — веления кумира».

Но пьют в веселый день!.. Будь сломлена печать!
Себя на празднике не надо огорчать!

Пел снова Некисá, бренчал бербет Барбеда, —
Звенела над Зухре их нежная победа.

То, полный сладости, пел мелодичный руд:
«Пусть длятся радости, пусть чаши всё берут!»

То кубок прозвенит, сверкая пред Барбедом:
«Всегда удачи свет тебе да будет ведом!»

И в сладостных мечтах о сладостной Ширин
Хосров испробовал немало терпких вин.

И промежутки царь всё делает короче
Меж кубками. И вот проходит четверть ночи.

Когда же должен был, почтителен и тих,
К невесте царственной проследовать жених, —

Его, лежащего без памяти и речи,
К ней понесли рабы, подняв к себе на плечи.

И вот глядит Ширин: безвольный, допьяна
Царь упоен вином. Себя укрыв, она

Тому, кто, всё забыв, лежит как бы сраженный,
Другую милую отдаст сегодня в жены.

Она схитрила, что ж, — ты так же поступай
С тем, кто придет к тебе, упившись через край.

Из рода матери всегда жила при Сладкой
Старуха. Словно волк была она повадкой.

И с чем ее сравнить? О, диво! О, краса!
Скажу: как старая была она лиса,

Две груди старая, как бурдюки, носила.
От плеч ушла краса, колен исчезла сила.

Как лук изогнутый, была искривлена,
С шагренью схожая, шершавая спина.

Ханзол, несущий смерть! Кто глянул бы не косо
На щеки, — в волосах два колющих кокоса.

Ширин, надев наряд на это существо,
Послала дряхлую к Парвизу для того,

Чтоб знать, насколько царь повержен в хмель могучий
И сможет ли луну он отличить от тучи.

Старуха полога раздвинула края, —
Как будто из норы к царю вползла змея.

Как сумрак хмурая — таких не встретишь часто, —
Была беззубая, но всё ж была зубаста.

Царю, когда к нему вошла сия лиса,
Уже овчинкою казались небеса:

Но всё ж он мог понять, — он на усладу падкий:
Не так весенние ступают куропатки.

Не феникс близится — ворону видит он.
Влез в паланкин Луны чудовищный дракон.

«В безумстве я иль сплю? — он прошептал со
стоном. —

Где ж поклоняются вот таким драконам?

Вот кислотица! Горбунья! Что за статья!
Да как же горькая сумела Сладкой стать?»

Хосрова голова пошла как будто кругом.
Решил он: сей карге он сделался супругом.

...Старушки слышен крик... Промолвила Луна:
«Спасти ее!» И вот — к царю идет она.

К лицу прибавив семь искусных украшений,
Откинув семь завес, вошла; плавней движений

Не видел мир. Пред ней — ничто и табарзад.
Вся сладость перед ней свой потупляет взгляд.

Она — что кипарис, сладчайший из созданий.
Она — сама луна, закутанная в ткани.

Что солнце перед ней, хотя она луна!
Ста драгоценней стран подобная весна!

Подобной красоты мир не смущали чары.
Все розы в ней одной, в ней сладости — харвары.

Она — цветы весны. О них промолвишь ты:
Одним счастливым, знать, подобные цветы!

Блестящий Муштари пред ней померкнет. Пава
Пред плавною Ширин совсем не величава.

Ее уста — любовь. О, как их пурпур густ!
Но всё ж ее уста еще не знали уст.

Весь Туркестан попал в силок ее дурмана.
Лобзания Ширин ценнее Хузистана.

О розы свежих щек! Состав из роз, взгляни,
Заплакал от стыда; его печальны дни.

Ты, томный взор, нанес сердцам несчетным раны!
О поволока глаз! Ты грабишь караваны!

Ширин! Ведь ты — вино: уносишь ты печаль.
Нет горя там, где ты. Оно уходит вдаль.

О сахар сахара, о роза роз! О боже!
Она явилась в мир — сама с собою схожей.

И царь протер глаза: они ослеплены.
Так бесноватых жжет сияние луны.

И, как безумцы все, смущен он был Луною
И хмель сонного затянут глубиною.

...И пробудился царь. Ночи свершился ход.
Царь видит пред собой наисладчайший плод.

Невесту светлую ему послало небо, —
Пылающий очаг, назначенный для хлеба.

Ушел набиза хмель за тридевять земель.
Сладчайший поцелуй согнал с Парвиза хмель.

Он словно вин испил необычайных, новых.
И сад расцветных роз был сжат в руках царевых.

Лишь покрывало с уст, как эта ночь, ушло,
Терпение царя мгновенно прочь ушло.

Краса весь разум наш вмиг обратит в останки.
Мани своим вином отравят **китайки**.

Ворвался в Хузистан в неистовстве ходжа,
Лобзаний табарзад похитил он, дрожа.

Таких расцветных вин, как эти, — не бывало;
Таких блаженных зорь на свете не бывало!

И начал он собирать охапки сладких роз,
И сам он розой стал в часы веселых гроз.

И молвил он любви, что миг пришел, что надо
Уже вкушать плоды раскрывшегося сада.

То яблоч, то гранат он брал себе к вину,
То говорил, смеясь: «К жасмину я прильну».

И вот уже слились два розовые стана.
И две души слились, как розы гюлистана.

Сок розы в чашу пал, о радости моля,
И сахар таял **весь в плеску у миндаля**.

Так сутки протекли, и вот вторые сутки.
Нарцисс с фиалкой спит, и сладок сон их чуткий.

Так два павлина спят в тиши ночных долин...
Поистине красив склонившийся павлин!

Они, покинув сон, прогнав ночные тени,
Послали небесам немало восхвалений.

И, тело жаркое очистивши водой,
Молитвы должны свершили чередой.

Все близкие к тому, кто был на царском троне,
Окраской свадебной окрасили ладони:

В хне руки Сементурк, в хне руки Хумаюн,
В хне руки Хумейлы, и лик их счастья — юн.

Однажды царь сидел в своем покое, взглядом
Окидывая дев, с ним восседавших рядом.

Им драгоценности он роздал. Запылал
В их ожерелиях за лалом рдяный лал.

Он отдал Хумаюн Шапуру, — сладким садом
Его он наградил, сладчайшим табарзадом.

Затем дал Хумейлу царь Некисе, а вслед
Красотку Сементурк в дар получил Барбед.

Ну а Хотан-Хотун премудрую и видом
Прелестную Хосров связал с Бузург-Умидом.

С почетом отдал царь Шапуру всю страну,
В которой некогда цвела Михин-Бану.

Когда вступил Шапур в предел своих владений,
В них множество воздвиг прославленных строений.

Та крепость в Дизакне, чья слава немала,
Шапуром, говорят, построена была.

И одаряет вновь всей радостью Хосрова
Благожелательство небесного покрова.

Свершенья, молодость и царство — лучших уз
Вовек не видел мир, чем их тройной союз.

И дня без лютни нет, и ночи нет без кубка...
Всё в мирных днях забыть — нет правильной
поступка.

Лишь радости вкушай, в них так приятен вкус, —
И огорчений злых забудешь ты укус.

Он пил, дарил миры, он радовал народы.
И в наслаждениях текли за годом годы.

Когда ж прошли года и духом он прозрел,
То устыдился он всех дерзновенных дел.

И белый волос встал у щек нежданым стражем;
«О молодость, прощай!» — его увидев, скажем.

Быть в мире иль не быть? Граница — волосок.
И волосок — седой. И час твой — недалек.

Для взора смертного всё чернотой одето —
Лишь только до зари, до вспыхнувшего света.

Мы греемся в саду, пока снежинок рой
Не ляжет на листву серебристой камфарой.

Постигни молодость! Она — пыланье страсти.
Весь мир, вкушая страсть, в ее всеильной власти.

Но седовласый рок возьмет права, и он
Твою изгонит страсть. Таков его закон.

«Как быть? — у старика спросил красавчик
с жаром. —
Ведь милая сбежит, когда я буду старым».

И отвечал старик, уже вкушавший тишь:
«Друг, в старости ты сам от милой убежишь».

Коль ртуть на голове — она бежит от мира,
Бежит от серебра напрасного кумира.

От мрака локонов печаль умчится вдаль.
Черноволосях взор — пугает он печаль.

Войска тоски бегут перед тобой, нубиец.
Ведь, только радуясь, живет любой нубиец.

Окраска черная глазам на пользу: рьян
И радостен, юнец стремится в Индостан.

Всё понял царь, и внял он белому жасмину.
Он в юных днях — как я — постиг свою кончину.

Хотя Хосров сдержал любой бы свой обет,
Но мир обманывал, и царь страшился бед.

То на золотой доске он в нард играл, то бегом
Шебдиза тешился, былым отдавшись негам.

То он Барбеда звал, то слушал водомет,
То обнимал Ширин, как бы вкушая мед.

Ширин и царский трон, Барбед и бег Шебдиза —
Излюбленный предел всех радостей Парвиза.

И вспомнил он, смутясь, всё предвещавший сон,
И сад его души был мраком полонен,

Всё то, что создали, он знал, земля и воды,
Хоть так прекрасно всё, — сотрут, разрушат годы.

До полнолуния растут лучи луны,
Потом — уменьшатся, потом — уж не видны.

Я дереву в саду, в саду плодовом внемлю:
«Созревшие плоды — повергну я на землю».

НАСТАВЛЕНИЯ ШИРИН ХОСРОВУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗНАНИИ

Был светлый день; Ширин про мудрость, про дела
Правления с царем беседу повела:

«О царь! Есть мудрецы, по их направься следу!
О справедливости давай вести беседу.

Стремился долго ты мечты осуществлять,
Ты чаянья свои осуществишь опять.

Ты милостиво дал цвести твоим пределам,
Но их не погуби несправедливым делом.

Страшись! Отшельники молитвословный жар
Вздывают с просьбою о ниспослание кар.

И старой женщины молитва на рассвете
Тебя за зло твое в тугие схватит сети.

Без пользы закричишь, горé глаза воздев,
Когда тебя сметет их справедливый гнев.

Был древле ряд зеркал в руках владык
Зеркал, затмившихся от вздохов угнетенных —
внесенных —

Когда счастливым дням с тобой не по пути,
Удачу не во всем сумеешь ты найти.

Когда листок древес уже свисает хилый,
В нем с ветром осени бороться нету силы.

Насилий не чини, не угнетай свой край
И подданных своих приветливо ласкай.

Я в страхе: может быть, то повторится снова,
Что некий царь сказал. Его я помню слово:

«Я счастьем был храним, — оно ушло, и вот
Оковы разомкнул озлобленный народ».

Он думал, что народ был обделен вселенной.
Он думал, что владел один лишь он вселенной.

Чванливо чтя себя и мня, что всё течет
Лишь только для него, — утратил он почет.

Другой счастливец встал — и царь, всем несший муку,
С напрасною мольбой протягивает руку,

А если б не язвил он сотней жал народ,
Его бы одного всегда желал народ.

Ты знаньем овладел и царством целым тоже,
Ты с черным волосом, но ведь и с белым тоже.

Будь к вечности готов, дни хрупки и легки. . .
Недолго твой привал — увязывай тюки.

Ты золото с серебром сольешь в единый слиток,
Но Судный день сотрет сокровищ преизбыток.

Храни тебя господь, но всё же посмотри,
Что унесли с собой ушедшие цари?

Когда хранишь свой скарб, то он твой враг и мститель;
Раздашь его — и он твоих путей хранитель.

Ты летопись прочти: где Дарий, где Джемшид?
Всех солнечный огонь посменно сокрушит!

Напевов девяти внимая всем уладам,
Ты умудряй свой дух их сокровенным ладом».

ОПИСАНИЕ ШИРУЙЕ И КОНЦА ЦАРСТВОВАНИЯ ХОСРОВА

Хосров премудрости достигнул высоты,
И наглухо забил он лавку суеты.

Был у Хосрова сын от Мариам. С пеленок,
Дыша, он дурно пах. Казалось — это львенок.

Он звался Шируйе. Знал я, и ведал свет,
Что он, когда ему лишь девять было лет,

Промолвил про Ширин во дни отцовской свадьбы:
«Ширин под пару мне! Вот мне кого поймать бы!»

О вере ли его поведать, о любви,
Про знание иль про злость, горящую в крови?

Весь наполнял дворец он мрачным, дымным смрадом,
И на него Хосров взирал суровым взглядом.

И так сказал Хосров: «Мудрец Бузург-Умид!
От сына этого душа моя скорбит.

Он отвратителен, а в некие минуты
И страшен. От него в грядущем жду я смуты.

Злокознен он, как волк, что рыщет, что не сыт;
Он и для матери опасности таит.

Хорошего не ждать от тех, кто полон скверны.
Всё в пепел обратит огонь такой неверный.

Кого бы речью он сумел к себе привлечь?
Ему лишь самому его приятна речь.

Нет фарра, сана в нем. В нем только смрад пожара.
Он на фарсанг бежит от сана и от фарра.

Он дым, всклубившийся из моего огня.
И, мною порожден, бежит он от меня.

Я голову в венце вознес над целым светом,
Но, коль наследник он, — какая польза в этом?

Не любит он Ширин, сестер не любит он.
И, глядя на меня, он злобой омрачен.

Что красота ему! Он — что осел: закрыто
Ослу прекрасное. Ему милей корыто.

Змееныш мной рожден, так, стало быть, и я
(Наверно думает мой «славный» сын) — змея.

Чтоб сделаться плодом, цветок возник не каждый.
И сладость сахара сокрыл тростник не каждый.

В былом отцеубийц немало я найду.
Железо — из руды и всё же бьет руду.

И множество чужих, с врожденным чувством чести,
Нам ближе, чем родня, исполненная лести».

«О прозорливый шах! — сказал Бузург-Умид. —
Твой ум — познать и свет и тьму себя стремится.

Пушкой твоя душа в нем злое примечала,
Но сущности твоей в нем кроются начала.

Ты с сыном не враждуй, на нем твоя печать.
От кровной связи кровь не надо отлучать.

Никто не станет, шах, бить деревцо граната, —
В венце своих плодов горит оно богато.

А тута деревцо и треплют и трясут, —
Ведь головою вниз детей повесил тут.

Ты благ — и сын твой благ. Ведь слепок самый
точный:
Сажаемый чеснок — и взросший плод чесночный.

Когда кроют парчу, владыка, то к чему
Обрезки отвергать? — Берут их на кайму.

Пушкой строптив твой сын, забудь свои невзгоды.
Строптивость не страшна, — ее смиряют годы.

Он юн. Но буйных дней промчится череда, —
От буйства в старости не станет и следа.

**ХОСРОВ УЕДИНЯЕТСЯ В ХРАМ ОГНЯ.
ШИРУЙЕ ЗАКЛЮЧАЕТ ЕГО В ТЕМНИЦУ**

Решает царь Хосров, уже усталый телом,
Что должен храм огня быть царственным пределом,

Что суеты мирской забыть он должен след
И лишь огню служить, как праведный мобед.

И в храм ушел Хосров, земному чуждый долу.
И прыгнул Шируйе, как лев, к его престолу.

Ликует львенок, пьет, — сильна его рука,
Но всё ж за шахом он следит исподтишка,

И вот отвергшему житейские обузы
Он мрак темничный дал, дал не свободу — узы.

Он злобствовал; блестел зубов его оскал.
И лишь одну Ширин к царю он допускал.

Но говорил Хосров: «Я пью живую воду:
С Ширин и в сотнях уз я чувствую свободу!»

И молвил царь Луне, ему подавшей пить:
«Ты не грусти, Ширин, так может с каждым быть,

Нагрывших ветров нежданные оравы
Терзают кипарис, им незаметны травы.

Стрела, возжаждавши желанного достичь,
Всегда охотится на избранную дичь.

Землетрясение раскалывает горы, —
Возвышенным страшны созвездий приговоры.

Пусть счастья больше нет, твое участие — есть.
Но если ты со мной, то значит счастье — есть».

И Сладкоустая чело к нему склоняла,
И от чела его печали отгоняла:

«Текут дни радости, дни плача — чередой,
За неудачею удача — чередой.

Коль рок смешает всё в неистовстве упорном,
Погибнет тот, кто всё увидит в цвете черном.

Ты цепи мыслей злых из разума гони, —
С цепями на ногах свои проводишь дни.

Чтоб рок свой победить, в тебе не хватит силы, —
Но многие спаслись и на краю могилы.

Не всех здоровых, верь, минует страшный жар.
Не каждый жар больных — погибельный пожар.

Порою думаешь: замо́к ты видишь сложный, —
Глядь, это не замо́к; ты видишь ключ надежный.

Очисти премудрый дух, забудь свою тоску:
Ведь к горю горе льнет, как влага льнет к песку.

Кто трон твой захватил? Ведь это лишь Муканна, —
Он сотворит луну для вящего обмана.

Но с этакой луной мир всё же будет мглист:
Его не озарит железа круглый лист.

В стране, где черный дух во всё проникнул тьмою,
Снежинки черными покажутся зимою.

Бесчинствам не дивись, будь стойким до конца —
Встречай насмешкою деяния глупца.

Бесстыдны наши дни, им в совести — нет нүжды.
Чуждайся этих дней, они величью чужды.

К кому по совести относится наш свет?
К тому, кто не рожден и в ком уж жизни нет.

Кто на века войдет в непрочную обитель?
Так не грусти, что в ней и ты не вечный житель.

Когда бы мир забыл про смену дней, про тлен, —
То не было бы, верь, и в царствах перемен.

Хосрову небеса, крутясь всё снова, снова,
Трон царский отдали, забыв про Кей-Хосрова.

И розовый цветок, украсивший цветник,
Блеснул слезой росы, но тотчас же поник.

Утративши блага, что ценит наше племя,
Вздохни и вымолви: «С меня свалилось бремя».

Пусть ценится людьми всё, что имеешь ты,
Пускай твой скарб возьмут, но уцелеешь ты!

Влекомый к радости, ты с лютней схож. Невольно
Вскричишь: когда колки подкручивают — больно.

Как сладко не иметь заботы никакой;
Из всех мирских улад всех сладостней покой.

Дремли, коль у тебя вода с краюхой хлеба.
Беспечность — вот страна под ясным светом неба.

Ты голову держи подъятою всегда.
О ней заботиться — тяжелая беда!

Пусть в крепких узах ты, пусть ты в кругу ограды,
Ведь крепко берегут сокровища и клады.

Ты не считай, что ты низвергнут с высоты.
Два мира — два твоих везира. Ты есть ты.

Ты — сердце мира, царь! Для плеч твоих — порфира.
И снова ты в игре свой вырвешь меч у мира.

Ты избран меж людьми! Творец, тебя любя,
Весь мир сверкающий раскинул для тебя.

Будь радостен! Забудь тоску земного дола!
Что этот плен венца! Что этот тлен престола!

Для царства сделай ты, печали отстраня,
Престолом целый мир, венцом — светило дня».

И царь внимал Ширин. И каждое реченье
Одушевляло дней поспешное течение.

И, чтобы скорбь царя утишить, превозмочь,
Не раз Ширин с царем всю коротала ночь.

ШИРУИЕ УБИВАЕТ ХОСРОВА

Полуночь, скрыв луну, как будто гуль двурогий,
Сбивает небеса с назначенной дороги:

Бессильны времена, хоть мощь у них и есть.
И слепы небеса, хоть звездных глаз не счесть.

Ширин стопы царя в цепях червонных, пени
Сдержжав, взяла к себе на белые колени.

И сладостный кумир с цепями черных кос
На золотую цепь ронял алмазы слез.

Прекрасные стопы, натертые до крови,
Ласкала и, склоняясь, к ним прижимала брови.

Журчала речь ее, как струй чуть слышных звон:
Под звуки нежных слов нисходит сладкий сон.

И в слух царя лила, лила она усладу.
Слова царя в ответ к ее склонялись ладу.

Когда уснул Хосров, когда умолкнул он,
Передался Ширин его спокойный сон.

Спит нежная чета, а звездные узоры
Свои бесстыдные на них бросают взоры.

Хотела крикнуть ночь: «Злодейство у ворот!»,
Но мгла гвоздями звезд ее забила рот.

И бес сквозь роузан, взор устремивши книзу,
Уже спускается к Сладчайшей и к Парвизу.

Он беспощадностью похож на мясника.
Рот — пламень, а усы — два черные клинка.

Как вор укрытый клад, глядя сурово, ищет, —
Так ложе царское, так он Хосрова ищет.

Нашел. . . и пересек он тяжестью меча
Хосрова печень. . . Так! Погашена свеча!

И крови под мечом взметнулся ток летучий,
Как пурпур молнии бросается из тучи.

Престол, что без венца, ее увидел взор,
Светильник брошенный: всё масло выкрал вор.

Разграблена казна, ларец лежит разъятый,
Войска ушли. Где вождь? Сокрылся их вожатый!

И мраком слов своих Ширин чернила ночь
И плакала; затем пошла неспешно прочь.

И с розовой водой вернулась к изголовью,
Чтобы омыть царя, обрызганного кровью.

Льет амбру с мускусом — и крови больше нет.
И тело царское сверкает, словно свет.

И тот последний пир, что делают для властных,
Устроила Ширин движеньем рук прекрасных.

И, ароматами овеявши царя,
На нем простерла ткань, алее, чем заря.

Усопшего царя как будто теша взоры,
Надела и сама роскошные уборы.

ШИРУЙЕ СВАТАЕТСЯ К ШИРИН

Для сердца Шируйе Ширин была нужна,
И тайну важную да ведает она.

И молвил ей гонец, его наказу вторя:
«С неделю ты влачи гнет выпавшего горя.

Недельный срок пройдет — покинув мрак и тишь,
Ты двухнедельною луной мне заблестишь.

Луна! В твоей руке над миром будет сила.
Всё дам, о чем бы ты меня ни попросила.

Тебя, сокровище, одену я в лучи,
От всех сокровищниц вручу тебе ключи».

Ширин, услышав речь, звучащую так смело,
Вся стала, словно нож, вся, как вино, вскипела.

И молвила гонцу, потупясь: «Выждем срок!»
Так лжи удачливой раскинула силок.

И скоро Шируйе такой внимает вести:
«Когда желаешь ты царить со мною вместе,

Ты соверши всё то, что я тебе скажу.
Я благосклонностью твоею дорожу.

Уже немало дней я чувствую всей кровью,
Что я полна к тебе растущую любовью.

И если в дружбе я, как ведаешь, крепка, —
Всё для меня свершить должна твоя рука.

В своих желаниях я так необычайна, —
Но есть в них, Шируйе, мне сладостная тайна.

В тот час, когда с тобой соединимся мы,
Я всё тебе скажу среди полночной тьмы.

Прошу: ты пышный свод дворцового айвана
Снеси, хоть он достиг до яркого Кейвана.

И дальше: повели, чтоб выкинули вон
Из царского дворца Хосрова древний трон.

Чтоб след могущества разрушили, чтоб рьяно
Взыграл огонь и сжег весь пурпур шадурвана.

Джемшида чашу, царь, вели сломать, чтоб к ней
Не мог нас привлекать узор ее камней.

И коль Парвиза власть уже не ширит крылья,
Пускай Шебдизу, царь, подрежут сухожилья.

Когда исполнят всё, исполнят всё подряд —
Пусть погребения свершается обряд.

Дай шахматы царя из яхонтов на зелье
Целебное — сердцам подарить ты веселье.

Пусть голубой поднос разломают, — бирюза
Пусть в перстнях и серьгах всем радует глаза.

Не слушай, как Хосров, ты без конца Барбеда,
Навеки изгони ты из дворца Барбеда.

Когда моих забот исчезнет череда,
Служением тебе так буду я горда!

И я склонюсь к тебе той сладкою порою
И тайну замыслов, как молвила, открою».

И сердце Шируйе отрадою полно,
По слову Шируйе всё было свершено.

Все замыслы Ширин свершились друг за другом:
Всё сделал Шируйе, чтоб стать ее супругом.

«Твой выполнен приказ», — услышала она.
И пылом радостным прекрасная полна.

Всё из вещей царя, всё из одежд царевых,
От обветшалых риз и до нарядов новых, —

Всё нищим раздавать велит она скорей.
Всё на помин души — души царя царей.

СМЕРТЬ ШИРИН В УСЫПАЛЬНИЦЕ ХОСРОВА

Заря меж облаков встает не в зыби ль сладкой?
Но сладкий день, взойдя, принес погибель Сладкой.

Хабешский негр, во тьме несущий камфару,
Рассыпал тюк — и луч прошел по серебру.

Из кредости смотрел на месяц чернокожий —
И вдруг оскалил рот, смеясь, как день пригожий.

Вот кеянидские носилки, лишь заря
Блеснула, сделала царица для царя.

Носилки в золоте; в кемарское алоэ
Рубины вправлены, напомнивши былое.

И царь, как повелел времен древнейших чин,
На ложе смертное положен был Ширин.

В назначенный покой — Ширин услышав слово —
На царственных плечах цари внесли Хосрова.

И там пред мраморным, бесчувственным лицом
Носилки обвили торжественным кольцом.

И каждый палец стал у бедного Барбеда
Калам расщепленный. Весь мир был полон бреда.

На этот хмурый мир взирал Бузург-Умид.
Он, миру верящий, от мира ждал обид.

Стенал он: «Небеса да внемлют укоризне:
Лишился жизни шах — и нас лишил он жизни.

Где всех народов щит? Где слава всех царей?
Где стяг и острый меч, что всех мечей острой?

Где тот, чья на миры легла победно риза?
Где скрылся наш Кисра? Где нам сыскать Парвиза?

Коль к переезду ты далекому готов,
Равно: Джемшид ли ты, Кисра, иль ты — Хосров!»

Прислужниц и рабов понура вереница;
Средь них, как кипарис, идет Ширин-царица.

В кольцо ее серег сокровища морей,
На плечи за кольцом легло кольцо кудрей.

Насурмленных бровей растянутые луки,
Хной, как пред свадьбою, украшенные руки.

И золотой покров течет с ее чела,
И ткань Зухре огнем вдоль стана потекла.

Кто мог бы смертные так провожать носилки?
Прохожих опьянял и страстный взор и пылкий.

Как опьяненная, сопровождала прах,
Идя с припляскою, как будто на пирах.

Все, глядя на Ширин, решали вновь и снова:
«Не в горести она от гибели Хосрова».

И думал Шируйе, в себе таящий тьму,
Что сердце Сладостной склоняется к нему.

И всю дорогу шла с припляскою царица.
Вот купол перед ней. . . Вот шахская гробница.

Рабыни скорбные столпились за Ширин,
Роня жемчуг слез на щек своих жасмин.

Внесли царя под свод. Вкруг сумрачного ложа
Встал за вельможею, безмолвствуя, вельможа.

И у Ширин жрецом был препоясан стан,
И в склеп вошла Ширин — и ею знак был дан

Гробничный вход прикрыть. И вот в наряде алом
К носилкам царственным идет она с кинжалом.

И, рану обнажив носителя венца,
Прижала алый рот ко рту ее рубца.

И так же в печень, в бок царица захотела
Свой погрузить кинжал, свое пронзая тело.

И ложе царское ее покрыла кровь,
Как будто кровь царя, растекшаяся вновь.

И вот она с царем без возгласа, без речи,
Уста прижав к устам, к плечам прижавши плечи.

Но вскрикнула она, от рта отъявши рот...
И слышит за дверьми сгрудившийся народ:

Что две души слились, что в теле нету муки,
Что нет в душе тоски, что нет сердцам — разлуки.

Тебе, чьим пламенем для смертных озарен
Был этот брачный пир, — да будет сладок сон!

Пусть тот да ощутит всевышнего десницу,
Кто тихо вымолвит, прочтя сию страницу:

«Аллах, оберегай могильный этот прах!
Двух пламенных прости, о благостный Аллах!»

Осанна Сладостной, осанна сладкой смерти!
О смертные, любви, всё победившей, верьте!

Так умирают те, что страстно влюблены,
Так души отдавать влюбленные должны.

И женщина ли та, в которой столько воли?
Муж с женщиною схож, когда боится боли.

Порою сладостно бегущая с плеча
Скрывает тканых львов изгибами парча.

Взмыл на дорогах зла самум слепой и дикий,
Жасмин он оборвал, снес кипарис великий.

И тучи поднялись из-за морей беды,
И грозы грянули из черной их гряды.

И ветер из равнин, как бы единым взмахом,
Весь воздух слил в одно с взнесенным черным прахом.

Лишь о случившемся сумели всё узнать, —
Восславили Ширин. И возгласила знать:

«Прославим этот час! Земля, в просторах злачных
Невест, подобных ей, рождай для пиршеств брачных!

Мутриба в Африке, мутриба на Руси
Создать подобный пир — напрасно не проси».

...Все, положив с царем прекрасный прах царицы,
Ушли и наглухо замкнули дверь гробницы.

И размышляли все над сладостным концом.
И на гробнице так начертано резцом:

«Одна Ширин, чей прах взяла сия могила,
Себя своей рукой в знак верности убила».

СМЫСЛ СКАЗА О ХОСРОВЕ И ШИРИН

О ты, что мудростью сродни былому сказу,
Не думай, что сейчас ты внял пустому сказу.

Вняв сказу этому, пролей потоки слез,
Омой мою Ширин водой из горьких роз.

Она весенним днем, подобно розе милой,
Склонилась над своей безвременной могилой.

Кыпчакский мой кумир! Мой нежный хрупкий злак!
Погибла, как Ширин, и ты, моя Афак!

**Прекрасен лик и стан, и разум твой был ярок!
Дербентом правящий тебя мне дал в подарок.**

**Ее фата была как воинский доспех,
А рукава узки. К ней не проник бы грех.**

**Всем недоступная и всех прекрасных строже,
Она стелила мне супружеское ложе.**

**По-тюркски тронулась в кочевье, словно нож
В меня вонзив, свершив не тюркский ли грабеж?**

**Но коль тюрчанки нет и тщетны все погони,
Над тюркорожденным, господь, прости ладони.**

ВСТУПЛЕНИЕ

Я был в тот день столь счастлив и богат,
Что позавидовал бы Кей-Кубад.

Не хмурил я изогнутых бровей,
Читая строки повести своей.

Казалась верным зеркалом судьба.
И, волосы откинув мне со лба,

Дышало утро благовоньем роз,
И счастливо то утро началось.

Как мотылек в огне златой свечи,
Как соловей в садах Барды в ночи,

На башне слов я знамя водрузил,
Свое перо в чернила погрузил,

Его расщеп алмазами точка.
Язык мой был болтливей турача.

Себе сказал я: час пришел, восстань!
Тебе судьба приносит счастья дань.

Где твоему безделию предел?
Не отстраняйся от великих дел.

На благородный лад настрой свой саз.
Кто спорит с жизнью, тем она далась.

Кто с поднятой проходит головой,
Тот человек бывалый, боевой.

Как зеркало, верна душа его,
Не отражает криво ничего.

А тот, кто чужд народу своему,
Как бы закутал лживый лоб в чалму.

Судьба благая! Требуешь ли ты,
Чтоб были руки делом заняты? . .

Так я мечтал. И вдруг звезда летит.
Вот он, мой жребий, — что мне возвестит?

Найду ль почет за столько дней труда
И дастся ль мне сокровище тогда?

Так я гадал. . . И вижу, наконец,
Посланье шаха мне принес гонец.

Как он писал, чудесный каллиграф,
Витиеватым почерком убрав

Страниц пятнадцать! Что ни буква — сад.
Как шаб-чираг, слова его горят:

«О друг и брат, ближайший меж людьми!
Словесных дел волшебник, Низами!

Проснись: восстань от сладостного сна.
Яви нам чудо. Мощь тебе дана,

Чтоб на арене слова своего
Нам доказать благое мастерство.

Хотим, чтоб в честь Меджнуновой любви
Гранил, как жемчуг, ты слова свои.

Чтобы, Лейли невинность обретя,
Ты был в реченьях свежим, как дитя,

Чтоб, прочитав, сказали мы: «Ей-ей!
Клянемся днесь державою своей,

Что сладость книги стоит сотен книг».
Ты перед нами некогда возник

В чертоге слов, как некий шах Хосров.
Так не жалей опять своих даров, —

Арабской ли, фарсидской ли фатой
Украшишь прелесть новобрачной той.

С твоим искусством дивным, Низами,
Знакомились мы прежде. Так пойми:

Для чьей отрады, для чьего лица
Ты нанизал свой жемчуг из ларца?

Мы знаем толк в речениях людских,
Мы замечаем каждый новый стих.

Но к тюркским нравам непричастен двор,
Нам тюркский неприличен разговор.

Раз мы знатны и саном высоки,
То и в речах высоких знатоки!»

Прочел я . . . Кровь мне бросилась в лицо, —
Так, значит, в ухе рабское кольцо!

И не поднять из мрака мне чела,
И на глазах — как пелена легла,

И не найти сокровищ золотых. . .
И замер я, и ослабел, затих,

И голову запрятал от стыда. . .
Где близкий, кто бы понял, в чем беда?

Вновь дополнять творенье — смысла нет.
И рядом сын любимый, Мухаммед,

Как тень моя скользящая, был тих.
Он подошел и сел у ног моих

И говорит: «Не раз ты мяч бросал,
«Хосров — Ширин» недаром написал;

Сердца людей еще повесели
И напиши Меджнуна и Лейли,

Чтоб две поэмы были двойники.
Он — ширваншах. Вы оба высоки.

Твое владенье — не Ширван, а мир.
Но он знаток, он знатен, он кумир.

Нарядных он потребовал прикрас, —
Садись пиши, как ты писал не раз».

Я отвечал: «Уместна эта речь!
Ты чист, как зеркало, остер, как меч.

Но как мне быть? Душа раздвоенá.
Мысль широка. Дорога к ней тесна.

И узок вход рассказу моему.
Хиреет речь, зажатая в тюрьму.

Мне площадь, как ристалище, нужна,
Как поле для лихого скакуна.

Такая радость, ведомая всем,
Мне не дана. Вот отчего я нем.

Изящество и легкость — вот узда,
Чтоб речь была отважна и тверда,

А от печали рабской и цепей
Она звучит трусливей и слабей.

И если нет на волю мне пути,
Откуда слово ценное найти?

Где музыка, где вина, где меджлис,
Где сад, чтоб мысли светлые зажглись?

Сухой песок, пустыня, темя гор...
Иной народу нужен разговор:

Чтоб слово было сердцем рождено,
Чтобы звенело радостью оно!

Рожденное без радости — мертво.
Но шах велит, чтоб именем его,

Закованный в наряд чужих прикрас,
Я всё же точно выполнил приказ!

Чтобы его величество, сочтя
Мой жемчуг, забавлялся, как дитя!

Чтобы влюбился будущий мой чтец
В творенье, кто бы ни был — хоть мертвец!

Я начал рыть и средь глубоких ямин
Набрел на клад, на философский камень.

Природе нужен только краткий путь,
Чтоб не терялся в беспорядке путь.

И путь мой краток был, и голос ясен,
И сладостен напев, и строй согласен.

Размер стиха — как море в пляске волн,
Но сонных рыб — живой добычи — полн.

Иные ищут сладости словесной,
Но свежести не знают полновесной.

Но никому среди глубин морских
Не попадалось раковин таких!

И каждый бейт мой, свежестью сверкая,
Дороже, чем жемчужина морская.

Когда искал я эти жемчуга,
Не поскользнулась и на дюйм нога.

Я спрашивал, а сердце отвечало.
Я землю скреб — нашел ключей начало.

Весь мой избыток, весь душевный пыл
Я отдал, чтоб рассказ закончен был.

Четыре тыщи бейтов, чуть побольше,
Сложил в четыре месяца, не дольше.

Свободный от житейских мелочей,
Сложил бы их в четырнадцать ночей.

НАЧАЛО ПОВЕСТИ

Рассказчик начинает речь, — и тут
Пусть жемчуг, им нанизанный, сочтут.

В краю арабов жил да был один
Славнейший между шейхов властелин.

Шейх амиритов жизнь провел свою
В цветущем этом солнечном краю.

Взметенный им песков сыпучих прах
Душистей был, чем чаша на пирах.

Исполнен добродетелей и сил,
Под солнцем гордо он чело носил,

Был самовластен, как султан иной,
Как сам Карун с несчитанной казной.

Приветлив с бедняками, справедлив
И славен меж арабов, как халиф.

Но лишь одна ждала его беда!
Он — раковина полая, куда

Не вложена жемчужина. Он — ствол,
Что ни одним побегом не зацвел. . .

Да, как ни жаждал сына он, грустя,
Как ни вымаливал себе дитя,

Каких дирхемов нищим ни давал,
Каких красивых жен ни целовал, —

Как он ни сеял — не всходил росток:
Всё сына нет, всё пуст его чертог!

Отцу и невдомек, что не слаба,
Но мешкает в решениях судьба.

Пусть поиски напрасны! Не ропщи,
Причину лучше тайную ищи.

Так связано всё на земле узлом,
Что счастье вечно следует за злом.

И вот Аллах вознаградил отца
За должное смирение до конца.

И родился младенец дорогой —
Такой любимый, слабенький такой,

Как роза. . . нет, как пурпурный гранат.
Да что гранат! Что роза! Во сто крат

Милей! Он сто́ит всякой похвалы,
Как белый день, блеснувший вдруг из мглы.

И увидал отец его — и вмиг
Сорвал замки со всех богатств своих,

Всё раздарил, остался без венка.
И вот простерта к первенцу рука, —

Младенца он кормилице несет —
Пусть несмышленыш грудь ее сосет.

Но вскормлено не женщиной дитя:
То время дышит на него, летя,

То с каждой млечной каплей вознесен
В иную высь младенца мирный сон.

От каждой крапинки индиго в нем
Играет нечто внутренним огнем.

И вот уже достиг он двух недель,
Как лунный серп, упавший в колыбель.

Родные совершить обряд пришли
И мальчугана Кейсом нарекли.

И год прошел — ребенок рос и рос,
Стройней тюльпана, прихотливей роз,

Весь упоен предчувствием любви,
Чья сущность разлита в его крови,

Как будто от него исходит свет,
И весь он — мирозданию привет.

И года два иль три прошло еще,
Шалун игрой охвачен горячо.

Семь лет прошло — растет он всё быстрее,
Тюльпан в венке фиалковых кудрей.

А через десять лет по свету шла
Из уст в уста его красе хвала.

И кто взглянул на диво стороной —
Молился: да минует глаз дурной!

И счастлив был и ликовал отец,
Когда пошел он в школу наконец.

Был выбран и наставник, старший друг,
Знаток — преподаватель всех наук.

И рядом с Кейсом в тот же день и час
Шумит ватага сверстников, учась.

И каждый мальчик, ревностен и строг,
Готов учить и повторить урок.

А рядом с мальчиками у доски
Есть девочки. Друг другу не близки,

Они сошлись из разных стран и мест,
От всех племен, что ведомы окрест.

И Кейс меж них ученьем поглощен,
Но и другим предметом увлечен!

С ним рядом есть жемчужина одна,
Как бы с другого поднятая дна,

Еще не просверленная, в красе
Нежнейшей, — украшенье медресе.

Разубрана, как куколка, стройна,
Как кипарис, прелестна, как луна.

Шалунья! Взмах один ее ресниц
Пронзает сердце, повергает ниц.

Газель, чей смертоносен тихий взор,
Чья кротость в мире вызовет раздор.

И если кудри — ночь, то светлый лик
Как бы в когтях у ворона возник.

А крохотный медоточивый рот —
Предвестие всех будущих щедрот.

Но сладостное диво с нежным ртом
Рассеет войско мощное потом,

Войдет, как трижды чтимый амулет,
В мечты влюбленных через много лет.

Еще затворница, войдя в зенит,
Она стихом касьды прозвенит,

И капля пота на ее челе
Священной будет зваться на земле.

Румянец, родинки, сурьма очей —
Всё станет завтра звездами ночей.

От черных кос, что стан ей обвили,
Зовут ее, как ночь саму, — Лейли.

Ее увидел Кейс и стал иным,
И сердце отдал за нее в калым.

Но и она, но и она полна
Предчувствием — как будто от вина,

Которого пригубить ей нельзя,
Всё закружилось, медленно скользя.

Пришла любовь. И первый же глоток
Из этой чаши — пламенный поток.

Но как им трудно в первый раз пьянеть,
Как странно им, как дивно пламенеть,

Как сладко им друг с другом рядом жить,
И с каждым часом всё нежней дружить,

И ежечасно сердце отдавать,
И никогда его не открывать! . .

Товарищи учением полны,
А эти два влечением пьяны.

Те говорят словами, как и встарь,
У этих — свой учебник, свой словарь.

Те много книг прочтут, чтоб не забыть,
А эти миг цветут — лишь бы любить.

Те сочетают буквы для письма,
А эти лишь мечтают без ума.

Те знатоки в глаголах, в именах,
А эти — в безглагольно-смутных снах.

О ТОМ, КАК ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН
ПОЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА

И каждый день, едва взойдет заря
И солнце, как Юсуфов лик горя,

Окаймлено пыланьем светло-синим,
Полнеба красит цветом апельсинным, —

Лейли подставит золоту чело,
Чтобы зарделось нежно и светло.

И многие всем сердцем засмотрелись
На девственную утреннюю прелесть

И, отозвавшись на молодой огонь,
Ножом себе царапали ладонь.

И Кейс бродил, влюбленный и безмолвный,
Как зрелый плод, румяным соком полный.

Дни шли и шли. И день настал, когда
Пришла взаимных вздохов череда.

Жилища их любовь опустошила,
С мечом в руке над ними суд вершила.

И между тем, как немые их уста,
Уже роились слухи неспроста,

И сорвана завеса с детской тайны,
И весь базар взволнован чрезвычайно.

И как они ни сдержанны — не смолк
Всеобщий пересуд и кривотолк.

Ведь и в засохших зернышках нетленный
Благоухает мускус для вселенной.

Как будто ветер, вея поутру,
Приподымал за уголок чадру

С чела любви. Они терпели честно:
Ведь тайна лишь двоим была известна.

Но что терпеть, что пользы им молчать,
Когда с запрета сорвана печать?

Любой их взгляд красноречивей слова.
Найдется ль средство от мученья злого?

Путь пламени любовь нашла сама —
И вырвалась. И Кейс сошел с ума.

Да, он, глядевший на Лейли украдкой,
Снедаем был безумной лихорадкой.

И рядом с ней и близок от нее
Лишь растрavлял отчаянье свое.

Ведь сердце — путник над скалистой бездной.
Когда сорвешься — помощь бесполезна.

А тот, кто этой доли не знал,
Его Медждуном странным называл.

Да, был он одержим. Не оттого ли
Он кличку подтверждал помимо воли?

За то, что люди брешут, будто псы,
Он был лишен возлюбленной красы.

За толки их, насмешками плененных,
Похищен был у лани олененок.

Лила Лейли бесценный жемчуг слез,
И Кейсу плакать горестно пришлось.

И он бродил по рынку и вдоль улиц,
И все, кто с ним, рыдающим, столкнулись,

Что на него дивились и глазели,
Что слышали напев его газели, —

Все ринулись за ним оравой шумной,
Кричали вслед: «Меджнун, Меджнун,
безумный!»

А он и впрямь с рассвета до звезды
Не признавал ни сбруи, ни узды.

Он будто гнал осла над черной кручей.
Но из-под ног ушел песок горячий,

Посыпался непрочный тот карниз,
И сорвался осел с поклажей вниз.

Он, как свечи слабеющий огарок,
Ненужный днем, и ночью был не ярк.

И, что ни утро, он спешил, босой,
Чтоб повстречаться с милою красой.

Простоволосый, он бежал в пустыню,
Чтоб увидеть любимую святыню.

Он шел, чтобы к шатру ее прильнуть.
И долог был его обратный путь.

Быстрее ветра он спешил туда, —
Назад он плелся будто сквозь года.

К ней он летел на сотне крыл летучих,
Назад дорога — в терниях колючих.

К ней — водопада пенистый полет,
Назад — ползущий по ущельям лед.

Он не боялся волдырей и ссадин,
Летел, как будто неся вихорь сзади.

Как на коне летел, не чуя ног,
А шел назад — разбит и одиноч;

И будь судьба к нему благоприятна,
Он не пришел бы никогда обратно!

ОТЕЦ МЕДЖНУНА ОТПРАВЛЯЕТСЯ СВАТАТЬ ЛЕЙЛИ

Опущена фата над ненаглядной,
И сломан мост через арык прохладный.

Меджнун в разлуке с милой горевал
И по ночам газели распевал,

И по утрам он брел на то же взгорье
С толпой друзей, таких же нищих. Вскоре

Стал повсеместной притчей их позор.
И жаловались все, потупив взор,

Отцу на сына. Вздохи, укоризны
Сын услышал. Но сделан выбор в жизни!

Что рассужденья здравые, когда
Влюбленному мила его беда!

Отец скорбел о сыне и, поведав
О том родне, просил ее советов.

По мнению старейшин, лишь одна
Дорога здесь пригодна и честна:

Не медлить с начинанием, из мрака
Извлечь Меджнуна и добиться брака.

Шейх амиритов быстро собрался
В дорогу. Провожала челядь вся.

Уже достигли Неджда. В это время
Все родичи красавицы, всё племя,

Все — знать и челядь — вышли из шатров,
Чтоб чужеземцам предоставить кров.

С почетом принят был шейх амиритов.
«В чем ты нуждаешься? Скажи открыто».

Тот отвечал: «Хочу быть ближе к вам,
Прошу вас верить искренним словам».

И, обратясь к отцу невесты этой:
«Ищу родства с тобою, не посетуй!»

Как сочетать твое дитя с моим?
Мой сын рожден в пустыне и томим

Тоской по родниковой, свежей влаге.
А я забочусь о сыновнем благе

И говорю об этом без стыда.
Моя семья богатствами горда

И знатностью и пышностью известна.
Есть у меня желанье дружбы честной,

А для вражды всегда оружие есть.
Мне — жемчуг твой. Тебе — хвала и честь.

Ты продаешь. Товар в цене сегодня.
Торгуйся, чтоб я выше цену поднял,

Запрашивай, покуда спрос велик». —
Так кончил речь отец, и в тот же миг

Второй отец отвечивал учтиво:
«Ты говорил весьма красноречиво.

Пускай судьба решает за меня.
Могу ль сидеть у жгучего огня,

Не опаливши нашей дружбы честной?
Твой сын прекрасен, и родство мне лестно,

Но он для нас не родич и не друг
И счастья не внесет в семейный круг.

Он одержим безумием и болен.
Ты исцелить его, конечно, волен

Молитвами — тогда и приходи
Со сватовством. Но это — впереди!

Прощай, купец! А жемчуг твой с изъязном
Не предлагай ни в братья, ни в зятя нам.

В таких делах арабы знают толк;
Боюсь молвы». И тут отец умолк.

И амириты после этой речи
Почувствовали стыд и горечь встречи.

Не принятые в племени Лейли,
С обидой по домам они ушли.

У всех у них одна забота ныне:
Как исцелить Меджнуна от унынья.

И каждый на советы был хитер,
Но что ни речь, то хворосту в костер:

«Немало есть у племени красавиц,
Пленительных и ласковых на зависть,

Чьи косы -- мускус и рубин — уста,
Есть и у нас на выбор красота!

Зачем же ты своей сердечной раной
Обязан той девице чужестранной?

Как плавно выступают, как стройны!
А ты чуждаешься родной страны!»

ПЛАЧ МЕДЖНУНА

Всё выслушал Меджнун. И для него
Всё стало окончательно мертво.

Он тотчас разодрал свою рубаху:
Не нужен саван тлеющему праху!

Тому, чье царство где-то вне миров,
Кочевье — мир, а не надежный кров.

Он стал бродить по выжженной пустыне
С одной лишь думой об одной святыне,

По кручам горным странствовал пешком,
Как тюрок, с заплечным нищенским мешком.

Так сломан был и панцирь бесполезный,
Нет уз ему, и цепи нет железной,

Чтоб заковать безумца как-нибудь,
Вся жизнь его — сплошной бессонный путь.

И «Ла хауль» все встречные кричали,
Когда он шел в смятенье и в печали,

Когда слышали по ночам вдали
Протяжный вопль его: «Лейли, Лейли!»

Он жил, добра и зла не отличая,
Он странствовал, людей не замечая,

И пел газели дикие свои
О ней, звезде Йемена, о любви.

И каждый бейт, что сложен был однажды,
Из слушавших хотел запомнить каждый,

И каждый вслед изгнаннику глядел,
И горько плакал, и помочь хотел.

А он, свободен от заботы скучной,
Ото всего, что для людей насущно,

Все буквы стерший в книге живота,
Ни жив ни мертв, он — пыль сквозная та,

Что на камнях дорожных оседает.
Сквозное тело ежечасно тает,

Как жерновами смолото, и мозг
Весь изнутри расплавлен, словно воск.

И так темны его мученья были,
И так устал он от людских обид,

Что вот, гляди, среди дорожной пыли
Он сел на пыльный коврик, и скорбит,

И зарыдал навзрыд, простерши руки:
«О, что мне делать? Кто поможет в муке?»

Отбился я от дома, от семьи.
Где все друзья, где родичи мои?

Где фляга чести? Где бутылъ позора?
Разбито всё, и скрылось всё от взора.

И барабан про славный мой возврат
У городских не пророкочет врат.

Я, словно дичь, был загнан на охоте, —
И вот стрела смертельная в полете.

Ты скажешь, что я пьян, — и будешь прав.
Безумен, скажешь, — да, таков мой нрав.

Каким ни назовешь, я не перечу.
Разумного не сыщешь в нашей встрече.

Пускай падет мне на голову прах,
Тот самый, что развеян мной в мирах.

Пускай гроза ударит, сожигая
Тлен, где простерта тень моя нагая!

Нет никого, кто пурпуром огня
Одел бы в дым и задушил меня!

Иль бросил в пасть чудовищу — да будет
Избавлен мир от зла и не осудит!

Я — выродок. Я джинном одержим.
Сам злобным джинном я кажусь чужим,

А для родни — всех бед ее виновник.
Исколот сам, колюсь я, как терновник.

Товарищи веселья и труда,
Прощайте, о, прощайте навсегда!

Прощайте, о, прощайте же навеки!
Забудьте о несчастном человеке!

Бутылъ с вином в руках моих была —
Она разбита, и куски стекла

Усыпали дорогу пылью колкой.
Но унесло потоком слез осколки,

Ко мне легко ты можешь подойти, —
Ног не изранишь на своем пути.

А вы, оставшиеся в бурном мире,
Не знающие зла, раздайтесь шире!

Потерян я и вещью стал ничьей.
Не тратьте больше обо мне речей.

Ты, милая, хоть обрекла на муку,
Приди одна и протяни мне руку!

В любой из дней, ликуя и любя,
Я жив — обетом смерти за тебя.

Меня безумцем люди называют.
Зачем же косы цепью обвивают

Твое чело и змеями бегут?
Пристал бы мне смертельный этот жгут.

Подай мне руку — пусть она поможет!
Я целовал бы след любимых ножек

Здесь на ковре, распластанном в песке, —
О, только помоги моей тоске!

Но ты спокойна, ты от зла далече,
Мои мольбы, мои шальные речи

Тебе чужды! Ты счастлием сыта,
Голодному ты больше не чета.

Две матери, рожая нас, кричали:
Твоя — с надеждой, а моя — в печали.

Я — ветвь сухая, ты же — ветвь в цвету.
Ну так сожги сухую ветку ту.

Преступник ли, что жажду исцеленья?
В чем грешен, если не в одном моленье?

О, будь моей, моей, Йемена дочь,
Из тысячи ночей одну лишь ночь!

Лги хоть всю жизнь, но раз один на диво,
На счастье мне должна ты быть правдивой,

Весь страх, всё, что мешает, истребя, —
А грех и стыд возьму я на себя!

Звезда моя! Луна моя младая,
Одной болезнью дикой обладая,

Я потому и болен, что люблю
Тебя одну, тебя, луну мою!

И если тень отбрасываю наземь,
Она полна таким же безобразьем.

Всю юность исказив и изменяя,
Лишила даже тени ты меня.

Похитила ты сердце, жизнь и славу,
Сыграла злую шутку не по праву.

Я стал известен тем, что ты — Лейли.
Отсюда все несчастья и пошли.

И если нам не встретиться вовеки,
Еще жива надежда в человеке!

Вот так ребенку снится иногда,
Что есть в кувшине свежая вода,

И счастлив сонный мальчик, но однажды
Проснется он, всё той же полон жажды.

Согнулись ноги, как два тонких «эль»,
И руки, словно «и», сломались криео.

Твое прозвание — жизнь моя и цель
Последнего, предсмертного порыва.

Такую тайну, к женщине влеком,
Впитал я с материнским молоком,

Она мне стала грозной благодатью,
И с жизнью лишь ее могу отдать я».

Так он сказал и молча наземь лег.
И плакал, кто был часом недалек

От юноши, и бережно и нежно
Говел его домой дорогой прежней.

Бывает, что любовь пройдет сама,
Ни сердца не затронув, ни ума.

То не любовь, а юности забава.
Нет у любви бесследно сгинуть права:

Она приходит, чтобы жить навек,
Пока не сгинет в землю человек.

Меджнун прославлен этим даром верным,
Познанием совершенным и безмерным,

Прославлен тяжким бременем любви.
Он цвел, как роза, дни влача свои.

От розы той лишь капля росяная
Досталась мне, едва заметный след.

Но, в мире аромат распространяя,
Не испарится он и в сотни лет.

ОТЕЦ ВЕЗЕТ МЕДЖНУНА В ХРАМ КААБЫ

Всё небо закрывала, словно пламя,
Его любовь могучими крылами.

Но чем в любви был совершенней он,
Тем громче слышались со всех сторон.

Насмешки, подозренья и упреки,
А сам больной, от всех забот далекий,

Вне общества людского, вне среды,
Причиной стал неслыханной беды

Для бедного отца. И ежечасно
Томился тот о юноше несчастном.

У всех святынь он руки воздевал,
Во всех паломничествах побывал,

Везде родня усердная молилась,
Чтобы снискать целительную милость.

И наконец решила вся родня,
Что следует, не мешкая и дня,

Идти всем скопом до священной Каабы,
Как бы она далеко ни была бы,

Поскольку там за каменной стеной
Михраб любви небесной и земной.

К началу хаджа вышли амириты.
Верблюды их носилками покрыты.

В одну из шатких колыбелей тех
Посажена утеха из утех,

Любимый сын, — насильно упросили:
Он понял после множества усилий.

Приехал в Каабу страждущий отец.
Росло волненье искренних сердец.

Шейх амиритов, нищих утешая,
Бесценный жемчуг с золотом мешая,

Сынам песков рассыпал, как песок,
Все достоянья, всех сокровищ сок.

И взял он сына за руку и нежно
Сказал ему: «Теперь молись прилежно.

Не место для забавы этот храм,
Поторопись, прильни к его дверям.

Схватись же за кольцо священной Каабы,
Молись, чтобы мученья отвлекла бы,

Чтоб исцелить бессмысленную плоть
И боль душевной смуты побороть,

Чтоб ты приник спокойно к изголовью,
Не мучимый безжалостной любовью».

Но слушать более Меджнун не стал.
Он зарыдал, потом захохотал,

И, как змея, с земли пружиной прыгнул,
И, за кольцо дверей схватившись, крикнул:

«Велят мне исцелиться от любви.
Уж лучше бы сказали: не живи!

Любовь меня вскормила, воспитала,
Мой путь она навек предначертала.

Моей, Аллах, я страстию клянусь,
Твоей, Аллах, я властью клянусь,

Что всё сильней тот пламень разгорится,
Всё горячей в крови он растворится,

Что в час, когда земной истлеет прах,
Любовь моя останется в мирах.

И как бы пьяным нежностью я ни был,
Налей еще пьянее — мне на гибель!

Мне говорят, чтоб я Лейли забыл.
Но ты, Аллах, раздуй мой страстный пыл,

Всю жизнь мою, все радости, все муки
Отдай в её младенческие руки,

Пусть буду тоньше волоса Лейли,
Но только бы чело ей обвили

Те вьющиеся — черной, смольной чашей!
Будь раной я сплошной кровотокащей —

Пусть она по капле выпьет крови!
И как ни велика моя любовь,

Как много дней о ней я ни тоскую, —
Продли, Аллах, подольше боль такую!»

Слыхал слова сыновние отец.
Он замолчал и понял наконец,

Что сыну суждено остаться пленным,
Что тот огонь пребудет век нетленным.

И он пошел к своей родне домой
И так сказал: «Сын безнадежен мой.

Он так молился у святыни Каабы,
Что кровь моя вскипела и могла бы,

Как ток Земзема, хлынуть кипятком.
Я полагал: святынями влеком,

Страницу прочитает он Корана,
Но он о ней молился невозбранно,

Забыв меня и молодость губя,
Хвалил ее и проклял сам себя».

ОТЕЦ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О ЗАМЫСЛАХ ПЛЕМЕНИ ЛЕЙЛИ

А между тем пошла молва, и скоро,
Раздутую в речах людского хора,

Ее чужие люди принесли,
Волнуясь, к шейху племени Лейли:

Что, дескать, бродит юноша безумный
В пустыне со своей оравой шумной,

Целует землю, пляшет и поет.
Его газели знает весь народ.

А в тех газелях, диких и бесстыдных,
Есть множество вещей для нас обидных,

И люди, что поют их день и ночь,
Порочат тем меньшую нашу дочь.

Она заклеямена им, и, наверно,
Ее погубит этот вихорь скверный.

Прогневайся, казни его, шихна, —
Пусть чистою останется Луна!

Шихна сказал и обнажил при этом
Могучий меч: «Да будет меч ответом!»

И тотчас к амиритам весть дошла:
«Еще в зачатке страшные дела,

Но кровопийца тот, шихна могучий,
Уже грозит, встает волною жгучей.

Меджнун не чувствует, что близка беда, —
Боишься, что почувет, лишь когда

Сам головы лишится. Как беду нам
Предотвратить такую над Меджнуном?»

И растерялся шейх и в тот же миг
Послал друзей и родичей своих,

Чтоб рыскали в пустыне, словно ветер.
И чтобы первый, кто б Меджнуна встретил,

Привел его домой. Во все концы
Помчались тут же шейховы гонцы.

Нигде Меджнуна нет. Куда он сгинул?
Быть может, землю юноша покинул

Иль растерзал его когтями зверь?
И родичи отчаялись теперь

И плакали, жалея, о несчастном.
Меж тем отшельник с сердцем безучастным,

Как некий клад, зарытый в глубь и тьму,
Остался не доступным ничему.

В пустыне, столь обильной разной дичью,
Пыль по дорогам — всё его величье.

Волк сытый и овцы не разорвет,
Пока ему не подвело живот.

Голодный сокол и на мелочь падкий,
Когда он сыт — не тронет куропатки.

Для бедняка пригоден и лаваш,
Для богача — всё пресно, что ни дашь.

Голодный перевариц, не тоскуя,
Без соли и пшеницы горсть сухую,

Сладка халва, но люди говорят,
Что при холере — это сущий яд.

Бродил Меджнун в пустыне, будто нищий,
Жил впроголодь, но не нуждался в пище.

Любой глоток отравой был ему.
И, погружен в такую скорбь и тьму,

Что большей тьмы и скорби нет на свете,
Он не был даже за себя в ответе:

Свободный от любых земных цепей,
Он делался всё кротче и слабей

И клад искал, не приближаясь к кладу.
Однажды родич племени Бен-Саада

Узнал его в тени у родника,
Что бил в пустыне жгучего песка.

Он был один, как чей-то стих короткий:
Смысл — необъятен, рифма же — находка!

И только плач — как милосердный друг,
И только тень взамен усердных слуг.

Прохожий поглядел, заметил статный
И юный образ, издали приятный,

Спросил о том о сем. Но ничего
Не услышал в ответ он от него.

Тогда ушел прохожий к амиритам
И дал им знать о юноше, укрытом

От глаз. Как див, лицо свое тая,
Свернувшийся в ущелье, как змея,

Своей тоской он так себя пронзает,
Что костный мозг наружу вылезает.

Бедняк отец и этой вести рад.
Он ринулся на поиски. Стократ

Он обошел ущелья, заклиная
Безумца сына, плача и стеная.

Но видит он: в расселине, чуть жив,
Сын, голову на камень положив,

Поет газель. Его отец подходит,
И глаз печальных с первенца не сводит,

И говорит ему «Салам», грустя,
И смотрит на несчастное дитя.

Меджнун же увидел отца в смятенье,
К его ногам приник он слабой тенью

И отвечал: «Прости меня за то,
Что я бессилен. Сердце залито

Таким огнем, что лучше я исчезну.
Меня лечить от страсти бесполезно.

Оставь меня! Но разве я хотел,
Чтоб на меня ты в этот день глядел?

Мое лицо от срама черным стало,
С таким лицом ужасным не пристало

Просить прощенья. Кончено. Конеч.
Прощай, прощай! Ты знаешь всё, отец».

ЧУВСТВА ЛЕЙЛИ

Семи небес многоочитый свод,
Семи планет хрустальный хоровод,

Наложница услады и томленья,
Подруга неги, кипарис моленья,

Михраб намаза верных прихожан,
Светильник жизни, всей подлунной джан,

Бесценный жемчуг в створчатых зажимах,
Влекущая всех джинном одержимых,

Лейли, Лейли, соперница луны,
Предмет благоговенья всей страны,

Росла в благоуханной гуще сада.
Две зрелых розы, юношей услада,

Круглились и, как чаши, налились.
Был стан ее как стройный кипарис,

И губы винным пурпуром пьянили,
И очи поволокою манили, —

Украдкой взглянет, и конец всему:
Арабы заарканенные стонут,

И тюрки покоряются ярму,
В волнах кудрей, как в океане, тонут.

Охотится она — и грозный лев
К ней ластится, смиренным заболев.

И тысячи искателей безвестных
Томятся в жажде губ ее прелестных.

Но тем, кто целоваться так горазд,
Она промолвит только: «Бог подаст!»

За шахматы садится — и луну
Обыгрывает, пешку сдав одну.

Вдруг две руки, как две ладьи, скрещает
И шах и мат светилам возвещает.

Но, несмотря на обаянье то,
Кровавой мукой сердце залито.

И ночью, в тайне, чтоб никто не слышал,
Проходит девушка по плоским крышам,

Высматривает час, и два, и три,
Где тень Меджнуна, вестница зари.

О, только б увидеть хоть на мгновенье,
С ним разделить отраду и забвенье, —

С ним, только с ним! Как тонкая свеча,
Затеплилась и тает, лепеча

Возлюбленное имя. И украдкой,
Полна одной бессонницею сладкой,

То в зеркало страдальчески глядит,
То за полетом времени следит,

То, словно пери, склонится послушно
К веретену, жужжащему так скучно.

И отовсюду, словно бы назло,
Газели друга ветром к ней несло.

И мальчуган и бойкая торговка
Поют газели, сделанные ловко.

Но и Лейли, смышленное дитя,
Жемчужины чужих стихов сочтя,

Сама способна нежный стих составить,
Чтобы посланье милому отправить,

Шепнуть хоть ветру сочиненный стих,
Чтоб он ушей возлюбленных достиг.

Иль бросить на пути проезжем, людном
Записку с изреченьем безрассудным,

Чтобы любой прочел, запомнил, сжег, —
А может статья, взглянет и дружок.

А может статья, в передаче устной
К нему домчится этот шепот грустный.

Так между двух влюбленных, двух детей,
Шел переклик таинственных вестей.

Два соловья, пьянея в лунной чаше,
Друг другу пели всё смелей и слаще.

Два напряженья двух согласных струн
Слились: «Где ты, Лейли?» — «Где ты,
Меджнун?»

И скольких чангов, скольких сазов ропот
Откликнулся на их неслышный шепот!

От их напева мир обременен
Мутрибами всех будущих времен.

Но чем согласней этот лад звучащий,
Тем о двоих враги злословят чаще.

Год миновал, а юная чета
Живет в мечтах, да и сама — мечта.

ЛЕЙЛИ В САДУ

В садах фруктовых, в рощах тонкоствольных
Цветы — как лица щедрых и довольных.

Из розовых и ярко-красных роз
Над миром знамя пестрое взвилось.

В тени деревьев, в садах и на баштанах
У соловьев пир свадеб неустанных.

Фиалка блещет среди зрелых нив,
Два локона на землю уронив.

Разбухла почка и хранит в колчане
Шипы, что встанут в круг ее венчанья.

И неньюфары, солнцем залиты,
Прудам без боя отдали щиты.

Нарядный бук еще нарядней станет,
Затейливой своей прической занят.

Нарцисс, огнем пылая изнутри,
Проснулся в лихорадке, ждет зари.

Открыла роза поцелуям очи:
Кто равен розам в благовоньях ночи?

Все птицы в бестолковости своей
Хотели бы запеть, как соловей.

Лишь голубь, к счастью мирному готовясь,
Подруженьке рассказывает повесть.

А соловей, как бесноватый, пьет
Глотками воздух — и поет, поет.

В такой благословенный час цветенья
Лейли выходит из дому в смятенье.

Вокруг Лейли — приставленные к ней,
Как ожерелье блещущих камней,

Тюрчанки, гости в крае аравийском.
В оправе гурий, в их соседстве близком

Идет Лейли, — да сгинет глаз дурной! —
Чтоб надышаться раннею весной

И венчиком затрепетавших губок
Пригубить вслед нарциссу влажный кубок.

Со всех цветов и трав, куда ни глянь,
Благоуханье требует, как дань.

И, с тенью пальмы тень свою скрещая,
К родным вернется, радость возвещая...

Но нет! Иная цель у красоты —
Не кипарис, не розы, не цветы.

Лейли в саду, в убежище укромном,
У ветерков о страннике бездомном

Выспрашивала робко. Соловью
Шептала тайну горькую свою.

Вздохнула глубоко и замолчала —
И на сердце как будто полегчало.

Есть пальмовая роща в той стране.
Казалось, это блещет в глубине

Китайская картина. Дивной кистью
Рисованы густые эти листья.

Нигде клочка подобного земли
В песках арабы встретить не могли.

И вот Лейли с подругами под сенью
Приветных пальм стоит без опасенья.

Казалось, в изумруде трав возник
Тот движущийся розовый цветник.

Казалось, розы на лужок присели,
Наполнив рощи звуками веселья.

Но вот затих их говорок и гам.
Одна блуждает дева по лугам

И в зарослях цветочной кущи тонет.
И мнится — соловей полночный стонет:

«О верный друг, о юный кипарис!
Откликнись мне, на голос мой вернись!

Приди сюда, в мой сад благоуханный,
Дай мне вздохнуть, от горя бездыханной.

А если нет в наш край тебе пути,
Хоть ветерком о том оповести».

И не успела смолкнуть — слышит дева:
Раздался отклик милого напева.

Какой-то путник, недруг или друг,
Прислушался, и зазвучала вдруг,

Как жемчуг, скрытый в море мирозданья,
Газель Меджнуна, просьба о свиданье:

«О, бедность раздранной одежды моей!
О, светлый привратник надежды моей!

Меджнун захлебнулся в кровавой пучине, —
Какое до этого дело Лейли?

Меджнун растерзал свое сердце и тело, —
Чей пурпур багряный надела Лейли?

Меджнун погибает, пронзенный шипами, —
В забвенье каком охладела Лейли?

Меджнун оглашает пустыню рыданием, —
Какое веселье владело Лейли?

Меджнун догорел, как его пепелище, —
В какие сады улетела Лейли?

Меджнун заклинает, оборванный, голый, —
В чьи очи, смеясь, поглядела Лейли?»

Едва лишь голос отдаленный замер,
Лейли такими жгучими слезами

Заплакала, что камень был прожжен.
Одна из юных бывших рядом жен

Всё подсмотрела и пошла украдкой
К родным Лейли с отгаданной загадкой.

И мать, как птица бедная в силках,
Зашлась, затрепыхала впопыхах:

«Как ты сказала? Очень побледнела?
Тот — полоумный! Эта — опьянела!»

Всё кончено! Ничем им не помочь!
И нечем вразумить такую дочь».

И всё осталось тщетным. Где-то рядом
Изнемогала дочь с потухшим взглядом,

С тоской, с отравой горькою в крови.
Но это же и есть цена любви!

СВАТОВСТВО ИБН-САЛАМА

Когда Лейли вошла в цветущий сад,
Один араб, чье племя Бен-Саад,

Знатнейший среди аравийской знати,
В высоких званьях, без иных занятий,

Чье имя — знак, зовущий к похвалам, —
«Сын Мира» — по-арабски Ибн-Салам,

Богач, готовый состязаться с ханом,
Узрел красу в саду благоуханном.

И ветреный тот юноша, спеша,
Расчел, что не теряет ни гроша.

Он рассуждал отважно и толково
И был исполнен рвения такого,

Что только светом девственной Луны
Его желанья жадные полны.

Он отыскал гонца без проволоочки,
Чтоб познакомился с роднею дочки,

И начал, как пристало, сватовство
В честь и на благо друга своего.

Гонец нашел предлог для этой встречи,
Льстя и хитря в обычном красноречье,

Клялся Аллахом и товар хвалил,
И множество сокровищ посулил,

И предал в жертву множество баранов,
Мать и отец, на дело трезво глянув,

Уселись, чтобы сватовству внимать,
И молвили гонцу отец и мать:

«Учтивя речь такая и уместна,
Но всё же, как родителям ни лестно,

Пристало нам бездействовать пока:
Болеет наша доченька слегка.

Мы с вами сладим, лишь минует горе:
Дай же Аллах, чтоб это было вскоре!

Когда у нас распустится бутон,
Мы выметем его колючки вон.

Довольствуйтесь же обещаньем этим!
А день счастливый мы, конечно, встретим,

И шейку в ожерелье заключим,
И это ожерелье вам вручим».

Всё понял Ибн-Салам и без опаски
Стал ожидать помолвки и огласки.

НОУФАЛЬ ПРИХОДИТ К МЕДЖНУНУ

Жил среди знатных той земли Ноуфаль,
Чье сердце — воск, а мускулы — как сталь.

В любви — как лань, он в гневе львом казался
И в сердце войск мечом своим вонзался.

Богач и обладатель гончих свор,
Со свитой он бродил е недавних пор,

Охотился за дичью в той пустыне.
Вдруг перед ним — страдалец, чьей святыней

Была любовь; пришибленный бедняк,
Он нищ, бездомен, немощен и наг.

С ним два-три хищных зверя встали рядом,
И лижут след, и смотрят кротким взглядом.

Ноуфаль людей своих тотчас спросил
О жалком юноше, лишенном сил.

Он услышал историю скитанья
Меджнунова и о любовной тайне,

О том, как дико он в пустыне жил,
О множестве стихов, что он сложил.

Паломники из многих стран, бывало,
Ему приносят пищу иль питье,

Но если и пригубит он помалу,
То только в честь любимой, за нее.

Тогда Ноуфаль, услышав эту повесть,
Сказал: «Пускай же честь моя и совесть

Принадлежат отныне бедняку.
Я должен утолить его тоску».

Затем Ноуфаль с коня лихого спрыгнул,
Меджнуна кротким голосом окликнул,

И усадил за ужин, и тотчас
Заговорил, тревожась, горячась,

И понял он: смягчается неволью
Безумец, — но ему как будто больно,

Что вкривь и вкось беседу повели
И что никто не вспомнил о Лейли.

И повернул Ноуфаль тогда беседу
По этому излюбленному следу.

Тогда Меджнун притих, повеселел,
И выпил он с Ноуфалем и поел,

Сошелся он с товарищем неожиданным,
Красноречивым, в ласке неустанным,

И спел для друга множество касыд,
И отвечал, вином и лаской сыт,

Остро и неожиданно на речи.
Ноуфаль был очень рад началу встречи.

Он говорил Меджнуну: «Погоди!
Оставь унынье! Счастье впереди.

Добуду я Лейли тебе, быть может:
Мне золото и сила рук поможет.

Будь легкой птицей в воздухе она —
Мне не страшна такая вышина.

Будь малой искрой, что таится в камне, —
Мечом ударю, — эта песнь легка мне».

Меджун склонился до земли в ответ:
«Рассказ хорош, хоть в нем обмана нет,

Но человеку столь дурного нрава
Дочь отдавать — у матери нет права.

Она — цветок, я вихрем налечу.
Она — Луна, — как див, захохочу.

Соединенье наше невозможно.
Или была людская помощь ложной

И чудотворна лишь твоя рука?
Но я боюсь, по чести, что, пока

В тенета нам добыча попадетсЯ,
Тебе бесславно отступить придется.

Спасибо и за то, что протянул
Мне в помощь руку. Если ж обманул

И речь твоя — один мираж бесплотный,
Оставь меня заботой мимолетной.

Я буду жить, как жил, за годом год.
Благословен да будет твой приход!»

Ноуфаль, внимая этим грустным пеням,
Был полон тем же страстным нетерпеньем

И много раз поклялся вновь ему,
Как сверстнику и брату своему:

«Клянусь Аллахом и лицом пророка,
Клянусь тебе без отдыха и срока:

Да сгинут сон, и отдых, и еда,
И клятва та пребудет век тверда —

Меч не вложу до той поры, покуда
Того, в чем обещался, не добуду.

Но и тебя прошу я, брат и друг,
Чтобы не воздевал напрасно рук

В отчаянье и ждал счастливой вести.
Так будем мы стремиться к цели вместе».

Меджнун обрадовался речи той,
Как будто в ней пленительный настой

Надежды и спасенья. Без унынья
Доверился Ноуфалю он отныне,

Отправился за ним в его шатер,
В горячей бане пыль пустыни стер,

И, руки в благовонных водах моя,
Чело обвил он шелковой чалмою.

Под струнный чанг, за чашами вина
Не раз газель бывала сложена

В честь красоты любимой. С той минуты
Вновь выпрямился стан его согнутый,

Вновь заалел бескровный воск чела,
В дыханье амбры виться начала

Волна кудрей, и зубы заблестели
В улыбке ослепительной. И в теле

Струился пурпур. И былая тьма
Ушла от утонченного ума.

И нежил и ласкал его стократно
Хозяин и за чашею приятной

Хвалил красу, расцветшую светло.
Меж тем в беседах время шло и шло.

ВТОРАЯ БИТВА НОУФАЛЯ

И каждый, кто увидел сбор военный,
Остолбенел от ужаса мгновенно.

Тряслась земля, когда трубили сбор,
Обрушились вершины многих гор.

И предводитель племени, тоскуя,
Впился глазами в силущу такую.

Он услышал звон копий и мечей,
Флейтистов вой и рокот трубачей.

Велел им тут же сдаться разум здравый,
А честь на это не давала права.

Но что ни думай, страшный час настал.
Меж тем поток уже по ним хлестал.

Сошлись две рати грудью в грудь, и снова
Дрожала твердь от грохота сплошного.

И, всасывая крови яркой сок,
Карбункулами расцветал песок.

Устало сердце от ее потока,
От внутренностей, вспоротых жестоко.

Меж тем Ноуфаль вонзал опять булат
И, как дракон, был грозен и крылат.

Всё мчится. Жизнь мгновенна человечья.
Мгновенны все смертельные увечья.

Престолы, повалившиеся ниц,
Расколет меч на доски для гробниц.

Был для Ноуфаля этот день удачен.
Он победил и, торжеством охвачен,

Всех, кто был жив, кто дрался, кто бежал,
Безжалостно мечом уничтожал.

Лишь раненых щадил отмститель бранный.
Но всё равно: смертельны были раны.

Посыпав пеплом бедную главу,
С позором шли старейшины ко льву

И, лобызая след его на пыли,
Лишь о последней милости вопили:

«О справедливый, страшный судия,
Да славится отныне мощь твоя!»

Твой враг простерт — прости нас милосердно,
Мы все в плену или в постели смертной.

Твой суд не страшен, а страшна беда, —
Недолго ждать и Страшного суда».

Ноуфаль, услышав жалобные пени,
Простил их, но воскликнул в нетерпенье:

«Немедленно невесту нам отдать,
Тогда на племя снидет благодать».

И вот пришел отец невесты в страхе.
Сам, словно прах, простерся он во прахе:

«Я дряхл и нищ стою перед тобой,
Вся наша кровь, весь ужас и разбой,

Все наши беды, всех сирот унынье
На совести моей лежат отныне.

Ты просишь дочь, сокровище мое?
Последнему рабу отдай ее.

Я без упрёка выполню приказ твой:
Ты победитель — как умеешь, властвуй.

Раздуй костер — пускай она сгорит, —
Тебя за всё отец благодарит.

Зарежь ее, швырни в колодец смрадный,
Я службу сослужу и безотрадно

И тут лица не отверну, грустя,
Но диву не отдам свое дитя.

Он должен быть в цепях, не в узах брака.
Он — темный мрак, она — гонитель мрака.

Он — злобный пламень, бабочка — она.
Недаром гонит издавна страна

Иль дразнит иногда, чтоб посмеяться,
Безумного большого тунеядца.

Без будущности, жалок и упрям,
Скитается он голый по горам,

В пустыне бродит, плачет и хохочет,
Свою родню, да и меня порочит.

Лейли не с ним, но на устах у всех.
О ней, о ней всеобщий толк и смех.

Ее названье в ветре аравийском
Услышишь ты в таком соседстве низком!

Так помоги, освободи меня.
Прошу о том, униженно кляня!

А если нет — клянусь тебе Аллахом! —
Уйду назад, расставшись с этим страхом,

Сам заколю безропотную дочь
И псам швырну ее останки прочь,

Чтоб быть свободным от ее позора,
От вечных войн, от вечного раздора.

Пускай хоть псы, но только бы не див!
От злых клыков молитвой оградив,

Мы боремя и с бешеными псами.
Но если предаемся диву сами,

Тогда спасенья человеку нет».
Так речь закончил старец. И ответ

Послышался смиренный, умиленный:
«Встань, старец, сединами убеленный.

Хоть я и вождь и грозный суд вершу,
Но дочери по милости прошу!

И так добыча наша изобильна.
Ведь женщина, добытая насильно, —

Хлеб черствый и соленая халва.
Хотя и велики мои права,

Мы не нуждаемся в насилье диком».
И воины приветствовали криком

Такой исход сраженья: «Тот больной
Не может и не должен жить с женой.

Меджнун в нечистых помыслах не властен,
Во всем непостоянен и несчастен.

Ради него сражались мы в огне,
А он чужой мирволил стороне;

Ради него мы были стрел мишенью,
А он кричал нам вместо утешенья

Военный клич неведомых племен.
Так делает лишь тот, кто не умен.

Как ни гляди, смеется он иль плачет, —
Нам, право, невдомек, что это значит...

И девушке он гибель возвестит.
Нам не к лицу их сватать. Это стыд.

Отнимем от дурного дела руки!»
И, взявший страсть Меджнуна на поруки,

Вождь отозвал назад свои войска.
Меджнун, увидев, как Лейли близка

И недоступна для него отныне,
Сел на коня и ринулся в пустыню.

Не день, не два Ноуфаль его искал
В пещерах и ущельях между скал,

Напрасно звал и жаждал новой встречи
Для ласковой и дружелюбной речи, —

Меджнун оттуда сгинул навсегда,
И боль его все поняли тогда.

СТАРУХА ВЕДЕТ МЕДЖНУНА К ПАЛАТКЕ ЛЕЙЛИ

Однажды, чуя смутную надежду,
Пошел он к племени любимой, к Неджду,

Увидел издали жилья дымок —
Сел на краю дороги, изнемог

И так вздохнул, как будто бы влетела
Душа в его безжизненное тело.

Вдруг видит он: старуха там идет,
Она безумца дикого ведет.

Весь в путах был безумец, и как будто
Его не раздражали эти путы.

Старуха торопилась и вела
Безумца на веревке, как козла.

И стал Меджнун спрашивать со страхом,
И заклинал старуху он Аллахом:

«Кто ты и твой попутчик кто таков,
Чем заслужил он множество оков?»

И прозвучал ответ ее короткий:
«Не узник он, не заслужил колодки.

Мы — нищие. Я — горькая вдова;
От голоду бреду едва жива,

По нищенству веду его, как зверя,
Чтоб он плясал и пел у каждой двери.

Легко нужда научит шутловству:
Так вот подачкой малой и живу.

Что соберу, поделим без обмана,
Без спора пополам на два кармана».

Меджнун, едва услышал, в тот же миг
В отчаянье к ногам ее приник:

«Всё это — цепь, веревки и колодки —
Мне подойдет. Я тот безумец кроткий,

Несчастный раб любви, достойный уз;
Я быть твоим товарищем берусь,

Веди меня, укрой в своем позоре
Мою любовь, мое шальное горе.

Куда угодно, нищенка, веди,
И всё, что ни сберешь ты впереди,

Бери себе без всякого раздела».
Старуха на добычу поглядела

И оценила выгоду на глаз.
Немедленно от друга отреклась,

Запутала цепями и веревкой
И заковала кандалами ловко,

Колодку сдавив его слегка,
И повела по свету новичка.

И счастлив был он ссадинам на шее.
И, от цепей как будто хорошея,

Он пел свои газели и плясал,
А если камень кто-нибудь бросал,

То он еще подпрыгивал для смеха!
Или кривлялся. Вот была потеха!

И вот однажды нищие пришли
На взгорье Неджд, к шатру самой Лейли.

Тогда Меджнун воспрянул, умиленный.
Приник он, как трава, к земле зеленой

И бился головой, простершись ниц.
И хлынул дождь весенний из глазниц:

«Любимая! Смотри, как мне отраден
Зуд этих черных ран и грязных ссадин.

О, если за постыдный мой порок
Еще не миновал возмездья срок,

По твоему благому повеленью
Казнимый, не хочу сопротивленья.

На бранном поле нет моей стрелы.
Смотри! Я здесь, я жду твоей стрелы,

Простертый ниц, достойный смертной кары
За то, что наносил тебе удары.

За то, что ноги шли в песках, пыля,
Сейчас на щеке у меня петля.

За то, что пальцы не держали лука,
Их скрючила такая злая мука.

За всё невольно сделанное зло,
За всё, за всё возмездие пришло.

Не позволяй мне в униженье биться
О твой порог. Убей меня, убийца!

А если корневищами страстей
Еще я крепок, — вырви из костей

Те гвозди, что мое распяли тело.
Любить меня живым ты не хотела,

Не возложила на голову рук.
О, может быть, когда погибнет друг,

Опустишь ты мне на голову руки.
Хоть обезглавь — что мне любые муки!

Когда свечу уродует нагар,
Обрежь фитиль — и ярче вспыхнет жар.

Раз в голове огонь моей болезни —
Туши огонь, а голова — исчезни!»

Так он сказал и взвился, как стрела,
И сразу пути плоть разорвала.

И, испугавшись собственного горя,
Достиг он быстро Неджда и на взгорье

Бил сам себя руками по лицу.
Когда ж об этом весть дошла к отцу

И к матери, — они пошли за сыном,
Хоть им и не пристало знаться с джинном.

Увидели — и обуял их страх,
И бросили безумного в горах,

И он один остался во вселенной,
Одной Лейли, одной любовью пленный.

И кто бы с ним в беседу ни вступал,
Он убегал или как мертвый спал.

ВЕНЧАНЬЕ ЛЕЙЛИ

Рассказчик, собиратель самоцветов,
Так продолжал, события поведав:

Когда Ноуфаль победу одержал
И одержимый от него бежал, —

Отец Лейли, чалму надвинув на лоб,
Боясь, чтоб дочь худого не узнала б,

Не подпоясав платья, поспешил
И начатое дело довершил:

«Конец несчастьям! Хорошо наказан
Тот бедный малый. Погляди: сейчас он

Несется вскачь от нашего шатра.
Признайся, наша выдумка хитра.

Ноуфаль помог, хвала ему и слава,
Что сгинула из наших мест отрава».

Лейли внимала болтовне отца,
Не поднимая бледного лица.

Когда ушел, слезами оросила
Порог жилья. Потом иссякла сила

У плачущей. И в тесноте жилья
Она забилась в угол, как змея

С раздавленной, разбитой головою.
Лишь веянье оттуда ветровое

Ее благоуханье разнесло.
И с каждым часом множилось число

Искателей руки ее, влюбленных,
Богатых, именитых, распаленных.

К ней тянут руки, просят хоть взглянуть,
Ее шатра касаются чуть-чуть.

Красноречивых посылают своден.
Но ей никто не мил и не угоден.

Себя шипами роза бережет,
Смех на устах — а сердце пламень жжет.

Смеется, пьет из кубка, смотрит в очи, —
И тает, как свеча во мраке ночи.

А к Ибн-Саламу шла уже молва.
И вот явился он в день торжества

В роскошном блеске, с мощным караваном,
С пахучей амброй, с сахаром медвяным.

Дымился мускус, и пылал рубин,
Добытый в рудах каменных глубин.

Верблюды шли, великолепье множа,
С парчой для брачного ночного ложа.

Свирепы, легконоги и стройны,
Арабские промчались скакуны.

То золото, чья каждая песчинка
Столпотворенье вызвала бы рынка,

Жених рассыпал, как песчаный прах,
На глиняном полу и на коврах,

Лишь бы задобрить сердце недотроги.
И, отдохнув два дня после дороги,

Призвал он вновь умелого гонца.
Тот, не жалея красного словца,

С диковинками Рума или Чина,
Сладкоголосо, истово и чинно

Открыл ларец, где заперты слова:
«Жених — наездник, оседлавший льва,

Краса пустынь, светило небосвода.
Ты скажешь «кровь» — он льет ее, как воду.

Воскликнешь «злато» — сыплет, как песок.
Он и богат, и знатен, и высок.

Под покровительством такого зятя
Ты всё получишь в мире без изъятья!»

Когда гонец договорил, что мог,
Отец в труднейшем деле изнемог,

Вертелся, спорить не хотел и скоро
Решился без раздумия и спора.

Так и была в то утро отдана
Клыкам дракона юная Луна.

И начались у них приготовления!
Украшены шатры на удивленье.

Жених со всей родней наперечет
Явился первым. Воздан им почет.

За пиршество, наполнив чаши, сели.
И, как велит обычай их веселья,

Дождем дирхемы льются на ковры.
Мать собирает ценные дары

За молоко, которым дочь вспоила.
Но в сердце дочь тревогу затаила.

И, крепко сжав уста и сердце сжав,
Слез не сдержав и вздоха не сдержав,

Дрожит Лейли. И снится ей былое,
Как воскуренья тонких смол алоэ.

К утру носильники в путь снаряжены.
Ждет Ибн-Салам возлюбленной жены.

Разбит сосуд, едва он был пригублен.
Едва начатый день уже загублен.

Шиповник тронь — колючий куст остер.
Дунь на огонь — расшевелишь костер.

Кто мятежами потревожит племя,
Того своим считать не может племя.

Причина жизни — совершенный лад.
Причина смерти — вспыхнувший разлад.

Лейли? — Погас огонь ее души.
Так началась агония души.

ИБН-САЛАМ ПРИВОДИТ ЛЕЙЛИ В СВОЙ ШАТЕР

Когда разбило солнце в час рассвета
Шатер в долине голубого цвета

И ночь скликала звезды в легкий челн,
Чтобы уплыть к Евфрату синих волн, —

Жених проснулся, радостный и пылкий,
Он приготовил для Лейли носилки.

И девушка вошла под паланкин,
Повез ее довольный властелин.

И дома, в знак любви и благородства,
Вручил над всем добром своим господство.

Пытаясь воск учтивостью смягчать,
Он и не знал, что делать, как начать.

Но вот едва лишь дерзость в нем проснулась,
За фиником созревшим потянулась,

Едва качнул он гибкой пальмы ствол,
Как о шипы все пальцы исколол.

Так по щеке Лейли ему вlepила,
«Попробуй только тронь! — так завопила,

Что замертво он наземь полетел. —
Тронь — и, клянусь, не уберешься цел.

Клянусь Аллахом, ибо не напрасно
Он сотворил меня такой прекрасной.

Как ни желай, не дамся нипочем,
Хоть бей меня, хоть заколи мечом!»

Муж эту клятву страшную услышал
И, радуясь, что невредимым вышел,

Решил: не будет близости меж них.
Отказу подчинился и притих,

Настойчивый, учтивый, безответный.
Повсюду рядом с ней, он незаметно,

Просозерцав недели две Луну,
Сам очутился у нее в плену.

Тогда решил: «Я от любви бледнею
И молча отступаю перед нею.

Так лучше, созерцая издали,
Довольным быть, что не ушла Лейли»,

И ей сказал: «Будь от меня далеко.
Будь проклят я, не перейду зарока».

И после перемирия был рад,
Скрещая с ней, хоть и случайно, взгляд.

А роскошь сада, дева-недотрога,
Вперив глаза на дальнюю дорогу,

Ждала, чтоб ветер, дующий до слез,
Пыль из-под ног любимого занес.

Вдруг из шатра немилого выходит,
Рыдает громко, безутешно бродит,

Вдруг побежит, как будто опьянев:
Всё спуталось — печаль, и стыд, и гнев,

И горько ей, и страшно, что бесславно
Всё скрытое разоблачилось явно,

Но страха нет пред мужем и отцом —
Она проходит с поднятым лицом.

Когда любовь становится алмазом,
Что ей отец, что муж с его приказом!

СНОВА ОТЕЦ ПРИХОДИТ К МЕДЖНУНУ

Иранец некий сказывал: отныне
Отец Меджнуна пребывал в унынье,

Напрасно тратил время, денег тьму,
Чтоб угодить больному своему:

Мой эфиопа трижды и семижды,
Но эфиопа тем не обелишь ты.

Отец уже был немощен и стар.
Он чувствовал, что близится удар

И распахнет последние ворота.
И старцу опостылела забота

И тесен показался дом родной.
Охрипла флейта горла. И струной

Ночного чанга в нем росла тревога,
Что смерть уже стучится у порога.

Тогда он посох страннический взял,
Двум отрокам собраться приказал

И вышел в путь в надежде и в веселье.
Вновь перед ним скалистые ущелья,

И зелень трав, и чахлые пески,
Кто странствует, не чувствует тоски.

Но нет нигде следов родного сына.
Вдруг кто-то рассказал, что есть трясина,

Есть ямина зловонная в парах,
Казан горючих смол, гниющий прах,

Туманом отвратительным одетый,
Обитель кары, спрятанная где-то.

И поспешил отец, не опоздал.
Он сына в страшном облике узнал!

Узнал — и сердце жить не захотело,
Пред ним — душа вне высохшего тела,

Костяк недвижимый в кожаном чехле,
Свивающийся, как змея, во мгле,

Изгнанник ослепительного мира,
Поклонник изменившего кумира,

Цеп, молотящий призраки и сны.
Тончайший волос, вихрем быстрины

Носимый и зачем-то сбереженный,
Бродячий пес, чумою зараженный,

Котел, который выкипеть не смог,
Воспламененный разум, сбитый с ног,

Зверь со звериной шкурою на бедрах, —
Таким был этот одичалый отрок!

И робко подошел отец, присел,
По волосам погладить не посмел.

Два сердца, сына и отца, стучали
Родною кровью, равною печалью.

Меджнун глядит из-под усталых век,
Не понимает, что за человек,

Что за старик заботливый с ним рядом,
И он впился в отца безумным взглядом

И спрашивает: «Кто же ты такой?»
И машет тощей, слабою рукой.

И отвечает старец: «Я отец твой».
И сын тогда припоминает детство

И падает в слезах к ногам отца.
И горьким поцелуям нет конца.

Старик всмотрелся пристальней и зорче
В дитя свое, истерзанное порчей, —

И кажется отцу, что перед ним
Нагой мертвец, на Страшный суд гоним.

Тогда он из мешка одежду вынул
И на плечи дрожащему накинул

И бледный лоб закрыл ему чалмой.
«Душа моей души, любимый мой!

Не время спать. Дни мчатся, словно кони,
Друг друга нагоняют в злой погоне,

Беги от этой гибельной горы,
Где ливни смертоносны и остры,

Где молния на диких кручах блещет,
А кровь твоя из ран горючих хлещет.

Дни считанные, гол и одиноч,
Побудешь здесь, но свалишься ты с ног

Добычей для стервятника иль волка.
Остерегись! Ждать гибели недолго.

Последний пес хозяйский на цепи
Счастливее изгнанника в степи.

То русло, где река текла безмолвно,
Разрушат завтра яростные волны.

А та гора, где родился поток,
Когда-нибудь расколется, — дай срок!

Будь из любого камня иль металла,
Беда нагрянет — и тебя не стало.

Обуглился, почти дотла сгорел,
А всё еще не вырос, не созрел.

Какого ты верблюда насмерть гонишь?
В каких песках непроходимых тонешь?

Мушриф казны, что див заворожил,
Ты пьявкой стал своих открытых жил.

Обрадуйся хотя бы ласке ветра,
Ведь и она обогащает щедро.

Она не лжет, слетя на миг один.
Обрадуйся хотя на миг один.

Пускай же ветерок умчится завтра.
Никто не знает, что случится завтра.

Ты жил в пустом пространстве — отдохни.
Не надо больше странствий — отдохни.

У пса есть дом и собственная миска,
А ты бездомен. Ты упал так низко,

Как будто бы не человек, как мы,
А бестелесный див, создание тьмы,

Иль оборотень, что по свету рыщет
И воплощенья собственного ищет.

Ты мне родной, будь также другом мне
И не хвались своим недугом мне.

Но берегись, сегодня не ответишь,
А завтра ты нигде меня не встретишь.

Я скоро свиток жизненный сверну.
Пей кубок за меня! Я отдохну.

Останься на пиру, как виночерпий,
Мой пир окончен. Солнце на ущербе.

Пыль золотит закатный путь. Пора!
Жизнь прожита. В обратный путь пора!

Но страшно мне, что буду я в дороге
И ты придешь обнять отцовы ноги,

На тленный прах, рыдая, упадешь,
Но отклика у праха не найдешь.

Пускай твой вздох взвоется дымом чадным —
Молчанье праха будет беспощадным.

Огонь тоски тебя испепелит,
Но мертвый пальцем не пошевелит».

ОТЕЦ ПРОЩАЕТСЯ С МЕДЖНУНОМ

«Дай руку, сын, прощай, пока не поздно.
Смой пыль мою хотя бы влагой слезной,

Чтоб эта влага вспоминалась мне
В последней колыбели, в смертном сне,

Чтоб я запасся для дороги дальней
Не только ношей грустной и печальной.

Здесь прихоть неуместна. Обними
Отца, как подобает меж людьми.

Прощай! Меня ты больше не увидишь.
Прощай! Один в грядущее ты выйдешь.

Прощай! Я завязал пожитки в путь —
Поторопись в глаза мне заглянуть.

Прощай! Прощай! Сейчас корабль отчалит.
Но если и прощанье не печалит.

Единственного сына моего,
Тогда прощай. Кончается родство».

Так вымолвил он горько и сурово
Последнее ~~напутственное~~ слово.

И поспешил старик в обратный путь.
Но дома не успел он отдохнуть.

Два дня иль три, недомоганьем мучась,
Посетовал старик на злую участь.

Но смерть в засаде долго не ждала.
И человечьи кончила дела.

Его душа, как из-капкана птица,
Рванулась, чтобы с жизнью проститься,

И мертвый прах ушел в земную твердь.
Всё исцелив, всё рассудила смерть.

Наш мир — вертеп. Кто ищет в нем покоя,
Пусть не дружит с печалью и тоскою, —

Пусть, как луна, свершит круговорот,
Как молния, родится и умрет.

Дом на стоянке временной непрочен, —
Не отдыхай, да и горюй не очень.

Когда селенье встретишь на пути,
Не вздумай там оседлость обрести,

Лишь тот, кто душу вынес из чертога,
Ее сохранно донесет до бога.

Подобье дива с ангельским лицом,
Мир забавляется твоим концом.

Кипят сердца в его застольной чаше, —
Всмотришь в нее: там будущее наше.

Ты на долины предъявил права, —
Всмотришь же: там, как острый нож, трава.

Живи и впредь, об этом твердо зная,
В таком познание честь твоя земная,

Возрадуйся, что ярче ярких роз
Твое познание в мире разрослось.

Не будь змеей, свернувшейся в ущелье,
Да будет жизнь твоей единой целью,

Цепляйся за нее, борись за жизнь,
А кончится — спокойно откажись.

Летят века, шальные мчатся кони.
Вчитайся в длинный свиток их погони.

Прошли огнепоклонники, как сон.
Кто из ушедших в свиток занесен?

Где племена, зарытые в пустыне?
Кто обитает на могилах ныне?

Свершай добро, не обольщайся злом,
Добро к добру привязано узлом.

Свершай добро. Оно со дна колодца
Когда-нибудь к тебе добром вернется.

Когда звучит его благая весть,
Под куполом вселенной отклик есть:

Скажи горе свой замысел заветный —
Раздастся тут же гул ее ответный.

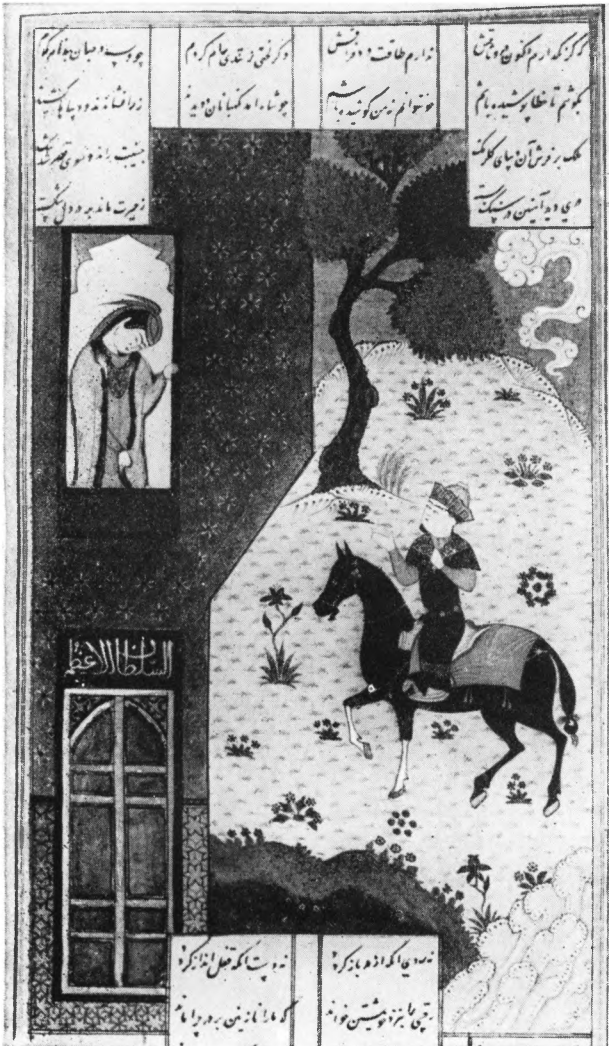

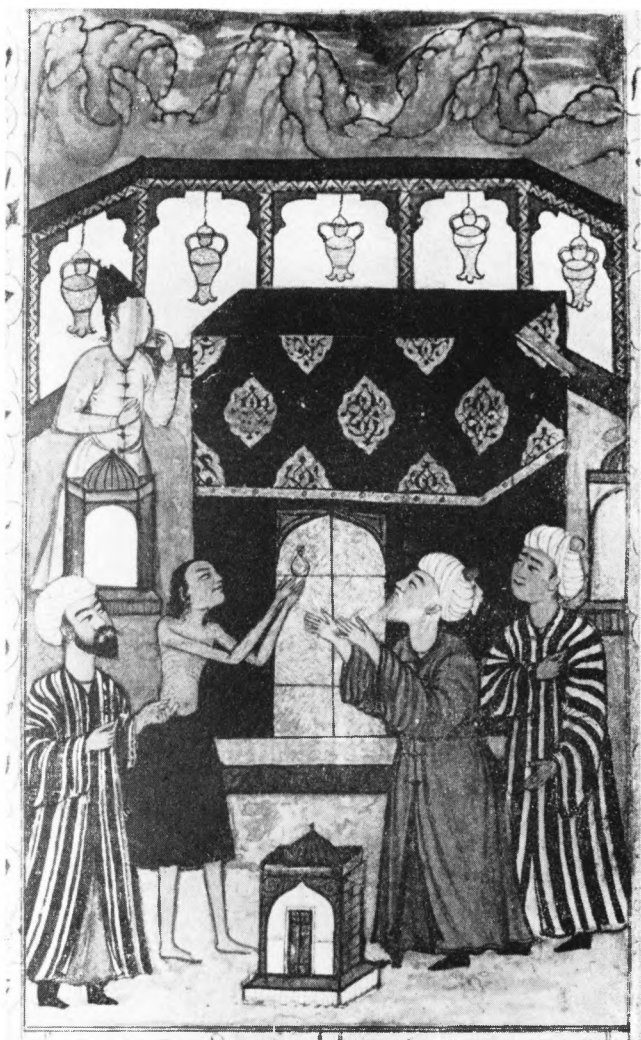
کتابت حضرت

نه که از زینت نام بر آید ز نام ما تا می آید آید مبارک روی که در این جا ما چشم خود را فرود سعادت ما در این کسب گوید و نام شریفش زینت نظر و کاروان حکمتش بین آدم زود که خواندش خداوندان پروردارن ششما که از پیشه و چه سستی این خاطر ملت ششما و دیدم در این راه نزهت نفسش به راه	اولی که کسب ما بماند در دم ما نیز خود را نبرد خودی که پروردگار سوادش بود و بار سخاوت را بدو سپردند	طایر به جنتی نایاب بار از این پندم نگار ز مردم با نده آواز از شکستناش غرض کلید به شکستش	نه و خاور زمینش بجا در انبیا را در عالم بر او بی هم با نده کرد چنان که خواندش فرخ شرح آمد و کسبش خواند هم نامش برین کسب نیما از غایت راه در عارض غایت کرد نه ای که از این راه کعبه بر باره و هم هم شاه کار هم که از این راه است در این راه است زود نفسش ششما
<p style="font-size: 1.2em; margin: 0;">بسم الله الرحمن الرحیم</p> <p style="font-size: 1.2em; margin: 0;">الحمد لله رب العالمین</p> <p style="font-size: 1.2em; margin: 0;">والصلاة والسلام على من لا نبي بعده</p> <p style="font-size: 1.2em; margin: 0;">وآلِهِ الطَّيِّبِينَ</p>			
بنام که سپستیم نام زود سخاوتی که در میان جوارش کسب ما که ما را زود به سپست سواد این راه است و چه در راه بر آتش زود	بیای که کان که زود که در مطلق آمد زود ای سخاوتی شب در زود علاج را به بر این راه چه دانش زود	بیای که کان که زود که در مطلق آمد زود ای سخاوتی شب در زود علاج را به بر این راه چه دانش زود	بیای که کان که زود که در مطلق آمد زود ای سخاوتی شب در زود علاج را به بر این راه چه دانش زود

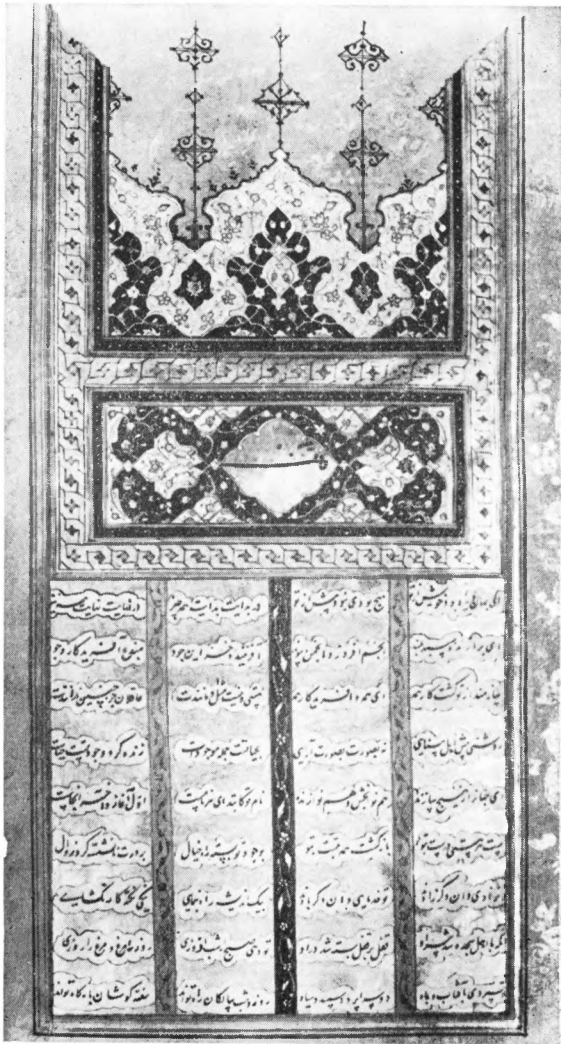

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Однажды от охотника, что вышел
Ночной порою, брань Меджнун услышал:

«Эй ты, забывший, где живет родня,
Беспамятный, без крова, без огня!

С одной Лейли ты нянчишься, как с куклой,
Мать и отец — всё для тебя потухло.

Отец и мать ничто. Да это срам!
Уж лучше бы лежал в могиле сам.

Ты сыном называться недостоин.
Пока живет отец, сынок спокоен

По глупости, по молодости лет.
Но час пришел, отца на свете нет, —

Хоть помянул бы словом над гробницей,
Сходил бы раз родному поклониться,

Хоть признак сожаленья об отце
Возник бы на дурном твоём лице!»

И тотчас в раздирающей печали
Как будто струны чанга прозвучали —

Таким он был, сыновний первый стон.
К могиле свежей устремился он.

Лишь увидал Меджнун надгробный камень,
Он молча обхватил его руками,

Припал всем телом, и в потоках слез
Его шальное горе прорвалось.

Он заболел горячкой в ту же ночь.
Ему не трудно было изнемочь:

И без того всей этой жизни краткой
Хватило лишь для встречи с лихорадкой.

Но каково в душевной смуте той
Внезапно очутиться сиротой!

Так он лежал, над прахом распростертый.
И был Меджнун еще мертвей, чем мертвый.

«Отец мой, где ты? Где душа отца?
Не отвращай от первенца лица.

Ты предпочел существовать без сына, —
Вот почему меж нас легла пучина.

А я не знал, как больно одному.
Я скоро сам уйду в такую тьму.

На помощь! О, как ты далек! На помощь!
Жизнь тлеет, словно уголек. На помощь!

Ты мой советчик, лучший друг — всё ты.
Отвага сердца, сила рук — всё ты.

Всё, чем душа моя богата, — ты.
Благой наставник тариката — ты.

В такой дали безлюдной без тебя!
О, как идти мне трудно без тебя!

Не попрекай меня своей кончиной.
Я знаю сам, что был тому причиной.

Наездник, не объездивший коня,
Зачем ты не сумел взнуздать меня?

Я был жесток — ты кроток бесконечно.
Я злой мороз — ты жар любви сердечной.

Ты мучился, что первенца родил, —
А я кругом да около бродил.

Пушинку ты сдувал с моей постели, —
А мне и сны присниться не хотели,

Ковры стелил ты для моих пиров, —
А я забыл про милый отчий кров.

Прости, отец, молю о том усердно.
Обидел я тебя, обидел смертно».

Так он взывал, и плакал, и кричал,
И белый день слезами омрачал.

Ночь развернула черные знамена,
Скликая в небо звезды поименно.

И снова зори были высоки.
И снова бил он в барабан тоски.

Алхимик-солнце эликсиром утра
Природу всю позолотило мудро.

Но прах живой над прахом мертвеца
Еще вопил, не поднимал лица.

Не только об отце, почившем ныне, —
О всей своей неслыханной судьбине,

О той любви, которой не помочь,
О юности он плакал день и ночь.

ДРУЖБА МЕДЖНУНА С ДИКИМИ ЗВЕРЬМИ

Однажды он опять явился к Неджду
И увидал на старых свитках, между

Иных писем, что правдою влекли,
Два имени — Меджнуна и Лейли.

Два имени друг к другу жались тесно.
Он разорвал сейчас же лист чудесный,

Он милой имя ногтем соскоблил.
И некто удивился и спросил:

«Что это значит, что второе имя
Руками уничтожено твоими?»

Он отвечал: «Не нужен знак второй
Для двух влюбленных. Ведь в земле сырой

Истлеет прах — и всё равно услышат,
Что двое рядом после смерти дышат».

«Зачем же соскоблил ты не себя,
А милую?» Ответил он, скорбя:

«Безумный, я — лишь кожа пустая.
Пускай во мне гнездится, прорастая,

Любимая, пусть эта кожа
Ее от глаз укроет, как чадра».

Так он сказал и вновь ушел в пустыню.
Он жил, как скот, и привыкал отныне

К сухим корням и к стеблям горьких трав,
Так со зверьми он жил, как зверь, поправ

Закон людей, дикарский их обычай,
Далек от униженья и величья.

И звери с ним дружили и, дружа,
Не знали ни рогатин, ни ножа.

Лисицы, тигры, волки и олени
Шли рядом с ним иль ждали в отдаленье

Любого приказанья, как рабы.
Шах Сулейман, властитель их судьбы,

Надменно он в своих скитаньях длинных
Шел под зонтом из мощных крыл орлиных

Он достигал таких монарших прав,
Что подобрел звериный хищный нрав.

Не трогал волк овечки нежноокой,
Не задира лев онагра жестокий,

Собака не бросалась на осла,
И молоко пантеры лань пила.

Когда же он задремывал устало,
Хвостом лисица землю подметала,

Ложилась кротко лань у пыльных ног,
А прислониться он к онагру мог

И голову клонил к бедру оленя.
И падал лев пред спящим на колени.

Оруженосец верный и слуга,
Коварный волк, чтоб отогнать врага,

Глаз не смыкал, всю ночь протяжно воя,
А леопард, рожденный для разбоя,

Отвергнул родовое естество.
Так все бродяги жили вкруг него,

Построясь в боевом порядке станом,
В общенье с ним, живом и неустанном.

И, встретив эту стражу на пути,
Никто не смел к Меджнуну подойти —

Разорван был бы хищниками тотчас.
Глаза в глаза, на нем сосредоточась,

Пускали звери в свой опасный круг
Лишь тех, кто был Меджнуну добрый друг.

Учась у повелителя прилежно,
Таких гостей они встречали нежно.

С такою паствой жил он, как пастух,
Утешился его смятенный дух,

Доверясь этой первобытной мощи.
Он становился всё смелей и проще,

И люди удивлялись дружбе той,
Звериной свите, смелой и простой.

И где бы ни был юноша влюбленный,
Он шел сюда, к пустыне отдаленной,

Чтоб на Меджнуна хоть разок взглянуть.
Паломник, совершая длинный путь,

Стоянку разбивал с Меджнуном рядом.
И стало для паломников обрядом

Делить с Меджнуном бедный свой обед,
Чтоб услышать любви его обет.

И, съев крупицу из дареной доли,
Он всё бросал зверям по доброй воле.

Так он кормил их летом и весной
И получал от них поклон земной,

Кормилец их, дающий хлеб насущный.
И рос, и рос его отряд послушный,

Привыкли к рабству звери без числа.
Вся вольница их в челядь перешла.

Поклонник Зороастра, маг причит
К подачкам пса — и пес, как кот, мяучит.

ПРИТЧА

Я слышал раз преданье, что когда-то
Был в Мерве венценосец тороватый.

Держал он на цепи косматых псов.
И псы, как злые чудища лесов,

Кабаньей дюжей силой обладали:
Скок — и верблюду голову съедали.

Всех слуг, что вызывали шахов гнев,
Бросал он жадным псам, не побледнев.

Средь близких шаху некий отрок верный
В искусствах был всеведущ беспримерно.

Боялся он, что вероломный шах,
По части дружелюбья оплошав,

Не рассказавши псам, кто он таков,
Отдаст его на милость их клыков.

И шаха он предупредил: на случай
С псарями зажил в дружбе самой лучшей,

Ходил к ним в гости часто и вот так
Бараниной подкармливал собак,

Чесал он псов, загривки им лаская,
Сходила с рук та дерзость; и такая

Возникла дружба в сытые часы —
Ручными стали бешеные псы.

А шах однажды в бешенстве мгновенном
Поссорился с тем юношей смиренным.

И злые стражи шахова дворца
(У них собачьи, видимо, сердца),

Собачьего деянья не краснея,
Схватили жертву и помчались с нею

К свирепым псам, и бросили, и ждут,
Что совершится злодеянье тут.

Сначала псы ощерились, готовясь
К прыжку, но в них заговорила совесть.

Тогда, хвостами ласково вильнув,
Принюхались, в глаза ему взглянув,

И положили головы на лапы.
Так был спасен от смерти отрок слабый.

День миновал. Спустилась ночи тень.
Когда ж опять забрезжил белый день

И черный шелк был золотом украшен,
Проснулся шах, не столь свиреп и страшен,

Раскаялся в соделанном и рек:
«Напрасно лань я гибели обрек.

Ступайте же и посмотрите сами:
Ужели насмерть он разодран псами?»

Псарь услышал о том и задрожал
И с дивной вестью к шаху прибежал:

«Тот отрок — ангел! Промыслом Аллаха
Превращена в благодеянье плаха,

Клыками не скрежещет смерть над ним,
Он в пасти псов любовью храним,

Драконых морд не скалят псы, залязгав,
Лишь нежатся в его приветных ласках».

И шах затрепетал, велел сперва
Извлечь немедля жертву изо рва.

И увидали: отрок жив еще там,
И во дворец ведут его с почетом.

Шах зарыдал и, видя, что он жив,
Спросил: «Каким искусством заслужив

Любовь зверей, ты дышишь, отрок милый?»
— «Мое искусство мясом их кормило, —

Ответил тот. — Я много дней подряд
Псов ублажал — и псы благодарят.

Но десять лет тебе служил я верно,
Ты отвечал наградой беспримерной —

Из-за одной обиды псам швырнул.
Но пес на это иначе взглянул.

Пес — верный друг, а ты — коварный недруг.
За кость одну щедрей он многих щедрых,

А ты, повздорив, отнимаешь жизнь».
Шах, выслушав так много укоризн,

Увидел человечности сиянье,
И отрезвел, и позабыл деянья,

Достойные лишь неразумных псов.
Цель этой притчи — пять последних слов:

Благодеянье — лучшая охрана
Людской душе. Так прожил невозбранно

Бедняк Меджнун с любимыми зверьми.
И ты за благо, ширваншах, прими,

Внимая правде, в образе явленной,
Чтоб не вкусить кровавых слез вселенной!

И гостя, кто бы ни был, хоть халиф,
Рабом соделай, сытно накормив.

МЕДЖНУН ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО ОТ ЛЕЙЛИ

День, — что за день полмира озарил,
Глазам лазурь дневную подарил!

День, — что за день в благоуханьях рая
Легко дышал, горя и не сгорая!

Как будто только скажешь: «Помоги!» —
Удача с правой двинется ноги.

Решила жизнь наперекор упрекам
Кого-то осчастливить ненароком —

Кого-нибудь, кто одинок и наг.
У склона гор бродил Меджнун-бедняк.

С ним рядом стая хищников толпилась.
Внезапно пыль в пустыне закружилась.

Блестящий диск вращался в той пыли.
Блестящий всадник мчался в той пыли.

Подъехал ближе, спешился поодаль.
Меджнун зверям знак дружелюбный подал —

Смирились звери, ластясь и урча.
Тогда Меджнун, признавши богача

В том незнакомце статном и красивом,
Открыл уста приветом неспесивым:

«Звезда Йемена! Как мне разгадать:
Печаль в твоём лице иль благодать?»

Мне взор ласкает облик твой прекрасный,
Но хищники вокруг меня опасны.

В свирепости их собственный закон.
Что до меня, то некогда дракон

Вонзил шипы железные мне в тело.
И если ты пришел для злого дела,

То лучше проглоти сначала речь!»
Услышав, как остро звучала речь,

Гость распростерся пред Медждуном низко:
«Славнейший среди знати аравийской!

О усмиритель дикого зверья,
Смиреньем сражена душа твоя,

И перед ней склоняется и хищник.
Среди вестей, обычных и излишних,

От друга к другу весть я приношу.
Что втайне смог принести, я приношу.

Позволишь мне — на всё тогда отвечу.
Откажешь мне — прощай, я не перечу».

Влюбленный, обнадеженный до слез,
Воскликнул: «Дай скорее, что принес!»

Но гость в ответ: «В таком-то месте мира
Узрел я свет пресветлого кумира.

Нет! То не солнце встало, не луна, —
Чело под легкой тканью полотна.

Не кипарис в тени прохладной сада,
Но целый сад, но всех садов прохлада.

Внимая звукам сладостных речей,
Не прожурчал по камешкам ручей,

Венец кудрей был словно буква «джим»,
Стан — словно «алиф», губы — словно «мим».

Так имя «Джим» само собой сложилось,
И в нем, как в чаше, небо отразилось.

Глаза — как два нарцисса двойника,
Взращенные у берега родника.

Чета бровей — два лука стрелы мечут,
Но каждая стрела — смертельный «нечет».

Но глаз оникс был в слезных жемчугах,
Поникли очи в заливных лугах.

Увидев, что она тоскливо плачет,
Спросил я, кто виной, что это значит.

И усмехнулась дева мне в ответ.
Она сказала: «Кончен мой расцвет.

Звалась Лейли, была я раньше юной —
Сегодня одержимее Меджнуна.

Безумец тот под черною звездой,
Он незнаком с такою злой бедой:

Не женщина-служанка, но мужчина,
Он всех мучений собственных причина.

Идет он смело по путям любви,
Сам отвечает за слова свои

И направляет шаг куда захочет,
И тайно червь души его не точит.

А я бедна, а я всегда одна,
Сама с собой лишь говорить вольна,

Всегда боюсь на что-либо решиться
И доброй славы меж людей лишиться.

Любой напиток горше всех отрав.
Любой покров шелковый жестче трав.

Нет смелости, чтоб мужа переспорить,
Да и отца к тому же переспорить.

Бывает, что любовь велит: «Восстань!»
Но стыд и честь зывают: «Перестань!»

Пусть женщине победа удастся,
Но женщина собою остается.

Пусть женщина кровь проливает, но
Ей львицею казаться не дано.

Покорно приняла я злую участь.
Лишь сердце бьется, жалуясь и мучась:

Как мой любимый тает без меня,
Чьи письма читает без меня?

По чьим путям шагн он направляет,
На чьих пирах он скатерть расстилает?

Чей собеседник, чей любезный друг,
С кем он проводит время иль досуг?

Не знаешь ли, где странник тот бездомный?
Скажи, коль можешь, постарайся, вспомни».

Услышав эту горестную речь,
Не мог я честной правдой пренебречь,

Решил запечатлеть твой облик жесткий
На сердце девы, как печать на воске:

«Безумец, утрашающий себя,
Порвал с друзьями, дружбу истребя,

В свистящем ветре ищет исцеленья:
Вокруг него онагры и олени.

Любовь к тебе — огонь в его крови.
Но смерть отца больнее той любви.

Всё спуталось в неутолимой муке:
То он поет касыды о разлуке,

То составляет плач на смерть отца.
И плачут камни, слушая певца».

Лейли такого вздоха не сдержала,
Потупившись, так страшно задрожала,

Что я подумал, смерть ее пришла.
Но голову сейчас же подняла

И молвила доверчиво и жадно:
«Когда ты в путь отправишься обратный,

Остановись у моего шатра!
(И показала верх того шатра.)

Вручу тебе для милого посланье.
И если искренно твое желанье,

То тайну сохранить не откажись!»
Условившись на том, мы разошлись.

И вот вчера к стоянке их шатровой
Явился я. И женщина в суровой

Одежде синей быстро подошла
И тайное посланье мне дала,

Скрепленное молчаньем, как печатью.
Возьми его! Теперь могу молчать я».

Меджнун схватил посланье от Лейли
И, головой склонившись до земли,

Вертеться стал, как циркуль колченогий,
Плашмя, как пьяный, на землю упал,

Потом пришел в себя, и понемногу
Припадок лихорадочный пропал.

ПИСЬМО ЛЕЙЛИ МЕДЖНУНУ

Когда он развязал письмо Лейли,
Вот что в письме глаза его прочли:

«Во имя вседержителя, чья сила,
Врачуя разум, душу воскресила,

Мудрейшего из мудрых, кто знаком
И с тварей бессловесных языком,

Кто птиц и рыб в своей деснице держит
И семя звезд в ночное небо вержет,

На землю человека ниспослав.
Он есть предвечный обладатель слав,

Он вечно жив и беззакатно ярок,
Вручил он душу каждому в подарок

И целый мир, — возможно ль больше дать,
Чем эта световая благодать —

Сокровище его благой порфиры?»
Рассыпав так смарагды и сапфиры,

Лейли затем писала о любви:
«Страдалец! Пусть утрет глаза твои

Мой нежный шелк — слова, что я слагаю.
Я, как в тюрьме, одна изнемогаю,

А ты живешь на воле, мой дружок,
Ты клетку позолоченную сжег.

Благой источник Хызра в царстве горя,
Пусть кровь твоя окрасила нагорья,

В расселины ушла, как сердолик,
К моей свече ты мотыльком приник,

Из-за тебя война пришла на землю,
А ты, онаграм и оленям внемля,

Мишень моих упреков и похвал,
Ты собственное тело разорвал

И пламенем закутался багровым.
А помнишь ли, когда ты был здоровым,

Ты в верности мне вечной поклялся?
Из уст в уста шла повесть наша вся.

Я клятве ранней той не изменяю,
А ты не изменил еще? — Не знаю.

Где ты теперь? Чем занят? Чем храним?
Чем увлечен? А я — тобой одним.

Мой муж — я не чета ему, не пара.
Замужество мое — как злая кара.

Я рядом с ним на ложе не спала,
И, сломленная горем, я цела.

Пусть раковину море похоронит,
Ничем алмаз жемчужины не тронет.

Никто печати с клада не сорвет,
Бутона в гуще сада не сорвет.

А муж — пусть он грозит, смеется, плачет!
Когда я без тебя — что он мне значит?

Пускай растет, как лилия, чеснок,
Но из него не вырастет цветок.

Ты ждешь меня. Я бы хотела тоже
С тобой одним шатер делить и ложе.

Но раз с тобою вместе жить нельзя —
Моя ль вина, что я такая вся?

Твой каждый волосок — моя святыня.
Твоя стоянка и твоя пустыня —

Они мой сад, цветущий без конца.
Узнав о смерти твоего отца,

Я саван разорвала и вопила,
Лицо себе царапала и била,

Как будто это умер мой отец.
Так весь обряд исполнив, под конец

Я лишь к тебе прийти не захотела.
Ну что ж, пускай в разлуке гибнет тело,

Зато с тобой душа моя всегда.
Я знаю — велика твоя беда.

В одном терпенье вся твоя награда.
А я, поверь, минуте краткой рада.

На зимней ветке почка спит, мертва,
Придет весна — распухнет листва:

Не плачь, когда быть одиноким больно.
А я — ничто. Я близко — и довольно.

Не плачь, что в одиночестве убог.
Запомни: одиноким близок бог.

Не плачь и об отце своем. Рассейся,
Дождями слез, как облако, не лейся.

Отец в земле, над сыном — солнца свет.
Разбита копь, сверкает самоцвет».

Меджнун, когда он прочитал посланье,
Был как бутон, раскрывшийся в пыланье

Торжественной полуденной земли.
Он только и сказал: «Лейли, Лейли,

Лейли, Лейли», и плакал безутешно.
Затем пришел в себя и стал поспешно

Посланнику он ноги лобызать
И долго ничего не мог сказать,

Как будто не владел людскою речью.
И вдруг воскликнул: «Как же я отвечу,

Когда нет ни бумаги, ни пера!»
Но ведь смекалка у гонцов быстра,

И посланный, раскрыв ларец дорожный,
Вручил перо Меджнуну осторожно.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО МЕДЖНУНА

Вступление к письму, его начало
Благоговейным гимном прозвучало:

«Во имя вседержителя творца,
Кто движет все светила и сердца,

Кто никогда ни с кем не будет равным,
Кто в скрытом прозревает, как и в явном,

Кто гонит тьму и раздувает свет,
Кто блеском одевает самоцвет,

Кто утолил любую страсть и жажду,
Кем укреплен нуждающийся каждый».

Затем писал он о любви своей,
О вечном пламени в крови своей:

«Пишу я, обреченный на лишенья, —
Тебе, всех дум и дел моих решенье.

Не так, ошибся: я, чья кровь кипит, —
Тебе, чья кровь младенческая спит.

У ног твоих простерт я безнадежно,
А ты другого обнимаешь нежно.

Не жалуясь, переносу я боль,
Чтоб облегчила ты чужую боль.

Твоя краса — моих молений Кааба,
Шатровая завеса — сень михраба.

Моя болезнь, но также и бальзам,
Хрустальный кубок всем моим слезам.

Сокровище в руке чужой и вражьей,
А предо мной одна змея на страже.

О, сад Ирема, где иссох ручей!
О, рай, не зримый ни для чьих очей!

Ключи от подземелья — у тебя.
Мое хмельное зелье — у тебя.

Так приголубь, незримая, — я прах.
Темницу озари мою, — я прах.

Ты, скрывшаяся под крылом другого,
По доброй воле шла на полный сговор.

Где искренность, где ранний твой обет?
Он там, где свиток всех обид и бед.

Нет между нами лада двух созвучий,
Но есть клеймо моей неволи жгучей.

Нет равенства меж нами — рабство лишь!
Так другу ты существовать велишь.

Когда же наконец, скажи, когда
Меж нами рухнут стены лжи, — когда

Луна, терзаемая беззаконно,
Избегнет лютой нежности дракона,

И узница забудет мрак темницы,
И сторож будет сброшен с той бойницы?

Но нет! пускай я сломан пополам!
Пускай пребудет в здравье *Ибн-Салам!*

Пускай он щедрый, ласковый, речистый, —
Но в раковине спрятан жемчуг чистый!

Но завитки кудрей твоих — кольцо,
Навек заколдовавшее лицо!

Но, глаз твоих не повидав ни разу,
Я всё-таки храню тебя от сглаза.

Но если мошка над тобой жужжит,
Мне кажется, что коршун злой кружит.

Я — одержимость, что тебе не снилась,
Я — смута, что тебе не разъяснилась,

Я — сущность, разобшенная с тобой,
Самозабвенье выси голубой.

А та любовь, что требует свиданья,
Дешевле на базаре мирозданья.

Любовь моя — погибнуть от любви,
Пылать в огне, в запекшейся крови.

Бальзама нет для моего леченья.
Но ты жива, — и, значит, нет мученья».

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Лейли? — Да нет! То узница в темнице,
И всё-то ей мерещится и мнится,

Что где-то между милых строк письма
Надежда есть, сводящая с ума.

А муж стоит на страже дни и ночи,
Следит, и ждет, и не смыкает очи.

У самой двери тщетно сторожит,
Видать, боится, что Лейли сбежит.

И что ни день, готов из состраданья
Отдать ей жизнь, не поскупиться данью.

Но мрачно, молчаливо и мертво
Сидит жена, не глядя на него.

И удалось однажды ускользнуть ей
От зорких глаз и выйти на распутье, —

Быть может, тот прохожий иль иной
О милом весте прослышал стороной.

Так и случилось. Встретился, на счастье,
Ей странник-старичок, знаток по части

Всесветных слухов и чужих вестей,
Он сообщил красноречиво ей,

Что пламя в сердце друга, в сердце страстном —
Как бушеванье волн на море Красном,

Что брошен он в колодец, как Юсуф,
Что бродит до рассвета, не уснув,

И в странствиях «Лейли, Лейли!» вопит он.
И для него весь мир Лейли пропитан,

И кара и прощение — Лейли,
И всех дорог скрещение — Лейли.

«Я та Лейли, — в ответ она вскричала, —
Я жизнь его годами омрачала,

Из-за меня он теплился и гас.
Но есть, однако, разница меж нас:

К вершинам гор ведет его дорога,
А я — раба домашнего порога».

И, вынув серьги из ушей, Лейли
Швырнула в дар прохожему: «Внемли!

Не откажись за жемчуг мой от службы!
Ступай к нему, найди предлог для дружбы

И в наши приведи его края,
Чтобы на друга поглядела я,

Оставь его в любом укромном месте.
Всё может быть. Сюда приходят вести

О сложенных им песнях. Может быть,
Он не успел и старые забыть.

А может быть, еще другие сложит
И дальше жить мне песнями поможет».

И полетел, как вихрь, ее гонец
По людным рынкам, по краям безлюдным

И встретился в ущельях наконец
Он со страдальцем этим безрассудным.

Вкруг хищники рычат, разозлены,
Как стражники несчитанной казны.

Меджнун сейчас же к старцу обернулся,
И, как дитя к родному, потянулся,

И на зверей прикрикнул, и зверье
Смирило сразу бешенство свое.

И странник, не жалея красноречья,
Упрашивал безумного о встрече,

Привет Лейли ему передавал
И между извинений и похвал

Так говорил: «Споешь ей две газели,
Чтоб воскресить минувшее веселье.

Есть пальмовая роща в той стране.
Она — как память о твоей весне.

В той заросли зеленой и прохладной
Ты встретишься с подругой ненаглядной.

Там все ключи от ваших дум и дел».
И на Меджнуна платье он надел,

Своих пожитков развязавши ворох,
И снова не скупился в уговорах.

Но и Меджнун безропотно вскочил,
Старательному старцу облегчил

Благие сборы к спешному возврату.
И, как стремится жаждущий к Евфрату,

Еще нетерпеливей и быстрее
Спешил Меджнун со свитою зверей.

Всего лишь шаг до цели остается.
Послушен жребий. Дело удается.

Достигли рощи пальмовой они.
Безумный ждет в прохладе и тени.

И вот гонец встал у шатровой двери,
И оповещена, и мчится пери:

Там, в десяти шагах, ее любовь!
Но сразу в ней остановилась кровь.

«Нет! — говорит, и вся затрепетала. —
Нет, невозможно! Сил моих не стало.

Как быстро тает бедная свеча!
Ступлю я шаг — и гасну, трепеща.

Нет, нет! Идти к нему — идти на гибель.
Сюда он для богохуленья прибыл.

Я знаю, как он грешен и речист.
Пускай же свиток остается чист.

Пускай, представ пред судию высшим,
Ни слова мы на свитке не напишем,

Не зная срама за дела свои.
В том совершенство истинной любви».

Гонец, к Меджнуну возвратившись снова,
Нашел почти в беспамятстве больного,

В прохладе пальм простертого без сил.
Старик его слезами оросил.

Тот, постепенно приходя в сознание,
Не вспомнил, что обещано свидание,

И, выпрямиться толком не успев,
Уже слагал он сладостный напев.

ПЕСНЯ МЕДЖИУНА

«Где ты? Где я? О том не знаю.
Чья ты? Ничья? О том не знаю.

Взял только песню в дальний путь.
Во имя бога — не забудь!

За ворох бед я душу продал,
Шелка за грязный ворох отдал,

Зато не стал ничьим рабом
И в горе радуюсь любом.

Повсюду зван в друзья и в гости.
Не надо мне игральной кости,

Не надо зрителей вокруг —
Дивить их ловкостию рук.

Не надо мне коня в дороге.
Печаль несет меня в дороге.

Но не печальна та печаль.
Где ты? Не знаю — и не жаль.

Как я ни медленно кочую,
Но на стоянках не ночую.

И скоро знак мне будет дан —
Ударю в смертный барабан.

Не говори мне «доброй ночи».
Раз нет зари — нет доброй ночи:

Не приходя, ушла навек,
Так и не тронув сонных век.

С твоим приходом я в разладе,
С твоей душой моя в разладе.

Из тела выйти ей пора, —
Тогда ты выйдешь из шатра.

Но ты и я — едины оба.
И нам достаточно до гроба

Двух тел для сердца одного.
Да будет свято их родство!

Одним лучом рассветным брызни —
И проживу я сотню жизней.

Как вслед за утром белый день,
Мы вечно рядом — с тенью тень.

Нас две стрелы смертельных ранят.
На двух монетах нас чеканят.

Но разницы меж нами нет:
Века сотрут чекан монет.

Я ослеплен в твоём сиянье.
Но на далеком расстоянье

Я гибну, с тленьем не борясь, —
Башмак с ноги, упавший в грязь.

Я — войско, мчащееся к бою,
Когда-то послан был тобою

И вот в погоне до сих пор,
Трубя в рога, скликаю сбор.

Весна в дождях несносных плачет,
Меджнун о ранних веснах плачет.

Ночь в лунных славится лучах.
Меджнун живет в твоих очах.

Я — черный раб, индус на страже.
Ты — пальма в солнечном мираже.

Я — опьяненный соловей
В слезах над розою своей.

О, если бы не в отдаленье
Со мной делила ты томленье,

И в лунной пламенной тени
Мы — ты и я — вдвоем, одни,

Щека к щеке прижались нежно,
Глаза в глаза впились прилежно,

И в лунном пламенном плену
Тебя я тронул, как струну!

И кольца кос твоих ласкал бы,
И влажных губ твоих искал бы,

Пылал огнем и вновь желал,
И в скалах прятал, словно лал.

Не в одиночестве печальном,
Но на пиру твоём венчальном

Я пил бы сладкое вино.
Оно в раю разрешено».

Так спел Меджнун и вновь бежал в пустыню,
Без благодарности, без благостыни.

И та, кто тайно слушала, в слезах
Ушла назад, привета не сказав.

СМЕРТЬ ИБН-САЛАМА

Всё шло, как прежде. Сторожа супругу,
Кружа, как тень, по замкнутому кругу,

Жил Ибн-Салам, печали не смирял
И равновесье медленно терял.

Жар завладел всей внутренностью тела,
А лихорадка сердцем завладела.

Сушил его огонь, стуча в виски.
Кувшин души разбился на куски.

Знаток дыханья — врач его ощупал,
По ребрам и по голеним постукал

И вкрадчиво раз десять приносил
Ему бальзам для укрепления сил.

И вялость отступила от больного.
Стал он полнеть и поправлялся снова.

Но тут не остерегся он вреда,
И в том была коварная беда:

Поел — и после передышки краткой
Вновь был охвачен злейшей лихорадкой,

Не мог дышать, от жара весь в поту,
И с каждым часом падал в пустоту.

Напор воды взмесит сначала землю,
Потом размочит, всю ее объемля.

Стена трещит, шатается слегка
От первого подземного толчка.

Второй удар — дымится прах обвала,
И рухнувшей стены как не бывало.

Еще дышал и мучился бедняк,
Еще он жил, но дело было в днях.

В груди страдальца клокотала влага.
Потом разбилась жизненная фляга,

И вихорь руки разбросал ему,
И человек ушел в ночную тьму.

Когда-нибудь и мы уйдем туда же.
Всегда готов к последней распродаже

Коварный мир, заимодавец твой.
Старайся же платить долги с лихвой

И взвейся вверх над ветхой голубятней.
Небесный свод светлей и необъятней

Людских стоянок, башен и жилищ.
Вот почему обуглен ты и нищ.

По вечерам от нашей бедной глины
Дымок восходит в звездные долины,

Как будто мир — объятый дымом храм,
Который звездным молится миром.

Лейли в слезах от мужниной кончины,
Хотя слезам и не было причины,

Но эта смерть предлогом ей была.
Вдова усердно волосы рвала

И складно причитала, как умела,
Но лишь себе она признаться смела,

Что не о муже плачет в скорбный час.
И, в глубочайший траур облачась,

Два года в дом чужих не допускала
И общества людского не искала.

Всё кончилось — терпенье, страх, тоска.
Теперь она к любимому близка.

О ТОМ, КАК НАСТУПИЛА ОСЕНЬ И УМИРАЛА ЛЕЙЛИ

Так повелось, что, если болен сад,
Кровавых листьев слезы моросят,

Как будто веток зрелое здоровье
Подорвано и истекает кровью.

Прохладна фляга скованной воды.
Желты лицом, осунулись сады,

А может быть, на них совсем лица нет.
Лист в золоте, но скоро пеплом станет.

Цветы пожитки чахлые свернули,
В кочевье караваном потянули.

А там, под ветром, на дороге той
Пыль завилась, как локон золотой.

Простим сады за то, что в опасенье
Осенней стужи, гибели осенней

Бросают за борт кладь былой весны.
Изнеженные, как они больны!

Пьянеют лозы в сладостном веселье.
Садовник их срезает, чтоб висели,

Как головы казненных удальцов
На частоколе башенных зубцов.

И яблоко, вниз головой вися,
Кричит гранату: «Что не сорвался?»

Гранат, как печень треснувшая, страшен.
Он источает сок кровавых башен.

Так осенью израненный цветник
На бранном поле замертво поник.

Лейли с престола юности цветущей
Сошла в темницу немощи гнетущей.

Кто сглазил молодой ее расцвет?
Кто погасил ее лампы свет?

Повязку золотую головную
Зачем Лейли сменила на иную?

И тело, в лен сквозной облечено,
Зачем само сквозит, как полотно?

Жар лихорадки тело разрушает,
Сыпь лихорадки тело украшает.

Лейли открыла матери, как друг,
Смертельный свой и тайный свой недуг.

«О мать! Что делать? Смертный час объявлен.
Ягненок лани молоком отравлен.

В кочевье тянет караван души.
Не упрекай за слабость, не греши.

Моя любовь? — Нет, кровь на черной ране.
Моя судьба? — Не жизнь, а умиранье.

Немая тайна так была нема,
И вот печаль достигла уст сама.

И так как с уст уже душа слетает,
Пускай тихонько медленно растает

Завеса тайны. Если ты стара,
Прости мне, мать! А мне и в путь пора.

Еще раз обними меня за плечи.
Прости, прощай! А мне пора далече.

Вручаю небу душу оттого,
Что друга не встречала своего.

Сурьмой мне станет пыль его дороги,
Моим индиго — плач его тревоги,

Моим бальзамом — слез его бальзам.
О, только бы он волю дал слезам!

И я вздохну тогда еще раз тайно
Над ним в благоуханье розы чайной

И камфары. А ты мне саван дай,
Как для шахида, кровью пропитай

Льняной покров. Пускай не траур мрачный
Тот будет день, а праздник новобрачной.

Пускай невестой, не прервавшей сна,
Навек земле я буду предана.

Когда дойдут к скитальцу злые вести,
Что суждено скитанье и невесте,

Я знаю — он придет сюда рыдать,
Носилки с милым прахом увидеть.

Он припадет в тоске к их изголовью,
Над горстью праха, что звалась любовью,

Сам бедный прах, он страшно завопит
Из состраданья к той, что сладко спит,

Он друг, он удивительно мне дорог.
Люби его без всяких отговорок!

Как можно лучше, мать, его прими,
Косым, враждебным взглядом не томи,

Найди в бездомном нищем человеке
То сердце, что теряешь ты навеки,

И эту повесть расскажи ему:
„Твоя Лейли ушла скитаться в тьму.

Там, под землей, под этим низким кровом,
Полны тобой опять ее мечты.

На переправе, на мосту суровом
Она высматривает: где же ты?

И оборачивается в рыданье,
И ждет тебя, и ждет тебя она.

Освободи ее от ожидания
В объятьях с ней, в сокровищнице сна“».

Сказавши всё и кончив эту повесть,
Лейли рыдала, в дальний путь готовясь,

И с именем любимым на устах
Скончалась быстро, господу представ.

Мать на нее как всмотрится, как взглянет, —
Ей кажется, что Страшный суд нагрянет.

Срывала с головы седой чадру
И растрепала кудри на ветру.

Вопила, чтобы смерть переупрямить,
Все причитанья, что пришли на память,

По-старчески склонившись к молодой,
Ее кропила мертвою водой.

Лежало тело дочери в бальзаме,
Живой любви омытое слезами.

И стон такой последний раздался,
Как будто то стонали небеса.

Старуха же в отчаянье великом
Над камнем мертвой крови, сердоликом,

Всё сделала, что приказала дочь,
И, проводив ее навеки в ночь,

Не жаловалась больше на кончину,
Не ужасалась, что ушла из глаз

Жемчужина в родимую пучину.
О жемчуге забота улеглась.

ПЛАЧ МЕДЖНУНА О СМЕРТИ ЛЕЙЛИ

«О роза! Ты увяла раньше срока,
Дитя, едва раскрыв глаза широко,

Закрыла их и крепко спишь в земле.
Шепни мне, как очнулась там, во мгле.

Где родинка на круглом подбородке?
Где черный глаз, где глаз газели кроткий?

Что потускнел смарагд горячих уст?
Что аромат волос уже не густ?

Для чьих очей твое очарованье,
Кто твой попутчик в дальнем караване,

По берегам какой реки спеша,
Не кончила ты пиршества, душа?

Но как ты дышишь в подземельях ночи?
Там только змей мерцают злые очи,

Гнездиться только змеи там вольны,
Не место там для молодой луны.

Иль, может быть, как клад, ушла ты в землю,
И я твоей подземной тайне внемлю

И, как змея, пришел тебя стеречь,
Чтобы, клубком свернувшись, рядом лечь.

Ты, как песок, взвивалась легче ветра,
И, как вода, ушла спокойно в недра,

И, как луна, земле теперь чужда, —
Что ж, так с луной случается всегда.

Но, ставши от меня такой далекой,
Ты стала всей моею подоплекой.

Совсем ушла, совсем ушла из глаз,
Но заново для сердца родилась.

Должно истлеть твое изображение,
Чтоб вечно жить в моем воображеньи!»

Сказал, и руки заломил, и вдруг
Затрепетал, сломав браслеты рук,
Со сворой всей зверей ушел оттуда,
И танцевал, и гнал вперед верблюда,
Мешая слезы горькие с песком,
О камень бился огненным виском. . .
И захотел он быть поближе к милой,
И с гор его потоком устремило
К могиле, где покоится Лейли.
Он подошел, склонился до земли,
И вся от слез могила стала влажной.
И хищники вокруг уселись важно,
Глаз не сводя внимательных с него.
И стало вокруг безлюдно и мертво,
И путник проходил возможно реже
Дорогой той, недавно лишь проезжей.
Так, буйствуя, печалась и губя,
Он истязал и разрушал себя.
Так два-три дня провел он, горько плача.
Уж лучше смерть, чем жизнь его собачья!
И так он обессилен и устал,
Что, жизнь прервав, ее не дочитал.

СМЕРТЬ МЕДЖНУНА

Ладья его тонула в темных водах.
Да, наконец-то обретал он отдых.
Размолотый на мельнице судьбы,
Он напоследок взвиться на дыбы,
Встать на ноги, разрубленный, пытался,
Но, как змея, с обрубок не срастался.

Закрыв глаза, к нагой земле прильнув,
Он молвил, руки к небу протянув:

«Внемли, создатель всех земных созданий,
Освободи мне душу от страданий,

Соедини с любимой женой
И воскреси изгнанием в мир иной».

Так он сказал, могилу обнял нежно,
Всем телом к ней прижался безмятежно.

Сказал: «Жена!» — и перестал дышать.
Теперь ему осталось не сплющить

На той последней темной переправе,
Что миновать никто из нас не вправе.

О ты, сидящий крепко на земле,
Под крепким кровом в неге и тепле!

Вставай, не спи! Жилье твое непрочное,
Должна река разлиться в час урочный,

И рухнет каждый мост когда-нибудь.
Встань, не зевай! Гони верблюда в путь!

Земля есть прах. Расстанься с нею быстро,
Душа твоя истлеет малой искрой.

Без сожаленья растопчи свой сан,
Незнатным ты предстанешь к небесам.

Заранее мертво, что не навеки,
Не обожай того, что не навеки!

ПЛЕМЯ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О ЕГО СМЕРТИ

Так на могиле милой он лежал,
И весь огонь с лица его сбежал.

Так целый месяц тлел он на могиле
Иль целый год (иные говорили),

Не отходили звери ни на шаг
От мертвого. И спал он, словно шах

В носилках крытых. И охраной мощной
Вокруг стояли звери еженощно,

И кладбище травой заросло,
Сынам пустыни логово дало.

И, сторонясь встречаться с хищной сворой,
Про кладбище забыли люди скоро.

А тот, кто видел издали порой
Роящийся, подобно пчелам, рой,

Предполагал, что то паломник знатный
В тени перед дорогою обратной,

Надежно охраняемый, уснул.
Но если бы он пристальней взглянул,

Он увидал бы лишь нагое тело,
Что до предела ссохлось и истлело,

В чьем облике от всех живых частей
Была цела одна лишь связь костей.

Столь дорогой гиенам и шакалам,
Зиял костяк нетронутым оскалом.

Пока оттуда звери не ушли,
Запретным слыло кладбище Лейли.

Год миновал, и вновь ушли в пустыню
Все хищники, что стерегли святыню.

Сначала смельчаки, потом и все,
Путь проложив к таинственной красе,

Заметили и умилились слезно
Нагим костям, и мертвый был опознан.

Проснулась память, заново жива,
Пошла по всей Аравии молва.

Разрыли землю, и бок о бок с милой
Останки Кейса племя схоронило.

Уснули двое рядом навсегда,
Уснули вплоть до Страшного суда.

Здесь — клятвой обрученные навеки,
Там — в колыбели спят, смеживши веки.

Прошел недолгий срок, когда возник
На той могиле маленький цветник,

Пристанище всех юношей влюбленных,
Паломников селений отдаленных.

И каждый, кто пришел тропой такой,
Здесь находил отраду и покой.

Могильных плит касался он руками,
Чтоб исцелил его холодный камень.

СЕМЬ КРАСАВИЦ

ВОСХВАЛЕНИЕ

Ты, чьей благодатной мощью создан мир живой, —
Всё в тебе! Во всех явленьях виден образ твой.

Ты — начало сотворенья и венец вещей,
В бесконечном завершенье и конец вещей.

Ты — строитель сводов неба — ярко засветил
Сонмы звезд и земнородных в круг объединил.

В беспредельном светит щедрость вечная твоя,
О создавший, населивший лоно бытия!

Зодчий мира, устроитель всех частей его,
Ты — во всем, ты — созидатель сущего всего.

Жизнь и смерть — и все начала мира и концы —
Всё в тебе, — так в откровеньях молвят мудрецы.

Ты не в зримой оболочке людям предстаешь,
А в явленьях бесконечных, что ты создаешь.

Тайной сутью жизни живы в мире существа,
Но тобой — твоею сутью — жизнь сама жива,

Ибо ты — душа вселенной, мира существо.
Ты питаешь всё живое и хранишь его.

Имя — всех имен начало — тайное творца —
Начинания начало и конец конца.

Самый первый среди первых на счету веков
И последний из последних ты в конце концов,

Необъятный круг свершая, льется бытие,
Возвращаясь снова в лоно вечное твое.

Моего воображенья путь к тебе закрыт,
Хоть, стремясь к познанию тайны, разум мой парит.

Ты вовеки не рождался, породив других. . .
Всё в тебе. Другие — ветер на путях твоих.

Ты единой мыслью дальний озаряешь путь.
Ты предвидения светом наполняешь грудь.

Если низкий всей душою склонится к тебе,
Ты, как свет во тьму, нисходишь и к его мольбе.

Утру ты даешь сиянье, цвет и блеск — весне.
Ты повелеваешь солнцу, звездам и луне.

Черный ты шатер и белый над землей простер, —
Белый — солнцу дал, а черный — месяцу шатер.

Как рабы твои, посменно пред твоим дворцом
Ночь и день чередой проходят пред твоим лицом

И добро и зло твоею волею творят,
Ничего своею волей в мире не вершат.

Разум яркий, как светильник, ты в мозгу вместил —
Отражение горящих на небе светил.

Но светящий ярко разум — так устроил ты —
Смотрит в глубь себя и светит вне своей черты.

Если разум будет твердым на твоём пути,
Не заблудится в сомнениях на любом пути.

Жизни суть — душа, и в тело наше вмещена,
Но никто из нас не знает, где живет она.

Ты же — всё. Но кто укажет в мире — где твой дом?
Как тебя представить можем смертным мы умом?

Ты наш вождь, но кто помыслит о твоём вожде?
Вездесущий, ты повсюду; всюду — и нигде.

Мы семи небес частица; но, тобой полны,
На семь бездн от вечной тайны мы отделены.

Даже тот, кто в просветленье путь к тебе найдет,
Пред лицом твоим от страха вежд не возведет.

В мире всё — от мрака ночи до дневных лучей, —
Всё нуждается в могучей помощи твоей.

Ты сплетенье судеб мира изменяешь сам;
Их сплетенье, их движенье непостижно нам.

Не сказал бы ты — не стало б ни добра, ни зла
И сама собой былинка в поле б не росла.

Ты рождаешь из гранита и бесплодных глин
Влагу твердую алмаза, огневой рубин.

Весь вращающийся в мире звездный небосвод
Суетится и кружится у твоих ворот.

Тень лишь на твоей завесе всякий дух живой,
Всё — ничто, а всё живое создано тобой.

Разве доброе и злое людям от светил?
Сами звезды под влияньем злых и добрых сил.

Если в самом деле звезды счастье нам дарят,
Родился б от звездочета славный Кей-Кубад.

Среди многих звездочетов разве ты встречал
Одного, что путь по звездам к кладу отыскал?

Но невежда звездочету деньги дать спешит,
Что Маррих от Утарида вряд ли отличит.

Тайны звездного движенья и пути планет
Изучал я — и в науке мне открылся свет.

В древних книгах, в шуме листьев тайну я искал, . .
И нашел тебя, и новый путь мне заблестал.

В боге я нашел причину и венец всего,
Я над всем тебя увидел — свет и божество.

Ты, под чьей благой защитой дух живой окреп,
Сам для нас в печи бессмертья выпекаешь хлеб,

У ворот своих, о боже, ты меня возвысь,
У ворот людской гордыни в прахе не унизь.

Сам, о боже, дай мне хлеб мой — не из рук чужих,
Ты — кормящий птиц небесных и зверей степных.

С юных лет не отвращал я от тебя мой взгляд,
Не ходил к вратам другим я от заветных врат.

И дверей своих пред нищим я не закрывал,
Ибо хлеб мой и достаток сам ты мне давал.

Я состарился на службе у тебя в саду,
Помоги мне — чтобы вновь я не попал в беду!

Боже! Как такое слово произнести я мог?
Если ты — мой покровитель, мир весь — мой чертог!

Я погряз в мирских заботах. . . Снизойди — спаси!
Ты один — моя надежда, так приди — спаси!

С жалобой к кому идти мне, о защитник мой?
Кем я буду принят в мире, если не тобой?

Хоть и много тайн глубоких укрывает свет,
Для тебя во всей вселенной тайны скрытой нет.

То желанье, что изречь я даже не могу,
В глубине почти душевной, ибо я не лгу.

И о том, о чем тебя лишь я просить могу,
В тайне, только пред тобою возгласить могу.

Если даже не исполнишь просьбы ты моей,
И отверженный — с тобою я душою всей.

Коль открою тайну людям — буду им смешон,
Пред тобой открою — духом буду вознесен.

Ты, могучий, чьей защиты просит Низами,
У него своей опоры ты не отними.

**Ты возвысь его повыше всех земных владык,
Пусть он будет благородством истинным велик**

**До поры, когда предстанет он перед тобой
Вместе с сонмом пробужденных судною трубой.**

О ПРИЧИНЕ СОСТАВЛЕНИЯ КНИГИ

В день, когда, благоволеньем истинным даря,
Прибыло ко мне посланье тайное царя,

Ощутил я за спиною крылья, как орел,
Перья на широких крыльях новые обрел.

Было в свитке начертанье царственной руки:
«Друг, из бездны этой ночи месяц извлеки!

Но чтобы его завесой гений твой облек,
Чтоб его непосвященный увидеть не мог.

Чтоб, словам твоим внимая — чуду глубины,
Чароден всей вселенной были сражены.

Брось на угли благовонья, преломи печать,
Чтобы жарче пламя тайны начало пылать.

Воск преданий над багряным жаром размягчи,
Мы за то тебе вручаем милости ключи.

Не тащись в носилках тесных, в этой пыльной мгле,
О певец мой, полно ездить на хромом осле!

Если ты чихнешь спросонья десять раз подряд —
Ветер утренний наполнит благовоньем сад,

Ветер амбровый, что рябью серебрит реку
И деревья превращает в мускус на шелку.

Пусть живое вдохновенье книгу озарит,
И тебя за это щедро царь твой одарит!

Ты деянием нелегким будешь утружден,
Но сокровищами шаха будешь награжден.

Коль на листьях виноградных не блеснет слеза,
Не родит своих сокровищ осенью лоза.

Где охотник, что без кости в поле видел мозг?
Где без пчел, в саду спящих, взять нам мед и воск?

Быть дождю нельзя без тучи, морю — без реки.
Печь затоплена, о пекарь! Хлеб свой испеки!

Ждем начала представленья! На людей взгляни,
Темный занавес раздери и зажги огни!»

Я в тот день, когда посланье это прочитал,
С мирной радостью простился и в смятенье впал.

Тут искать я в старых книгах начал без конца
Быль и сказки, что могли бы радовать сердца.

К «Шах-наме» я обратился. Прочитал я в ней
О деяньях древних шахов и богатырей.

Фирдуси — певец великий — всё в стихах своих
Сладкозвучно нам поведал о веках былых.

И когда он драгоценный выгранил рубин,
Многие обогатились от его крупин.

И от «Шах-наме» — рубина — я осколок взял
И оправил, чтоб осколок ярко засверкал,

Чтобы люди во вселенной песнь мою прочли,
Чтоб мою перед другими книгу предпочли.

Что учитель подсказал мне — я договорил
И в забвенье пребывавший жемчуг просверлил.

Что я правильным и верным в книге находил,
Ничего в преданье древнем я не изменил.

Но, творенье создавая, всё же я хотел,
Чтобы блеском небывалым сказ мой заблестел.

Углубился я в сказанья, стал вникать во тьму
Тайн, рассеянных когда-то по свету всему.

На арабском прочитал я всё и на дарі,
Книгу Бухари прочел я, книгу Табари.

Чтобы не было пробелов, не было потерь,
Переполненных хранилищ отпирал я дверь.

Пехлевийские в подвалах свитки я искал,
Со свечою — по листку их бережно сшивал.

И когда все книги предков изучил я сам,
Изощрился, окрылился быстрый мой калам.

Я ответил Сулейману: «Путь опасен мой, —
Мудрецы потом смеяться будут надо мной. . .»

Словно Зенд, я сказ украсил пламенным пером.
Юных семь невест блистают красотой в нем.

Пусть небесные невесты раз на них взглянут
И еще светлей и чище над землей блеснут!

Чтоб вовеки им друг другом не пренебрегать,
Чтобы в блеске им друг другу вечно помогать.

Есть у нас семь черт гаданий древних на песке,
Пусть же смысл их будет явью у меня в руке!

Если десять живописец образов творит,
Правды нить — в одном хотя бы — пусть он проследит!

Если он черту неверно кистью проведет,
То в его картине зритель правды не найдет.

Хоть Бахрама нить в сказаньях криво шла досель,
Правда в мире не исчезла и ясна мне цель.

Я — певец — по этой нити в лабиринт спущусь,
В сторону от этой нити верной не собьюсь.

Нить единственная в мире, за нее боюсь,
Всё ж нанизывать я жемчуг на нее берусь.

В сотнях речек омовенье, верный, соверши,
Лишь тогда найдешь источник света и души.

Порождается из капли человек живой,
Словно в море перл, из капли вешней, дождевой.

Я — жемчужница, в которой чистый перл растет,
Дай же мне воды и хлеба от твоих щедрот.

Дар моих благодеяний — весь в моих словах;
Ты ж — высок и щедр, как небо, о мой светлый шах.

Что слова? Что щедрость? Мне ли говорить про то?
Счастье — в свете откровенья, сам же я — ничто.

Ты Стрельца и Скорпиона людям отнеси:
Это — злой Махмуд и вечный светоч Фирдуси.

Был любим Абу-Дулафом древний Асади,
Как он счастлив был!.. О сердце бедное, гляди!..

Что я говорю! Поток слов я увлечен?
Я, как море у Адена, тучей окроплен.

Коль рассеет перлы туча — и сама тогда,
Словно раковина, станет в верности тверда.

То, что туча проливает дождевой водой,
Раковина превращает в жемчуг дорогой.

Кто я? Джабраил. Вручили джинны мне калам,
Сокровеннейшее вверил я живым словам:

«К джиннам, волшебству учащим, снова воззови!..
Наступил новруз, одежды слова обнови!

Скрой цветным плащом от дивов каждый слог и стих,
Чтоб лишь Сулейман проникнул в смысл глубокий их.

В нем ищи меня. Одним лишь им мой смысл высок,
Без него я — козьей шкуры высохший кусок.

Я не знак на камне перстня, я лишь воск простой,
Меда я лишен, хоть долго пел, гудел пчелой.

Ты — печать свою на воске чистом утверди,
Ты — своим изображеньем дух мой услади!

Счастье ждет меня иль горе и позора мрак, —
С благодарностью приму я избранный твой знак.

Полноценные монеты при подборе слов
Я дарю тебе. Измлада сердцем я таков.

Если амбру, что собрал я на своем веку,
Не продам — пусть будет мускус на твоем шелку.

Все, кто шли на подвиг слова, все изнемогли,
Труд великий совершая, и навек ушли.

Я — гранильщик самоцветов; чище жемчугов
Я нанизываю нити драгоценных слов.

До меня никто столь щедрым слогом не писал,
До меня никто так много словом не сказал.

Пусть я немощен, пусть беден я в своих стихах,
Но зато живет глубокий смысл в моих словах.

Мир поднес мне кость без мозга, как виденье сна,
Но сладчайшим костным мозгом мысль моя полна.

Хоть напрасно я у древних выхода ищу,
Я от древности и ныне лик не отвращу.

Может быть, мне сил не хватит жемчуг шлифовать,
Разве можно мерой чаши ветер исчерпать?

Что же? В мощь свою, в уменье долго верил я,
Но заветных кладов мысли не измерил я.

Много недр забытых кладов вскрыл я сгоряча,
Но к сокровищнице духа не нашел ключа.

Хоть ко мне хранитель кладов благосклонен был,
Я с молитвой, но, как прежде, нищим уходил.

Низами! Вот твой Мессия, твой живой калам!
Память же твоя подобна пальме Мариам.

Ты плодоноси, покамест ты и бодр и жив.
Счастье ты познаешь, ибо ты уже счастлив».

ВОСХВАЛЕНИЕ СЛОВА И НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МУДРОСТИ

Мира древнего древнее то, что вечно ново, —
Много сказано об этом, ибо это — слово.

Вечность — древняя праматерь — землю создала
И, творенья увенчанье, слово нам дала.

Слово тайны, слово мощи, чистое, как дух;
Страж сокровищ. К тайне слова преклони свой
слух...

Ведь оно неслыханные повести скрывает,
В мире ненаписанные повести читает.

Всё, что ныне народится, завтра прочь уйдет,
Кроме слова. Только слово в мире не умрет!

Сад иссохнет, шелк истлеет, рухнет зданья свод.
Слово вечно. Остальное — ветер унесет.

Вникни, мудрый, в суть растений, почвы и камней,
Вникни в суть существ разумных, в суть природы
всей, —

И в любом живом творенье можешь ты открыть
Главное, что и по смерти вечно будет жить.

Всё умрет, всё сгубит время, прахом истребя.
Вечно будет жить познавший самого себя.

Обречен на смерть, кто сути жизни не прочтет;
Но блажен себя познавший: будет вечен тот.

Если ты себя, как свиток, правильно прочтешь,
Будешь вечен. В духе — правда, остальное — ложь.

Коль не обретешь познания высшего теперь,
В дверь одну вошедший, выйдешь ты в другую дверь.

Дом жилой, но лишь над кровлей не клубится дым.
Здесь живут, но знания польза неизвестна им.

Кто доволен преходящим — слеп, как жалкий крот,
И чертога вечной жизни он не возведет.

Повод для духовной лени выдумать легко;
И не скажут здесь: «Прокисло наше молоко».

Опытом вооруженный, сведущий в делах,
Муж порой не смыслит в сути дела и в корнях.

Видит далеко, кто знаньем наделен среди нас,
А незнание пеленою скроет мир от глаз.

Если, человек богатый, ты собрался в путь —
От разбойников охрану взять не позабудь.

И купцы, что из Китая мускус к нам везут,
В оболочке из камеди мускус берегут.

Хоть перед орлом могучим слаб и мал угод,
Но, в полете быстр, всегда он от орла уйдет.

Вкруг прославленного зависть злобная шипит, —
Эта злоба, эта зависть бедных не страшит.

Коршун мчится за добычей, позабывши страх,
А посмотришь — обе лапы у него в сетях.

Жадный тигр, задрав корову, верно, будет сыт,
Не пожрет он пищи больше, чем нутро вместит.

Не проесть амбаров мира, даже на зерно
Не уменьшатся запасы — столько нам дано.

Сколько бы ячменных зерен птицам ни скормить —
Всё вернется! Как и звездам, зернам не убыть.

Золотым венцом ты хочешь, как свеча, блистать,
Но подумай, как придется под конец рыдать!

В этом зелье веселящем — так уж повелось —
Смеха радостного меньше, больше горьких слез.

Но, рассеянные в мире, есть друзья у нас,
Что подать нам помощь могут в самый трудный час.

Разум — главный наш помощник, наш защитник —
он.
Муж разумный всем богатством мира наделен.

Кто от разума и мысли духом отвращен —
Человек он по обличью, див по сути он.

Люди разума подобны ангелам с небес,
Дар провидения дан им — чудо из чудес.

Всё начертано заране, что произойдет.
И никто предначертанья судеб не уйдет.

Делай дело здесь, задачу исполняй свою;
Дело и в аду почтенней праздности в раю.

Но и доброе деянье вряд ли будет впрок,
Если делом поглощенный человек жесток.

Кто злоумышляет втайне, ближних невзлюбя,
Жало зла он обращает сам против себя.

Благородный, мыслей добрых полный человек,
Зла не делая, запомнит доброе навек.

Так живи, чтоб в час кончины в хоре голосов
Не услышать ни упреков, ни хулы врагов;

Чтоб один из них не молвил: «Смерть в его дому!»
Чтоб другой не засмеялся: «Поделом ему!»

Пусть тебя и не поддержат под локоть рукой,
Так живи, чтоб не валяться ни под чьей ногой.

Тот, кто доброе запомнит среди твоих друзей,
Лучше тех, кто рад печальной участи твоей.

Хлеб не ешь среди голодных. Если будешь есть,
За накрытый стол с собою пригласи их сесть.

Пред завистником сокровищ не считай своих,
Чтобы, как дракон на кладе, он не сел на них.

Если друг твой, как весенний ветер, мягок, всё ж
Знай — лампаду и под легким ветром не зажжешь.

Создан не для пожирания мяса и хлебов
Человек. Нет, он источник умственных даров.

И собака благородней низкого того,
Кто живет лишь для улады брюха своего.

Мудрый, будь полезен людям, мир добром укрась!
Это — выше всех сокровищ и сильнее, чем власть.

Будь открыт добру, как роза! От твоих щедрот
Пусть всегда благоуханье по земле идет.

Помнишь мудрого реченье? Что сказал нам он:
«Кто заснул, добро содеяв, видит добрый сон.

В чьей душе укоренится зло и возрастет,
Тот во зле всю жизнь влачится и во зле умрет.

Тот же, в чьей душе открытой возрастет добро,
Проживет в добре и миру принесет добро.

Бойся алчности и помни: небосвод не спит, —
Сонмы алчных истреблял он и тебя срзлит.

Зижди вечное строенье! Мудрости внемли:
Прах могильный всё: и слава и дела земли.

Если скажут: «Чистый пламень знания зажжен
Человеком, но из персти человек рожден», —

Молви: «Аромат от розы, роза от земли,
От змеи противоядьё — в позвонке змеи».

Так не обольщайся миром, обострай свой взор
И перед драконьей пастью свой не ставь шатер.

Не ищи в драконе друга, ибо — час пробьет —
Он, пожравший поколенья, и тебя пожрет.

Но зачем бросать собаке вретище святых?
Низкий духом отвернется от даров таких.

Коль друзья отвергнут дружбу верных — я боюсь, —
Со своими же врагами заключат союз.

Как на белый цвет и черный мухи налетят,
Белый — в черный, черный — в белый скоро
превратят.

Сторонись от них, без дружбы подлой их живи,
Смело все четыре цепи на себе порви.

В пору оскуденья веры правду зло гнетет,
Хищным волком стал Иосиф, а отшельник пьет.

Ныне жить двояко можно: совершая зло
Или — с чистою душою — одобряя зло.

И не дай Аллах всевышний, чтоб рабы твои
Наложили эти цепи на ноги свои!

Полно в мире божьем пламя ада разжигать,
Полно гаснущее пламя нефтью поливать!

Встань же, растопчи нечестье, смуту потуши
И всевышнего веленье в мире соверши!

Полно бедствовать у вечных, полных злата скрины!
Все сокровищниц засовы смело отодвинь.

На тюльпан взгляни, — как ветер истрепал его,
Из-за трех монет фальшивых оципал его.

А полынь растет, как прежде; у полыни нет
Ни поддельных, ни червонных золотых монет.

Не венчайся драгоценной, золотой чалмой,
Сам на золото, как солнце, наступи ногой,

Чтобы ливень животворный туча излила,
Чтоб земля перед тобою ярко расцвела.

Золото рассыпь на солнце, щедрость возлюби,
И рубины цвета солнца камнем раздоби.

Низкий духом ищет злата, — молвил мудрый пир.
Ведь несовершенен зренья видящего мир.

Что есть золото? — Два знака, и нельзя их слить,
Долго ль бедную их россыпь будешь ты хранить?

Не уподобляйся руслу, что прорыл поток
Златоносный; не рассыпся, как речной песок.

Если телом, словно злато, начал ты желтеть,
Время синюю одежду на себя надеть.

Где весы, в чью чашу деньги сыпал казначей?
Тысячей камней побиты в тысяче дверей.

Не проснется сребролюбец, что уснул вчера,
Встанет жив не собиравший в мире серебра.

Тратя золото, ты радость купишь на него,
Но какие муки терпит, кто таит его.

На друзей взгляни вчерашних, на слепых глупцов,
Превратил их камень жалкий в яростных врагов.

О, доколе бремя мира нам нести во мгле?
И доколе прятать груды золота в земле?

Три носильщика смиренных служат у тебя,
Четверо рабов бессменных служат у тебя.

Дом же твой — земля, и ветер, и ночная мгла,
Без любви земля холодный, дикий ветер зла.

Если шип с вершины пальмы наземь упадет,
Пусть он повару мешалкой для лапши пойдет.

Ты, чье брюхо несовместно с мыслью и душой,
Ты пленен не лепестками розы, а лапшой.

Помни: кто свое обжорство сможет обуздать,
Снова перлом драгоценным сможет заблистать.

Очищается и крепнет сильный дух в беде,
Гребешок тысячезубый нужен бороде.

Тысячи отрав изведать в мире нужно нам,
Чтоб вкусить животворящий времени бальзам.

Погляди: в обширной этой лавке мясника
Ты добытого без муки не найдешь куска.

Тысячи надежд погибли, многих сгублен век,
Чтоб один обогатился в мире человек.

Сто голов мечом палачьим где-то снесено,
Чтоб седло баранье было избранным дано.

Золото ногами топчет человек один,
Тысячи за грош потеют в муках до седин.

Благо ль, что всего достиг ты и желаний нет?
В неисполненных желаньях свет грядущих лет.

Коль желанного достигнет поздно человек,
Это весть ему, что долгий проживет он век.

Пусть же поздно долговечный цели досягнет.
Кто всего достигнет быстро, рано тот умрет.

Образуется веками лал, живет века,
А тюльпан весенний гибнет и от ветерка.

О, доколе ты свечою будешь на пиру
Красоваться, пламенея на ночном ветру?

Сбрось же с ног своих копыта низменных страстей,
Высунь голову из жбана на простор смелей!

С головы спили под корень эти семь рогов
И освободись от этих четырех подков.

Мимо тайного колодца стороной пройди:
Он — ловушка. Ты в ловушку ту не попади.

Лучше молнией блесни ты и умри смеясь,
Лучше — смерть, чем задыхаться, тучностью кичась.

Помни: ты — мюрид покорный, так войди же в мир
Образцом, чтоб стать для верных самому как пир.

Стой средь избранных мюридов, вождеley и веры
Исполнения желаний отомкнется дверь!

Я — развязывавший сотни спутанных узлов,
Бек села, я — вне селенья, небеса — мой кров.

Гость придет, увы! мне гостя нечем угостить,
Нет слуги, чтобы для гостя скатерть расстелить.

Разум знает, что я думал, что я скрыть хотел,
Что я притчей и намеком говорить хотел.

Но не тягостное бремя бедность на земле,
Не бесчестье, пусть я езжу на чужом осле.

В Эфиопии не ценят тюркской красоты,
Не для черных возрастил я лучшие цветы.

И пока в котле вселенной полдник мир варил,
Я подобен незрелым, летним гроздьям был.

Время, жадно обрывая, поедало их,
Мазь готовило глазную из плодов моих.

И созрел я, стал как спелый, сладкий виноград...
Вижу: мякоть ягод осы жадные едят.

Но не видно винодела. На землю густой
Льется сок, в безлюдье гибнет вертоград пустой.

Я иду путем безвестным, как ведут меня.
Неужель к уснувшим водам зазовут меня?

Прежде я слышал преданье: коль вода заснет,
То становится истоком золота — не вод.

Это — ложь: вода, заснувши, серебром блестит,
Лед блистающий об этом явно говорит.

Серебром теперь в замену золота платить
Принято. Луну от солнца трудно ль отличить?

Ведь в арабском начертанье серебро, заметь,
Если букву «йа» отбросить, означает — «медь».

Я железо слов червонным златом обложил;
Кто же серебро дешевым златом заменил?

А торгующий железом золото берет,
Он за серебро железо ныне продает.

Бойся, золотых дел мастер! Знай: пришла пора —
Золото твое дешевле стало серебра.

И теперь одна лишь дума душу мне томит,
Что не разум, а удача счастьем нас дарит.

Понимание оценщик тонкий потерял,
Жемчуг он теперь от гальки отличать не стал.

«Кисея — ведь это хлопок!» — так он говорит. . .
Что ж, и неба от веревки он не отличит.

Кладовая тонких тканей у него полна,
Чистым золотом набита у него казна.

Если золото и жемчуг смог он подменить,
Что бояться мне свободы и о чем тужить?

Мне не друг разбойник этот, буду жить один
И не стану прятать солнце от него в кувшин.

Пред уходом гостя громко страж в ночи кричит;
Этот глас для всех однажды грозно прозвучит.

Эту горестную повесть не один слагал
До меня. Но, не закончив свитка, засыпал.

Я, пока не поздно, должен повесть завершить,
Спать не должен я. Успею к сроку, может быть.

В путь заранее готовься. Горы впереди,
Пропасти. Тропой опасной быстро проходи!

В путь готов я. Но осел мой ухом не ведет
И ни с места. И не верю сам я в свой уход.

Видно, я пойму, что отбыл, там — в иной стране,
В день, когда гнездо разрушат, что служило мне.

О, доколь о неизвестном буду вопрошать
И с решеньем твердым в сердце веки закрывать!

Ты забудь о зримом мире, ибо ты в ночи!
С тайною в уединенье до поры молчи!

Испытай свое познание, — как ты жизнь прошел?
В заблужденье ты иль правду заблуждением счел?

Брось лопату! Бурным силем путь твой залило!
Посмотри — твою лопату небо занесло.

Землю превратить в могилу небосвод спешит,
Но ведь глину и лопата неба не страшит.

Оглянись, проверь свой каждый год, и день, и час —
С чем пришел ты, чем владеешь в мире ты сейчас?

Два слона тебе служили; то, что принесли
В первый день они, ты это унесешь с земли.

Отягчен долгами моря и дарами гор,
Как ты сможешь в пляске с небом улететь в простор?

Должникам отдай скорее все долги, о друг!
Налегке ступай в дорогу, сбрось тяжелый вьюк!

Если сбросишь бремя мира, налегке уйдешь, —
Путь себе какой захочешь сам ты изберешь.

А пока не сбросят с трона силой твой венец,
Волею своей избавься от него, мудрец.

Будет день — плоды поникнут чистые земли
И — растоптаны — истлеют в прахе и в пыли.

Я оружие сбросил, словно лепестки цветок,
И от зависти язвящей и от зла далек.

Что мне тлеющая зависть? Что мне дым ее?
Пусть огни ее потушит рубище мое.

Мир — далекий и опасный путь, из мрака в мрак,
И пройти дорогой дивов можно только так, —

В двери древние входящий небу говори:
«Гость я, странник здесь! Ты волю сам свою твори!»

Низами, доколь в оковах этих пребывать?
Не пора ль оковы сбросить, не пора ль восстать?

Встань, не бойся наважденья мира отвести,
Чтобы вечное блаженство в мире обрести!

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БАХРАМЕ

Тот, кто стражем сокровенных перлов тайны был,
Россыпь новую сокровищ в жемчугах раскрыл.

На весах небес две чаши есть. И на одной
Чаше — камни равновесья, жемчуг — на другой.

А двуцветный мир то жемчуг получает в дар
Из небесных чаш, то — камня павшего удар.

Таково потомство шахов. Перлом заблестать
Может шахский сын — и камнем тусклым может
стать.

Не во всем отцу подобен сын и не всегда.
И жемчужину рождает камень иногда.

Дан такой пример был в прошлом, в поученье нам, —
Яздигерд был грубым камнем, жемчугом — Бахрам.

Тот — карал, казнил, а этот — одарял добром, —
Был булыжник рядом с перлом, острый шип
с плодом.

Тем, кто в кровь о тот булыжник ноги разбивал,
Сын его для исцеленья свой бальзам давал.

И когда в глазах Бахрама первый луч дневной
Омрачен был этой ночи славою дурной,

Мудрецы и звездочеты вещие страны,
Искушенные в деяньях солнца и луны,

Взвесили созвездья неба, думая, что тут
Лишь дешевый блеск свинцовый вновь они найдут.

Но они чистейшей пробы золото нашли,
Жемчуг в море, драгоценность в камне обрели.

И увидели величье, славный путь побед,
Лучезарный свет в тумане предстоящих лет.

Пламенел тогда в созвездье Рыбы Муштари,
А Зухра горела справа, под лучом зари.

Поднялась в ту ночь к Плеядам месяца глава,
Апогей звезды Бахрама был в созвездье Льва.

Утарид блеснул под утро в знаке Близнецов,
А Кейван от Водолея отогнал врагов.

Встал Данаб против Кейвана, отгоняя тень,
Мирно в знак Овна входило Солнце в этот день.

Так сошелся в гороскопе вещей круг светил.
Муштари в созвездье Рыбы счастье возвестил.

Со счастливым гороскопом, что описан вам,
При благоприятных звездах родился Бахрам.

Яздигерд — его родитель, неразумный шах —
Стал раздумывать в прискорбье о своих делах.

Что ни делал он — всё тщетно, прахом всё ушло,
Ибо семена насилья порождают зло.

Хоть имел детей и раньше этот властелин,
Умирали все, остался лишь Бахрам один.

И к решенью звездочеты мудрые пришли,
Что воспитывать Бахрама надобно вдали,

Что его в страну арабов надо отослать,
Что его у мужа чести надо воспитать.

Молвили, что там, быть может, счастье он найдет
И друзей в Арабистане верных обретет.

Вопреки установленьям строгой старины,
Перенесть росток решили в сад иной страны.

Яздигерд себялюбивый сына не любил,
Он спокойно на чужбину сына отпустил.

Для него решил в Йемене он поставить трон,
Чтоб от смут земли Аджама был он удален.

И в страну Йемен к Нуману он послал гонца,
Чтобы царь Нуман Бахраму заменил отца.

Он просил, чтобы Бахрама взял к себе Нуман,
Чтоб в саду Нумана вырос и расцвел тюльпан,

Чтоб его наукам царским обучили там,
Чтоб страну научился управлять Бахрам.

Сам Нуман за ним приехал и увез домой
Сына шаха, — скрыл в чертоге месяц молодой.

Тот родник, чей морем позже разлился поток,
Сохранил и как зеницу ока он сберег.

Минуло четыре года, мальчик подрастал;
Как степной онагр, он резвым и красивым стал.

И тогда Мунзиру — сыну — молвил властелин:
«Он растет, но огорченьем скован я, мой сын.

Климат здесь сухой, весь край наш солнцем раскален,
Он же — с севера, и нежен по природе он.

Нам возвышенное место надо отыскать,
Нам его в прохладе горной надо содержать,

Где бы северный лелеял тело ветерок,
Где бы отдых был приятен, сон ночной глубок,

Чтобы в климате хорошем рос он, как орел,
Чтобы крылья он и перья крепкие обрел,

Чтобы запятнать природу шаха не могли
Этот зной и сухость праха, дым и пыль земли».

О ПОСТРОЕНИИ ХАВАРПАКА И О ДОСТОИНСТВАХ СТРОИТЕЛЯ СИМПАРА

Ездил шах Нуман с Мунзиром среди гор и скал,
Мест хороших для Бахрама долго он искал,

Где б от солнечного зноя не было вреда,
Где бы ветерок прохладу приносил всегда.

Не могли в стране такого места отыскать,
Где бы вырастить Бахрама им и воспитать.

И решили светлый замок с башней возвести.
Нужно было для постройки зодчего найти.

Много было иноземных зодчих и своих,
А для дела не годился ни один из них.

Но однажды до Нумана долетела весть:
«Шах! Такой, тебе пригодный, мастер в Руме есть.

Слава дел его по странам катится рекой;
Словно воск, податлив камень под его рукой.

Строить быстро и красиво он имеет дар,
Он из рода Сима, имя славному—Симнар.

Красотой его построек всякий изумлен,
В Сирии, в горах Ливанских зданья строил он,

И в стране, где Нил лазурный падает с небес,
Каждое его создание — чудо из чудес.

Хоть себя Симнар лишь зодчим скромно называл, —
Он художников славнейших миру воспитал.

Стоя там, где строить зданье он предполагал,
Паутину балок в небе взором он свивал.

Он, как Булинас Румийский, разумом глубок,
Открыватель талисманов, маг и астролог,

Знает он о нападенье яростной луны
И о мести солнца—тайну звездной вышины.

Он для вас дворец, как платье царское, соткет.
На дворце такой высокий купол возведет,

Что созвездья, словно пояс, купол обовьют,
И ему Плеяды сами светоч отдадут».

Сердце вспыхнуло в Нумане, жгли его, как жар,
Эти вести, это имя чудное — Симнар.

Он послал гонца, который бойко говорил
По-румийски. Тот Симнара быстро соблазнил

Бросить Рум. И вот к Нуману зодчий привезен.
Услыхав, чего хотели от него, и он

Воспылал желаньем — дело начинать скорей,
Возвести дворец, достойный отпрыска царей.

Пятилетие трудился над постройкой он.
Был рукою златоперстой дивно возведен

Замок, башенки вздымавший к звездам и луне,
Сновиденьем возникавший в синей вышине.

И второй Каа́бой в мире этот замок стал.
Был резьбой он весь украшен, золотом блистал,

Горною лазурью, краской, что красней зари.
Наподобье неба сделан купол изнутри.

Опясывали небо девять сфер вокруг.
Полный образов, что создал Север, создал Юг, —

Купол был тысячеликим, сказочным Лушой.
Созерцая свод, усталый отдыхал душой.

Дивною дарил прохладой он и в летний зной.
А когда горел, как солнце, купол под зарей,

Гурия завязывала очи полотном.
Словно рай, красив, удобен был прекрасный дом.

Будто небо в славе солнца, свод горел огнем.
Бычьей кровью камень с камнем скован в своде том.

Был подобен купол небу, влаге и огню;
Трижды цвет свой и сиянье он менял на дню,

Как невеста, он одежды пышные сменял.
Синим, золотым и снежным светом он сиял.

Пред зарей, когда лазурным небосвод бывал,
Плечи мглою голубую купол одевал.

А когда вставало солнце над земной чертой,
Свод пылал, как солнце утра, — ало-золотой.

Тень от пролетающего облачка падет —
Снежно-белым делается весь дворцовый свод.

Цвета неба, он миражем в воздухе висел,
То румийцем белым был он, то, как зиндж, чернел.

Вот Симнар работу кончил — снял леса со стен,
Красотой своей постройки взял сердца он в плен.

Стен и купола сиянье разгоняло мрак.
Замку новому название дали — «Хаварнак».

И великую награду шах Симнару дал.
Половины той награды он не ожидал.

С золотом и жемчугами длинный караван
Тяжко вьюченных верблюдов дал ему Нуман,

Чтоб и в будущем работал на него Симнар.
Если в пору не раздуешь ты в тануре жар,

Злополучное жаркое будешь есть сырьем,
Но сторицей возвратится, что за труд даем.

А когда такую милость зодчий увидел,
Молвил: «Если б ты мне раньше столько обещал,

Я, достойное великой щедрости твоей,
Зданье создал бы — красивей, выше и пышней!

Багрецом, лазурью, златом башни б расцветил,
И поток столетий блеска б их не погасил.

Коль желаешь — будет мною зданье начато
Завтра ж! Этот замок будет перед ним ничто.

В этом здании — три цвета, в том же будет сто!
Это — каменное, будет яхонтовым то.

Свод единственный строенья этого краса,
То же будет семисводным — словно небеса!»

Пламенем у падишаха душу обняла
Эта речь и все амбары милости сожгла.

Царь — пожар; и не опасен он своим огнем
Только тем, кто в отдаленье возведет свой дом.

Шах, что розовый кустарник, ливнем жемчугов
Сыплет. Но не тронь — изранит жалами шипов.

Шах, лозы обильной гроздь на плечи друзей
Возложив, их оплетает силою ветвей.

И, обвив свою опору, верных слуг своих, —
Из земли без сожаленья вырвет корень их.

Шах сказал: «Коль этот зодчий от меня уйдет,
Он царю другому лучший замок возведет».

И велел Нуман жестокий челяди своей
Зодчего схватить и сбросить с башни поскорей.

О, смотри же, как судьбою кровожадной он
Сброшен с купола, который им же возведен!

Сколько лет высокий замок он своей рукой
Строил. И с него мгновенно сброшен был судьбой!

Он развел огонь и сам же в тот огонь попал.
Долго восходил на кровлю — миг с нее упал.

В высоте ста с лишним гязов замыкая свод,
Он не знал, что, труд закончив, гибель там найдет.

Выше хижины он замка строить бы не стал,
Если бы свою кончину раньше угадал, —

Возводя престол, расчисли ранее всего,
Чтобы не разбиться, если упадешь с него.

И взвилось петель аркана до рогов луны
Имя грозное Нумана с дивной вышины.

И молва, что он волшебник, с той поры пошла
И владыкой Хаварнака шаха нарекла.

ОПИСАНИЕ ДВОРЦА ХАВАРНАКА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НУМАНА

Хаварнак, когда он домом для Бахрама стал,
Чудом красоты в подлунном мире заблистал.

И, прославленный молвою, окружен хвалой,
Назвался «Кумирней Чина», «Кыблою второй».

Сотни тысяч живописцев, зодчих, мудрецов
Приходили, чтоб увидеть лучший из дворцов.

Тот, кто видел, восхищенья удержать не мог
И вступал с благоговеньем на его порог.

Там — на всех дверях чертога, что вздымался ввысь,
Изречения узором золотым вились.

Над Йеменом засияла вновь Сухейль-звезда
Так светло, как не сияла прежде никогда.

Полн красавиц, как под звездным куполом Йемен,
Стал тот замок, словно полный жемчуга Аден.

И, прославленный молвою, стал известен всем
Хаварнаком озаренный берег, как Ирем.

Как Овен на вешнем небе ярко светит нам,
Хаварнак светил, и рядом с ним светил Бахрам.

Проводил Бахрам на кровле ночи до утра.
В небе чашу поднимала за него Зухра.

Видел стройные чертоги в отсветах зари,
Полная луна — над кровлей, солнце дня — внутри.

В глубине палат сияли факелы в ночи,
С кровли путникам светили, как луна, в ночи.

И всегда отрадный ветер веял меж колонн,
Запахом садов, прохладой моря напоен.

Сам Бахрам, лишь постепенно обходя дворец,
Дивное его величье понял наконец.

За одной стеной живую воду нес Евфрат,
Весь в тени деревьев цветущих и резных оград.

А за башней, что, как лотос, высока была,
Молока и меда речка, скажешь ты, текла.

Впереди была долина, сзади — свежий луг,
Пальмы тихо шелестели и сады вокруг.

Сам Нуман, что здесь Бахраму заменил отца,
Часто с ним сидел на кровле своего дворца.

Над высокой аркой входа он на зелень нив
Любовался с ним часами, светел и счастлив.

Даль пред ними — вся в тюльпанах, как ковер,
Дичью полная, к ловитве души их звала, цвела,

И сказал Нуман Бахраму: «Сын мой, рад ли ты?
Хорошо здесь! Нет подобной в мире красоты».

Рядом был его советник. Чистой веры свет
Мудрому тому вазиру даровал Изед.

И сказал вазир Нуману: «В мире всё пройдет,
Только истины познанье к жизни приведет.

Если свет познания брезжит в сердце у тебя,
Откажись от блеска мира, правду возлюбя!»

И от жара этой речи, что, как пламя, жгла,
Содрогнулся дух Нумана, твердый как скала.

С той поры как семь небесных встали крепостей,
Не бывало камнемета этих слов сильней.

Шах Нуман спустился с кровли в час полночной мги,
Молча он, как лев, к пустыне устремил шаги.

Он отрекся от сокровищ, трона и венца.
Прелесть мира несовместна с верою в творца.

От богатств, какими древле Сулейман владел,
Он отрекся; сам изгнанья он избрал удел.

Не нашли нигде ни шаха, ни его следов,
Он исчез, ушел от мира, словно Кей-Хосров.

Хоть Мунзир людей на поиск тут же снарядил,
Не нашли, как будто ангел беглеца укрыл.

Горевал Мунзир, потерей удручен своей,
Он провел в глубокой скорби много долгих дней.

Выпустил кормило власти из своей руки...
Стал дворец его высокий черным от тоски.

Но утихло в скорбном сердце горе наконец;
Власть его звала, к правленью призывал венец.

Он искоренил насилье твердою рукой,
Ввел законы, дал народу счастье, мир, покой.

А когда он полновластным властелином стал,
Яздигерд ему признанье и дары послал.

А Бахрама, словно сына, шах Мунзир растил,
Был отцом ему. Нет, больше и роднее был.

Сын Нуман был у Мунзира; выросал, как брат,
Он с Бахрамом. Оба шахский радовали взгляд.

Ровня был Бахрам по крови, одногодок с ним,
Он не разлучался с братом названным своим.

Вместе обучаться стали грамоте они,
За игрой веселой вместе проводили дни,

На охоту выезжали вместе в дни весны,
Никогда, как свет и солнце, не разделены.

Так Бахрам в высоком замке прожил много лет,
Помыслы его премудрый направлял мобед.

К знанью был Бахрама разум с детства устремлен,
Как достойно сыну шаха, был он обучен.

Изучал Бахрам арабский, греческий язык,
Старый маг его наставил тайне древних книг,

Сам Мунзир, многоученый и разумный шах,
Объяснял ему созвездий тайны в небесах.

Ход двенадцати созвездий и семи светил
Ученик его прилежный вскоре изучил.

Геометрию постиг он, вычислял, чертил.
Алмагест и сотни прочих таинств изучил.

Он, ночами наблюдая звездный небосвод,
Стал читать светил движенье и обратный ход.

Ум его величьем мира стройным был объят.
Знанья перед ним раскрылись, как бесценный клад.

И, увидя в восхищенье, что его Бахрам
Зорек мыслью, в постиженье знания упрямя,

Шах ему меридиана показал отвес
И открыл пред ним науку высшую небес.

Всё, что разум человека за века постиг,
Всё, чем стал он перед небом и землей велик, —

Всё Мунзир законов стройных кругом вместе слил
И, как книгу, пред Бахрамом наконец открыл.

**И Бахрам, учась прилежно, стал в конце кощов
Искушен во всех науках — даре мудрецов.**

**Были вняты все таблицы звездные ему,
Сокровенное он видел сквозь ночную тьму.**

**Астролябией и стержнем юга он владел,
Он узлы деяний неба развязать умел.**

**И когда наукой книжной был он умудрен,
Боевым владеть оружием стал учиться он.**

**Он игрою в мяч, искусством верховой езды
Мяч выигрывал у неба и его звезды.**

**А когда в степи он ветер начал обгонять,
На волков и львов с арканом начал выезжать.**

**А в степи заря рассвета и лучи ее
Пред копьем его бросали на землю копье.**

**Вскоре он в стрельбе из лука равного не знал,
Птицу в высоте небесной он стрелой пронзал.**

**Полный весь колчан порою посылал он в цель,
Каждую своей стрелою попадал он в цель.**

**Так пускал он стрелы густо, так рубил мечом,
Что никто бы не укрылся от него щитом.**

**На скаку, в пылу охоты он копье метал,
На скаку в кольцо копьем он метким попадал.**

**Острием копья колечко с гривы льва срезал
И кольцо с замка сокровищ он мечом снимал.**

**На ристалище, когда он лук свой брал порой,
В волосок он за сто гязов попадал стрелой.**

**Всё, что в поле на ловитве взгляд его влекло,
От летящих стрел Бахрама скрыться не могло.**

**Так в науках и в охоте перед ним всегда
Реяла его удачи яркая звезда.**

**Доблестью его гордились ближние царя,
С похвалою о Бахраме всюду говоря.**

Говорили: «То он в схватку с ярым львом вступил,
То он барса на охоте быстрого сразил».

И такие о Бахраме всюду речи шли,
И его «Звездой Йемена» люди нарекли.

БАХРАМ НАХОДИТ ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕМИ КРАСАВИЦ

В Хаварнак однажды прибыл из степей Бахрам,
Предался отдохновенью, лени и пирам.

По бесчисленным покоем как-то он блуждал,
Дверь закрытую в проходе узком увидал.

Он ее дотоль не видел и не знал о ней;
Не входил в ту дверь ни ключник и ни казначей.

Тут немедля ключ от двери шах у слуг спросил.
Ключник тотчас появился, ключ ему вручил.

Шах открыл и стал на месте, сильно изумлен —
Будто бы сокровищницу там увидел он,

Дивной живописью взоры привлекал покой.
Сам Симнар его украсил вещью рукой.

Как живые, семь красавиц смотрят со стены.
Как зовут, под каждой надпись, из какой страны.

Вот Фурак, дочь магараджи, чьи глаза черны,
Словно мрак, и лик прекрасней солнца и луны.

Вот китайского хакана дочь — Ягманаз, —
Зависть лучших дев Китая и твоих, Тараз.

Назпери — ее родитель хорезмийский шах.
Шаг ее как куропатки горной легкий шаг.

В одеянии румийском, прелести полна,
Насринуш идет за нею — русская княжна.

Вот магрибского владыки дочь Азариюн,
Словно утреннее солнце девы облик юн.

Дочь царей румийских — диво сердца и ума,
Счастье льет, сама счастлива, имя ей — Хума.

Дочь из рода Кей-Ковуса, ясная душой,
Дурасти — нежна, как пальма, и павлин красой.

Этих семерых красавиц сам изобразил
Маг Симнар и всех в едином круге заключил.

А посередине круга — будто окружен
Скорлупой орех — красивый был изображен

Юный витязь. Он в жемчужном поясе, в венце,
И усы черны, как мускус, на его лице.

Словно кипарис он строен, с гордой головой.
Взгляд горит величьем духа, ясный и живой.

Семь кумиров устремили взгляды на него,
Словно дань ему платили сердца своего.

Он же ласковой улыбкой отвечает им,
Каждою и всеми вместе без ума любим.

А над ним Бахрама имя мастер начертал.
И Бахрам, себя узнавши, надпись прочитал.

Это было предсказанье, речь семи светил:
«В год, когда воспрянет в славе витязь, полный
сил, —

Он добудет семь царевен из семи краев,
Семь бесценных, несравненных, чистых жемчугов.

Я не сеял этих зерен, в руки их не брал;
Что мне звезды рассказали, то и написал».

И любовь к семи прекрасным девам день за днем
Понемногу овладела молодым царем.

Кобылицы в пору течки, буйный жеребец —
Семь невест и льву подобный юный удалец.

Как же страстному желанью тут не возрастать?
Как же требованьям страсти тут противостать?

Рад Бахрам был предсказанью звездному тому,
Хоть оно пересекало в жизни путь ему.

Но зато определяло жизнь и вдаль вело,
Исполнением желаний дух его влекло.

Всё, что нас надеждой крепкой в жизни одарит,
Силу духа в человеке удешевит.

Вышел прочь Бахрам и слугам дал такой наказ:
«Если в эту дверь заглянет кто-нибудь из вас,

Света солнечного больше не видать тому:
С плеч ему я без пощады голову сниму».

Стражи, слуги, и вельможи, и никто другой
Даже заглянуть не смели в тайный тот покой.

Только ночь прольет прохладу людям и зверям,
Взяв ключи, Бахрам к заветным подходил дверям,

Отпирал благоговейно и, как в рай, вступал:
Молча семь изображений дивных созерцал.

Словно жаждущий, смотрелся в чистый водоем.
И, желаньем утомленный, забывался сном.

Вне дворца ловитвой вольной шах был увлечен,
Во дворце же утешался живописью он.

О ТОМ, КАК ПРАВИЛ БАХРАМ-ГУР

Счастливо на трон Ирана шах Бахрам взошел,
Совершенством и величьем озарил престол.

На семи золотых подножьях трон его стоял,
Поясом с семью значками стан он повязал.

Был венец двухцветный Чина на кудрях его,
Ризы из парчи румийской на плечах его.

Он добром с пределов Рума подати взимал,
Благом он с хакана Чина обложение брал.

Он законы правосудья учредил в стране,
Злобу покарал, а правду наградил вдвойне.

Справедливых и гонимых сам он ограждал,
Угнетателей унизил, алчных покарал.

И ключом к замку печалей стал его дворец,
Благоденствие настало в царстве наконец.

Государство процветало, обретя покой,
И при нем дышать свободно стал народ простой.

Овцы множились, богатый расплодился скот,
На полях лилось живое изобилье вод.

Всякий плод пошел обильно на деревьях зреть,
Чистым золотом монеты начали звенеть.

Шах Бахрам вникал повсюду сам во все дела;
Если видел зло, искал он тайный корень зла.

И последовали шаху все князья земли,
И окраины Ирана также расцвели.

Всё, что глохло в запустенье в дни его отца,
Расцвело и разрешилось у его дворца.

Стражи кладов и владельцы замков крепостных
Крепости ему вручили и ключи от них.

Дневники приказов свыше каждый обновлял,
Каждый жизнь свою на службу шаху отдавал...

Шах делами государства окружал себя,
Подданным добра желая, утруждал себя.

Разоренные хозяйства вновь обогатил,
Беглецов в родное лоно лаской возвратил.

Он овец своих от волка злого защитил,
Сокола своею властью с голубем сдружил.

Обольщенья старой смуты он изгнал навек,
 Хищничество, лихоимство всякое пресек.

Сокрушил, разбил опоры он врагов своих,
Поддержал друзей надежных он в делах мирских.

Человечность он законом для себя избрал.
«Лучше благо, чем обида», — людям он сказал.

«Оскорбленье унижает. Лучше убивать
Ненавистников, но душу их не оскорблять.

Лучше смерть, чем оскорбленье. Коль нельзя простить
Нераскаянных злодеев, лучше уж казнить.

И бичи и унижение — гибели лютей».
Справедливостью своею он привлек людей.

Был он щедр. И по величью духа своего
Не оставил без вниманья в царстве никого.

Видел он: лишь пыль печали, скорби и забот
Древняя обитель праха мудрому несет.

Но душой своей в печали не поник Бахрам,
Предался веселью, неге, ласкам и пирам.

Да, в непрочности вселенной убедился он,
И душою в наслажденья погрузился он.

Он лишь день один в неделю отдавал делам.
Шесть же дней — любви и неге отдавал Бахрам.

Без любви теперь не мог он даже дня дышать,
В ворота любви стучал он. Как же не стучать?

Есть ли смертный, что любовью не был бы пленен?
Кто лишен любви, ты скажешь, жизни тот лишен.

И любви провозгласил он в мире торжество,
И четы влюбленных стали свитою его.

От зенита он наполнил славой по надир
Эту землю. И Бахраму стал подвластен мир.

Жизнь беспечно принимал он — с чистою душой,
Правосудье совершал он — с чистою душой.

При Бахраме не в почете были плеть и меч.
А в казну богатство стало отовсюду течь.

Стал Аджам как плодоносный сад в цвету ветвей,
А Бахрам, как солнце, лаской одарял людей.

То, что явно властелину, не понять рабу,
Упавал завистник алчный всё же на судьбу.

Но погибнет тот, кто бога вечного забыл,
Тот, кто в сердце состраданье к людям истребил.

И всегда, когда нечестье низкие творят
И за свой достаток бога не благодарят,

То в конце концов богатство их скудеть начнет,
Будут их питать железо, пламя, кровь и пот.

ЗАСУХА И МИЛОСЕРДИЕ БАХРАМА

Были в некий год жарою спалены поля,
И зерна не уродила щедрая земля.

Был такой во всем Иране страшный недород,
Что голодный пахарь начал есть траву, как скот.

Мир от голода в унынье голову склонил,
Хлеб у скупщиков богатых страшно дорог был.

Весть о бедствии народном шаху принесли,
Молвили: «Простерся голод по лицу земли.

Смерть, страданья, людоедство на земле царят;
Словно волки, люди падаль и людей едят».

И Бахрам решил немедля бедствие избыть,
Двери всех своих амбаров он велел открыть.

А правителям окраин отдал он приказ,
Чтобы людям царских житниц роздали запас.

Написал: «Во всех селеньях пусть и в городах
Люди хлеб берут бесплатно в наших закромах,

У богатого за деньги забирайте хлеб,
Голодающим бесплатно раздавайте хлеб.

А когда не будет ведать голода страна,
Птицам высыпьте остатки вашего зерна.

Чтоб никто в моих владеньях голода не знал,
Чтоб никто от недостатка пищи не страдал!»

А когда голодных толпы к житницам пришли
И домой мешки с пшеницей царской унесли,

Шах зерно в чужих владеньях закупать велел
И закупленное снова раздавать велел.

Он усердствовал, сокровищ древних не щадя,
Милости он сыпал гуще вешнего дождя.

Хоть подряд четыре года землю недород
Посещал, зерно от шаха получал народ.

Так в беде он истым Кеем стал в своих делах,
И о нем судили люди: «Подлинный он шах!»

Так избыл народ Ирана горе злых годин;
Всё ж голодной смертью умер человек один.

Из-за этого бедняги шах Бахрам скорбел,
Как поток, зимой замерзший, дух в нем онемел.

И, подняв лицо, Яздана стал он призывать,
И о милости Яздана стал он умолять:

«Пищу ты даруешь твари всяческой земной!
Разве я могу сравняться щедростью с тобой?»

Ты своей рукой величье малому даешь,
Ты величью истребленье и паденье шлешь.

Как бы я ни тщился, хлеба в житницах моих
Недостанет, чтоб газелей накормить степных.

Только ты — победоносной волею своей —
Кормишь всех тобой хранимых — тварей и людей.

Коль голодной смертью умер человек один,
То, поверь, я неповинен в этом, властелин!

Я не ведал, что бедняга жил в такой нужде,
А теперь узнал, но поздно, не помочь беде».

Так молил Бахрам Яздана, чтобы грех простил,
И Бахраму некий тайный голос возвестил:

«За твое великодушие небом ты прощен,
И в стране твоей отныне голод прекращен.

Да! Подряд четыре года хлеб ваш погибал,
Ты ж свои запасы людям щедро раздавал,

Но четыре года счастья будет вам теперь,
Ни нужда, ни смерть не будут к вам стучаться в дверь!»

И четыре круглых года, как сказал Яздан,
Благоденствовал и смерти не видал Иран.

Счастлив шах, что добротою край свой одарил
И от хижин смерть и голод лютый удалил.

Люди новые рождались. Множился народ.
Скажешь: не было расхода, был один доход.

Умножалось население. Радостно, когда
Строятся дома, обильны, людны города.

Дом за домом в эту пору всюду возникал,
Кровлею к соседней кровле плотно примыкал.

Если б в Исфахан из Рея двинулся слепец,
Сам по кровлям он пришел бы к цели наконец.

Если это непонятно будет в наши дни,
Ты, читатель, летописца — не меня — вини.

Народился люд, явилось много новых ртов,
Пропитанья было больше всё ж, чем едоков.

На горах, в долинах люди обрели покой,
Радость и веселье снова потекли рекой.

На пирах, фарсанга на два выстроившись в ряд,
Пели чанги и рубабы и звучал барбат.

Что ни день — то, будто праздник, улица шумна.
Возле каждого арыка был бассейн вина.

Каждый пил и веселился, брань и меч забыл
И, кольчугу сняв, одежды шелковые шил.

Ратный шум, бряцанье брони невзлюбили все,
О мечах, пращах и стрелах позабыли все.

Всякий, у кого достаток самый малый был,
Радовался, услаждался и в веселье жил.

Ну а самым бедным деньги шах давать велел
На потехи. Всех он видеть в радости хотел.

Каждого сумел приставить к делу он в стране.
Чтобы жизнь была народу радостна вдвойне,

На две части приказал он будний день разбить,
Чтоб сперва трудиться, после — пировать и пить.

На семь лет со всей страны он подати сложил,
Ствол семидесятилетней скорби подрубил.

Тысяч шесть созвать велел он разных мастеров:
Кукольников, музыкантов, плясунов, певцов.

Он велел их за уменье щедро наградить
И по городам, по селам им велел ходить, —

Чтоб они везде бывали с песнею своей,
Чтобы сами веселились, веселя людей.

Меж Тельцом и Близнецами та была пора —
Рядом шла с Альдебараном на небе Зухра.

Разве скорбь приличествует людям той порой,
Как Телец владычествует на небе с Зухрой?

БАХРАМ ЖЕНИТСЯ НА ДОЧЕРЯХ ПАДИШАХОВ СЕМИ СТРАН

Всей душою в наслажденья погрузился шах,
Ибо он устал в походных пребывать трудах.

Судьбы подданных устроил сам сперва Бахрам,
А уж после приступил он и к своим делам.

Он попрал врагов Ирана твердою пятой
И предался неге мира с чистою душой.

И пристрастие бывшее стал он вспоминать,
Что в трудах — за недосугом — начал забывать.

Как Аржанг, семи блиставший мира поясам,
Хаварнак и семь портретов вспоминал Бахрам.

И в душе Бахрама-Гура разгорелась вновь
К этим гуриеподобным девушкам любовь.

Семь волшебных эликсиров в мире он открыл
И семью огнями пламя страсти погасил.

Первая была — царица Кева дворца,
Но у ней в живых в ту пору не было отца.

Он засватал перл бесценный рода своего
И за тысячи сокровищ получил его.

А потом к хакану Чина он послал гонцов
И письмо с угрозою, скрытой средь любезных слов.

Дочь просил он у хакана и казну с венцом
И вдобавок дань двойную на году седьмом.

Отдал дочь хакан Бахраму и послал дары:
Груз динаров и сокровищ, чаши и ковры.

Вслед за тем Бахрам кайсару вдруг нанес удар —
Вторгся с войском в Рум. Немалый там зажег пожар.

Спорить с ним не стал объятый ужасом кайсар,
Выдал дочь свою и с нею дал богатый дар.

И людей в Магриб к султану шах послал потом
С чистым золотом в подарок, с тронном и венцом.

Что ж! Магрибскую царицу получил Бахрам.
Посмотри, как в той женитьбе ловок был Бахрам.

А когда был кипарис им стройный увезен,
В край индийский за невестой устремился он.

Разумом раджу индусов так пленил Бахрам,
Что и дочь индийца в жены получил Бахрам.

И когда в Хорезм направил шах Бахрам посла,
Хорезм-шаха дочь женою в дом к нему вошла.

Он царя саклабов даром дорогим почтил,
Дочь его — алмаз чистейший — в жены попросил.

Так вот — от семи иклимов — у семи царей
Взял он в жены семь прекрасных перлов-дочерей

И привез к себе, и с ними в счастье утопал,
Юности и наслажденью полностью воздал.

ОПИСАНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

В дни, когда — в венце Кубада — шах после войны
Фарр сияния Хосрова поднял до луны,

Под усильями упорных мастерских резцов
Семь — подобных Бисутунам — поднялось дворцов.

Встало семь дворцов — до неба — в пышных
куполах,
Каждый купол был воздвигнут на семи столбах.

Окружил дворцы стеною зодчий. И Бахрам
Поднялся на эту стену словно к небесам.

Семь дворцов Бахрам увидел, словно семь планет.
В соответствии планетам у дворцов был цвет.

И во всем Шида премудрый дал отличья им
В соответствии великим поясам земным.

Первый купол, что Кейвану зодчий посвятил,
Камнем черным, словно мускус, облицован был.

Тот, который был отмечен знаком Муштари,
Весь сандаловым снаружи был и изнутри.

А дворец, что был Бахрамом красным озарен,
Розовел порфиром, красен был в основе он.

Тот, в котором зодчий знаки Солнца усмотрел,
Ярко-желтым был, как солнце, золотом горел.

Ну а купол, чьим уделом был венец Зухры,
Мрамором лучился белым, как венец Зухры.

Тот же, чьею был защитой в небе Утарид,
Бирюзой горел, как в небе Утарид горит.

А построенный под знаком молодой Луны
Зелен был, как счастье шаха, как наряд весны.

Так воздвиг Шида для шаха славных семь дворцов,
Семь цветных, как семь планетных в мире поясов.

Цвет свой семь пределов мира шаху принесли.
Как хозяйки семь царевен в семь дворцов вошли.

Каждая царевна замок выбрала себе
По ее происхождению, цвету и судьбе.

Внутреннее всё убранство в каждом из дворцов
Свойственных ему оттенков было и цветов.

В те дворцы по дням недели шах Бахрам входил
И с одною из красавиц время проводил.

Он в субботу, в день Кейвана, в черный шел дворец,
Как ему по гороскопу предсказал мудрец.

В воскресенье желтый замок посещал Бахрам,
И по очереди в каждом пировал Бахрам.

И в каком дворце за чашей ни садился он,
В цвет дворца и цвет планеты был он облачен.

И, полна очарованья, блеска и ума,
Госпожа дворца садилась близ него сама.

Каждая хотела сердце шахское пленить,
Привязать его, халвою шаха накормить.

И они ему, за пиром тайным без гостей,
Рассказали семь волшебных старых повестей.

Хоть воздвиг Бахрам когда-то дивных семь дворцов,
Но не спасся всё ж от смерти он в конце концов.

Низами! От сада жизни отведи свой взгляд!
В нем шипами стали розы, и шипы язвят.

Вспомни: в ад поверг Бахрама рай его страстей
В этом царстве двух обманных, мимолетных дней.

Повесть первая. Суббота
ИНДИЙСКАЯ ЦАРЕВНА

Образы семи красавиц сердцем возлюбя,
Шах Бахрам в неволю страсти отдал сам себя.

В башню черную, как мускус, в день субботний он
Устремил стопы к индийской пери на поклон.

И в покое благовонном до ночной поры
Предавался он утехам сладостной игры.

А когда на лучезарный белый шелк дневной
Ночь разбрызгала по-царски мускус черный свой,

Шах у той весны Кашмира сказки попросил —
Ароматной, словно ветер, что им приносил

Пыль росы и сладкий запах от ночных садов, —
Попросил связать преданье из цветущих слов,

Из чудесных приключений, что уста слюной
Наполняют, приклоняют к ложу головой.

Вот на мускусном мешочке узел распустила
Та газель с глазами серны и заговорила:

«Пусть литавры шаха будут в небесах слышны
Выше четырех подпорок золотой луны!

И пока сияет небо, пусть мой шах живет,
Пусть к его ногам покорно каждый припадет.

Пусть не будет праздно счастье шахское сидеть,
Пусть он всё возьмет, чем хочет в мире овладеть!»

Восхваленье кончив, пери — роз кашмирских куст —
Начала бальзам алоэ источать из уст,

Рассказала, взор потупя в землю от стыда,
То, о чем никто не слышал в мире никогда.

СКАЗКА

Мне поведал это родич царственный один,
Величавый старец, в снежной белизне седин:

«Некогда сияла в сонме райского дворца
Гурия с печальным видом нежного лица.

Каждый месяц приходила в замок наш она,
И была ее одежда каждый раз черна.

Мы ее расспрашивали: «Почему, скажи,
В черном ты всегда приходишь? Молим: удружи

И открой, о чем горюешь, слиток серебра?
Черноту твоей печали выбелить пора!

Ты ведь к нам благоволеньем истинным полна;
Молви, почему ты в черном? Почему грустна?»

От расспросов наших долгих получился толк.
Вот что гостья рассказала: «Этот чернѣй шелк

Смысл таит, имеет повесть чудную свою,
Вы узнать ее хотите? Что ж, не утаю,

А от вас расспросов многих я сама ждала.
Я невольницею царской некогда была.

Этот царь был многовластен, справедлив, умен;
В памяти моей живет он — хоть и умер он.

Скорби многие при жизни он преодолел
И одежду в знак печали черную надел.

«Падишах в одежде черной» — в жизни наречен,
Волей вечных звезд на горе был он обречен.

Весел в юности — печальным стал он под конец.
Смолоду он наряжался в золото, в багрец;

И, за ласку и радушье всюду восхвален,
Людам утреннею розой улыбался он.

Замок царский подымался до Плеяд челом.
Это был гостеприимный, всем открытый дом.

Стол всегда готов для пира — постланы ковры.
Гостю поздней или ранней не было поры.

Знатен гость или не знатен, беден иль богат —
Всех равно в покоях царских щедро угостят.

Царь расспрашивал пришельца о его путях,
Где бывал и что изведал он в чужих краях.

Гость рассказывал. И слушал царь его рассказ,
До восхода солнца часто не смыкая глаз.

Так спокойно год за годом мирно протекал.
От закона гостелюбья царь не отступал.

Но однажды повелитель, как Симург, пропал,
Время шло. Никто о шахе ничего не знал.

Горевали мы; в печали влекся день за днем, —
Вести, как о птице Анка, не было о нем.

Но внезапно нам судьбою царь был возвращен;
Словно и не отлучался, снова сел на трон.

Молчалив он был и в черном — с головы до пят,
Были черными — рубахи, шапка и халат.

После этого он правил многие года,
Только в черное зачем-то облачен всегда.

Без несчастья, одеяньем скорби омрачен,
Как вода живая, в вечном мраке заключен.

С ним была я, и светили мне его лучи...
И однажды — с глазу на глаз — горестно в ночи

Он мне голосом печальным жаловаться стал:
«Посмотри, как свод небесный на меня напал,

Из страны Ирема силой он меня увлек
И навеки в этот черный погрузил поток.

И никто меня не спросит: «Царь мой, где ты был?
Почему седины черной ты чалмой покрыл?»

И, ответ обдумывая и словам его
Молча внемля, прижималась я к ногам его.

Молвила: «О покровитель вдов и горемык...
О властитель справедливый, лучший из владык!

Искушать тебя — что небо топором рубить, —
Кто дерзнет? Один ты волен тайное открыть».

Что достойна я доверья, понял властелин —
Мускусный открыл мешочек, просверлил рубин

И сказал: «Когда я в мире сделался царем,
Возлюбил гостеприимство, всем открыл свой дом.

И у всех, кого я видел, — добрых и дурных, —
Спрашивал о приключеньях, что постигли их.

И пришел однажды ночью некий гость в мой дом,
Были плащ, чалма и туфли — черные на нем.

По обычаю, велел я угостить его.
Угостивши, захотел я расспросить его.

Начал: «Мне, не знающему повести твоей,
Молви, почему ты в платье — полночи темней?»

Он ответил мне: «Об этом спрашивать забудь.
Никогда к гнезду Симурга не отыщешь путь».

Я сказал: «Не уклоняйся, друг, поведай мне,
Что за чудеса ты видел и в какой стране?»

Отвечал мой гость: «Ты должен, царь, меня простить.
Мне ответа рокового в слово не вместить.

Не поймут, не разгадают люди тайны той,
Кроме смертных, облеченных вечной чернотой».

Умолял его я долго правду рассказать,
Моего томленья, видно, он не мог понять.

Всем мольбам моим как будто он и не внимал,
Предо мной завесы тайны он не поднимал.

Но, увидев, как встревожен я, как угнетен,
Своего молчанья словно устыдился он.

Вот что он поведал: «Город есть в горах Китая.
Красотой, благоустройством он — подобье рая,

А зовется «Град Смятенных» и «Скорбей Обитель».
В нем лишь черные одежды носит каждый житель.

Люди там красивы; каждый ликом что луна,
Но, как ночь без звезд, одежда каждого черна.

Всякого, кто выпьет в этом городе вина,
В черное навек оденет чуждая страна.

Что же значит одеяний погребальный цвет —
Не расскажешь, но чудесней дел на свете нет.

И хотя бы ты велел мне голову снести,
Больше не могу ни слова я произнести».

Молвил это и пожитки на осла взвалил,
Двери моего желанья наглухо закрыл.

Был мой дух его рассказом странным омрачен,
Я вернуть велел пришельца. Но уж скрылся он.

Свет погас. Рассказ прервался. Наступила тьма...
Стало страшно мне. Боялся я сойти с ума.

Продолжение рассказа начал я искать,
Пешку мысли так и этак начал подвигать.

Но, чтоб стать ферзем, у пешки не нашлось дорог,
Я взобраться по канату на стену не мог.

Обмануть себя терпением я хотел тогда,
Ум еще терпел, а сердцу — горшая беда.

Проходила предо мною странников череда.
Всех я спрашивал. Никто мне не открыл следа...

И решил я бросить царство, — хоть бы навсегда!
Родичу вручил кормило власти и суда,

Взял запас одежд и денег я в своей казне,
Чтоб нужда в пути далеком не мешала мне.

И пришел в Китай. И многих встречных вопрошал
О дороге — и увидел то, чего искал.

Город, убранный садами, как Ирема дом.
Носит черные одежды каждый житель в нем.

Молока белее тело каждого из них,
Но как бы смола одела каждого из них.

Дом я снял, расположился отдохнуть в пути
И присматривался к людям целый год почти.

Но не встретил я доверья доброго ни в ком,
Губы горожан как будто были под замком.

Наконец сошелся с неким мужем-мясником.
Был он скромн, благороден и красив лицом.

Чистый помыслами, добрый, смлада он привык
От жулы и злого слова сдерживать язык.

Дружбы с ним ища, за ним я следовал, как тень.
И встречаться с новым другом стал я каждый день.

А как с ним сумел я узы дружбы завязать,
Я решил обманом тайну у него узнать.

Часто я ему подарки ценные дарил,
Языком монет о дружбе звонко говорил.

С каждым днем число подарков щедро умножал,
Золотом весов железных чашки нагружал.

День за днем свои богатства другу отдавал,
Исподволь и осторожно им завладевал.

И мясник, под непрерывным золотым дождем,
Стал к закланию готовым жертвенным тельцом.

Так подарками моими был он отягчен,
Что под грузом их душевно истомился он.

Наконец меня однажды он в свой дом привел.
Был там сказочно богатый приготовлен стол.

Всех даров земных была там, скажешь, благодать.
Хорошо умел хозяин гостю угождать.

А когда мы, пир окончив, речи повели, —
Множество подарков ценных слуги принесли.

Счесть нельзя богатств, какие мне он расточил.
Все мои — к своим подаркам присоединил.

Отдав мне дары с поклоном, сел и так сказал:
«Столько, сколько ты сокровищ мне передавал,

Ни одна сокровищница в мире не вмещала!
Я доволен и своею прибылью немалой.

Друг, зачем же нужно было столько мне дарить?
Чем могу за несказанный дар я отплатить?

Стану, как ты пожелаешь, я тебе служить.
Жизнь одна во мне, но если смог бы положить

Десять жизней я на чашу тяжкую весов —
Я не смог бы перевесить данных мне даров!»

«Разве душу перевесит этот жалкий хлам?» —
Молвил я и сделал бровью знак моим рабам,

Чтоб они в мое жилище быстро побежали,
Чтоб еще в подвале тайном золота достали.

Золотых монет, в которых чистый был металл,
Дал ему я много больше, чем дотоль давал.

Он же, не угадывая, что хитрю я с ним,
Мне сказал смущенно: «Был я должником твоим, —

Отдарить тебя, я думал, мне пришла пора...
Ну а ты в ответ всё больше даришь мне добра...

Устыжен я. И не знаю, как теперь мне быть.
Не затем, чтобы обратно в дом твой воротить,

Все твои дары сегодня я тебе поднес,
А затем, что в нашем скромном доме не нашлось

Ничего, чем за щедроты мог бы я воздать.
Но к богатству ты богатство даришь мне опять.

Слушай же — отныне буду я твоим рабом,
Иль свои дары обратно унеси в свой дом».

И когда я убедился в дружбе мясника,
Увидал, что бескорыстна дружба и крепка, —

Я ему свою поведал горестную повесть,
Ничего не скрыл, поведал, как велела совесть.

Рассказал ему, что бросил трон и царство я
И тайком ушел в чужие, дальние края,

Чтоб узнать, зачем в богатом городе таком
С радостями ни единый житель не знаком.

Почему, не зная горя, горю преданы
Горожане здесь — и черным все облечены...

А когда мясник почтенный выслушал меня,
Стал овцой. Овцой от волка, волком от огня —

Он шарахнулся, и, словно сердце потерял,
Словно чем-то пораженный, долго он молчал.

И промолвил: «Не о добром ты спросил сейчас.
Но ответ на всё должник твой нынче ж ночью даст».

Только амброй оросилась ночи камфара
И к покою обратились люди до утра,

Мой хозяин молвил: «Встанем, милый гость, пора,
Чтоб увидеть всё, что видеть ты хотел вчера.

Встань! Неволей в этот день я послужу тебе,
Небывалое виденье покажу тебе!»

Молвив так, со мною вышел из дому мясник,
Вел меня средь сонных улиц, словно проводник.

Шел он, я же — чужестранец — позади него.
Двое было нас. Из смертных с нами — никого.

Вел меня он, как безмолвный некий властелин.
За город привел, в пределы сумрачных руин.

Ввел в пролом меня, где тени, как смола, черны,
Словно пери, скрылись оба мы в тени стены.

Там увидел я корзину. И привязан был
К ней канат. Мясник корзину эту притащил

И сказал: «На миг единый сядь в нее смелей.
Между небом и землею будешь поднят в ней.

Сам узнаешь и увидишь: почему, в молчанье
Погруженные, мы носим ночи одеянья.

Несказанная корзине этой власть дана,
Сокровенное откроет лишь она одна».

Веря: искренностью дружбы речь его полна,
Сел в корзину я. О — чудо! Чуть ногами дна

Я коснулся — словно птица поднялась она,
Понеслась корзина, словно вихрем взметена,

И в вертящееся небо повлекла меня.
Чары обвили корзину поясом огня.

До луны вздымавшаяся башня там была.
Сила чар меня на кровлю башни подняла.

В узел, черною змеею, свился мой канат.
Брошен другом, там стоял я, ужасом объят.

Я стонал, об избавленье господя моля.
Сверху небо — и во мраке подо мной земля.

Высоко на кровле башни, в страхе чуть дыша,
Я сидел. От этой казни в пуп ушла душа.

Было страшно мне на небо близкое взглянуть,
А глядеть на землю с неба как я мог дерзнуть?

И от ужаса невольно я глаза закрыл,
И покорно темным силам жизнь свою вручил,

И раскаивался горько я в своей вине.
Горевал я об отцовском доме и родне...

Не было от покаянья радостнее мне.
Полный горьких сожалений, я горел в огне.

Надо мною проплывало время, как во сне,
Вдруг примчалась птица с неба, села на стене,

Где один я плакал в горе. Села, как гора,
Велика, страшна, громадна, — черного пера.

Хвост и крылья, как чинары, — густы и тенисты.
Лапы, как стволы деревьев, толсты и когтисты.

Как колонна Бисутуна — клюв ее велик,
Как дракон в пещере — в клюве выгнулся язык.

И чесалась эта птица, перья отряхала,
Расправляла хвост и шумно крыльями махала.

И когда она подкрылье черное чесала —
Раковину с перлом алым на землю бросала,

Пыли мускусной вздымала облако до звезд
Каждый раз, как расправляла крылья или хвост.

Вскоре птица погрузилась надо мною в сон,
И в ее пуху дремучем был я схоронен.

Думал: «Коль за птичью ногу крепко ухвачусь,
С помощью ужасной птицы наземь я спущусь,

Пусть внизу беду любую для себя найду...
Силой же своей отсюда вовсе не сойду.

Злобный человек со мною подло поступил,
Предал мукам, клятву дружбы низко преступил.

Или он моим богатством завладеть желал —
И затем меня на гибель верную послал?..»

Так томился я, покамест не зардела высь.
Смутно голоса земные снизу донеслись.

Сердце птицы застучало бурно надо мной.
Птица крыльями всплескала бурно надо мной.

Крылья шире корабельных поднятых ветрил.
Встал я, лапу страшной птицы крепко обхватил.

А она поджала лапы, крылья развела
И, как буря, сына праха к солнцу понесла.

И меня с утра до полдня птица та носила.
Солнце гневно жгло. От зноя я лишился силы.

Вдруг — увидел: небо стало надо мной вращаться;
То — огромными кругами начала спускаться

Птица на землю. Земная тень ее влекла:
И когда копыя не выше высота была,

Возблагодарил я птицу: «Ну, спасибо, друг».
И ее кривую лапу выпустил из рук.

Словно молния, упал я на цветущий луг, —
Весь в росе благоуханной, он блестел вокруг.

Добрый час, смежив зеницы, я в траве лежал.
Где я, что со мною будет, я тогда не знал.

В сердце у меня тревога улеглась не вдруг,
Наконец открыл я веки, поглядел вокруг.

Бирюзы небес лазурней почва там была.
Пыль земная на густую зелень не легла.

Сотня тысяч разнообразных там цветов цвела.
Зелень листьев бодрствовала, а вода спала.

Тысячами ярких красок взоры луг пленял.
Ветер, полный благовоний, чувства опьянял.

Гиацинт петлей аркана брал гвоздику в плен,
Юной розы рот багряный прикусил ясен.

И язык у аргавана отняла земля,
Амброу благоуханной там была земля.

Был там золотом песок, камни — бирюзой,
В ложе яшмовом поток — розовой водой.

У его кристально-светлых и холодных вод
Блеск и цвет, как подаянье, клячил небосвод.

Как во ртути, в струях рыбы ярче серебра,
Берега — как два огромных сказочных ковра.

Изумрудные предгорья в полукруг сошлись.
Лес в предгорьях — дуб индийский, кедр и кипарис.

Там утесы были чистым яхонтом, опалом.
Деревя горели цветом золотым и алым.

Сквозь кустарники алоэ, смешанный с сандалом,
Ветер веял по долине и окрестным скалам.

Чащей шел я; чуя голод, рвал плоды и ел.
Отдохнуть под кипарисом свежим захотел.

Лег, уснул, тревог не зная и докучных дел,
Небеса благословляя за такой удел.

Только полночь погрузила землю в синь и тьму
И, убрав багрец, на тучи нанесла сурьму,

Мне в лицо пахнул отрадно с горной вышины
Легковейный и прохладный ветерок весны.

Пронеслась гроза, апрельской свежестью полна,
Быстрым дождиком долину взбрызнула она.

Напоился дол широкий свежестью ночной
И наполнился красавиц молодых толпой.

Прелестью была любая гурии равна,
Шли они передо мною, как виденья сна.

Будто чудом породила ночи глубина
Мир красавиц светозарных, свежих, как весна,

Мир пьяней и чародейней рдяного вина.
Тела белизна у каждой хной отненена,

Уст рубин алей тюльпана, — кровь не так красна;
Выкуп, взятый с Хузистана, тем устам цена.

Золотых запястий змеи на руках у них,
Перлы звучные на шее и в серьгах у них.

А в руках красавиц свечи яркие горят;
Хоть нагара не снимают — свечи не коптят.

Стана гибкостью любая в плен брала мой взгляд,
Обещая и скрывая тысячи услад.

И ковер и трон, звездою блещущий вдали,
Эти гурии-кумиры на плечах несли.

На траву ковер постлали, водрузили трон.
Ждал я, что же будет дале, — словно видел сон.

Только время миновало малое с тех пор,
Нечто ярко засияло, ослепляя взор.

Будто бы луна спустилась наземь с высоты,
Легким шагом приминая травы и цветы.

То владычица красавиц — не луна была.
Эти пери лугом были, а она была

Кипарисом среди луга и над их толпой,
Словно роза, возвышалась гордой головой.

Вот воссела, как невеста, госпожа на трон.
Спал весь мир, а только села — мир был
пробужден.

Еле складки покрывала совлекла с лица —
Некий падишах, казалось, вышел из дворца,

Белое румийцев войско впереди него,
Черное индийцев войско позади него.

А когда одно мгновенье, два ли, миновало,
Девушке, вблизи стоявшей, госпожа сказала:

«Я присутствие чужое ощущаю здесь.
Чую — существо земное между нами есть.

Встань скорее и долину нашу обойди
И, кого ни повстречаешь, — всех ко мне веди».

Та, рожденная от пери, мигом поднялась,
Словно пери, над долиной темной понеслась.

Изумясь, остановилась, лишь меня нашла,
За руку меня с улыбкой ласково взяла

И сказала: «Встань скорее, полетим, как дым!»
Ждал я этих слов, ни слова не прибавил к ним.

Как ворона за павлином, я за ней летел,
Перед тронем на колени встать я захотел.

Стал я в самом нижнем круге средь подруг ее.
Молвила она: «Ты место занял не свое.

Не к лицу тебе, я вижу, выглядеть рабом;
Место гостя — не в скорлупке, а в зерне самом.

Подымись на возвышенье, рядом сядь со мной.
Ведь приятно и Плеядам плыть перед Луной».

Я ответил: «О царица из страны зари,
Своему рабу подобных притч не говори!

Трон Билькис ему не место, это знает он.
Только Сулейман достоин занимать твой трон».

Молвила: «Здесь ты хозяин. Подойди и сядь.
Станешь ты у нас отныне всем повелевать.

Буду властна над тобою только я одна,
Сокровенное открою только я одна.

Ты мой гость, а мой обычай — почитать гостей».
Понял я, что мне осталось покориться ей.

Стол для пира повелела госпожа принести.
Принесли нам стол служанки, — яств на нем
не счесть.

Чаши были — цельный яхонт, стол же — бирюза.
Вызывал он вожделенье, радовал глаза.

А когда я сладкой пищей голод утолил
И напитком благовонным сердца жар залил, —

Появились музыканты, кравчие ушли.
И неведомое бедным жителям земли

Счастье, думал я, доступно, близко стало мне...
Нежно песня дев хвалою зазвучала мне.

Струны руда зазвенели, бубен забряцал.
Вихрь веселой, многоцветной пляски засверкал.

Не касаясь луга, несся легкий круг подруг.
Будто ввысь их поднимали крылья быстрых рук.

А потом — поодадь сели девы пировать.
Кравчие не успевали чаши наполнять.

От вина и сильной страсти обезумел я.
Мне казалось — закипела в жилах кровь моя.

К госпоже сахарноустой руки я простер,
У нее живым согласьем засветился взор.

Начал я у девы милой ноги целовать,
Возразит — я с большей силой стану целовать.

Уж надежды птица пела мне из тьмы ветвей,
Если б двести душ имел я, все бы отдал ей.

«О, скажи, услада сердца, — я молил ее, —
Кто ты, сладостная? Имя назови свое!»

«Я тюрчанка с нежным телом, — молвила она, —
Нежною Тюркназ за это в мире названа».

Молвил я: «Как дивно сходны наши имена!..
Звуком имени со мною ты породнена.

Ты — Тюркназ, что значит — Нежность. Я —
Набег-Тюрктаз.
Я молю тебя: немедля нападём сейчас

На несметных дивов горя — их огнем сожжем,
Утолим сердец томленьё колдовским вином!

Всё забудем... Обратимся к радости любви...
И душою погрузимся в радости любви!»

Я прочел в ее улыбке и в игре очей:
«Видишь — счастье судьбою занялось твоей!..

Видишь, час благоприятен... Нет вокруг людей...
Снисходительна подруга — так целуй смелей!»

Предо мною дверь лобзаний дева отперла —
Тысячу мне поцелуев огненных дала.

Вспыхнул я от поцелуев, словно от вина.
Шум моей кипящей крови слышала Луна.

«Нынче — только поцелуй, — молвила она, —
Взявши в руку эту чашу, пей не вдруг до дна.

И пока еще ты можешь сдерживать желанья —
Кудри гладь, кусай мне губы, похищай лобзанья.

Но когда твой ум затмится страстью до того,
Что узды уже не будет слушать естество, —

Из толпы прислужниц, в коей каждая девица,
Словно над любовной ночью вставшая денница, —

Ты какую бы ни выбрал, я освобожу
И служить твоим желаньям тут же прикажу,

Чтоб она в укромном месте другу моему
Предалась, была невестой и слугой ему,

Чтобы притушила ярость твоего огня,
Но — чтобы в ручье осталась влага для меня.

Каждый вечер, только с неба сгонит мрак зарю,
Я тебе один из этих перлов подарю».

Молвив так, толпу прислужниц взором обвела.
Ту, которую для ласки годною сочла,

Мановеньем чуть заметным к трону позвала
И ее, с улыбкой нежной, мне передала.

И Луна, подаренная мне, меня взяла
За руку и в сумрачную чашу увела.

Был пленен я родинкою, стал рабом кудрей.
Под навесом листьев шел я, как во сне, за ней.

И меня в шатер укрomный привела она.
Я поладил с ней, как с нижней верхняя струна.

Там постель была роскошно раньше постлана,
Легким шелком и коврами ярко убрана.

И затылками подушки ложа смяли мы.
Целовались и друг друга обнимали мы.

Отыскал я роз охапку между ивняков,
Потонул в охапке белых, алых лепестков.

Перл бесценный, сокровенный в раковине был,
Снял с жемчужницы печать я, створки отворил.

Я ласкал свою подругу до дневной поры
В ложе, амброю дышавшем, полном камфары.

Встал я из ее объятий при сиянье дня.
Приготовила проворно дева для меня

Водоем златой, сиявший яхонтовым дном.
И водой благоуханной я омылся в нем.

Знойный полдень был, когда я вышел из шатра.
Гурии, что пировали на лугу вчера,

Все исчезли. Я остался там у родника
Одинокий — наподобье желтого цветка...

Утомленный и с похмельем тяжким в голове,
Влажным лбом своим склонился я к сухой траве.

От полудня до заката подремал я там.
Счастье бодрствует, покамест спит счастливец сам.

Только мускусный мешочек ночь-газель раскрыла
И на небо мускус черный с амброй положила,

Из носилок сна я поднял голову тогда.
Встал я, как побег кленовый, где журчит вода.

Как минувшей ночью, туча с ветром пронеслась,
И жемчужным над долиной ливнем пролилась.

Ветер подметал долину, ливень поливал.
Ветер сеял розы, ливень лилии сажал.

А когда в долине встала амбровая мгла,
Розовая — в сто потоков — влага потекла.

Это вновь минувшей ночи гурии пришли,
Трон с покровом драгоценным снова принесли.

На лугу опять поставлен трон был золотой,
Занавешенный шелками, дорогой парчой.

Вновь пошел у них веселый, беззаботный пир.
Смехом, пеньем и волнением был разбужен мир.

Встали девушки в сиянье факелов ночных.
Села грабящая сердце госпожа среди них.

Девушкам она велела, чтоб меня нашли,
Чтобы снова к ней с почетом гостя привели.

Я на зов пришел охотно. И на трон меня
По обычаю бывшего усадили дня.

Бирюзовый стол для пира принесли они,
Яства подали и вина и зажгли огни.

Был утешен голод, жажда мной утолена,
Сладко, стройно сговорилась со струной струна,

Голову вино вскружило, жилы обожгло.
И опять вино с любовью дружбу завело.

И моя Тюркназ явила милость мне опять,
Своего раба решила снова обласкать.

И дала она подругам знак движеньем глаз,
Чтоб они ушли, оставив с глазу на глаз нас.

Тут огонь любви из сердца бросился мне в мозг.
Сразу мозг мой растопился, словно мягкий воск.

В нетерпенье я рукою стан ее обвил,
Деву взял на грудь к себе я и себя забыл.

Но владычица сказала мне, как и вчера:
«Эта ночь — не мне с тобою. Нынче — не пора.

Если можешь быть доволен леденцами ты,
В эту ночь со мной сливайся лишь устами ты.

Знай: кто требует немного — много тот возьмет.
А страстей своих невольник — в нищету впадет».

Я воскликнул: «Пусть же средство госпожа найдет,
Ибо скрыт я с головою глубиною вод.

Как смола, черны и цепки змеи кос твоих,
Я же стал умалишенным, я достоин их.

Посади меня ты на цепь, чтоб не бушевал,
Чтоб невольник иступленный путы не порвал.

Видишь: ночь проходит, брезжит за горой заря,
Я конца речам не вижу, ночь проговоря!

Иль убей меня... Не жаль мне жизни для тебя,
Вот мой меч, под ним склоняю голову, любя.

Нет, я знаю: от рожденья ты мне не чужда,
Если ты — ручей гремучий, я — в ручье вода.

Жажду я, — не дашь мне влаги — я тогда умру.
Станет жизнь моя летучим прахом на ветру.

Помоги... Я погибаю... О, спаси меня!
Воду я искал, а воды унесли меня.

Мукой долгих ожиданий не томи меня,
Хоть глотком блаженной влаги напои меня!

Пусть игла скорей вонзится в шелковые ткани,
Иль золы горячей брошу я в глаза желаний...

Не упал еще осел мой, цел бурдюк на нем.
Птица в ночь на ветку села, но умчится днем».

«Нынче будь покорен! — дева отвечала мне. —
Пусть Шебдизова подкова полежит в огне.

Если к цели вожденной нынче не придешь,
Яркий свет свечи бессмертья завтра обретешь,

Так не продавай за каплю весь источник вод.
Всё, что нынче яд, то завтра превратится в мед.

Нынче ты свои желанья на замок замкни,
И за это счастлив будешь в будущие дни.

Ты целуй меня сегодня, локоны мне гладь,
В нарды же с моей рабою будешь ты играть.

Сад есть у тебя — зачем же сада избегать?
Птица есть — зачем же птичье молоко искать?

И хоть я тебя покину скоро, знай: я тоже
И сама тебе достанусь, но достанусь позже.

Если в сеть поймашь рыбу в глубине пруда,
То луну поймать рукою можно не всегда».

Как увидел я, что медлит в той игре она,
Осторожен стал, сговорчив; чашами вина

Стал перемежать лобзанья, и, смирясь в беде,
Пост блюсти решил я, жарясь на сковороде.

Но от огненных лобзаний и огня вина
Стала вновь душа Меджнуна пламенем полна.

И опять моя тюрчанка, в сердце у меня
Увидавши исступленье ярого огня,

Из своих прислужниц юных мне одну дала,
Чтоб опять ее служанка жар мой уняла.

Я в шатер пошел с другою девой, как вчера,
И опять гасил желанья сердца до утра.

На коврах водил до света с пери хоровод,
А когда одежды неба выстирал восход

И разбила ночь-красильщик с краскою кувшин,
Очутился я сидящим на лугу — один;

И в груди моей желанье было лишь одно:
Чтобы ночь пришла скорее, чтобы пить вино

Мне с кумирами Китая, пери обнимать
И ласкающую сердце — к сердцу прижимать.

Ночь вернулась снова с полной чашею услад.
Снова трон мой был превыше блещущих Плеяд...

Так за ночью ночь летели, полные весельем,
Пеньем, хмелем поцелуев, сладостным похмельем.

С вечера — огни и песни, радости вина,
А к рассвету — гостю в жены гурия дана.

Днем мне свежий сад — жилище, а ночной порой —
Рай, где мускусная почва, дом же — золотой.

В нем, как царь страны блаженства, я владел
Луной.
Всё, чего хотел, являлось мигом предо мной.

Ну а я — неблагодарный — хмурился, вздыхал
И, блаженством обладая, большего искал.

Время шло... И вот тридцатый вечер настает,
Кроя мускусною тенью синий небосвод.

Амброю кудрявый облак вея в вышину,
За́ косы к себе с любовью притянул Луну.

И гроза с благоуханным ветром пронеслась,
Освежающим в долину ливнем пролилась.

Шум раздался, звон запястий, слышный до небес.
Факелами озарился дол и влажный лес.

Вновь поставили рабыни трон на свежий луг,
И певицы и плясуньи трон обстали вокруг.

Солнцеликая явилась между них Луна,
Мускусом кудрей прикрыла грудь свою она.

И свирели зазвенели, зазвучал напев.
Рдяное вино разлили руки кравчих-дев.

И царица гурий свите молвила своей:
«Разыщите, приведите друга поскорей. . .»

У ручья меня служанки на лугу нашли
И меня к своей царице снова привели.

Поклонился ей и сел я справа от нее,
Ожило во мне желанье прежнее мое.

С опьянением вспыхнул в сердце и любовный пыл.
Я рукою черный локон, как канат, схватил.

Дивы похоти с каната снова сорвались,
Бесноватого канатом связывать взялись.

В паутине кос тяжелых мухой я застрял,
В эту ночь канатоходцем я невольно стал.

Бесновался, как осел, я, видящий ячмень,
Или словно одержимый в новолунья день.

И, как вор сребролюбивый пред чужим добром,
Весь дрожа, я потянулся вновь за серебром.

Обнял стан ее. Ослаб я. Так мне тяжело было.
Руку на руку тогда мне дева положила.

Руку эту зависть гурий мне поцеловала,
Чтоб убрал от клада руку. И, смеясь, сказала:

«Не тянись к заветной двери, ибо коротка,
Чтоб ее достигнуть, даже длинная рука.

Вход в рудник закрыт печатью, и печать крепка,
И нельзя сорвать печати с двери рудника.

Пальмою ты обладаешь — так терпи, крепись,
Фиников незрелых с пальмы рвать не торопись.

Пей вино и знай: жаркое скоро вслед придет.
На зарю гляди, за нею солнца свет придет».

Я ответил ей: «О солнце сада моего,
Свет очей моих, услада взгляда моего!

Словно роза вертограда — щек твоих заря,
Я умру с тобою рядом, пламенем горя.

Жаждущему показала чистый ты ручей,
А потом ему сказала: «Рот замкни, не пей».

Жизнь моя тобою снова брошена в огонь,
Вновь заветная подкова брошена в огонь.

Как луны набег свирепый отразить могу?
Как пылинкой малой солнце я закрыть могу?

Отведу ли руку — если ты в моих руках?
И пойду ль на муку — если ты в моих руках?

У меня душа, ты видишь, подошла к губам.
Жарче поцелуй!.. Не надо слов холодных нам.

Как мне быть, коль вьюк с верблюда моего упал?
Помоги, избавь от муки, ибо час настал.

Скоро волк свирепых высей — хищный небосвод —
И по-волчьи и по-лисьи нападать начнет.

Словно лев голодный, прынет прямо на меня.
И повергнет ниц, как пардус пламенный, меня.

Если дверь не отопрешь мне нынче, знай, к утру
От томления и муки жгучей я умру.

Как цари и падишахи к гостю снизошли б,
Снизойди к моим молениям, ибо я погиб!..

Изнемог я... И терпенья у меня не стало!»
— «Руку удержи... Всё будет... — госпожа
сказала. —

Увенчать твое желанье — в том моя судьба,
Ибо ты — мой повелитель, я — твоя раба.

Бедный дар такому гостю будет ли хорош?
Всё же — то, что ищешь ныне, позже обретешь.

У меня бери сегодня всё, что сердцу любо:
Щеки, грудь и губы, — кроме одного, что грубо.

Кроме перла одного лишь — всей моей владей
Кладовой. И помни: ждет нас тысяча ночей,

Полных счастья. Но коль сердце пышет от вина,
Дам тебе служанку, словно полная луна,

И во мне от просьб желанной девы возросло
Во сто раз желаний пламя. До того дошло,

Что рванул я и ослабил пояс у нее.
А царица, нетерпенье увидав мое,

Мне сказала: «На мгновенье ты глаза закрой.
Отомкну сейчас сама я двери кладовой.

Отомкнув перед тобою дверь, скажу: «Открой...»
И тогда, что пожелаешь, делай ты со мной».

Я на сладкую уловку эту пойман был,
Выпустил из рук царицу и глаза прикрыл.

И — доверчиво — ей сразу дал я миг, другой.
И когда услышал слово тихое: «Открой...» —

Я, с надеждою на деву бросив быстрый взгляд,
Увидал: пустырь, корзину и над ней канат.

Ни подруги близ, ни друга не увидел я.
Вдох горячий да холодный ветер — мне друзья,

Как отставшая от солнца тень в закатный час, —
Тень — Тюрктаз отстал от солнца своего —
Тюркназ...

А перед моей корзиной друг-мясник предстал.
Заклучил меня в объятья, извиняться стал.

«Если бы сто лет твердил я, — мне мясник
сказал, —
Ты б не верил, если б это сам не испытал.

Тайное ты нынче видел, — что нельзя узнать
Иначе. Кому ж об этом можно рассказать?»

И, палимый сожаленьем горьким, я вскипел,
В знак тоски и утеснения черное надел.

Я сказал: «О угнетенный горем, как и я,
Бедный друг мой! Мне по нраву стала мысль
твоя, —

Пребывающим в печали черной и в молчанье
Черное лишь подобает это одеянье».

Шелк на голову набросив черный, словно ночь,
Я из града вечной скорби ночью вышел прочь.

Сердце в радости беспечной там он утопил,
Внемля пенью, из фиала золотого пил.

А когда померк лучистый тот воскресный день
И в покое брачном шаха воцарилась тень,

Шах светильнику Китая нежному сказал,
Чтоб она с прекрасным словом свой сдружила лал.

Попросил кумир Турана повесть рассказать
Сказочную — дню, светилу и дворцу под стать.

Просьбу высказав, он просьбы исполненья ждал,
Извинений и уверток шах не принимал.

И сказала дочь хакана Чина — Ягманаз:
«О мой шах, тебе подвластны Рум, Туран, Тараз.

Ты владык земли встречаешь пред дворцом твоим,
И цари хвалу возносят пред лицом твоим.

Кто тебе не подчинится дерзостной душой,
Под ноги слону да будет брошен головой».

И рассказ царевны Чина зазвучал пред ним;
Он струился, как камильниц благовонный дым.

СКАЗКА

«В некоем городе иракском, я слышала, встарь
Жил и правил добрый сердцем, справедливый царь.

Словно солнце, благодатен был и ясен он,
Как весна порой новруза, был прекрасен он.

Всякой доблестью в избытке был он наделен,
Светлым разумом и знаньем был он одарен.

Хоть казалось, от рожденья он счастливым был,
В одиночестве печальном жизнь он проводил.

В гороскопе, что составил для него мубед,
Он прочел: «Тебе от женщин угрожает вред».

Потому и не женился он, чтоб не попасть
В бедствие, чтоб не постигла жизнь его напасть.

Так вот, женщин избегая, этот властелин
Во дворце и дни и ночи проводил один.

Но владыке жизнь такая стала докучать,
По неведомой подруге начал он скучать.

Несколько красавиц юных он решил купить.
Только не могли рабыни шаху угодить.

Он одну, другую, третью удалить велел,
Ибо все переходили данный им предел.

Каждая хотела зваться — «госпожа», «хатун».
Жаждала богатств, какими лишь владел Карун.

В доме у царя горбунья старая жила,
Жадной, хитрой, словно ведьма, бабка та была.

Стоило царю рабыню новую купить,
Как старуха той рабыне начинала льстить.

Начинала «госпожою Рума» называть,
Принималась о подачке низко умолять.

И была любая лестью той обольщена,
И владыке неприятна делалась она.

А ведь в мире этом речи льстивые друзей
Многим голову кружили лживостью своей.

Лживый друг такой — в осаде, не в прямом бою,
Как баллиста, дом разрушит и семью твою.

Шах иракский, хоть и много разных он купил
Женщин, но среди них достойной всё не находил.

На которую свой перстень он ни надевал,
Видя: снова недостойна, — снова продавал.

С огорченьем удаляя с глаз своих рабынь,
Шах прославился продажей молодых рабынь.

Хоть кругом не уставали шаха осуждать,
Не могли его загадки люди разгадать.

Но в покупке и продаже царь, от мук своих
Утомившись, утоленья страсти не достиг.

Он, по воле звезд, супругу в дом ввести не мог
И рабыню, как подругу, в дом ввести не мог.

Провинившихся, хоть в малом, прочь он отсылал,
Добродетельной рабыни, скромной он искал.

В этом городе в ту пору торг богатый был,
И один работорговец шаху сообщил:

«От кумирен древних Чина прибыл к нам купец
С тысячей прекрасных гурий, с тысячей сердец.

Перешел он через горы и пески пустынь,
Вывез тысячу китайских девственных рабынь.

Каждая из них улыбкой день затмит, смеясь,
Каждая любовь дарует, зажигает страсть.

Есть одна средь них... И если землю обойти,
Ей, пожалуй, в целом мире равных не найти.

С жемчугом в ушах: как жемчуг, не просверлена.
Продавец сказал: «Дороже мне души она!»

Губы как коралл. Но вкраплен жемчуг в тот
На ответ горька, но сладок смех ее бывал. коралл.

Необычная дана ей небом красота.
Белый сахар рассыпают нежные уста.

Хоть ее уста и сахар сладостью дарят,
Видящие этот сахар люди лишь скорбят.

Я рабынями торгую, к делу приучен,
Но такую красоту сам я поражен.

С веткой миндаля цветущей схожая, она
Верная тебе рабыня будет и жена!»

«Покажи мне всех, пожалуй, — шах повеселел, —
Чтобы я сегодня утром сам их посмотрел!»

Тот пошел, рабынь привел он. Шах при этом был,
Осмотрел рабынь, с торговцем долго говорил.

И хоть каждая прекрасна, как луна, была,
Но из тысячи — прекрасней всех одна была.

Хороша. Земных красавиц солнце и венец —
Лучше, чем ее бывалый описал купец.

Шах сказал торговцу: «Ладно! Я сойду с тобой!
Но скажи мне — у рабыни этой нрав какой?»

Знай, купец, когда по нраву будет мне она,
И тебе двойная будет выдана цена...»

Отвечал купец китайский шаху: «Видишь сам —
Хороша она, разумна, речь ее — бальзам.

Но у ней — дурная, нет ли — есть черта одна:
Домогательств не выносит никаких она.

Видишь: китаянка эта дивно хороша,
Истинно она, скажу я, во плоти душа.

Но откроюсь я: доньше, кто б ни брал ее,
Вскоре — неприкосновенной — возвращал ее.

Кто б ее ни домогался, шах мой, до сих пор,
Непреклонная, давала всем она отпор.

Коль ее к любви хотели силою склонить,
На себя она грозила руки наложить.

Нрав несносный у рабыни, прямо я скажу,
Да и сам, о шах, придиричив ты, как я гляжу.

Если так ты непокладист нравом, то навряд
С ней дела пойдут, о шах мой, у тебя на лад.

Если ты ее и купишь и к себе возьмешь,
То, поверь, ко мне обратно завтра отошлешь.

Прямо говорю — ты эту лучше не бери,
Из моих рабынь другую лучше присмотри.

Если выберешь согласно нраву своему,
То с тебя и за покупку денег не возьму».

Шах всю тысячу красавиц вновь пересмотрел,
Ни одной из них по сердцу выбрать не сумел.

Вновь он к первой возвратился. В сердце шаха к ней
С каждым взглядом страсть живая делалась сильней.

Полюбил ее, решил он в дом рабыню взять,
Хоть не знал еще, как в нарды будет с ней играть.

Раз увидев, не хотел он расставаться с ней.
Ласково решил он, мягко обращаться с ней.

Он свою предосторожность в сердце усыпил,
В нем любовь возобладала — деву он купил.

И велел он казначею заплатить скорей
Серебром за ту, чьи ноги серебра белей.

Чтоб убить змею желанья, взял рабыню он,
Но ему разлуки с нею угрожал дракон.

Периликая, в гареме шахском поселясь,
Как цветок на новой почве, в доме прижилась.

Как бутон, она раскрылась — в ярких лепестках,
Но ни в чем ее влюбленный не неволил шах.

И, в домашние заботы вся погружена,
Исполнительной хозяйкой сделалась она.

Все она в своих покоях двери заперла,
Только дверь одна — для шаха — отперта была.

Хоть вознес ее высоко шах, как кипарис,
Но она, как тень, клонилась головою вниз.

И явилась та горбунья и взялась ей льстить,
Чтоб согнуть тростник высокий и ее сгубить.

Что ж рабыня? Волю гневу тут дала она;
Разбранив в сердцах, старуху прогнала она.

«Я невольница простая, не царица я,
Быть не госпожой — служанкой доля здесь моя!»

Падишах когда всё это дело разобрал,
Понял всё он и старуху из дому прогнал.

А к невольнице такая страсть горела в нем,
Что своей рабыни вскоре сам он стал рабом.

И, прекрасную тюрчанку сильно полюбя,
Он любви не домогался, сдерживал себя.

Хоть в ту пору, несомненно, и сама она
Уж была, должно быть, втайне в шаха влюблена.

С нею был в опочивальне как-то ночью шах,
Завернувшись в шелк китайский, кутаясь в мехах.

Окружил ее — как крепость, скажешь, ров с водой,
Страстью изнывал влюбленный рядом молодой.

И не менее, чем в шахе, страсть пылала в ней.
И, открыв уста, с любовью так сказал он ей:

«О трепещущая палба в шелесте ветвей,
О живое око сердца и душа очей!

Кипарис перед тобою крив — так ты стройна!
Как отверстие кувшина, пред тобой луна!

Знаешь ты сама — тобою я одной дышу...
На вопрос мой дать правдивый я ответ прошу.

Если от тебя услышу только правду я,
То, как стан твой, распрямится и судьба моя».

Чтоб ее расположение разбудить верней,
Розы свежие и сахар стал он сыпать ей.

И такую рассказал он притчу: «Как-то раз
О Билькис и Сулеймане слышал я рассказ.

Радостью их и печалью сын прелестный был,
Только не владел руками он и не ходил.

Молвила Билькис однажды: «О любимый мой,
Посмотри — здоровы телом оба мы с тобой.

Почему же сын наш болен? Силы рук и ног
Он лишен! За что так горько покарал нас бог?

Надо средство исцеленья для него открыть.
Ты премудр, и ты сумеешь сына исцелить.

И когда придет от бога Джабраил к тебе,
Расскажи ему о нашей бедственной судьбе.

А когда от нас на небо вновь он улетит,
Пусть в «Скрижаль Запоминанья» там он поглядит:

Есть ли средство исцеленья сына твоего?
Пусть он скажет: что за средство? Где достать его?

Может быть, наш сын любимый будет исцелен,
Может — жар моей печали будет утолен!»

Сулейман с ней согласился и поклялся ей
Всё исполнить. Джабраила ждал он много дней.

И когда к нему спустился с неба Джабраил,
Он его об исцеленье сына попросил.

Скрылся ангел и вернулся вскоре в дом его.
От кого же? Да от бога прямо самого.

Джабраил сказал: «Два средства исцеленья есть —
Редкие, но под рукою оба средства здесь, —

Это — чтобы, сидя рядом со своей женой,
Был ты с ней во всем правдивым, а она с тобой.

Коль правдивыми друг с другом сможете вы быть,
Вы сумеете мгновенно сына исцелить».

Встал тут Сулейман поспешно и Билькис позвал,
Что от ангела он слышал, ей пересказал.

Радовалась несказанно тем словам Билькис
И что средства исцеленья сыну их нашлись.

Молвила: «Душа открыта пред тобой моя!
Что ни спросишь ты, отвечу только правду я!»

Сулейман — вселенной светоч — у нее спросил:
«Образ твой желанья будит, всем очам он мил.

Но скажи мне, ты желала только ли меня
Всей душой и сердцем, полным страстного огня?»

И ответила царица: «Верь душе моей:
В мире ты источник света! Кто тебя светлей?»

Но хоть молод и прекрасен ты и мной любим,
Хоть никто с тобой в подлунном мире не сравним,

Хоть красив ты, добр и нежен, повелитель наш,
Хоть велик и лучезарен, словно райский страж,

Хоть над явным всем и тайным назван ты главой
И хоть властен над вселенной дивный перстень твой,

Хоть прекрасен ты, как солнце яркое в лучах,
Хоть счастливый ты владыка и вселенной шах,

Но коль юношу-красавца вижу — то не лгу:
Побороть своих желаний всё ж я не могу!»

И едва лишь прозвучало слово тайны сей,
Сын ее безрукий с ложа руки поднял к ней.

«Мать! Руками я владею! — громко крикнул он. —
Исцелен я и от чуждой помощи спасен!»

Потрясенная смотрела пери на него,
Исцелившегося видя сына своего.

И сказала: «О владыка духов и людей,
Ты всех доблестней, всех выше в мудрости своей!

Ты открой мне тайну, сына нашего любя!
Ноги исцелить — зависит ныне от тебя.

На единственный вопрос мой дай ты мне ответ:
Счета нет твоим богатствам и числа им нет.

Горы золота собрал ты, перлов, серебра,
Молви: втайне ты чужого не хотел добра?»

И пророк творца вселенной так ответил ей:
«Да, богат я, всех богаче я земных царей.

И сокровища от Рыбы все и до Луны
Под моей лежат печатью в тайниках казны.

Здесь меня богатством щедро вечный одарил,
Но и всё же, кто б с поклоном в дом мой ни входил,

На руки ему смотрю я: с чем, мол, он идет?
И хороший ли подарок мне, царю, несет?»

Только Сулейман великий те слова сказал,
Сын пошевелил ногами, поднялся и встал.

Он сказал: «Отец! Взгляни-ка, вот я стал ходить!
Ты меня сумел, премудрый, словом исцелить!»

Если сам посланник бога, — деве шах сказал, —
Сухоруких и безногих дивно исцелял,

То правдивыми, конечно, нам не стыдно быть
И стрелу в добычу прямо с тетивы спустить.

О единственная в мире, о моя луна,
Я люблю тебя, но что же так ты холодна?

Я страдаю и тоскую, мукой я горю,
На тебя в томленья сердца издали смотрю.

Ты прекрасна несравненной, дивной красотой!..
Почему же так сурова и жестка со мной?»

И красавица владыке своему вняла
И ответа лучше правды чистой не нашла.

«Это всё, — она сказала, — не моя вина!
А у нас в роду, к несчастью, есть черта одна:

Мать, и бабушка, и прабабушка у меня, о шах,
Все, едва лишь выйдя замуж, умерли в родах.

Знать, на нас на всех проклятье — в браке умирать,
Потому — мужчине сердце я боюсь отдать.

Не хочу я, мой владыка, — я не утаю, —
Ради радостей мгновенных жизнь губить свою.

Жизнь дороже мне. И лучше мне безмужней жить,
Чем испытать отраву страсти и себя сгубить.

Не любви, о шах, я жажду — жизни жажду я!
Вот тебе и явной стала тайна вся моя.

Крышку с тайны сняв, как хочешь, так и поступай,
У себя оставь, коль хочешь, а не то продай.

Вот, о царь, я всё сказала, правду возлюбя,
Я не спрятала, не скрыла тайны от тебя.

Я надеюсь, шах вселенной, что и ты теперь
Предо мной своей загадки приоткроешь дверь:

Почему рабынь прекрасных падишах берет
В дом к себе и их меняет чуть не сотню в год?

И недели не живет он ни с одной из них,
И души не отдает он ни одной из них?

Приголубит и приблизит к своему лучу,
А потом ее поспешно гасит, как свечу?

До небес сперва возносит, холит и дарит,
И с презрением отбросит, и не поглядит?»

Шах ответил: «Путь возвратный открывал я им,
Так как не был ни одною искренне любим.

Поначалу все бывали очень хороши;
А потом — куда девалась доброта души? . .

В царском доме, как царицы, привыкали жить.
Мне они переставали преданно служить.

Ведать меру должен каждый, кто душой не слеп,
Не для всякого желудка годен чистый хлеб.

Нет, железный лишь желудок может совладать
И с несвойственною пищею, чтоб не пострадать.

Если к женщине мужчина страстью ослеплен,
Много ей недостающих свойств припишет он.

Но ведь женщина — былинка, ветер мчит ее, —
Как же сердцем положиться можно на нее?

Если золото увидит, то в конце концов
Голову она склоняет чашею весов.

Скажем: жемчугом незрелый полон был гранат,
А когда созрел он — зерна лалами горят.

Женщина — что виноградник: нежно-зелена
Недозрев, когда ж созрела, то лицом черна.

Наполняет ночь сияньем яркий блеск луны,
И в достоинстве мужчины чистота жены.

Все рабыни, что бывали здесь перед тобой,
Были заняты всецело только лишь собой.

Мне из всех из них служила только ты одна,
Вижу — истинным усердьем ты ко мне полна.

Хоть любви твоей лишен я, всё же я не лгу —
Без тебя теперь спокойно жить я не могу».

Много шах своей рабыне слов таких сказал,
Но к желаемому ближе ни на пядь не стал.

От него она, как прежде, далека была.
Как и прежде, не попала в цель его стрела.

И под бременем печали этот властелин
Шел по каменистым скалам день за днем один.

Рядом был родник желанный, жаждой он горел
Нестерпимой. Проходило время, он терпел.

Та горбунья, что когда-то во дворце жила
И которую рабыня в гневе прогнала,

Услыхала, что несчастье дома терпит шах,
Что пред собственной рабыней он склонен во прах,

Что лишился, околдован, сил могучий муж,
И сказала: «Ну, старуха! Мудрость обнаружь!»

Не пора ли на гордячку чары навести
И заставить эту нери в дивий пляс пойти?

Я-то в паланкине солнца живо брешь пробью!
Не гордись, Луна! Разрушу крепость я твою,

Чтобы мною не гнушались, чтоб ничья стрела
Угодить в мою кривую спину не могла!»

Весь свой ум пустила бабка в ход и наконец
Умудрилась и проникла к шаху во дворец.

Чтобы нал и посрамился гордый тот кумир,
К хитрости она прибегла древней, словно мир.

Шаку молвила: «Неужто с молодым конем
Ты не сладишь, чтоб ходил он под твоим седлом?»

Ты послушайся старуху: два-три дня пред ней
Ты оседлывай бывалых под седлом коней.

Иль тебе не приходилось самому, видать,
Норовистого трехлетка в табуне хватать?»

И попался шах на хитрость, и подумал: «Что ж,
Из такой колодки будет и кирпич хорош!..»

Вскоре новая явилась дева во дворце —
Огнеокая, с улыбкой милой на лице.

Хороша она, учтива и ловка была,
Нравом добрая, живая, всем она взяла.

В доме живо осмелела, осмотрясь, она,
И игрой азартной с шахом занялась она.

Сам хозяин ставить нарды стал проворно ей
И проигрывать все игры стал притворно ей.

С первой девою, как прежде, дни он проводил,
Со второй — в опочивальню на ночь уходил.

Целый день бывал с одною, ночь бывал с другой.
Нежен был с одной, желанья утолял с другой.

Оттого что со второю уходил он спать,
Стала первая пожаром ревности пылать.

И хоть шаха ревновала всё сильнее она
И мрачилась, как за тучей ясная луна,

Но она ему, как прежде, преданной была,
Ни на волос от служенья шаху не ушла.

Думала: «Судьба, как видно, чудеса творит!
Не из печки ли старушки мне потоп грозит?»

И терпела, и таила жар она в крови,
Но, ты знаешь, от терпенья пользы нет в любви.

Улучивши время, к шаху раз она пришла
И такую речь смущенно с шахом повела.

«О хосров благословенный! — начала она. —
Ведь тобой живут законы, вера и страна!

Ты со мной однажды начал правду говорить,
Так со мной и дальше должен ты правдивым быть.

Если радостны и ясны дни весны с утра,
Так зачем же так ненастны, мглисты вечера?

Я хочу, мой шах, чтоб вечно дни твои цвели,
Чтоб тебе любовь и счастье вечера несли

Поутру ты мне напиток сладкий дал... Так что ж
Ты мне этот едкий уксус вечером даешь?

Не вкусив, ты мной пресыщен и меня отверг,
В жертву льву меня ты отдал, в пасть дракона вверг.

Был так нежен ты, но что же стал ты так жесток?
Иль не видишь, что от муки дух мой изнемог?

Ты змею завел, — ты хочешь гибели моей?
Коль убить меня задумал, так мечом убей!

В дом к себе меня привел ты, сильно полюбя?..
Кто такой игре жестокой научил тебя?

Так открой же мне всю правду! Я изнемогла!
Коль не хочешь, чтобы здесь я тут же умерла!

Заклинаю, шах мой, жизнью и душой твоей:
Если правду скажешь — снимешь ты замок с дверей.

Я и свой замок открою, небом я клянусь,
Что во всем тебе, о шах мой, нынче ж покорюсь!»

Шах, ее в своих оковах крепких увидав,
Эти речи, эти клятвы девы услышав,

Ничего от милой сердцу укрывать не стал,
Всё, что нужно и не нужно, он ей рассказал:

«Страсть к тебе — давно, как пламя, обняла меня,
Довела до исступленья и сожгла меня.

Я терпел, но всё сильнее сердцем тосковал,
Я от муки нестерпимой полумертвым стал.

И горбатая старуха мне помочь пришла
И, как зелье колдовское, мне совет дала.

И велела мне похлебку бабка та сварить,
Той похлебкою сумел я душу исцелить.

Но была тебе, как видно, ревность тяжела.
Ты ее душой и сердцем, видно, не снесла.

А ведь воду нагревают только над огнем,
И железо размягчают только над огнем.

С горечью на это средство всё ж решился я.
И, прости — твоею болью исцелился я.

Охватил от малой искры жизнь мою пожар,
А старуха, как колдунья, раздувала жар.

Но теперь, когда со мною ты чиста, как свет,
Больше в старой той колдунье надобности нет.

Надо мной сегодня Солнце подошло к Тельцу,
И, как видно, зимний холод не грозит дворцу».

Так он много слов прекрасных деве говорил
И вниманием тюрчанки очарован был.

Звезды счастья над главою шахскою сошлись,
Он с любовью тонкостанный обнял кипарис.

Соловей на цвет, росую окропленный, сел,
И расцвел бутон, певец же сладко опьянел.

Попугай взлетел из клетки, как крылатый дух,
И поднос сластей увидел без докучных мух.

Рыба вольная из сети в водоем ушла,
Сладость фиников созревших в молоко легла.

Сладостна была тюрчанка, прелести полна,
Отвечала страстью шаху своему она.

Шах завесу с изваянья золотого снял,
Под замком рудник, сокровищ полный, отыскал.

Драгоценностей нашел он много золотых,
Золотом своим богато он украсил их.

Золото нам наслажденья чистые дарит.
И халва с шафраном, словно золото, горит.

Не гляди на то, что желтый он такой — шафран!
Видишь смех, что вызывает золотой шафран?

Золото зари рассветной по душе творцу.
Поклонялись золотому некогда тельцу.

И в румийских и багдадских банях — только та
Глина ценится, что, словно золото, желта».

Так кумир прекрасный Чина сказку завершил,
Шах Бахрам ее с любовью обнял и почил,

Повесть пятая. Среда
МАГРИБСКАЯ ЦАРЕВНА

В среду, только озарилась солнцем высота
И блеснула бирюзою неба чернота, —

В бирюзовом одеянье к баням голубым
Шах направился — призывом сладостным томим.

День был короток, да долгод про него рассказ.
Только в черном покрывале полночь поднялась —

Попросил Бахрам царевну сказку рассказать.
И сняла Луна Магриба с повести печать,

Молвила: «У шаха стремя держит небосвод,
Круг созвездий славословье перед ним поет.

Я и сотни дев прекрасных — пери красотой —
Рады целовать, о шах мой, прах перед тобой.

Пред тобою, перед чистым родником живым,
Торговать не подобает укусом простым.

Коль мою ты благосклонно слушаешь речь,
Я могла б тебя одною повестью развлечь».

СКАЗКА

«Жил один купец в Египте — именем Махан,
Золотой луне подобен, строен и румян.

Красотой, умом, богатством, как Юсуф, блистал.
Тысячу отважных тюрков-стражей он держал.

Так Махана все любили, что в саду своем
Каждый рад бывал устроить в честь его прием.

Некий знатный горожанин раз к нему пришел,
В загородный сад свой гостем юношу увел.

В свежем том саду, друзьями тесно окружен,
Целый день вином, беседой утешался он.

Пир их был великолепен и прекрасен сад,
А друзья его прекрасней были во сто крат.

Вслед забаве их забава новая ждала,
Что ни час, то лучше прежней смена блюд была.

Вот и полночь мускусное знамя подняла,
Серебро смолой покрыла и луну зажгла.

Но в стемневшей чаще сада продолжался пир,
Сладким звуком флейт и песен оглашался пир.

Будто гости саду сердце отдали в залог,
Обновлял сердце веселье пенных вин поток.

Ярко озаряла небо полная луна,
Лучезарностью полудню ночь была равна.

И Махан, разгоряченный чарами вина,
Увидал: луну качает быстрая волна.

Он побрел, шатаясь, в чашу — от вина тяжел.
Заплутался. К незнакомой роще пальм пришел.

И увидел человека он вдали сквозь тьму.
Этот человек с приветом подошел к нему.

Внешность же его знакома юноше была, —
Вел он за морем с Маханом общие дела.

Сразу друга по торговле в нем Махан узнал
И воскликнул: «Как! Откуда ты сюда попал?»

Молвил тот: «По завершеньи дальнего пути
Не терпелось мне — тебя я захотел найти,

Рассказать, что свыше меры наши барыши,
Ты мне будешь благодарен, знаю, от души!

Я не рано с караваном к городской стене
Подошел. Ворота были заперты, и мне

Перенести пришлось богатства позднею порой
В караван-сарай, лежащий за градской стеной,

В темном поле. И, оставив стражу при тюках,
Я к тебе пришел, проведая, что ты здесь в гостях.

Вовремя тебя нашел я: о, пойдем со мной,
Не замедлив! Мы, возможно, в темноте ночной

Грузы в город переправим, пошлнн избежим!
И Махан был рад богатству и пошел за ним.

Тайно отперли калитку. И — как вихри взвились —
Понеслись... Пока две стражи ночи не сменились,

Быстро, быстро — друг Махана впереди шагал,
А Махан, как пыль от пяток, позади бежал.

Уж последние остались за спиной дома.
И пустыня перед ними, и ночная тьма.

«Что я — сплю? — Махан подумал. — Близуется
рассвет,
И сейчас от нас до Нила сотни гязов нет!

Пройдена дорога нами пятчасовая,
А до сей поры не видно караван-сарая;

Лишь пустыня перед нами, и над ней — туман».
И еще Махан подумал: «Может быть, я пьян...»

И мерещится мне спьяну? Но товарищ мой
Трезв и к городу, наверно, знает путь прямой».

Так неслись они поспешно. Если ж отставал
Задний, то его передний бодро окликал.

Мчались так они, покамест первый не пропел
Вдалеке петух. Последний призрак улетел

По следам дремучей ночи, снов растаял дым,
И внезапно стал Махану друг его незрим.

Увидел Махан смущенный: сбился он с пути.
Сразу отказались ноги вдаль его нести.

Догорающей свечою юноша упал,
Плача, наземь и до полдня жаркого проспал.

А от солнечного зноя голова его
Раскалилась жарче муки той, что жгла его.

Сел, пустыню воспаленным взором он обвел,
Сада роз искал глазами, сада не нашел.

Будто собственное сердце в ранах видит он —
Тысячей пещер изрытый видит горный склон,

И змея в пещере каждой — больше, чем дракон,
Он бежать хотел, но страхом силы был лишен.

Ногу ставит на дорогу, а нога тяжка,
Как свинец; в пути неизвестном нет проводника.

Брел он и пугался тени собственной своей.
Вот уж ночь несет треножник и пучок плетей,

Снова тьма деяний черных образы сплела —
Дню-белильщику до света отдохнуть дала.

У пещерного упал он черного жерла,
И в глазах его былинка каждая ползла,

Как змея. Лежал он долго, памяти лишен.
Звуки голоса живого вдруг услышал он

И, открыв глаза, увидел двух людей вдали.
Женщина с мужчиной ношу на плечах несли.

И, лежащего увидя на своем пути,
Сразу поспешил к Махану путник подойти.

Он купца окликнул: «Кто ты и откуда есть?»
Тот сказал: «Я иноземец, погибаю здесь,

Хоть меня Маханом мудрым прежде всякий звал».
Путник вновь спросил: «А как же ты сюда попал?»

Людам здесь бывать опасно. Дивы здесь живут.
Даже львы, встречаясь с ними, в ужасе ревут».

И тогда Махан воскликнул: «Кто ты — я не знаю:
Добрый человек или демон! Богом заклинаю,

Дело человеколюбья ныне соверши,
Выведи меня отсюда! Скорбь моей души

Утиши! Вчерашней ночью в сладостных садах
На ковре в садах Ирема я сидел в гостях.

И когда свой ум затмил я чашей пировой,
Мне явился некто, молвив: «Я товарищ твой».

Он привел меня из рая в ад. А только день
Наступил — мой друг растаял, как ночная тень.

То ли — в дружбе нерадивый — промах совершил,
То ли в злобе против нашей дружбы погрешил. . .

Дело доброе, прохожий, соверши — молю!
В город верную дорогу укажи — молю!»

Молвил путник: «Ты от верной гибели ушел.
Дива, страшного для смертных, человеком счел.

Этот див «Хаиль пустынный». Он с пути сбивал
Сотни путников. В пустыне каждый погибал.

Но твои друзья мы оба. Мы спасем тебя,
Сбережем в пути и в город приведем тебя.

Так мужайся! Встань меж нами, веселей шагай
По дороге шаг за шагом! Лишь не отставай!»

И поплелся шаг за шагом им вослед Махан.
А когда петух рассвета грянул в барабан

И ударило в литавры утро на верблюде, —
Без ключа темницей темной стали эти люди

И растаяли, как тени. . . А Махан упал,
Изнуренный, и до полдня на песке проспал.

Встал Махан, побрел по склону, ужасом томим.
Видит: скалы, львов и тигров логово пред ним.

Шел, теряя силы, ибо не имел еды,
Кроме воплей и страданий, кроме слез — воды.

Истомленный, не решался он прервать пути.
По пустыне без дороги продолжал брести.

И когда небесный белый купол черным стал,
В яму вполз и до полночи в яме он проспал.

И далекий конский топот в полночь услышал,
На коне горячем всадник по степи скакал,

В поводу держал другого доброго коня,
С буйной гривой и закосом глаз, как два огня.

Подскакал, к Махану всадник взоры обратил.
«Эй, хитрец, сидящий в яме, кто ты? — он
спросил. —

Что ты ждешь? Коль скажешь правду — пощажу
тебя,
А солжешь — мечом вот этим поражу тебя!»

И затрепетал от страха перед ним Махан.
Быстро горсти слов рассыпал, как мешок семян.

Молвил он: «О гордый всадник, выслушай раба!»
Всё поведал, что с ним злая сделала судьба,

Как в пустыне беспредельной заблудился он.
Всадник был его рассказом сильно изумлен,

Молвил: «За тебя молитву, друг, я произнес!
Знай, что ты от двух чудовищ голову унес.

Это гули-людоеды, самка и самец,
По степи тебя кружили, чтобы наконец

Съесть тебя живьем в ужасном логове своем,
Но промедлили. Спасен ты первым петухом!

Знай: Хала — прозвание самки, а самца — Ги́ла.
Поблагодари светила, что избежал зла.

А пока ты жив, отсюда убегай со мной,
Вынесет тебя из ада конь мой заводной.

Но в пути храни молчанье. Повод подтяни,
От меня не отставая, скакуна гони».

Всадником могучей птицы злополучный стал:
Так скакал, что за собою ветер оставлял.

Путь они в ущельях грозных миновали длинный,
Наконец с горы открылась их глазам долина,

Как ладонь гладка, просторна. И со всех сторон
Раздавались песни, руда и барбата звон.

«К нам иди, прекрасный!» — справа голоса слышны.
Слева крики: «К нам! За чашу, гость чужой
страны!»

Не цветы и не деревья — нет! В долине той
Гуль на гуле громоздились черною горой,

Дивов тысячи на дивах, копошась, сидели,
Подымая вой. Другие лезли из ущелий.

Словно смерчи, головами к тучам взметены,
Как огромные пиявки, длинны и черны.

Так плясал их сонм ужасный, так рукоплескал,
Так вопил, что мозг от шума в черече вскипал.

Что ни миг, то шум сильнее, вой и плеск страшной,
Через час вдали блеснули тысячи огней.

И толпа громадных, страшных чудищ подошла.
Губы как у негров. Платья, шапки как смола.

Каждый с хоботом, с рогами, сразу — бык и слон.
Каждым чудищем горящий факел принесен.

Каждый безобразен, словно адский страж. Клубясь,
Вылетало пламя — только див разинет пасть.

Пели все они, в трещотки черные треца,
И вокруг плясали скалы, в лад рукоплещца.

Громче взвыла, заплясала дивов черных рать.
Под Маханом злополучным начал конь плясать.

В страхе он на пляшущего скакуна взглянул,
Увидал, что конь кривые крылья развернул.

Увидал беду и горе под собою он:
Семиглавый и двукрылый был под ним дракон.

Словно осенивший землю свод семи небес,
Сделался семиголовым этот див иль бес.

Заплясал дракон крылатый, разыгрался, лют.
Топал он и извивался, словно длинный кнут.

А Махан был как валежник, что потоком вод
Бурный силь в весенней балке с крутизны несет.

Сокрушенным и бессильным злополучный стал, —
Так его дракон свирепый вниз и вверх швырял.

Вверх подбрасывал, и снова на лету сажал
Юношу себе на шею, и трубил, и ржал.

Издевался над Маханом — на сто сот ладов.
А когда раздался голос дальних петухов

И раскрылся львиным зевом алый край небес,
Этот змей семиголовый, словно тень, исчез.

Хор чудовищ стих, умолкли руд и барабан,
И отхлокотал в долине черных гулей чан.

И Махан, упав на землю, память потерял.
Словно ранен был смертельно, словно умирал.

И без чувств, не помня — где он, что творится с ним,
Он лежал в пустыне, солнцем яростным палим.

А когда от зноя полдня голова вскипела,
Воротилась жизнь в больное, страждущее тело.

Поднялся Махан, стеная, и глаза протер,
Огляделся он, увидел лишь степной простор,

Слева — даль пустынь, а справа — скал бесплодный
скат.

Всё кругом, как кровь, багрово-знойно, словно ад.

Как ковер пред казнью стелют кожаный у ног
И палац угрюмый сыплет на него песок,

Так же, только знак для казни подал полдня взор,
Был песок насыпан, постлан кожаный ковер.

На усталой шее чудом разорвав аркан,
Выход с площади погибших отыскал Махан

В переулочок обреченных. . . Вихрем мчался он,
Воздуху отравленному ужасался он,

Так бежал он, что отстала б от него стрела,
Из-под ног его пустыня к вечеру ушла.

Зелень свежую скиталец, воду увидал.
Сердцем был от горя стар он, снова юным стал.

Напился воды, умылся и, хвалу судьбе
Вознеся, для сна пещеру стал искать себе.

Молвил: «Отдохну сегодня, раз я заблудился,
Ужасами прошлой ночи ум во мне затмился».

Вот я впал в тоску, блуждая от людей далеко! .
Этот воздух сух. Дорога эта одинока.

Знаю: виденное мною лишь виденьем было.
То игра воображенья разум мой убила.

Мне теперь спокойно надо до утра проспать,
Чтоб ночные не вернулись сновиденья вспять».

В этот вечер он укрылся под пещерный свод
И увидел там глубокий и просторный ход.

Тысячеступенный кладезь в глубине пещерной
Отыскал. Лишь тень спускалась в кладезь тот,
наверно.

Как Юсуф, в глубокий кладезь опустился он
И, дойдя до дна, мгновенно погрузился в сон.

Ты б сказал: достигла птица своего гнезда.
В безопасности улегся там он. А когда

Выспался, во мрак пещеры вглядываться стал,
Будто образы на черном шелке увидал.

Разглядел, что раскололся той пещеры свод,
А луна с ночного неба в щель сиянье льет.

Начал расширять отверстие и сквозь потолок
Вскоре голову наружу высунуть он смог.

Голову в дыру просунул и увидел сад,
Свежих цветников учуял сладкий аромат.

Свод разрыл еще, на волю выбрался совсем
И увидел сад цветущий — словно сад Ирем.

Сад мерцал, сиял, лучился — в лунный свет одет
Думалось: деревьям свежим в нем я счета нет,

И в таком обилие щедром там плоды росли,
Что могучих яблонь ветви гнулись до земли.

Как рубиновые чаши, яблоки блестят.
Как ларец, рубинов полный, — вызревший гранат.

Шар с индийским благовоньем — плод айвы в ветвях.
У фисташек смех безмолвный на сухих устах.

Там банан с «глотком халифа» пальму обнимал,
Три и тридцать поцелуев у нее украл.

Груши сквозь листву смеялись, полные веселья,
И уннаб низал из ягод ярких ожерелья.

А инжир, сплетясь с орехом, в дремлющем саду
Для стола царя готовил блюдо «палуду».

Там лоза — владыка гроздий, — видя ночь и день
В подчинении, надела шапку набекрень,

Осудивши казни персик спелый и гранат, —
И они, как кровь казненных, рдяные, горят.

Померанцы с апельсином зеленью ветвей —
Где ни глянь — сплелись. И, словно властный чародей,

Околдовывал все чувства каждый куст. А дале —
Грудами шкатулок дыни на траве лежали.

И плоды, ломая ветви, до земли свисали,
Цветом — лал, а вкусом — сахар сладок так едва ли.

И когда Махан калитку в этот рай открыл,
Он от ада прошлой ночи душу отвратил.

И к плодам он потянулся, рдеющим в листве,
Эти ел, а те рассыпал по сырой траве.

Вдруг: «Держите вора!» — слышит он громовый крик,
Гневный, яростью кипящий, выбежал старик,

На плече держа дубину. «Кто ты? — заорал. —
Как ты, див, плоды крадущий, в сад ко мне попал?»

Как посмел ты? Здесь немало прожил я годов,
Но не ведал беспокойства от ночных воров!

Кто такой? Что ты такое? Как тебя зовут?
Говори по правде. Помни: я во гневе лют».

Обмирал Махан от страха. Он сказал: «Беда
Надо мной стряслась. Невольно я попал сюда.

Заблудившегося призри! Не гони в беде,
Чтоб тебя за гостелюбие славили везде!»

Оправданиям Махана гневный внял старик.
Подобрил его суровый бородатый лик.

В сторону свою дубину старец отложил
И, усевшись перед гостем, ласково спросил:

«Расскажи, что ты изведал в странствиях твоих,
Сколько ты обид увидел от глупцов и злых?»

Увидал Махан, что старец гнев сменил на милость.
Рассказал он по порядку всё, что с ним случилось,

Как, блуждая, попадал он из беды в беду:
Ночь — горел в огне, другую — замерзал во льду.

Как на верном очутился наконец следу,
Как от бед укрылся в этом сладостном саду.

Молвил старец изумленный: «Мы должны судьбу
Возблагодарить и небу принести мольбу,

Что от чудищ, подлых нравом, ты освобожден
И от горя этим добрым кровом огражден!

Ты с себя, злосчастный, сбросил цепи наважденья,
Заповедного достиг ты места избавленья.

А лежит за этим садом дикая страна,
Зелени, воды и жизни лишена она.

Ты, счастливцев, чудом спасся от великих бед!
Джинны здесь живут и дивы; каждый — людоед.

Путника они закружат, после ж — разобьют,
Как кувшин. Играют криво, хоть и в лад поют.

Облюбованную жертву за руку возьмут,
Отведут глаза, обманут, к бездне приведут.

Им подобен обольститель, что живет средь нас
И готов на дело злое каждый день и час.

Нынче ложь прикроет правдой, завтра — лжет
Меду поднесет, но к меду примешает яд. стократ,

В лжи — бессилье. Только в правде — божья
Чудеса от наважденья должно отличать. благодать.

Вижу я — простосердечен по природе ты.
Жертвой лжи бывают люди, что душой просты.

Злобный дух в ночной пустыне на тебя напал
И, твоим воображеньем овладев, играл.

Но коль позади осталась призраков страна,
Не глотай осадок, выпей чистого вина!

Этой ночью ты как будто заново рожден,
Из иного мира наземь снова приведен.

Вот богатый сад — награда за твои мученья.
Я же — сам хозяин сада — в этом нет сомненья.

Каждый кустик тут я знаю. Эти все плоды
Мною возвращены с любовью. Лучшие сады

Поясов земных мне дали саженцы дерёв,
Самых щедрых в пору сбора сладостных плодов.

Прокормился б целый город их осенним даром.
У меня в саду обширный есть дворец с амбаром.

Словно обмолоченные зерна на току,
Горы золота хранит он и — мешок к мешку —

Жемчуга и самоцветы пламенной огня...
Я богат, и только нету сына у меня.

Но, на счастье, с тобою повстречался я,
И к тебе, как к сыну, сердцем привязался я.

Если ты захочешь сыном стать мне — о, тогда
Полноправным властелином ты войдешь сюда!

Завтра ж на твое я имя всё переведу,
Чтобы ты, вкушая негу, жил в моем саду.

А захочешь, и невесту я тебе найду;
Отведу от милых сердцу всякую беду,

И служить я буду вашим прихотям любим.
Коль согласен, дай мне руку, — договор скрепим!»

И Махан сказал: «Как можешь это говорить?
Может ли терновник сыном кипариса быть?»

Но когда меня ты верно примешь в сыновья,
То — поверь — тебе примерным сыном буду я!»

Радостно поцеловал он руку старика,
Радостно ему сказал он: «Вот моя рука!»

И старик Махана руку быстро ухватил,
Дал обет ему и клятвой договор скрепил.

Молвил: «Встань». Махан поднялся. И повел его
Старец в глубину густого сада своего.

Взял его в чертог высокий: стены в нем и пол —
Мрамор, а суфа коврами крыта, как престол.

Галерея в нем просторна; и, как свод, над ней
Переплет ветвей платанов, ив и тополей.

Водоем блестит под сводом. И звездой своей
Небосвод целует кольца медные дверей.

Широковетвящееся — над суфой стояло
Дерево сандаловое. До земли свисало

Благовонное убранство листьев, как пола
Занавеса. На развилье мощного ствола,

Там, где ветвь от ветви толстой в сторону ушла, —
В высоте тахта из досок сделана была.

На тахте — ковры, подушки, словно ложе хана,
Как листва сандала мягки и благоуханны.

И старик сказал: «На это дерево залезь;
Отдохни пока с дороги. Если пить иль есть

Пожелаешь ты — там скатерть с белым хлебом
есть

И кувшин с водой лазурной. Оставайся здесь

И — покуда не вернусь я — терпеливо жди.
Из опочивальни этой наземь не сходи.

Кто б ни говорил с тобою — ухо уклоняй,
Кто б ни соблазнял — соблазны молча отгоняй.

Ни на чей вопрос лукавый слова не роняй,
А не стерпишь — сам тогда ты на себя пеняй.

Лишь когда назад приду я, зорче ты взглядишь
И уверься — я ли это. И тогда спустишь.

Я пойду тебе покой во дворце устрою.
Клятва крепкая — навеки — меж тобой и мною;

Молока и меда наши обещанья чище,
И теперь мое жилище — и твое жилище.

Берегись дурного глаза нынешнюю ночь...
Утром отойдут навеки все несчастья прочь».

Так старик его наставил, слово с гостя взял,
И исполнить наставленья гость пообещал.

Там ременная свисала лестница с ветвей.
«Подойди, — сказал хозяин, — и взберись по ней!

Будь сегодня ремненогом, а потом ремни
Эти длинные с собою кверху подтяни.

Опоясайся сегодня кожаной змеей,
Чтоб никто шутить не вздумал снова над тобой.

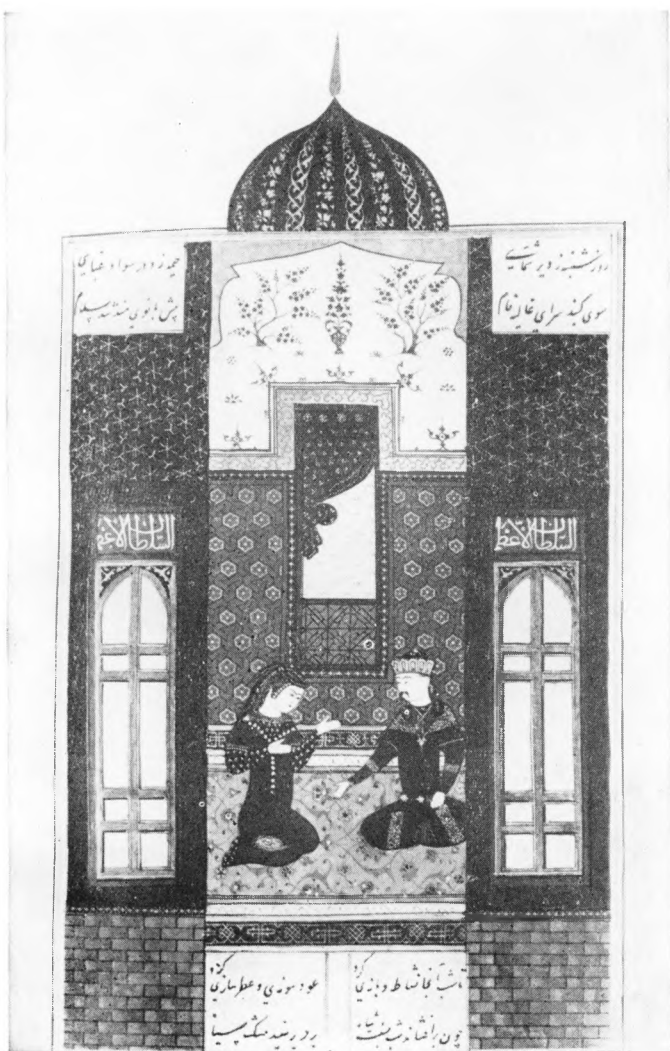
Утром ты доволен будешь! Хоть халва у нас
С вечера была готова — есть нельзя сейчас».

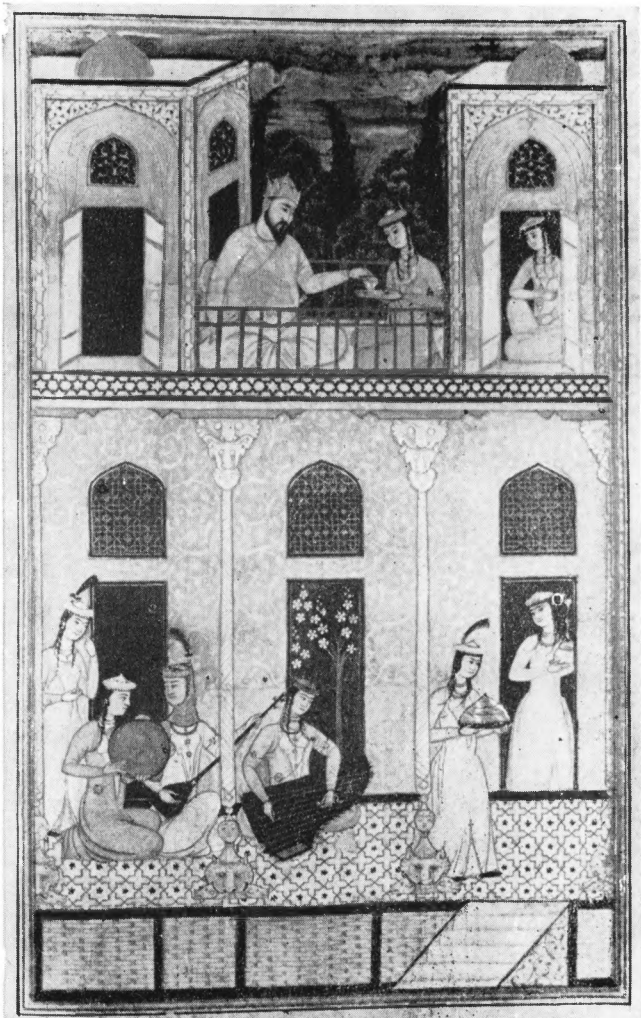
Разговор старик закончил и пошел домой,
Чтобы гостю приготовить во дворце покой.

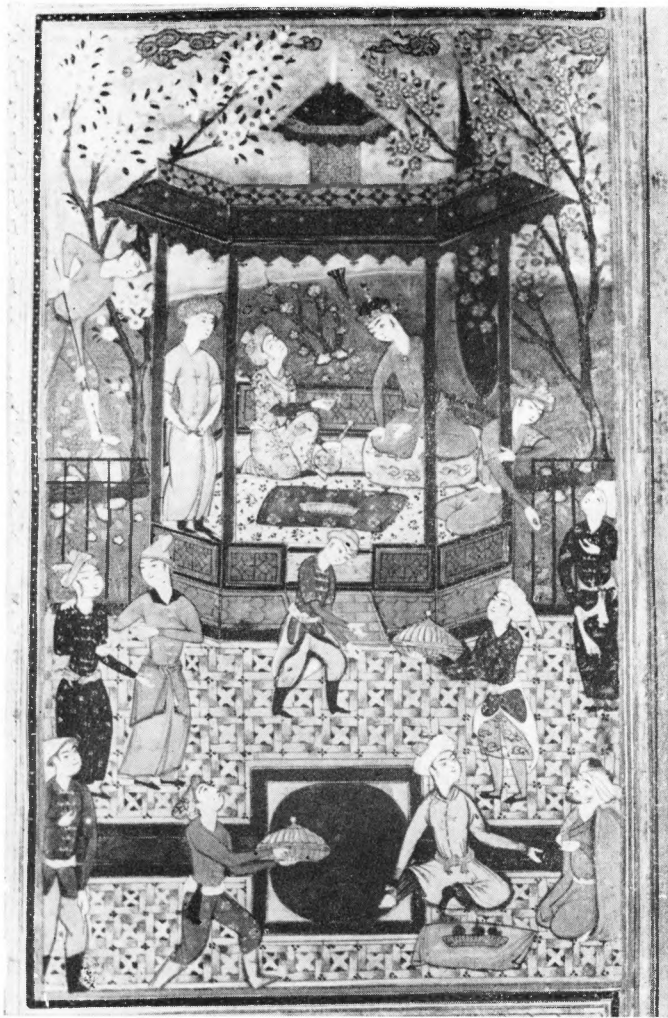
Гость на дерево взобрался, лестницу убрал.
Там сандал листвою свежей так благоухал,

Что, когда Махан из легких воздух выдыхал,
Он, как ветер, ароматы миру посылал.

Сверток хлебцев золотистых и лепешек белых
Развернул, почувяв голод, путник и поел их.

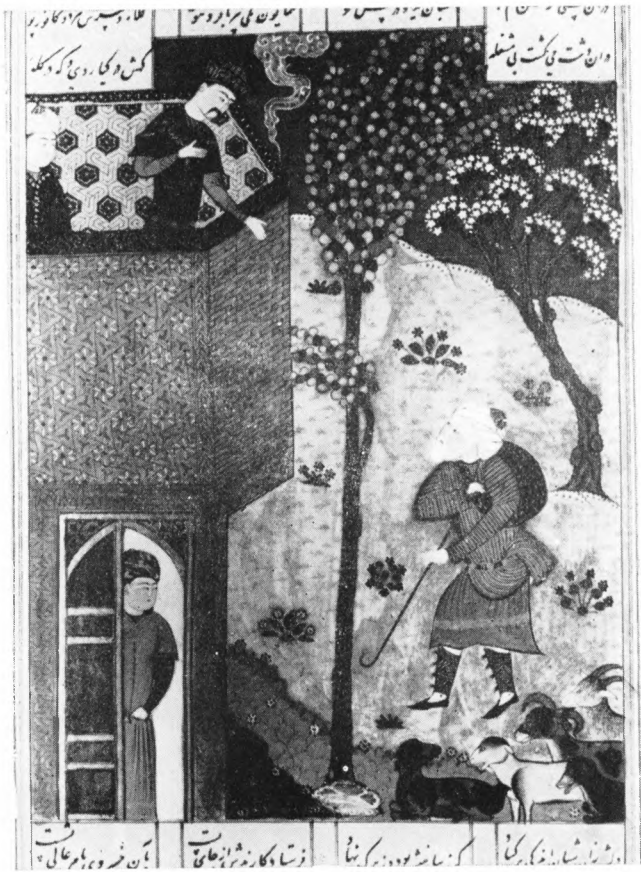
جو خود را موی پوش از نام یک	گرد و چمن سبزه از زنگار یک	از نورم کرد و دل شمشیر	بیک سبک کعبه و زلفش
گویم که هر موی نما پستان	دگر تک بیگای پستان این	ز پندار پیکار و شرم شوی	بر باد نشد را چه شوم رو سپ
در آن شت ، ز پستان و نچه	منو از آن طلسم ایخته	بران دیهانت سینه زنی	با مردی طبعی سبب من
قصابان سر و تر ز پستانش	ز به باقی قصاب انگش	چو رویه یکا بر سبب بگر	یک چشمه کرد که مثل زبوره
ریشش کند تر ز پستانش	زده که پاره سپیده پروا	دو چشمش ز نقش میا سپند	میشرف قباغانی کار سپند
کند پیشش که گویشندی مل	شبان که انجا رسد مکن	نعتی از زبهر در کیش او	سوار یکی ز او پیشش
کمز و کسی که در آن کونیک	ز پم قباغان بر او لاجبک	نمانندگی از آن گپند	قباغان آید از او ج بند
بنده که شست بر او شوی	پاسا قباغان بگر پیشش	کاکاسی کرد که دو کباگز	منشرف کباغانی بر او کرد
بیکری چینی است یک شمشه	اکاسی بیستن سپاه رو پیشش آمدن اسکند		
بری پیشش و حسن او چو است			
کرمین که زیم بدین پیشی	از یک کار تا یک سمرینی	مرا چون خیالی بر می کشند	نیانی بر می بگری بکشند
کله ز شش چو آرد و در زبده	کازنده شش آن مرزبان	کرو شش مع آند از تیرگان	سز زان سر سیرین و بزرگان
چو فیروزه نقشش از پشته	نیز روی آن نقش ز پشته	بر قوس و پاسا زده کپچکان	کجه شش عالم دانا می هم
شده از پیشش که در جاسه	چو پیکر را بگفت سکونای	کبر پست بدوش ککان	کجه در انجان شش شنب
بهر مصری معز جند مانده	بهر مشه مشرفی جند رانده	باید رات می بود سنج	بهر کار می رفت بر سخت کنج
خود آمد انجان بزرگ	فخانی میند نزدیک	سز برای تتر که زنده جنگ	چو منزل آمد بر جده جنگ
مشهد بگردان دو کی	چو چشم بر آستانش گوی	بر آسود که شش از تپش	در آن خزار ملک با تپاه

Из прохладного кувшина, что студил ночной
Ветер, жажду утолил он чистою водой.

И на той тахте румийской, под густой листвой,
На ковре китайском мягком он нашел покой.

На руку облокотился, озираясь стал.
И вдали семнадцать ярких свеч он увидал.

Шли красавицы по саду, светочи несли,
Преклонился бы пред ними каждый до земли.

Шли семнадцать падишахов, прелестей полны,
Что семнадцать выигрышей взяли у луны.

Светочи в руках у каждой, платья их богаты.
Полотно скрывает розу, кисея — гранаты.

Шли — стройны, светлы, как свечи, озирая мир.
На суфе они уселись за веселый пир.

На широком возвышенье полукругом сели,
И мгновенно к ним слетели радость и веселье.

Повелительница пира и веселья их —
Ликом пери, перл бесценный ожерелья их —

На почетном месте села, средь подруг своих.
На подушках усадила вокруг себя других.

Словно сказочные птицы, песню завели:
Птиц из воздуха на землю пеньем привлекли.

Косточка на струнах чанга — в пляске ноги их.
Змеем вился след огнистый на дороге их.

Ветерок ночной примчался, козни учинил:
К спелым персей померанцам двери отворил.

И Махан о померанцах тех затосковал.
На красавиц глядя, с горя растирал сандал.

И умом раскидывал он сто и больше раз,
Как бы с дерева на землю прыгнуть сей же час,

Чтобы с девами, к которым в нем горела страсть, —
Страшного суда не ждавши, прямо в рай попасть.

Но ему пришли на память речи старика,
И желанья он в колодки заковал пока.

Девы пели и играли. А устав играть,
Скатерть пышную раскрыли, сели пировать.

Столько блюд, напитков столько — знает только бог,
Ледяной шербет с шафраном и гранатный сок.

Там барашек был, поенный только молоком,
И откормленная птица, и форель, и сом;

Хлебы — камфары белее и светлей луны,
Как спина и груди гурий мягки и нежны.

О пирожных не умолкла до сих пор молва.
Сахарная напоследок подана халва.

И когда на стол такие блюда принесли, —
Словно мир, где все явленья чудо, принесли, —

Госпожа невест сказала девушке одной:
«Чувствую я: скоро четом станет нечет мой.

На меня алоэ дышит, от сандала вея.
К дереву сандаловому подойди скорее.

Некто есть на нем, что сладко дышит, как алоэ,
Благовоннее сандала платье золотое

На плечах его! Скорее пусть же отдадут
Ночь и листья в наши руки сладкострунный руд

Из сандала золотого и алоэ тьмы!
Дивное благоуханье обоняем мы.

Кажется мне, что — родная нам — одна душа
Прячется в ветвях тенистых, страстью к нам
дыша.

Так иди и к нам пришельца ласково зови.
Молви: «Ждет тебя подруга, полная любви;

Стол накрыт, поставлен кубок чистого вина;
Но без гостя не коснется вин и яств она.

Поспеши, вкуси блаженство от союза с ней,
Не держи ее в оковах, приходи скорей!»

К дереву сандаловому дева подошла.
Узок рот ее, а просьба широка была.

Отворив уста, запела, словно соловей.
Как цветок с куста, Махана сорвала с ветвей.

Речь посредницы услышав, он пошел за ней.
Сам посредника искал он для любви своей.

Но как только пред соблазном душу он открыл,
Тут же предостереженья старца позабыл.

И любовь метлой с дороги стыд и долг смела.
И Махан к Луне спустился, что его ждала.

А когда красу Махана дева увидала, —
Перед ним, как перед тронем падишахским, пала

И с почетом усадила на ковер с собой,
Кудри гостью оросила розовой водой,

Сотрапезником любезно сделала его,
Ибо дело гостелюбья всюду таково.

Были царственные яства дивно хороши.
Вскоре стал гранатный кубок пищею души.

И когда они довольно выпили вина,
Из души была стыдливость ими изгнана;

И когда стыда преграда пала, сметена,
Во сто крат милей Махану стала та Луна.

Девушка пред ним сидела, как в цвету весна,
Как китайская картина, прелести полна.

Груди мягче молодого творога у ней,
Слаще сахара и меда, молока нежней.

Яблоки ланит — услада для живых сердец,
Где под кожей — сок багряных роз и леденец.

Вся она как ртуть живая или как ручей,
А глаза светлей и ярче пламенных свечей.

Средь подруг своих сияет, как свеча, она,
Взглядом насмерть поражает без меча она,

Полною луной блистает, горяча, она,
Двери сердца отмыкает без ключа она.

Во сто тысяч раз в Махане страсть к ней возросла.
Розу уст ее сосал он, как сосет пчела.

И когда рука Махана стан ей обвила,
Диво-дева застыдилась, взоры отвела.

Но как розу прижимает к сердцу соловей,
Он прижал Китая чудо ко груди своей.

А когда взглянул на этот сладостный поток,
Он от ужаса дыханье перевести не мог.

Перед ним — от пят до пасти скаляся — сидит
Порожденный божьим гневом адский дух ифрит.

Пс рогам — свирепый буйвол, по клыкам — кабан.
Не дракон — страшней дракона, это — Ахриман!

От надира до зенита пасть его разъята;
А спина — спаси нас боже! — как гора горбата.

Словно лук, хребет зубчатый выгнут; рачья морда.
На сто верст кругом зловонье от него простерто.

Нос — как печь, где обжигают кирпичи огнем.
Пасть — как чан, где известь гасят, чтобы красить

дом.

Губищи ифрит разинул, словно крокодил;
Гостя ухватил, колючей грудью придавил,

Целовал в лицо смердящей пастью, и душил
Смертным дыхом, и, целуя, гостю говорил:

«А-а! Ты в лапы мне попался! Грудь твою сейчас
Разорву! Гулял сегодня ты в последний раз.

Ты меня хватал руками, зубы в ход пускал,
Ты мне нежный подбородок, губы целовал!

Видишь: когти — словно копья, зубы — как ножи!
Где еще такие зубы ты видал — скажи?

Ах, как горячо сначала страсть твоя пылала,
А теперь куда девалась? Почему пропала?

Эти губы — те же губы, полные огня,
Лицо мое — всё то же, так целуй меня!

Не пируй в кругу коварных, где царит позор!
Дома не снимай, в котором управитель вор!

Слушай, пьяница, гуляка, что я говорю:
Если страшного с тобою я не сотворю,

Снова я красоткой стану, а не тем, что есть;
Только этого позора мне не перенести!»

Так шутил и издевался злобный див над ним,
Хохотал, пускал из пасти то зловонный дым,

То огонь в лицо Махану. И увидел он:
Что красавицею было, то теперь — дракон.

Среброногая внезапно стала вепреногой
Гадиной с хвостом волвьим, черной и двурогой.

И, упав, под тем драконом он лежал, крича,
Как дитя. Текла от страха из него моча.

Как ребенок, что до смерти чем-то напугался,
Словно женщина, у коей с болью оторвался

Плод живой от пуповины, — так Махан кричал,
А дракон, его целуя, пламя изрыгал.

Но едва забрезжил смутно темный край небес
И пропел петух далекий, сгинул черный бес.

Ночь ушла, влача с собою черный шелк завес.
Дымом унеслись виденья, пышный сад исчез.

Ниц поверженный, лежал он у дверей дворца.
Сокрушался, предавался горю без конца.

И от зноя дня в сознание он пришел. И вот
Осмотрелся — горе! — видит свалку нечистот.

Видит он на месте рая — раскаленный ад.
Нет свирелей, лишь стенанья ужаса звучат.

Ну а то, что прошлой ночью он дворцом считал,
Стало грудой безобразно взгроможденных скал.

Стал кустарником колючим благовонный сад,
А взамен суфы лишь камни голые лежат.

Грудки птиц, плоды и спины жареных козлят
Стали падалью зловонной, гнусною на взгляд.

Стали руды и свирели тех ночных певцов
Грудюю костей верблюдов и степных ослов.

Сделался гнилою лужей чистый водоем.
Всё, что с блюда золотого ел он за столом,

И вино, что пил вчера он, это — бог с тобой! —
Это было только мерзость, и навоз, и гной.

Воню стал благоухавший на столе рейхан.
Вновь запутался в невзгодах мученик Махан;

Стал молиться. В путь пуститься сил он не имел,
Но и оставаться в месте страшном не хотел.

«Удивительное дело, — он себе сказал, —
Это что за круг, в который я теперь попал?»

Прошлой ночью пировал я в сказочном саду,
А сегодня вижу снова ужас и беду.

Чем в руках пышнее роза, тем острее шипы.
Вот так урожай приносят нам сады судьбы!

Тот, кто счастьем обладает, разве знает он,
Что луною обернется рядом с ним дракон.

Девы те картин китайских во сто раз прекрасней
Были, а внезапно стали демонов ужасней.

Кожа нежная скрывает кровь, а посмотри:
Вне — вино благоухает, но навоз — внутри.

Легковерный, что змеинный камень покупал, —
Брал змею в свой дом, а камень лишь вообразал.

И когда глядит невежда в мир, в сухой мешок,
Он за мускус принимает дерева кусок. . .»

И Махан несчастный думал: «Лишь уйду от зла,
Изберу я целью жизни добрые дела!»

Брел он, горькими слезами щеки обливал,
Каялся, что не всечасно справедлив бывал.

Чистых вод достигши, слезы смыл и пот с лица.
Униженно пал на землю и молил творца:

«Вяжешь ты и разрешаешь! Боже, развяжи
Узел бед моих — дорогу к дому укажи!

Указующий правдивым верные пути,
Мне — идущему стезею темной — посвети!»

Так, в молениях простертый, долго он лежал.
Наконец, лицо поднявши, путник увидал

Пред собою человека — был он, как Нисан,
Весь в зеленом, словно утро свежее румян.

И Махан спросил: «О, кто ты, в этот горький час
Мне явившийся? О, кто ты, ясный, как алмаз?»

Тот сказал: «Я — Хызр, скорбящий о твоей судьбе.
Я пришел, благочестивый, чтоб помочь тебе.

Донеслись твои обеты к сердцу моему,
И они тебя доставят к дому твоему;

Будь им верен! Крепче руку мне сожми рукой
И закрой глаза — и снова через миг открой».

В руку Хызра, не замедля, руку он вложил;
И глаза свои зажмурил, и тотчас открыл.

Там, откуда был впервые дивом уведен, —
В том саду благословенном очутился он.

Он открыл калитку сада, в свой дворец пришел
.И друзей в молчанье, в скорби у себя нашел.

Каждый в синей был одежде — скорби знак по нем.
Он о горестном поведал им пути своим.

Люди, что его любили, с ним душой сжились,
Милого оплакивая, синим облеклись.

А Махан во всем согласным с ними быть хотел:
Он лазурные одежды на себя надел.

Цветом бирюзы до смерти был он облачен;
Цветом времени покрылся, словно небосклон.

Высота небес одежды лучшей не нашла
И лазурный шелк одеждой вечной избрала.

У людей, что избирают цвет лазурный неба,
Солнце на столе сияет, как лепешка хлеба.

Голубой цветок, что платье носит голубое,
Сердцевиную имеет солнце золотое.

И куда свой огнезарный лик ни устремит
Солнце — всё цветок лазурный на него глядит,

И любой цветок, что цветом голубым цветет, —
«Поклоняющимся солнцу» Индия зовет».

А когда Луной Магриба сказ окончен был,
Шах в объятия с любовью пери заключил.

Повесть седьмая. Пятница
ИРАНСКАЯ ЦАРЕВНА

В пятницу, когда светило, вставши из-за гор,
Белым светом озарило ивовый шатер,

Шах — в одежде белой, в блеске белого венца —
Устремил шаги к воротам белого дворца.

В пятом знаке зодиака белая Зухра
Пять поклонов пред Бахрамом отдала с утра.

И покамест не напали зинджи на Хотан,
Шах счастливый не покинул радостей майдан.

А когда сурьмой небесной сумрак обострил
Взгляд Луны прекрасноликой и глаза светил,

Стал Бахрам подругу ночи нежную просить —
Сладостный рубин речений перед ним открыть,

Чтобы эхом, отраженным от дворцовых стен,
Пела повесть, забирая слух и сердце в плен.

И царица, славословье трону вознеся
И о шахском долголетье небосвод прося,

Прочитав сперва молитву вечному творцу,
Чтобы дал сиянье счастья трону и венцу,

Молвила: «Коль шаху сказка надобна моя,
То поведать всё, что знаю, рада буду я».

СКАЗКА

«Мать моя была душевной доброты полна,
Средь старух была ягненком истинным она.

Чтобы мне не скучно было, помню, как-то днем
Мать моих веселых сверстниц пригласила в дом.

К трапезе она радушно всех их позвала,
Кушаньям, как говорится, не было числа.

Дичь, баранина и с тмином всяческая снедь, —
Перечислить угощений мне и не суметь.

Не припомню я названий лакомств дорогих,
Розовой халвы, миндальной — и сластей других.

Всё там было, чем осенний урожай богат, —
Яблоки из Исфахана, рейский виноград.

Но о гроздьях и гранатах речь я отложу,
Лучше о гранатогрудых девах расскажу.

Сыты лакомой едою были все давно
И пригубливать устали сладкое вино.

Смех, веселье, разговоры тут пошли у нас.
За смешным рассказом новый следовал рассказ.

Та — про чет, а та — про нечет, — все наперебой...
Каждой рассказать хотелось о себе самой.

Очередь до среброгрудой девушки дошла,
Хороша она, как сахар с молоком, была.

Лишь она заговорила — птичий хор в саду
Смолк и рыбки золотые замерли в пруду.

Упоительный открыла слов она родник,
А язык ее рассказа — был любви язык.

Нас она повеселила повестью такой:
«Жил-был юноша — любезен и хорош собой.

Юному Исе в науках был подобен он,
Как Юсуф, был светел сердцем и беззлобен он.

Люди знанья за ученость славили его,
Верующие примером ставили его.

Сад был у него — прекрасный, как Ирема сад,
Амброю благоухавший, радовавший взгляд.

В нем рождались, раскрывались райский плод и
Шла молва, что им подобных в целом мире нет. цвет,

Все сердца тянуло в этот лучший из садов,
Где росли и расцветали розы без шипов.

Если поискать, конечно, шип один нашли б,
Но защитую от сглаза вырос этот шип.

Под тенистыми ветвями там ручьи текли.
Там нарциссы над ручьями, лилии цвели.

Пеньем птичек оглашался лиственный шатер,
Звонкий щебет их сливался в сладкозвучный хор.

Кипарисы возвышались кровлями дворца,
В говор горлинок вплетались возгласы скворца.

У подножий кипарисов сладостная тень
В сад на отдых призывала, навевая лень.

Этот сад благоуханный с четырех сторон
Был высокою стеною крепко огражден.

Окружил свой сад хозяин глиняной стеной,
Чтобы в тень его проникнуть глаз не мог дурной.

Не один богач о саде сказочном вздыхал
И завистливые взгляды издали бросал.

Юноша хозяин часто заходил в свой сад —
Отдохнуть от шума, зная городского рад.

Подрезал он кипарисы и сажал жасмин,
Мускус смешивал и амбру сада властелин.

На лужайках сам фиалки сеял он весной,
Новые сажал нарциссы там он над водой.

Проводил в саду хозяин целый день порой
И лишь поздно возвращался вечером домой.

Вот однажды ранним утром в сад он свой пошел,
Изнутри калитку сада запертой нашел.

Но в саду своем он звуки чанга услышал,
Хоть вчера к себе он в гости никого не звал.

Песни радости услышал он в саду своем, —
Веселились, и смеялись, и играли в нем.

Множество в саду звучало женских голосов,
Изнутри закрыты были двери на засов.

Горожанки молодые, видно, здесь сошлись;
Знать, они в его владенья с ночи забрались.

Долго он стоял у двери сада своего. . .
Ключ — на сторожа надеясь, он не взял его.

В двери, стража вызвать силясь, он стучал и звал.
Гости — слышно — веселились, а садовник спал.

Вкруг стены своей высокой юноша пошел,
Трещину в углу дувала ветхого нашел.

И, увидев, что не может он войти в свой дом,
В собственной своей ограде выломал пролом.

Так проник он потихоньку в сад и, осмотрясь,
Словно вор, в своих владеньях он пошел таясь,

Чтоб увидеть, что за гости у него гостят,
И проведать, что за повод был для входа в сад,

Чтоб разведать потихоньку, что за шум в саду, —
Не попал ли уж садовник-старичок в беду?

Среди этих — озарявших сад его — цветов,
Наполнявших свод зеленый звоном голосов,

Были две жасминогрудых, привлекавших взгляд,
Вдоль стены они ходили, охраняя сад,

Чтоб не перелез ограду дерзкий кто-нибудь
И не мог луноподобных гурий тех спугнуть.

Только он вошел в пределы сада своего —
Эти девушки за вора приняли его.

Палками его избили; на землю потом
Повалив, его связали крепким кушаком.

По незнанию, в преступленье ими обвинен,
Был избит, и исцарапан, и унижен он.

Девушки, связав беднягу, перестали бить,
Но они его словами начали казнить:

«Был бы всяк твоим поступком дерзким возмущен!
Нет хозяина на месте! Жаль — в отлучке он!

Если дерзкий вор посмеет брешь в стене пробить,
То садовник властен вора палками избить!

Ты немного поцарапан. В цепи заковать
Надо бы тебя, негодный, и властям предать.

Ах ты, вор, сломавший стену! Не уйдешь теперь!
Если бы ты вором не был, ты вошел бы в дверь!»

А хозяин им ответил: «Этот сад — мой сад.
Я захлебываюсь дымом — от своих лампад.

Как лиса, в дыру пролез я. . . И к чему слова, —
Вход сюда открыт всегда мне шире пасти льва.

Если кто в свои владенья входит воровски —
Упустить их быстро может из своей руки».

Сильно девушки смутились. Всё же им пришлось
О приметах разных сада повести распрос.

Верно он на всё ответил. Повиниться им
Приходилось. И осталось помириться им.

Девушки владельца сада впрямь признали в нем,
Он красив был, юн, любезен и блистал умом.

Если женщина такого видит, ты ее
Не удержишь, откажись ты лучше от нее.

И по духу был им близок и приятен он,
Был от плена тут же ими он освобожден.

Живо крепкий развязали шелковый кушак,
Всхлипывая, — извини, мол, если что не так. . .

Умоляя, чтоб хозяин юный их простил,
Расторопность проявили и великий пыл.

Чтобы гнев он свой на милость к ним сменил вполне,
Принялись пролом поспешно затыкать в стене.

В щель терновник набивали, камни и тростник,
Чтобы вор и впрямь в ограду сада не проник.

И, в смущении краснея, к юноше пришли,
В оправдание рассказы длинно завели:

«Так хорош твой сад, что в мире все затмит сады, —
Пусть обильны будут сада этого плоды!

Молодые горожанки — ото всех тайком —
Полюбили собираться тут, в саду твоём.

Все красавицы, чья прелесть славится у нас,
Луноликие — утеха и отрада глаз,

Как светильник, полный ярких недымящих свеч, —
Очень любят это место наших тайных встреч.

Ты простишь ли нас, что были мы с тобой дерзки
И что воды возмутили чистые реки?

Но сейчас ты на красавиц наших поглядишь
И с любой желанье сердца нынче утолишь.

В этот час они все вместе, верно, собрались,
Так — скорее к ним, смелее с нами устремись!

И которая из гурий взгляд твой привлечет,
Укажи нам, чтобы нечет превратился в чет;

Только скажем мы два слова — и придет она,
И к ногам твоим покорно упадет она!»

Услыхал хозяин речи эти, и огнем,
Пробудившись, вожделенье запыхало в нем.

Страсть его природе чистой не чужда была,
Целомудрия преграду вмиг она смела.

Набожность его кипящий затопил поток,
Близость женщин он спокойно вынести не мог.

И путем надежды страстной, как на яркий свет,
Он пошел жасминогрудым девушкам вослед.

Склонностью к красавцу были полны их сердца,
Довести они решили дело до конца.

Там, в тени ветвей, беседка старая была,
И тропинка их к беседке прямо привела.

Девушки ему шепнули: «Малость посиди,
Притаись в беседке этой, в щелку погляди! . . .»

И ушли они. В беседку юноша вошел
И в стене ее отверстие малое нашел.

Живо к этому отверстию глазом он приник
И красавиц юных в сборе увидал цветник.

Шумное у них веселье вскоре началось,
Осыпать пошли друг друга лепестками роз.

Ярко их глаза горели, прелесть их цвела.
Каждая из них как спелый, сладкий плод была.

Душу и глаза пленяла каждая из них,
Чистый сахар рассыпала каждая из них.

И у каждой среброногой — груди как гранат.
И дракон у каждой девы охраняет клад.

Яблоки он и гранаты видел пред собой,
Только было невозможно их достать рукой.

Пред беседкою лужайка свежая была.
Ту зеленую лужайку роща стерегла.

Мраморный там красовался полный водоем,
Райский водоем Ковсара был его рабом.

Наполняем был он чистым, звонким ручейком,
Рыбки стаями играли и плескались в нем.

А вокруг того бассейна лилии росли
И нарциссы и жасмины белые цвели.

Девушки, к воде склоняясь, в зеркале ее
Отраженье увидали среди рыб свое.

Их, как солнце, отражала чистая вода,
Их купаться привлекала чистая вода.

Весело они одежды начали снимать,
Пояса свои на бедрах стали распускать.

И разделись все, и в блеске наготы своей,
Словно жемчуг, погрузились в воду до грудей.

Сребротелые плескались радостной толпой,
Тела серебро скрывая темною водой.

Будто луны к Рыбе, в волны шумные вошли.
От Луны до Рыбы волны шумные пошли.

От бросающей дирхемы на воду Луны,
Убегая, рыба темной ищет глубины.

Ну, а к светлым лунам этим, что играли всласть,
Рыба юноши, как в сети, и сама рвалась.

Целый день они плескались, за руки схватясь,
Над жасмином белоснежным белизной смеясь.

Шло вовсю у них веселье. Ты уж сам взгляни,
Как ладейки из гранатов делают они.

Та — «Змея! змея!» — кричала, косы распустя,
И подруг своих пугала этим, не шутя.

Бисутун любой колонну к небу подымал
И секирою Ферхада острой убивал.

А ручей Ширин молочный пред ее дворцом
В ослепительный вливался этот водоем.

Из беседки на купальщиц юноша смотрел,
Трепетал от нетерпенья он и весь горел,

Был как жаждущий, что воду видит пред собой,
Да не может дотянуться до нее рукой.

Трепетал он весь, не в силах дрожи превозмочь,
Как страдающий падучей в новолунья ночь.

Плодоносным кипарисом стан был у любой,
Но, казалось, Судный день он видел пред собой.

В жилах у него стучала, бушевала кровь,
В каждом органе бедняги клокотала кровь.

Притаясь в своей беседке, он, как вор, стоял.
Благочестье отступило, змий главу подъял.

К их ногам всё обожанье он понести хотел,
Через щель в стене беседки змий пролезть хотел.

Но пролезть, увы, не мог он, щель была узка.
Рядом яблоня, да яблок не нарвет рука.

Накупавшись, вышли девы, словно из шелков
Темно-пурпурных жасмины — на ковер цветов.

И, в сияющий воздушный шелк облачены,
Шум затеяли и хохот, слышный до луны.

Видел он: среди них задорней всех одна была —
Весела, лицом румийским розово-смугла,

Подбородок — словно солнце утренних высот,
Губы нежные — как пальмы финиковой плод.

Быстрый взгляд ее стрелою острой поражал,
Смех ее — веселый, звонкий — сахар расточал.

Этот кипарис гранаты в воду уронил,
А свои гранаты влагой щедро напоил.

Всякому, кто в эти чары попадал, как в сеть,
Овладеть хотелось ею или умереть.

И таким гореть лукавством взгляд ее умел,
Что терял свой ум разумный, трезвенник пьянел.

Был пленен хозяин юной красотой Луны
Больше, чем огнем индийцы в храмах пленены.

От души его преграды веры отошли. . .
Праведник, кляни неверье! Верных восхвали!

Через час те девы-стражи вновь пришли вдвоем,
Быстрые, любовным сами полные огнем.

В ту беседку две газели легкие пришли,
Что газелей к водопою барса привели.

Прибежали, нетерпением пламенным полны,
Пред хозяином любезным искупить вины.

Не сошел еще хозяин с места своего,
Девы стали, как хаджибы, спрашивать его:

«О ходжа! Из тех красавиц, что ты видел здесь,
Опиши скорей — какую нам к тебе привесть?»

Юноша словами живо им нарисовал
Ту, чей облик так в нем сильно сердце взволновал.

Только молвил, те вскочили и расстались с ним,
Уподобясь не газелям, а тигрицам злым.

И в саду неподалеку вмиг нашли ее,
Лаской, хитростью, угрозой привели ее.

Ни одна душа их тайны не могла узнать;
А узнала бы, так, верно б, ей несдобровать.

Привели Луну в беседку, и — смотри теперь —
Чудо: заперли снаружи на щеколду дверь. . .

А настроили сначала, словно чанг, на лад
Эту пери, что хозяйский так пленила взгляд.

Рассказали по дороге девы обо всем —
О хозяине прекрасном, добром, молодом.

И, не видевши ни разу юношу, она
Уж была в него — заочно — страстно влюблена.

А взглянула — видит: лучше, чем в рассказе, он;
Видит — золото. В рассказе был он посребрен.

Юношу лишил терпенья, сжег любовный пыл.
Он со стройным кипарисом в разговор вступил.

«Как зовут тебя?» — спросил он. «Счастье», — та в ответ.
«Молви, пери, чем полна ты?» — «Страстью!» —
та в ответ.

«Кто красу твою взлелеял?» Отвечала: «Свет!»
— «Глаз дурной да не коснется нас с тобою!» — «Нет!»

«Чем ты скрыта?» — «Ладом саза», — девушка сказала.
«В чем твое очарованье?» — «В неге», — отвечала.

«Поцелуемся?» — спросил он. — «Шесть десятков раз!»
— «Не пора ли уж?» — спросил он. — «Да, пора сейчас!»

«Будешь ли моей?» — «Конечно!» — молвила она.
«Скоро ль?» — «Скоро», — отвечала юная Луна.

Дальше сдерживать желанье не имел он сил.
Скромность он свою утратил, стыд свой погасил.

Как она свой чанг, за кудри гурию он взял.
Обнял стан ее и к сердцу горячо прижал.

Целовать он начал страстно сладкие уста —
Раз, и десять раз, и двадцать, и еще до ста.

Поцелуи распалили вожделенье в нем,
Запылала пуще жажда наслажденья в нем.

Он целебного напитка захотел испить,
Он живой воды в потоке захотел добыть.

Скажешь ты, что на онегра черный лев напал,
Всеми лапами онагра мощными подмял.

Но беседка эта ветхой, дряхлую была
И под тяжестью двойною трещину дала.

И обрушилась внезапно, с треском развалясь.
Так закончилось их дело дурно в этот раз.

Он раскаянья избегнул, хоть и был смущен,
Прянула она направо, а налево — он.

Чтобы люди их увидеть вместе не могли,
Вмиг они разъединились, в стороны ушли.

Скрылся юноша в чащобе лиственных купин;
Тосковал он и томился горько там один.

И к подругам воротилась тюркская Луна,
Хмуря брови, сожалений искренних полна.

Музыкантшей и певицей девушка была;
Села грустная — и в руки чанг она взяла.

И из струн исторгла звуки. И у ней сама
Песнь сложилась, что влюбленных свесть могла б с ума!

«Пусть поет, рыдает чанга моего струна
Всем, кто болен тем недугом, чем и я больна.

Кто влюблен, тот в сердце носит тягостный недуг,
Я больна, неразделенной мукой я полна!

О, доколь скрывать я стану жгучую любовь?
Горе мне! — я говорю вам. — Да, я влюблена!

Разума меня лишает, мучит страсть меня.
Нет терпенья мне. Любовью я опьянена.

Хоть влюбленных презирает этот злобный мир,
Но раскаянье? . . . Об этом даже мысль грешна!

Грех раскаиваться в сильной, искренней любви
Я раскаиваться в страсти сердцем не вольна.

Только тот влюблен, кто душу за любовь отдаст.
В мире истинным влюбленным гибель не страшна!»

Так она, в газели страстной сетуя судьбе,
Всю невольно разболтала правду о себе.

Те два перла, что держали нить в своих руках,
Смысл сокрытый понимали в песнях и стихах.

Поняли они, что грустен юноши удел,
Что меж ними там разлуки ветер пролетел.

И они нашли Юсуфа бедного того, —
Словно Зулейха, вцепились вновь они в него.

Повели они расспросы, — что произошло? . . .
Рассказал он всё, как было. Горе их взяло,

Что расставленные ими сети порвались.
И налаживать всё дело вновь они взялись,

«Ночевать в саду придется нам сегодня всем.
Мы займемся лишь тобою, более — ничем.

А придумать уж сумеем повод мы любой, —
Никого мы не отпустим ночевать домой.

И наедине ты будешь вновь с Луной своей.
И бери в свои объятия ты ее смелей!

Обнаруживает белый день дела людей, —
Всё скрывает ночь завесой темною своей».

Так сказали и расстались эти девы с ним.
И скорей пошли к подругам молодым своим.

Только ночь куницей черной скрыла наконец
Вечер — красный, как буртасский шелковый
багрец,

Только солнца гвоздь укрылся за чертой степей
И зажглась кольчуга ночи тысячей гвоздей,

Исполняя обещанье, девы те пришли
И хозяину тюрчанку пери привели.

Тополь жаждущие корни окунул в волну,
Солнце знойное настигло робкую луну.

Рядом — гурия, и больше никого кругом, —
Тут пещерный бы отшельник согрешил тайком!

Юношу любовь палящим вихрем обвила,
От желанья в кипенье кровь его пришла.

То, о чем не подобает разговор вести,
Говорю тебе, читатель; бог меня прости.

С нею он свое желанье утолить хотел,
Он жемчужину рубином просверлить хотел.

Кошка дикая по ветке кралась той порой,
Наблюдая за мышиною земляной норой.

Кошка прыгнула и с шумом вниз оборвалась,
А влюбленным показалось, что беда стряслась,

Что неведомым несчастьем угрожает ночь...
И, вскочив, они в смятенье убежали прочь.

Бросили они друг друга, шума устрашась.
Посмотри: опять лепешка их недопеклась.

Грустная, к своим подругам девушка пришла,
Полная тоски сердечной, чанг она взяла

И запела песню, струны трогая рукой:
«Снег растаял. Аргаваны расцвели весной.

Горделиво стан свой поднял стройный кипарис,
И со смехом вокруг ограды розы обвились.

Соловей запел. Веселья вспыхнули огни,
И базара наслаждений наступили дни.

И садовник сад украсил, радующий взгляд.
И державный шах явился, осмотрел свой сад.

Чашу взяв, вина из чаши он испить решил.
Но упал внезапно камень, чашу ту разбил.

О, ограбивший мне сердце! Множишь только ты
Муки сердца. Дать мне радость можешь только ты.

Я стыжусь тебе признаться, как терзаюсь я.
Сердце без тебя уныло, жизнь темна моя!»

Знающие тайну лада этих грустных слов
Тайну пери вновь узнали из ее стихов.

И, печалясь и вздыхая, двинулись опять
Эти девы в чашу сада — юношу искать.

Словно вор, укравший масло, горем удручен,
Возле брошенной сторожки притаился он.

Там, где ивы нависали низко над ручьем,
Он лежал в глубокой муке, наземь пав лицом.

Еле-еле отозвался он на голос их,
Пораженный этим градом неудач своих.

Две наперсницы в тревоге повели расспрос,
И в досаде были обе чуть ли не до слез.

Но подумали: «Не поздно! Еще длится ночь. . .»
И пошли, чтобы влюбленным в деле их помочь.

Успокоили подругу, что, мол, нет беды. . .
И цветку послали кубок розовой воды.

Вот к возлюбленному пери та явилась вновь,
В ней еще сильнее горела к юноше любовь.

За руку ее хозяин, крепко взяв, повел
В чащу сада и глухое место там нашел,

Где был густо крепких сучьев свод переплетен,
Будто на ветвях деревьев был поставлен трон.

Он красавицу в укромный этот уголок,
Нетерпением пылая, как в шатер, увлек.

Пышную траву, как ложе, для нее примял
И, горя восторгом, к сердцу милую прижал.

Как жасмин — на саманидских шелковых коврах —
Наконец была тюрчанка у него в руках.

Вновь он вместе был с прекрасной девой молодой.
Млея, роза истекала розовой водой.

Наконец была в объятьях у него Луна.
Он ласкал ее. В обоих страсть была сильна.

Быстро кости продвигал он, клетки захватил,
Он соперницу, казалось, в нардах победил.

Миг один ему остался — крепость сокрушить
И бушующее пламя влагой потушить.

Полевая мышь на ветке, возле ложа их,
Подбиралась осторожно к связке тыкв сухих,

Что на дереве подвесил садовод-старик.
Мышь веревку этой связки перегрызла вмиг,

На землю упала связка; раскатясь кругом,
Загремели тыквы, словно барабанный гром,

Будто грянул отступленья грозный барабан.
На ноги вскочил хозяин, страхом обуян.

С грохотом вторая связка наземь сорвалась —
И опять газель от барса вихрем унеслась.

А хозяин думал: «Стража в барабаны бьет,
Мухтасиб, стуча в литавры, с гирыми идет. . .»

Бросив туфли, он в смятенье — тоже наутек.
Где бы спрятаться, искал он в чаще уголок.

Задыхаясь от испуга, трепеща, бледна,
К двум подругам прибежала бедная Луна.

Время некое молчала; дух перевела,
В руки чанг взяла, завесу тайны подняла.

Так запела: «Я слыхала, смущена душой,
Что влюбленный повстречался с девой молодой.

Он желанного добиться от нее хотел,
Знойною объят любовью, истомлен тоской.

К сердцу юную тюрчанку он хотел прижать, —
Быть в объятьях кипариса лилии весной.

Яблоков ее, гранатов жадно он хотел,
Всей душою он тянулся только к ней одной.

Чтобы двери клада перлов наконец открыть,
Прикоснуться к тайной двери он хотел рукой,

Иву красную прозрачной кровью обагрить
И смешать на чистом блюде леденцы с халвой.

Вдруг напрасная тревога, страшный стук и гром. . .
Налетел и всё развеял ветер ледяной.

По цветку в тоске остался робкий мотылек,
Умиравший от жажды — без воды живой.

Почему в неверном ладе песню ты ведешь?
Заиграй же в верном ладе наконец со мной!

Милый, ты в неверном ладе свой настроил чанг?
Но зато уж буду верно я играть с тобой!»

Лишь газель свою пропела пери, в тот же миг
Быстрый ум ее наперсниц правду всю постиг.

Снова обе побежали юношу искать,
Чтоб исправить и наладить их дела опять.

Страшно пристыжен, испуган, где-то под кустом
С вытянутыми ногами он лежал ничком.

Девы ласково беднягу подняли с земли
И расспросы осторожно, мягко повели.

Он ответил, что ни в чем он тут не виноват,
Что холодный, адский ветер вторгся, видно, в сад. . .

А наперсницы, воскликнув: «Это ничего!» —
Все рассеяли сомненья в сердце у него.

Развязали этот узел живо. И — гляди —
Ожила опять надежда у него в груди.

В поучение сказали: «Опыт свой яви!
И настойчивее надо быть в делах любви!

Выбери побезопасней место для гнезда,
Чтоб напасть не прилетела новая туда.

Зорко вас теперь мы сами будем охранять.
Тут на подступах, как стражи, будем мы стоять».

И к подруге воротились и опять взялись
Уговаривать прекрасный, стройный кипарис,

Чтоб она набег свой тюркский совершила вновь,
Чтоб пошла и подарила юноше любовь.

И пошла она, всем сердцем юношу любя.
Увидав ее, хозяин позабыл себя.

Он за локоны, как пьяный, ухватил ее.
В угол сада потаенный потащил ее.

Там укромная пещера вырыта была,
Куполом над ней сплетаясь, жимолость росла.

И жасмины поднимали знамя над стеной.
Сверху — заросль, а под нею — вход пещеры той.

Места лучшего хозяин больше не искал;
Местом действия пещеру эту он избрал.

Разорвав густую заросль, путь он проложил
И красавицу проворно за собой втащил.

Расстегнул на ней он платье, позабыв про стыд.
Расстегнул и то, о чем мой скромный стих молчит,

Обнял эту роз охапку, все преграды смел...
И уверенной рукою приступ свой повел.

Палочка не окунулась в баночку с сурьмой,
А уж свод горбатый новой занялся игрой.

Несколько лисиц в пещере пряталось на дне,
Чтобы позже на охоту выйти при луне.

Выследил их волк свирепый: голоден он был.
А на этих лис давненько зубы зверь точил.

В этот миг, прокравшись к лисам, начал он их рвать,
Лисы в ужасе от волка бросились бежать,

Выскочили из пещеры. Волк за ними вслед,
Прямо по чете счастливой, здесь не ждавшей бед.

Рухнул столп любви хозяйской. Рать увидел он,
На ноги вскочил, рычаньем, лаем оглушен.

Весь в земле, в пыли метался он по сторонам,
Что в его саду случилось — то не ведал сам;

В ужасе не понимал он, что ему начать,
Где спастись теперь — не знал он — и куда бежать?

Девы, что взялись усердно помогать ему,
Что от всей души хотели счастье дать ему,

Что стояли, словно стражи, на его пути,
Милую его схватили, не дали уйти.

«Что за подлые уловки? — ей они кричат. —
Ах ты этакая! Бесы, что ль, в тебе сидят?»

Долго ли еще ты будешь этак с ним шутить?
Иль по злобе хочешь вовсе в нем любовь убить?

Да ведь даже с незнакомым так шутить нельзя!
А тебе, злодейка, это извинить нельзя.

На какие ты уловки хитрые пошла,
Сколько раз его ты за ночь нынче прогнала?»

Та клялась, что невиновна, начала рыдать.
Но подруги не хотели клятвам тем внимать.

Услыхал хозяин звуки гневных голосов,
Подоспел — свечу увидел между двух щипцов.

Их упреки и угрозы услышал ходжа,
На лице любимой слезы увидал ходжа.

«Стойте! — крикнул он. — Не смейте больше обижать
Ту, что нужно, как ребенка, нежно утешать.

Берегитесь вы и знайте — нет на ней вины,
Но дела судьбы и в малом кознями полны.

Как ни ловок муж проворный на пути земном,
Но всегда пребудет неба вечного рабом.

И сегодня нам не дьявол, а пречистый бог
Помешал и удержаться от греха помог.

Нам препятствия решило небо возвести,
И несчастью преградило все оно пути.

Тот, кого с дороги правды див не совратит,
Сердцем чист. А чистый сердцем зла не совершит.

Кто к греховному привязан от рожденья, тот
Стороною от дороги праведных идет.

Эту пери был бы каждый в жены взять счастлив.
Поступать нечестно с нею мог бы только див.

И неужто эту деву может оскорбить
Тот, кто мужествен, способен искренне любить!

По пути греха не может верный муж пойти,
Если встанет добродетель на его пути.

Если яблоню весною сглазит глаз дурной,
То никто плодов не вкусит с яблони такой.

Твари здесь на нас смотрели сотней тысяч глаз,
И поэтому не вышло ничего у нас.

Что прошло — пускай. Не будем плохо поминать.
В том же, что осталось, должен честь я сохранять.

Клятвой тайною и явной здесь поклялся я,
Перед небом и землю обещался я:

Если ночь благополучно наконец пройдет
И охотницу добычей дичь сама возьмет, —

То отныне я пред богом обручаюсь с ней
И по всем законам брака сочетаюсь с ней».

Девушки его речами были смущены,
Набожностью столь примерной были сражены.

Две сообщницы склонились перед ним главой,
Воскликая: «Слава чистой совести такой,

Что посеяла благие в сердце семена,
Что дурному совершиться не дала она!

О, как много мнимых тягот видим мы кругом,
Что нежданно озаряют счастьем и добром!

О, как часто от несчастий человек храним
Тем, что горько называл он бедствием своим!»

А когда светильник мира над горами встал
И сияньем с горизонта глаз дурной прогнал, —

Астролябии рассвета стрелка замерла
И столпы небес паучьей сетью оплела, —

С ярким факелом в деснице ветер прискакал,
И хозяина из сада в город он умчал.

От непрошенных помощниц тех освобожден,
Вновь султана знамя поднял по-хозяйски он.

Но вчерашней ночи пламя тлеющим костром
Вспыхивало — и сильнее пламенело в нем.

В городской свой дом вернувшись, слово он сдержал.
Цели он своей немедля добиваться стал.

С той ночной Луною браком сочетался он,
Уплатил калым достойный, как велит закон.

Этот голос у Бахрама дух воспламенил.
Шах от сказки и обмана взоры отвратил.

Видел: свертывают звезды бытия ковер,
Золотые своды замков превращая в сор.

Он семь куполов отвеял от очей, как сон;
В дальний — к куполу иному — путь собрался он.

Ведь один тот купол тленьем будет пощажен;
В нем до дня Суда правдивый дремлет, опьянен.

Семерых седых мобедов шах призвать велел,
Семь дворцов семи мобедам передать велел;

Вечный пламенник под каждым сводом засветил;
В храмы пламени жилища страсти превратил.

Стал шестидесятилетним старцем властелин;
Забелел в кудрях-фиалках седины жасмин.

Стал служить Бахрам, как богу, истине одной
И чуждался неизменно радости земной.

Но однажды, чуждым ставший ловле и пирам,
С избранными на охоту выехал Бахрам.

Но не ловля, не добыча в степь царя влекла:
Сделаться добычей неба — цель его была.

Рать рассыпалась по степи. Каждый повергал
То онагра, то косулю. Лишь Бахрам искал

Одинокую могилу для жилья себе.
Убивал порок и злобу бытия в себе.

В солонцах, где лань к потоку в полдень не стремится,
Где газели — зол громада, а онагр — гробница,

Вдруг онагр, резвей, красивей прочих, в облаках
Пыли показался, — мчался в сторону, где шах

Ждал его. Он понял: этот ангелом хранимый
Зверь ему указывает неисповедимый

Путь в селения блаженных. Устремил коня
За онагром. И могучий — с языком огня

Схожий легкостью и мастью — конь его скакал
По пескам, глухим ущельям средь пустынных скал.

Конь летел, как бы четыре он имел крыла.
А охрана у Бахрама малая была —

Отрок или два — не помню. Вот — пещеру шах,
Веющую в зной прохладой, увидал в горах!

Кладезем зиял бездонным той пещеры зев.
И онагр влетел в пещеру; шах — вослед, как лев,

В щель влетел, в пещере ярый продолжая лов;
Скрылся в капище подземном, словно Кей-Хосров.

Та пещера стражем двери стала для Бахрама,
Другом, повстречавшим друга в тайном месте храма.

Вдруг обвал пещеры устье с громом завалил
И Бахрамову охрану там остановил.

И хоть поняли: в пещеру эту нет пути,
Но обратно не решались отроки идти.

Вглядывались в даль степную, тяжело дыша, —
Не пылит ли войско в поле, шаху вслед спеша?

Так немалое в тревоге время провели,
Наконец к ним отовсюду люди подошли,

Увидали: вход в пещеру камнем заслонен,
И в мозгу змеи — змеинный камень заключен.

Отроки им рассказали всё, что знали сами:
Как Бахрам влетел в пещеру, как потом камнями

Завалился вход. Не верил отроков словам
Ни один: «Глупцы мальчишки вздор болтают нам!

Как слоноподобный телом богатырь Бахрам
Поместился в щель, где впору жить одним кротам?»

И не ведали, что, вещей увидавши сон,
В Индостан ушел скучавший на чужбине слон.

Он — слону подобный силой — скован роком был,
А расторгнуть цепи рока нет над солнцем сил.

Но чтоб местопребыванье шахское узнать,
Плетками юнцов несчастных начали стегать.

Громко закричали слуги, плача и божась,
Вдруг, как дым, из той пещеры пыль взвилась,
клубясь.

И раздался грозный голос: «Шах в пещере, здесь!
Возвращайтесь, люди! Дело у Бахрама есть».

Но вельможи отвалили камни, и зажгли
Факелы, и в подземелье темное вошли.

Видят: замкнута пещера в глубине стеной.
Много пауков пред ними, мухи — ни одной.

Сотню раз они омыли стену влагой глаз.
Шаха звали и искали сто и больше раз.

И надежду истощили шаха отыскать.
И о горе известили государя мать.

И, истерзанная скорбью, мать пришла Бахрама.
И она искала сына долго и упрямо;

Сердцем и душой искала, камни взглядом жгла,
Розу под землей искала — острый шип нашла.

Кладезь вырыла, но к кладу не нашла пути;
В темном кладезе Юсуфа не могла найти.

Там, где мать, ища Бахрама, прорывала горы, —
До сих пор зияют ямы, как драконьи норы.

И пещерою Бахрама-Гура до сих пор
Это место именуют люди здешних гор.

Сорок дней неустомимо глубь земную рыли.
Уж подпочвенные воды в ямах проступили

Мало молвить, что Бахрама между нами нет, —
И самой его могилы стерт веками след.

Не смотри, что в молодости именован тавром
Он клеймил онагров вольных на поле! Что в том?

Ноги тысячам онагров мощь его сломила;
Но взгляни, как он унижен после был могилой.

Двое врат в жилище праха. Через эти — он
Вносит прах, через другие — прах выносит вон. . .

Слушай, прах! Пока кончины не пришла пора:
Ты — четыре чашки с краской в лавке маляра.

Меланхолия и флегма, кровь и желчь — от ног
До ушей, как займодавцы, зиждут твой чертог

Не навечно. И расплаты срок не так далек.
Что ж ты сердце займодавцам отдаешь в залог?

Умершие, что в могиле темной лица скрыли,
Взятый в долг свой цвет и запах персти воротили.

И до дня Суда, години грозной и великой,
Ни один из них живущим не откроет лика. . .

Нашей жизни ночь — опасность; на путях у нас
Страх, и страж уснул, и шарит вор в домах у нас.

Пусть землю обольщенный землю ест. Но что ж,
Сильный, ты ножу слабейших сердце предаешь?

Хочешь, чтоб тебе подвластно стало небо, — встань
И, поправ его пятою, над землей воспрянь!

Не оглядываясь только, в высоту стремясь
Неуклонно, чтоб на землю с неба не упасть.

Твой кушак — светила неба. Ты — Танклуша
Звездных ликом. Цепи снимет с них твоя душа.

В каждом лике, как в зеркале, сам витаешь ты.
Что же знаменьями тайны их считаешь ты?

Но хоть ты от ощущений звезд всегда далек, —
Дух твой, разум твой навеки светы их зажег.

Кроме точки изначальной бытия всего,
Всё иное — только буквы свитка твоего.

Знай: ты страж престола бога и его венца.
Ведома тебе дорога мудрости творца.

Ты гляди на добродетель, только ей внимли,
Не уподобляйся гаду, что ползет в пыли.

Помни: всё, чем обладаешь, — ткали свет и тьма.
Помни: всё, чего желаешь, — яркий луч ума!

О, скорей от рынка скорби отвори лицо!
Огонь, вода, земля и воздух здесь свились в кольцо.

Хоть четыре дымохода в хижине — тесна
И темна для глаз и сердца и душна она.

Две есть двери в мире, словно в воровском дому.
Этот мир мы тащим, словно странничью суму.

Помни: до того, как будешь изгнан из села, —
Собери свои пожитки и навьючь осла.

В путь возьми с собою душу, тело позабудь:
Тело — тяжкий груз, и труден будет дальний путь.

В мир вступая, ведай: скоро должен ты уйти
Прочь. Так будь же осторожен на своем пути

Через этот мир. Умом он быстрым наделен, —
Медленный в борьбе с тобою, быстр в убийстве он.

Пусть неправосудно пленник будет им убит —
В списке смерти ни единый им не позабыт.

Хоть сто тысяч раз сыграешь ловко, всё равно
Благ земных не вкусишь больше, чем предрешено.

Льдом окованный есть в чаше неба водоем.
Чтобы не застыть навеки в дивно ледяном

Воздухе высот, куда мы скоро отойдем, —
Надо сделаться живыми, прежде чем умрем!

Царь земной, стоящий в славе, словно небосвод,
В час негаданный утратит славу и умрет.

Никому не подначальный мир убил его;
Ни за что бегущим диском раздавил его.

Но росы медвяной капли с терна бытия,
Смертный, собирай — покамест длится жизнь твоя,

Чтоб о них у двери мрака ты не пожалел —
В час, когда исторгнут душу меч и жала стрел.

Ты отринь отраду мира, прежде чем уйти
В смерть, чтобы успеть от смерти душу унести.

Человек двумя делами добрыми спасет
Душу: пусть дает он много, мало пусть берет.

Много давшие — величья обретут венец.
Но позор тебе, обжора алчный и скупец.

Только тот достоин вечной славы, кто добра
Людям хочет, ценит правду выше серебра.

Можно ль привязаться к службе — даже у царей, —
Что беременна опалой близкою твоей?

Не гляди на взлет надменный башни в облаках,
Помни, что и эти стены превратятся в прах.

Что ты мнил своим минбаром — плахою твоей
Делается. Что ж робеешь? Будь смелей пред ней!

Смертный пусть до звездной сферы вознесет венец,
Но земное вниз земного свергнет наконец.

Пусть Хосров, достигнув неба славой дел своих,
Дань берет с семи великих поясов земных —

Всё же в некий день увидишь мертвым и его,
Обездоленным, лишенным на земле всего.

Нападений тьмы избегнуть не вольна земля.
На сокровищнице мира бодрствует змея.

Сладкий сок имеет финик и шипы свои.
Где целительный змеинный камень без змеи?

Всё, что доброго и злого судьбы нам дарят, —
Это суть: услада в яде, и в усладе яд.

Был ли кто, вкусивший каплю сладкого сначала,
Вслед за тем не ощутивший мстительного жала?

Мир, как муха, у которой медом впереди
Полон хоботок, а жало с ядом — позади.

Боже! Дай всегда идти мне правильным путем,
Чтобы мне раскаиваться не пришлось потом!

Двери милости отверзни перед Низами!
Дом его крылом, хранящим в бурю, обними!

Дай ему сперва ты славу добрую в удел;
Дай же под конец благое завершение дел!

Г. КНИГА О СЛАВЕ

О ПРИЧИНАХ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

В ночь, светившую мне, как нам светит рассвет,
Словно данную утренним просьбам в ответ,

Ясный месяц сиял светом тихим и томным
Над землею, покрывшейся мускусом темным.

Смолк житейский базар. Шум вседневный потух.
Колокольчик верблюда не мучил мой слух.

Страж ночной задремал. Подчинясь небосводу,
Утро светлую голову спрятало в воду.

Отряхнув свои руки от суетных дел,
На себя я оковы раздумий надел.

Свое сердце раскрыв и закрыв свои очи,
Думал я, как бы мне в свете сладостной ночи

Поудачней расставить потайную сеть.
Наилучший улов мне хотелось иметь.

Бросив тело свое, этой ночью бессонной
Я пошел по долинам души вознесенной.

То мне, полная тайны, мерцала скрижаль,
То к страницам былым уносился я вдаль.

И огонь снизошел и потек моим садом,
Обожжен был мой ум этим пламенным ядом.

И полны опасений, взыскав пути,
Мысли долго не знали, куда им идти.

И кружились они в неустанном кипенье,
И узрел новый сад я в своем сновиденье.

В том саду, непохожем на наши сады,
Собирая плоды, раздавал я плоды.

Но проснулся плоды раздававший всем встречным,
И пылал еще мозг его сном скоротечным.

Возгласить муэдзину пришла черед:
«Он велик, сей живой, сей живущий всегда!»

И раздался мой стон в час вседневного бденья:
Я был полон пыланья ночного виденья.

Но лишь утро благое одело восток,
Ожил я, как рассветный живой ветерок.

И зажег я над сумраком реющий светоч.
Весь рассудок мой был — пламенеющий светоч.

Волхвовали, предавшись словесной игре,
Мой язык и душа, как Марут и Зухре.

Я промолвил себе: «Ты забыл свое дело,
А давно уже сердце творить захотело».

Новозданным и давним напевом согрет,
Летописцам ушедшим пошлю я привет,

Я смогу светлячка сделать светочем новым,
Взяв зерно, всех порадовать дровом плодовым.

Тот, кто вкусит мой плод, громко вымолвит: «Маг,
Это древо взрастивший, воистину благ», —

Если он не из тех, кто, так вымолвив, следом
Ловко выкрадет скарб, припасенный соседом.

Ну так что же! Весь блеск в моих замкнут словах.
Всех торгующих жемчугом я — шаханшах.

Я взрастил сладкий плод, для другого он — пища.
Он — крадущийся в дом, я — хозяин жилища.

Как поставить мне лавку на этом углу?
Каждый уличный вор что-то спрячет в полу.

Тут не сыщется лавки, к которой бы воры,
Чтоб ее обокрасть, не направили взоры,

Нет! Я — море. Не жаль мне сто капель отдать.
Сколько туч мне пошлют их опять и опять!

Хоть бы тысячу лун твоя длань засветила,
Быть им всё же с печатью дневного светила.

ПРИТЧА

Некий праздный гуляка, пьянчуга пустой
Подобрал на дороге динар золотой.

«К злату тянется злато», — промолвил меняла.
И бездельника жадность внезапно объяла.

И, к улову стремясь, он спешит на базар:
Там к динару притянет он звонкий динар.

Вот он в лавку заходит: блистают каменья, —
И глупец полон радости и вождельенья.

Денег целые груды, и счета им нет.
Сколько мелких, и средних, и крупных монет!

И прекрасной поживе душа его рада.
И метнул он динар в пламень этого клада.

На глазах у глупца в груди самой густой
В тот же миг затерялся его золотой.

Возмечтал он богатство умножить раз во сто,
Да мечта не сбылась. Так всё кончилось просто!

Ускользнула монета; простак, что есть сил,
Пред торговцем каменьями заголосил:

«Из всего, что даровано божьему свету,
Довелось получить мне лишь эту монету.

К злату тянется злато! — сказал это лжец! —
Так вопил на базаре взбешенный глупец.

«К этой лавке сокровищ бежал я с динаром.
На добычу надеясь, бежал я недаром:

Притянуть я к себе понадеялся клад.
Я пропал! Одурачен! Я жизни не рад!»

Рассмеялся тогда благородный меняла,
И сказал он глупцу, что с деньгой его стало:

«Единицу к себе тянет сотня всегда.
К одному не потянется сто никогда!»

*

Тем, кто в склад мой проникнуть пытается, скажем:
Эту притчу надежным поставил я стражем.

Много мельниц шумит, но, куда ни взгляну,
Нет нам пользы от них, всё идет на казну.

Пусть воруют! Я рад, что хоть мне нет укора,
Что меня посчитать не посмеют за вора.

Неуемых грабителей бояся в пути,
Осторожно меж ними старайся пройти.

Темнолицых бродяг по ложбинам укромным
Вдосталь скрыто. Весь мир они сделали темным.

Разжигать светлым днем им свой стыдно костер.
Друг на друга поднять им свой совестно взор.

А писцы даже днем — да покроются срамом! —
Всё скрипят и скрипят своим черным каламом.

Всё, что сделал в Гяндже я, не знающий лжи,
Воры шлют в Бухару. Их товар из Гянджи.

Но дешевый товар покупают с опаской.
Скупка тайного кончиться может оглаской,

А когда обнаружится тайна твоя,
На тебя ополчатся твои же друзья.

Коль не крикнет хозяин про дерзкие кражи —
Сбережет ли свой склад он от собственной стражи?

Но довольно! Напрасен и крик мой, и вздох.
Время всё разберет — кто хорош, а кто плох.

Не прервут небеса неуклонного хода.
Будет взвешено всё на весах небосвода.

О СВОЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Подойди ко мне, кравчий, налей мне вина,
Чтоб душа моя стала блаженно хмельна.

Нужен горький напиток! Не жду я веселья.
Чтоб забыл я себя, дай мне горького зелья!

*

Низами! Не пора ль свою славу забыть?
Ветхий днями! Нельзя вечно юношей быть!

Свое сходство с бесстрашными львами умножим.
Размышлявший не будет с лисицею схожим.

Говорят, что лиса на далекой Руси
Очень холит свой мех, но у ловчих спроси.

«Из-за меха и гибнет, — ответят со смехом. —
Мы лису обдерем и уйдем с ее мехом».

Все свою украшают циновку, а глядь,
Срок истек, и с циновки приходится встать.

Если б тварь не стремилась к заботливой доле,
Не пришла бы она к ее горестной доле.

Ненадежен шатер семикрасочный твой.
Даже зеркало мрачно, коль съедено ржой.

Ты не красная сера. Рубин ли ты серый?
Чтоб тебя отыскать, будут найдены меры.

Чародействовать брось! Разве ты чародей?
Лишь одни чародеи бегут от людей!

Ты, как все, — человек; человек же от века
Ищет связи с родною душой человека.

Если ты — ценный клад, но быть с нами не рад, —
Знай: в земле не один укрывается клад.

Что нам в том, если запертый сад перед нами,
Чем он полон — колючками или плодами?!

Юность канула, к жизни участие ушло;
«Мир, уйди», — если юности счастье ушло!

Юность — это прекрасное! В чем же отрада,
Если нам позабыть всё прекрасное надо?

Сад красив до поры, пока свежестью пьян,
Пред веселым самшитом смеется тюльпан.

Если ж ветер ворвется с холодной лавиной,
Если воров влетит в этот сад соловьиный,

Обнажится ветвей обездоленных сеть —
И узнает садовник, что значит скорбеть.

И погибнет рейхан, цветший здесь в преизбытке,
И забудут про ключ от садовой калитки.

Соловей! Смена дней всех страшнее угроз.
Пожелтели ланиты пылающих роз.

Был красив кипарис, да согнулся он вдвое,
И садовник ушел, замечтав о покое.

Пять десятков годов миновало, и вот
Ты, который спешил, ты уж ныне не тот.

Низко лоб ты под ношей склонил невеселой,
Утомился верблюд на дороге тяжелой,

Утомилась рука, что тянулась к вину,
Ноги стынут — едва ли я их разогну.

Синеватым становится старое тело.
Нет уж розовой розы. Лицо пожелтело.

Быстроходный скакун, он плетется едва.
И о ложе мечтает моя голова.

Утомился мой конь, столь привычный к човгану;
Понукать его к скачке я больше не стану.

Не прельщает усталого винный подвал,
И меня уж раскаянья голос призвал.

Дождь седой камфары пробежал над горою,
И в бессилье земля облеклась камфарою.

Вот из мира душа моя просится вон,
Вот моя голова славит сладостный сон.

Не доходят до слуха красавиц упреки.
Скрылся кравчий, и пуст мой кувшин одинокий.

Ум от шуток бежит, слух — от песенных слов.
Нужно молвить: «Прости». Я в дорогу готов.

Не в чертог — в скромный угол запрятаться мне бы:
Тянет руку ко мне ненасытное небо.

Взор свой радовать бабочкой люди не прочь,
Если светит свеча, озарившая ночь;

Но лишь только свечу уберешь ты из дома,
Страсть ночных мотыльков к ней не будет влекома.

В юных днях, когда ведал я пламенный жар,
Похвалялся я тем, что устал я и стар.

Засмеюсь ли теперь, если в сердце — печали,
Притворюсь ли юнцом, если веки устали?

Ведь блистает гнилушка, как светоч светла,
Лишь затем, что в саду беспросветная мгла.

Ведь блистает светляк и летает кичливо
Лишь затем, что во тьме быть блестящим не диво,

Если я уставал, если был я без сил,
У судьбы я спокойного крова просил.

И покой возвращал меня к жизни, — и снова
Я весельем сменял тишь спокойного крова.

А теперь, когда юности более нет
И не мне на востоке мерцает рассвет, —

Преклонить бы мне голову! Бедное тело
Дело жизни оставить уже захотело.

Коль в венце щеголять хочет радостный гость,
Нужен мускусу ему, не слоновою кость.

До поры, пока звезды, ведущие сроки,
Не сотрут моих дней неприметные строки,

Я в заботе, что стала мне так нелегка:
Сохранить свое имя хочу на века.

Я без усталости в кости играю в помощь
Утомленному телу. Ведь скоро в дорогу.

Я умчусь через мост на гилянском коне,
И вернуться в Гилян не захочется мне.

Много смертных помчалось по той же дороге!
Кто припомнит сидевших на этом пороге?

Путник, милый мне! Вспомни об этих словах.
Если ты посетить пожелал бы мой прах,

Всю непрочность гробниц ты увидишь, прохожий;
Рассыпается насыпь их тленных подножий.

Ветер прах мой развеет, по свету гоня,
И никто уж на свете не вспомнит меня.

Но, ладонь положив на могильный мой камень,
Ты души моей вспомни сияющий пламень.

Если слезы прольешь ты на прах мой, в ответ
На тебя я пролью свой немеркнущий свет.

Ты пошлешь мне привет — я приветом отвечу.
Ты придешь — и с высот опущусь я навстречу.

И о чем ни была бы молитва твоя,
Будет принята, верь, это ведаю я.

Ты живешь. Связи с жизнью и я не нарушу.
Ты мой прах посетишь — посету твою душу.

Не считай, что я сир, что безлюдьем томим.
Я ведь вижу тебя, хоть тобою не зрим.

За беседою помни ушедших навеки.
Не забудь о друзьях, чьи не вскинутся веки.

Если будешь ты здесь, чашу в руки возьми
И приди к тому месту, где спит Низами.

Хызр! Иль думаешь ты — светоч нашего края —
Что прошу я вина, жаждой пьющих сгорая?

От вина я благого сгоранья желал.
Украшать я сгораньем собранья желал.

Кравчий — божий гонец, чаша — чаша забвенья,
А вино огневое — вино вдохновенья.

Знай: другого вина не пригубил я, — нет!
Я всегда выполнял этот божий завет.

Коль забыл я хоть раз о велении строгом,
Будь запретно мне то, что дозволено богом.

НАЧАЛО РАССКАЗА И ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТИНЫ О РОЖДЕНИИ ИСКЕНДЕРА

Воду жизни, о кравчий, лей в чашу мою!
Искендера благого я счастье пою.

Пусть в душе моей крепнет великая вера
В то, что дам сей напиток сынам Искендера!

*

Тот, кто царственной книгой порадует вас,
Так, свой стих воскрешая, свой начал рассказ:

Был властитель румийский. Вседневное счастье
К венценосцу свое проявляло участие.

Это был всеми славимый царь Филикус.
Услужал ему Рум и покорствовал Рус.

Ионийских земель неустанный хранитель,
В Македонии жил этот славный властитель.

Он был правнук Исхака, который рожден
Был Якубом. Над миром господствовал он.

Чтил всё новое, думал о всем справедливым, —
И с овцой дружный волк был в те годы не дивом.

Так он злых притеснял, что их рот был закрыт,
Что повергнул он Дария в зависть и в стыд.

Дарий первенства жаждал, и много преданий
Есть о том, как с царя он потребовал дани,

Но румиец, правленья державший бразды,
Предпочел примиренья невзгодам вражды:

С тем, которому счастье прислуживать радо,
В пререканья вступить не разумно, не надо.

Он послал ему дань, чтоб от гнева отвлечь, —
И отвел от себя злоумышленный меч.

Дарий был ублажен изобилием дара.
Царь укрыл нежный воск от палящего жара.

Но когда Искендера година пришла,
По-иному судьба повернула дела.

Он ударил копьем — и, не ждавший напасти,
Дарий тотчас утратил всю мощь своей власти.

Старцы Рума составили книгу свою
Про отшельницу, жившую в этом краю.

В день, когда материнства был час ей назначен,
Муж был ею потерян и город утрачен.

Подошел разрешиться от бремени срок,
И мученьям ужасным обрек ее рок.

И дитя родилось. И, в глуши умирая,
Мать стонала. Тоски ее не было края:

«Как с тобой свое горе измерим, о сын?
И каким будешь съеден ты зверем, о сын?»

Но забыла б она о слезах и о стене,
Если б знала, что сын в божьем вскармится лоне

И что сможет он власти безмерной достичь
И, паря, обрести тьму бесценных добыч.

И ушла она в мир, непричастный заботам,
А дитяти помог нисходящий к сиротам.

Тот ребенок, что был и бессилён и сир,
Победил силой мысли все страны, весь мир.

Румский царь на охоте был вмиг опечален,
Увидав бедный прах возле пыльных развалин.

И увидел он: к женщине мертвой припав,
Тихий никнет младенец меж высохших трав,

Молока не нашедший, сосал он свой палец
Иль, в тоске по ушедшей, кусал он свой палец.

И рабами царя — как о том говорят —
Был свершен над усопшей печальный обряд.

А ребенка взял на руки царь и, высоко
Приподняв, удивлялся жестокости рока.

Взял его он с собой, полюбил, воспитал, —
И наследником трона сей найденный стал.

Но в душе у дихкана жила еще вера
В то, писал он, что Дарий — отец Искендера.

Но сличил эту запись дихкана я с той,
Что составил приверженец веры святой,

И открыл, к должной правде пылая любовью,
Что к пустому склонялись они баснословью.

И постиг я, собрав всё известное встарь:
Искендера отец — Рума праведный царь.

Всё напрасное снова отвергнув и снова,
Выбирал я меж слов полновесное слово.

Повествует проживший столь множество дней,
Излагая деянья древнейших царей:

Во дворце Филикуса, на царственном пире
Появилась невеста всех сладостней в мире.

Был красив ее шаг и пленителен стан,
Бровь — натянутый лук, косы — черный аркан.

Словно встал кипарис посреди луговины.
Кудри девы — фиалки, ланиты — жасмины.

Жарких полдней пылала она горячей...
Под покровом ресниц мрело пламя очей.

Ароматом кудрей, с их приманкою властной,
Переполнился пир, словно амброю страстной.

Царь свой взор от нее был не в силах отвлечь,
Об одной только дивной была его речь.

И в одну из ночей взял ее он в объятья,
И настал в жаркой мгле миг благого зачатья.

Словно тучей весенней провеяла мгла
И жемчужину в глуби морской зачала.

Девять лун протекло по стезям небосклона,
Плод оставил в свой час материнское лоно.

В ночь родин царь велел, чтоб созвал звездочет
Звездочетов — узнать, как судьба потечет,

Чтоб открыл ему тайну, чтоб в звездном теченье
Распознал звездных знаков любое значенье.

И пришел предсказателей опытных ряд,
Чтоб взглядеться в тот мир, где созвездья горят.

И, держа пред собой чертежи и приборы,
На движенья светил старцы подняли взоры.

В высшей точке горело созвездие Льва,
На предельный свой блеск обретая права.

Многозвездный Овен, вечно мчащийся к знанию,
Запылав, устремился от знания к деянию.

Близнецы и Меркурий сошлись и, ясна,
Близ Тельца и Венеры катилась Луна.

Плыл Юпитер к Стрельцу. Высь была
не безбурна:
Колебало Весы приближенье Сатурна.

ОБУЧЕНИЕ ИСКЕНДЕРА

Дай мне, кравчий, с вином сок целительных трав:
Хоть стремился я в рай, пил я горечь отрав!

Иль всплывет мой челнок, верный путь выбирая,
Иль пойду я на дно, и достигну я рая.

*

Отвергающий алчности шумный базар
Принимает весь мир как живительный дар.

Он достаток найдет — нет блаженной удела,
Чем нести мерный труд ежедневного дела.

Будет радость ему долгим веком дана,
Если сдержит он ход своего скакуна.

Он добро расточать не желает без счета
И не ведает скупости вечного гнета.

Всё жалеть — это жить в тесноте и с трудом.
Ничего не жалеть — бросить в печку весь дом.

Делай благо себе и родимому дому
Только так, чтоб не делать плохого другому.

Летописец из книги о царствах былых
Взял рассказ, — и его я влагаю в свой стих.

Филикус, осененный судьбою удачной,
Разодевший всё царство в наряд новобрачный,

Мудрым сыном был горд; был обрадован он
Тем, что честью владык Искендер наделен,

Что в очах Искендера сиянье блистало
То, которым блистать его сану пристало.

Всех достойных отцов тем гордятся сердца,
Что достоинством отпрыск достоин отца.

«За науки, мой сын! Высшей ценности камень
Только после граненья проявит свой пламень».

Никумаджис премудрый — а был он отцом
Аристотеля — начал занятия с юнцом.

Сердце отрока речи премудрой внимало,
И наук изучаемых было немало.

Строй всех царственных дел, изощренность
искусств —
Всё для силы ума, для кипения чувств.

Царский сын привыкал к тем наукам служенью,
Размышленью над коими — путь к постиженью.

Мудрый старец жемчужину мира повел
В полный славою звездной возвышенный дол.

Он открыл ему высшее. Много ли встретим
Тех, кому довелось открывать это детям?

Целый год достославный царевич свой слух
Лишь к наукам склонял; был он к прочему глух.

Острым разумом в глуби наук проникая,
Он блистал, острословьем людей увлекая.

Аристотель, с царевичем вместе учась,
Помогал ему; крепла их братская связь.

Были знанья отца не к его ли услугам?
И делился он ими с внимательным другом.

Никумаджис, наставник, увидеть бы рад,
Что царевича разум — сверкающий клад.

И усилил старанье он в деле науки, —
Ведь сокровища клада дались ему в руки!

Видя небом царевичу данный указ,
Он проник в него зоркостью пристальных глаз.

Пожелав, чтоб и сын упомянут был тоже
В том указе, который всех кладов дороже, —

Вместе с сыном вступил он под царственный кров
С речью важной и полной пророческих слов:

«Ты возрастешь до небес, и тебе станет вedom
Путь на быстром коне от ученья к победам.

Всех неправых мечом ты заставишь молчать,
Ты свою в целый мир скоро вдавишь печать.

О державе твоей будут сонмы преданий,
Семь кишверов тебе вышлют пышные дани.

Все державы земли сделав царством одним,
Примешь в руки весь мир, вечным счастьем храним.

Вот тогда-то припомни былые уроки,
Жадность брось — от нее все иные пороки.

Почитая меня, с моим сыном дружи,
Всё, чего он достоин, ему окажи.

Согласуй с его мнением дела своей славы,
Ибо мудрый советник дороже державы.

Ты — счастливый, а в нем — верных знаний полет.
Для счастливого знающий — лучший оплот.

Там, где ценится ум, неусыпное счастье
Тотчас в судьбах правителя примет участие.

И удача, сверкая, умножит свой свет,
Если примет он мудрости должный совет.

Чтоб достичь до луны многославным престолом,
По ступеням науки всходи ты над долом».

И царевич дал руку учителю в знак,
Что он выполнит всё. И он вымолвил так:

«Верь, лишь только свой трон я воздвигну над миром,
Сын твой будет моим неизменным везиром».

Я советов его не отвергну, о нет!
Размышляя, приму его каждый совет».

Да! Когда для него стало царство готово,
Искендер, воцарившись, сдержал свое слово.

Разгадал Никумаджис — глава мудрецов, —
Что дитя это сломит любых гордецов,

И чертеж ему дал — тот, в котором для взора
Были явственны знаки побед и позора.

«Всё, — сказал он, — исчисля, вот в эти лучи
Имя вражье и также свое заключи.

В дни войны ты все линии строго исследуй,
Узнавая, чей круг обозначен победой.

Увидав, что врагу служат эти черты, —
Устрашайся того, кто сильнее, чем ты».

Мудрый труд почитая услугой большою,
Взял чертеж Искендер с благодарной душою.

И в грядущем, средь бурных и радостных дней,
Он заранее знал о победе своей.

Так он жил, преисполнен огня и терпенья,
И котлы всех наук доводил до кипенья.

И затем что он к мудрости был устремлен,
О всех старцах премудрых заботился он.

В деле каждом считался он с мастером дела —
Потому-то удач и достиг он предела.

А царевича сверстник, наперсник и друг
Изучал всех искусств обольстительный круг.

Очень ласковым был он всегда с Искендером,
В дружелюбие служа ему должным примером.

И не мог без него Искендер повелеть
Даже слугам на вертел насаживать снедь.

К Аристотелю шел он всегда за советом,
Все дела озарял его разума светом.

И над высями гор продолжал небосвод
Свой извечный, крутящийся, медленный ход, —

И ушел Филикус из пристанища праха,
И наследного свет заблистал шаханшаха.

Что есть мир? Ты не чти его смертных путей,
Уходи от его кровожадных когтей.

Это древо с шестью сторонами четыре
Держат корня. Мы, пленники, распяты в мире.

Веют вихри, и листья на дереве том
Увядают, — и падает лист за листом.

Любование садом земным скоротечно.
Нет людей, что в саду оставались бы вечно.

И возрастают посевы своею чредой.
Всходит к небу один, смотрит в землю другой.

Ты желаешь иль нет, — здесь не будешь ты доле,
Чем другие. Не думай о собственной воле!

У людей своевольных — так было досель —
На базаре воры вырезают кошель.

Ты у мира в долгу — всех гнетет он сурово.
Что ж! отдай ему долг и уйди от скупого.

*

Шорник шел с кузнецом. Их задача была
Получить старый долг от больного осла.

Сбросил серый седло со спины своей хилой,
С ног подковы стянул с неожиданной силой.

И, свободно дыша, все отдавши долги,
Отдохнул. Смертный! Так же себе помоги!

Пылен путь бытия. Без печали и страха
Кинь свой долг и уйди от пылящего праха.

ИСКЕНДЕР ВОСХОДИТ НА ТРОН ОТЦА

Вновь забвенья хочу! Дай мне, кравчий, вина,
Чтоб сверканьем была эта чаша полна!

Дай вина, что играет, с невзгодами споря,
Что врачует сердца изнуренных от горя!

Тот, кто смел на слова налагать свой запрет,
Разломил на базаре немало монет.

Подбирать их, поверь, мне была неохота —
Я ведь знал: это — медь, хоть на ней позолота.

Если б вел я свой перст по ошибкам других,
Все бы знали, что им не покорствует стих.

Но моя так прочна и надежна опора,
Что не хочет мой перст ни укоров, ни спора.

Хоть моих зложелателей знаю дела,
Никому не желаю ни горя, ни зла.

Чашу с ядом я пью, и в томленье глубоком
Я ищу добродетели, спорю с пороком.

По пути своему, что был труден и благ,
Я ступал, и всегда был уверен мой шаг.

Я дубил эту кожу, трудясь без обмана,
Чтоб на ней ни следа не осталось изъяна.

И всечасно молюсь я на этом пути,
Чтоб господь не позволил с него мне сойти.

Тот, кто чертит рисунок, достойный черченья
(Только точный рисунок исполнен значенья),

Так намерен свой новый рисунок начать:
На весь мир налегла Искендера печать,

Вновь румийский венец засверкал, — и повсюду
Правосудье царя стало ведомо люду.

Всё, что было отцом установлено, он,
Обсуждая, вводил в обновленный закон.

Соблюдая незыблемо все договоры,
Не расширил границ и не вызвал он ссоры.

Все цари, Филикусу подвластные, с ним
Не хотели войны; мир был всюду храним.

То же золото Дарию слал он, что встаре
Получал от отца его сумрачный Дарий.

И быстрее, чем отец, привлекал он сердца,
И бросал всех он в трепет быстрее отца.

И хоть в силе достиг наивысшей он грани,
Не с кем было померяться силою длани.

Мощь руки Искендера была такова,
Что вязал он узлом ухо мощного льва.

Веселясь, вскинув лук, предназначенный к бою,
Сотни стрел он метал с быстротою любовью.

Лишь охоту на львов себе ставил он в честь,
А убитых онагров нельзя было счесть.

Он храбрейших дивил, и вещают сказанья,
Что мудрейших сражал он обилием знанья.

И чертой своей черною первый пушок,
Словно мускусом, щеки его обволок.

И сей мускус, владыку чертой своей теша,
Зачеркнул все черты очертаний Хабеша.

Да! Когда всех границ рассечет он черты,
Чертежей всего мира порвутся листы.

Был могуч его стан, сердце знаньем блистало.
Лишь подобным ему быть на троне пристало!

Всё, чего он искал, всё, чего он хотел,
Дивной помощью звезд получал он в удел.

Стал курильницей Рум, полный блеска и славы,
Будто бросили в Рум ароматные травы.

В каждом доме изваянный был Искендер.
О румийском царе ведал каждый кишвер.

То свои он являл для собрания тайны,
То один проникал в мироздания тайны.

На пирах пил вино меж веселых юнцов,
В одиночестве помнил слова мудрецов,

Столько дел милосердья свершил он, что людям
Вспомнить всё не дано; исчислять их не будем.

Он решал только то, что другим не во вред.
Он в решениях шел правосудию вслед.

Снял он подать с купцов; в довершение помощи
С горожан приказал снять повсюду налоги.

Все поборы с дихканов сложил, и дары
Нес он бедным, не знавшим счастливой поры.

Тратя денег на зданья за грудую груду,
Он все терны подсек, — розы были повсюду.

Стал он славен везде. Им посаженный сад
Внес в Хабеш и Египет благой аромат.

Были руки его словно молнии в туче.
Та — с венцом, эта — меч поднимает летучий.

Руки — чаши весов, та и эта нужна:
Эта — золотом, та — вся железом полна.

На престоле своем он, внимающий многим,
То как злато сиял, то железом был строгим.

Он был столь справедлив, столь сиял его ум,
Что весь мир восклицал: «Как блаженствует Рум!»

Аристотель, придворный советник, о друге
Ведал всё: о делах его знал, о досуге.

Искендер слушал мудрого каждый совет,
Потому-то так скоро прошел он весь свет.

Если властный велик и советник на славу,
Весь последует мир их благому уставу.

Все дела властелина, поправшего мир,
В строй разумный приводит разумный везир.

Царь Махмуд и другой, что звался Справедливым,
Побеждали хосроев затем, что счастливым

Обладали рассудком: в военные дни
Все советы в расчет принимали они.

Наш властитель, советам везиров внимая,
Покорил царства мира от края до края.

Пусть болят все суставы больных наших ног,
Горше было бы, если бы шах занемог.

Поскользнется нога властелина, и разом
Помутится страны пошатнувшийся разум.

Если встанет злокозненный, всех победив,
То сообщником смуты окажется див.

Ты несешь справедливость великой отчизне.
Служит нам справедливость источником жизни.

Миродержец! Дай миру свой мирный указ!
Да не меркнет наш мир от злокозненных глаз!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД ЗИНДЖАМИ

Дай мне, кравчий, вина, и прошу об одном:
Дай мне также и яства с пьянящим вином!

Я хочу, чтоб с вином вся душа была слита,
Чтоб от адских огней в нем была мне защита.

*

Я плодов жду от царского дерева. Сень
Оно даст мне отрадную в радостный день.

Стол плодами украсив и тенью благою,
Мне позволит оно предаваться покою.

Ведь весна надо мною светло поплыла —
Пусть и осень с плодами мне будет светла!

Если дерево скоро блеснет урожаем,
Разве острой пилой мы ему угрожаем?

Дни зимы отошли. Наступила весна,
Возле звонких ручьев уже зелень видна.

С амброй мускус фиалка слила, — и повсюду
Влажный прах приготовил простор изумруду.

И проснуться нарциссу настала пора,
Над землей забелела его камфара.

И хранилищ своих растворил я затворы,
Знамя в небо подняв. Овевая просторы,

Тайный вестник в зеленых одеждах, Суруш —
Утешитель всегдашний взыскующих душ,

Тихо вымолвил: «Встань. Размышления клады
Расточи. Будут жемчугу смертные рады».

Но куда же, победную славу храня,
Искендер-победитель направил коня?

Тот, кто ведает мир стародавний, далекий,
Так свои развернул полнозвучные строки:

Когда счастье к царю свой направило взгляд,
Он раскрылся, как роза, он счастьем был рад.

Он сокровища рóздал мечтавшим об этом,
Дал он доступ войскам к жемчугам, к самоцветам.

Пребывал он с неделю на месте одном
(Там, где бой протекал), услаждаясь вином.

Вышел дождь-водонос, добрым посланный богом.
И постельничий-ветер прошел по дорогам.

И беспыльными стали в пустынях пути, —
И по ним стало войску нетрудно идти.

Чтоб закончить поход, это добрый был повод,
И в седло сел Великий, и взялся за повод.

Загремел барабан, и назначили сбор,
И на мулов навьючили царский шатер.

И от франкского моря до самого Нила,
Клича к сбору, труба грохот распространила.

Колокольцев верблюжьих томительный звон
Завучал по путям, стал немолкнушим он.

Бубенцы золотые звенели на мулах, —
И весь мир был в бряцаньях, и в звонах, и в гулах.

И отрядов река потекла и течет,
И неведом отрядам сверкающим счет.

Меж охранных рядов едет царь на красивом,
На павлиноподобном коне горделивом.

Вот скупая пустыня осталась вдали,
И до Нильской долины отряды дошли.

Столько желтых и рдяных значков запестрело,
Что всё небо в двухцветных узорах горело.

Всюду высились груды добычи. Коней
Отягчали между драгоценных камней.

Для слонов (тяжкий груз был едва им по силам)
Сто мостов многомошных воздвигли над Нилом.

С этой пышностью дивной, взнеся в синеву
Свою гордую, в царском уборе главу,

Царь в Египет вступил. Обласкав население,
Не одно он премудрое дал повеленье.

Из Египта он к морю направился. Там
Дал он отдых себе и победным войскам.

На стоянке любой сей венец мирозданья,
Всё вокруг оглядев, строил новые зданья.

Не жалея казны, с ясным блеском ума,
По-румийски он стройные строил дома.

Заселял он свой путь; и богатства Двурогий,
Как песок, рассыпал вдоль песчаной дороги.

И построил он город: морская волна
Омывала его. Был он словно весна.

В нем возникли базары, взросло насажденье,
Как в раю, в нем узнал бы одно наслажденье.

Искендер этот город воздвиг, — потому
Имя царское так подходило ему.

Вызвав чудо, что встало в достоинстве рядом
Со столицей Египта и с пышным Багдадом,

Вспомнил царь ионийцев их горы, их дол:
Человек жаждет мест, из которых пришел.

Он отплыл, и забыл он о берегу плоском,
Но под перстнем его страны сделались воском.

Этот воск он игрой своих царственных дум
Мог уверенно мять. Возвратился он в Рум.

И явились к царю все вельможи с хвалами,
Стали жемчуг они осыпать жемчугами.

Светлых дней к ионийцам пришла череда;
Украшали, как в праздник, они города,

Пели песни, подарки везде раздавали.
Так, судьбу восхваляя, они ликовали.

Царь, топтавший конем каждый вражеский дол,
Под благою звездою взошел на престол:

Рок победным венцом осенил его темя,
И весельем украсил он царское время.

Из добычи войны, без расчета и мер,
Раздарил сколько мог властелин Искендер.

Он из груди добыч, теща царскую волю,
Всем соседним краям дал обильную долю.

А когда он для Дария выслал дары,
Цепь верблюдов могла бы достичь Бухары.

Царь достойным послом с необычною данью
Выбрал мужа, чей ум устремлялся к познанию.

Отобрал он диковинок много; они
Лишь сокровищам сказочным были сродни:

Драгоценности, кони, парча, ароматы,
Золотые подносы для царской палаты,

Амбра в ста сундуках, мускус, посланный в дар.
Кто бы взвесить сумел на обычный харвар?

Серебро при нагрузке слепило все взоры,
Камфары были посланы целые горы.

С узловатым алоэ послал он тюки,
Из жирафовой кожи послал чепраки

И большие мечи. В упаковках дорожных
Притаились рубины на царственных ножнах.

Он отправил услужливых девушек рой
И для службы любой — ловких юношей строй,

Драгоценные троны из кости слоновой,
Все в камнях, и каждый с короною новой.

И послал он в цепях черных мощных рабов,
Страшных сумрачной мглою нахмуренных лбов.

Слал он уши врагов по дороге знакомой,
Слал и выюки голов, начиненных соломой.

Он дарил сто слонов — сто самцов, что свою
Непомерную ярость явили в бою.

Вот какой караван с необычною данью
Царь отправил в Иран! И когда, по преданью,

Караван, для присмотра врученный гонцу,
Тот в столице Ирана привел ко дворцу, —

Был смущен властный Дарий неслышанным даром.
И внезапная зависть прожгла его жаром

И на разум смятенный простерла права.
Он забыл благодарности должной слова

И своим неуместным и злобным ответом
Дверь вражды растворил, не подумав об этом.

И посол повторил его грубую речь
Искендеру, чтоб Славного предостеречь.

Оскорблен был Великий, но даже и вида
Он не подал, — укрыта была им обида.

Сознавал он свой сан, он победой блистал.
Он к злокозненным злобы в душе не питал.

И летела молва в мир, исполненный шума,
О победе над зинджами славного Рума.

И спешили послы в прославляемый Рум
Изъявить свою радость властителю дум.

И никто о румийцах не молвил с упреком, —
Им была беззаботность ниспослана роком.

Рок, по воле своей слабым счастьем поя,
Змея страшного вмиг обратит в муравья.

Жернов мельницы кружится. Мельник проворно
От людей принимает за зернами зерна.

УЧЕННЫЕ ДЕЛАЮТ ДЛЯ ИСКЕНДЕРА ЗЕРКАЛО

Виночерпий, приди! Дух поникнувший мой
Ты пурпурным вином от печали омой.

Дай в саду моем травам сияньем единым
Заблестеть с этим сладким и ярким рубином!

*

Есть блаженные дни: чуть развеется мгла,
В твои мысли проникнут благие дела,

И всё то, что создашь, что упрочишь с отрадой,
В долгой жизни твоей тебе станет наградой.

Из тумана предчувствий поднявши чело,
Зришь по звездам: грядущее будет светло.

И во мраке заблещет нам радостный случай:
Светлый дождь посылается сумрачной тучей.

Двери помощи, друг, пред собой не закрой,
И тоска и печаль нам полезны порой.

Наши тяжкие вздохи — источник надежды:
Внемлет им сам господь, к нам склоняющий вежды.

Так не хмурь свои брови в предчувствии бед,
Посмотрись лучше в зеркало славных побед.

*

Блеск румийской парчи возврата воспрятью,
Так рассказчик начало скрепляет печатью:

Когда смог Искендер всех к румийцам привлечь,
Миру зеркалом стал его царственный меч.

Чтоб земля, как невеста, надела уборы,
На свой образ бросать ей ведь надобно взоры.

До царя Искендера не знали зеркал,
Но указ его царский к ним путь изыскал.

Серебро вместе с золотом сплавил. Сплаву
Дали блеск. Налощили поверхность на славу,

Но хоть сплав и сиял золотистым огнем,
Отражения чистого не было в нем.

Мастера много разного брали металла,
И негодный металл их рука отметала,

Но железо, им всем с отраженьем представ,
Доказало, что в нем есть им нужный состав.

И ковач, помышляя о зеркале плоском,
Создал гладь, отражавшую всё своим лоском.

Чтя весь мир, взял художник сверкающий лист
И увидел, что мир в нем и ясен и чист.

Но нашли очерк зеркала всё же не сразу.
В нем неверным сперва всё мерещилось глазу.

В узком зеркале — узкий увидели лик.
А в широком — широкий пред взором возник.

И четыре угла негодились. И странным
И неточным был мир на листе шестигранном.

И для зеркала круглое было дано
Очертанье. Таким и осталось оно:

Как бы круглое зеркало длань ни вздымала,
Отражение в нем не менялось нимало.

Так железо, блистающим водам под стать,
Царь принудил в созданье своем заблестать.

Если смотришь ты в зеркало, — значит, примера
Всё еще не забыл ты царя Искендера.

В день, когда в круглом зеркале грубый состав
Стал сиять и железо смягчило свой нрав, —

Первым царь поглядел на поверхность благую.
Изумила одна драгоценность другую.

И, лица своего увидавши овал,
Краю зеркала царь поцелуй даровал.

И невесты с тех пор — есть на то указанья —
Перед свадьбою зеркалу дарят лобзанья.

**ДАРИЙ ТРЕБУЕТ ОТ ИСКЕНДЕРА ДАТЬ.
ОТВЕТ ИСКЕНДЕРА**

Кравчий! Чашу, как яркое зеркало, дай!
Ее место в руке! Как блестит ее край!

Выпью чашу — и стану властней Кей-Хосрова!
И весь мир я увижу, коль выпью я снова.

*

Поспеш! От неправды ладони омой!
Будь правдив, чтоб указ этот выполнить мой!

Для чего у земли твоя служба радива?
Это — гулей дорога, пристанище дива.

Мир возьмет всё, что дал, — дал за много годин,
Он давал по глоткам, а отнимет — кувшин.

Так вода дождевая сберется и вскоре
Обратится в поток, убегающий в море.

Так пойдем, будем веселы, друг мой! Зачем
За дирхемом беречь каждый новый дирхем?

Смерть предстанет в пути. . . с ней не сыщется слада,
Что ж не сыпать нам золото нашего клада!

Ведь Карун, все сокровища мира собрав,
Всё же скрылся в земле под покровами трав.

В сад Шеддада внесли кирпичи золотые,
Но пресек смертный час его грезы пустые.

Нет деревьев на свете, которых вовек
Топором не ударит седой дровосек.

*

Описавший престол, и венцы, и уборы
Начал так: славный царь, все прельщающий взоры,

В некий день, полный неги, среди опыхал
От превратностей рока в тиши отдыхал.

То с пустой был он чашей, то, лалом играя,
Наполнялась та чаша до самого края.

Был он мудрости — друг. Был он знанью — сродни.
Мудрецы были с ним. Не хмелели они,

И, внимая звучанью различного лада,
Разрешать все вопросы была их услада.

Искендеру, сидевшему с чашей вина,
Толковал звездочет всех светил письмамена.

И сверкали все чаши, как в молнийном блеске.
В винах сладость была, и веселье — в их плеске.

И у внемяющих струнам кружились умы
И от песен полны были сладостной тьмы.

Слезы чаш воскрешали печали, и стона
Был исполнен сладчайший напев органона.

О, смычки! От их сладких ударов смогло
Переполниться влагой сухое русло.

И в чертоге, который от края до края
Был в цветах, словно сад благодатного рая,

Искендер-повелитель, хранимый судьбой,
Возвышался, как месяц в ночи голубой.

Появился гонец, послан Дарием. Словом
Он владел, был он знатен, казался готовым

Быть почтительным. Выполнив рабский поклон,
Восхвалил Искендера и Дария он.

И, румийца прославив и блеск его сана,
Начал он излагать пожеланья Ирана.

«Дарий шлет свой привет, — он промолвил, —
и царь'
Просит дани, ему посылавшейся встарь.

Почему ожерелья, венцы и камня
К нам отправить опять не дал ты повеленья?

Или немощ увидел ты в наших делах,
Что оставил тебя твой почтительный страх?

Ты к былому вернись. Наш указ тебе ведом,
Приведет тебя спесь к неожиданным бедам».

Вспыхнул царь Искендер... И, внезапно и яр,
Пламень сердца словам дал неистовый жар.

Так царя Искендера нахмурились брови,
Что посланец запнулся на прерванном слове, —

И, увидев такой непредвиденный гнев,
Он с трепещущим сердцем стоял, побледнев.

Лютым жаром охвачен был царь, и, досаду
Изливая, рассудка забыл он преграду.

Много слов он сказал, устранивших гонца, —
Как порой говорит обладатель венца.

У кого есть решенья благая основа,
Тот, забывшись, не скажет излишнего слова.

Если можешь ты в ярости сдерживать речь,
От врагов ты сумеешь себя уберечь.

Хоть бы в речь свою вплел ты слова величанья,
Всё же речь твоя будет опасней молчанья.

Ведь «язык твой из мяса» — я слышал слова.
«Из железа — клинок». Поговорка права.

Коль не прячешь ты гнева, горящего в жилах,
То себя самого охранять ты не в силах.

Некий муж, что от Кея вел славный свой род,
Описал всех событий стремительный ход:

В дни, когда драгоценности, шлемы, престолы
Посылались из Рума в иранские доли,

Золотое яйцо, это ведал посол,
Меж даров жадный Дарий однажды нашел.

И ковер, шитый золотом, послан был тоже, —
Тот ковер, что казался всех кладов дороже.

И лишь поднял гонец слов настойчивых меч
И о дани былой вновь повел свою речь,

Закричал повелитель всех смертных созданий:
«У всеславного льва ты потребовал дани!

Всё иначе пошло! Дней не стало былых!
Нет уж более в гнездах яиц золотых!

И ковры эти древние свернуты роком!
Не мечтай, что бывшее вернешь ненароком!

Не всегда из горы добывают рубин,
Мир то — в мире, то — в громе военных годин.

Длительная заносчивой речи тебе не пристало!
Иль желаешь, чтоб снова железо блистало?

Счастлив будь, что мечом я железным твой трон
И не тронул, — что всё еще держится он!

Если, выйдя на зинджей поспешным походом,
Не подверг твое царство я бранным невгодам,

Ты, довольный сокровищ приняв от меня,
Должен дать мне покой! Или с этого дня

Буду мыслить о схватке вседневно, всечасно.
Не влечи меня к этому, это опасно!

Я отрину любовь! Ты узришь, побледнев,
Мою грозную власть, мой играющий гнев!

Иль забыто тобою, безумным владыкой,
Что за головы снес я в пустыне великой?

И в какие пределы водил я войска
И каких силачей бьет вот эта рука?

Тот, кто слал тебе в дар и венцы и каменя,
Не пошлет тебе дани как знак униженья.

Меч египетский мой ты увидишь — не дань.
Ты о золоте, царь, говорить перестань.

В неоглядную даль я простер свои длани,
Только равный с меня мог бы требовать дани!

Грозной смуты не сей, своей спеси не дли, —
Или станешь бедой для иранской земли.

Тебе мир и покой и достаток подарен, —
Так не будь за блага эти неблагодарен.

Сохрани свой Иран, пожалей свои дни,
Мысли праздные быстрым пером зачеркни.

Ты за данью послал — труд свершил ты напрасный.
С властным ты говоришь — будь почтителен,
властный».

Это выслушав слово, иранский посол
Позабыл пожеланье, с которым пришел.

В своем сердце почувствовав тяжкую рану,
Он сейчас же помчался к родному Ирану.

И когда у престола отчет был им дан,
Он увидел: высокий сгибается стан.

И гонца утрашил своим яростным криком
Грозный Дарий, вскипевший во гневе великом:

«Он твердит, что со мною он равен? О нет!
С его именем нету на свете монет».

Столько злости и жгло и терзало владыку,
Что желтело лицо у внимавшего крику.

Но со смехом внезапным царь вымолвил: «Вот
Что решился творить голубой небосвод!

Дел, подобных сему, свет не видывал встаре.
Искендер захотел, чтоб унизился Дарий!

Искендер!.. Хоть бы Кафские встали хребты!
Кто взнесется, скажи, до моей высоты?

Хочет мошка с орлом состязаться! На горе!
Он — мельчайшая капля, я — мощное море!»

И, немедля посла вновь отправивши в Рум,
Стал ответа он ждать; был он тих и угрюм.

Он и мяч и човган дал в дорогу вельможе,
Хмурясь, мерку кунжута послал он с ним тоже.

Тайну этого дара открыл он послу,
И зажгла злая радость очей его мглу.

И посол вновь помчался знакомой дорогой,
Чтоб свершить всё, что следует, с точностью строгой.

Но когда пред румийским предстал он царем,
Весь он вспыхнул в смущенье нежданным огнем...

И, чело опустив, он склонился с поклоном
И простерся, как раб, перед блещущим тронном.

И затем стал плести он словесную нить,
Чтоб сладчайшею речью слух царский пленить:

«Повелители мира дают повеленья,
Посылают послов лишь для их выполненья.

Что исполнить велишь, повелитель земли?
Всё исполню я, раб, распростертый в пыли...»

Но постиг Искендер: что-то скрыто за лестью
И явился посол с неотрадною вестью.

Закричал он послу: «С чем ко мне ты пришел?»
И словесную нить вмиг распутал посол.

Привезенные вещи под пристальным взглядом
Он достал и с собой положил он их рядом.

Открывая подарок для царственных глаз,
Выполнять он стал Дария строгий указ.

О човгане с мячом речь повел он сначала:
«Ты — дитя, а дитяти — забава пристала.

Ну, а если ты всё же затеешь войну,
Лишь тревогу ты сыщешь, тревогу одну!»

И, рассыпав кунжут, он промолвил проворно:
«Чтоб войска мои счесть, сосчитай эти зерна».

Но увенчанный славой властитель царей
Разгадал предвещанье победы своей.

«Так, — промолвил он, — притча могла бы
начаться:
Ловит ловкий човган то, что может умчаться.

Может статься, затем он послал мне човган,
Чтобы я у него взял човганом Иран.

Мне дарованный мяч не сочту за обиду, —
Скажет каждый мудрец: схож с землей он по виду.

Если в руки земной мне вручается шар,
Значит, первенство в мире мне послано в дар».

Так он понял значенье игры, — потому-то
Стало ясно ему и значенье кунжута.

Он сказал, разбросать повелевши кунжут:
«Пусть ко мне во дворец тотчас птиц принесут».

И хоть всюду кунжутом был пол разузoren,
Во мгновенье не стало разбросанных зерен.

Царь сказал: «Это знаменье мне не во зло.
Из кунжута, как масло, оно истекло.

Коль войска твои — этот кунжут, — вереницы
Наших войск исключют их, как эти вот птицы».

Он дал мерку зерна мелкой руты тому,
Кто доставил кунжут, и промолвил ему:

«Если множество войска у Дария, ведай,
Сколько войск я сберу, чтоб вернуться с победой».

И посол, увидав, что сгущается мгла,
Вмиг навьючил поклажу на спину осла.

Вновь опасность над ним свою руку простерла:
Стала речь его ядом, сжимающим горло.

Тяжко Дарий смущен был ответом: гласил
Он о мощном обилии вражеских сил.

И поддержки иранцев потребовал Дарий,
Чтоб всю мощь проявить в своем крепком ударе.

И от Гура, Китая, Хорезма, Газны
Стали конниц железных подковы слышны.

Крепче Кафской горы взял он рати: могли бы
Мять железо они, скал разбрасывать глыбы.

Пожелавшие войско прикинуть на счет
Увидали, что войско течет и течет.

Лишь одних легкоконных, идущих отрядом,
Девятьсот было тысяч. Под сумрачным взглядом

Полновластного Дария — словно волна
За волною текла; вся бурлила страна.

Шел он в Рум. Шел по странам путем он суровым,
Оставляя развалины, годные совам.

Мча в Армению тьмы войсковых своих сил,
Ноги ветру он взвихренным прахом скрутил.

За страну страну проходил он, и вскоре
Вся земля затряслась, всё запенилось море.

Злак полег перетоптанный: стал он таков
От подбитых шипами железных подков.

Хоть стремленье владык благотворно, но всё же
Не всегда ли оно с разорением схоже?

ИСКЕНДЕР ГОТОВИТ ВОЙСКО ДЛЯ ВОЙНЫ С ДАРИЕМ

Кравчий, дух мой взнеси! Животворно вино!
Оживлюсь, если выпито будет оно,

А поглотит меня его пламя живое —
Плоть недужную примет вино огневое.

*

Нам дороже всего прозорливости свет.
В мире трудно ступить, если знания нет.

Тот высокого в мире достигнет удела,
Кто разумно взирает на каждое дело,

Кто с расчетом свои измеряет пути
И умеет поклажу от вора спасти.

Он того не отбросит от клади дорожной,
Что послужит в скитаниях службой надежной.

Полустертую шкуру — и ту сохрани:
Ведь она пригодится в холодные дни.

В ледниках некий смертный сомкнул свои вежды,
Ибо теплой с собою не взял он одежды.

*

Говоривший о шахе, исполненном сил,
Так ответил тому, кто его спросил:

Лишь в Армению ввел войско страшное Дарий,
Судный день наступил; всё дымилось в пожаре.

Но не знал Искендер, что армяне в плену
И что полчища Дарий повел на войну.

Толпы скорбных росли, все стонали от горя
И вопили: «Иранцы у самого моря!»

Каждый путь, каждый горный грохочущий скат
Почернел от пришельцев, одетых в булат.

«Близок враг, — Искендеру сказал соглядатай, —
Но в пути опьянен он поживой богатой.

Если б царь захотел, то набегом ночным
Он сумел бы мгновенно разделаться с ним».

Царь ответил. Его изречение гласило:
«Побеждает не тайно дневное светило.

Воровского пути не должно быть следа,
Если царственный вождь натянул повод».

И лазутчик второй так промолвил: «По странам
Столько ратей собрал тот, кто правит Ираном,

Что все те, кому ведомо дело войны,
Их исчислить желая, весьма смущены».

И реченье владыки опять прозвучало:
«Нож — один; ста быков всё ж кромсает он сало.

И когда лютый волк разъярится вконец,
Не один ли он ринется в стадо овец?»

Смелым словом он вновь утвердил свою славу,
И ответ его войску пришелся по нраву.

Царь внимал возраставшим тревогам. Дракон
На румийской земле. К Руму движется он.

И когда сумрак тучи наполнился громом
И мечи в нем сверкнули сверканьем знакомым —

Царь к дворцовым вратам созывать повелел
Всех владевших мечом, всех носителей стрел.

Из Египта, Руси и от франкской границы
Вслед румийцам отрядов текли вереницы.

И когда для их счета уж не было мер,
О храбрейших узнать пожелал Искендер.

Их шестьсот было тысяч, мечтавших о бое
В одиночку и знавших оружие любое.

И когда общий сбор завершили сполна,
Царь собранье созвал без певцов и вина.

Собрались мудрецы из придворных и знати,
Чтоб на воск воспринять знаки царской печати.

И о Дарии речь и о деле войны
Начал дивный воитель среди тишины.

«Мощный царь, — он сказал, — столь достойный
служенья,
Сжал в руке своей меч и возжаждал сраженья.

Что нам должно свершить? Примириться ли с ним
Иль сразиться? Ведь мы перед схваткой стоим.

Если смело свой меч мы не вынем из ножен,
Тотчас будет конец нашей славе положен.

Если ж я с венценосного скину венец,
Может быть, правосудью настанет конец.

Как из царства мне гнать порождение Кеев?
Мне ль желать, чтоб свершилось падение Кеев?

За такую заносчивость ждать я могу,
Что судьбою победа вручится врагу.

В чем решенье? Какою ступая дорогой,
Мы не будем судьбою наказаны строгой?

Вы, на мудрость простершие ваши права,
Дайте нужный ответ мне на эти слова».

Те, чье знание весь мир было взвесить готово,
Со вниманьем прослушали царское слово.

И когда для ответа настала пора,
Властелину земли пожелали добра:

«Да цветет это царское древо, чья сила
Велика и о мощи своей возгласила!

Пусть держава твоя будет вечно жива,
Пусть врага твоего упадет голова!

Все слова твои — свет. Весь исполнен ты света, —
Для чего тебе светоч людского совета?

Но коль нам на совет повелел ты прийти,
Мы пришли — ослушанье у нас не в чести.

Вот что в мысли приходит носителям знания
И мужам хитроумным, достойным признанья:

Если ненависть жжет злое сердце врага
И ему только гибель твоя дорога,

Злость и ты разожги! К неизменным удачам
На коне нашей злости мы яростно скачем.

Юный ты кипарис, ива старая — он,
Кипарис ведь не может быть с ивой сравнен!

Сад зарос, и садовнику ведь не впервые
Подрубать в старых зарослях ветви кривые.

В шелк прекрасного царства, как блещущий день,
Мир — благою невесту — о светлый, одень!

Враг — насильник. Низвергнуть насильника злого —
Нет у подданных Дария в сердце иного!

Что страшиться врага, если враг твой таков,
Что и в доме своем он имеет врагов!

Зачеркни ты каламом правление злое,
Чтоб народ позабыл всё насилье былое.

Коль пресытилось царство врагом твоим — в бой
Выходи, и да будет он сброшен тобой!

Печь готова, сажай в нее противни с хлебом, —
Мчать коня на врага тебе велено небом.

Мы к стопам твоим мысли сложили. Меж нас
Несогласия нет. Наш ты выслушал глас.

Кто к желанью царя здесь не сделал бы шага?
В чьем бы сердце сыскалась такая отвага?»

Но сказали мужи, всё решив меж собой,
Что владыке нельзя первым ринуться в бой.

Должно вызова ждать, уваженье имея
К достославному трону великого Кея.

И тогда, руководствуясь мудростью слов
Многодумных наставников и мудрецов,

Царь, в согласии с ними свой заговор строя,
Порешил выйти с войском, готовясь для боя.

В некий день, от крутящихся в небе времен
Получив предвещанье счастливое, он,

Под знаменами встав, своим царским указом
Повелел всем войскам своим выступить разом.

И воссел на коня всеми славимый шах,
Неизменной победой владевший в боях.

Этот лев был с мечом. . . не с ключом ли, которым
Он весь мир отмыкал своим натиском скорым?

Все войска были — пчелы с их множеством жал.
Стольких пчел всё же в ульях никто не держал.

Создавая свой знак, чтоб явить свое пламя,
Вспомнил он Феридуна победное знамя.

И когда звездный ход открывается нам,
В час, когда небосвод ласков к верным сынам,

Выше Кеева стяга прельщавшие око
Волны синей парчи укрепил он высоко.

Пятьдесят было в древке аришей; оно
Из сосны было струганой сотворено.

И дракон был на стяге сапфировом вышит,
И казалось взиравшим: он пламенем пышет.

Выше — черные кисти, как грозную тьму,
Опускали по древку свою бахромю.

За фарсанги могли видеть все без усилия:
Черный реет орел, вскинув яркие крылья.

Вел войска полыхавший в отваге дракон.
Пред войсками вздымался на стяге дракон.

Клубы пыли сей смуты весь мир затемнили.
Что принудило к распре? Лишь пригоршня пыли!

Но на землю — на серую кошку — права
Не возьмешь ни по-волчьи, ни с храбростью льва.

Мир — неверная снедь: есть в ней сладость, но рядом
Вкусишь печени горечь, столь схожую с ядом.

Свод простерт над землей, нам погибель суля.
Небосвод — чаша с кровью, а с прахом — земля.

Гибель шлют они всем, тело смертное руша,
Ведь на них запеклась даже кровь Сиавуша.

Коль земля всё, что скрыла, явила бы вновь —
Все просторы земли затопила бы кровь.

Ты — беспомощен; области смертные — строги:
В их предел для помощника нету дороги.

Но коль помощь не внидет в сей замкнутый край,
Что напрасно звать? Примиришь. Не зывай.

Сделай угол свой крепостью. Помощь другая
Лишь в молчанье. Молчи, сам себе помогая.

**ДАРИЙ ОБСУЖДАЕТ СО СВОИМИ
ВЕЛЬМОЖАМИ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ
ИСКЕНДЕРА**

Виночерпий, сожги своим ярким огнем
Гнет сомнений, царящий в рассудке моем.

Хочет сердце мое быть светильником пира,
Ибо вспыхнул мой разум для шумного мира.

*

Лишь в одной справедливости — свет мудреца,
А защита его — в снисхожденье творца.

Если этот удел не считаешь ты славным —
Не сочтут тебя мудрые с мудрыми равным.

Разум — добрый сосед, но беда, если тут,
За углом безрассудные чувства живут.

Если дом безрассудства ты выбрал жилищем,
То в словах твоих разума мы не отыщем.

Сделал светлым свой дом на житейском пути
Приказавший страстям от себя отойти.

Если сбросишь ты с плеч ношу тягостной страсти —
Перестанешь стонать ты от этой напасти.

Море гордо богатствами собственных вод.
Из того, чем владеешь, имей свой доход.

На свой счет проведи все земные кочевья,
Порождают листву не свою ли деревья?

Пусть всегда шелкопряд ест один только тут,
А не то шелкопряда негодным сочтут.

*

А теперь некий старец, внимавший мобеде,
О минувших делах продолжает беседу:

В дни, когда румский царь, зачиная войну,
Поднял меч и собрал для похода казну,

Тотчас быстрая весть побежала по странам:
Вышел румский дракон, возмущенный Ираном.

Всё готово для боя, и схватка близка,
И на Дария смело ведет он войска.

Эта весть, будто праздник, сияла повсюду.
Ненавистен был Дарий подвластному люду.

От насилий владыки иранской страны
Были страны окрестные разорены.

Не хотели служить они Дарию. Вера
В них зажглась, что настала пора Искендера.

Словно море, вскипел грозный Дарий: смогли
Переплыть через море врагов корабли.

Он собрал на совет, окружаемый тайной,
Тех, чья светлая мудрость являлась бескрайной.

И затем спросил, скрытым жаром дыша,
Он у тех, чья была незлобива душа:

Как румийца сразить? Нет ли хитрого хода,
Чтоб верней преградить злобный путь небосвода?

На какую возможность прольет ему свет
И какие деянья укажет совет?

Искендеру позор поражений неведом...
Чуял Дарий, что шел к непредвиденным бедам.

Но молчали мужи. Не смогла его речь
К его темному сердцу их души привлечь.

Ведал каждый, что жара в нем было немало,
Что пыланье его всех порой обжигало,

Что в заносчивой спеси советам ничьим
Не внимал он вовек. Всё немело пред ним.

Был из рода Зенге (что был сын Шавурана)
Некий воин прославленный, гордость Ирана.

Он звался Ферибурз: в этом имени честь
Ратоборца и знаменье мужества есть.

Ферибурз для присяги предстал на совете:
Знал он многое, многое видел на свете.

И совет он прославил, прославив царя:
«Да царь ты в совете, как светоч горя!

Да цветешь ты вовек! Да идти небосводу
По высоким путям царской воле в угоду!

Я храню в своей памяти давнего след.
В миновавшие дни мне рассказывал дед:

«Ведай: было прочитано, к смерти готовым,
В своей чаше волшебной царем Кей-Хосровом:

«Будет царство предельно взнесенным, но вот
Его славы созвездье сорвется с высот.

Выйдет некий румиец, и капища наши
Он повергнет в огонь — вот вещание чаши, —

И возглавит все земли иранские он,
И воссядет на кейский сверкающий трон.

Станет царство его всех нам ведомых шире,
Всё ж он, мир победив, не останется в мире»

Да не быть Искендеру иранским царем!
Да не будет вещанье — вещаньем о нем!

Ты предай его имя забвенью навеки!
Загради ему пажити наши и реки!

Своему не позволяй ты померкнуть венцу!
За богатство и жизни не жалко скупцу!

Что ж! Его ты обрадуй обманчивой вестью.
Чтоб вернулся он в Рум, ублажи его лестью.

Лучше добрый обман, чем губительный гнев.
Ты огонь заливай, сам себя одолев.

Не ссылайся на силы великие наши,
Всё ты взвесь на весах. Всё укажут их чаши.

От Ирана сумей его ярость отвлечь.
Пусть в крови не ржавеет сверкающий меч.

Побежденному льву в чем найдется защита?
Даже мул на него свои ставит копыта.

Слава добрая царство хранит, и она
Как незыблемый стяг возвышаться должна.

Покажи свою мощь! Пусть оставит дерзанье,
Пусть оставит на равенство он притязанье.

Хоть на золото взвешивать будем зерно,
Всё же золоту будет оно не равно.

Но случилось: в пустыне своей бездорожной
Мощный лев погибал от колючки ничтожной.

Если злой на тебя нападет скорпион,
То не будь своей силою ты ослеплен.

Вспомни мошки чуть видимой тонкое жало,
Что Немрода могучего к праху прижало.

Тот всё в мире возьмет, кто, схвативши свой щит,
Даже в робком вонтеле храбрость узрит.

Запируешь с голодным — так будет не диво,
Что кусок самый жирный он выловит живо.

Хоть и сыну ты дашь поносить свой наряд,
Он износит его — так у нас говорят.

Если сыну годна твоя станет одежда,
Ждать от сына любви — не пустая ль надежда?

Кипарису не впрок — эти вспомни слова,
Если слишком в саду разрастется трава.

Мысли мудрых от всех отстранят огорчений,
Ты не свертывай, властный, листы изречений.

Если хочешь пролить на судьбу свою свет,
Ты припомни учителя каждый совет.

Слову мудрых внимай, поступай не иначе,
Чтобы ключ раздобыть к неизменной удаче».

И, постигший всю правду в разумных словах,
Царь в душе своей тайный почувствовал страх.

Но огня своего не задул он, желая,
Чтобы гордость его всем видна была злая.

И, разумного мужа словами взбешен,
Как змея изогнувшись, закорчился он.

И, советов ничьих не желая обузы,
Он со злости своей снял последние узы

И на старца, как лев, пред которым олень,
Бросил взгляд, что вонзился бы в твердый кремьны

«Иль меня ты увидел смятеньем объятым,
Что склоняешь чело перед вражьим булатом?

Прославляешь румийцев, их мощь и броню!
Мягким воском ты путь преграждаешь огню!

Я сражался с орлами! Спугну куропатку!
Сокол всех соколов с ней не бросится в схватку!

Я ль пред этим врагом опояшусь на бой?
Много слуг у меня! С ним сразится любой!

Он пошел на меня! Я отвечу словами,
Что не диким ослам жаждать схватки со львами.

Но поднимется ль гордо его голова,
Если будет он в пасти могучего льва?

Птичье крепко яйцо, но увесистый молот
Всё ж покрепче! Мой недруг... не слишком ли молод?

Кто бы мог помышлять иль твердить, не шутя,
Что на старшего бросится это дитя?

Стыд забыл! Чашу первую дал он мне с гущей!
Позабыл он о силе, мне всё же присущей!

Опозорена будет порфира моя,
Если слабость явлю перед слабыми я.

Если жаба грозит — пусть хоть вся она в яде, —
Крокодил не попросит ее о пощаде.

Хоть румнец напруг бы всю силу свою,
Из солёной воды не исторгнет ладью.

Слава трона Джемшида его не смутила:
Он стремится на царство дневного светила!

Для чего на грабеж он с войсками пошел?
С чашей вещью взять Кей-Хосрова престол!

Всё свершать лишь по собственной воле умея,
Соблюдаю во всем я величие Кея.

Чей он пес? Он лисица! Мелькнет он едва,
И сейчас же падет он под лапою льва!

Лев остатки добычи лисе предназначит.
Не смеется земля, если небо не плачет.

Если нищий задумал пожить, как богач,
Он — хромающий конь, что пускается вскачь.

Мне расправиться, ведай, во всей моей мощи
С этим отроком румским всего будет проще.

Я отдам его пьяным рабам, и дубьем
Пастухов полудиких его мы добьем.

Если б лев испугался ничтожной собаки,
То осел надо львом посмеялся бы всякий.

Если рухнет испуганный мошкой орел,
Закричи: «Не вставай! Ты удел свой обрел!»

Если барс пред лисицей закорчился в страхе,
Да сгорит его мозг! Да сгниет он во прахе!

Я — сильнее слона. Будешь зрелищем сыт:
Раздавлю его тяжестью конских копыт.

Что такое сей данник, покорный дотоле,
Предо мною, сидящим на древнем престоле?

Царский пояс — на мне. Трон мой блещет светло.
Диадема мое обвивает чело.

Кто ж промолвит, моею прельщаемый славой,
Что намерен владеть моей отчей державой?

Это Кеев удел! Пусть возьмет себе в толк:
Не румийцам носить этот царственный шелк!

Я — прославленных отпрыск, потомок Бахмана!
Что мне этот боец из румийского стана!

Мой престол золотой! Нам послал его в дар
Весь железом сверкающий Исфендиар.

Если недруг обратной помчится дорогой,
То не будет застигнут он тучею строгой,

Если ж в море мое свою пустит ладью,
То к ногам моим голову сложит свою.

Я, как бурные волны, пошлю ему горе.
Смою с суши его, утоплю его в море.

Я из тучи его столько слез изолью,
Что не сможет затмить она землю мою.

Если раб забунтует — не с просьбою жалкой
Обращайся к нему, а ударь его палкой.

Золотое седло для осла тяжело,
Для него деревянное лучше седло.

Эту дичь сам вознес я, и сам я сумею
Взвить свой крепкий аркан и сдавить ее шею.

Ты ж с прогнившим умом, говорливый старик,
Пред Хосроем сдержал бы свой дерзкий язык!

Не годится бросать свой аркан торопливо
На вершину горы, вознесенной на диво,

Освещать светлый день своим жалким огнем
И учить небеса править солнечным днем.

Что спешишь? Иль ты на поле бросился в схватку?
Драгоценные камни кладут по порядку.

Коль тебе не по росту кафтан, то любой
Распознает, что был он украден тобой.

Говорит в тебе, старец, бессилье, не сила.
Видно, старость твой разум совсем погасила.

Кто согбен, тот, бессилье свое не тая,
Пусть берется за посох, не просит копья.

От годов прожитых остывает рассудок.
И о многом былом забывает рассудок.

Что тому надлежит, чей кончается день?
Лишь молитвы слова да могильная сень.

Дай воителям юным земные дороги,
По тропам волочи свои дряхлые ноги.

Не влезай на коня, ты уже не ездок.
Если сломаны стрелы, какой же в них прок?

Воин должен быть молод. Ведь старец несмелый
Предпочтет договор, когда надобны стрелы.

Говори только вовремя, бойся беды.
Ведь гранатов лишь осенью зреют плоды.

Раньше времени — это себе ты б заметил —
Был прирезан запевший не вовремя петел.

Придержи свой язык! Что милей — назови, —
Осторожный язык или горло в крови?

Мне милей голова, обагрённая кровью,
Чем язык безголовый! Беда пустословью!

Много мыслей, что ввел ты в столь дерзкую речь,
Ты в иные слова должен был бы облечь.

Ведь порой разъясняющим слишком упорно
Говорят, что звучит их настойчивость вздорно.

Ты к тому, кто в венце, кто в сиянии весь,
Обращайся учтиво и речь свою взвесь».

И потупился старец, исполнен смущенья,
И за смелую речь попросил он прощенья.

Быть опасно с царями: суровы они,
И никто никогда им не будет сродни.

Если в гневе их лик заливается кровью,
Отвергают они даже душу сыновью.

Царь подобен огню; ты его не затронь.
Издали спокойней смотреть на огонь.

Царь захочет внимать добрых слов благостыне,
Если он позабудет о царской гордыне.

Слать советы царям, о безумный простак, —
Это значит зерном засеять солончак!

И когда, дав совет и жалея об этом,
Старец понял, что Дарий разгневан советом, —

Он прибегнул к лукавой словесной игре,
И сладчайше он стал говорить о царе:

«Ты носитель всех доблестей нашего века.
Для сравненья с тобой не найти человека.

Кто такой Искендер? Как он сможет нанасть
На того, в чьей руке столь великая власть!

Свету неба венец твой сияньем ответит.
Благовестья звезда в твоём светочё светит.

Ты — гора. Он — кирпич. И мгновенно не ты ль,
Только камень метнув, обратишь его в пыль.

Неразумная тыква не может быть парой
С достигающей неба прекрасной чинарой.

Лишь от тяжести малой колодезных вод
Шейка тыквы согнется — опустится плод.

Он — кичливая тыква, и вьет он канаты
Из негодной травы; он дождется расплаты:

С ненадежной веревкой плохая игра, —
Из колодца он вовсе не вынет ведра.

Разве может, о властный, хромая лисица
На могучего барса враждебно коситься?

Если солнце восходит, все видят: поблек
Жалкий светоч, трепещущий, как мотылек.

Развяжи узел грозных бровей. Пусть на луке,
По краям, два узла будут в должной разлуке.

Управляй неспешно, — поспешность вредна.
Неспешных решений желает страна.

Опалить свои пальцы, бесспорно, не диво,
Если светоч зажечь мы хотим торопливо.

Есть огонь; в печке — тесто, она — не пуста.
Велика ли дорога от хлеба до рта?

Терпеливость ломает железные звенья.
И никто не страдал из-за долготерпенья.

Быть игра неспешной, разумной должна.
Ведь не двигают сразу коня и слона.

Достаются удары напрасные сазу.
Кто извлечь должный звук научился бы сразу?

Я ведь знаю твой трон, вознесенный и встарь!
С кем тебя я сравню, о единственный царь!»

Так всё ведавший муж расстилал изреченья,
Лишь хвалы воздавать было их назначенье.

Но разгневан был Дарий. Хвалебная речь
Не смогла властелина от гнева отвлечь.

И, пылая той злобой, что вечно готова
Не внимать указаньям разумного слова,

Из приказа позвал он писца, чтоб строку
За строкою он мускусом вел на шелку.

И писец, схожий с ветром стремительным самым,
Прилетел, чтоб сверкнуть своим ловким каламом.

Цвета яшмы калам он повел, и взгляни —
Не затмил ли он тотчас же славу Мани?

Внемля слову царя, он писал, — с райским садом
Схож был почерк писца, но слова были ядом.

И по шелку текла столь враждебная речь,
Что разлила она, как сверкающий меч.

И печать наложили на эти узоры,
Что своей равномерностью нежили взоры.

И Хосроев гонец по пескам и горам
Быстролетно помчался к румийским шатрам.

Свиток взял Искендер, и под царственным сводом
Вскрытый шелк был прочитан его письмоводом.

БОЙ ДАРИЯ С ИСКЕНДЕРОМ ПРИ МОСУЛЕ

Подойди, виночерпий! Вино ты подашь
И отмеришь сегодня мне несколько чаш!

Я возжаждал вина наилучшего, чтобы
Хоть на час избежать этой жалкой трущобы.

*

И лазурный над нами крутящийся свод,
И небесных светил предназначенный ход —

Не пустая игра. Сей завесы узоры
Не затем, чтобы тешить беспечные взоры.

В ней с премудрым значением каждая нить,
Но откуда они, кто бы смог разъяснить?

Как нам ведать, на что вскинем завтра мы веки,
Кто от наших очей удалится навеки?

Кто на кладбище из дому будет снесен?
Кто увидит: счастливый сбывается сон?

*

О добре и о зле повествующий снова
О великих царях начал мерное слово:

Когда принял фагфур день пришедший, а ночь,
Взяв динар, жемчуга свои сбросила прочь, —

Оба войска сошлись, и, как два полукруга,
Словно Кафский хребет, встали друг против друга,

И железных шипов на ристалище зла
Разбросали для конных врагов без числа.

Крик начальников слышался. Передовые
Продвигались ряды. Все сердца боевые

Позабыли покой. Так столпились войска,
Что у сжатых бойцов затрещали бока.

И примолкли два войска, отряды построя,
Не пустив еще в бой ни единого строя, —

Верно, думали все: будет мир заключен,
И мечи не покинут спокойных ножен.

Но кичливы и молоды недруги были.
Пламень с влагой сошлись и о мире забыли.

Был нарушен покой, и возникла беда,
И жестокому бою пришла череда:

Устремляясь на зла огневую дорогу,
Не стремились цари к миролюбья порогу.

Барабаны забили. Литавры в уста
Стало небо лобзать, и небес высота

Звоном сотен зеркал огласилась: в их зоне
Свирепел каждый слон, несший их на попоне.

С воплем тем, что вздымал тюркский воющий най,
Вопли тюркских бойцов огласили весь край.

Стали рыканьем львов пробужденные трубы,
Зовы звонких рогов в мозг вонзались, как зубы.

Непрестанно свистел звук зменстых плетей,
Возлетавший в пределы небесных полей.

Кто слышал о неистовстве столь же великом?
Горячили друг друга все воины криком.

Будто рушились горы, и сам Исафил,
Страшный суд возвещая, в трубу затрубил.

Пыль объяла весь воздух; весь мир в этой буре,
Потеряв повода, позабыл о лазури.

Чепраки и шеломы окутывал прах.
Высь была на земле, а земля — в небесах.

Мгла над смертными стопами руки простерла,
И арканы сжимали хрипящие горла.

Подымал испаренья дыхания жар.
От мечей, как от молний, рождался пожар.

Так чихали мечи от крутящейся пыли,
Что несчастные души над полем поплыли.

Полководец иранский поставил с утра
Все войска в должный строй. Начинаясь игра, —

И о правом крыле он подумал: урона
Не могла понести эта лапа дракона.

Вслед за этим он левое создал крыло.
Словно море железа в порядок пришло.

Так стремился он к мощному их единенью,
Что свет солнца не справился с плотною тенью

Сердцевины рядов, всех спасла бы она
В миг смятенья — булатная эта стена.

Но и царь Искендер, словно воск уминая,
Создал пальму из войск. Он от края до края

Подготовил свои подкрепленья. Потом,
Дав мечи и кольчуги просившим о том,

Роздал шлемы бойцам, — так вот щедрые грозы
Льют сверкающий дождь на румяные розы.

Все ряды его войск были словно скала.
Середина рядов неприступна была.

Мерный строй всех бойцов увидав, не дивитесь,
Что в рядах не один жаждал подвига витязь.

И внезапная смерть черный взвихрила прах,
И у светлых небес свет померкнул в очах.

Всюду кровь потекла, где ей сыщется мера!
Запылала земля, словно красная сера.

Всюду в искрах вознесся изогнутый меч,
Чтоб дракона к себе из пещеры привлечь.

Из засад крепких луков, и гибель и стоны
Порождая, летели чредою драконы.

Вился в кольцах аркан, словно алчный дракон,
Пожирать вражий клад стал с поспешностью он.

Так свирепо рычали слоны боевые,
Что все львы пригибали от ужаса выи.

И бойцы поднимать не желали чела:
Меч над каждым сверкал, полон гнева и зла.

Состраданье пропало. Тут ждал бы удара
Даже сын от отца. Битва сделалась яра,

И от мира далек был спасенья шатер,
И по древкам знамен плыл кровавый узор.

Столько стрел прорвалось сквозь пробитые брони,
Что горячих стрелков покраснели ладони.

Так огнем ратоборства весь край был покрыт,
Что взлетали огни из-под конских копыт.

Посреди своих войск, в этом яром пожаре,
Черным львом всем казался озлобленный Дарий.

В жажде недруга стиснуть и к праху пригнуть
Он расправил свою многомошную грудь.

Там, где руку вздымал он в свирепом запале,
Сотни вражьих голов возле ног его пали.

Налетев на врага, он лишал его сил,
Ударяя, он голову вражью сносил.

И покрыл всю окрестность в бою своим страстным
Он атласом румийским разодранным, красным,

Но и царь Искендер, не жалея себя,
Начал страшный свой суд, нападавших рубя.

Тотчас руки в сраженье пустил он умело,
И в руках у него два меча заблестело.

И мечам, чьи лучи так сверкали в пыли,
Отказать в своей жизни враги не могли.

Если в череп слона бил он жалом кинжала,
Миг — и туша слона черным прахом лежала.

Если б в реку он бросил свой пламенный гнев,
То зажег бы и реку палящий посев.

В гневе был он, что лев, разъяренный в погоне,
И от этого льва мчались в ужасе кони.

И смутившийся Дарий услышал слова:
«Наши львы устрашились румийского льва.

Да минует его, о владыка, пощада!
Даже нашим слонам с ним бы не было слада.

Прикажи всему войску скорее, скорей!
На царя Искендера направить коней!»

Тотчас Дарий велел, с мощным недругом споря,
Устремиться войскам, словно бурное море,

Всею силой, всем прошлым боям не в пример,
К тем рядам, пред которыми сам Искендер.

В битву мигом иранцев помчались отряды.
Каждый скачущий всадник, не зная пощады,

Крепко в обе руки взял сверкающий меч,
Чтобы встречному недругу шею рассечь.

Искендер, увидав страшный натиск и зная,
Что грозит ему смертью напасть эта злая,

Дал приказ, чтоб немедленно прынули в бой
Все войска, чтоб отряды ценою любой

Путь врагу пресекли, чтоб властитель Ирана
Вмиг постиг: в его сердце смертельная рана.

И, сомкнувшись, все воины, как саранча,
В мире подняли бой, мир в сраженье топча.

Вновь посыпались дроты. Мечи заблестели.
Муравью между стрелами не было щели:

Словно пчелы гилянские, тысячью жал
Рой неистовых стрел черный прах поражал.

К Искендеру враги придвигались упорней,
Но стоял он, как ствол, чьи незыблемы корни.

Некий мощный иранец, свой выпрямив стан,
Налетел на царя, словно сам Ариман.

Молодой кипарис покачнулся. Ударом
Потрясен был он быстрым: соперником ярим

Был разрублен кафтан и кольчуга была
Прорванá. Так булат ощутила скала.

Уцелела рука повелителя света,
Хоть была она всё же булатом задета, —

И хоть раны глубокой избег он едва,
Им была у врага снесена голова.

Искендер уstraшен был врагом этим смелым,
И победу свою счел он тягостным делом,

И в нежданном смущении он захотел
Дать груди своей отдых от вражеских стрел.

Но, на счастье свое в неизменной надежде,
Вновь стоять он решил так же твердо, как прежде.

И, узрев свой победный, сверкающий стяг
И постигнув: падет им настигнутый враг, —

Вновь сверкнул он мечами своими, и снова
Его мощная грудь к новой схватке готова.

И бойцы проливали без устали кровь,
Никли наземь, вставали и падали вновь.

Утомленных румийцев тесня понемногу,
Им повсюду иранцы закрыли дорогу, —

И когда меж румийцев послышался стон,
Смертный час захотел взять их тотчас в полон.

Но румийцы, внезапно воспрянувши снова,
Отразили напор, их сжимавший сурово,

И вокруг яркого стяга сомкнули свой круг,
И не стал он добычею вражеских рук.

Зиндж камня собрал, чтоб венец сделать новый,
А фагфур бросил трон свой из кости слоновой,

И, себя украшая, лазурная мгла
Вместо зеркала в небо луну подняла.

Все бойцы возвратились к стоянкам устало,
Прекратили вражду. Время дремы настало.

Смыли кровь с жарких тел, пыль омыли с лица,
Но покоем неполным дышали сердца:

Не промедлят созвездья на своде высоком.
День взойдет. Что на завтра замыслено роком?

*

Засверкал апельсин, будто из-за угла
Продавец его поднял. Растаяла мгла.

Все войска поднялись, их ряды заблестали.
Львы опять на охоту готовиться стали.

И мечом, и копьем, и тугой тетивой
Мир явил много силы своей боевой.

Всюду стон поднялся. Повод выпал у многих.
Из стремян выскользали наездников ноги.

Были два полководца у Дария, жив
Был в них жар услуженья, но был он и лжив.

Эти двое измучились гнетом царевым, —
Он не раз оскорблял их несдержанным словом.

И взалкали они его крови, свой гнев
Утолить пожелали, его одолев.

К Искендеру явясь, злому замыслу рады,
У румийца они попросили пощады:

«Мы у Дария служим, встречаемся с ним,
Он доступнее нам, чем вельможам иным.

Всех он жалит неправдою и поношеньем,
И вонзить в него меч стало нашим решеньем.

Мы намерены завтра пролить его кровь,
Чтоб великий Иран сделать праведным вновь.

Продержись этот вечер на этом же месте,
Завтра враг твой падет, он узнает о мести.

Водрузит он свой стяг, но не сможет пресечь
Он удара: готов наш отточенный меч.

А за помощь великую слуг своих верных
Наградишь ты ключом от сокровищ безмерных.

Мы богатства хотим. Нам богатства вручишь.
Золотое деянье ты златом почтишь».

Обещал Искендер их исполнить желанья:
Руку дал он предателям в знак обещанья,

Хоть не верил им царь, — как же статья смогло,
Что проникло в их ум столь ужасное зло! —

Но ведь каждый любое предпринял бы дело,
Лишь бы только несчастье врагов одолело.

Правосудием стала расправа, — и царь
Вспомнил мудрость пословицы, сложенной встарь:

«Зайца в каждом краю — это ведаёт всякий —
Только этого края поймают собаки».

И когда молвил тот, чей рассудок велик,
Тем, в чьём разуме умысел чёрный возник,

Что вручит он им ключ от сокровищ, что может
Их порыв оценить, что их делу поможет, —

И для низких ничем стали верности дни,
И к убийству готовиться стали они.

В час, когда жаркий лал взял безвестный грабитель
И желали дознаться, кто сей похититель, —

Заподозрив луну и узрев её свет,
Все сказали: «Всё ясно, сомнения нет».

Два враждебные войска, уставши от боя
И в тиши распоясавшись, ждали покоя,

Но уж много неробких во мгле голубой
Начинали на завтра готовиться в бой.

ПОБЕДА ИСКЕНДЕРА НАД ДАРИЕМ И СМЕРТЬ ДАРИЯ

Круговой своей чаши, о кравчий, огнем
Дай сиянье всему, я мечтаю о нем:

Этот пламень сжигает в рубиновой чаше
Все печали, что в сердце мы приняли наше.

*

Хоть на этой земле нам отраден привал,
Торопливыми быть всё ж нас кто-то призвал.

Две калитки в саду, столь отрадном для взора,
Но железного нет на калитках затвора.

Ты, в калитку войдя, оглядись: впереди
Есть другая калитка; побудь — и уйди.

Не безмерно люби ароматную розу,
Неизбежной разлуки припомни угрозу.

Береги свой счастливый, свой нынешний день.
Всё былое — ничто, всё грядущее — тень.

Этот путь не для радости нам назначали,
А быть может, для горести и для печали.

Пригласили на свадебку ослика — он
И воды натаскал, и мешком нагружен.

*

Вот что этому вслед стихотворцем радивым
Было явлено всем в его слове правдивом:

Светлый день отсиял, и покровом густым
Скрыл его полыханье полуночный дым,

И луною, чтоб радовать смертные очи,
Приукрасился сумрак спустившейся ночи.

На переднем краю всех частей войсковых
До утра были зорки глаза часовых.

Караулы кружили, как жерновы. В скалах
Куропатки кричали. Немало усталых,

В тяжкой дреме узрев боевого слона,
Застонав, пробуждались от страшного сна.

Отдыхало бойца распростертое тело,
Но забвенью к нему всё ж прийти не хотело.

И молились в тиши все войска, чтоб текла,
Бесконечно текла полуночная мгла,

Чтобы день заслонила она им собою,
Чтобы долго не звал он их к новому бою.

А цари размышляли, томительный гнев
Друг на друга в безмолвии преодолев:

«День взойдет, о своем вспомнив светлом начале,
Чтоб от черного белое мы отличали, —

И мы рядом поедем; на кратком пути
К примирению путь мы сумеем найти.

Повод к поводу, между войсками, по лугу
Проезжая, мы дружбу изъясним друг другу».

Но советники Дарию дали совет,
Угасивший благого намеренья свет.

Не воспринял никто столь возможного блага.
Царь услышал: «Сражайся! Победна отвага!

Ведь румиец поранен; в борении с ним
Превосходство бесспорное мы сохраним.

Выйдем завтра на бой — и в сраженье упорном
Всех уложим румийцев на поле просторном».

Так сказали одни, а другие мужи
Предлагали дорогу уловов и лжи.

Два злодея за битву свой подняли голос:
«Не падет ни один повелителя волос!»

Но и царь Искендер, под луной, в тишине,
По-иному подумал о завтрашнем дне.

Может статься, что двух полководцев дорога
Его храбрости — всё ж неплохая подмога.

И открыл он соратникам душу свою:
«День взойдет, и мы завтра в Мосульском краю

Вновь приступим к достойному, к славному бою,
Мышцы нашей души укрепляя борьбою.

Если мы победим — мы над миром царим.
Если Дарий — то царство возглавится им.

Судный день всем живущим неведом грядущий,
Всё ж на завтра его нам назначил всеусущий».

И лежали бойцы, видя страшные сны,
Предвещаньем и ужасом темным полны.

Двери света раскрылись над ближней горою,
И блеснула вселенная новой игрою:

Просо звезд замесив, мир украсивши наш,
Испекла она в небе горячий лаваш.

И войска задрожали, что тяжкие горы,
И в смятенье пришли все земные просторы.

Царь из рода Бахмана, восстав ото сна,
Чтоб удача была ему в руки дана,

Чтоб для боя ни в чем не сыскалось помехи,
Осмотрел все колчаны, щиты и доспехи.

Сотни гор из булата воздвиг он, и клад
Он решил сохранять между этих оград.

Кончив с правым крылом, озаботился левым,
И оно для врага станет смерти посевом.

Крылья в землю вросли: был придержан их пыл.
Недвижим был железный, незыблемый тыл.

Дарий встал в сердцевине отряда, и, вея,
Возвышалось над ним знамя древнего Кея.

Искендер взял на бой свой нетронутый меч,
К смертной схватке сумел он его приберечь.

Всем храбрейшим, оваянным воинской славой,
Приказал он идти у руки своей правой.

Многим лучникам, левой стрелявшим рукой,
Быть он слева велел; и порядок такой

Он назначил для тех, кто и службой примерной,
И всей силой охраною был ему верной:

Вкруг него встать стеною — не то что вчера.
Был он словно булат, был он словно гора.

Огласился простор несмолкаемым криком.
Небеса возвестили о гневе великом.

Зарычала труба, как встревоженный лев;
Смелый змей заплясал. И заплакал напев

Иступленно вопящего тюркского ная,
Все сердца страшной дрожью дрожать заставляя.

На слонах так взгремели литавры, что в Нил
Не один, ужаснувшись, нырнул крокодил.

Так завывала труба, что у лучников многих
На бегу подкосились от ужаса ноги.

Гром такой от пустых барабанов пошел,
Что качнулись все горы, зазыбился дол.

Копья были в жару — и как будто в недуге,
Чтобы воздух глотнуть, пробивали кольчуги.

Ливень стрел стал неистов, и стал он таков,
Что про дождь свой забыла гряда облаков.

Два кровавые моря взыграли; повсюду
Видел воин тюльпанов багряную груду.

О циновке своей многоценной земля
Позабыла, по ветру ее распыля.

Ртуть мечей засверкала в клубящейся мути,
Разбегались бойцы с торопливостью ртути.

Столько копий булатных вонзилось в тела,
Что в горах за скалою дрожала скала.

Так, врубаясь, мечи скрежетали от злости,
Что рассыпались гор загремевшие кости.

Столько стрел в колесо небосвода вошло,
Что оно быть поспешным никак не могло.

Так стремились к устам остроклювые дроты,
Что устам и дышать уж не стало охоты.

Стали копья шипами запретных оград,
А щиты словно полный тюльпанами сад.

Всех настиг Судный день, страшный день Воскресенья!
И не стало исхода, не стало спасенья.

Столько всадники яростных бросили стрел,
Что бросали колчан: он уже опустел.

И тела громоздились потомков Адама,
И работала смерть, и быстра и упряма.

О себе на побоище каждый радел.
Кто подумал о том, сколько брошенных тел!

Кто в одежде печали готовится к бою?
Только синий кафтан под кольчугой иною.

Речь прекрасная, помню, была мне слышна, —
Кто-то мудрый сказал: «Смерть на людях красна».

Смерть убьет одного, а заплачет весь город,
Разорвет на себе он в отчаянье ворот,

А весь город умрет где-то там вдалеке,
И никто не заплачет в глубокой тоске.

Столько мертвых простерлось на горестном лоне,
Что пред страшной преградою пятились кони.

И на Тигре кровавом, как желтый цветок,
Отраженного солнца качался челнок.

Но румийские копья в сраженье сверкали
Горячей, чем заката багряные дали.

Меч иранский, сражаясь, так жарко сверкал,
Что согрел сердцевицу насупленных скал.

Так враги развернули меж грома и гула
Судный день на прекрасной равнине Мосула.

Рассыпались отряды иранцев, и прах
Всю равнину покрыл. Был один шаханшах.

Позабыло о нем его войско. Упорно
Продолжалась борьба. В поле стало просторно.

Нелюбим был придворными Дарий, — и он
Их заботою не был в бою окружен.

И внезапно, мечами ударив с размаху,
Нанесли двое низких ранение шаху.

Наземь Дарий повергся — его не спасут, —
Над смятенной землей Страшный начался суд.

Сотрясая простор, пало древо Кавея.
Тело, корчась, лежало, в крови багровея.

Тело мучилось в горе, в нежданной беде.
Светоч с ветром не в дружбе, — они во вражде.

Поспешили убийцы к царю Искендеру
И сказали: «Мы приняли должную меру.

Мы зажгли наше пламя, не хмурь свою бровь,
Для тебя мы властителя пролили кровь.

Лишь удар нанесли — и прошло его время.
Он целует сейчас твое царское стремя.

На него погляди, больше нет в нем огня.
Омочи его кровью копыта коня.

Мы исполнили всё, что тебе обещали,
Ты нам повода также не дай для печали:

Передай в наши руки обещанный клад,
Мы стоим в ожидании щедрых наград».

Искендер, увидав, что два эти злодея
На убийство владыки пошли, не робея,

Что при них и ему безопасности нет, —
Пожалел, что он дал им свой царский обет.

Каждый мощный, узрев, что с ним равный
во прахе, —
Неизбежно пребудет в печали и в страхе.

И спросил Искендер: «Изнемогший от ран,
Где простерт покоритель народов и стран?»

И злодеи туда привели государя,
Где ударом злодейским повержен был Дарий.

Искендер не увидел, взглянувши вокруг,
Ни толпы царедворцев, ни стражи, ни слуг.

Что пришел шаханшаху конец, он увидел,
Что во прахе был кейский венец — он увидел.

Муравьем был великий убит Соломон!
Перед мошкой простерся поверженный слон!

Стал подвластен Бахман змея гибельным чарам.
Мрак над медным раскинулся Исфендиаром.

Феридуна весна и Джемшида цветник
Уничтожены: ветер осенний возник!

Где наследная грамота, род Кей-Кубада?
Лист летит за листом, — нету с бурею слада!

И спешит Искендер, вмиг покинув седло,
К исполину во прахе и хмурит чело.

И кричит он толпе подбежавших придворных:
«Заточить полководцев, предателей черных,

Нечестивцев, кичливых приспешников зла,
Поразивших венчанного из-за угла!»

Он склонился к царю, как склоняются к другу,
Расстегнул он его боевую кольчугу,

Головы его мрак на колен своих свет
Положил, — и такому участью в ответ

Молвил Дарий, открыть своих глаз уж не в силах:
«Встань из крови и праха. Не чувствую в жилах

Животворного пламени. Пробил мой час.
Весь огонь мой иссяк. Мой светильник погас.

Так ударил мне в бок свод небесный недобрый,
Что глубоко вдавил и разбил мои ребра.

О неведомый витязь, свой бок отстрани
От кровавого бока: ушли мои дни,

И разодран мой бок наподобие тучи.
Всё ж припомни мой меч смертоносный, могучий...

Ты властителя голову трогать не смей
И не смейся: судьба насмеялась над ней.

Чья рука протянулась, дотронуться смея
До венца — до наследья великого Кея?

Береги свою длань. Еще светится день.
Погляди: это — Дарий... не призрак, не тень.

Небосвод мой померк, день мой бледный недолог,
Так набрось на меня ты лазоревый полог.

Не гляди: кипарис распростертый ослаб.
Не зрирай на царя: он бессильней, чем раб.

Не томи состраданьем: я в узах, я пленный.
Ты в молитве меня поминай неизменной.

Я — венец всей земли, смертной муки не множь.
Если я задрожу — мир повергнется в дрожь.

Уходи! И, заснув, я все связи нарушу.
Прагу — тело отдам, небесам — свою душу.

Смерть близка. Не снимай меня с трона, — взревет
Страшной бурей вращающийся небосвод.

Истекает мой день... уходи. Хоть мгновенье
Одиночества дай... Мне желанно забвенье.

Если вздумал венец мой, себе на беду,
Ты похитить, помедли... ведь я отойду.

А когда отрешусь я от мира — ну что же! —
Унесешь мой венец, мою голову тоже».

Искендер застонал: «О великий! О шах! —
Близ тебя — Искендер. Пал зачем ты во прах!

Почему к твоему я припал изголовью
И забрызган твой лик твоей царскою кровью!

Но к чему эти жалобы? Всё свершено!
Что стенанье? Тебе не поможет оно!

Если б к звездам поднялся челом ты венчанным,
Я служеньем служил бы тебе неустанным.

Но у моря — ко мне снисходительным будь! —
Я стою в волнах крови, — в крови я по грудь.

Если б я заблудился иль было б разбито
На пути роковом Вороного копыто,

Может статья, твой вздох не терзал бы меня.
И такого не знал бы я страшного дня...

Я клянусь! Я творцу открывал свою душу,
Я сказал, что я смерть на тебя не обрешу.

Но ведь камень внезапный упал на стекло.
Нет ключа от спасенья. Несчастье пришло.

Ведь остался из отпрысков Исфендиара
Ты один! О, когда бы мгновенна и яра

Смерть меня сокрушила и я бы притих
С побледневшим челом на коленах твоих!

Но напрасны моления! Ранее срока
Мы не вымолим смерти у грозного рока.

Каждый волос главы наклоненной твоей
Сотен тысяч венцов мне милей и ценней.

Если б снадобье было от губельной раны,
Я, узнавши о нем, все объехал бы страны.

Да исчезнут все царства! Да меркнет их свет,
Если Дария больше над царствами нет!

В кровь себя итерзай над престолом, который
Опустел, над венцом, что не радует взоры!

Да исчезнет навек смертоносный цветник!
Весь в шипах садовод, — он в крови, он поник!

Грозен мир, им повержен безжалостно Дарий:
Подавая нам дар, яд скрывает он в даре.

Нету силы помочь кипарису, и плач
Я вздымаю. Заплачь, мое сердце, заплачь!

В чем желанье твое? Подними ко мне вежды.
Что пугает тебя? Что дарует надежды?

Прикажи мне, что хочешь: обет я даю,
Что с покорностью выполню волю твою».

Слышал стон этот сладостный тот, кто навеки
Уходил, и просительно поднял он веки

И промолвил: «О ты, чей так сладок удел,
О преемник благой моих царственных дел,

Что отвечу? Ведь я уже в мире угрюмом,
Я безвольнее розы, несомой самумом.

Ждал от мира шербета со льдом, — он в ответ
Мне на тающем льду написал про шербет.

От бесславья горит моя грудь, и в покрове
Я простерт, но покров мой — из пурпурной крови:

И у молний, укрытых обильным дождем,
Иссыхают уста и пылают огнем.

Ведь сосуд наш из глины. Сломался — жалеем,
Но ни воском его не починим, ни клеем.

Всё бесчинствует мир, он еще не притих.
Он приносит одних и уносит других.

Он опасен живущим своею игрою,
Но и спасшихся прах он тревожит порою.

Видишь день мой последний. . . взглядишь. Впереди
День такой же ты встретишь. Ты правду блюди;

Если будешь ей верен, в печалей пучину
Не падешь, ты отраднее встретишь кончину.

Я подобен Бахману: сдавил его змей
Так, что он и не вскрикнул пред смертью своей.

Я — ничто перед силою Исфендиара,
А постигла его столь же лютая кара.

Все в роду моем были убиты. О чем
Горевать! Утвержден я в наследстве мечом.

Царствуй радостно. Горькой покорствуя доле,
Я не думаю больше о царском престоле.

Но желаешь ты ведать, чего б я хотел,
Если плач надо мной мне пошлется в удел?

Три имею желанья. Простер свою длань я
К миродержцу. Ты выполни эти желанья.

За невинную кровь — вот желанье одно —
Быть возмездью вели. Да свершится оно!

Сев на кейский престол — вот желанье второе, —
Милосердье яви в государственном строе.

Семя гнева из царской исторгнув груди,
Наше семя, восцарствовав, ты пощади.

Слушай третье: будь хладным и сдержанным с теми,
Что мой тешили взор в моем царском гареме.

Но прекрасную дочь мою Роушенек,
Мной возвращенную нежно для счастья и нег,

Ты возвысь, осчастливь своим царственным ложем:
Мы услады пиров нежноликими множим.

В ее имени светлом — сиянья печать;
Надо Солнцу со Светом себя сочетать».

Внял словам Искендер. Всё сказал говоривший.
Встал внимавший, навек засыпал говоривший.

Мрак покрыл небосвод, покоровший Багдад,
Скрывший царский дворец и весь царственный сад,

Сбивший плод с древа Кеев и сшивший для дара
Синий саван — огромное Исфендиара.

День отвел от земли свой приветливый взгляд.
Стал невидим рубин, появился агат, —

И всю ночь Искендер сокрушался, взирая
На того, кто был славен от края до края.

Он взирал на царя, но рыдал о себе.
Тот же выпьет он яд, шел он к той же судьбе.

И рассвет на коне своем пегом встревожил
Всё вокруг и коня разнуздал и стреножил.

Приказал Искендер, чтоб обряжен был шах,
Чтобы прах опустили в родной ему прах

И под каменным сводом к его новоселью
Чтоб воздвигли дворец с золотой колыбелью.

И когда сей чертог был усоншему дан,
Мир забыл, кто виновник бесчисленных ран.

Обладателей тел почитают, покуда
В их телах есть душа, что чудеснее чуда.

Но когда их тела покидает душа,
Все отводят свой взор, удалиться спеша.

Если светоч погас, безразлично для ока —
На земле он стоял иль висел он высоко.

По земле ты бродил иль витал в небесах,
Если сам ты из праха, сойдешь ты во прах.

Много рыб, что расстались с волнами родными,
Поедаются вмиг муравьями земными.

Вот обычай земли! На поспешном пути
Все идут, чтоб идти и куда-то уйти.

Одному в должный срок он стоянку укажет,
А другому «вставай» раньше времени скажет.

Ты под синим ковром, кратким счастьем горя,
Не ликуй, хоть весь мир — яркий блеск янтаря.

Как янтарь, станет желтым лицо, и пустыней
Станет мир, — и пойдешь за одеждою синей.

Если в львином урочище бродит олень,
Его срок преуказан, мелькнет его день.

Словно птица, собирайся в отлет свой отрадный,
Не пленяйся вином в этой пристани смрадной.

Жги, как молния, мир! Не жалей ничего!
Мир избавь от себя! А себя от него!

Мотылек — легкокрыл, саламандра — хромая,
Всё ж их манит огонь, чтобы сжечь, обнимая.

Будь владыки слугой иль владыкою будь, —
Это горесть в пути или горести путь.

Вечный кружится прах, и, охвачены страхом,
Мы не знаем, что скрыто крутящимся прахом.

Это старый кошель, полный складок, и он
Затаил свои клады; не слышен и звон.

Только новый кошель будет звонок, а влага
Зашипит, если с влагой впервые баклага.

Кто б узнать в этой «Башне молчанья» сумел
Всю былую чреду злых и праведных дел?

Сколько мудрых томил в своих тленных пределах
Этот мир? Умертвил столько воинов смелых!

Свод небесный — двухцветен. Кляня и любя,
Он двойною каймою коснулся тебя:

То ты ангелом станешь, всем людям на диво,
То тебя он придавит, как злобного дива.

Он, что хлеба тебе дать под вечер не смог,
Утром в небо поднимет свой круглый пирог.

Для чего в звездной мельнице, нам на потребу
Давшей это ничто, быть признательным небу?

Ключ живой обрета, пост воспримешь легко.
Будь как Хызр. Что нам финики и молоко!

Уходи от того, в ком есть сходство со зверем, —
Люди — дивы, а дивам души мы не вверим.

Мчатся в страхе онагры, — их короток век:
Человечность свою позабыл человек.

От людей и олень, перепуган без меры,
Мчится в горы, на скалы, в глухие пещеры.

В темной роще, листву с легким шумом задев,
Вероломства людей опасается лев.

Благородства расколот сверкающий камень!
Человек! Человечности где в тебе пламень?

«Человек» или «смерть»? Ты на буквы взгляни —
И поймешь: эти двое друг другу сродни.

Мрачен дух человека и в злобе упорен,
Как зрачок человека, он сделался черен.

Но молчи и значенье молчанья пойми:
Говорить о сокровитом нельзя, Низами.

Ты меж спящих иль нет! Мертвецов они глуше;
Ты усни иль заткни хлопком тотчас же уши.

У лазурного камня учись: небосклон
С желтым — желт, с красным — красным
становится он!

По ночам, когда звезды сплетают узоры,
Многоцветным сияньем он радует взоры;

Светлым днем, когда светит великий алмаз,
Он приятен всем людям, хоть он — одноглаз.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ ИСКЕНДЕРА С РОУШЕНЕК

Из огня моя чаша. О кравний, налей
Мне воды, что послал тебе райский ручей!

Я прельщен и огнем этой чаши лучистой,
И водой животворной, прозрачной и чистой.

*

Счастлив тот, кому зимнею ночью дано
Пред собою поставить и снедь и вино,

Кто сидит рядом с милой, чьи груди — гранаты,
Без которых весь сад полон горькой утраты,

Кто гранатами милой смущен, восхищен,
Иль из чаши гранатной пьет сладостный сон,

Кто из горницы глянет в отрадное время,
В дни, как выйдет из веточек листиков племя

И весь мир, словно райский пленительный сад,
Заблестит и в дому уж не станет услад,

Кто пойдет, взяв за мускусный локон подругу,
Непоспешной походкой по свежему лугу,

Кто приблизит к устам своим розы ланит
И кого свет блаженства в сей миг осенит.

Говоривший о днях и пиров и сражений
 Ныне так закачал колыбель изложений:

Вознеся в Исфахане до звездных огней
 Свой венец, Искендер отдал несколько дней

Лишь веселым пирам во дворце своем новом.
 И припомнил он тут о гареме царевом.

И велел он, чтоб, годный для царских палат,
 По обычаю Кеев был соткан халат

Из румийского шелка, из шелка Китая
 И Египта. Чтоб, в дивных отливах блистая,

Освежал бы все души и радовал взор
 Драгоценный и царственный этот убор.

Много взять приказал он парчи златотканой,
 Много мягких мехов, и в палате пространной,

Где хранили сокровища, выбрал он ряд
 Ожерелий, чьи зерна, как пламень, горят.

Взял он мускус нескрытый и так же охотно
 Он прибавил к дарам дорогие полотна.

И в гарем он всё это отправил затем,
 Чтоб не черным, а красным казался гарем,

Чтоб кораллы на синем пылали отныне,
 Чтобы в золоте всем позабыть о кручине,

Чтоб укрылся под золотом черный гранит,
 Что печаль об усопшем в гареме хранит.

Чтобы Дарий стал тенью неясной и дальней,
 Чтобы роз, не фиалок искать в его спальне.

Разукрасив пристанище царственных нег
 И возрадовав нежную Роушенек,

Подждал он того, чтоб раскрылись бутоны
 Пробужденной весны, чтоб для девушек жены

Приготовили светлый венчальный убор
И украсили скромниц душистый пробор

В сладкий час, когда в них загорится желанье
Встретить светлого дня золотое пыланье.

И, узнав, что невесте вручили дары,
Что отказа не ждать ему с этой поры,

Царь наставнику молвил: «Красавицам живо
Обо мне всё ты выскажи красноречиво.

Миротворным деянием ты назови
Мой приезд. Я явился сюда для любви;

Я к царевне спешу в нетерпенье великом,
Чтобы взор усладить ее царственным ликом.

В почивальне Луны мир я в сердце приму,
И главу ее подданных я подниму.

Ты царевне носилки снеси золотые,
На которых меж лалов узоры густые

Бирюзы и жемчужин. Над ними она
Поплывет по садам, как земная Луна.

В пышных седлах из золота всем ее слугам
Ты коней отведи. Будь мне сватом и другом».

Поднялся Аристотель. Усердьем горя,
Он поспешно исполнил веленье царя.

В полном мускуса собственном царском покое
Обласкал он затворниц. Сверканье такое

Проявил он, проникнув за стены оград,
Словно был он ручьем, освежающим сад.

Обольщать стал он гурий дворцового рая,
На красу обольстительниц нежно взирая.

Будто яблочко, был каждый сладостный лик,
Но лукавства немало он видел улик.

И играть стал он так, как играют порою
Люди яблочком: «Вам, — он промолвил, — открою

Сердце царское. Шлет вам великий привет
Государь. Да сверкает вам радостный свет!

Хоть судьба в своем вечном движенье суровом
И взыграла грозою над кровом дворцовым,

Всё же нет на царе Искендере вины
В той беде, что изведать вы были должны.

Есть надежда во мне, что, утратив надежды,
На надежду вы снова поднимете вежды.

Уделить вам от счастья желает он часть.
Благотворно свою проявляет он власть.

По желанию Дария—сердцу к тому же
Своему подчиняясь, — он хочет поту же

С вами связанным быть: быть сродни. Таксва
Его воля. Такие сказал он слова:

«Для венца моего свет блистательный нужен,
Я жемчужины жду всех светлее жемчужин.

Озарит эту розу мой радостный лик,
Превратит эта роза дворец мой в цветник».

Дал обет Искендер. Он и честен и пылок.
Посмотрите на блеск мне врученных носилок.

В этот радостный край царь направил коня,
Чтобы свадьбы дожидаться отрадного дня.

Никому о себе не доверил он речи.
Сам он прибыл сюда для торжественной встречи.

Пусть невесте носилки подать поспешат,
Пусть отрадное дело скорей совершат».

И толмач передал то, что молвили жены:
«Благоденствуй, Ирана почтивший законы!

Только с доблестным мы породнимся, о шах!
Все иные мелькают, как взвихренный прах.

Книга мудрости есть. Вот реченье оттуда:
«Лишь погонщик осла — друг владельцу верблюда».

Тронуть ложе царя — наивысший почет,
Преклониться пред ним — вознестись до высот.

Как рабыни, служить мы царю не устанем,
И, супругами став, мы рабынями станем.

От велья царя отвращаться нельзя.
Это ключ золотой, золотая стезя.

Если нас он родством осчастливит прекрасным,
То царевны чело станет месяцем ясным.

Примем в дар всё, что ты от Хосрова принес:
Род Хосрова и нас осенил и вознес.

В день, когда с нашим домом, таким родовитым,
Властелин пожелает навеки быть слитым,

Мы, ему служа, пойдем во дворец
И восславим его благодатный венец».

Был посланец доволен подобным ответом
И пошел он к царю и поведал об этом.

Искендер просиял. Ведь хороший ответ
В каждом сердце зажжет свой живительный свет,

А дурной, достигая до нашего слуха,
Угашает сияние нашего духа.

В день благих указаний таинственных сил
И удачных сплетений небесных светил

Искендер, осеняемый славой великой,
Возвестил, что венчается он с луноликой.

Полон верной любви, по уставу, как встарь
Полагалось, дал клятву свою государь.

И, крепя свой обет, с блеском царского сана
Дал он светлой супруге всё царство Ирана.

Он велел мастерам, возбуждая в них жар,
Разукрасить и город и шумный базар.

Всю страну, что была так недавно угрюма,
Шелк Хорезма одел с алтабасом из Рума.

Словно сказочный город неведомых стран,
Драгоценной парчой оплели Исфахан.

Опустили ковры с плоских кровель и башен,
И кошмой бирюзовой весь мир был украшен.

В поднебесье знамена взнесли; до основ
Переделали мир. Стал он светел и нов.

Переулки, базары покрылись шатрами,
Все забыли дела, все пленялись пирами.

Перекрестки заполнил разряженный строй
Музыкантов с их громкой и звонкой игрой.

Всюду сахар сжигали, сжигая алоэ,
Но сгорало и сердце завистников злое.

От Хизана до мест, где журчал Зинде-руд,
Пели сазы, звенел утешительный руд.

Столько винных ручьев забурлило повсюду,
Что пришлось опьяниться и Мамешан-руду.

Черный мускус таразский — пришел его срок —
Развязал свой мешочек. День первый истек.

Вновь заря, вся из роз, всем послала усладу.
Месяц с солнцем прошли по небесному саду.

Снова в сахар оделся восток, и возрос
В небе праздничный купол из пламенных роз.

Распевали певцы. Что могло быть прелестней
Голосов, целый мир услаждающих песней!

И опять черный шелк разостлавшая мгла,
Словно ракушку, месяц в высоты внесла.

(Продавец благовоний в сей ракушке, верно,
Растирал ароматы.) Сияя безмерно

Красотою, невеста — вторая луна —
Заплетала свой мускус. Мечтала она,

И миндаль ее глаз и ланит ее сладость —
Всё готовилось ею владыке на радость.

Мгла распалась. Зари золотая рука,
Как невесты рука, отстранила шелка.

Царь проснулся, и сердце его опьянело,
Колокольчиком русов оно зазвенело.

И таким пированием занялся он,
Что от зависти к пиру померк небосклон.

И шутил он со знатью над чашей веселой,
И совсем голова его стала тяжелой.

Столько щедрых даров он велел разослать,
Что измучили землю, нося эту кладь.

Разорвав ожерелье дневного светила,
Мгла вечерняя яхонт в ладони схватила,

Буйсхакскую всё же пленясь бирюзой,
За него отдала она пламенный свой.

К утоленью спеша, все исполнив обряды,
Царь дождался поры долгожданной улады,

И велел привести он прекрасную в сад
С той, что в сад облекла эту розу услад.

И невесте промолвила мать, открывая
Ей значенье всего: «Как заря огневая,

Искендер. По заслугам его оцени.
Этот яхонт жемчужинам нашим сродни.

Он, вручая нам власть над просторами мира,
Возвратит нам величье и силу эмира.

Если выбрал он путь, по нему нам идти,
И прекрасней царя на земле не найти.

Его поясом сделай душистый свой локон,
Чтоб царя Искендера к веселью повлек он.

Коль другому на сердце подаришь права,
Пояс царский украсит его голова.

В твоём ухе кольцо, но кольцо это всё же
Без румийца — дверного кольца не дороже.

С ним поласковой будь, мы подвластны ему:
Он пришел к нам на смену отцу твоему».

И всё то, что промолвила мать чаровницы,
Приняла ее дочь, опуская ресницы.

Вот несут золотые носилки (цари
Не видали подобных!) и вводят перй

К жениху и ее, недоступную взорам,
Помещают за тканью с блестящим узором.

И когда принесли в этот царский чертог
Подношенья — ну кто бы исчислить их смог? —

Мать невесты, с велением неба не споря,
Поручила жемчужину милости моря.

От владык, чьи иссякли уже времена,
Оставалась на свете она лишь одна.

«Не скажу я, о царь, что жемчужину рая
Я вручаю супругу, чья слава без края,

Нет, прими сироту, чей погублен отец.
Сироту, чьей страны разломился венец,

Искендеру вручаю. Ты ведаешь это,
И грядущее мглой для тебя не одето».

И венцом осененную Роушенек
Принял царь Искендер в свое сердце навек.

Перед станом самшита предстала лилея,
На царевом лугу горделиво белея.

Прелесть алого рта всё ж была не строга,
И лобзаннями царь стал скупать жемчуга.

Он увидел перй, встав с которою рядом,
Все перй не могли бы приманивать взглядом.

Чей был рот ароматней и сладостней — чей?
Лучший сахар был раб ее сладких речей.

То был взор ее быстрым, лукавым, нескромным.
То, врачуя больного, сам делался томным.

Прядь волос завивалась, черна и густа,
Что-то родинке близкой шептали уста.

То она, подчиненная лишь своеволью,
На сердца воздыхателей сыпала солью,

То улыбкой и легким движением вежд
Порождала в их душах немало надежд.

Розы розовый лик посрамил бы и розу,
Горьких розовых слез нес он страстным угрозу.

Тень кудрей ниспадала на сладостный лик,
Что источником света пред взором возник.

Эту тень и источник увидев, привалом
Искендер усладился таким небывалым.

И взглянул на нее оком верности он.
Сердце милой, обняв ее, взял он в полон.

Он прижал к себе ту, что похитила сердце.
И желанная сердцу насытила сердце.

Стал светлей он от Светлой. И словно весь край
И дворец обратились в сияющий рай.

Называл он царицу владычицей света;
И в почете сияла прелестница эта,

Потому что была неизменно она
Терпелива, стыдлива, нежна и умна.

Ключ от множества стран дал он Светлой в подарок.
Стал престол ее царства возвышен и ярок.

Он и часа не мог провести без того,
Чтоб не видеть лица божества своего.

Отдыхая в стране благодатнее рая,
На посланницу рая взирал он, сгорая.

И когда предрассветный скрывался туман
И над черным Хабешем смеялся Хютан,

Целый мир наполнялся бурленьем баклаги,
«Пей!» — кричали ковши, пьяной полные влаги.

И, склоняя свой клюв, в утро новое вновь
Лил по чашам кувшин темно-красную кровь.

И от чангов рокочущих царского пира
Пламенели ланиты подлунного мира.

Царь семи областей в кушаке, что являл
Семь камней цветных, небеса заставлял

Пред собою склониться почтительно долу, —
Так сиял он, склонясь к золотому престолу.

Столько пышности ввел в это празднество он,
Что казалось пирующим: всё это — сон.

Все искусники были на пиршестве, дабы
Проявлять мастерство, и звенели рубябы

В ловких пальцах. Под звучные песни певца
Стройных кравчих проворность пленяла сердца.

И напевы струились, и струны журчали
И журчаньем куда-то мечтателей мчали.

И рука Искендера была не пуста,
Вновь сокровищниц полных раскрыл он врата.

И шуршащих жемчужин за грудую груду
Раздавал он войскам и разбрасывал всюду.

И весь мир он одел и в рубин и в лучи
Багряницы своей и блестящей парчи.

Словно солнцем он был, щедрый пламень являя
И сияньем своим целый мир наделяя.

Словно солнцем он был, раздающим свой свет, —
Свет бессмертный, которому убыли нет.

Быть скупым не пристало царю всего света.
Беспредельная щедрость — великих примета.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О НУШАБЕ

Дай мне, кравчий, вина, что во мраке ночей
Укрепляет наш дух, словно чистый ручей.

Я сгораю, ведь скорби во мне преизбыток.
Научился я пить твой отрадный напиток.

*

Так прекрасна Берда, что январь, как и май,
Для пределов ее — расцветающий рай.

Там на взгорьях в июле раздолье для лилий,
Там весну ветерки даже осенью длили,

Там меж рощ благовонных снует ветерок;
Их Кура огибает, как райский поток,

Там земля плодородней долины Эдема,
«Белый сад» переполнен цветами Ирема,

Там кишачий фазанами дивно красив
Темный строй кипарисов и мускусных ив,

Там земля пеленою зеленой и чистой
Призывает к покою под зеленью мглистой,

Там в богатых лугах и под сенью дубрав —
Круглый год благовонье живительных трав,

Там все птицы краев этих теплых. Ну что же...
Молока ~~хочешь~~ птичьего? Там оно — тоже.

Там дождем золотым нивам зреющим дан
Отблеск золота; блещут они, как шафран.

Кто бродил там с отрадой по благостным травам,
Тот печалей земных не поддастся отравам.

Но Берда ниспровергнута. Ветра рука
Унесла из нее и парчу и шелка.

В ней осыпались ~~розы~~, пылавшие ало,
В ней не стало ~~нарциссов~~, гранатов не стало.

Устремясь к ее рощам, войдя в ее дол,
Ты бы только щепу да потоки нашел.

Или травы, что здесь в златоцветах блистали,
Из зерна справедливости древле взрастали?

Если правда здесь вновь утвердится — красив
Снова станет узор здешних пастбищ и нив.

Да, коль шах обратит взор свой к этому лону,
Вновь он даст украшения древнему трону.

Этот край прозывался Харумом, потом
Был Бердою учителем назван, и в нем,

Породившем прославленных мощное племя,
Много кладов укрыло поспешное время.

Где цвело столько роз, взор людской утоля?
Где еще столько кладов укрыла земля?

*

Нам поведал мудрец, клады слов разбирая:
Воцарилась в стране, что прекраснее рая,

Нушабе; за отрадною чашей вина
Круглый год, веселясь, проводила она.

Непорочной газелью бродя по долинам,
Красотою была она схожа с павлином.

И была она, славой сияя большой,
Что мудрец — благодетелем, что ангел — душой.

Ровно тысяча дев с нею было; их лица
Окружали ее, словно лун вереница.

Тридцать тысяч гулямов служило при ней,
Все имели они быстроногих коней.

Но мужам был заказан предел ее крова:
В свой дворец не впустила б она и родного.

Только жены вели ее царства дела,
И к мужам благосклонной она не была.

Все советницы были разумны, — к чему же
Было им помышлять о каком-либо муже?

А гулямы, которыми край был храним,
Проживали в уделах, назначенных им.

Даже к тени дворца иль дворцовой ограды
Не посмели б они устремить свои взгляды.

Но, приказ Нушабе исполняя любой,
За нее они всюду вступили бы в бой.

Царь, приведший войска к этим нивам и водам,
Воздвигая шатер, что был схож с небосводом,

Увидал и луга и безмерный посев
И спросил, всю окрестность сию оглядев:

«Кто в раю этом правит? Каким властелином
Безмятежность дана этим светлым долинам?»

Отвечали царю: «Всё, что в этой стране, —
Вручено небесами прекрасной жене.

Разум зоркой владычицы с мудростью дружен.
А по крови она чище лучших жемчужин.

Сердце чистой — прозрачный, благой водоем,
И печется она о народе своем.

Много мужества в ней; древней былью повеяв,
Говорит ее храбрость о доблести Кеев.

Венценосна она, но не носит венца,
И войска не видали царицы лица.

Есть гулямы при ней. Но ни днем и ни ночью
Не видали жены они этой воочью.

Много дивных, чья грудь словно нежный жасмин,
Ей во всем помогают. Лишь сахар один

Равен сладостью с этими женами. Люди
Не видали гранатов круглей, чем их груди.

Горностай и шелка в вечной дрожи на них:
Посрамятся, — не ведали нежных таких!

Если б с неба взглянули на них серафимы,
Тотчас пали бы наземь, любовью палимы.

Блещет каждая в роще и светит в дому,
Как светильник иль солнце, спугнувшее тьму.

Так сияют они, что опасно для ока
Поглядеть на красавиц хотя б издалека.

Кто б их голос услышал в их райском краю —
Их бы прихоти отдал всю душу свою.

Их в жемчужинах шен, а уши их в лалах.
Их уста — рдяный лал, жемчуг в ротиках алых.

Чье заклятье над ними — не знаем, но страсть
Не простерла на них свою жаркую власть.

Их приятель — напев, их забвение — в чаше.
Ничего им на свете не кажется краше.

Это воля премудрой и чистой жены
Отгоняет от них сладострастные сны.

И чертоги ее с пышным капищем схожи,
И туда беспрепятственно дивные вхожи.

И она, хоть мужчинам к ней доступа нет,
Каждый день созывает свой царский совет.

У нее во дворце есть большая палата,
Что не только ковром златотканым богата:

Там хрустальный поставлен блистающий трон,
И рядами жемчужин он весь окаймлен.

Весь дворец ее блещет каменье в лучах
И, как светоч иль месяц, сияет ночах.

Каждым утром, взойдя на высокий престол,
Взор царица возносит в заоблачный дол.

Всем, кто в этой палате, невестою мнится
Меж невест служающих эта царица.

И все жены цветут; в созерцанье они
И в веселье проводят счастливые дни.

Но в дремоте своей и за радостным пиром
Розы помнят того, кто сияет над миром.

И жена, чье чело так пристало венцу,
Не жалеет себя в поклоненье творцу.

И не спит во дворце, схожем с божеским раем,
В мудрой зоркости. Также о доме мы знаем,

Что из мраморных глыб. Ночью, словно луна,
Одинокая, в дом этот входит она.

Там за тихим, для всех недоступным порогом,
До утра она страждет, склоняясь пред богом.

Лишь ко сну она голову склонит — и вот
Вскинет снова, как птичка, которая пьет.

И затем в окруженье перй она снова
Пьет вино и внимать милым песням готова.

Так она управляет стремлений конем:
В ночь — сюда повернет, а туда — светлым днем.

В ночь молитвам она предана, а с рассветом
Хочет радостной быть — видит благо лишь в этом.

Так ведет меж подруг она круг своих дней.
Пробывают гулямы в заботах о ней».

Искендер, обольщенный такими речами,
Всё хотел бы увидеть своими очами.

Вся окрестность цвела, воды мчались по ней,
Дол казался «алхимиков камня» ценней.

За вином, в изобилье таком небывалом,
Искендер отдыхал, наслаждаясь привалом.

Но уже к Нушабе весть пришла во дворец,
Что блещит недалеко румийский венец.

И готовиться стала она к услуженью,
Ибо знала: весь мир — под румийскою сенью.

И, румийцу служа, как царю своему,
Наилучшие яства послала ему.

Кроме птиц для стола и животных отборных
И коней под седло многоценных, проворных, —

Злаки, блеском своим привлекавшие взгляд,
Ароматная снедь и приправы и ряд

Златокованных чаш, чтоб свершать омовенья,
И плоды и вино, что дарует забвенью,

Мускус, травы, чей дух полон сладостных чар,
За харварами сахара новый харвар, —

Для того, кто царил так премудро и мощно,
От нее привозили и денно и ночью.

Искендеру подарки и яства даря,
Не забыла она и придворных царя.

И, ее благородством пленясь и делами,
Все царицу Берды осыпали хвалами.

Искендер еще больше направить свой путь
К Нушабе захотел, чтоб хоть глазом взглянуть,

Так ли скрытен дворец в ее райской столице,
Так ли дело правленья покорно царице,

Так ли властна она, так ли облик пригож,
Правда ль слухи о ней, или всё это ложь?

*

Сумрак ночи, Шебдиз над горами большими
Был подкован подковами дня золотыми.

Сел в седло Искендер; путь он хитрый нашел:
К Нушабе он отправился, словно посол.

И, с коня соскочив у дворцового входа,
Государь отдохнул. До небесного свода

Поднимался дворец, и казалось: пред ним
Всё склонилось, и был он лазурью храним.

Увидав, что гонец на дворцовом пороге,
Всполошились рабыни и в царском чертоге

Доложили царице о дивном после
От владыки, что блеск даровал их земле:

«Этот светлый гонец схож с крылатым Сурушем,
Что с благим предвещаньем спускается к душам!

В нем великого разума светится свет
И сияньем божественным весь он одет».

И свой тронный покой Нушабе осветила,
Путь запретный она в золотой обратила.

Луноликих она разместила в ряды.
С двух сторон расцвели золотые сады.

Мускус тягостных кос оплетья жемчугами,
Вся она в жемчугах заблестала шелками,

И прекрасным павлином казалась она,
И сияла она, и смеялась она,

И воссела в венце на сверкающем троне
С апельсином, наполненным амброй, в ладони.

Повелела она, чтоб гонца к ней ввели,
Соблюдая весь чин ей подвластной земли.

Но посланец, как лев, отстранивши препону,
Появился в дверях и направился к трону.

И меча он не снял, и, как должно гонцу,
Он земного поклона не отдал венцу.

Быстролетно окинул он огненным взором
Весь чертог, полный блеска и света, в котором

Райских гурий за рядом увидел он ряд
И который был райским дыханьем объят.

Столько светлых на девах сверкало жемчужин,
Что, взглянув, ты бы пролил немало жемчужин.

И узоры ковра, словно лалы горя,
Разогрели подковки сапожек царя.

Словно россыпи гор и сокровища моря
Воедино слились, весь чертог разузора.

Поглядев на посла — и медлителен он,
И пред ней не свершил он великий поклон,
Как пристало послу пред царицей иль шахом! —
Нушабе была смутным охвачена страхом.
«Расспросить его должно, — решила она, —
Что-то кроется здесь! В нем угроза видна!»
Но, окинув гонца взором быстрым, как пламень, —
Так менялы динары бросают на камень, —
Лишь мгновенье она колебалась. Посол
Приглашен был воссесть рядом с ней на престол.
Был достоин сидеть он с царицею рядом:
Узнан был Искендер ее пристальным взглядом.
Семь небес голубых восхвалила жена,
И восславила вслед миродержца она,
Но догадки своей не открыла; нескромной
Не явилась и, взор свой потупивши томный,
Не сказала тому, кто смышлен и могуч,
Что в руке ее к тайне имеется ключ.
Искендер, по законам посольского чина,
Как почетный гонец своего господина,
Восхваливши царицу прекрасной страны
И сказав, что ему полномочья даны
Тем царем, что велик и чья праведна вера, —
Начал так излагать ей «слова Искендера»:
«О царица, чья слава сияет светло,
Чье величье — величье всего превзошло,
Почему, хоть на день свои бросив угоды,
Ты ко мне повернуть не желаешь повода?
Иль я слабость явил, что презрен я тобой?
Иль нанес тебе вред, что полна ты враждой?
Где отыщешь ты меч и тяжелый и смелый,
Где отыщешь ты метко разящие стрелы,

Что спасли бы тебя от меча моего?
Путь ко мне обрети. Он вернее всего.

На пути в мой шатер запыли свои ноги.
Устрашись! Мне подобные — могут быть строги.

Если я по путям твоим вздумал идти,
Бросив тень своей мощи на эти пути, —

Почему к моему не пришла ты престолу?
Почему не склонила главы своей долу?

Ты, царица, подумала лишь об одном:
Ублажить меня снедью, плодами, вином,

Блеском утвари ценной, — я принял всё это,
Но и ты не отвергни благого совета.

Сладко видеть тебя с твоим блеском ума.
Всем даруешь ты счастье, как птица Хума.

Размышлений дорога премудрой знакома,
К нам ты завтра явись в час большого приема».

Замолчал Искендер, и склонил он чело
В ожиданье ответа. Мгновенье прошло,

И раскрыла тогда Нушабе для ответа
Свой прелестный замочек пурпурного цвета:

«Славен царь, у которого мужество есть
Самому доставлять свою царскую весть.

Я подумала тотчас о шахе великом,
Лишь вошел ты, блистая пленительным ликом.

Ты не вестник — в тебе шаханшаха черты.
Ты — не посланный, нет! Посылающий — ты.

Твое слово как меч, шею рубящий смело,
Ты, грозя мне мечом, изложил свое дело.

Но меча твоего столь высоким был взмах,
Что постигла я мигом, что ты шаханшах.

Искендер! Что твердишь о мече Искендера?
Как же ныне тобой будет принята мера

Для спасенья? Зовешь меня — сам же в силки
Ты попал. Поразмысли, беспечный ездок!

Залучило тебя в мой дворец мое счастье.
Я звезду свою славлю за это участие!»

Молвил царь: «О жена, чей прекрасен престол!
К подозреньям напрасным твой разум пришел.

Искендер — океан, я — ручей, и под сенью
Лучезарной ты солнце не смешивай с тенью.

На того не похож я, царица моя,
У кого много стражей таких же, как я.

Не влекись, госпожа, к размышленью дурному
И владыку себе представляй по-иному.

Без гонцов неужели обходится он
И посланья свои сам возить принужден?

У царя Искендера придворных немало,
Утруждать свои ноги ему не пристало».

И опять Нушабе разомкнула уста:
«Вся надежда твоя, миродержец, пуста.

Не обманешь меня: Искендера величья
Ты не скрыл, своего не скрывая обличья.

Величавый! Твои величавы слова.
Шкурой волка не скроешь всевластного льва.

И послам под сиянием царского крова
Не дано так надменно держать свое слово.

Не смягчай своей спеси — столь явной, увы! —
Не склонив перед нами своей головы,

Кровожадно вошел бы сюда и спесиво
Только царь, для которого власть не диво.

Есть еще кое-что у меня про запас,
Чтобы тайну свою от меня ты не спас».

Молвил царь: «О цветущая дивной красотою!
Речи льва исказаться не могут лисою.

Пусть тебе я кажусь именитым, но всё ж
Я — гонец и с царем Искендером не схож.

Что могу я сказать о веленье владыки?
Повторил я лишь то, что промолвил великий.

Ты надменным считаешь послание, но
Разрешать ваши споры послу не дано.

Если резкой тебе речь посредника мнится,
Вспомни: львом, не лисою я послан, царица.

Есть устав Кеянидов: по царским делам
Ни обид, ни вреда не бывает послам.

Я лишь ключ от замка государевой речи.
Так не бей по ключу, будь от гнева далече.

Поручи передать мне твой чинный ответ.
Я отбуду, мне дела здесь более нет».

Нушабе рассердилась: с отвагою львиной
Вздумал солнечный свет он замазывать глиной!

Загорелась, вскипела и, гневом полна,
В нетерпенье великом сказала она:

«Для чего предался нескончаемым спорам?
Глиной солнце не мажь!» И, блеснув своим взором,

Приказала она принести поскорей
Шелк, на коем начертаны лики царей.

Угол свитка вручив Искендеру, сказала
Нушабе: «Не глядит ли вот тут из овала

Некий лик? Не подобен ли он твоему?
Почему же начертан он здесь, почему?

Это — ты. Иль предашься ты вновь пустословью?
Тщетно! Своды небес не прикроешь ты бровью».

По приказу жены развернувши весь шелк,
Многославный воитель невольно умолк:

Он увидел себя, он узрел — о коварство! —
В хитрых дланях врага свое славное царство.

И, в неожиданный рисунок вперяя свой взор,
Он застыл: тут бесплодным окажется спор!

Желтизной его лик мог напомнить солому.
Да не даст его бог ухищрению злому!

Нушабе, увидав, что смущен этот Лев,
Стала мягкой, всю гневность свою одолев,

И сказала она: «О возлюбленный славы!
У судьбы ведь не редки такие забавы.

Ты звездой благою ко мне был ведом.
Ты считай своим домом сей царственный дом.

И тебе я покорною буду рабыней.
Здесь ли, там ли — я буду повсюду рабыней.

Для того показала тебе я твой лик,
Чтобы в сущность мою ты душою проник.

Я — жена, но мой круг размышления шире,
Чем у женщин иных. Много знаю о мире.

Пред тобою, о Лев, я ведь Львицей стою,
И тебе я всегда буду равной в бою.

Если я, словно туча, нахмурюсь — то с громом
Будет мир ознакомлен и с молний изломом.

Львам я ставлю тавро, знаю силу свою.
Крокодиловый жир я в светильники лью.

От любви увлекать меня к бою не надо,
Укорять ту, что вся пред тобою, — не надо.

Ты шипы не разбрасывай — сам упадешь.
Дай свободу другим — сам свободу найдешь.

Коль меня победишь — не добудешь ты славы.
В этом люди увидят бесчинство расправы.

Если ж я, повея ратоборства игру,
Одолею тебя, я ведь шаха запру.

Пусть меня ты сильней, бой наш будет упорен.
Я прославлена буду, а ты опозорен.

Говорил постигавший всех распрей судьбу:
«Никогда не вступай с неимущим в борьбу.

Так он будет стремиться к добыче, что, ведай,
Не тебе, а ему породниться с победой».

Знай, хоть край мой в границы свои заключен,
Я слежу за владыками наших времен.

Знай — от Инда до Рума, от скудной пустыни
До пространства, что божьей полно благостыни,—

Разослала повсюду художников я
И мужей, проникающих в тьму бытия,

Чтоб, возрев и прислушавшись к общему толку,
Мне подобья царей начертали по шелку.

Так из каждого края, что мал иль велик,
Мне везут рисовальщики царственный лик.

И гляжу я в раздумье на эти обличья,
И, чтоб тоньше постичь царских ликов различья,

Я о тех, по которым я взор свой веду,
От мужей многоопытных сведений жду.

Письмена их прочтя, их с рисунком сличая,
Узнаю я властителя каждого края.

И любого царя с головы и до пят
Изучает мой взор. Мои мысли кипят,

И мужей, захвативших и воду и сушу,
Я пытаюсь постичь и проникнуть в их душу.

Я сличаю державных — кто плох, кто хорош.
Есть наука об этом. Наука — не ложь!

Я царей изучаю внимательно племя.
Не в одних лишь усладах течет мое время.

На раздумий весах узнаю я о том,
Кто из всех властелинов бесспорно весом.

Мне на этом шелку, о венец мирозданья,
Ничего нет милей твоего очертанья!

Словно слава над ним боевая царит
И о мягкости также оно говорит».

И царица, сияя подобно невесте,
По ступеням сошла, чтоб на царственном месте

Искендер был один; будь хоть каменным трон —
Ни вовек двух всевластных не выдержит он.

Потому лишь игра мучит сердце любое,
Что два шаха в игре и соперников двое.

И, покинув свой трон, перед шахом жена
Стройный стан преклонила, смиренья полна,

И, затем на сидение сев золотое,
Услужать ему стала. Смущенье большое

Искендера объяло; стал сам он не свой
Перед этою рыбкою, хищной такой.

Он подумал: «Владеет красавица делом,
И полно ее сердце стремлением смелым.

Но за то, что свершить она должным сочла,
Ей от ангелов горних пошлетя хвала.

Всё ж бестрепетной женщине быть не годится:
Непомерно свирепствует смелая львица.

Быть должны легковеснее мысли жены.
Тяжкой взвешивать гирей они не должны.

Быть в ладу со стыдливостью женщинам надо.
Звук без лада — лишь крик; есть ли в крике услада?

«Пусть жена за завесою лик свой таит
Иль в могиле укроется», — молвил Джемшид.

Ты не верь даже той, что привержена вере.
Хоть знаком тебе вор — запирай свои двери.

Безрассудный посол! — он себя поносил. —
Для защиты своей не имеешь ты сил.

Над тобою нежданные беды нависли.
Ты попался! Ну что ж! Напряги свои мысли!

Если б встретил врага, а не женщину ты,
Если б в ней не таилось ее доброты,

Ты давно бы забыл о возвратной дороге:
Обезглавленным пал бы на этом пороге.

Если ныне я целым отсюда уйду,
На желанья свои наложу я узду.

И лица своего прикрывать я не стану.
Прибегать безрассудно к такому обману.

Коль нежданного плена обвил меня жгут,
То не нужно мне новых мучительных пут.

Мы спасаем букашку, упавшую в чашу,
Применяя не силу — находчивость нашу.

Терпеливым я стану; всё это лишь сон.
Он исчезнет. Ведь буду же я пробужден!

Я слышал: человек, предназначенный казни,
Шёл смеясь, будто вовсе не ведал боязни.

И спросили его: «Что сияешь? Ведь срок
Твоей смерти подходит, твой путь — недалек».

Он ответил: «Коль жизни осталось так мало,
То в печали ее проводить не пристало».

Был разумен его беспечальный ответ.
И во мраке создатель послал ему свет.

Хоть порой должный ключ мы отыщем не скоро,
Но откроем мы всё ж таки створку затвора».

Еще много иного сказал он себе
И решил покориться нежданной судьбе.

Если мощный в пути одинок, то не диво,
Что в своем одиночестве встретит он дива.

Коль без лада певец свой затянет напев,
В своем сазе насмешку услышит и гнев.

И, познав, что напрасным бывает хотенье,
Растревоженных мыслей смирил он смятенье.

Победит он терпением постыдный полон!
И на счастье свое понадеялся он.

Нушабе приказала, ему служаая,
Чтобы те, что подобны красавицам рая,

Всевозможною снедью украсили стол
И чтоб яствами лучшими весь он расцвел.

И рабыни, сверкая, мгновенно, без шума,
Приготовили стол для властителя Рума.

Сотни блюд принесли, и вздымались на них
Бесконечные груды различных жарких

И хлебов, чья душистость подобилась чуду,
И лепешек румяных внесли они груды,

Чтоб рассыпать по ним, словно россыпь семян,
Много сладких печений. Был нежен и прян

Дух пленительный хлебцев; в усладе сгорая,
Ты вдыхал бы их амбру, как веянье рая.

Кряж такой из жаркого и рыбы возник,
Что подземные гнулись и Рыба и Бык.

От бараньего мяса и кур изобилья
У смеющейся скатерти выросли крылья.

И миндаль и фисташки забыли свой вкус, —
Так пленил их ричар, так смутил их масус.

И от сочной халвы, от миндальных печений
Не могли леденцы не иметь огорчений.

Палуде своей ясностью холодной умы
Прояснило бы те, что исполнены тьмы.

И напиток из розы фука благодатный
Разливал по чертогу свой дух ароматный.

Златотканую скатерть отдельно на трон
Расстелили. Был утварью царь удивлен.

Не из золота здесь, не для снеди посуда:
На подносе — четыре хрустальных сосуда.

В первом — золото, лалами полон второй,
В третьем — жемчуг, в четвертом же — яхонтов рой.

И когда в этом праздничном, пышном жилище
Протянулись все руки к расставленной пище,

Нушабе Искендеру сказала: «Любой
Кушай поданный плод, — ведь плоды пред тобой».

Царь воскликнул: «Страннее не видывал дела!
Как бы ты за него от стыда не зардела!

Лишь камня в сосудах блестят предо мной.
Несъедобны они. Дай мне пищи иной.

Эта еда, о царица, была б нелегка мне,
Не мечтает голодное чрево о камне.

На желанье вкушать — должной едой ответь,
И тогда я любую отведаю еда».

Рассмеялась Луна и сказала проворно:
«Если в рот не берешь драгоценные зерна,

То зачем ради благ, что тебе не нужны,
Ты всечасно желаешь ненужной войны?»

Что зыскуешь? Зачем столько видишь красы ты
В том, чем люди вовеки не могут быть сыты?

Если лал несъедобен, скажи, почему
Мы, как жалкие скряги, стремимся к нему?

Жить — ведь это препятствий отваливать камень.
Так зачем же на камни наваливать камень?

Кто камня собрал, тот изгрызть их не мог,
Их оставил, уйдя, словно камни дорог.

Лалы брось, если к ним не пылаешь пристрастьем,
Этот щебень в свой срок оглядишь с безучастьем».

Царь упрекам внимал; он прислушался к ним,
И, не тронув того, что сверкало пред ним,

Царь сказал Нушабе: «О всевластных царица!
Пусть над миром сиянье твое разгорится!

Ты — права. Выйдет срок — в этом спора ведь
нет —
Станет камню простому сродни самоцвет.

Всё ж полней, о жена, я б уверился в этом,
Если б также и ты не влеклась к самоцветам.

Коль в уборе моем и блеснит самоцвет,
То ведь с царским венцом вечно слит самоцвет.

У тебя ж — на столе самоцветов мерцанья.
Так направь на себя все свои порицанья.

Накопив самоцветы для чаш и стола,
Почему ты со мною столь строгой была?

О владельце камней худого ты мненья.
Почему же весь дом твой покрыли камни?

Всё ж разумной женою ты кажешься мне,
И твои поученья уместны вполне.

Да пребудешь ты вечно угодною богу, —
Ты, что даже мужам указуешь дорогу!

О жена! От себя твое золото я
Отставляю. И в этом заслуга твоя».

И, счастливая этой великой хвалою,
Совершивши поклон, до земли головою

Преклонясь, повелела она лишь тогда
Пред царем Искендером поставить блюда,

И, поспешно испробовав яства, сияя,
Их царю предложила, и, не уставая,

Хлопотала, пока Искендер не устал
От еды и в дорогу готовиться стал.

Взяли клятву с царя, что не станет угрюма
Золотая Берда от нашествия Рума.

Дав охранную грамоту, сел он в седло,
Поскакал: на душе у царя отлегло.

Понял он: от лукавой игры небосвода
Оградил его бог. Сколь отрадна свобода!

И, уйдя от всего, чем он был утрашен,
Благодарность вознес вседержителю он.

*

Шар игральный у дня ночь взяла, но при этом
Разodela весь мир лунным, сладостным светом.

Хоть пропал золотой полыхающий шар,
Но серебряных шариков реял пожар.

Вспомнил благостный сон о царе Искендере
И закрыл ему веки — души его двери.

Отдыхал властелин до мгновений, когда
Мгла исчезла: сиянью настала чреда.

Поднял голову царь, чтоб за радостным пиром
Встретить утро, что, яро вставая над миром,

Апельсином сразило рассвет. Пропылал
Он, покрывшийся кровью, как пламенный лал.

И когда было небо в сверканиях лала,
Нушабе к повелителю путь свой держала.

И была под счастливой звездой она,
Как плывущая ввысь золотая луна.

За конем лунолякой, сверканьем играя,
Шли рабыни, как вестницы светлого рая;

Сто Нахид помрачнели б, наверно, пред ней,
Ста Нахид ее пальчик единый ценней.

И предстал царский стан перед взором царицы, —
Там нет счета шатрам, там коней вереницы,

Там от золота стягов, от шелка знамен
Прах фиалковым стал, розов стал небосклон.

Между сотен шатров, с их нарчовым узором,
Путь к царю не могла разыскать она взором,

Но, людей расспросив, прибыла ко двору —
К подпиравшему небо цареву шатру.

Золотые подпоры, из шелка канаты
И гвоздей серебро. . . Краше румской палаты

Для приемов шатер. И приема жена
Попросила, и спешила эта Луна.

И позволили ей преклонения дани
Принести и пройти под шатровые ткани.

И узрела она: со склоненным лицом
Венценосцы стоят под единым венцом.

Перед тем, кого чтили все жители мира,
Пояс к поясу встали властители мира.

И одежд их сверкающий яркий багрец
Был опасен для глаз и для робких сердец.

И стенной они росписью, чудилось, были.
О движенье, о слове они позабыли.

И невеста из замка изведала страх:
В замке труднодоступном находится шах.

Преклонясь, Нушабе начала восхваленье.
Всех могучих она привела в умиление.

Повелел государь — и сверкающий трон
Принесли. Был из чистого золота он.

Царь Луну усадил на возвышенном месте,
Ниже — тех, кто сопутствовал этой невесте.

Он прибывшей хороший прием оказал;
Что приезд ее благ, Нушабе он сказал.

Успокоилось сердце жены, и властитель
Приказал, чтоб явился пиров управитель.

И чтоб стольник скорей угощенья принес
И пустил вкруговую обильный поднос.

Но сперва, словно взят из источников рая,
Заструился джуляб, духом розы играя.

Столь усладный напиток не только Хосров —
И Ширин не имела для званных пиров!

А затем белотканые скатерти стлали,
И поплыл запах амбры в небесные дали.

Все блага, что давало богатство земли,
В тяжких грудах поспешно на стол принесли:

Из муки серебристой, просеянной дважды,
Были поданы... луны — подумал бы каждый.

Словно свертки шелков — для услады царей! —
Засияли хлеба, жаркий труд пекарей.

На подносах из золота груды и груды
Хлеба — сотни сортов! — расставляли повсюду.

Лишь лепешки одной не нашлось на столе —
Той, что в небе, пылая, светила земле.

Все, поев, как положено, сладостной влаги
Пожелали. И жбаны раскрылись и фляги.

До полудня за чашами время прошло,
И, когда пламень дружбы вино разожгло,

Опьянения радость разгладила брови
Тем, кто к пиршествам жаркой исполнен любви.

И за струнной игрой до вечерней зари
Провели с Нушабе свое время перй.

И когда в черный цвет свод оделся высокий
И к подушкам прильнуть так хотели бы щеки,

Молвил царь луноликим, словам их в ответ:
«Уезжать вам сегодня не следует, нет.

Я хочу, чтобы завтра возникло от Рыбы
До Луны пированье, чтоб все мы могли бы,

Как нам Кеи велели и сам Феридун,
Усладиться вином и звучанием струн.

Может статься, в огне, наполняющем чаши,
Испекутся дела несвершенные наши.

Позабудем о всем, чем нас мир покарал,
Исцелит наши души столетний коралл.

Пусть ланит наших станут прекрасными розы:
Раскрасневшись, становятся страстными розы.

Коль мы прах напоим ценной амброй вина, —
Для мытья головы станет глина годна».

Что же! Радость перй, преклоненных пред шахом,
Одержала победу над девичьим страхом.

И была Нушабе на царевом пиру
Так светла, как Зухра в небесах поутру.

Властной амброй дыша, глубока, чернокрыла
Стала ночь и мешочек свой мускусный вскрыла,

А из мускусных кос милых дев свой аркан
Сделал царь, сладкой амбры усилив дурман.

И Луну и Юпитер арканом сим властным
Он заставил спуститься на землю к прекрасным.

Пиროваньем была эта страстная ночь,
И сверкали перй, — так хотелось им смочь

В пламень бросить подкову: хорошая мера,
Чтоб, колдуя, любовью зажечь Искендера!

Царской волей зажглись благовоний костры,
Словно маги в ночи затевали пиры.

Так он взвихрил огонь, что в хмелю позабыли
Все о скарбе — о том, чем так связаны были.

За вином, струны звонкие слушая, он
Всю провел эту ночь. Посветлел небосклон;

По лазури багрянец прошел полосою,
Черный соболь нежданно стал рыжей лисою.

Снова стал веселиться зеленый простор,
И был царственный снова разостлан ковер.

Кипарисов ряды снова подняли станы,
Куропатки мелькнули, блеснули фазаны.

И запели перй. Им казалось, что пьян
И любовью и солнцем обильный Микрган.

И когда цвета яшмы запенились вина,
Тотчас яшмовой стала небес половина.

ИСКЕНДЕР ДАЕТ ПРОЩАЛЬНЫЙ ПИР НУШАБЕ И РАЗМЫШЛЯЕТ О НОВОМ ПОХОДЕ

Дай мне, кравчий, вина цвета яшмы и мне
Ты о яшмовой розе скажи в тишине.

Оживи виной чашей мой лик утомленный,
Яшмой сделай ты яшмовым лик оживленный.

*

Виноградные дни, в праздник Джема — Новруз,
Мигом сбросила радость всех горестей груз.

Сел на трон Искендер в блеске счастья и славы,
И склонились цари, трон почтя величавый.

Музыкантов, и кравчих, и стольников круг
Оживлял светлый пир ловкой живостью рук.

Сладкий лик Нушабе и слепящих нарядом
Луноликих невест, с ней блистающих рядом...

Но мудрец, покоривший все страны окрест,
Не смотрел на пиру на прекрасных невест.

Мог воздержанным быть Филикуса наследник,
Не хотел он, охотясь, войти в заповедник.

И румийским воителям царь Искендер
Дал своим воздержаньем достойный пример.

Солнце греет шатер, а снаружи прохлада,
Зла земля, а подушка Джемшида — услада.

Водолею промолвило Солнце: «Уйду», —
И нашло оно Рыб в их небесном пруду.

И в дирхемах серебряных склоны нагорий,
Словно рыб чешуя в ледяном их узоде.

Волком прядал буран; был свиреп он и груб.
Суетились портные над кройкою шуб.

Задыхаясь от стужи, олени и гуры
Прижимались ко льваам, чтоб согреть свои шкуры.

И лежали газели, замерзши в воде,
Что застыла в участие к их тяжелой беде.

Камфара, закрутясь, — о кудесников чары! —
Порождала жасмины на ветках чинары.

Не взрастали фиалки, но в небе цветы
Осыпались; летели они с высоты.

Вновь появятся розы весною на свете:
Рыскал в зарослях роз в них влюбившийся ветер.

Еще пруд не раскрыл своих уст и слегка,
Но уж в зарослях плыл аромат молока.

Злобный ветер прорвал барабан соловьиный,
Скрылись розы, не встретишь в садах ни единой.

Соловьем стал кувшин; словно курочка, смех
В узком горле клохтал. Был он сладок для всех.

И на лицах у пьющих, блестящее ало,
Капли блещущей влаги вино вызывало.

В извиненье за прошлую ночь повелел
Шаханшах, чтоб огонь в очагах заалел.

Он чарующий пир сделал садом, в котором
Всё цвело золотым, драгоценным убором.

И огонь свои розы зажег на блюдах,
Посрамляя те розы, что были в садах.

Были терном горящие розы подъяты,
Хоть огню не служил он, как служат эрпаты,

В уголь мускусный пал огнеокий тюльпан,
Словно лал черным недрам был господом дан.

С красным пламенем уголь так черен был рядом!
Был он черной змеей над сверкающим кладом.

Чародей, что суровостью с дивами схож,
Отдал огненной рати Хабеш на грабеж.

Нет! Индийский колдун, взяв ячменные зерна,
В огневые снопы обращал их проворно.

И, весь в пурпуре, тотчас же был он готов
Сыпать в пламя пригоршню лиловых цветов.

Негры с мускусом шли из горячего края,
На песок золотой черный мускус меняя.

Дом взяла индианка в пурпуровый плен:
В табархун обратился весенний эбен.

Славянин и китаец довольны не оба ль?
Этот — принял буртас, тот — лоснящийся соболю.

Призывающий голос возвысил Билаль,
И Хабеш оглашая и румскую даль.

Он смутил чернокожих всего Занзибара,
И взыграла в них кровь, бурнопламенна, яра.

Из чернильницы огненной взвился калам,
Хоть скрывался он в углях и черным был там.

Сидя в серой хламиде, ремесленник бедный
Развернул свой атлас, словно пламень победный.

Он сучил свои нитки, чтобы вы ткать палас,
Но неожиданно соткал он багряный атлас.

Словно муж, обративший железо простое
Потаенной наукой в литье золотое,

Искра в свет золотой переделала мглу,
Горсти золота в каждую бросив полу.

Дым курений клубился, огонь обволокло он,
Словно розу ланит прикрывающий локон.

Из курильницы глиняной плыл аромат,
Породил его лес, а не розовый сад.

Розы сада Джемшида! Так пламя палило,
Что мог стать куличом шар дневного светила,
Что оно всё добро озарило б и зло,
Что эрпатам и магам служить бы могло.

Новой розою терны украсились ало,
Но предвечное пламя в сей розе пылало.

Пела роза, всем людям отраду даря,
О соседских котлах беднякам говоря.

И трескучий огонь, торопливый и шустрый,
Был отрадней речей самого Заратуштры:

Так разжег этот пламень блистательный шах,
Что пред ним вся Авеста рассыпалась в прах.

На ветвях кипариса зардели тюльпаны,
Меж ветвей были рябчики, были фазаны.

Был чинар — весь коралловый — взвихрен огнем;
Стоном горлиц дурраджи стонали на нем.

И в то время, как утку он трогал за лапки,
Птичья охала грудь в его огненной шапке.

Ведь она для прохладной воды рождена,
И не диво, что в пламени стонет она.

В жаркий сад залетев, эти птицы с испуга
Поднимали свой голос, не слыша друг друга.

Так распелся огонь, этот пламенный саз,
Что жемчужины слез исторгал он из глаз.

Стало солоно печени: но утоленья
Не имела и соль, к ней полна сожаленья.

И печений миндальных пленительный хруст
Вел беседу с зубами, был радостью уст.

Принесли для гостей, опорожнив корзины,
Померанцы, гранаты, айву, апельсины.

Как Зухра, пели струны. Светлей Муштари
Засияв, кувшины влагой цвета зари

Восседавшим в чертоге веселого пира
Не давали томиться тревогами мира.

Так мягки голоса... Нежный шепот кругом...
Только в струнах возрастал звуков сладостный гром.

Все пристойность блюли, внемля рокотам стройным,
Взяв пристойностью верх над вином непристойным.

Искендер в полудрему вином погружен...
Звуки чанга, струясь, уплывают, как сон...

Вина, яства, алоэ, звон чангов прелестных
И кумир узкоглазый в объятиях тесных, —

Искендером ты станешь, изведав сие,
Хоть лишь горсть ячменя — достоянье твое.

И Зухры, снизошедшие в области наши,
Поднимали созвездьем сверкавшие чаши.

И когда перехода дневного пройти
Небесам довелось половину пути,

Царь велел, подозвавши к себе казначеев,
Чтоб они для гостей, как водилось у Кеев,

Дали золота много, атласа, камки
И сейфура цветного верблюжьих тюки.

Чтобы дали им также, дарами их теша,
Крепкотелых, красивых рабов из Хабеша,

Много мускусных зерен и лучшей парчи,
Той, чьих складок тугих полыхают лучи,

Много тяжких запястий в больших изумрудах,
Лалов, яхонтов — лучших, что сыщутся в грудях,

Изумрудный венец, окаймленный огнем
Многих сотен алмазов, мерцающих в нем.

Ткани с вышивкой жемчугом лились, как волны,
Камфарою толченой их швы были полны,

Паланкин золотой нес верблюдов, весь в густых
Бирюзовых кистях и в шарах золотых, —

И царице прекрасной земли эти клады
Дали те, что в казне стерегли эти клады.

Засверкал на жене царских яхонтов жар, —
Так блестит на луне солнца пламенный дар.

И для каждой перй, нежным блещущей взором,
Царь велел дать наряд с драгоценным узором.

Всех одели согласно их сану, затем
На прощанье подарки вручили им всем.

И с трудом поднимало прельстительниц племя
Самоцветов и золота тяжкое бремя.

Преклонились они и потупили взгляд,
Сели в седла и тронулись в сладостный сад.

В самоцветах сверкали перй и царица,
Словно многих сокровищ текла вереница.

Но при многих сокровищах — много тревог;
Их забудь, чтобы жить ты без горестей смог.

*

Тот, кто нищет свой жемчуг, ценнейший на свете,
Так о властном и щедром сказал самоцвете:

Этот новый Джемшид за здоровье Луны
Выпил несколько чаш, и среди тишины

Меж курений и яств пировал он с царями,
Но уже он прельщался грядущими днями...

И, к делам возвратясь, пред собою простер
Он достойный кумирни стоцветный ковер,

И такое созвездье собрал он, что стали
Тусклы звезды небес и светить перестали.

Всех призвал он вельмож из частей войсковых,
И с почетом он встретил мужей боевых.

Собрались мудрецы. Был приветствуем каждый
Властелином, горящим познания жаждой.

И когда весь чертог в ожиданье затих,
Царь беседу повел о желаньях своих:

«Размышлял я вчера, и понятно мне стало,
Что лишь вашим советам внимать мне пристало,

И прошу я у вас, чтоб вы мне помогли
Осмотреть все края и пространства земли.

В Рум я думал вернуться, но вот небосводу
Этот путь мой, как видно, еще не в угоду.

И покуда мой конь все земные края
Не пройдет — не вернусь я в родные края.

В обитаемых землях побыв и в безлюдных,
Я весь мир обрету в своих странствиях трудных.

Синджабийцев скрутив, опрокинув их стан,
На славянские деньги поставлю чекан.

В жизни множества стран принимая участие,
Посмотрю, где людьми обретается счастье.

Там я счастье найду и на долю свою.
Так бывает: железом железо скуют.

Устремясь к дальним взгорьям, просторам и водам,
На Альбурз я пойду своим первым походом.

Я, привал этот светлый покинув, коня
В степь направлю, к морскому побережью гоня.

Полюбуюсь я морем Хазарским и, дружен
С его ширью, почту его горстью жемчужин.

У его берегов, их сумевши достичь,
Буду рыбу ловить, поохочусь на дичь.

А когда для пути ногу вставляю я в стремя,
Должный путь не само ли укажет мне время?

Что промолвите вы, эту выслушав речь?
Можно словом правдивым удачу привлечь!»

И коснулись войска преклоненные праха:
«Помышления наши — желанья шаха.

Все мы голову склоним к царевым стопам.
Мысли шаха венцом светят исстари нам.

Если в пламень велит он войти нам иль в воду —
Всё исполнят войска шаханшаху в угоду.

Если б кинуться он повелел нам со скал —
И тогда бы он робких бойцов не сыскал.

Миродержцу — идти по дорогам просторным,
Войску верному — быть миродержцу покорным».

Был обрадован царь этим словом бойцов.
Обласкал он столь верных ему храбрецов.

Начал в путь он собираться; велел он все клады
Раздарить, чтоб сокровищам все были рады.

Всё он роздал войскам. До полночной поры
Ратоборцы устало носили дары.

Разум смелых подарками был взбудоражен...
Ведал царь, что в бою каждый воин отважен,

Но подумал он всё же о дальних делах:
Над избытком сокровищ задумался шах.

В бесконечных тюках драгоценные клады
Для движенья везде создавали преграды:

И в песках и в теснинах нагорной земли
Все отряды в повозках добычу везли.

И когда он решил к дальним тронуться странам,
Сжать весь глиняный шар своим властным арканом,

От стоянки к стоянке измерить пути,
Всех морей и всей суши размеры найти,

Оглядеть все равнины, увидеть все горы,
В ширину и в длину все постигнуть просторы,

Правосудье узнать и бесправия мглу,
Должный путь указать прибегающим к злу,

Смыть бесчинство земли своим правым походом,
Дать защиту от бедствий свободным народам,

Строить замки, чтоб стал каждый край укреплен,
И свершить это всё для грядущих времен, —

Призадумался царь: это дело — не малость.
Трудный путь! Дальний путь... Принесет он
усталости!

Не пропало бы всё! Есть немало угроз,
Что к врагу попадет его ценный обоз.

Устремил свои мысли он к тяжким обузам:
Отягчил все войска он сверкающим грузом!

А владельцы сокровищ стремятся ли в бой?
«Могут клад мой отнять», — размышляет любой.

И затем — ценным грузам враги будут рады
И усилят свой жар, чтоб добыть эти клады...

Мудрых чтит государь, полный мудрым огнем;
Сто тринадцать из них находилось при нем.

Многозвездные были им ведомы своды,
И могли многих дел они видеть исходы.

Средь мужей этих славных, знакомый для нас,
Услужал миродержцу мудрец Булинас.

И нередко к нему обращался властитель:
Был мудрец Булинас многих знаний хранитель.

И о долгом пути и о тяжких тюках
Рассказал прозорливому спутнику шах.

Молвил тот: «Наущенью предвиденья внемлю,
Если клад свой великий укроешь ты в землю,

Меж развалин добычу свою, шаханшах,
Все бойцы точно так же заруют во прах.

Несомненно: на каждом хранилище клада
Свой поставить значок их владельцам надо,

Чтоб, вернувшись, из кладезей темных они
Вновь сумели извлечь самоцветов огни.

Тут никто не помыслит о черном обмане:
Всё укажет значок, установленный ране».

Царь нашел озаряющим этот ответ,
Все войска охраняющим этот ответ.

И зарыл он добычу свою меж развалин,
Знак поставил, и был он теперь беспечален.

И велел в тайники он все клады нести,
Ибо груз этот тягостью был бы в пути.

И рассеялись все по нагорьям и долам;
Каждый в стан свой вернулся довольным, веселым.

Каждый знак свой поставил над ценным добром —
Над рубинами, золотом и серебром.

Но внимлите судьбы науцению злему:
Научила она Искендера другому.

Не пришлось им свой клад взять из глубн земной:
Царь домой возвратился дорогой иной,

А войскам, с их богатством сияющим, новым,
Для чего было то, что укрыто покровом!

Много явнык сокровищ они обрели.
Что им клады под сумраком брэнной земли!

В Рум вернулись они, и уже никакне
Не смущали вернувшихся думы мирские.

И они, монастырь свой построив и в нем
Перед богом склоняясь в смиренье своем,

Опись кладов зарытых, подумав над нею,
Настоятелю отдали общиной всею,

Чтобы каждый смиренный в румийском краю
Получил, верный господу, долю свою.

В этом капище каменном, древнем, замшелом,
И поныне есть опись в ларце еще целом.

Тем смиренным и чуждым житейских забот,
Кто в обители праведной службу несет,

Знак дается по описи; разные клады
Получают они, всё же каждому рады.

То рубин они выроют, то изумруд.
Так вот их монастырь воздаст им за труд.

Иль мой труд оценен снисходительным роком?
Меж развалин свой клад я нашел ненароком.

**РАССКАЗ О ХУДОЖНИКЕ МАНИ.
ПРЕБЫВАНИЕ ИСКЕНДЕРА В КИТАЕ**

Я слышал, что из Рея, в далекие дни,
Шел в Китай проповедовать дивный Мани.

И немало людей из народов Китая
Шло навстречу к нему, и, Мани почитая,

Схожий с влагою горный хрусталь на пути
Положили они. Кто-то смог нанести

Тонкой кистью рисунок волнистый, узорный
На обманный родник, на хрусталь этот горный:

Словно ветер слегка взволновал водоем,
И бегущие волны возникли на нем.

Начертал он и много прибрежных растений —
Изумрудную вязь ~~прихотливых~~ сплетений.

Ехал в жаркой пустыне Мани, не в тени,
Было жаждой измучено сердце Мани.

Снял, склонившись, он крышку с кувшинного
И кувшин его длань к светлой влаге простерла. ^{горла,}

Но ведь вовсе непрочны сосуды из глин:
О сверкающий камень разбился кувшин.

Догадался Мани, что обманом шутивным
Был источник с живым серебристым отливом.

Взял он кисть, как он брал эту кисть искони,
И на твердой воде, обманувшей Мани,

Написал он собаку издохшую. Надо ль
Говорить, как была отвратительна пададь?

В ней кишели несметные черви, и страх
Вызывал у людей этот вздувшийся прах.

Каждый путник расстался б с надеждою всякой
Выпить воду: отпугнут он был бы собакой.

И когда весь Китай этот понял урок,
И о жаждущих скорбь, и насмешки упрек,

То постиг он Мани с его силой искусства
И к Эрженгу благого исполнился чувства.

Почему о Мани вновь слышна мне молва
И к молве о Мани заманил я слова?

*

Царь с хаканом сдружились, дней множество сряду
Предаваясь пиров беззаботных обряду.

С каждым днем они были дружней и дружней,
Люди славили мир этих радостных дней.

Другу вымолвил царь: «Всё растет в моей думе
Пожеланье: быть снова в покинутом Руме.

Я хочу, если рок не откажет в пути,
Из Китая в Юнан все стоянки пройти».

Так в ответ было сказано: «Мир Искендеров —
Это мир не семи ли подлунных кишверов?

Но стопа твоя всюду ль уже побывала?
А ведь ты всем народам, всем царствам — кыбла,

И куда б ты ни шел, за твоим караваном
Мы пойдем, государь, с препоясанным станом».

Царь дивился хакана большому уму
И за верность его привязался к нему.

От подарков, что слал повелитель Китая,
Царский пир озарялся, как солнце блистая.

Послушанья кольцо в свое ухо продел
Покоренный хакан: обо всем он радел.

И горела душа хана ханов прямая,
Солнце жаркой любви до луны поднимая.

Он бы мог помышлять о величье любом,
Но всё более он становился рабом.

Если царь одаряет кого-либо саном,
Должен тот пребывать с препоясанным станом.

На какие ступени ты б ни был взнесен,
Всё же должен быть низким твой рабский поклон.

Искендер для Китая стал тучею: нужен
Влажной тучи навес для рожденья жемчужин.

Он шелками иранских и румских одежд,
На которых Китай и не вскидывал вежд,

Создал ханам Китая столь ценные клады,
Что цари всего мира им были бы рады.

Скатертями Хосроев покрыл он весь Чин,
На челе у китайцев не стало морщин.

Уж твердили во многих краях тихомолком,
Что лишь в Чине одел всех он блещущим шелком.

Царь любил узкоглазых, их дружбой даря,
И срослись они с ним, словно брови царя.

И клялись они все (сказ мой дружен с молвою)
Лишь глазами царя да его головою.

ИСКЕНДЕР ПРИБЫВАЕТ В КЫПЧАКСКУЮ СТЕПЬ

Дай мне, кравчий, напитка того благодать,
Без которого в мире нельзя пребывать.

В нем сияние сердца дневного светила.
В нем и влаги прохлады, и пламени сила.

*

Есть две бабочки в мире волшебном: одна
Лучезарно бела, а другая черна.

Их нельзя уловить в их поспешном круженье:
Не хотят они быть у людей в услуженье.

Но коль внес ты свой светоч в укромный мой дом, —
Уловлю уловляемых долгим трудом.

*

Разостлавший ковер многоцветного сада,
Свет зажег от светила, и льется услада.

Тот, кого породил славный царь Филикус,
Услыхав от абхазца, как пламенен рус,

Размышлял о сраженьях, вперив свои очи
В многозвездную мглу опустившейся ночи.

Всё обдумывал он своих действий пути,
Чтоб исполнить обет и к победе прийти.

И когда рдяный конь отбежал от Шеддиза,
И сверкнул, и ночная растаяла риза, —

Царь оставил Джейхун, свой покой отстраня,
Чтобы в степи Хорезма направить коня.

За спиной его — море: несчетные брони.
А пустыни пути — у него на ладони.

Степь Хорезма пройдя, он Джейхун перешел,
И пред ним вавилонский раскинулся дол.

Царь на русов спешил и в своих переходах
Ни на суше покоя не знал, ни на водах.

Не смыкал он очей, и, огнем обуян,
Пересек он широкие степи славян.

Там кыпчакских племен он увидел немало,
Там лицо милых жен серебром заблестало.

Были пламенны жены и были нежны,
Были солнцем они и подобьем луны.

Узкоглазые куколки сладостным ликом
И для ангелов были б соблазном великим.

Что мужья им и братья! Вся прелесть их лиц
Без покровы — доступность открытых страниц.

И безбрачное войско душой изнывало,
Видя нежных, не знавших, что есть покрывало.

И вскипел в юных душах мучительный жар,
И объял всех бойцов нетерпенья пожар.

Всё ж пред шахом, что не был на прелести падким,
Не бросались они к этим куколкам сладким.

Царь, узрев, что кыпчачки не чтут покрывал,
Счел обычай такой не достойным похвал:

«Серебро этих лиц, — он подумал однажды, —
Что родник, а войска изнывают от жажды».

Всё понятно царю: жены — влаги свежей,
И обычная жажда в душе у мужей.

Целый день посвятил он заботе об этом:
Всех кыпчакских вельмож он призвал, и, с приветом

Выйдя к ним, оказал им хороший прием,
И, возвыся их всех в снисхожденье своем,

Тайно молвил старейшинам: «Женам пристало,
Чтобы в тайне держало их лик покрывало.

Та жена, что чужому являет себя,
Чести мужа не чтит, свою честь погубя.

Будь из камня она, из железа, но всё же
Это — женщина. Будьте, старейшины, строже!»

Но, услышав царя, эти стражи степей —
Тех степей, где порою не сыщешь путей, —

Отклонили его повеленье, считая,
Что пристоен обычай их вольного края.

«Мы, — сказали они, — внемля воле судьбы,
Услужаем тебе. Мы лишь только рабы,

Но лица прикрывать не показано женам
Ни обычаем нашим, ни нашим законом.

Пусть у вас есть покров для сокрытия лиц,
Мы глаза прикрываем покровом ресниц.

Коль взирать на лицо ты считаешь позором,
Обвинение шли не ланитам, а взорам.

Но прости — нам язык незатейливый дан, —
Для чего ты глядишь на лицо и на стан?

Есть у наших невест неплохая защита:
Почивальня чужая для скромниц закрыта.

Не терзай наших женщин напрасной чадрой.
Ты глаза свои лучше пред ними закрой:

Прикрывающий очи стыда покрывалом
Не прельстится и солнца сверканием алым.

Все мы чтим повелителя, никнем пред ним,
За него мы и души свои отдадим.

Верим в суд повелителя строгий и правый,
Не хранить мы хотим наши старые нравы».

Искендер замолчал, их услышав ответ.
«Бесполезно, — решил он, — давать им совет».

Попросил мудреца всем дававший помощь,
Чтоб ему он помог, чтоб навел на дорогу:

«Те, чьи косы как цепи, чей сладостен лик,
Соблазняют, и яд их соблазна велик.

Гибнет взор, созерцающий эту усладу,
Как ночной мотылек, увидавший лампаду.

Что нам сделать, чтоб стали стыдливей они,
Чтобы скрыли свой лик? Дай совет. Осени».

И познавший людей молвил шаху: «Внимаю
Мудрой речи твоей, твой приказ принимаю.

Здесь, в одной из равнин, талисман я создам.
Сказ о нем пронесется по всем городам.

Сотни жен, проходящих равниною тою,
От него отойдут, прикрываясь фатою.

Только надо, чтоб шах побыл в той стороне
И велел предоставить всё нужное мне».

Или силой, иль с помощью золота, вскоре
Всё добыл государь, и на вольном просторе

Муж, в пределах искусства достигший всего,
Стал трудиться, являя свое мастерство.

Изваял, всех привлекиши к безлюдному месту,
Из прекрасного черного камня невесту.

Он чадрой беломраморной скрыл ее лик,
Словно свежий жасмин над агатом возник.

И все жены, узрев, что всех жен она строже,
Устыдясь, прикрывали лицо свое тоже

И, накинув покровы на сумрак волос,
Укрывали с лицом и сплетения кос.

Так имевший от счастья немало подачек
Укрываться заставил прекрасных кыпчачек.

Царь сказал мудрецу — так он был поражен:
«Изменил ты весь навык столь каменных жен.

Ничего не добился я царским приказом,
А твой камень в рассудок приводит их разом».

Был ответ: «Государь! Мудрых небо хранит.
Сердце женщин кыпчакских — суровый гранит.

Пусть их грудь — серебро, а ланиты — что пламя
Их привлек мой кумир, потому что он камень.

Видят жены, что идол суров, недвижим,
И смягчаются в трепете сердцем своим:

Если каменный идол боится позора
И ланиты прикрыл от нескромного взора,

Как же им не укрыться от чуждых очей,
Чтобы взор на пути не смущал их ничей!

Есть и тайна, которою действует идол,
Но ее, государь, и тебе б я не выдал!»

Изваяньем таинственным, в годах былых,
Был опущен покров на красавиц степных.

И теперь в тех степях, за их сизым туманом,
С неповерженным встретишься ты талисманом.

Вкруг него твой увидит дивящийся взор
Древки стрел, словно травы у сонных озер.

Но хоть стрелам, разящим орлов, нет и счета, —
Здесь увидишь орлов, шум услышишь их взлета.

И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчаков спина.

Пеший путник придет или явится конный, —
Покоряет любого кумир их исконный.

Всадник медлит пред ним, и, коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.

Знает каждый пастух, мимо гонящий стадо,
Что оставить овцу перед идолом надо.

И на эту овцу из блистающей мглы
Раскаленных небес ниспадают орлы.

И, когтей устрашаясь булатных орлиных,
Ищут многие путь лишь в окрестных долинах.

Посмотри ж, как, творя из гранитной скалы,
Я запутал узлы и распутал узлы.

ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА В ОБЛАСТЬ РУСОВ

Дай мне, кравчий, невесту с прикрытым лицом,
Если брачным невеста пленилась венцом.

И, ладони омыв, я, изнывший в разлуке,
К этой деве смогу протянуть свои руки.

*

Снова в сад мой влетел соловей. Посмотри:
Вновь на яркий мой свет прилетела перь.

Облик светлой пери всё ясней, всё яснее,
Я же тающим призраком стал перед нею.

В руднике Аримана, где проблеска нет,
Я, блуждавший во мраке, достал самоцвет.

Слава мудрым, изрывшим суровые недра,
Чтобы золото дать нам рукой своей щедрой!

*

Тот, чья речь о царе от неправды чиста,
Поясняя нам всё, раскрывает уста:

Мудрый муж, получив от царя указанье
Твердый камень размять и явить изваянье,

Все сердца победив и прельстивши навек,
Драгоценную деву из камня иссек.

Так размерно она свой покров извивала,
Что тюрчанки желали ее покрывала.

И, когда ликотворец свой создал кумир,
Дальше тронулся царь, побеждающий мир.

Раздавая дары, хоть спешил он всё дале,
Он стоял по неделе на каждом привале.

Вот последний привал. . . Скоро встретится рус.
Каждый лев близкой схватки почувствовал вкус.

И вблизи от воды, на широком просторе
Стан притих... Ночь пришла в многозвездном
уборе...

Все — и царь и бойцы, — утомившись в пути,
На лугу этом отдых смогли обрести.

Весь простор был украшен приютом царевым,
К звездам влекся шатер многозвездным покровом.

Мир стал пышным павлином от румских знамен,
К стану русов был царский шатер обращен.

Стало ведомо русам, воинственным, смелым,
Что пришел румский царь к их обширным пределам.

С ним войска, что страшны, как судьбы приговор,
И пугают гранит многоярусных гор.

Он идет, силачей в своем войске имея,
Чьи мечи словно зубы все сильного змея,

И арканщиков мощных, которым дана
Злая сила повергнуть любого слона,

И гулямов, что так в ратоборстве умелы,
Что в один волосок мечут многие стрелы.

Это — царь Искендер, и свиреп он, и смел!
В сердце мира стрелой он ударить сумел.

Не войска он проводит: с ним тронулись горы,
Под которыми стонут земные просторы.

Он приводит, грозящих угрозой расплат,
Двести страшных слонов, облаченных в булат.

Степь слонами полна и доспехами смелых,
Покоряющих страны бойцов слонотелых.

И, когда предводитель всех русов — Кинтал
Пред веленьями звезд неизбежными встал,

Он семи племенам быть в указанном месте
Приказал и убрал их, подобно невесте.

И хазранов, бургасов, аланов притек,
Словно бурное море, безмерный поток.

От владений Исú до кыпчакских владений
Степь оделась в кольчуги, в сверканья их звений.

В бесконечность, казалось, всё войско течет,
И нельзя разузнать его точный подсчет.

«Девятьсот видим тысяч, — промолвил в докладе
Счетчик войска, — в одном только русском отряде».

В двух фарсангах от вражьего стана войска
Отдыхали: дорога была нелегка.

«Нам, сражавшим мужей, — было слово Кинтала, —
Не страшиться невесты, что войску предстала.

Столь красивых узреть взор смотрящего рад,
Вся их рать, посмотрите, — рассыпанный клад.

Им ли русов сразить? Это было бы диво!
Нежно войско врага и чрезмерно спесиво.

Сколько сбруй золотых, сколько жемчуга там,
Сколько яшмовых чаш там подносят к устам!

Там вино, там напевы, там только лишь неги,
Им неведомы вовсе ночные набеги.

Благовонья сжигать им в ночах суждено,
По утрам они смешивать любят вино.

Все невзгоды сносить — дело стойкого руса,
А все сласти да вина — для женского вкуса.

Что румийцу с китайцем сверканье меча!
Их услада — шелка, их отрада — парча.

Вот какое богатство дается нам богом!
Это он к нам направил его по дорогам.

Если б эту добычу узрел я во сне,
Словно мед или сахар приснились бы мне.

Будет нами диковинный клад обнаружен:
Там на каждом — венец, там — что в море жемчужин.

Коль возьмем мы всё это богатство, то с ним
Все земные пределы легко победим.

Наше царство раздвинем всё шире и шире, —
Нам одно лишь останётся: властвовать в мире!»

И на взгорье с друзьями коня он погнал,
И, перстом указуя, промолвил Кинтал:

«В той равнине, под сенью небесной лазури,
Сонмы неженок робких с обличем гурий.

В тех шатрах драгоценности: ведь у врага
Не мечи и щиты — бирюза, жемчуга.

Их тяжелые седла из золота литы,
А края чепраков жемчугами расшиты.

Их высокие шапки я вижу вдали,
Их кафтаны струятся до самой земли.

На узоры ковров их склоняются станы,
Нет в руках у них копий, пусты их колчаны,

Нет и ног без запястий, без жемчуга шей,
Вьются тяжкие локоны возле ушей.

В этих царских одеждах легки ль им дороги?
Не для боя их длань, не для бега их ноги.

С этим скопищем слабых, изнеженных тел
Искендер наше войско разбить захотел!

Ты их пальцем ударь, не кинжалом, с размаху, —
До ушей они рот свой откроют со страху!

Лишь по дням да по числам воюют они.
Месяц ждут наступленья, считая все дни.

Нет, я знаю, не их предназначено доле
Взрыть в неистовстве боя широкое поле.

Если разом на них все обрушимся мы,
Их застынут сердца, их смутятся умы».

Показался всем русам, на трудности падким
И разумным, призыв этот лакомством сладким.

Голоса зазвучали: «Покуда живем —
Будем слову верны, все мы слово даем!

Сроем вражий цветник! Аромата и цвета
Не оставим следа! Это слово обета.

Защитим наше царство! Пускай острия
Наших копий багрянца окрасит струя,

Чтоб затем без копья, лишь ударом кинжала,
Сотни вражьих голов наша сила стяжала!»

И когда полновластный увидел Кинтал,
Что боец его каждый столь пламенным стал,

Он, вернувшись в свой стан, всем пришел на помощь.
Счистил ржу он с меча, с сердца смыл он тревогу.

А вдали, как луна, озаряя весь свет,
Восседал Искендер: свой созвал он совет.

И мужи, для врага час готовя возмездья,
Вкруг владыки блистали, как блещут созвездья:

Медаинский Дубейс, из Хотана Гур-хан,
Иеменский Велид, Чина вождь Кадар-хан,

И абхазский Дувал, и Хиндй, что из Рея,
Из Истахра Кубад, что был отпрыском Кея,

Зериванд — им прославился Мазендеран, —
И Ниял, что возвысил родной Хаверан,

Славный Кум из Ирака, звезда Хорасана —
Сам Бушек, Беришад из Армении, — стана

Нет славней! Миср, Юнан, франки, Сирия — все
Дали мощных, блиставших в убранства красе!

У мужей были скромно опущены вежды,
Но сказал государь, полный светом надежды:

«Вражьи рати, готовые броситься в бой,
Не видали еще мощных львов пред собой.

Им отрадны набеги, мила им добыча,
Но не слышался им рокот львиного клича.

Здесь не знают еще двухсторонних мечей.
Здесь румийских секир взор не видел ничей.

Нет добротных оружий у них, снаряженья, —
Как же могут вести они дело сраженья?

Разве трудно, спеша к обнаженным телам,
Разрубить их мечом, разрубить пополам?!

Если меч я взнесу пламенеющий, строгий,
У Альбурза от страха отнимутся ноги.

Я на Дария шел, чтоб он дань приносил, —
И лишился сей дерзостный всех своих сил.

Я на Кейда пошел, и обычной сноровкой
Я поверг его в прах и уловкою ловкой.

С Фуром начал я бой, и от этой игры
Бурнопламенный Фур тотчас съел камфары.

Мой нахмурился лук, бровь согнулась крутая —
И отбросил свой лук повелитель Китая.

Смелых русов страшиться? Напрасен их спор:
Много горных потоков проносится с гор.

От хазарских высот до Китайского моря
Всюду тюрки, и, нашей гневливости вторя —

Хоть не сходны в суждениях наши умы, —
Так же к русам враждебны они, как и мы.

Стрелы тюрков остры. Тьмой их быстрых укусов
Создадим волдыри на ногах мы у русов.

Не напрасно считается делом благим
Лютость яда пресечь лютым ядом другим.

От несытого волка лисица, мы знаем,
Ухитрилась собачьим избавиться лаем.

Двое серых волков близ поселка, в лесу
Уж почти догоняли большую лису.

А в селеньях — об этом поведает всякий —
И лисиц и волков ненавидят собаки.

Громко взвыла лиса, не желая пропасть,
Этим воем собакам раздвинувши пасть.

Мигом стая собак, пробужденная, злая,
Разбудила селенье, неистово лая.

Скрылись волки, услышавши злых забияк.
Так лисица спаслась, призывая собак.

Проходящий испытанной старой дорогой
От врага избавляется вражьей помощью.

И хоть все мы оружия имеем запас
И подспорье ничье не пристало для нас,

Всё ж уловки нужны всем способным к уловкам,
Не всегда ж думать нам о мече нашем ловком».

Отвечали вожди: «Скажем снова и вновь:
За тебя мы готовы пролить свою кровь.

Мы и раньше сражались упорно и смело,
А теперь еще крепче возьмемся за дело.

Всю отвагу явим и, к добыче спеша,
Мы пойдем на врага. Просит битвы душа».

Царь подбадривал войско затем своим словом,
Чтобы стало спокойным оно и суровым.

И весь вечер он думал, всё думал... о чем?
Быть ли с чашею завтра, иль прыгнуть — с мечом.

И когда день ушел в потемневшие дали,
Вышел звездный дозор, а войска задремали.

В наступившей ночи друг за другом, подряд
Проходили бойцы в караульный отряд.

До рассвета, на всем протяжении ночи,
В темноту устремлялись их зоркие очи.

**ИСКЕНДЕР ВСТУПАЕТ В БОРЕНЬЕ
С ПЛЕМЕНАМИ РУСОВ**

Обращенную в киноварь быструю ртуть
Дай мне, кравчий; я с нею могу заглянуть

В драгоценный чертог, чтоб, сплетаясь в узоры,
Эта киноварь шахские тешила взоры.

*

Так веди же, дихкан, всё познав до основ,
Свою нить драгоценных, отточенных слов

О лазурном коне, от Китая до Руса
Встарь домчавшего сына царя Филикуса,

И о том, как судьба вновь играла царем
И как мир его тешил в кружение своем.

*

Продавец жемчугов, к нам явившийся с ними,
Снова полнит наш слух жемчугами своими:

Рум, узнавший, что рус мощен, зорок, непрост,
Мир увидел павлином, свернувшим свой хвост.

Нет, царю не спалось в тьме безвестного края!
Всё на звезды взирал он, судьбу вопрошая.

Мрак свернул свой ковер; его время прошло:
Меч и чаша над ним засверкали светло.

От меча, по лазури сверкнувшего ало,
Головою отрубленной солнце упало.

И когда черный мрак отошел от очей,
С двух сторон засверкали два взгорья мечей,

Это шли не войска — два раскинулись моря.
Войско каждое шло, мощью с недругом спора.

Шли на бой — страшный бой тех далеких времен,
И клубились над ними шелка их знамен.

Стала ширь меж войсками, готовыми к бою,
В два майдана; гора замерла пред горою.

И широкою, грозной, железной горой
По приказу царя войск раскинулся строй.

Из мечей и кольчуг, неприступна, могуча,
До небес пламенеющих вскинулась туча.

Занял место свое каждый конный отряд,
Укреплений могучих возвысился ряд.

Был на левом крыле, сильный, в гневе немало,
Весь иранский отряд с разъяренным Дувалом.

Кадар-хан и фагфурцы, глядящие зло,
Под знамена на правое встали крыло.

И с крылатыми стрелами встали гулямы, —
Те, чьи стрелы уверенны, метки, упрямы.

Впереди — белый слон весь в булате, за ним
Сотни смелых, которыми Властный храним.

Царь сидел на слоне, препоясанный к бою.
Он победу свою словно зрел пред собою.

Краснолицые русы сверкали. Они
Так сверкали, как магов сверкают огни.

Хазранийцы — направо, бургасов же слева
Ясно слышались возгласы, полные гнева,

Были с крыльев исуйцы; предвестьем беды
Замыкали всё войско аланов ряды.

Посреди встали русы; сурова их дума:
Им, как видно, не любо владычество Рума!

С двух враждебных сторон копий вскинулся лес,
Будто остов земли поднялся до небес.

Крикнул колокол; русов, — то было похоже
На индийца больного, что стонет на ложе.

Гром литавр разорвал небосвод и прошел
В глубь земли и потряс ужаснувшийся дол.

Всё затмило неистовство тюркского ная,
Мышцам тюрков железную силу давая.

Ржанье быстрых коней, в беге роющих прах,
Даже Рыбу подземную бросило в страх.

Увидав, как играют бойцы булавою,
Бык небесный вопил над бойцов головою.

Засверкали мечи, словно просо меча,
И кровавое просо летело с меча.

Как двукрылые птицы, сверкая над лугом,
Были стрелы трехкрылые страшны кольчугам.

Горы палиц росли, и над прахом возник
В прах вонзившихся копий железный тростник.

Ярко-красным ручьем, в завершение полетов,
Омывали врагов наконечники дротов.

Заревели литавры, как ярые львы;
Их тревога врывалась в предел синевы.

Растекались ручьи, забурлившие ало.
Сотни новых лесов острых стрел возникало, —

Стрел, родящих пунцовые розы, и лал
На шипах каждой розы с угрозой пылал.

Все мечи свои шею вздымали, как змеи,
Чтобы вражьи рассечь беспрепятственно шею.

И раскрылись все поры качнувшихся гор,
И всем телом дрожал весь окрестный простор.

И от выкриков русов, от криков погони,
Заартачившись, дыбились румские кони.

Кто бесстрашен, коль с ним ратоборствует рус?
И Платон перед ним не Платон — Филатус.

Но румийцы вздымали кичливое знамя
И мечами индийскими сеяли пламя.

Горло воздуха сжалось. Пред чудом стою:
Целый мир задыхался в ужасном бою.

Где бегущий от боя поставил бы ноги?
Даже стрелам свободной не стало дороги.

С края русов на бой, — знать, пришел его час, —
В лисьей шапке помчался могучий буртас.

Всем казалось: гора поскакала на вихре.
Чародейство! Гора восседала на вихре!

Вызывал он бойцов, горячил скакуна,
Похвалялся: «Буртасам защита дана:

В недубленных спокойно им дышится шкурах.
Я буртасовством славен, и мыслей понурых

Нет во мне. В моих помыслах буря и гром.
Я — дракон. Я в сраженья отвагой влеком.

С леопардами бился я в скалах нагорных,
Крокодилов у рек рвал я в схватках упорных.

Словно лев, я бросаю врагов своих ниц,
Не привык я к уловкам лукавых лисиц.

Длань могуча моя и на схватку готова,
Вырвать бок я могу у онагра живого.

Только свежая кровь мне годна для питья,
Недубленая кожа — одежда моя.

Справлюсь этим копьем я с кольчугой любой.
Молвил правду. Вот бой! Приступайте же к бою!

И китайцы и румцы спешите ко мне:
Больше воска в свече — больше силы в огне.

„Ты того покарай, — обращался я к богу, —
Кто бы вздумал в бою мне прийти на помощь!“»

Грозный вызов услышав, броней горя,
Копьеносец помчался от войска царя,

Но хоть, может быть, не было яростней схваток, —
Поединок двух смелых был молниенно краток:

Размахнулся мечом разъяренный буртас —
И румиец с копьем своей жизни не спас.

Новый царский боец познакомился с прахом,
Ибо счастье владело буртаса размахом.

И сноситель голов, сам царевич Хинди,
У которого ярость вскипела в груди,

Вскинул меч свой индийский и, блещущий шелком,
Вмиг сцепился, как лев, с разъярившимся волком.

Долго в схватке никто стать счастливым не мог,
Долго счастье ничье сбито не было с ног.

Но Хинди, сжав со злостью меча рукоятку
И всей силой стремясь кончить жаркую схватку,

Так мечом засверкал, что с буртасовых плеч
Наземь голову сбросил сверкающий меч.

Новый выступил рус, непохожий на труса,
Со щитом — принадлежностью каждого руса.

И кричал, похваляясь, неистовый лев,
Что покинет он бой, всех врагов одолев.

Но Хинди размахнулся в чудовищном гневе:
Час победы настал — вновь один был царевич.

Новый рус на врага в быстрый бросился путь,
Но на землю упал, не успевши моргнуть.

Многих сбил до полудня слуга Искендера,
Так порою газелей сбивает пантера.

Горло русов сдавил своим жаром Хинди.
Нет, из русов на бой не спешил ни один!

И Хинди в румский стан поскакал, успокоясь,
Жаркой кровью и потом покрытый по пояс.

Обласкал его царь и для царских палат
Подобающий рейцу вручил он халат.

И уложили два стана, и пристальным взором
Вдаль впивались бойцы, что стояли досером.

**КИНТАЛ-РУС ПОРАЖАЕТ
ГИЛЯНСКОГО ВОЖДЯ ЗЕРИВАНДА**

Ранний кравчий предстал, и рубином вина
Окропил он всю землю; проснулась она,

И враждебные рати, поднявшие луки,
Вновь, сверкая броней, напрягли свои руки.

И пошли они в бой, и была не нова
Для любого охота на каждого льва.

Грозно колокол выл; не имели защиты
От него все умы, и бледнели ланиты.

Волчьей кожи литавр так был грохот крылат,
Что терзал он сердца, что смягчил он булат.

Сотрясалась земля, обнаружили корни,
Заскакал небосвод, строй нарушился горний.

От эйлакцев помчался топочущий конь,
Гордый всадник на нем был, как быстрый огонь.

Весь в железе, кружился он по полю виром,
Злобным сердцем он схож был с крутящимся миром,

И ждала с ним враждующих доля одна:
Погибать, будто смяты ногами слона.

Смельчаки оробели; никто с ним сразиться
Не хотел. Ото льва отвели они лица.

Час прошел... Из румийской середины на бой
Черный двинулся лев за свою судьбой.

Конь бухарский — что слон. Громче рокотов Нила
Страшный голос бойца — такова его сила.

И сказал он эйлаку: «Взгляни, Ахриман!
Солнце встало над миром. Растаял туман.

Чашу поднял я ввысь. Видишь, участь в ней ваша:
Алой кровью эйлакцев наполнена чаша».

Так промолвив, коню сильно сжал он бока,
Булавою тяжелой взмахнула рука.

И эйлакец, слоном бывший мощным и смелым,
Пал, сраженный мгновенно бойцом слонотелым.

Был раздавлен тяжелою он булавой, —
Прах насытился кровью его огневой.

Но эйлакец второй, что горе был подобен,
На крушителя гор мчался, ловок и злобен.

Под ударом вторым он коснулся земли,
И немало других ту же участь нашли.

Черный лев опьянился врагов низверженьем;
Многих, сжатых броней, опьяненных сраженьем,

Раздробил булавою стремительной он,
Но и сам был врагом беспощадно сражен.

От намаза полудня до третьей молитвы
Все притихшие львы уклонялись от битвы.

Кровью печень опять закипела, и рок
Быстросменной судьбе дал отменный урок.

Мощный выехал рус: чье стерпел бы он иго?!
Щеки руса — бакан, очи руса — индиго.

Он являл свою мощь. Он соперников звал.
Он румийских воителей бил наповал.

Исторгавшая душу из вражьего тела,
Булава его всех опрокинуть хотела.

Столько опытных бросил он в смертную тьму,
Что уж больше никто не бросался к нему.

И когда грозный рус, незнакомый со страхом,
Славу Рума затмил в поле взвихренным прахом,

Он, сменив булаву на сверканье меча,
На китайцев напал и рубил их сплеча.

И, подобный копью, он скакал горделиво.
Вслед за тем и копьем он играть стал на диво.

Но на бой от румийцев на гордом коне
Дивный выехал всадник в красивой броне.

В его стройном коне не орлиная ль сила?
Меч ли взял он с собой, или взял крокодила?

Шелк — на шелковом теле; блистает кафтан;
Блеск лазури шелому булатному дан.

Джинн мечтал о сраженьи, как будто о пире,
У копыа его тяжкого — грани четыре.

Закричал он врагу, приосанясь в седле:
«Не желаешь ли тотчас уснуть на земле?»

Пред тобой — Зериванд. Я посланец Гиляна,
Для меня лишь забава сразить Ахримана!»

Лишь узрел его облик воинственный рус,
На устах своих горький почувствовал вкус.

«Перед ним, — он решил, — ничего я не значу.
Враг чрезмерно силен. Я утратил удачу».

Он коня повернул. Как степной ураган,
Он стремглав поскакал в свой воинственный стан.

Но копые в убежавшего всадника следом
Тотчас бросил гилянец, привыкший к победам,

И копые, пронизавшее спину, гляди:
На четыре ладони прошло из груди!

Но коня задержать оно всё ж не сумело:
Конь доставил на место пробитое тело.

И столпились над телом эйлакцы: оно
Словно распято было. И было дано

Всем взиравшим увидеть, что змей из Гиляна
Распинает могучих враждебного стана,

Опустились поводья. Ни рус ни буртас
Не спешили на бой. Весь их пламень угас.

И, когда истомились войска ожиданьем,
Новый выступил рус. И, согласно преданьям;

Был сродни он Кинталу и звался Купал.
Зериванд перед ним тотчас грозно предстал.

Тяжко бились бойцы и звенели мечами,
И скрестились мечи огневыми лучами,

Но умелый гилянец, исполненный сил,
Всё же голову вражью булатом скосил.

Так рубил Зериванд всех врагов несчастливых:
Скоро семьдесят русов легло горделивых.

Взор отважных бойцов нерешительным стал,
И на грозного льва рассердился Кинтал:

Шлем надел кипарис, застегнул он кольчугу,
И с мечом он к коню — к неизменному другу —

Поспешил и вскочил на него, как дракон,
И коня вскачь направил на недруга он.

И узрел Зериванд облик руса могучий,
И взревел он гремящею, бурною тучей.

Два индийских мгновенно скрестились меча.
Эта схватка, как полдень, была горяча.

То гилянец был точкой, а битвенным лугом
Поскакавший соперник — стремительным кругом,

То Кинтал скакуна останавливал. Жар
Двух воителей рос. Лют был каждый удар.

Но друг друга сразить всё ж им не было мочи.
С часа третьей молитвы сражались до ночи,

И настал должный срок. Царь могучих — Кинтал
Поднял меч, и гилянец сверкающий пал.

Был он сброшен Кинталом с седла золотого:
Больше не было льва дерзновенного, злого.

И был счастлив Кинтал завершением дня,
И к своим он погнал вороного коня.

Но не мог Искендер не изведать кручины:
Станет верный царевич добычею глины!

И сказал он о теле ушедшего в тьму,
Чтобы должный почет был оказан ему.

ПОЯВЛЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО ВСАДНИКА

Над зеленою солнце взошло пеленой,
Смыло небо индиго с одежды ночной,

И опять злые львы стали яростны, хмуры,
И от них погибать снова начали гуры.

Снова колокол бил, как веленья судьбы,
Снова кровь закипела от рева трубы.

Столько в громе литавр загремело угрозы,
Что всех щек пожелтели румяные розы.

И опять Джовдере появился; огнем
Он пылал, и усталости не было в нем,

И Хинд́и, эту гору узрев пред собою,
На хутальском коне приготовился к бою.

И хоть много ударов нанес он врагу,
Бесполезно кружась на кровавом лугу,

Но, напрягши всю мощь и наморщивши брови,
Всей душою возжаждавши вражеской крови,

Снес он голову руса; упала она
Под копыта лихого его скакуна.

И, гарцуя, Хинди звал врагов на сраженье,
Всем, спешившим к нему, нанося поражение.

Был прославленный муж. Его звали Тартус.
Восхвалял его каждый воинственный рус.

Этот красный дракон, быстрым пламенем рея,
Пожелал опрокинуть воителя Рея.

И помчался он в бой, громогласен и скор,
Как ревуший поток, ниспадающий с гор.

Оба крепко владели всем воинским делом.
Каждый в этом бою был и ловким и смелым.

Всё ж был натиск Тартуса так лют и удал,
Что рассыпался прахом индийский сандал.

Кубок тела Хинди он избавил от крови:
Лить вино, бить сосуды — ему ль было внове?

«Я тот хищник, — сказал он, снимая свой шлем, —
Что всех львов повергает. — И молвил затем:

— Я слыву самым мощным и яростным самым,
Я был матерью назван всех русов Рустамом.

Ты, что, хмуря чело, мнишь пролить мою кровь, —
Ты себе не кольчугу, а саван готовь.

Не умчусь я, пока еще многих не скину
С их коней, не втопчу этих немощных в глину».

Пал отважный Хинди. Нет отчаянью мер!
Извиваясь, как локон, стонал Искендер.

В бой хотел повернуть он поводья и строго
Наказать гордеца, но помедлил немного

И окрест поглядел: кто хотел бы за честь
Румских сил постоять и помчаться на месть?

И увидел: с мечом, разъяренно подъятым,
Скачет всадник, сверкая китайским булатом.

Он храбрец, он умело владеет конем,
А под ним черный конь ярым пышет огнем,

Весь в железе он скрыт, только, рдеющий лалом,
Сжатый рот его виден под тяжким забралом.

И, гарцуя, мечом заиграл он, и вот —
Стал на жаркую схватку взирать небосвод.

И была длань безвестного дивно умела,
И Тартуса рука в страшной битве слабела.

И, на руса направляя стремленье свое,
Вскинул всадник меча своего лезвие, —

И врага голова от руки его взмаха
Пала наземь и стала добычею праха.

И, огнем своих глаз в пыльной мгле заблестев,
На безвестного новый набросился лев,

Но утратил он голову мигом. Немало
Еще новых голов наземь тяжко упало.

Сорок русов, подобных огромной горе,
Смелый лев уложил в этой страшной игре.

И коня, цвета ночи, погнал он, в рубины
Обращая все камни кровавой долины.

И куда бы ни мчал черногривого он, —
Разгонял он всё воинство вражьих племен.

Кто бы вышел на бой? Торопливое жалó
Неизбежною смертью врагам угрожало.

И смельчак быстроногому вихрю, всегда
Поводам его верному, дал повода.

Было сто человек в этой скачке убито,
Сто поранено, сто сметено под копыта.

Искендер отдавал восхищения дань
Этой мощи, и меч восхваляя, и длань.

А наездник всё бился упрямо, сурово.
Лил он пламя на хворост всё снова и снова.

И пока небосвод не погас голубой,
Не хотел он покинуть удачливый бой.

Но когда рдяный свет пал за синие горы,
И смежил яркий день утомленные взоры,

И всклубившийся мрак захотел тишины,
И, от Рыбы поднявшись до самой Луны,

Затемнил на земле все земные дороги,
И пожрал, словно змей, месяц ясный двурогий, —

Дивный воин, ночной прекращая набег
И коня повернув, поскакал на ночлег.

Так поспешно он скрылся под пологом ночи,
Что за ним не успели вззирающих очи.

И сказал Искендер, ему вслед поглядев:
«С сердцем львиным, как видно, сей огненный лев».

И, задумавшись, молвил затем повелитель:
«Кто ж он был, этот скрытый железом воитель?»

Если б смог я узреть этот спрятанный лик,
Мною спрятанный клад перед ним бы возник.

За народ в его длани я вижу поруку,
И мою своей силой усилил он руку.

Чем подобному льву я сумею воздать?
Да сияет над смелым небес благодать!»

РУСЫ ВЫПУСКАЮТ В БОЙ НЕВЕДОМОЕ СУЩЕСТВО

И жемчужину снова вознес небосвод
Из глубокого мрака полуночных вод.

Вновь был отдан простор и войскам и знаменам,
И опять всё наполнилось воплем и стоном.

И над сонмищем русов с обоих концов
Подымался неистовый звон бубенцов.

И меж русов, где каждый был блещущий витязь,
Из их ярких рядов вышел к бою — дивитесь! —

Некто в шубе потрепанной. Он выходил
Из их моря, как страшный, большой крокодил.

Был он пешим, но враг его каждый охотней
Повстречался бы в схватке со всадников сотней.

И когда бушевал в нем свирепый огонь,
Размягчал он алмазы, сжимая ладонь.

В нем пылала душа, крови вражеской рада.
Он пришел, как ифрит, из преддверия ада.

Он был за ногу цепью привязан; она
Многовесна была, и крепка, и длинна.

И на этой цепи, ее преданный звеньям,
Он всё поле мгновенно наполнил смятеньем,

По разрытой земле тяжело он сновал,
Каждым шагом в земле темный делал провал.

Шел он с палкой железной, большой, крючковойтой.
Мог он горы свалить этой палкой подъятой.

И орудьем своим подцеплял он мужей,
И, рыча, между пальцами мял он мужей.

Так был груб он и крепок, что стала похожа
На деревьев кору его твердая кожа.

И не мог он в бою, как все прочие, лечь:
Нет, не брал его кожи сверкающий меч.

Вот кто вышел на бой! Мест неведомых житель!
Серафимов беда! Всех людей истребитель!

Загребал он воителей, что мурашей,
И немало свернул подвернувшихся шей.

Рвал он головы, ноги, — привычнее дела,
Знать, не ведал, а в этом — достиг он предела.

И цепного вояки крутая рука
Многим воинам шаха сломала бока.

Вот из царского стана могучий, проворный
Гордо выехал витязь для схватки упорной.

Он хотел, чтоб его вся прославила рать,
Он хотел перед всеми с огнем поиграть.

Но мгновенье прошло, и клюка крокодила
Зацепила его и на смерть осудила.

Новый знатный помчался, и той же клюкой
Насмерть был он сражен. Свой нашел он покой.

Так вельмож пятьдесят, мчась равниною ратной,
Полегли, не помчались дорогой обратной.

Столько храбрых румийцев нашло свой конец,
Что не стало в их стане отважных сердец.

Мудрецы удивлялись: не зверь он... а кто же?
С человеком обычным не схож он ведь тоже.

И когда на лазурь грозно крикнула ночь,
И сраженное солнце отпрянуло прочь,

Растревоженный тем, кто страшней Ахримана,
Царь беседовал тайно с вельможами стана:

«Это злое исчадьё, откуда оно?
Человеку прикончить его не дано.

Он идет без меча; он прикрылся лишь мехом,
Но разит всех мужей, что укрыты доспехом.

Если он и рожден человеком на свет,
Всё ж — не в этой земле обитаемой, нет!

Это дикий, из мест, чья безвестна природа.
Хоть с людьми он и схож, не людского он рода».

Некий муж, изучивший всю эту страну,
Так ответом своим разогнал тишину:

«Если царь мне позволит, — в усердном горенье
Всё открою царю я об этом творенье.

К вечной тьме приближаясь, мы гору найдем:
Узок путь к той горе; страшно думать о нем.

Там, подобные людям, но с телом железным,
И живут эти твари в краю им любезном.

Где возникли они? Никому невдомек
Их безвестного рода далекий исток.

Краснолики они, их глаза бирюзовы.
Даже льва растерзать они в гневе готовы.

Так умеют они своей мощью играть,
Что одно существо словно целая рать,

И самец или самка коль тронутся к бою —
Судный день протрубит громогласной трубою.

На любое боренье способны они,
Но иные стремления им не сродни.

И не видели люди их трупов от века,
Да и все они — редкость для глаз человека.

Их богатство — лишь овцы; добыча руна
Для всего, что им годно, одна лишь нужна.

И одна только шерсть — весь товар их базара.
Кто из них захотел бы иного товара?

Соболей, чья окраска, как сумрак, черна,
Порождает одна только их сторона.

И на лбу этих тварей, велением бога,
Поднимается рог, словно рог носорога.

Если б их не отметил чудовищный рог,
С мощным русом сравниться б любой из них мог.

Словно птицам большим, завершившим кочевья,
Для дремоты им служат большие деревья.

Спит огромное диво, как скрывшийся див,
В нависающий сук рог свой крепкий вонзив.

Коль взглядишься, к стволу подобраться не смея,
Меж ветвей разглядишь ты притихшего змея.

Сон берет существо это в долгий полон:
Неразумия свойство — бесчувственный сон.

Если русы, в погоне за овцами стада,
Разглядят, что в ветвях эта дремлет громада, —

Втихомолку собирают пастуший свой стан
И подходят туда, где висит Ахриман.

Обвязав его крепко тугою веревкой,
Человек пятьдесят всей ватагою ловкой,

Вскинув цепь, при подмоге железной петли,
Тащат чудище вниз вплоть до самой земли.

Если пленник порвет, пробудившись от спячки,
Звенья цепи, — не даст пастухам он потачки:

Заревев страшным ревом, ударом одним
Умертвит он любого, что встанет пред ним.

Если ж цепь не порвется и даже укуса
Не изведает люди, — до области Руса

Будет он доведен, и, окованный, там
Станет хлеб добывать он своим вожакам.

Водят узника всюду; из окон жилища
Подаются вожатым и деньги и пища.

А когда мощным русам желанна война,
В бой ведут они этого злого слона.

Но хоть в битву пустить они диво готовы,
Всё же в страхе с него не снимают оковы.

Узришь ты, лишь в нем битвенный вспыхнет запал,
Что для многих весь цвет светлой жизни пропал».

Услышав это всё, Искендер многославный
Был, как видно, смущен сей опасностью явной,

Но ответил он так: «Древки множества стрел
Из различных лесов. Есть и сильным предел.

И быть может, овейный счастьем летучим,
Я внесу на копье его голову к тучам».

**ИСКЕНДЕР ДЕЙСТВУЕТ АРКАНОМ.
НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПЛЕННИК ПРИНОСИТ ИСКЕНДЕРУ
НИСТАНДАРДЖИХАН**

Белизною широкой покрылся восток,
А на западе сумрака скрылся поток.

И властитель, рожденный на западе, снова,
Все войска разместив, ждал чудовища злого.

Были румцы на правом крыле, и отряд
Берберийцев за ними свой выстроил ряд.

А на левом крыле узкоглазых Китая
Встали многие сотни, щитами блистая.

Искендер был в середине. Как сумрачен он!
Конь хутальский под ним будто ростный слон.

А буртасы на той стороне и аланы,
Словно львы, бушевали, взволнованны, рьяны.

С барабаном свой гул грозный колокол слил;
Над равниной в трубу затрубил Исафил.

От литавр, сотрясающих мир без усилья,
В скалах Кафа Симураг растрепал свои крылья.

Но кричали литавры от страха: рога
Напугали их воем, пугая врага.

И войска с двух сторон свое начали дело, —
Для кого в этот день счастье с неба слетело?

И зловещий, в одежде своей меховой,
По равнине пошел, будто слон боевой.

От него смельчаки вновь не знали защиты:
Все свой бросили щит, все им были убиты.

Из толпы царских воинов, скрытый в броне,
Снова выехал витязь на черном коне.

Так огнем он сверкнул, меч свой вскинувши смело,
Что у жаркого солнца в глазах потемнело.

И узнал Искендер: это доблестный тот,
Что не раз выступал, сил румийских оплот.

И встревожился царь своим сердцем радивым:
Этот смелый столкнется с чудовищным дивом!

И подумал владыка, тоской обуян:
Эту гордую шею свернет Ахриман!

Стал наездник, уздою владевший на диво,
Вновь являя свой жар, вокруг ужасного дива,

Словно ангел, кружиться. Из века и в век
Небосвод вокруг земли так вот кружит свой бег!

Думал доблестный: первым стремительным делом
Передать свою силу язвительным стрелам,

Но, увидев, что стрел бесполезны рои,
Рассердился отважный на стрелы свои.

Он постиг: во враге грозных сил преизбыток,
И достал и метнул он сверкающий слиток.

Если б слиток подобный ударил в коня,
То коня не спасла бы любая броня.

Но, в гранитное тело с отчаяньем пущен,
Был о твердый гранит страшный слиток расплющен.

И огромный, увесистый слиток второй
Был спокойно отброшен гранитной горой.

Третий слиток такую ж изведаль невзгоду.
Нет, песком не сдержат подступившую воду!

И, увидев, что слиток и злая стрела
Не чинят силачу ни малейшего зла,

Всадник взнес крокодила и с пламенем ярым
Устремился к дракону, дыхнувшему жаром.

Он пронесся, ударом таким наградив
Это чудо, что пал покачнувшийся див.

Но поднялся дракон, заревев, из-под пыли,
И опять его пальцы железо схватили.

И нанес он удар изо всех своих сил,
И железным крюком смельчака зацепил,

И с седла его сдернул, и вот без шелома
Оказался носитель небесного грома.

И явилась весна: как цветка лепесток,
Был отраден румянец пленительных щек.

И не стал отрывать головы столь прекрасной
Поразившийся джинн; сжал рукою он властной

Две косы, что упали с чела до земли,
Чтоб вокруг шеи наездницы косы легли,

И за узел из кос к русам радостным живо
Повлекло эту деву косматое диво.

И, когда был от румцев отъят Серафим,
С криком радости русы столпились пред ним,

И затем лютый лев к новой схватке горячей
Побежал. Разъярен был он первой удачей.

И, слышав противников радостный шум,
В гневе скорчился шах, возглавляющий Рум,

И велел раздражить он слона боевого,
Наиболее мощного, дикого, злого.

И вожак закричал, и погнал он слона.
Словно бурного Нила взыграла волна.

Много копий метнул он в носителя рога
И с горящею нефтью горшков очень много.

Но ведь с нефтью горшки для скалы не страшны!
Что железные копыя для бурной волны?!

И, увидев слона с его злыми клыками,
Удивленный воитель раскинул руками.

И, поняв, что воинственным хоботом слон
Причинить ему сможет безмерный урон,

Так он сжал этот хобот руками, что в страхе
Задрожал грозный слон. Миг — и вот уж во прахе

Слон лежит окровавленный; дико взревев,
Оторвал ему хобот чудовищный лев.

Схвачен страхом — ведь рок стал к войскам его строгим
И румийцам полечь суждено будет многим, —

Молвил мудрому тот, кто был горд и велик:
«От меня мое счастье отводит свой лик.

Лишь невзгоды пошлет мне рука небосвода.
Для чего я тяжелого жаждал похода!

Если беды на мир свой направят набег,
Даже баловни мира отпрянут от нег.

Мой окончен поход! Начат был он задаром!
Ведь в году только раз лев становится ярым.

Мне походы невмочь! Мне постыли они!
И в походе на Рус мой кончатся дни!»

И ответил премудрый царю-воеводе:
«Будь уверенным, царь, в этом новом походе.

Ты удачу к себе вновь сумеешь привлечь:
И обдуман твой путь, и отточен твой меч.

Пусть в извилинах скал укрываются далы, —
Твердый разум и меч проникают и в скалы!

Как и встарь, благосклонен к тебе небосвод.
Ты в оковы замкнешь сто подобных невзгод.

Хоть один волосок твой, о шах, мне дороже,
Чем всё войско твое, но скажу тебе всё же,

Что вещал мне сияющий свод голубой:
Если царь прославляемый ринется в бой,

То, по воле царя и благого созвездья,
Великан многомогущий дождетсЯ возмездья.

Пусть груба его кожа и пусть нелегка
Его твердая длань и свирепа клюка,

Пусть он с бронзою схож или с тяжким
гранитом, —
Он — один, и на землю он может быть сбитым.

Не пронзит великана сверкающий меч.
Кто замыслил бы тучу железом рассечь?

Но внезапный аркан разъяренному змею
Ты, бесспорно, сумеешь накинуть на шею.

Хоть стрелой и мечом ты его не убьешь,
Потому что ты тверже не видывал кож,

Но, оковы надев на свирепого джинна,
Ты убить его сможешь». Душе властелина

Эта речь звездочета отрадна была.
Он подумал: «Творцу всеблагому хвалат!»

И, призвав небеса, меж притихшего стана,
На хутальского сел он коня; от Хакама

Этот конь был получен на паршестие: он
Был в зеленых конюшнях Китая рожден.

Взял свой меч Искендер, но, о славе радея,
Взял он также аркан, чтоб схватить лиходея.

Он приблизился к диву для страшной игры,
Словно черная туча к вершине горы.

Но не сделали шага ступни крокодила:
Искендера звезда ему путь преградила.

И аркан, много недругов стиснувший встарь,
Словно обруч возмездья метнул государь, —

И петля шею дива сдавила с размаху,
И склонилась лазурь, поклонясь шаханшаху.

И, когда лиходея сдавила петля,
Царь, что скручивал дивов, сраженье не для,

Затянул свой аркан и, рукой властелина
Волоча, потащил захрипевшего джинна.

И к румийским войскам, словно слабую лань,
Повлекла силача Искендерова длань.

И когда трепыхала лохматая груда
И пропала вся мощь непостижного чуда, —

Стало радостно стройным румийским войскам:
Их ликующий крик поднялся к облакам.

И такой был дарован разгул барабанам,
Что весь воздух плясал, словно сделался пьяным.

Искендер, распознав, сколь был яростен див,
Приказал, чтоб, весь мир от него оградив,

Ввергли дива в темницу; томилось немало
Там иных Ахриманов, как им и пристало.

Увидав, что за мощь породил Филикус,
Был тревогой объят каждый доблестный рус.

Воском тающим сделался Руса властитель,
Возвеличился румского царства хранитель,

И певцов он позвал, и для радостных всех
Растворил он приют и пиров и утех,

Внемля чангам, он пил ту усладу, что цветом
Говорила о розах, раскрывшихся летом.

И веселый властитель, вкушая вино,
Славил счастье, что было ему вручено.

Под сапфирный замок ночь припрятала клады,
И весы камфары стали мускусу рады.

Всё вкушал Искендер сладкий мускус вина,
Всё была так же песня стройна и нежна.

То склонялся он к чаши багряным уладам,
То свой слух услаждал чанга сладостным ладом.

И, склоняясь к вина огневому ключу,
Он дарил пировавшим шелка и парчу,

И, пируя, о битве желал он беседы:
Про удачи расспрашивал он и про беды.

И сказал он о всаднике, скрытом в броне
И скакавшем, как буря, на черном коне:

«Мне неведомо: стал ли он горестным тленом,
Иль в несчастном бою познакомился с пленом?»

Если он полонен, вот вам воля моя:
Мы должны его вызволить силой копыя.

Если ж он распрощался с обителью нашей,
То его мы помянем признательной чашей».

И, смягчен снисхождением, присущим вину,
Он припомнил о тех, что томятся в плену,

И велел, чтоб на пир, многолюдный и тесный,
Был доставлен в оковах боец бессловесный.

И на пир этой смутной ночью порой
Приведен был в цепях пленник, схожий с горой.

Пребывал на пиру он понуро, уныло.
Его тело в цепях обессилено было.

Он, лишь только стеная, сидел у стола,
Но ему бессловесность защитой была.

Слыша стои человека, лишеного речи,
Царь, нанесший ему столько тяжких увечий,

Смявший силой своей силу вражеских плеч,
Повелел с побежденного цепи совлечь.

Благородный велел — стал плененный свободным,
А вреда ведь никто не чинит благородным.

Обласкал его царь, вкусной подал еды,
Миновавшего гнева загладил следы.

Он рассеял вином несчастливца невзгоду,
Чтоб душа его снова узнала свободу.

И злодей, ощутив милосердия сень,
У престола простерся, как тихая тень.

Хоть к нему подходили все люди с опаской,
Признавал он того, кто дарил его лаской.

Вдруг, никем не удержан, мгновенно вскочив,
Из шатра убежал этот сумрачный див.

И в ответ всем очам, на него устремленным,
Миродержец промолвил своим приближенным:

«Стал он волен, обласкан, стал вовсе не зол,
Пил с отрадой вино, — почему ж он ушел?»

Но мужи, отвечая владыке, едва ли
Объясненье всему надлежащее дали.

Молвил первый: «Степное чудовище! В степь
Он помчался. Ведь сняли с чудовища цепь».

«Опьяненный вином, — было слово второго, —
Он решил, что к своим проберется он снова».

Царь внимал говорившим с умом иль спроста,
Но свои им в ответ не раскрыл он уста.

Всё он ждал, как бы внемлющий звездному рою:
Синий свод удивит его новой игрою:

И вернулся беглец в его царственный стан,
На руках поднимая Нистандарджихан,

На ковер положил он ее осторожно
И поник, — мол, служу я владыке неложно.

И, владыке оставив китайский кумир,
Он исполнил поклон, и покинул он пир.

Государь изумился: он видел не змея, —
Он узрел изумруд, верить взору не смея.

Но рабыня, являя застенчивый нрав,
Скрыла розовый лик под широкий рукав.

Увидав, что светило в шатре засияло,
Царь велел, чтобы в нем пировавших не стало.

И, желая увидеть нежданную дань,
Царь с лица ее снял прикрывавшую ткань.

И, узрев этот лик, он постиг, что напасти
К сердцу шаха спешат: он у солнца во власти.

В этой темной ночи он увидел пери.
Опьяненная! Нежная! Отсвет зари!

Дева рая из черного адского стана!
От Малика бежавшая к розам Ризвана!

Кипарис, полный свежести! Розовый цвет
Раздающая розам, их просьбам в ответ!

Каждый взор ее черный — сердец похититель.
Не один ее взором сражен небожитель.

А уста! Из-за них в шумной распре базар!
Сколько сахара в них! Верно — целый харвар!

В этой розы объятых забудешь кручины,
Потому что они не объятая — жасмины.

И, увидев подарок, врученный судьбой,
Царь как будто кумирню узрел пред собой.

Хоть он видел рабыню, но, нежный, довольный,
Смел себя он рабом той, что сделалась вольной.

О, рабыня! Сам царь стал рабыне рабом!
Могут розы мечтать о всевластномлюбом.

Царь узнал китайянку. Красив был и ярок
Обретенный в Китае хакана подарок.

Удивленный, он понял, что это она
Побеждала отважных, гоня скакуна.

Как ушла из гарема! Как билась красиво!
Как вернулась! Всё это — не дивное ль диво?

И сказал он прекрасной китайской рабе:
«Сердце шаха утешь. Всё скажи о себе!»

И пред шахом счастливым, красую блистая,
Кротко очи потупила роза Китая.

И молитву о шахе она вознесла:
«Да вовеки венец твой не ведает зла!

Чтоб создать властелина сродни Искендеру,
Бог не глину берет — правосудье и веру.

Пламень славы твоей очевидней, чем свет.
Благотворнее счастья твой светлый привет.

Благодатному дню ты даруешь начало.
Солнце светом твоим в небесах заблестало.

Венценосцы в лазурь свой возносят венец,
Но не каждый увенчанный — мощный боец.

Ты ж, вознесший венец, озаряемый славой,
Ты и меч свой возносишь победный и правый.

На пиру, говоришь ты, — я милую мир,
А в бою удивляешь ты силою мир.

Ты — источник живой. И, теперь это зная,
Лишь молчать я могу. Я ведь только земная.

Нежный вздох, государь, не проникнет сюда.
Ведь, проникнув, растаял бы он от стыда.

У меня — черепки; не сверкает алмазом
Мой рассказ; не смущу тебя длительным сказом.

Я рабыня. Я с ухом проколотым, но
Никому было тронуть меня не дано.

Обо мне ведь промолвил властитель Китая:
«Вот ларец, в нем жемчужин скрывается стая. . .»

Но царю не понравились эти слова,
На меня, полный гнева, взглянул он едва.

И, царем позабытая, презрена всеми,
Я безмолвно укрылась в царевом гареме.

Огорченная горькой, неожиданной судьбой,
Не прельстивши царя, я направилась в бой.

В первой схватке, по счастью царя Искендера,
Мной была против недругов найдена мера.

Во второй — не напрасно гнала я коня:
Сбила всех, что с мечами встречали меня.

Но затем, обольщенная днем несчастливым,
Я была сражена и похищена дивом.

Это был не воитель, а злой крокодил.
Пламень божьего гнева его породил.

Не предав меня смерти, из тяжких объятий
Он меня тотчас передал вражеской рати.

Будто молвил он русам: для царских палаф
Под замком берегите мной найденный клад.

Вновь он в поле пошел, вновь пошел он в сраженье,
Чтоб румийским слонам нанести поражение.

Но когда румский царь, многомогущий, как слон,
Во мгновенье слону предназначил полон,

Я, ликуя от шахской великой победы,
Вознесясь до небес, позабыла все беды.

Но, узрев, что свирепых ты ловишь в силок,
Что аркан твой летит, как стремительный рок,

Я еще огорчалась: повлек для полона —
Не для смерти в свой стан ты немного дракона.

Всё ж, подумала я, не гуляет в степи
Злобный див, а на крепкой сидит он цепи.

В души русов проникли печалей занозы,
Стали желтою мальвой их рдяные розы.

И, когда сумрак ночи, всю землю поправ,
Словно гуль, проявил свой озлобленный нрав,

Словно гулю, связали мне руки и ноги
И в затвор поместили, потайный и строгий.

Хмурый воин меня снарядился стеречь.
Мне грозила бедой его темная речь.

Но с полночи прошло, и послышались крики.
До темницы моей шум домчался великий.

Налетела мгновенная туча, — о ней
Не дожди возвестили, а град из камней.

И вопил и стонал стан взволнованный вражий,
И в испуге бежали полночные стражи.

И голов без числа страшный див отрывал,
И метал их в бойцов. Рос чудовищный вал

Обезглавленных тел. На растущие горы
Из кровавых голов устремляла я взоры.

И ворвался ко мне мощью дышащий див
И порвал мои узы. Меня подхватив,

Он доставил меня к Искендера престолу:
Он от Рыбы вознес меня к лунному долу.

Я в темнице была, словно спрятанный клад,
Но теперь я познаю немало услад.

Ведь шелкам должно быть на прельстительном стане,
Разве сладостной женщине место в зиндане?

Всё, о чем я мечтала, явилось ко мне,
Или всё, что я вижу, — я вижу во сне?»

И умолкла пері. Восхитился великий:
Расцвели, словно розы, ланиты владыки.

Он, к колечку Луны прикоснувшись едва,
Молвил тонкие, словно колечко, слова:

«О нежнейшая роза, не знавшая пыли,
Все бои твои богом оваяны были.

Повлекла за собою ты душу мою:
Ты на пире — парча, ты прекрасна в бою.

Я в боях тебя видел сражавшейся смело
И конем распаленным владевшей умело.

Но и здесь что́ приманчивей взоров твоих?
В день войны, в час утех ты прекрасней других.

Я под пару тебе. Вот и чанг. Что чудесней,
Чем утешить свой слух твоей сладостной песней!»

Звонкий чанг луноликая в руки взяла.
Лук из тополя был, из него же — стрела.

Избрала она лад, призывавший к уладам,
Пехлевийскую песню сплетя с этим ладом:

«О взошедший на трон, всех великих поправ!
Необъятен твой разум и светел твой нрав!

Ты с челом своим юным — отрада для взора.
Сердце светлое шаха не знает укора.

Ты в решеньях велик, ты с удачей всегда.
Ты, куда ни приходишь, берешь города!

Властелина душа отдохнуть захотела.
Нет греховных желаний у царского тела.

По каким бы путям ты ни вел свою рать,
Пусть горит над великим небес благодать!

Да течет небосвод по цареву желанью!
Да поникнет весь мир под румийскую дланью!»

А затем о заветном запела она.
В сладкой песне тоска ее стала слышна:

«Расцвело деревцо за оградою сада,
И возникшим цветам деревцо было радо.

Только роза спала; был не вскрыт ее лал,
И нарцисс на лугу еще сладко дремал,

И в сосуде вино не пригублено было:
Видно, жаждающих сердце о нем позабыло.

Сад надеялся: кончит с охотою царь
И придет к нежной розе с охотою царь.

Эту розу сорвет он весною счастливой,
Он тюльпаны увидит и взглянет на ивы.

Неужели царю вовсе времени нет
Поглядеть на цветы, на их пышный расцвет?

Завились лепестки; грусть в их каждом завое,
Но в осенние дни им грустней будет вдвое.

Ветер осени лют, обуял меня страх:
Все мои лепестки обратит он во прах».

Слыша песню рабыни, хватающей сердце,
Царь охвачен был страстью, сжигающей сердце.

Сладкий стон ее чанга — о сладостный клик! —
Возвещал, что красив ее сладостный лик,

Что ее красноречье являет желанье,
Чтоб возникло в царе огневое пыланье.

Но, проникнув душой в чанга звучную речь,
Не дал властный себя вождельням увлечь.

Был разумен воитель: уместна ль истома?
Уцелевших врагов он желает разгрома.

И велел он вина принести, а припас
На дорогу оставил: придет его час.

Златозвонную чашу он выпил за деву,
Столько сладостной неги придавшей напеву.

После — чашу спасенной от вражьих цепей,
Сладкоустой он подал и вымолвил: «Пей!»

Повелела она своему поцелую
Освятить эту чашу, затем золотую

Отдала шаханшаху. Рукою одной
Брал он чашу. Ласкал ее кудри — другой.

То с нежнейшим лобзаньем склонялся он к чаше,
То к Луне, что была всех возлюбленных краше.

Чтил он чин сластолюбцев: он знал благодать
Мед лобзаний чредой с горьким хмелем вкушать.

И, уста усладив чашей сладостной винной,
Предались они дреме сладчайшей, невинной.

И в приюте услад, в окружении гроз
Лишь лобзанья одни не страшились угроз.

ОСВОБОЖДЕНИЕ НУШАБЕ И ПРИМИРЕНИЕ ИСКЕНДЕРА С КИНТАЛОМ

Кравчий! Чашу! К жемчужинам чаши припав,
Я солью с ними сердца им сродный состав.

Влаги! Сохнет мой дух от вседневной отравы.
Жду: булатом булат очищается ржавый.

*

Тем, кого породил славный царь Филикус,
Был буртас остановлен и сдержан был рус.

И сыскал Искендер тот простор для привала,
Где земля и отраду и силы давала.

Там прекрасней Тубы были сени древес,
Там густы были травы под синью небес.

Там ручьи, как вино, были сладостны летом,
Но они не таились под строгим запретом.

Там, тенистым узором сердца веселя,
Изумрудные сети сплели тополя.

Там деревья высоко взнесли свои своды:
Их вскормил свежий воздух, вспоили их воды.

Меж древес, где всегда благодатны пиры,
Для владыки румийские стлали ковры.

И, когда принесли всё, что надо для пира,
Сел с царями за пир царь подлунного мира,

И, когда пированьем украсился луг
И вдруг снеди замкнулся пирующих круг, —

Приказал государь принимавшим добычу
Сдать немедля добычу считавшим добычу,

Чтоб о множестве кладов, о ценных мехах,
О буртасах, аланах, о всех племенах

Доложили ему, чтоб хотя бы примерным
Был подсчет всем сокровищам, столь беспримерным.

И огромный воздвигли носильщики вал,
Груды ценной добычи снеся на привал.

Будто жадными тешась людскими сердцами,
Раскрывались, блистая, ларцы за ларцами.

И камня, которых нельзя было счесть,
О себе всем очам тотчас подали весть.

Тут и золото было, и были в избытке
Серебра драгоценного лунные слитки,

Хризолиты, финифть, золотые щиты.
Сколько лучших кольчуг! Нет, не счел бы их ты!

Словно на гору Каф мог ты вскидывать взоры,
Полотна с миткалем видя целые горы.

Был прекрасен зербафт, на котором шитье
Золотое вело узорочье свое.

Соболей самых темных несли отовсюду
И бобров серебристых за грудую груды.

Горностая; прекраснее белых шелков,
Было сложено сотни и сотни тюков.

Серых векш — без числа! Лис без счета багровых
И мехов жеребьячьих, для носки готовых.

Много родинок тьмы с бледным светом слились:
Это мех почивален; дает его рысь.

Кроме этих чудес было кладов немало,
От которых считающих сердце устало.

Царь взглянул: нет очам прихотливей утех!
Как в Иране весна — многокрасочный мех.

Цену меха узнав, царь промолвил: «На что же
Служат шкуры вон те, знать хотел бы я тоже?»

Соболиных и беличьих множество шкур
Царь узрел; был их цвет неприветливо бур.

Все облезли они, лет, казалось, им двести,
Но на лучшем они были сложены месте.

Шах взирал в удивленье: на что же, на что ж
Столько вытертых шкур и морщинистых кож?

«Неужели они, — он спросил, — для ношенья
Иль, быть может, всё это — жилищ украшенья?»

Молвил рус: «Из потрепанных кож, государь,
Всё рождается здесь, как рождалось и встарь:

Не смотри с удивленьем на шкуры сухие.
Это — деньги, и деньги, о царь, неплохие.

Эта жалкая ветошь в ходу и ценна.
Самых мягких мехов драгоценней она.

Что ж, дивясь, обратился ко мне ты с вопросом?
Купишь всё малой шкурки куском безволосым.

Пусть меняет чеканку свою серебро.
Там, где всё, что прошло, мигом стало старо, —

Шерсть ни на волос эта не стала дешевле
С той поры, как была в дело пущена древле».

Государь поразился: какая видна
Здесь покорность веленьям! Безмерна она.

Он сказал мудрецу: «Усмирять все свары,
Силе шахов повсюду способствуют кары,

Но у здешних владык больше властности есть:
Эту кожу велели сокровищем счесть!

Из всего, что мое здесь увидело око,
Это — лучшее, это ценю я высоко.

Если б этой жемчужины не было здесь,
Кто б служил тут кому-либо? Это ты взвесь.

Ведь иначе никто здесь не мог бы быть шахом.
Шах тут — шах. В этом всё. Шах тут правит не страхом».

Увидав, что сокровищам нету конца,
Искендер за даянья восславил творца.

И, прославив творца бирюзового крова,
Он застольную чашу потребовал снова.

Услаждаясь вином, струнный слушая звон,
Словно туча весной, щедрым сделался он.

Тем вождям, что в боях были ловки и яры,
И парчи и сокровищ он роздал харвары.

Он им золота дал, он был так тороват,
Что дарил он вождям за халатом халат.

Не осталось плеча, что не тешило взора
Алым бархатом, золотом златоузора.

Бессловесного жителя дальних степей
Царь призвал, — и свободно, без прежних цепей,

Подошел этот мощный степняк однорогий,
И царю, как и все, поклонился он в ноги.

И смотрел Искендер на врага своего:
Непонятное он изучал существо.

И немало сокровищ, отрадных для взгляда,
Он велел принести и парчи для наряда.

Но мотнул головою безмолвный степняк, —
Мол, они не нужны, проживу, мол, и так.

Он, потупившись, голову бросил овечью
Перед шахом: владел он безмолвия речью.

Понял всё государь: чтобы пленный был рад
Повелел он из лучших, отобранных стад

Дать овец великану, и принят был дивом
Этот дар, и казался безмолвный счастливым.

И погнал он овец в даль родимой земли,
И с гуртом пышнорунным исчез он вдали.

А лужайка полна была мира и блага,
И сверкала по чашам багряная влага,

И на душу царя взяли струны права,
И блаженно сияла над ним синева.

И когда от вина цвета розы вспотели
Розы царских ланит и в росе заблестели,

Шаха русов позвал вождь всех воинских сил
И на месте почетном его усадил.

Вдел он в ухо Кинтала серьгу. «Миновала, —
Он сказал, — наша распря; ценю я Кинтала».

Пленных всех он избавить велел от оков
И, призвав, одарил; был всегда он таков.

В одиночку ли тешиться счастьем и миром!
Пожелал Нушабе он увидеть за пиром.

И к Светилу полдневному тотчас Луну
Привели, — и Луну привели не одну:

С ней пришли и кумиры, познавшие беды, —
Мотыльки — радость глаз и услада беседы.

Царь убрал Нушабе в жемчуга и шелка,
Как зарю, что весеннего ждет ветерка,

Дал ей много мехов, лалов с жемчугом вместе.
Вновь прекрасная стала подобна невесте.

Царь был несколько дней с ней, веселой всегда,
А когда пированья прошла черед,

Длань царя, сей Луной одаряя Дувала,
Вмиг Дувала ремень вокруг нее завязала.

Поднеся новобрачным жемчужный убор,
Царь своею рукой их скрепил договор.

Он в Берду их направил, в родимые дали,
Чтоб за зданьями зданья они воздвигали.

Чтоб дворец Нушабе стал прекрасен, как встарь, —
Без подсчета казны им вручил государь.

В путь отправив чету, всем вождям своим сряду
Дал за трудный поход он большую награду.

Сговорившись о дани, могучий Кинтал
В ожерелье, в венце в свой предел поспешал.

Он, вернувшись в свой город, не знавший урона,
Вновь обрадован был всем величием трона.

Он, признав, что всевластен в миру Искендер,
Каждый год возглашал на пиру: «Искендер!»

А румиец, чьему мы дивились величию,
То за чашей сидел, то гонялся за дичью.

Он в тени тополей, он под листьями ив
Слушал най, к сладкой чаше уста приложив.

Славя солнечный свет, ликовал он душою
И, ликуя, вино пил с отрадой большою.

Счастье, юность и царство! Ну кто ж от души
Не сказал бы счастливцу: к усладам спеши!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА В РУМ

Виночерпий, приди, дай мне чашу вина!
Без вина веселиться душа не вольна.

Пусть в ночи твоя чаша блестит золотая,
Тени смерти вином от меня отменяя.

Не успеешь моргнуть, как судьба сотни дел
Злых и добрых свершит, всем назначит удел.

Этим — голову склонит, послав им невзгоду,
А другим — вскинет голову ввысь к небосводу.

Те в колодезь упасть с гордой башни должны,
А другие — от Рыбы взлететь до Луны.

Вслед забавам судьба затевает забавы,
А конец их — ничто. Ни удачи, ни славы

Не ищи. Не артачься. Артачливый конь
Может плетки почувствовать жгучий огонь.

Конь арабский, бунтующий, пенящий пену,
Увеличил египетских осликов цену.

Не один человек в мире горестном жил,
Всё же мир с человеком вовек не дружил.

Мир тому, кто в миру, столь немирном от века,
Хочет знать о достойных делах человека!

Излагается в книге: когда Искендер
Часть поклажи сложил в глубь обширных пещер,

В тех местах он, сокровищ потратив немало,
Создал город Булгар, что расцвел небывало.

Из Булгара он двинулся в Рус; расцвели
Царской щедростью области этой земли.

На своих кораблях вспенив Румское море,
Обитаемый берег увидел он вскоре.

Всем о стяге царя дали тотчас же знать,
И к знаменам пришла вся румийская знать.

Вновь узрев царский лик в благодатной отчизне,
Все вельможи царю обрекли свои жизни.

От подарков царя край, румийцу родной,
Осветился, как ночь под высокой луной.

Мастера ожерелий сияли; пылала
В лавках россыпь из мрака доставленных лалов.

Разукрасился город: великую часть
Всех сокровищ земли получил он во власть.

Каждый царственный дом стал подобием рая,
Ярким лалом и золотом словно играя.

Растворилась казна, стал затвор ей не впрок,
И на двери нужды был навешен замок.

Месяц всплыл в свой предел, величаво блистая,
На челе вознося диадиму Китая.

Царь, из Рума спеша, лишь земле был сродни,
Ныне небом он стал, что над ней искони.

Стал он влагой, что ввысь устремляется с тучей,
Чтобы жемчуг метать в глубь лазури зыбучей.

На престоле Юнана, почтивши свой кров,
Отдохнул государь от седла и трюдов.

Семь кишверов не в тягость царю Искендеру.
Ведь наместника каждому дал он кишверу.

И обета на верность потребовал он
У различных владык покоренных племен.

Искендером обласканы, с сердцем веселым,
Возвратились они к отдаленным престолом.

И когда время править им снова пришло —
Горделиво они вновь подъяли чело.

Не являя друг другу почтения правил,
Каждый с гордостью царской страной своей правил.

Ими был почитаем один Искендер,
Ими был поминаем один Искендер.

И когда возросла его царская сила,
Ключ сокровищ судьба Искендеру вручила.

Постиженьем усилилась мощь его крыл,
И божественной мудрости дверь он открыл.

И, заслыша приказ стать для смертных пророком,
Не отверг он того, что назначено роком.

Снова стал он готовить дорожный припас,
Чтобы в странствия выйти в положенный час.

Он узрел города в первом странствии. Взоры
Бросил в новом пути на долины и горы.

В первый раз все народы, исполненный дум,
Оглядел Искендер, и вернулся он в Рум.

Во втором его странствии — по бездорожью,
Словно солнце, он шел, волю выполнив божью.

Кончив сладостный пир, полный струнной игрой,
Многосладостный пир я устрою второй.

Чистых мыслей, прекрасных, как чистые вина,
Эта первая книги полна половина.

Если те жемчуга, с их игрой огневой,
Что рассыпал я в книге пред каждой главой,

Соберут, — их подбор будет целен и дружен,
И составитя нить драгоценных жемчужин.

Если мыслей моих сделать список, то он
Засияет, как мудрости вечный закон.

А ряды моих кравчих! Сказителей с ними
Усадил я повсюду. Словами какими

Их опишешь? Хранят они полный услад,
Полыхающий лалами царственный клад.

Чей рисунок столь тонок? Для должной окраски
Кто сумел бы столь сладостно смешивать краски?

Так на чанге своем натянул я свой шелк,
Что небесной Зухры шелк натянутый смолк.

Там, где в сказах была только небыль пустая,
Я былое воспел, в сказы правду вплетая,

Только к истине слово вести нас должно,
Если это не так, то презренно оно.

Речь великого старца бывала готова
Отстраняться порой от правдивого слова;

Только правдой украсив старинный рассказ,
Я его во второй пересказывал раз.

Вполовину построив прекрасное зданье,
Получил я полмира в свое обладанье,

Коль на смертную скоро не встану между,
Половину вторую творенья сложу

Я всей силой души, так, что люди могли бы
Запылать, чтоб кружились от радости рыбы.

Если мне ниспошлетя пощада небес,
Отстраню я от помыслов сумрак завес,

И взращу в румской заросли, пышной и пряной,
Я из желтой земли прелесть розы багряной.

Я добычей такой вам утешу глаза,
Как жемчужины свет, как сама бирюза.

Каждый сад мне вручит свой цветок благодатный,
С каждой розы возьму я росы ароматной.

Если шаха звезда осеняет меня,
Приступая к труду, не промедлю и дня,

II. КНИГА О СЧАСТЬЕ

СКАЗАНИЕ ОБ ИСКЕНДЕРЕ И МУДРОМ ПАСТУХЕ

Приходи, о певец, и зарею, как встарь,
Так захме роговым ты по струнам ударь,

Чтоб ручьи зажурчали, чтоб наши печали
Стали сном и к мечтаниям душу умчали.

*

Так промолвил прекрасный сказитель былой,
Не имеющий равных за древнею мглой:

В румском поясе царь и в венце из Китая
Был на троне. Сияла заря золотая,

Но нахмурился царь, наложил он печать
На улыбку свою, ей велел замолчать.

Обладал он Луной, с солнцем блещущим схожей,
Но она в огневице сгорала на ложе.

Уж мирских не ждала она сладостных чар.
К безнадежности вел ее тягостный жар.

И душа Искендера была уж готова
Истомиться от этого бедствия злого.

И велел он, исполненный тягостных дум,
Чтоб явились все мудрые в царственный Рум.

Может статья, что ими отыщется мера
Исцелить и Луну и тоску Искендера.

И наперсники власти, слышавши зов,
Притекли под ее милосердия кров.

Сотворили врачи нужных зелий немало,
Всё же тело Луны, изнывая, пылало.

Рдело красное яблочко, мучась, горя.
В мрачной горести хмурились брови царя.

Был он сердцем привязан к пері луноликой,
Потому и томился в тревоге великой.

И, с престола сойдя, царь на кровлю взошел,
Будто кровля являла спокойствия дол.

Обошел он всю кровлю, и бросил он взоры
На окрестные степи и дальние горы.

И внизу, там, где степь расстилалась, тиха,
Царь увидел овец, возле них — пастуха:

В белой шапке, седой, величавый, с клюкою
Он стоял, на клюку опираясь рукою.

То он даль озирает из конца и в конец,
То глядел на траву, то глядел на овец.

Был спокойный пастух Искендеру приятен, —
Так он мудро взирал, так плечист был и статен.

И велел государь, чтобы тотчас же он
Был на кровлю к престолу царя приведен.

И помчалась охрана, чтобы сделать счастливым
Пастуха, осененного царским призывом.

И когда к высям трона поднялся старик,
Пурпур тронной ограды пред смертным возник.

Он пред мощным стоял Искендеровым валом,
Что о счастье ему говорил небывалом.

Он склонился к земле: был учтив он, и встарь
Не один перед ним восседал государь.

Подозвал его царь тихим, ласковым зовом.
Осчастливив его государевым словом,

Так сказал Искендер: «Между гор и долин
Много сказов живут. Расскажи хоть один.

Я напастью измучен, и, может быть, разом
Ты утетишь меня многомудрым рассказом».

«О возвышенный, — вымолвил пастырь овец, —
Да блеснит над землею твой светлый венец!

Да несет он твой отблеск подлунному миру!
Дурноглазый твою да не тронет порфиру!

Ты завесу, о царь, приоткрой хоть слегка.
Почему твою душу сдавила тоска?

Дóлжно быть мне, о царь, сердце царское зрящим,
Чтоб утешить рассказом тебя подходящим».

Царь одобрил его. Ведь рассказчик найти
Нужный корень хотел на словесном пути,

А не тратить речей о небес благостыне
Иль о битвах за веру, как житель пустыни.

Царь таиться не стал. Всё открыл он вполне.
И когда был пастух извещен о Луне,

До земли он вторично склонился, и снова
Он молитвы вознес благодатное слово.

И повел он рассказ: «В давних, юных годах
Я Хосроям служил и, служа при царях,

Озарявших весь мир ярким праздничным светом, —
Тем, которым и я был всечасно одетым,

Знал я в Мерве царевича. Был его лик
Столь прекрасен, а стан словно стройный тростник.

Был краше кипарисов он вечной угрозой,
А ланиты его насмехались над розой.

И одна из пленительниц спальни его,
Та, что взору являла красы торжество,

Пораженная сглазом, охвачена жаром,
Заметалась в недуге настойчивом, яром.

Жар бездымный сжигал. Ей уж было невмочь.
Ни одно из лекарств не сумело помочь.

А прекрасный царевич! Скажу я нелживо:
Трепетал кипарис, будто горькая ива,

Увидав, что душа его жаркой души
Будто молвила смерти: «Ко мне поспеши!»

И, стремясь не испить чашу горького яда,
На красотку не бросив померкшего взгляда,

Безнадежности полный, решил он: в пути,
Что из мира уводит, покой обрести.

За изгибами гор, что казались бескрайны,
Был пустыни простор — обиталище тайны.

В ней пещеры и бездны. По слову молвы,
Там и барсы таились, и прятались львы,

В этой шири травинку сыскали б едва ли,
И пустынею смерти ее называли.

Если видел на свете лишь тьму человек,
В эту область беды он скрывался навек.

Говорили: «Глаза не узрели доньше
Никого, кто б вернулся из этой пустыни».

И царевич, теряющий розу свою,
Всё хотел позабыть в этом страшном краю.

Но смятенный любимой смертельным недугом,
Был царевич любим благодетельным другом.

Ведал друг, что царевич, объятый тоской,
Злую смерть обретет, а не сладкий покой.

Он лицо обвязал. Схож с дорожным бродягой,
На царевича меч свой занес он с отвагой.

И, не узнанный им, разъяренно крича,
Он свалил его наземь ударом плеча.

Сбив прекрасного с ног, не смущаясь нимало,
На царевича лик он метнул покрывало.

И, схвативши юнца, что стал нем и незряч,
На коне он в свой дом с ним направился вскачь.

А домой прискакав, что же сделал он дале?
Поместил он царевича в темном подвале.

Он слугу ему дал, но, спокоен и строг,
Приказал, чтоб слуга крепко тайну берег.

И царевич злосчастный, утратив свободу,
Только хлеб получал ежедневно и воду.

И, бессильный, глаза устремивший во тьму,
С пленным сердцем, от страсти попавший в тюрьму,

Он дивился. Весь мир был угрюм и неведом.
Как, лишь тронувшись в путь, он пришел к этим бедам?!

А царевича друг препоясал свой стан
В помощь другу, что страждал, тоской обуян.

Соки трав благотворных раздельно и вместе
Подносил для целенья он хворой невесте,

Он избрал для прекрасной врача из врачей.
Был в заботе о ней много дней и ночей.

И от нужных лекарств лютой хворости злоба
Погасала. У милой не стало озноба.

Стала свежей она, как и прежде была.
Захотела пройтись, засмеялась, пошла.

И, когда в светлый мир приоткрылась ей дверца,
Стала роза искать утешителя сердца.

Увидав, что она с прежним зноем в крови
Ищет встречи с царевичем, ищет любви, —

Друг плененного, в жажде вернуть всё былое,
В некий вечер возжег в своем доме алоэ.

И, устроивши пир, столь подобный весне,
Он соперницу роз поместил в стороне.

И затем, как слепца он, сочувствуя страсти,
Будто месяц изъяв из драконовой пасти,

Сына царского вывел из тьмы. С его глаз
Снял повязку, — и близок к развязке рассказ.

Царский сын видит пир — кравчих, чаши, и сласти,
И цветок, у которого был он во власти.

Так недавно оставил он тягостный ад,
Рай и гурию видеть — о, как был он рад!

Как зажегся он весь! Как он встретил невесту!
Но об этом рассказывать было б не к месту!»

И когда царь царей услышал пастуха,
То печаль его стала спокойна, тиха.

Не горел он уж тяжким и горестным жаром,
Ведь вином его старец попотчевал старым.

Призадумался царь, — всё творят небеса. . .
Вдруг на кровлю дворца донеслись голоса.

Возвещали царю: миновала угроза,
Задышала свободно, спаслась его роза.

И пастух пожелал государю добра.
А рука Искендера была ль не щедра?

*

Лишь о тех, чья душа чистым блещет алмазом,
Мы поведать могли бы подробным рассказом.

От благих наши души сияньем полны,
Как от блеска Юпитера или Луны.

Распознает разумный обманные чары,
Настоящие вмиг узнает он динары.

Звуку чистых речей ты внимать поспеши.
В слове чистом горит пламень чистой души.

Если в слове неверное слышно звучанье,
Пусть на лживое слово ответит молчанье.

СКАЗАНИЕ ОБ АРХИМЕДЕ И КИТАЯНКЕ

О певец! Пусть твоя будет песня слышна!
Голова моя тягостной смуты полна.

Так запой мне прекрасную песню, чтоб разом
Успокоился песней встревоженный разум!

Из премудрых мужей отдаленных годин
Так поведал о прошлом румиец один:

Жил наперсник царя. Был он царственен. Ведом
Был искуснейший всем. Он звался Архимедом.

Был весьма знаменит его доблестный род.
Удивлялся ему ионийский народ.

Он богатства имел, и казался он дивом
Потому, что он был беспредельно красивым.

Был он сведущ во всем, образован, умен.
И внимал всем ученым с охотою он.

Чтил его Аристотель, как сына встречая.
И свой дом он украсил, его обучая.

Поручил Искендер ему царский свой суд,
Зная: скорбные в нем милосердые найдут.

Китайянку, что царь получил от хакана,
Ту, что смелых разила, находчива, рьяна,

Он искусному отдал, — и в сладостный бред
Свой возвышенный ум погрузил Архимед.

Дичь охотник схватил. И в алчбе еженощной
Услаждался он в досталь дичиною сочной.

Хоть китайской пери не избег он силка, —
Как рабыня индийская, скрылась тоска.

Он с Луной занимался наукой объятий
И не шел к мудрецу для обычных занятий.

И наставник, грустя о пропущенных днях,
За него в своем сердце почувствовал страх.

Видно, вихри безумства куда-то помчали
Одаренного ум. Был учитель в печали.

Чтобы зло и добро было ясно уму,
Он учил сто юнцов, приходивших к нему:

Девяносто и девять — немало. Беседа
Всё ж нестройной была. Он всё ждал Архимеда,

И нежданно смолкал, и мрачнел его взор.
Лишь на добром чекане сверкает узор:

Пусть бы здесь лишь один этот юный учился,
Как бы взор Аристотеля светом лучился!

Пусть один пред тобой. Не потупь своих вежд,
Если этот один лучше сотни невежд.

Он призвал Архимеда. Предвидя победу,
«Ты науку забыл, — он сказал Архимеду. —

Где твоя, вне познаний, проходит стезя?
Ведь в неведение жизнь провести нам нельзя».

Отвечал Архимед: «Это ведает каждый:
Припадает к ручью изнывавший от жажды.

Обласкал меня царь, обласкал через край,
Одаривши Луной, озарявшей Китай.

Я пылаю душой, полон юною силой.
Как не быть мне влюбленным в кумир этот милый!

Я забыл с этой дичью о ловле иной.
В двух страстях не пылаем душою одной!»

И учитель, поняв, что искусный во власти
Обуявшей его сокрушительной страсти,

Произнес: «Ты пришли ко мне эту Луну,
Без раба иль служанки, а только одну.

Погляжу я на ту, что, разбойным набегом
От науки отняв, предала тебя негам».

И влюбленный, с кумиром забывший весь мир,
К Аристотелю в дом свой направил кумир.

И составил мудрец, светоч знаний высокий,
Тот состав, что из тела вытягивал соки,

Не вредящие телу, но снова и вновь
Нам дающие жизнь и крепящие кровь.

Он изъял ее влагу, влекущую души.
И — взгляни — кипарис вдвое сделался суше.

И ученый, продолжив свой начатый путь,
В чашу малую влил жизни влажную суть.

И когда этот опыт свершил он с отвагой,
Некрасивым стал идол, расставшийся с влагой.

Сочность красок исчезла. Не краски, а муть.
Жесткий камень. Вода. Где же чистая ртуть?!

И, призвав Архимеда, мудрец ему выдал
Ту, которая прежде сияла, как идол.

«Вот утеха твоя, краше розы самой.
Отведи ты ее с ликованием домой».

И услышал слова он такого ответа:
«Кто, учитель, скажи, некрасивая эта?»

Где же роза моя? — после вымолвил он. —
Где Луна, — та, которою взят я в полон?»

И велел мудрый муж, жизнь возвысивший нашу,
Чтоб закрытой доставили малую чашу.

С чаши крышку он снял. Да дивится весь свет
Мастерству! Мудреца ему равного нет!

Он сказал Архимеду: «Вот это — утеха
Всей души твоей жаркой и знанью — помеха.

Тело нежное было вот этим полно,
И тебя только влагой прельщало оно.

Нет в ней нужной закваски, и в речи нелживой
Ты теперь называешь Луну некрасивой.

Для чего нам утрачивать влагу и кровь,
Нашей кровью и влагою теша любовь?

В эту почву не сей свою силу. От века
Этой силе дано возносить человека.

Капле мощи своей сохраненной будь рад.
В ней, тобой не утраченной, много отрад.

Девам диких племен — ты внемли укоризне! —
Не дари, Архимед, урожай своей жизни.

Лишь одною женой нас обрадует рок.
Муж при множестве жен не всегда ль одиночек?

Почему разнородность господствует в мире?
Семь отцов у нее, матерей же — четыре.

Если дети твои от единой жены,
То тогда меж собою все дети дружны».

И, поняв, что ценимый румийским народом
Одарил его душу премудрости медом,

Пред учителем дивным поник Архимед,
И нашел к его дому он прежний свой след.

Но китайская всё же звала его роза:
Сердце юноши снова колола заноза.

И когда снова ветви оделись листвою,
И вознес кипарис стан приманчивый свой,

И фиалка вздохнула, и вновь не во власти
Был прекрасный нарцисс отрешиться от
страсти, —

Вся китайская роза раскрылась опять.
Ветер в погреб с вином стал пути подметать.

И забилося опять, как меж веточек птаха,
Архимедово сердце, не ведая страха.

И свой слух для учебы закрыл он опять,
И раскрывшийся сад снова стал его звать.

И с перй, как перй, он — о духов услада! —
Укрывался от всех за оградю сада.

И учитель упреков не слал ему вновь.
Он простил ему всё за такую любовь.

Два-три года над миром, спеша, пролетели,
И померкли глаза у китайской газели.

Лепестки алой розы на землю легли.
Соловей улетел, где-то пел он вдали.

Поглотила земля розу, цветшую ало,
Как той розы вино поглощала, бывало.

*

В годы благ, что светили пути моему,
Лучше этой служанку имел я в дому.

Так же светел был разум прекрасной подруги.
Принимал от нее я любовь и услуги.

Красотой, как ладьей, спешив месяц, она
Прямо к шаху коня подвела, о, Луна!

Эта роза дышала душою моею.
Был я мужем одним, очастливленным ею.

Но лишь только мой взор стал исполнен огня,
Чей-то вражеский сглаз взял ее у меня.

Вот каких похищает набегами небо!
Словно лик ее белый под небом и не был!

Как я счастлив был с ней! Сколько знал я услад!
Пусть господний тепер к ней склоняется взгляд.

Мой таинственен путь. Добывая алмазы,
Для людей обновляя старинные сказы,

Я, в своем торжестве всем дарующий сладсть,
Сладкоустых даю горькой смерти во власть.

Ведь, Ширин создавая всем людям на радость,
Потерял я навек мне дававшую сладость.

И, построив ограду для клада Лейли,
Я другой самоцвет отдал мраку земли.

Вот и новая повесть к развязке готова,
И Ризвану я дал новобрачную снова.

Как же я, вспомнив жен, полный горестных дум,
Кончу повесть про Рус и про сказочный Рум?

Надо скорби забыть! Свой рассказ не нарушу,
Да струится он вновь, утешающий душу!

СОЗДАНИЕ ПЛАТОНОМ НАПЕВОВ ДЛЯ НАКАЗАНИЯ АРИСТОТЕЛЯ

О певец, прояви свой пленяющий жар,
Подиви своей песней, исполненной чар.

Пусть бы жарче дела мои стали, чем встаре,
Пусть бы всё на моем оживилось базаре.

*

С жаром утренний страж в свой забил барабан.
Он согрел воздух ночи, спугнул он туман.

Черный ворон поник. Над воспрянувшим долом
Крикнул белый петух криком звонким, веселым.

Всех дивя жарким словом и чутким умом,
Царь на троне сидел, а пониже кругом

Были мудрые — сотня сидела за сотней.
С каждым днем повелитель внимал им охотней.

Для различных наук, для любого труда
Наступала в беседе своя череда.

Этот — речь до земного, насущного сузил,
А другой — вечной тайны распутывал узел.

Этот славил свои построенья, а тот
Восхвалял свои числа и точный расчет.

Этот — словом чеканил дирхемы науки,
Тот — к волшебников славе протягивал руки.

Каждый мнил, что твердить все должны лишь о нем.
Словно каждый был миром в искусстве своем.

Аристотель — придворный, в столь мыслящем стане
Молвил так о своем первоначальном сане:

«Всем премудрым я помощь свою подаю.
Всё познают принявшие помощь мою.

Я пустил в обращение познания динары.
Я — вожак. Это знает и юный и старый.

Те — познания нашли лишь в познаниях моих.
Точной речью своей удивлял я других.

Правда в слове моем. Притязая по праву,
Эту правду явив, на великую славу».

Зная близость к царю Аристотеля, с ним
Согласились мужи: был он тронем храним.

Но Платон возмутился покорным собранием:
Обладал он один всеобъемлющим знанием.

Всех познаний начало, начало всего
Мудрецы обрели у него одного.

И, собрание покинув с потупленным ликом,
Словно Анка, он скрылся в безлюдье великом.

Он в течение ночей спать ни разу не лег,
Из ночных размышлений он песню извлек.

Приютился он в бочке, невидимый взорам.
Он внимал небосводам, семи их просторам.

Если голос несладостен, в бочке он всё ж,
Углубляемый отзвуком, будет пригож.

Знать, мудрец, чтобы дать силу звучную руду,
То свершил, что весь мир принимал за причуду.

Звездочетную башню покинув, Платон
Помнил звезды и в звездных огнях небосклон.

И высоты, звучавшие плавным размером,
Создавая напев, мудро взял он примером.

В старом руде найдя подобающий строй
И колки подтянув, занялся он игрой.

Руд он создал из тыквы с газелевой кожей.
После — струны приделал. Со струйкою схоже

За струною сухая звенела струна.
В кожу мускус он втер, и чернела она.

Но чтоб слаще звучать сладкогласному грому,
Сотворил новый руд он совсем по-иному,

И, настроив его и в игре преуспев,
Лишь на нем он явил совершенный напев.

То гремя, то звеня, то протяжно, то резко,
Он добился от плектра великого блеска,

И напев, что гремел иль что реял едва,
Он вознес, чтоб сразить и ягненка и льва.

Бездорожий достигнув иль дальней дороги,
Звук и льву и ягненку опутывал ноги.

Даровав строгим струнам струящийся строй,
Человека и зверя смущал он игрой.

Слыша лад, что манил, что пленял, как услада,
Люди в пляску пускались от сладкого лада.

А звуча для зверей, раздаваясь для них,
Он одних усыплял, пробуждая иных.

И Платон, внемля тварям и слухом привычным
Подбирая лады к голосам их различным,

Дивно создал труды о науке ладов,
Но никто не постиг многодумных трудов.

Каждым так повелел проникаться он строем,
Что умы он кружил мыслей поднятым роem.

А игра его струн! Так звучала она,
Что природа людей становилась ясна.

От созвучий, родившихся в звездной пучине,
Мысли весть получали о каждой причине.

И когда завершил он возвышенный труд,
Ароматы алоэ вознес его руд.

И, закончивши всё, в степь он двинулся вскоре,
Звук проверить решив на широком просторе.

На земле начертавши просторный квадрат,
Сел в середине его звездной музыки брат.

Вот ударил он плектром. При каждом ударе
С гор и с дола рвались к нему многие твари.

Оставляя свой луг иль сбежав с высоты,
Поникали они у заветной черты

И, вобравши в свой слух эти властные звуки,
Словно мертвые, падали в сладостной муке.

Волк не тронул овцы. Голод свой одолев,
На онагра не бросился яростный лев.

Но поющий, по-новому струны настроя,
Поднял новые звуки нежданного строя.

И направил он так лад колдующий свой,
Что, очнувшись, животные подняли вой

И, завыв, разбежались по взвихренной ширн.
Кто подобное видел когда-либо в мире?

Свет проведаль про всё и сказать пожелал:
«Лалов россыпь являет за лалами лал.

Так составлена песня премудрым Платоном,
Что владеет лишь он ее сладостным стоном.

Так из руда сухого он поднял напев,
Что сверкнула лазурь, от него посвежев.

Первый строй извлечет он перстами — и в дрему
Повергает зверей, ощутивших истому.

Им напева второго взнесется волна,
И встревожатся звери, восстав ото сна».

И в чертогах царя люди молвили вскоре,
Что Харут и Зухра — в нескончаемом споре.

Аристотель, узнав, что великий Платон
Так могуч и что так возвеличился он,

Был в печали. Чудеснее не было дела,
И соперник его в нем дошел до предела.

И, укрывшись в безлюдный дворцовый покой,
Он всё думал про дивный, неведомый строй.

Он сидел озадаченный трудным уроком,
И разгадки искал он в раздумье глубоком.

Проникал много дней и ночей он подряд
В лад, в котором напевы всевластно парят.

Напрягал он свой ум, и в минуты наитий
В тьме ночной он сыскал кончик вьющейся нити.

Распознал он, трудясь, — был немал его труд, —
Как возносит напевы таинственный руд,

Как для всех он свое проявляет искусство,
Как ведет в забытье, как приводит он в чувство.

Так второй мудролюб отыскал наконец
Тот же строй, что вчера создал первый мудрец.

Так же вышел он в степь. Был он в сладостной вере,
Что пред ним и уснут и пробудятся звери.

И, зверей усыпив, новый начал он строй,
Чтоб их всех пробудить полнозвучной игрой.

Но, звеня над зверьем, он стозвонным рассказом
Не сумел привести одурманенных в разум.

Всё хотел он поднять тот могучий напев,
Что сумел бы звучать, дивный сон одолев.

Но не мог он сыскать надлежащего лада.
Чародейство! С беспамятством не было слада.

Он вконец изнемог. Изнемог — и тогда
(За наставником следовать должно всегда)

Он к Платону пошел: вновь постиг он значенье
Мудреца, чье высоко парит поученье.

Он учителю молвил: «Скажи мне, Платон,
Что за лад расторгает бесчувственных сон?»

Я беспамятство сдвинуть не мог ни на волос.
Как из руда извлечь оживляющий голос?»

И Платон, увидав, что явился к нему
Гордый муж, чтоб развеять незнания тьму,

Вновь направился в степь. И опять за чертами
Четырьмя плектр умелый зажал он перстами.

Барсы, волки и львы у запретных границ,
Властный лад услышав, пали на землю ниц.

И тогда говор струн стал и сладким и томным,
И поник Аристотель в беспамятстве темном.

Но когда простирался в забвении он,
Всех зверей пробудил тайной песнью Платон.

Вновь напев прозвучал, возвращающий разум.
Взор открыл Аристотель. Очнулся он разом.

И вскочил и застыл меж завывших зверей.
Что за песнь прозвучала? Не знал он о ней.

Он стоял и глядел, ничего не усвоя,
Как зверье поднялось, как забегало, воя?

Аристотель, подумав: «Наставник хитер,
Не напрасно меня он в дремоте простер»,

Преклонился пред ним. С тайны ткани снимая,
Всё Платон разъяснил, кроткой просьбе внимая.

Записал Аристотель и строй и лады,
И ночные свои зачеркнул он труды.

С той поры, просвещенный великим Платоном,
Он встречал мудреца с глубочайшим поклоном.

Распознав, что Платон всем премудрым — пример,
Что он прочих возвышенной, царь Искендер,

Хоть он светлого разумом чтит и дотоле,
Высший сан дал Платону при царском престоле.

РАССКАЗ О ПЕРСТНЕ И ПАСТУХЕ

О певец, звонкий чанг пробуждая игрой,
Ты для сладостной песни свой голос настрой.

Пусть раздавшейся песни благое рождение
Мне сегодня окажет свое угодение.

*

Свет зари засиял. Мглу сумев превозмочь,
День заставил уснуть утомленную ночь.

Высь внесла златоцвет всем живущим в угоду,
А луна светлой рыбою канула в воду.

В кушаке из алмазов с застежкой литой
Венценосец воссел на престол золотой.

Ниже сели ученые друг возле друга,
Но Платон сел повыше премудрого круга.

Искендер удивлялся: в игре преуспев,
Как Платон отыскал свой волшебный напев?

Он сказал: «Мудрый старец, ты, мыслью бескрайной
Ввысь взлетев, овладел сокровенною тайной.

Ты зажал в своей длани познания ключ,
Ты — источник наук. Ум твой светлый могуч.

О искусный! Читал ты когда-либо свиток,
Где б искусство в такой же пришло преизбыток?

Кто еще возносил нас в такие края,
Где безвестность живет, всё от смертных тая?»

Завершив славословье, к ответу готовый,
Так ответил Платон: «Дивный свод бирюзовый

От поры до поры совершал волшебства,
Пред которыми молкнут людские слова.

Наши предки, о царь, не поняв их сознаньем,
Чудеса сотворяли своим заклинаньем.

Много, царь Искендер, непостижного есть.
Много было чудес. Можно ль их перечесты!

Я из них расскажу, если дашь ты мне волю,
Не десятую часть, а лишь сотую долю»,

И велел государь справедливых сердец,
Чтоб любое сказанье поведал мудрец.

И сказал мудролюб, всё потайное зрящий:
«О венчанный, желаньем познания горящий,

В днях минувших в долине гористых земель
Взрыв подземных паров дал широкую щель.

И тогда появилось в глубоком провале
То, что камни и прах с давних пор прикрывали.

Там на брюхе лежал потемневший, литой
Медный конь. Полускрыт был он в пропасти той.

Изваянния бок был с проломом немалым,
Водоемом казаться он мог небывалым.

И когда медный конь был в полдневном огне,
Моё бы взор оглядеть всё, что скрыто в коне.

Шел пастух по долине, травую богатой.
Он, свой шаг задержав пред землею разъятой,

Разглядел в котловине зеленую медь.
Вниз по круче спуститься ему ль не суметь!

Вот он встал пред конем в изумленье глубоком,
И увидел пролом он в коне меднобоком.

И всё то, что таилось внутри у коня,
Смог пастух разглядеть в свете яркого дня.

Там усопший лежал. Вызывал удивленье
Древний труп: до него не дотронулось тленье.

Был на палец покойника перстень надет,
Камень перстня сиял, как Юпитера свет.

И пастух пораженный рукою несмелой
Снял сверкающий перстень с руки онемелой.

На добычу взглянув, как на счастья предел,
Он восторженно в перстень свой палец продел.

Драхмы в медном коне не найдя ни единой,
Он покинул гробницу. Пошел он долиной,

Погоня отары. Спадала жара.
Ночь настала. Пастух дожидался утра.

И когда удалось рог серебряный небу
Сделать огненным шаром, земле на потребу,

Он оставил овец на лужайке у скал
И хозяина стада, спеша, разыскал,

Чтобы перстню узнать настоящую цену
И судьбы своей бедной понять перемену.

И хозяин был рад, что явился пастух,
И язык развязал, словно думал он вслух.

Говорил он о стаде, о том и об этом,
И доволен он был каждым добрым ответом.

Вдруг он стал примечать и заметил: не раз
Становился пастух недоступен для глаз,

И затем, словно тень, появлялся он снова.
Рассердился хозяин: «Какого покрова

На себя вот сейчас ты набрасывал ткань?
Ты — то зрим, то — незрим. Поспокойнее стань!

Чтоб являть колдовство, не имеешь ты веса.
Где тобою добыта такая завеса?»

Удивился пастух: «Что случиться могло?»
И свое он в раздумье нахмурил чело.

Было так: обладателя перстня немало
Обладанье находкой такой занимало.

И, хозяина слушая, так был он рад
Камнем вверх, камнем вниз свой повертывать клад!

Камень вверх обративши движением скорым,
По-обычному виден он делался взорам.

Повернув яркий камень к ладони своей,
Исчезал он мгновенно от смертных очей.

Камень был необычен — в том не было спора, —
Своего господина скрывал он от взора.

И пастух разговор оборвал второпях,
Он ушел, чтоб испытывать камень в степях

И в горах. С волей рока он сделался схожим,
Веселясь, он шутил с каждым встречным прохожим,

Камень вниз опустив, промелькнув перед ним,
Во мгновенье шутник становился незрим.

Но, сказавши себе: «Зримы ныне пребудем», —
Зримым шел наш пастух, как и свойственно людям.

То являясь, то прячась, придя на базар
Иль в жилие, уносить он мог всякий товар.

Вот однажды пастух, словно дух бестелесный,
Стал незрим: повернул он свой перстень чудесный.

К падишаху в покой, меч индийский схватив,
Он вошел и стоял, как невидимый див.

Но когда и последний ушел приближенный,
Он, пред шахом явясь, поднял меч обнаженный.

Был ужасным видением шах поражен;
И, ему предложив свой сверкающий трон,

Он промолвил, дрожа от нежданного чуда:
«Что желаешь, скажи, и пришел ты откуда?»

Так ответил пастух: «Торопись! Я — пророк.
Признавай меня тотчас. Твой благостен рок.

Если я захочу, я невидим для света.
Вот и всё. Это свойство — пророков примета».

Падишах преклонился, почувствовав страх.
И весь город был в страхе, как сам падишах.

Так вознесся пастух, встарь скитавшийся долом,
Что легко завладел падишахским престолом.

Поиграл этим камнем недлительный срок
Наш пастух: и пастух — не пастух, а — пророк.

Ты признай, государь, всею силой признанья
Тех, что создали камень при помощи знания.

Должно тайну волшебств укрывать от умов,
Чтоб незыблемым был нашей тайны покров.

Мой рассудок — вожак, полный жажды движенья,
Эту тайну не вывел на путь достиженья».

Искендером-царем был похвален Платон,
Так наглядно о тайном рассказывал он.

И для мудрых рассказ прозвучал не без прока,
И для многих имел он значенье урока.

ОТНОШЕНИЕ СОКРАТА К ИСКЕНДЕРУ

Где твой саз, о певец! Пусть он радует! Пусть
Он сжигает мою непрестанную грусть!

Звуков шелковых жду, — тех, внимая которым,
Распишу румский шелк я тончайшим узором.

*

Так промолвил мудрец, дивно знающий свет,
Тот мудрец, для которого скрытого нет:

В те далекие дни, повествуют преданья,
Ионийцы являли пример воздержанья.

Жизни, полной лишений, желали они.
Вождельня огонь подавляли они.

Удивляли вошедших в румийцев жилища
Мудрость жизни большая и скудная пища.

Сберегавший в себе пламень жизненных сил,
Тот, кто все вождельня сурово гасил,

Не пил сладостных вин и не ведал он страсти,
Чтоб рассудок не знал их сжигающей власти.

Кружит голову страсть. Пыл удерживай свой,
Если впрямь дорожишь ты своей головой.

Ионийцам казалось: во всем они правы,
Но от жизни влекли эти строгие нравы.

С суши на море утварь они понесли,
И для жизни избрали они корабли.

Быть мужам возле жен — не всегда ль безрассудно?
И для жен сколотили отдельное судно.

Не страшились мужи в битве яростной пасть,
Но влекущую к женам отрунули страсть.

И могло показаться: задумали греки,
Чтоб из мира их семья исчезло навеки.

*

Неким утром, лишь солнце украсило мир,
Искендер для ученых устраивал пир.

Он мутрибу сказал: «Я делами сегодня
Не займусь. Пировать мне сегодня угодней.

За Сократом пошли. Пусть прибудет Сократ.
Отрешившись от благ, всех мудрей он стократ.

И пред тем, кто для всех мог являться примером,
Встал посланец: «Я послан царем Искендером.

Чтоб свой кубок наполнить, явись, о мудрец,
Приодевшись поспешно, в Хосроев дворец».

Но отшельник, согласно своим поученьям,
Не склонился нимало к его обольщеньям.

Он сказал: «Должен так ты царю донести:
Ты того не ищи, чего нет на пути.

Я — не здесь, где царит Искендера величье.
Здесь — не я. Перед вами — одно лишь обличье.

Тот, кто господу служит, кто чище огня,
Из чертогов господних добудет меня».

Сей ответ, словно нить просверленных жемчужин,
Принял царь, хоть иной был душе его нужен.

Понял властный: Сократ — отрешенья свеча,
Что горит, из безлюдья сиянье меча.

Этот блеск только тот примет в жадные очи,
Кто, как месяц, не спит в продолжение ночи.

Искендер приобрел многославный престол,
И в желаньях своих шел лишь к истине он.

И всегда каждый муж, обладающий знаньем,
Хоть коротким ему угождал назиданьем.

И хоть много в подарок он принял речей,
Так не радовал сердце подарок ничей,

Как подарок, идущий к нему от Сократа:
Речь Сократа была трезвым знаньем богата.

Он решил, чтобы всё же в сегодняшний день
Был Сократ приведен под высокую сень.

Доложили царю: «Нет безлюдней безлюдий,
Чем Сократа приют. Что отшельнику люди!

Так ушел он от мира, от всех его дел,
Что как будто гробница — Сократа удел.

Без родных и друзей он живет беспечален
В нищем доме, похожем на камни развалин.

Мог бы, ведает он, весь помочь ему свет,
Но на свет не намерен он выглянуть, нет!

В грубой ткани бродя, не желая атласа,
Ежедневно постясь, не вкушает он мяса,

И на целые сутки довольно ему
Только горстки муки. Больше пищи — к чему?

Только господу служба Сократа знакома.
Для людей у Сократа не будет приема.

Знать, решил он: «Души суетой не займи!»
Не ему ль подражая, живет Низами?»

Так твердили о том, чья высокая вера
Больше прежнего к старцу влекла Искендера.

Так вот люди всегда: не забудут они
Пожелавших забыть их докучные дни.

К тем, что мира бегут в беспрестанной боязни,
Люди часто полны всё растущей приязни.

Лишь покинул Сократ человеческий род —
Стал Сократа искать ионийский народ.

Всё хотел государь быть с премудрым Сократом.
Всё не шел во дворец ставший звездам собратом.

Хоть желанье царя всё росло и росло,
Был упорен добро распознавший и зло.

Но хоть долго к царю не являл он участия,
Верил царь Искендер в свет всегдашнего счастья.

Из придворных людей, окружающих трон,
Выбрал милого сердцу наперсника он

И послал к мудрецу со словами своими,
Чтоб Сократа потайно порадовать ими.

Вот слова государя: «Не с давних ли пор
Я желаю с тобою вести разговор.

Почему же, скажи, ты всегда непреклонен
И не внемлешь тому, кто к тебе благосклонен?»

Что ж ты в бедном углу мой отринул чертог?
Дай ответ, чтоб я сердцем постичь его смог.

Правоты своей выскажи веское слово,
Дабы в прежней нужде не остался ты снова».

И к Сократу пошел с тайной речью гонец,
И слова государя прослушал мудрец.

И, в познаниях своих слывший в Греции дивом,
Так промолвить в ответ он почел справедливым:

«Хоть призыв государя почетен вполне,
Но худое и доброе явственно мне.

«Не иди, — я рассудка внимаю совету, —
В царском сердце любви не отыщешь примету».

Я вещание разума в явь претворил.
Ни к кому для забавы не шел Гавриил.

Я пошел бы к царю, вне испытанных правил,
Но ведь весть без ключа он в приют мой направил.

Если мускус в мешочке, как водится, сжат,
Нам вещает о скрытом его аромат.

Сердце — пастырь любви — кроме дружеской речи
И другое таит, если ждет оно встречи.

Если верное сердце любовью полно,
То учтивей учтивости будет оно.

Те, кто близки царю и пируют с ним рядом,
На кого государь смотрит ласковым взглядом,

На меня мечут взоров недобрый огонь,
Потому-то и стал мой прихрамывать конь.

Видно, царь на пирах под сверкающим кровом
Никогда не почтил меня благостным словом,

Потому что для многих, кто близки царю,
В мире светочем радостным я не горю.

Знаю: сердцу царя ясно видимы люди,
Но оно видит в них только праведных судей.

Коль приветна к тебе речь придворных вельмож,
И владыке ты будешь казаться пригож.

Коль к тебе речь придворных враждебна сугубо,
То с тобой и владыка обходится грубо.

Если свод без ущерба, то будут ясны
И пленительны отзвуки каждой струны.

Если в своде ущерб, свод ответит неверно
И звучать будет лад самый ласковый скверно.

Зло и правда — всё то, что мы видим в пути,
К властелину дворца призывает идти.

Но вельможи твои с важным саном и с весом
Не допустят Сократа к пурпурным завесам.

Посуди, государь, в этой буре морской
Как же мне поспешать в твой дворцовый покой?

Море вспомнил я тотчас: простор его дружен
С драгоценною россыпью скрытых жемчужин,

На которые когти направил дракон.
Кто к жемчужине ринется? Яростен он.

Как я к свету пойду, к свету царской короны?
Ведь вокруг меня будут одни «пошел-воны».

Все они, пред царем искажая мой лик,
Вред наносят себе, и ущерб их велик.

Царь! О людях забыл, об укоре их строгом
Раб, стоящий в служенье пред господом богом.

И в служении этом — наставник я твой.
Во дворце же — твоим стану робким слугой.

Посуди, государь, к мыслям чистым причисли
Правоту этой свыше ниспосланной мысли.

И посланец, к царю возвратившись едва,
Наизусть повторил золотые слова.

Сняв с жемчужин покров — где им сыщется мера? —
Наполнять стал он ими полу Искендера.

Но на россыпь сокровищ, безвестную встарь,
На метанья жемчужин обиделся царь.

Захотел он всем этим разящим укорам
Дать отпор. Устремлялся к разумным он спорам.

Молвил царь: «Он доволен жилищем в тиши.
Что ж, пойдём и его мы отыщем в тиши».

И нашел дивный клад он в приюте убогом —
В том, где горстка муки говорила о многом.

Спал, забывший мирское, не знавший утрат,
На земле, скрывшись в тень, безмятежный Сократ.

Царь, немного сердясь, мудреца, что покою
Предался, пробудил, тихо тронув ногою.

«Встань, — он молвил, — поладить хочу я с тобой,
Чтобы стал ты богат и доволен судьбой».

Рассмеялся мудрец от надменного слова:
«Лучше б ты поискал человека другого.

Тот, кто счастлив крупинкой, — скажу я в ответ, —
Вкруг тебя, словно жернов, не кружится. Нет!

Мне лепешка ячменная — друг неизменный.
Что ж стремиться мне к булке пшеничной, отменной?

Без единого шел я по свету зерна.
Мне легко. Мой амбар! В нем ведь нету зерна!

Мне соломинка в тягость, — к чему же мне время
То, когда мне вручат непомерное бремя!»

Вновь сказав повелитель: «Взалкавший добра!
Ты хотел бы чинов, жемчугов, серебра?»

Молвил мудрый: «Не сходны желанья наши.
Нам с тобой не вздымать дружелюбные чаши.

Я богаче тебя, подвиг светлый верша.
Я — в посту, а твоя ненасытна душа.

Целый мир присылает тебе обольщенья,
Всё ж ты нового ждешь от него угощенья.

Мне же в холод и в зной это рубище, царь,
Так же служит сейчас, как служило и встарь.

Ты несешь бремени, но исполнен пыланья.
Для чего же мой хочешь ведать желанья?»

И сказав Искендер, что-то в мыслях тая:
«Ты скажи мне, кто ты, и скажи мне, кто я?»

Отвечал мудрых слов и познания хранитель:
«Я — дающий веленья, а ты — исполнитель».

И вскипел государь. Сколько дерзостных слов!
Стал искать Искендер их укрытых основ.

И промолвил премудрый, по слову поверий:
«Пред венчанным раскрою закрытые двери.

Я рабом обладаю. Зовут его — страсть.
Крепнет в сердце моем над служителем власть.

Перед этим рабом ты склонился, о славный!
Пред слугою моим ты — служитель бесправный».

Царь, проникший в слова, обнажившие зло,
Помутился, в стыде опуская чело,

После вымолвил так: «Не чело ль мое светом
Говорит, что служу я лишь чистым заветам.

Чистый чистых укором не трогай. Внемли:
Не уснувши навеки, не пробуй земли».

Серебром был ответ с неприкрытою сутью:
«Ты ушей не зальешь оглушающей ртутью.

Если разум твой чист, если мысли чисты,
Для чего стал животному родственен ты?

Лишь оно в быстром стаде без гнева и злобы
Разбудить человека ногою могло бы.

Ведь нельзя же мыслителя сон дорогой
Прерывать, о разумный, небрежной ногой!

Тем разгневался ты, что я в дремной истоме,
Но ведь сам, государь, ты находишься в дреме.

Правом барса владея, напрасно готов
Ты, в дремоте, бросаться на бдительных львов.

Где-то мчится, тебя привлекая, добыча.
Но ведь я, о стрелок, не такая добыча».

Речь Сократа провеяла, жаром дыша.
Стала воску подобна владыки душа.

Хорошо не закрыть пред наставником слуха,
Чтоб Сократ вдел кольцо в его царское ухо!

И к себе мудреца смог он речью привлечь.
И приятной стала подвижника речь.

Из возвышенных мыслей, премудрым любезных,
Он явил целый ряд Искендеру полезных:

«Ты ведь создал железное зеркало. В нем
Отразился твой ум светозарным огнем:

Ты и душу свою мог бы сделать прекрасной,
Словно зеркало чистой, как зеркало ясной.

Если встарь сотворил ты железную гладь,
Чтобы в ней, нержавеющей, всё отражать, —

С сердца ржавчину счисти, — и в пути, ему милом,
Повлечется оно лишь к возвышенным силам.

Очернив свои злобные замыслы, ты
Мигом сердце очистишь от злой черноты.

Ад всем замыслам черным — пособник нелживый.
Но ведь зиндж, государь, продавец несчастливый.

Черным зинджем не стань. Позабыть бы их всех!
Только помни, о царь, их сверкающий смех.

Если черным ты стал, ты сгори, словно ива,
Ею зиндж побелил свои зубы на диво.

Некий черный в железо посмотрится, но
Там сверкнет его сердце. Так чисто оно.

Древний молвил водитель: да ведает всякий —
Животворный ручей протекает во мраке.

Грязь покинь, чтоб очиститься, как серебро.
У него поучись, если любишь добро.

Если ум ты очистишь, не дашь его сквернам,
Он потайного станет хранителем верным,

Он молитве предутренней келью найдет,
Он, пронзив небосвод, свой продолжит полет.

Хоть завесу ты можешь убрать от оконца,
Свет, идущий в оконце, зависит от солнца.

Знай, светильника свет подаяньем живет,
Устремляясь к нему, ветер пламень убьет.

Ты носи паланкин, полный солнечным светом,
И любовь на любовь твою будет ответом.

От колючек и сора очистивши вход,
Жди царя. Кто же дерзко его позовет?

На охоту он выедет, и по дороге
Чистоту на твоём он увидит пороге.

И, поняв, что он гость, в твой заехавший край,
Ты нежданному гостю хвалы воздавай.

И, запомнив: смиренье всего нам дороже, —
Ты венца не проси и покорности тоже.

Будь лишь духом на пире, не знающем зла.
На него не пускает привратник тела.

Обувь пыльную скинь, ты ходил в ней дотолы
По земле. Ты воссядешь на царском престоле.

Сотрапезник царя, распростившийся с тьмой!
Ногти хною укрась и ладони омой.

Коль сидеть близ царя станет нашим уделом,
Самый смелый из нас мигом станет несмелым.

Для престола царя даже яростный лев
Стал опорой, от страха навек замерев.

Кто вошел бы к тебе не по должному чину,
Получил бы удар от привратника в спину.

Но взгляни! Пред тобою нездешний престол.
С бедным сердцем людским ты к нему подошел.

Если к этому, царь, подошел ты престолу,
Стань рабом, опусти свою голову долу.

Если ж нет, ну так что ж! Ты — владыка царей.
Что за дело тебе до собак сторожей!

Не сердись, если я по горячему нраву
Был неласков с тобой, не вознес тебе славу.

Стало сердце мое горячее огня
И, чтоб небо проведать, ушло от меня.

Но вернулось оно из-под блещущих арок,
И гостинец его дал тебе я в подарок».

Смолк премудрый, окончивши слово. Горя,
Это слово дышало в душе у царя.

Словно солнце света, с озарившимся ликом
Царь на пир возвратился в волнение великом.

И все мысли, что высказал нищий мудрец,
Записал чистым золотом лучший писец.

ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА В СЕВЕРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ПОСТРОЙКА ВАЛА, ОГРАЖДАЮЩЕГО ОТ НАРОДА ЯДЖУДЖ

Спой мне песню, певец! Сладкой негой поя,
Утешает меня только песня твоя.

Вольно бродит мой ум. Шелком саза, для слуха
Столь отрадным, кольцо вдень в невольника уxo.

*

Лето. Солнце проникло в созвездие Льва,
И от лютой жары львы дышали едва.

Жадный зной, проникая в любую долину,
Соскоблил с лика времени свежести глину.

На горах и в степях за клубились пары,
Улыбались плоды, ждали лучшей поры.

Но свернулись листья, были видимы зерна.
Жар, тюльпаны клоня, будто веял из горна.

Соловей покидал знойных долов края,
Лишь в нагорных лесах реял звон соловья.

Песен жавронков нет; даже птахам обуза
Слишком тягостный зной огневого тамуза.

В солнце, жаром палящее весь небосклон,
Жало ветра еще не впускал Скорпион.

Над Китаем, над Зингом бродило светило
С чашей огненной в длани и землю палило

И копыта онагров, ярьсь, осмелев,
Раздирало с небес, будто огненный лев.

В песья дни, воздымавшие облако пара,
В дни, когда даже камни смягчались от жара, —

Царь, в бессонных мечтаньях влекомый в Хирхиз,
Всё не спал под мерцаньем полуночных риз.

Он решил приказать снова двинуться стану.
В час прощанья с хаканом вручил он хакажу

Много ценных даров. И направил он рать
На безводной пустыни песчаную гладь.

В барабан громкой славы забил он, вступая
В дальний северный край из восточного края.

По бесплодной земле вновь повел его рок.
Ни зверья и ни птиц! Лишь летучий песок.

Бездорожью, казалось, не будет предела,
Не встречалось людей. И пустыня светлела,

И была она вся — распластавшийся свет:
Только гладь, — а на глади и трещинки нет.

И сказал проводник: «Шли путем благодарным:
Стал песок серебром, серебром лучезарным.

Только в меру возьми ты добычу пути,
Чтоб верблюды могли без натуги идти.

Ты о кладе молчи, иль, добычею многой
Поживившись, бойцы утомятся дорогой».

Но в обозе царя золотого добра
Преизбыток. Не нужно царю серебра.

Всё же страсть полновластней всех доводов строгих —
Серебром нагрузил он верблюдов немногих.

Словно ветер, с неделю летел шаханшах
Всё вперед, не вздымая дорогою прах.

Без пылинки одежды на воинах были.
Серебро не давало взлетающей пыли.

Шли вперед. Становился всё тягостней путь:
Вся земля — серебро, воды — будто бы ртуть.

Нет, нельзя отдохнуть на серебряном ложе,
Припадать жадным ртом к тяжелой ртути негоже.

Люди в черной тоске, и тоска их остра.
В их очах почернел весь простор серебра.

Сладко били ключи, но порою немало
В их кипенье сверкающем ртути сверкало.

Если тихо, спокойно лежала вода,
Никому эта ртуть не чинила вреда.

Все лобзали тогда вод прозрачную ризу,
Влага сверху была, ртуть подвижная — снизу.

Но когда возмущенный крутился поток,
Был он жаждущим смертным уж больше не впрок.

Воин, смело вкушавший опасную влагу,
Умирал. На погибель являл он отвагу.

Прозвучало тогда повеленье царя:
«Осмотрительно пить, лютой жаждой горя.

Так внимательно черпать из чаши природы,
Чтоб недвижимыми были подвижные воды».

Целый месяц пути! Погребли в эти дни
Многих сильных: от жажды погибли они.

И прошли весь ковер серебристый, — и взорам
Вдруг представился край плодородный, в котором

Зачернела земля, все сердца утоля.
Существом земнородным отрадна земля.

Словно солнце, блестел край пленительный, в коем
Вся окрестность блаженным дышала покоем.

Но на самой вершине высокой горы
Под лазурью небес голубели шатры.

И взирающих ужас объял небывалый:
Опирались шатры на отвесные скалы.

Правоверные жили в лазурных шатрах,
Но пророка не знали на этих горах.

Мудрым людям одним откровением бога
К постижению бога открылась дорога.

Искендера узрев, свой приветствуя рок,
Вмиг постигли они: к ним явился пророк.

И открылись сердца, чтоб его указанья
Воспринять и проникнуться радостью знанья.

Искендер им открыл правой веры врата
И вручил им дары. Растворили уста

Воспринявшие веру и просьбой большою
Отягчили царя с милосердной душою:

«Милосердный и щедрый, будь милостив к нам,
К просветленным своим и покорным сынам.

~~За грядой этих гор~~, за грядюю высокой
Страшный край растянулся равниной широкой.

Там народ по названью яджудж. Словно мы,
Он породы людской, но исчадием тьмы

Ты сочтешь его сам. Словно волки, когтисты
Эти дивы, свирепы они и плечисты.

Их тела в волосах от макушки до пят,
Всё лицо в волосах. Эти джинны вопят

И рычат, рвут зубами и режут клыками.
Их косматые лапы не схожи с руками.

На врагов они толпами яростно мчат.
Их алмазные когти пронзают булат.

Только спят да едят сонмы всех этих злобных.
Каждый тысячу там порождает подобных.

Есть растение у мерзких, его семена
Горше перца, и в них зарождение сна.

К семенам этим страсть в каждом дышит яджудже;
Их проглотят — и в дреме повалятся тут же.

Если месяца льются начальные дни,
Словно черви, в волнение приходят они.

И пока не придет полнолуние, нимало
Не смирившись, едят всё, что в руки попало.

Но когда станет месяц ущербным, у них
Пропадает их жадность: их голод затих.

Каждый год к ним из черного облака черный
Упадает дракон, и толпою проворной

Дивы мчатся к дракону. Велик он весьма.
Им всех этих зверей насыщается тьма.

Ожидая съедобного с целое море,
Что гремящая туча подарит им вскоре,

Так вопит это скопище дьявольских стад,
Что их степь уж не степь, а бушующий ад.

Кровь дракона испив — им их пир не зазорен, —
Целый месяц не пьют и не трогают зерен,

Лишь едят они листья да корни. Недуг
Им неведом. Когда же кого-нибудь вдруг

Час последний настигнет — его без урона
Для здоровья пожрут: им ведь мало дракона.

Ты не встретишь гробниц в их соленой земле.
Нет уснувших в земной, всем назначенной мгле.

Да, достоинство этой яджуджской равнины
Только в том, что в земле нету их мертвечины.

Царь, яджуджы на нас нападают порой.
Грабит наши жилища их яростный рой,

Угоняет овец пышнорунного стада,
Всю сжирает еду. Нет с клыкастыми слада!

Хоть бегут от волков без оглядки стада,
Их пугает сильнее эта песья орда.

Чтоб избежать их гнета, их лютой расправы,
Убиенья, угона в их дикие травы,

Словно птицы, от зверя взлетевшие ввысь,
На гранит этих гор мы от них взобрались.

Нет у сил у безмозглого злого народа
Ввысь взобраться. Но вот твоего мы прихода

Дождались. Отврати от покорных напасть!
Дай, о царь, пред тобой с благодарностью пасть!»

И, проведая, что лапы любого яджуджа
Опрокинут слонов многомогучного Уджа,

Царь воздвиг свой железный, невиданный вал,
Чтоб до Судного дня он в веках пребывал...

*

Благодатной звезды стало явно пыланье.
Царь направился в путь, в нем горело желанье

Видеть город в пределах безвестной земли.
Все искали его, но его не нашли.

И завесы пурпурные ставки царевой
Повлекли на верблюдах по местности новой.

Целый месяц прошел, как построили вал,
И в горах и в степях царь с войсками сновал.

И открылся им дол, сладким веющий зовом,
Обновляющий души зеленым покровом.

Царь глазами сказал приближенным: «Идти
В путь дальнейший — к подарку благого пути!»

И порядок, минуя и рощи и пашни,
Встретил он и покой, — здесь, как видно,
всегдашний:

Вся дорога в садах, но оград не найти.
Сколько стад! Пастухов же у стад не найти.

Сердце царского стража плода захотело.
К отягченным ветвям потянулся он смело

И к плоду был готов прикоснуться, но вдруг
Он в сухотке поник, словно согнутый лук.

Вскоре всадник овцу изловил и отменно
Был наказан: горячку схватил он мгновенно.

Понял царь назиданье страны. Ни к чему
Не притронулся сам и сказал своему

Устрашенному воинству: «Будут не рады
Не отведшие рук от садов без ограды!»

И, помчавшись, лугов миновал он простор,
И сады, и ручьев прихотливый узор.

И увидел он город прекрасного края.
Изобильный, красивый — подобие рая.

К въезду в город приблизился царь. Никаких
Не нашел он ворот, даже признака их.

Был незапертый въезд как распахнутый ворот.
И со старцами царь тихо двинулся в город.

Он увидел нарядные лавки; замков
Не висело на них: знать, обычай таков!

Горожане любезно, с улыбкой привета,
Чинно вышли навстречу властителю света.

И введен был скиталец, носивший венец,
В необъятный, как небо, лазурный дворец.

Пышный стол горожане накрыли и встали
Пред столом, на котором сосуды блистали.

Угощали они Искендера с мольбой,
Чтоб от них он потребовал снеди любой.

Принял царь угощенье. На светлые лица
Он взирал: хороша сих людей вереница!

Молвил царь: «Ваше мужество — странно оно.
Почему осторожности вам не дано?»

Сколько видел я ваших домов, на которых
Нет замков! Позабыли вы все о затворах.

Столько дивных садов, но они без оград!
И без пастырей столько кочующих стад!

Сотни тысяч овец на равнине отлогой
И в горах! Но людей не встречал я дорогой.

Где защитники ваши? Они каковы?
На какую охрану надеетесь вы?»

И страны справедливой старейшины снова
Искендеру всего пожелали благого:

«Ты увенчан творцом. Пусть великий творец
Даст властителю счастье, как дал он венец!

Ты, ведомый всевышним, скитаясь по странам,
Имя царское славь правосудья чеканом.

Ты спросил о добре и о зле. Обо всем
Ты узнаешь. Послушай, как все мы живем.

Скажем правду одну. Для неправды мы немь.
Мы, вот эти места заселившие, все мы —

Незлюбивый народ. Мы верны небесам.
Что мы служим лишь правде, увидишь ты сам.

Не звучат наши речи фальшивым напевом,
Здесь неверность, о царь, отклоняется с гневом.

Мы закрыли на ключ криводушия дверь,
Нашей правдою мир одолели. Поверь:

Лжи не скажем вовек. Даже в сумраке дремы
Неправдивые сны нам, о царь, незнакомы.

Мы не просим того, что излишне для нас.
Этих просьб не доходит к всевышнему глас.

Шлет господь нам всё то, что всем нам на потребу.
А вражда, государь, нежелательна небу.

Что господь сотворил, то угодно ему.
Неприязни питать не хотим ни к чему.

Помогая друзьям, всеблагодару в угоду,
Мы свою не скорбя переносим невзгоду,...

Если кто-то из нас в недостатке большом
Или малом и если мы знаем о том,

Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,
Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном.

Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.

В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.

Мы не знаем воров; нам охрана в горах
Не нужна. Перед чем нам испытывать страх?

Не пойдет на грабеж нашей местности житель.
Ниоткуда в наш край не проникнет грабитель.

Не в чести ни замки, ни засовы у нас.
Без охраны быки и коровы у нас.

Львы и волки не трогают вольное стадо,
И хранят небеса наше каждое чадо.

Если волк покусится на нашу овцу,
То придет его жизнь в миг единый к концу.

А сорвавшего колос рукою бесчестной
Достигает стрела из засады безвестной.

Сеем мы семена в должный день, в должный час
И вверяем их небу, кормящему нас.

Что ж нам делать затем? В этом нету вопроса.
В дни страды ячменя будет много и проса:

С дня посева полгода минует, и, знай,
Сам-семьсот со всего мы сберем урожай.

И одно ль мы посеем зерно или много,
Мы, посеяв, надеемся только на бога.

Наш хранитель — господь, нас воздвигший из тьмы,
Уповаем лишь только на господа мы.

Не научены мы, о великий, злословью.
Мы прощаем людей, к ним приходим с любовью.

Коль не справится кто-либо с делом своим,
Мы советов благих от него не таим.

Не укажем дорог мы сомнительных людям.
Нет смутьянов у нас, крови лить мы не будем.

Делит горе друг с другом вся наша семья,
Мы и в радости каждой — друг другу друзья.

Серебра мы не ценим и золота — тоже.
Здесь они не в ходу и песка не дороже.

Всех спеша накормить — всем ведь пища нужна, —
Мы мечом не попросим пригоршни зерна.

Мы зверей не страшим, как иные, и, чтобы
Их разить, в нашем сердце не сыщется злобы.

Серн, онагров, газелей сюда иногда
Мы из степи берем, если в этом нужда.

Но пускай разной дичи уловится много,
Лишь потребная дичь отбирается строго.

Мы ненужную тварь отпускаем. Она
Снова бродит в степи, безмятежна, вольна.

Угождения чрева не чтя никакого,
Мы не против напитков, не против жаркого.

Надо есть за столом, но не досыта есть.
Этот навык у всех в нашем городе есть.

Юный здесь не умрет. Нет здесь этой невзгоды.
Здесь умрет лишь проживший несчетные годы.

Слез над мертвым не лить — наш всегдашний
завет, —
Ведь от смертного дня в мире снадобья нет.

Мы не скажем в лицо неправдивого слова,
За спиной ничего мы не скажем иного.

Мы скромны, мы чужих не касаемся дел.
Не шумим, если кто-либо лишнее съел.

Мы и зло и добро принимаем не споря:
Предначертаны дни и веселья и горя.

И про дар от небес, про добро и про зло
Мы не спросим: что это? Откуда пришло?

Из пришельцев, о царь, тот останется с нами,
Кто воздержан, кто полон лишь чистыми снами.

Если наш он отринет разумный закон,
То из нашей ~~семьи~~ будет выведен он».

Увидав этот путь благодатный и правый,
В удивленье застыл Искендер величавый.

Лучших слов не слышал царь земель и морей,
Не читал сказов лучших он в Книге царей.

И промолвил себе сей венец мироздания:
«Эти тайны приму как слова назиданья!

Полно рыскать в миру. Мудрецам не с руки
Лишь ловитвой гореть, всюду ставить силки.

Не довольно ль добыч? От соблазнов свободу
Получил я, внимая благому народу.

В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей.

Озарился весь мир перед нами — рабами,
Стали мира они золотыми столпами.

Если правы они, ложь свою ты пойми!
Если люди они, нам ли зваться людьми?

Для того лишь прошел я по целому свету,
Чтоб войти напоследок в долину вот эту!

О, звериный мой нрав! Был я в пламени весь.
Научусь ли тому, что увидел я здесь?!

Если б ведать я мог о народе прекрасном,
Не кружил бы по миру в стремленье напрасном.

Я приют свой нашел бы в расщелине гор,
Лишь к творцу устремлял бы я пламенный взор,

Сей страны мудрецов я проникся бы нравом,
Я бы мирно дышал в помышлении правом».

Умудренных людей встретив праведный стан,
Искендер позабыл свой пророческий сан.

И, узрев, что о нем велика их забота,
Им даров преподнес он без меры и счета.

И оставил он город прекрасный. Опять
Дал приказ он по войску в поход выступать.

Шелк румийских знамен, весен сладостных краше,
Запестрел, словно шелк, изготовленный в Ваше.

Потекло по стране, как течет саранча,
Войско Рума, в шелка всю страну облача.

И скакал Искендер через рощи и чаши,
И несчастных людей отвращал от несчастий.

ЗАКЛИНАНИЕ, ОБРАЩЕННОЕ К МАТЕРИ, И СМЕРТЬ ИСКЕНДЕРА

Музыкант, вновь настрой свой рокочущий руд!
Пусть нам явит ушедших твой сладостный труд.

Запевай! Посмотри, я исполнен мученья.
Может статься, усну я под рокоты пенья.

*

Если в утренний сад злой нагрянет мороз,
Опадут лепестки чуть раскрывшихся роз.

Как от смерти спастись? Что от смерти поможет?
Двери смерти закрыть самый мудрый не сможет.

Лишь смертельный нагрянет на смертного жар,
Вмиг оставит врачей их целительный дар.

Ночь скончалась. Вся высь ясной стала и синей.
Солнце встало смеясь. Плакал горестно иней.

Царь сильнее стонал, чем в минувшую ночь.
Бубенцы... Отправленья нельзя перевозмочь.

Аристотель, премудрый, пытливый мыслитель,
Понимал, что и он — ненадежный целитель.

И, узнав, что царя к светлым дням не вернуть,
Что неведом к его исцелению путь,

Он промолвил царю: «О светильник! О чистый!
Всем царям льющей свет в этой области мгlistой!

Коль питомцы твои не сыскали пути,
Ты на милость Питателя взор обрати.

Если б раньше, чем вал этот хлынет суровый,
Страшный суд к нам направил гремящие зовы!

Если б раньше, чем это прольется вино,
Было б нашим сердцам разорваться дано.

Каждый волос главы твоей ценен! Я плачу.
Волосок ты утратишь, я — душу утрачу.

Но в назначенный час огневого питья
Не минует никто — и ни ты, и ни я.

Я не молвлю: «Испей неизбежную чашу!»
Ведь забудешь, испив, жизнь отрадную нашу.

И не молвлю: «Я чашу твою уберу».
Ведь не должен я спорить на царском пиру.

Злое горе! Лампада — всех истин основа —
От отсутствия масла угаснуть готова.

Но не бойся, что масла в лампаде уж нет.
В ней зажжется, быть может, негаданный свет».

Моявил царь: «Слов не надо. У близкой пучины
Я стою. Жизни нет. Ожидаю кончины.

Ведь не я закружил голубой небосвод,
И не я указал звездам огненный ход.

Я лишь капля воды, прах в пристанище малом,
И мужским сотворенный и женским началом.

Возвеличенный богом, вскормившим меня,
Столь могучим я стал, столь был полон огня,

Что все царства земли, всё, что смертному зримо,
Стало силе моей так легко достижимо.

Но, когда всем царям свой давал я покров,
Духом был я могуч, телом был я здоров.

Но недужен я стал. Эта плоть — пепелище,
И уйти принужден я в иное жилище.

Друг, тщеславья вином ты меня не пои.
Ключ живой далеко, тщетны речи твои.

Ты горящую душу спасешь ли от ада?
Лишь источникам рая была б она рада.

О спасенье моем помолись в тишине.
Снизойдет, может статься, создатель ко мне».

Солнце с гор совлекло всю свою позолоту,
И владыка царей погрузился в дремоту.

Ночь пришла. Что за ночь! Черный, страшный дракон!
Все дороги укрыл мраком тягостным он.

Только черную мир тотчас принял окраску.
Кто от злой этой мглы ждал бы помощь и ласку!

Звезды, молвивши всем: «На деяньях — запрет»,
Словно гвозди, забили желанный рассвет.

Небо — вор, месяц — страж, злою схвачены мглою.
Вместе пали они в чан с густою смолою.

Мир был черен, как сажа, стонал он в тоске,
Он, казалось, висел на одном волоске.

Таял царь, словно месяц ущербный, который
Освещать уж не в силах земные просторы.

Вспомнил он материнскую ласку. Душа
Загрустила. Сказал он, глубоко дыша,

Чтоб дебир из румийцев, разумный, умелый,
За писаньем по шелку давно поседелый,

Окунул свой калам в сажу черную. Пусть
Он притушит посланьем сыновнюю грусть,

Явит клятвы высокие, явит и стройный,
Чистый слог, слуха матери царской достойный!

Мать! Всем сердцем истаять она не должна!
Пусть бесплодных рыданий не знает она!

И дебир, исполняя царево желанье,
Мир затмил пред очами читавших посланье.

Расщепил он умело добротный тростник,
И лазурь он прорвал, и к созвездьям проник.

В лист упругий вошел благовонный напиток.
Стал душистым атласом насыщенный свиток.

Тонких образов круг! Им не видно конца!
Потемнело от блеска в глазах у писца.

Восхваливши того, чье безмерно творенье,
Восхваливши взирающим давшего зренье,

Восхваливши того, кто над миром один,
Кто для всех судия, кто всему — господин,

Стал писец рисовать на шелку серебристом.
Так он слогом блеснул нужным, найденным,

ЧИСТЫМ.

«Пишет царь Искендер к матерям четырем,
А не только к одной: мир — в обличье твоём.

Убежавшей струи не поймать в ее беге,
Но разбитый кувшин остается на берегу.

Хоть уж красное яблоко пало, причин
Нет к тому, чтобы желтый упал апельсин.

Хоть согнет ветер яростно желтую розу,
Роза красная ветра отвергнет угрозу.

Я слова говорю, о любимая мать!
Но не им — только сердцу должна ты внимать.

Попечалься немного, проведая, что ало
Пламеневшего цвета на свете не стало.

Если всё же взгрустнешь ты ночью порой,
Ты горящую рану ладонью прикрой.

Да подаст тебе долгие годы создатель!
Всё стерпи! Унесет все невзгоды создатель.

Я твоим заклинаю тебя молоком
И своим, на руках твоих, утренним сном,

Скорбью матери старой, согбенной, унылой,
Наклоненной над свежей сыновней могилой,

Сердцем смертных, что к праведной вере пришли,
Повелителем солнца, и звезд, и земли,

Сонмом чистых пророков, живущих в лазури
Вознесенных просторов, не ведавших бури,

Сонмом пленных земли, сей покинувших край,
Для которых пристанищем сделался рай,

Животворной душой, жизнь творящей из тлена,
Созидателем душ, уводящим из плена,

Милосердных деяний живою волной,
Повеленьем, весь мир сотворившим земной,

Светлым именем тем, что над именем каждым,
Узорочьем созвездий, зажженным однажды,

Небесами семью, мощью огненных сил,
Предсказаньем семи самых светлых светил,

Знаньем чистого мужа, познавшего бога,
Чутким разумом тех, в чьем сознание — тревога,

Каждым светочем тем, что зажжен был умом,
Каждым сшитым людьми для даяний мешком,

Головой, озаренной сиянием счастья,
Той стопой, что спешит по дороге участья,

Многомудрых отшельников светлой душой,
Их всевидящим взором, их верой большой,

Ароматом смиренных, простых, благородных,
Добронравьем людей, от желаний свободных,

Добротою султана к больным, к беднякам,
Нищим — радостным, словно властитель он сам,

Свежим веяньем утра, душистой прохладой,
Угощенья нежданного тихой усладой,

Позабывшими сон за молитвой ночной,
Слезы льющими, странствуя в холод и зной,

Стоном узников горьких в темнице глубокой,
Той лампадой михраба, что в выси далекой,

Всей нуждой в молоке истощавших детей,
Знаньем старцев о немощи старых костей,

Плачем горьких сирот, — тех сирот, у которых
Только скорбь, унижением странников хворых,

Тем скорбящим, что скорбью в пустыню гоним,
Тем, чьи ногти синеют от лютости зим,

Неусыпностью добрых, помогу дающих,
Долгой мукой несчастных, помоги не ждущих,

Тем страданьем, которое рушит покой,
Беспорочной любовью, блаженной тоской,

Побеждающим разумом — смертным и бедным,
Воздержаньем отшельника — мудрым, победным,

Каждым словом той книги, что названа «Честь»,
Человечностью той, что у доблестных есть,

Тою болью, с которой о ранах не ропщем,
Тою раной, что лечат бальзамом не общим,

Тем терпеньем, что должен влюбленный иметь,
Тяжким рабством попавшего в сладкую сеть,

Громким воплем безмерной, безвыходной муки,
В дни, когда протянуть больше не к кому руки,

Правдой тех, чей пример благочестья высок,
Откровеньем, которое слышит пророк,

Неизбежной дорогой, великим вожатым,
Помогающим смертным, тревогой объатым,

Тою дверью, земли отстраняющей ложь; —
Той, которою ты вслед за мною уйдешь,

Невозможностью видеть мне лик твой незримый,
Невозможностью слышать твой голос любимый,

Всею любовью твоей, — да продлится она! —
Этой помощью, — всем да не снится она! —

Сотворившим и звезды, и воды, и сушу,
Давшим душу и вновь отнимающим душу, —

Развернув этот шелк в почивальне своей,
Ты не хмурь, о родимая, черных бровей,

Не грусти, не надень похоронной одежды,
На удел бытия вскинь бестрепетно вежды,

Скрой рыданья свои, чти сыновний венец,
Вспомни то, что и солнцу наступит конец.

Если был этот мир не для всех скоротечным,
Ты стеной и рыданьем рыдай бесконечным.

Но ведь не жил никто бесконечные дни.
Что ж рыдать! Всех усопших, о мать, вспомяни.

Если всё ж поминальной предаться ты скорби
Пожелаешь, ты стан свой в печали не горби,

А в обширном чертоге, где правил Хосрой,
С угощениями царскими стол ты накрой.

И, созвавши гостей во дворце озаренном,
Ты, пред яствами сидя, скажи приглашенным:

Пусть вкушают всё то, что на этом столе,
Те, у коих нет близких, лежащих в земле.

Ты взгляни: если есть все безгорестно стали,
Обо мне, о родная, предайся печали.

Но, увидев, что яства отвергли они,
О лежащем в земле ты печаль отгони.

Обо мне не горюй, подошел я к пределу.
К своему возвращайся печальному делу.

Можно долго по жизни брести дорогой,
В должный срок всё ж о камень споткнешься ногой.

Срок назначен для всех. Мать, подумай-ка строго:
Десять лет иль сто десять — различья немного!

Мчусь я в восемь садов. Бестревожною будь!
Дверь к блаженству — с ключом и со светочем путь.

Почему не предаться мне радостной доле?
Почему не воссесть мне на вечном престоле?

Почему не стремиться мне к месту охот,
Где ни тучи, ни пыли, ни бед, ни невзгод?

Пусть, когда я уйду из прекрасного дома,
Будет всем в нем оставшимся грусть незнакома.

Пусть, когда мой Шебдиз в звездной выси край
Поспешит, — мой привет к вам домчится, друзья!

Волей звезд я унесся из тесной ограды.
Быть свободным, как я, будьте, смертные, рады!»

Царь письмо запечатал и в милый свой край
Отослал и забылся: направился в рай.

В ночь до самой зари всё стонал он от боли,
Днем страдал венценосец всё боле и боле.

Снова ночь. В черный саван простор облачен.
Небосвод — под попоною черною слон.

Солнце лик свой, укрытый за мрака краями,
Стало с горестным стоном царапать ногтями.

Звезды ногти остригли в печали, — и мгла
В серебристых ногтях над землей потекла.

Царь свой лик опустил; царь склонился на локти,
И вдавила луна в лик свой горестный ногти.

Всю полночную мглу тканью сделать смогли
Чьи-то руки, и мгла скрыла плечи земли.

Яд смертельный, добытый из глотки Зенеба,
В горло месяца влили, не слушаясь неба.

Государь изменился, печалью томим,
Смертный час он увидел над ложем своим.

Кровь застыла в ногах, словно сдавленных гнетом,
От кипения крови покрылся он потом.

Смертный миг отобрал черноту его глаз.
Погасал его свет, наступил его час.

Изнемог он душой, и душа улетела:
Срок пришел для души, поспешавшей из тела.

С благодатной улыбкой, стремясь к забытию,
Возвратил он создателю душу свою.

Так легко он угас в тьме мучительной ночи,
Что сей миг пропустили взирающих очи.

Птица быстрая тотчас взлетела туда,
Где заметила свет неземного гнезда.

Много мудрых. Но мудростью, даже бескрайной,
Овладеть невозможно великою тайной.

Если знающий вник в суть неведомых дел,
Почему сам себе он помочь не сумел?

Царь покинул свой дом в мире темном и бурном
И престол свой поставил в пределе лазурном.

Много благ от него видел горестный свет,
Но обиду и зло дал ему он в ответ.

Уходя за завесу, овеянный славой,
Всё ж он лютой земли суд изведаль неправый.

Хоть устал он душой, по дорогам спеша,
Новый путь обретя, торопилась душа.

Отовсюду, куда бы ни гнал он гнедого,
Слал он вести; текли они снова и снова.

Почему же, отправясь в безвестность, не смог
Хоть бы весть он прислать с неизвестных дорог?

Да! Ушедшие вдаль из-под самого крова
Забывают все тропы звучащего слова.

Если б знать нам о том, что укрыто от глаз,
О таимых путях мой поведал бы сказ.

Искендера цветок, достигавший лазури,
С дерева царского пал от негаданной бури,

И царю из его золотых поясов
Колыбель смастерили. Атласный покров

Жемчугами сиял; всё нутро колыбели
Камфарою, окутанной шелком, одели.

Мускус, масло из розы, алоэ — весь клад
Умашений, повеяв, обвил Арарат.

Надушил тонкий саван сокровищ хранитель,
И в гробу золотом был положен властитель.

С серебром схожи руки, и щеки, и лоб. . .
Что им саван душистый и блещущий гроб?

Царь велел, уж предчувствуя с миром разлуку,
Вверх из гроба поднять его правую руку

И, вложив горстку праха в бессильный кулак,
Возвещать, всем подав этот горестный знак:

«Царь семи областей! Царь пространства земного!
Царь! Единственный царь! Всех могуществ основа!

Все богатства стяжал сей прославленный шах,
Но в его кулаке ныне только лишь прах.

Так и вы, уходя, — звезды злы и упрямы! —
Горстку праха возьмете сей мусорной ямы!»

Шахразур покидая, царя унесли
От врагов в даль египетской мирной земли.

Там-то, в Искендерии, повержен был с трона
На тахтэ государь — всех людей оборона.

Сколько муки у мира! Тяжел его гнет.
Кто в молитве спокойно колена согнет?

Невдали от айвана палаты престольной
Смертный трон схоронили в земле безглагольной.

Этот мир! Быть не может он в дружбе с людьми.
Ласки в нем не найдешь, — это с грустью пойми.

И, покинув царя, от Египта границы
Все ушли. Царь остался во мраке гробницы.

Нрав у мира таков: с многомогущим царем
До конца он дойдет и забудет о нем.

Много тысяч владык эту участь познали,
И течет этот счет в бесконечные дали.

Но избежать нельзя рокового пути,
И конца этой нити вовек не найти.

Не постичь звездной тьмы над пределами шара,
Ты для песен о том струн не трогай дутара!

Ты, познавший весь мир! Видишь: мир — чародей.
Сколько в нем пострадало мелькнувших людей!

Унижающий мир, полный зла и страданий, —
В чем нашел он права для своих злодеяний?

Что глядишь на пристанище цвета сурьмы?
Миль чертога в крови, это поняли мы.

Если миль блеснет и расширится пламень,
В солнце — в мира лампаду — метни ты свой камень.

Миль блестит золотистый, сияет, маня.
Но не золото в нем, а пыланье огня.

Неприятно небо. Злодействуя вместе,
Солнце с месяцем к людям исполнены мести.

Не дружи ты с волшебником: он — лицемер.
Он — злодей, хоть порою он — дружбы пример.

О тебе он хлопочет как будто с заботой,
Но тебе он раненья наносит с охотой.

Дел мирских избегай, перед ними дрожа,
Ведь безмолвная рыба избегла ножа.

В бурю дня правосудья, поверь, не могли бы
Утонуть только люди, что были б как рыбы.

Мир лавчонкой мотальщика шелка я счел:
В ней и с пламенем печь, и с водою котел.

В ней на обод один мастер тянет все нити,
А с другого снимает. В уме сохраните

Изречение: «Весь мир наш, который так стар, —
Снизу — сумрачный прах, сверху — блещущий пар»,

Всё в борьбе тяжкий прах с легкой областью пара,
И друг другу они словно вовсе не пара.

Если б ладило небо с землею, пойми,
Издваться не стало б оно над людьми.

Низами! Не влекись в сеть подлунного края,
Ничего не страшась и других не пугая.

Если в гости к себе приглашает Султан,
Не раздумывай: знак отправления дан.

На пиру, распрощавшись с обителью нашей,
Ты предстань пред Султаном с подъятою чашей.

Искендер, выпив чашу, как роза, расцвел,
Вспомнил бога, уснул, бросил горестный дол.

Всем испившим ту чашу — благая дорога!
Всё забыв, поминайте единого бога!

ПРИМЕЧАНИЯ

Низами оставил после себя огромное поэтическое наследие. Лишь одна «Пятерица» насчитывает 60 тысяч строк. Из его диванов — сборников лирических стихов, содержавших, по свидетельству средневековых биографов поэта, более 40 тысяч стихов, до нас дошли: 5 касыд, 58 газелей, два стихотворения (в форме кыта) и 9 четверостиший. По свидетельству поэта в одной из его касыд, он был каллиграфом и автором многочисленных прозаических посланий, уснащенных стихами. Однако ни одной рукописи самого Низами до нас не дошло. Завершив свою поэму или стихотворение, Низами обычно отделявал их, затем переписывал набело и лишь после этого отдавал переписчикам.

На протяжении восьми веков переписчики внесли в текст произведений Низами множество дополнений. Они переделывали и выбрасывали неудачные, с их точки зрения, отдельные стихи и целые куски текста, заменяли архаичные слова современными и т. д. В предисловии к поэме «Лейли и Меджнун» поэт точно указывает объем своей поэмы и срок написания ее: «Четыре тыщи бейтов, чуть побольше, Сложил в четыре месяца, не дольше!» Однако в большинстве списков поэма насчитывает 5 тысяч и более бейтов. Следовательно, свыше тысячи стихов приходится отнести за счет позднейших вставок — интерполяций. При всей огромной популярности Низами на мусульманском Востоке старая наука сделала очень мало для реконструкции подлинных текстов произведений поэта. Многочисленные литографированные издания «Пятерицы», выходявшие начиная с XVIII в. в Индии, Иране, Турции и других странах, предпринимавшиеся в основном по чисто коммерческим соображениям, произвольно воспроизводили ту или иную текстовую версию, взятую из отдельных списков, изготовленных после второй половины XIV в.

Впервые к восстановлению текстов произведений Низами приступил в 1920-х гг. иранский ученый, поэт, выдающийся знаток классической персоязычной поэзии Вахид Дастгирди. Он собрал около тридцати списков, переписанных позднее второй половины XIV в., и на основе их привел тексты произведений Низами в то состояние, в котором они были известны в XIV в. Семитомное издание всех дошедших до нас произведений поэта под редакцией Дастгирди вышло в 1940 г. в Тегеране. Одно из самых больших достоинств этого издания в том, что оно снабжено подробными, очень ценными комментариями, без которых невозможно освоить сложный текст Низами.

К сожалению, в издании Дастгирди не было учтено одно из основных требований современной текстологии. Издатель не дал описания использованных им списков и не зафиксировал полностью их

разночтения. Чтобы восполнить этот пробел, в 1940 г., накануне 800-летия поэта, была создана специальная комиссия под руководством выдающегося востоковеда члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса и академика АН АзССР, недавно скончавшегося А. А. Али-заде для подготовки научно-критического текста полного собрания сочинений Низами. Под руководством этой комиссии в 40—60-х гг. в Баку были опубликованы четыре поэмы «Хамсе»: «Искендер-наме» (1947), «Сокровищница тайн» (1960), «Хосров и Ширин» (1960), «Лейли и Меджнун» (1965). Непосредственными исполнителями работы по подготовке бакинских изданий были А. А. Али-заде, А. А. Алескер-заде, Ф. Бабаев, Л. А. Хетагуров. Аппарат этих изданий отвечал тогдашнему уровню филологической науки. И все же сводный текст поэм, подготовленный на основе списков, старейший из которых датируется 1364 г., изобиловал серьезными дефектами и упущениями.

В архивохранилищах нашей страны (в Ленинграде, Баку, Ташкенте, Душанбе) находится целый ряд великолепнейших списков «Хамсе». Немалое количество списков произведений поэта имеется в различных книгохранилищах мира. К сожалению, рукописи не описаны либо описаны чересчур кратко, так что невозможно судить о состоянии их текстов.

К настоящему времени выявлен целый ряд новых списков «Пятерицы» и отдельных ее поэм, переписанных на 50, 70 и 120 лет раньше списков, использованных при подготовке бакинских изданий.

В январе 1979 г. ЦК Компартии Азербайджана принял решение об улучшении изучения и популяризации поэтического наследия Низами. Создана Комиссия Низами под руководством президента АН АзССР члена-корреспондента АН СССР Г. Б. Абдуллаева. В мае 1980 г. создан специальный отдел низамиведения в Институте литературы АН АзССР.

Первые переводы из Низами на европейские языки относятся к началу XIX в. Особенно высоко оценил поэта Гёте, ознакомившийся с Низами через прозаические немецкие переводы Й. Хаммера-Пургштааля. Итальянец К. Гоцци по мотивам одной из новелл «Семи красавиц» написал пьесу «Турандот» (1762), а Ф. Шиллер обработал ее для немецкого театра (1801).

Одним из первых русских писателей, познакомившихся с творчеством Низами и восторженно отозвавшихся о нем, был декабрист В. К. Кюхельбекер. В 1830-х гг. в России были осуществлены переводы произведений Низами (работы профессоров Петербургского и Казанского университетов Ф. В. Эрдмана и Ф. Б. Шармуа). Однако творения поэта стали достоянием широких читательских масс лишь после Октябрьской революции. Накануне 800-летнего юбилея Низами ленинградские ученые Е. Э. Бертельс, А. А. Ромаскевич и другие подготовили полный подстрочный перевод «Пятерицы» (по изданию Дастгирди) и значительной части газелей, на основе которого впоследствии были осуществлены поэтические переводы этих произведений.

В 1938 г. появляется «Антология азербайджанской поэзии», где творчество великого поэта представлено большим разделом; в 1941 г. (в Баку) — издание «Поэмы. Отрывки» (переводы М. Шагинян, П. Антокольского, К. Липскерова и др.); в 1942 г. (в Свердловске) — книга «Из поэмы „Сокровищница тайн“» (перевод М. Шагинян).

Работа по переводу поэтического наследия Низами несомненно приняла бы более широкие масштабы в связи с предстоящим в 1941 г.

празднованием 800-летнего юбилея поэта, если бы этому не помешала война. Памятная дата была отмечена лишь в Ленинграде, в блокадную зиму 1941 г., в одном из залов Эрмитажа, где русские поэты в солдатских шинелях читали свои переводы из Низами и собственные стихи, посвященные ему.

Первый полный перевод «Сокровищницы тайн», осуществленный М. Шагинян, вышел в 1947 г. (в Баку), второй — К. А. Липскерова и С. В. Шервинского — в 1959 г.¹ В 1953 г. в переводе К. А. Липскерова была издана эпопея «Искендер-наме»,² а в 1955 г. в его же переводе — «Хосров и Ширин».³ Перевод поэмы «Лейли и Меджнун»,⁴ принадлежащий П. Г. Антокольскому, вышел в 1957 г. Дважды переводилась и поэма «Семь красавиц»: Р. Ивневим (бакинское издание 1947 и 1959 гг.) и В. Державиным (издание 1960 г.). Сокращенные издания «Пятерицы» под заглавием «Пять поэм» вышли в 1946 и 1968 гг. (второе издание — в серии «Библиотека всемирной литературы»). Что касается лирики Низами, то несколько ее изданий вышло в 1947, 1960 и 1979 гг. (последнее — в Баку). Из сборников Низами следует упомянуть также «Избранные произведения», изданные в Большой (1947) и Малой (1960) сериях «Библиотеки поэта».

В предисловии к книге «Пять поэм» (1946) Е. Э. Бертельс писал: «Сказать, что мы сейчас понимаем Низами до самого конца, еще невозможно. Вероятно, что во многих деталях мы еще заблуждаемся, не чувствуем ряда тончайших намеков, а иногда последующие вставки, интерполяции принимаем за подлинного Низами. . . Ознакомить русского читателя с творчеством такого исключительного поэта, как Низами, — задача крайне трудная. Первое и, может быть, самое главное препятствие, которое здесь приходится преодолеть, это, в первую очередь, вопрос о передаче формы поэзии тех народов, которые пользовались арабско-персидской метрикой, так называемым арузом.

Метрика эта имеет известное сходство с метрикой античной. Она тоже построена на качестве слога и различает слоги длинные и короткие. Напомним, что все попытки передачи античных размеров в русской поэзии исходили из замены долгого слога на слог ударный. Эта замена, конечно, не дает эквивалента оригинала, но все же как некоторый суррогат принята могла бы (быть)...

Каждая из них (поэм) написана своим размером, выбор которого, конечно, был не случаен. Как уже отмечалось выше, поэмы вызвали на Востоке сотни подражаний, причем каждый данный сюжет раз и навсегда оказался связанным с избранным для него Низами размером». По справедливому утверждению Бертельса, никакие отступления от метрики поэм Низами не могут быть оправданы в

¹ Переводы, место издания которых не оговорено, публиковались в Москве.

² В одном году вышли два издания — в Баку и Москве. Отрывки из эпопеи ранее были помещены в «Избранных произведениях» Низами (1947).

³ В этом году вышли два издания поэмы — в Баку и Москве. Им предшествовали публикации сокращенных переводов 1947 (Баку) и 1948 гг. (Москва). Кроме того, в переводе Е. В. Дунаевского отрывки из поэмы вышли под загл. «Из книги „Хосров и Ширин“» (1935).

⁴ Ранее отрывки из «Лейли и Меджнуна» были изданы в переводе Андрея Глобы (1935).

перелогах. Далее Бертельс писал: «Наконец, третья трудность — передача всего того изобилия образов, которыми переполнены стихи Низами. Поэзия Азербайджана в XII в. пользовалась особым стилем, который можно было бы условно назвать «орнаментальным». Характерная черта его — стремление к максимальному повышению веса каждого слова в строке путем введения многочисленных фигур, широчайшего использования игры словами, чему в значительной степени содействует полисемантность лексики персидского литературного языка того времени. Совершенно очевидно, что весьма многие из этих фигур, особенно там, где использованы омонимы, в переводе сохранены быть не могут. Крайнее затруднение вызывают и метафорические эпитеты, приложение которых к данному имени обуславливается вторым и третьим его значениями» (Е. Э. Бертельс, Великий поэт азербайджанского народа. — В кн.: Низами, Пять поэм, М., 1946, с. 21—24).

К этому следует добавить, что характерная черта азербайджанской поэтической школы XII в. заключалась в том, что она широко вобрала в себя достижения современной ей науки, ее выводы, постулаты, гипотезы, терминологию. Данные точных наук (астрономия, математика, медицина, физика) использовались как для создания тропов, так и для обоснования идейной устремленности поэтических произведений. В поэзии Низами можно обнаружить все, что знала его эпоха. Понятно, что адекватная передача в переводе многих особенностей художественной системы Низами — задача исключительной сложности, ныне еще не решенная.

Настоящее издание произведений Низами является избранным. В первом разделе помещены основные образцы лирического творчества поэта: газели и касыды. Так как среди уже переведенных газелей Низами обнаружены тексты, не принадлежащие ему, количество газелей, публикуемых в этой книге, уступает предшествующим изданиям. Здесь приводятся лишь те стихотворения, атрибуция которых поэту достаточно убедительна. В новых переводах М. И. Борисовой публикуются касыды, текст оригинала которых заново подготовлен и уточнен составителем.

Большая часть книги посвящена «Пятернице». Поэмы Низами представлены избранными главами, каждая из которых, как правило, печатается полностью. Главы подобраны таким образом, чтобы сохранить основные сюжетные линии поэм и тем самым обеспечить необходимую целостность читательского восприятия.

Переводы из «Пятерницы» печатаются по последним изданиям поэм Низами, вышедшим при жизни переводчиков. Текст газелей соответствует изданию: «Лирика» (М., 1959).

Пояснения непеведенных слов, собственных имен, специфической лексики из области быта, культуры, науки и религии средневекового Азербайджана и других народов Востока вынесены в Словарь. В примечаниях разъясняются малопонятные русскому читателю метафоры, намеки, идиоматические выражения, биографические и другие реалии, встречающиеся в тексте Низами. При составлении Словаря был использован материал подобного же справочника А. Е. Бертельса в книге: Низами «Пять поэм» (М., 1968).

СТИХОТВОРЕНИЯ

Газели

6. *Стан опоясал свой.* Опоясаться — значит проявить готовность служить кому-либо.

19. *Кармин* — ярко-красная, огненного оттенка краска.

20. *Тюрки рабами индийскими стали.* Метафора: белокожие и красивые тюрки потемнели подобно смуглолицым индусам при виде столь ослепительной красавицы.

26. *Опоясался я* — см. прим. 6.

Касыды

30. *В путь готовый караван.* Уход «на тот свет» обычно сравнивался с отправлением каравана. *Кольцо дверное.* В старину на двери домов навешивались массивные кольца, с помощью которых стучались в дверь. В данном случае кольцо — метафора произвола судьбы, которая играет людьми и бьет их. *На четыре буквы мира* и т. д. Персидское слово «джахан» (мир) состоит из четырех букв. Класть палец на букву — метафора пренебрежения. Смысл бейта: положи пальцы на буквы слова «джахан» — и вся вселенная покажется незначительной, тогда ты легко сможешь покинуть мир. *Мишуру, отличья знаки.* Придворная знать носила одежду, полы и рукава которой украшались золотой и серебряной тесьмой. *И земля не беспорочна* и т. д. Здесь намек на сильное землетрясение 1139 г., полностью разрушившее Гянджу. Во второй строке бейта подразумевается предсказание астрологов, согласно которому положение Юпитера и Марса в сентябре 1186 г. предвещало конец света. *Паланкин истин* — Коран. Смысл бейта: после того как усвоишь речения Аллаха в Коране, вникни в поучения пророка Мухаммада. *Корабль* — метафора мира. *Облачившись в голубое.* Голубая или темно-синяя одежда считалась траурной, ее носили отшельники и аскеты; красный цвет, подобный аргавану (см. Словарь), — символ привязанности к мирской суете. *Мускус цельный, непочатый.* Мускус добывался из мешочка (железы) мускусного быка (самца кабарги). Извлеченный мускус заворачивали в шелк и парчу. *В пыльных штопаных одеждах* — такой была одежда дервишей. *Почему вкусна так шея у вола* и т. д. Шея, на которую надевают ярмо, и ляжки животных, куда обычно ставят клеймо, служат хорошей пищей. Иными словами: труд и рвение всегда вознаграждаются. *Этот цвет для стягов дан.* Стяги аббасидских халифов и сельджукских султанов были черного цвета, подобного аспиду. *Кусок сгубил Адама.* По мусульманской легенде, Адам был изгнан из рая за то, что отведал пшеницы. *Ты эмир, рабом побывший* — намек на Шамс ад-Дина Ил-Дениза (ум. 1175), родоначальника азербайджанских атабеков, который в отрочестве был рабом. *С камфарой змея в соседстве.* По поверью, змея влюблена в камфару и поэтому часто спит возле кувшинов, содержащих ее. *Время, как лукавый*

лучник, птицу шариком сбивает. Охотники на птиц пользовались особым видом лука, который стрелял специально изготовленными шариками. *В Йемене свой суд творю я, и послушен мне Хотан.* Если он унижен и бессилен в Гяндже, говорит поэт, то в других странах — в Йемене или Хотане — по его просьбе могут даже изменить судебные приговоры над преступниками. *Тебе — за тридцать.* Эта касыда была написана поэтом в возрасте 32—35 лет. *«Скоро...» — ты твердишь Каабе.* Поэт говорит о своей мечте совершить паломничество в Мекку, которую ему так и не удалось осуществить.

31. *Полнозвучный колокольчик.* Сравнение поэтического «дыхания» со звоном колокольчика объясняется тем, что в старину глава охраны шаха звонил колокольчиками, чтобы стража не засыпала. Кроме того, в походе специальные служители в войсках звоном колокольчиков возвещали о приближении шаха. *Звезды признанные светят.* В оригинале: «Никто, кроме меня, доселе не стучался в двери пребывания счастливой звезды». Обладатель счастливой звезды — титул могущественных непобедимых царей. *Чтоб объедками со свадьбы хор проныр не пировал.* Намек на то, что другие поэты крадут стихи и поэтические образы Низами. *Вдох — на дно ушел нырлящик, выдох — перл со дна достал.* Драгоценные поэтические находки сравниваются с добытым со дна моря жемчугом. *Каплями дождинок* и т. д. По поверью, жемчуг зарождается в раковинах от проникающих туда дождевых капель. *Двух ублюдков поношенья.* Среди многочисленных завистников поэт выделяет двух, которые особенно досаждали ему. *Йеменская звезда — Сухейль (или Канопус), см. Словарь.* *Шек шафраном не пятнал,* т. е. не натирал лицо шафраном подобно ханжам-богомольцам, выставлявшим напоказ свое подвижничество. *Разве от слона защита* и т. д. Под слоном имеется в виду кто-то из придворных поэтов-лауреатов. *«Самый лучший стих, который больше лжи в себя впитал».* Перефразированный афоризм, приписывавшийся пророку Мухаммаду и гласивший: «Самые лучшие стихи — самые живые из них». *Но в ином существованье Я — дирхема полновесный, благороднейший металл.* Смысл бейта: современники не ставят меня в грош, но на том свете я буду достоин оценен.

32. *Султан Каабы* — знаменитый черный камень метеоритного происхождения, святыня мусульман, находящаяся в храме Кааба г. Мекки; камень покрыт с боков зеленым шелком, а сверху — черной парчой. Святыню Каабы поэт сравнивал с тронем, так как султаны династии Сельджуков восседали на троне под черным балдахином (далее под «Султаном Каабы» подразумевается также и сам храм). *Семь стран света* — семь обитаемых поясов земли, по представлению древних мусульман. *Как Хосров, скрестивший ноги.* Хосровы — доисламские иранские цари — восседали на троне скрестив по-тюречки ноги; отсюда сравнение с четырехугольником. *Сам Он — центр круговращения.* Вокруг Каабы совершаются обрядовые хождения богомольцев; подразумевается также вращение небосвода вокруг храма. *Тюрок — красотой и благородством.* Здесь тюрку уподоблен беломраморный храм Кааба. *Так, как родинка отметки, — в мире этом бедь редки* и т. д. Из-за «родинки» (черного камня) и дверного кольца храма бедствия в мире стали редкими, а зло зажато кольцом. *Мускус... в плотный шелк укутан плотно.* Мускус обычно хранили в шелковых мешочках. Черный камень здесь сравнивается с мускусом, а по-

крывало камня — с шелковым мешочком. *Шести сторон*. Шестью сторонами прежде обозначали современные три измерения (верх, низ, спереди, позади, справа, слева). *Орел, слетевший с неба* — черный камень Каабы; постамент храма уподоблен каменному ковру. *Нусрат ад-Дин* Абу-Бакр Пишкин, сын Джахан-Пахлавана Ил-Дениза, который правил в 1194—1210 гг. государством иракских сельджукидов со столицей в Азербайджане. К нему обращена касыда Низами, который в деликатной форме просил помочь ему совершить паломничество в Мекку. *Вместил в себя два мира*. Смысл похвалы в том, что Нусрат ад-Дин уделял внимание вере и богоугодным делам, под которыми подразумевались благоустройство города, проведение каналов, строительство медресе, мечетей, забота о подданных и т. д. *В нард судьбы играя с небом, ты закрыл ему шесть клеток* и т. д. Шесть клеток — весь физический мир (современные три измерения), а также половина двусторчатой доски нарда (см. Словарь), разделенной на шесть клеток. Небосвод (судьба) здесь уподоблен игре в нард. Поэт утверждает, что Нусрат ад-Дин был настолько искусен и мудр в своей политике, что закрыл все клетки нарда и тем самым одержал победу над самой судьбой.

33. *Шесть клеток мировой доски*. Объяснение аналогичной метафоры см. конец прим. 32. *Две кости* — здесь: Солнце и Луна. Общий смысл первого бейта: настало время разрушения Вселенной. *Расписка долговая* — обещанный людям срок жизни на земле. *Держит Землю Бык*. По древнему поверью, Земля держится на рогах Быка, любое движение которого вызывает землетрясение. *Бык дрогнет, встретив кости Льва*. Имеется в виду небесный Лев (т. е. олицетворенное созвездие Льва), который может напасть на Быка, вынудив его сбросить с себя Землю. *Ослепнет страшная змея, едва взглянув на изумруд*. Согласно поверью, если змея увидит изумруд, она ослепнет, а изумруд расплавится. *Глотнув дождемку* и т. д. См. прим. 31 («Каплями дождинок» и т. д.). *К семи светильникам* — к семи известным в то время планетам. *Луна кровь солнца пьет*, т. е. Луна светит отраженным светом солнца. *Чтоб стала сталь в твоих руках*. Упоминание о стали вызвано тем, что пророк Давуд, по преданию, первым научился плавить сталь. *Амвон* — род кафедры в церквях и мечетях, откуда произносятся проповеди. *Вдруг дымом собственных невзгод заволокло тебе зрачки*, т. е. не стремись предсказывать по звездам судьбу, ибо легко впасть в ошибку под влиянием собственных невзгод. *Там — всё иное*. Речь идет о мифическом посмертном существовании, где всем воздается по заслугам. *Бренность мира ты пять раз*. Число «пять» связано с почетным обрядом: в старину перед дворцом царей пять раз в течение дня били в барабан.

34. *Свой черный мускус кабарга* и т. д. Поэт уподобляет свои черные волосы темному цвету мускуса, а седину — белому мешочку, «пупку» кабарги (см. Словарь).

ПОЭМЫ

СОКРОВИЩНИЦА ТАИН

О положении и достоинстве этой книги. *Я, которым прославлена свежая роза моя.* Со свежей розой поэт сравнивает свою поэму «Сокровищница тайн», уподобляя себя соловью. *В двух краях книги две засверкали.* Имеются в виду «Сокровищница тайн» и поэма «Сад истин» Санай, преподнесенные двум Бахрам-шахам. Санай посвятил свою поэму в 1140 г. правителю Газны, а Низами — правителю Эрзинджана в Малой Азии. Речь о превосходстве слова. *Калам* — здесь перо, которым Аллах начертал на скрижали судьбу всех творений до создания вселенной. Тем самым Низами утверждает, что первым творением бога было слово. Превосходство речи, нанизанной в должном порядке. . . *Двух сокровищниц ключ* и т. д. Две сокровищницы — земная и загробная жизнь; постичь их и прославить может лишь поэтический язык. *Есть два друга у Друга* и т. д. По мысли Низами, у бога есть два истинных друга: пророк и поэт, которые в состоянии познать божественную сущность. *Ключом глины ее исторгали.* Согласно Корану, человек создан из «глины». Под ключом же подразумевается рот, орган речи. *Он вдевает кольцо даже в ухо твое, небосвод!* Во времена Низами рабам в уши вдевали кольца. Поэт говорит, что человек способен даже покорить небосвод. *То в ларец бирюзовый* и т. д. Люди, наделенные подлинным поэтическим даром, своим искусством покоряют небеса и словно жонглеры бросают один шарик в бирюзовый небесный свод и вынимают оттуда десять. *Если конь его мчится* и т. д. Т. е. в жару поэтического творчества уста поэта произносят такие высокие слова, что душа хочет покинуть тело, чтобы поцеловать уста поэта. *Семь небес.* В мусульманской средневековой космогонии небо представлялось разделенным на семь сфер (одна внутри другой), каждая из которых управлялась Солнцем, Луной и пятью известными в то время планетами: Венера (Зухра), Марс (Маррих), Меркурий (Утарид), Юпитер (Муштари), Сатурн (Кейван). Считалось, что за этими сферами находятся еще две непланетарные сферы, за которыми следует неподвижное небо. *Если речи поклажа для дерзостных станет добычей* и т. д. Здесь Низами осуждает бесталанных придворных поэтов, унижавших своими писаниями достоинство слова. *Тот, носивший парчу* и т. д. Придворные поэты, продававшие поэтическое слово шахам за металл, рано или поздно удавливались, или по приказу тех же шахов им отрубали голову железным мечом. *Тот, кто был серебром* и т. д. Тот, кто ради золота, словно ртуть, не льнул к могущественным шахам вроде Санджара, спасался от «железной» кары, ибо представлял собой серебро. *Близнецы* — название созвездия. «*Владеющий ладом в эмирстве речений — эмир*». Арабская поговорка, буквально означающая: «Воистину, поэты — эмиры», т. е. повелители речи. *Небосводу не надо к тебе наклоняться.* Поэт призывает подлинных мастеров слова не опускаться, как не опускается небо, ибо лишь в этом случае сохраняется высокое достоинство поэзии. *Шар у дневного светила* и т. д. «Отобразь шар» или «мяч» — идиоматическое выражение, возникшее из игры в чоуган — конное поло. Оно означает: выиграть, одержать победу. *Хоть дыханье его не горело, не мчалось оно* и т. д.

Смысл этого и следующих двустиший в том, что если поэт будет долго взвешивать каждое слово, то в этом нет ничего плохого, ибо, как бы медленно ни работала мысль, она все равно способна мгновенно домчатся до созвездий и т. д. *Ведь с инжиром поднос стал ненужным* и т. д. В подлиннике буквально сказано: «Инжирное дерево было бы опустошено, если бы всякая птичка лакомилась инжиром», что означает: «Если всякий рифмоплет мог бы творить прекрасные стихи, сладкие, как инжир, слова, то поэзия давно бы оскудела, как инжирное дерево, ставшее добычей всяких птиц». *Мне Гянджа — Вавилон* и т. д. Поэт жалуется на то, что в своем родном городе Гяндже он словно в темнице, ибо здесь не ценят егс творчества. Он сравнивает свое искусство с волшебством ангела Хафута (см. Словарь). *А Зухра есть Весы*. Зухра (см. Словарь) считалась не только покровительницей, но и законодательницей искусства, обладающей непогрешимой мерой («весами») в оценке егс достоинств. *О наступлении ночи и познании сердца*. *Солнце бросило щит, и щитом черной тени земля Пала* и т. д. Когда солнце было побеждено натиском ночи, земля отбросила тень в небо. *Войско солнца — его золотые лучи* и т. д. В оригинале: «Как только солнце бросило щит, его войска (т. е. звезды) сбросили меч, чтобы отсечь ему голову» и овладеть небом. *«Мир с неверными схож, потому-то и сделался черным!»* По мусульманскому поверью, неверные в день Страшного суда предстанут с черными от стыда лицами. *Пусть твоей синий кувшин наши взоры утешит сполна*. Т. е. пусть небесный кувшин таланта изливает струю прекрасных и содержательных слов. *К девятому небу пришло* — см. прим. к словам «Семь небес» на с. 750. *Семь халифов* и т. д. Имеются в виду семь органов человеческого тела. В следующих стихах шесть органов перечислены под метафорическими названиями: красный всадник — печень; отрок — желчный пузырь; черный отрок — селезенка; воины — почки; мастер засады — желудок; аркан — кишки. Первое тайное собеседование. *От узлов девяти был намерен избавить меня*. В оригинале: «От узлов девяти небес освободил меня», т. е. наставник поэта освободил его от всех житейских и телесных уз. *На веревки концы он поставил уверенно ногу*. Наставник поставил ногу на конец веревок и оков, которые связывали поэта с телесными и житейскими потребностями. *Травы змей ослепляли: всегда их слепит изумруд*. По восточному поверью, ирис убивает, а изумруд ослепляет змей. *Белый тюрок жасмина и черный из Индии мак — Свет звезды Йемена и веры неправедный мрак*. Смысл двустишия: белый, словно тюрок (см. в Словаре «тюрки»), жасмин сиял подобно йеменской звезде Канопус, а черный, словно индус, мак был чернее лица неправедных в день Страшного суда. *Шагрень* — мягкая, шершавая кожа особой выделки. Речь вторая. Наставление шаху о справедливости. *Знай, крупица алмазная веры* и т. д. Т. е. крупица веры ценней, чем целый мен (около 3 кг) золота, которое маги-алхимики пытались добывать с помощью эликсира из низкосортных металлов. Повесть о Нуширване и его визире. *Он сейчас же калым уничтожил* — отменил все поборы и налоги, которые собирались с населения. *Следуя солнечным всадникам*. Подразумеваются труженики, которые встают вместе с солнцем и работают до заката. Речь четвертая. О благожелательном отношении шаха к подданным. *Сглаз опасен*. Здесь и далее под словом «сглаз» имеются в виду проклятия обиженных по адресу притеснителей. *Ему подвергался Махмуд*. Султан Махмуд из Газны (XI в.), согласно

легенде, впал в недуг во время похода в Индию, причиной которого считался «сглаз» двух индийских колдунов. Повесть о Фаридунае и газели. *Как служения пояс, лежит возле кладов змея.* «Опоясаться перед кем-либо» — означает проявить готовность служить. По поверью, все клады охраняются змеями. Смысл строки сводится к тому, что змея, уподобившись поясу служения, открывает место, где спрятан клад. Если человек опоясается для служения ближнему, то он тоже обретет сокровище — духовное величие. Повесть о царе-притеснителе и правдивом человеке. *У луны хитрым играм, у зорь.* В оригинале: «Он разоблачал тайны большие, чем утро и луна» — намек на то, что при свете луны и солнца все тайное становится явным. Иными словами, доносчик превзошел луну и солнце в разоблачении тайн людей. Речь пятнадцатая. Порицание завистников. *Не в воде ли вся ракушка* и т. д. См. прим. 31 («Каплями дождинок»). Речь восемнадцатая. В осуждение двуличных. *Горячи они, — всё же прохладней, чем печени их.* В дружбе эти люди выказывают притворную горячность, а на самом деле они холодны, как и их печень, которая считалась таким же «духовным» органом, как сердце. *Много смесей душистых — да мало мозгов у людей.* Здесь говорится о мозге как органе обоняния, т. е. на свете много благоуханных смесей, но мало кто способен по-настоящему почувствовать их. Повесть о Джемшиде и его приближенном. *Что тюльпаны его ее роз престарелых желтей,* т. е. его щеки были бледней ее морщинистых ланит. *Лучше это лицо ты монетою желтой зови* и т. д. Т. е. пусть лучше лицо твое пожелтеет, словно золотая монета, нежели вовсе лишиться его (потерять голову). *За девятое небо* — см. прим. к словам «Семь небес» на с. 750. *Трепальщика нить расципали на хлопок.* Трепальщик — прозвище Мансура Халладжа (X в.), мистика и одного из основоположников суфизма. По этому учению, весь видимый мир является эманацией божественной субстанции и человек — частица ее. Рассуждая подобным образом, Халладж пришел к выводу: «Я есть и бог». За это он был повешен. Осуждая учение Халладжа, который громогласно объявлял всем свои мысли, Низами тем самым хочет сказать, что его учение не имеет ничего общего с учением суфиев (см. Словарь). *Тайн завесой облек свою душу цветок нераскрытый* и т. д. Пока роза не распустилась, никто ее не трогает, но как только она раскрывается, ее отрывают от куста. Повесть о Харун-ар-Рашиде и цирюльнике. *Недавний «эмир»* — цирюльник, недавно державший себя как эмир, снова вернулся к своему обычному положению. Речь двадцатая. О заносчивости современников. *Абрис* — схематический рисунок. *Подают они уксус, даваемый гроздью незрелой.* В подлиннике: «Зрелую печень, подобно спелому инжиру, они угощают уксусом незрелого винограда». Уксус в медицине того времени считался вредным для печени. *Заключение* книги. *В камне тайлась руда для меча моих песен* и т. д. Сравнивая свою поэму с мечом, металл для которого находился в камне, откуда его очень трудно было извлечь, а свою грудь — с тесным кузнечным мехом, поэт намекает на то, что он слагал свою книгу в исключительно стесненных материальных и житейских обстоятельствах. *Если б небо послало мне счастье, простие за грехи* и т. д. Поэт еще раз подчеркивает, что если бы он писал поэму не бедствуя, то ему так долго не пришлось бы работать над ней. *Есть лишь полукафтан, до колен он доходит* и т. д. Смысл этого и последующего двустиший: поэт сам бы отвез свое произведение да-

лекому адресату в Малую Азию, однако у него нет возможности и даже приличной одежды, чтобы предстать перед Бахрам-шахом. *Как петлею Гянджа захлестнула мне шею* и т. д. Перевод немного неточен. Поэт очень привязан к родной Гяндже, где его не ценят, но если бы он смог покинуть родину, то своим талантом легко покорил бы Иракский султанат, который представлял тогда собой обширную империю. *Эту книгу пометить, чтоб верно судить о былом.* Эта и следующие строки представляют хронограмму, в которой помечена дата окончания поэмы — конец 1176 г. *Со времени бегства пророка.* 16 июля 622 г. пророк Мухаммад скрылся из Мекки, отправившись в Медину. Дата этого события, называемого «хиджра», послужила началом мусульманского летосчисления.

ХОСРОВ И ШИРИН

Несколько слов о любви. *Я препоясался* — см. прим. 6. Начало рассказа. *Парвизом назван был* и т. д. Непереводаемая игра слов: поэт обыгрывает этимологическое значение слова «парвиз», которое означает: победитель и бахрома. Прототипом героя поэмы был иранский шах из династии Сасанидов Хосров II Парвиз (590—628). *Всех шести сторон мог свойства он уметь.* См. прим. 32 («Шесть сторон»). *Превращал, на бранном целясь поле, Он барабан Зухры в свой барабан соколий.* Он был настолько искусен в стрельбе из лука, что попадал в барабан Зухры (Венеры), покровительницы музыки, так же легко, как в барабанчик для приманивания сокола во время охоты. *Белый див* — могущественный злой дух в иранской мифологии, которого сокрушил легендарный герой Рустам (единоборство Рустама с Белым дивом воспето в эпопее Фирдоуси «Шах-наме»). *У длинноруких всех он руки обкорнал.* Длиннорукие — люди, которые накладывают руки на чужое добро, угнетатели. Смысл двустишия: Ормуз навел в стране порядок и «обкорнал» руки тем, которые грабили подданных. *Выезд Хосрова на охоту. Златая роза* — солнце. *С арфы смолкнувшей сорвать велели шелк.* В те времена струны арфы делали из шелка особого сорта. Хосров видит во сне деда своего Ануширвана. *Блеснул в выси кудесник* — взошла луна. *Вкусил столь горький виноград,* т. е. потерял прекрасного гурского раба. Рассказ Шапура о Ширин. *По шестисводному шатру моя дорога.* Шестисводный шатер — метафорическое обозначение мира (о шести сторонах см. прим. 32). *Шемора* — ассирийская царица Семирамида, которой легенды приписывают основание Вавилона, устройство висячих садов и др. заслуги; здесь это имя отнесено к Михин-Бану (последнее значит: Великая госпожа). *Улыбка уст ее всечасно солона,* т. е. уста ее источали остроумие. *То мил ему бобер, то горностаи милей.* Бобер — черные волосы, горностаи — белое, прелестное лицо. *Тем, кто сильнее льва, сном заячьим грозит.* Заячий сон — здесь: потеря сознания. Смысл стиха: при виде прекрасных глаз Ширин даже те, кто сильнее льва, лишаются сознания. *По родинкам ее предскажешь путь ночей.* В подлиннике: «Ночи у ее родинок учатся темноте». *И лал и жемчуг тот, смеясь, она взяла* и т. д. В старину меланхолию лечили снадобьем, в состав которого входили растертые рубины (лалы, гранаты) и жемчужины. *Ее называли Сладкой: Она — Ширин.* Слово «ширин» означает: сладость, сладкая. *Небесных семь арен* — семь небес (см.

прим. на с. 750). *В ночь грустит Ночная птица*. Ночная птица (в оригинале: Шебавиз) — легендарная птица, которая, по поверью, всю ночь стонет, тоскуя по наступлению утра. *Ведь живописью он пре-льстил бы и Китай*. Китайская живопись славилась на мусульманском Востоке. Шапур в первый раз показывает Ширин изображение Хосрова. *И черною доской... Закрыли желтые, сверкающие кости*, т. е. солнце (желтые кости) зашло и наступила ночь (ларец черного дерева). Бегство Ширин от Михин-Бану в Меданн. *Вот синему ларцу с узором из жемчужин... Так порешил Китай — замок червонный нужен*. Двустипшие построено из метафор: синий ларец — небо, узоры из жемчужин — звезды, червонный замок — солнце. Китай — законодатель искусной живописи. Смысл таков: Ширин ждет восхода солнца, чтобы можно было уехать. Купанье Ширин в источнике. *Нарциссы — звезды. Всплыл рубин — солнце. Сахарный Сухейль* — здесь: прекрасное тело Ширин. *Не рыба, а луна попалась ей в ладони*, т. е. в сеть ее волос вместо рыбы попало отражение ее луноподобного лица. Хосров видит Ширин в источнике. *К мускускоудрым он... Пошел* — в гарем к черноволосым и луноликим женам. *Орел на привязи... Не дивный ли фазан*. Орел — конь Шебдиз, фазан — сама Ширин. *Нет, не луна она, а зеркало и ртуть. Луны нехшебской — стан*. Лицо ее было подобно зеркалу с ртутной амальгамой. По преданию, такое зеркало в виде луны создал Муканна (см. Словарь). Это нехшебское зеркало из ртутной амальгамы излучало свет, заставлявший людей поверить в пророческую миссию его изобретателя. *Змеи, тайны клада храня*. Согласно поверью, змеи охраняют клады. *Выпал ключ из пальцев садовода, — Гранаты двух грудвей открыли дверцы входа*. Сад — рай; страж райских врат потерял ключ при виде двух гранатов (грудей Ширин), которые покинули сад. *Солнце в этот день с дороги повернуло* Затем, что на Луну и на воду взглянуло. Солнце — Хосров, Луна — Ширин. *Вино в единый круг нельзя нам дважды пить*. На пиру, когда пускали по кругу чашу, никому не полагалось пить дважды. *И гром копыт смутил и Рыбу, и Быка*. Рыба и Бык — подземное царство и Земля. Согласно древней мифической космогонии, мир держится на рогах огромного Быка, стоящего на спине громадной Рыбы. *Стал он клюшкой для човгана*. Изогнутая клюшка для игры в човган делалась из ивы. *Роз не розов цвет*, т. е. щеки Хосрова побледнели. Приезд Хосрова в Армению к Михин-Бану. *Белый сад* — название сада в Барде, древней столице Аррана. Возвращение Шапура. *И поцелуями он прах разрисовал*. Т. е., согласно этикету, он поцеловал перед Парвизом землю. Слово «разрисовал» здесь подчеркивает, что Шапур был художником. *Что к лику одному — другой припал с алчбой*. Т. е. Ширин припала к картине, изображающей Хосрова. *Туркестан* — здесь: гарем; в то время Восточный Туркестан славился красотой своих женщин. Хосров узнает о смерти отца. *Развернул Слому рассказ об Индостане*. Гонец напомнил Хосрову, жившему на чужбине, о его отечестве. Бегство Хосрова от Бехрама Чубине. *Когда Юсуф умчится вдаль, Якубу — света нет*. Когда Юсуф был похищен братьями, его отец Якуб (Иаков) безмерно страдал. Встреча Хосрова с Ширин на охоте. *Был для Быка — укор*. Подразумевается мифический Бык, на котором стоит Земля. *Семь областей* — семь иклямов (см. Словарь). Описание весны и веселия Хосрова и Ширин. *Согнул «зрачок быка», взыграл «слоновым ухом»*. В кавычки заключены названия цветов: бычий (или коровий) глаз —

левкой; слоновое ухо — ирис. *«Мышинные ушики»* — забудки либо майоран (см. Словарь). Хосров убивает льва во время пира. *За ногу повесили разлуку*, т. е. разлука, преданная казни, была уже им не страшна. *Горностаи ее в шелку скрывался рдяном*. Метафора: белотелая Ширин (горностаи) краснела от объятий Хосрова. *Меж румяных роз возникли васильки*. Поцелуи Хосрова оставили следы на румяных щеках Ширин. *Овечью печень ждет собака мясника*. «Собака не получит желаемого» — идиома; «есть свою печень» означает: терзаться тоской. *Тьма солончаков, казавшихся водою*. Так как солончаки издали похожи на водоемы, жаждущие воды могут погибнуть, отправившись к ним. *Ведь индиго, торгаши, находят спос: уныло Не хмурясь. Вскрой тюки, будь ты хоть в глубях Нила*. В подлиннике: «Если ты найдешь покупателя своему индиго, то разложи свой товар, будь ты даже у самого Нила». Слово «Нил» одновременно означает: индиго и река Нил. Ответ Хосрова Ширин. *Змеями она от уст оберглась* — лицо ее закрылось кудрями. *Капелла* — звезда первой величины в созвездии Возничьего. Хосров умоляет Ширин. *Хоть мертвым, да пойдет на волю Мубарек*. Мубарек — распространенное имя раба. Эта поговорка означает: отпустить раба на волю после его смерти, т. е. совершить нечто бессмысленное. *Со мной расстанется — что камень со змеей*. Хосров сравнивает себя со змеей, а Ширин — с драгоценным камушком, который, согласно поверью, находится в голове змеи и который исцеляет от змеиных укусов. Смысл двустийшия: ты ничего не потеряешь, если расстанешься со мной. *Ведь шесть пределов мира есть* — см. прим. 32 («Шесть сторон»). *Петлю мускусной тоску я утолю* — задушу себя своими мускусными волосами. Хосров покидает Ширин и направляется в Рум. Венчание Хосрова с Мариам. *Осла завел на эту крышу* — идиома, означающая: поставить себя в трудное положение. *Сунуть хлеба в суму* — старинный обычай проводов гостя в дорогу. *Четырехкрылый орел* — конь. *Дракон* — меч. *Не стану говорить — о том сказал иной* — Фирдоуси в своей эпопее «Шах-наме». Завещание Михин-Бану. *Сном рока заячьим да лисьей повадкой*. Рок спит чутким сном, чтобы с кровожадной хитростью (подобно лисьей) внезапно напасть на человека. *Кинь горбуну стрелу*. Горбун — небосвод. Воцарение Ширин. *От Рыбы до Луны* — от земли до неба. Упреки Ширин Шапуру. *Сердолик* — здесь: прекрасные уста. Начало любви Ферхада. *Евклид* (315—255 до н. э.) — древнегреческий математик. *Встал пред широкой тканью*. Ширин говорила с Ферхадом из-за занавеси. *Два сахарных замка сняла Ширин с жемчужин*. Сахарные замки — губы, жемчужины — зубы. *И Пальма слабая те финики дала*, Чья сладость финики терзала, как игла. Т. е. стройная, как пальма, сладостная Ширин начала говорить и произносить такие слова, сладость которых могла бы вызвать зависть фиников. Хосров узнает о поездке Ширин. Гибель Ферхада. *Волк жертву нищего из стада унесет* — поговорка, означающая: сколько бы ни было в стаде овец, волк загрызет овцу бедного человека. *Кость глиняная* — земля. *Коврик кожаный* — нат (см. Словарь). *В песчинках... Несется Кей-Кубад иль мчится Феридун* — в пыли, поднятой вихрем, возможно, содержится прах некогда могущественных царей. *Не будь с сереброкудрой*. Сереброкудрая — седовласая, старая. *Ей не присыпать, нет, израненную руку*. Согласно поверью, рана, присыпанная землей, заживает быстрее. *Смерть Мариам. Как пальма шах расцвел, как дерево Марии* — см. в Словаре: Мариам.

Поездка Хосрова к замку Ширин под предлогом охоты. *С рукою у седла шел справа богдыхан.* В описываемые поэтом времена вельможи, отправляясь с царем куда-нибудь, некоторое время сопровождали сидящего на коне шаха пешком, положив руку на седло своих коней. Они садились на них лишь тогда, когда шах специальным знаком это позволял им. *И солнце молвило: «К ноге его прильну!»* А конь кольцо рабынь повесил на луну. Т. е. Хосров Парвиз был настолько прекрасен, что солнце хотело пасть ниц перед ним, а луна стала покорной слугой его коня. *И, растянув свой рот сверкающий, секира.* Секира — старинное оружие, топор с длинной ручкой и полулунным лезвием. В подлиннике это оружие называется «дурбаш», что в буквальном переводе значит: «удались, посторонись». С помощью этого оружия в описываемые времена царские стражники расчищали царю дорогу среди народа. *Метнула золото и распластала ткани,* т. е. в знак глубокого уважения на голову Хосрова посыпали золотые монеты и дорогу его устлали парчой и шелком. *Здесь тюрка нет, и речь ты выслушать готов ли и т. д.* Смысл этих слов таков: здесь белой госпожи, повелительницы нет, и с этой кровли с тобой говорю в качестве черной индийской рабыни. Ширин сожалеет об отъезде Хосрова. *Пусть он скажет о калыме,* т. е. назначит свадьбу. Свадьба Хосрова и Ширин. *Некиса и Барбед* — любимые придворные музыканты Хосрова. *К лицу прибавив семь искусных украшений* — хна, которой окрашивали кончики пальцев; басма, которой красили брови; румяна; белила; сурьма; золотая фольга; галие — смесь мускуса и амбры (ароматическое средство для волос). *Сементюрк, Хумаюн, Хумейла* — подруги Ширин. *Бузург-Умид* — мудрец и поэт, приближенный Хосрова. *Та крепость в Дизакне.* Слово Дизакне состоит из двух частей: диз (крепость) и Акне (название легендарной крепости в Арране). *Он в юных днях, — как я, постиг свою кончину,* т. е., как и автор поэмы, думал о смерти в молодые годы. *Наставления Ширин Хосрову о справедливости и знании.* *Напевов девяти внимая всем уладам.* По древним представлениям Востока, небо состоит из девяти сводов (или сфер). Семь из них — планетарные сферы (см. прим. к словам «Семь небес» на с. 750), а два находятся выше их. Под «напевами девяти небес» подразумеваются предопределения судьбы. Описание Шируйе и конца царствования Хосрова. *А тута деревца и треплют и трясут.* Если плоды граната никогда не сбивают с дерева, то ягоду тутового дерева собирают встряхиванием ветвей и при помощи палок. *Смерть Ширин в усыпальнице Хосрова.* *Хабешский негр во тьме, несущий камфару.* С эфиопским негром сравнивается ночь, а с камфарой — утро. Смысл сказа о Хосрове и Ширин. *Кыпчакский мой кумир.* Речь идет об Афак, первой жене Низами (см. вступ. статья, с. 12).

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Вступление. *Читая строки повести своей.* Под «повестью» поэт подразумевает свой «диван», сборник лирических стихов, который, как явствует из этих строк, к моменту написания поэмы в 1188 г. был уже завершен им. *Но к тюркским нравам непричастен*

двор, Нам тюркский неприличен разговор. По мнению исследователей (В. Дастгирди и Е. Э. Бертельса), поэт намекает (а он это делает неоднократно в своих поэмах) на известную легенду о султани Махмуде Газневи (999—1030) и поэте Фирдоуси (936—1120), который не получил обещанной награды за свою эпопею «Шах-наме». Однако этим отнюдь не исчерпывается смысл слов, вложенных в уста ширваншаха Ахсатана (1160—1196/97). Они имеют в виду «грубых» и «неотесанных тюрков» — атабеков Мухаммада Джахан-Пахлавана и его брата Кызыл-Арслана (подлинных правителей всего Азербайджана и значительной части бывшей Сельджукской империи), в вассальной зависимости от которых находился ширваншах. Сам Низами преподнес свою вторую поэму «Хосров и Ширин» Джахан-Пахлану и Кызыл-Арслану, обещавшим поэту большую награду. Однако по вине чиновников это обещание не было исполнено, о чем знал ширваншах Ахсатан, возводивший свой род к древней иранской династии Сасанидов и кичившийся своей родовитостью. По Низами, Ахсатан хотел сказать: «Мы высокородные цари и исполняем свое обещание, мы верны своим словам, не поступаем так, как поступили низкородные тюрки султан Махмуд по отношению к Фирдоуси и атабеки Джахан-Пахлаван и Кызыл-Арслан по отношению к тебе. Поэтому создавай подобающие нашему роду высокие, а не «грубые», «неотесанные», «тюркоподобные» слова». *В ухе рабское кольцо.* Во времена Низами рабам продавали в ухо кольцо. *Размер стиха как море.* Поэт обыгрывает слово «бахр», которое одновременно обозначает и «море», и стихотворный размер. Смысл двуступица: размер стиха по своей плавности подобен морю, где слова читаются так легко, как плавают рыбы. *Начало повести. От каждой крапинки индиго в нем.* Среди мусульманских народов существует суеверный обычай красить веки новорожденных индиго, чтобы уберечь их от сглаза. *Зовут ее, как ночь саму, — Лейли.* Имя Лейли по-арабски звучит почти так же, как слово «лайл» — ночь. О том, как Лейли и Меджнун полюбили друг друга. *Ножом себе царапали ладонь.* Намек на легенду о Юсуфе и Зулейхе, приведенную в Коране. По этому рассказу, жена известного вельможи Зулейха влюбилась в Юсуфа, но не добилась взаимности. В городе узнали о любви Зулейхи. Знатные дамы стали ее осуждать. Прослышав об этих разговорах, Зулейха пригласила женщин к себе, устроила пир и дала каждой из них по ножу и померанцу; затем она позвала Юсуфа. При виде его они пришли в необычайный восторг и в рассеянности порезали себе пальцы. *Его Меджнуном странным называл.* «Меджнун» буквально означает: «одержимый нечистой силой», «сумасшедший». Далее поэт придает этому слову чисто поэтический конкретный смысл: «одержимый любовью». *Плач Меджнун а.* «*Ла хауль*» — первые слова молитвенной формулы: «Нет мощи и нет могущества, кроме как у Аллаха». Эти слова часто произносятся при виде чего-либо необычайного, страшного, для выражения ужаса и т. д. *Имена дочь... Звезда моя!* — см.: Сухейль в Словаре. *Зачем же косы цепью обвивают* и т. д. На мусульманском Востоке существовал обычай сажать сумасшедших на цепь. Здесь Меджнун хочет сказать: «Ведь это я безумец, эти цепи (косы), которые обвивают твоё чело и змеями бегут по твоей талии, больше подошли бы мне». *Согнулись ноги, как два тонких «эль», И руки, словно «и», сломались криво.* В арабской графике буквы «эль» (лам) и «йа» (и) имеют изображение двух сильно изогнутых кривых. Имя «Лейли» состоит из двух «л» и двух «и». Меджнун хочет сказать, что начертание

имени Лейли олицетворяет его облик. Отец везет Меджнуна в храм Каабы. *Схватись же за кольцо священной Каабы.* Согласно поверью, молитва человека будет услышана богом, если он возьмется за дверное кольцо священного храма Каабы. Чувства Лейли. *Семь небес* — см. прим. на с. 750. Лейли в саду. *Ненюфары* — водяные растения семейства кувшинковых. Вторая битва Ноуфаля. *А он чужой мирволил стороне*, т. е. помогал противникам. Венчанье Лейли. *Клыкам дракона юная луна.* По поверью мусульман, во время лунного затмения небесный дракон поглощает луну. Под этим иносказанием подразумевается насильственный брак Лейли. Меджнун получает письмо Лейли. *Венец кудрей был словно буква «джим», Стан — словно «алиф», губы — словно «мим».* Буква «алиф» изображалась в виде вертикальной линии — с ней часто сравнивался прямой, стройный стан. Буква «мим», имеющая дугообразное начертание, часто сравнивалась с изящным маленьким ртом женщины. Буква «джим», изображающаяся в виде кривой дуги, сравнивалась с выющимися локонами.

СЕМЬ КРАСАВИЦ

О причине составления книги. *Прибыло ко мне посланье тайное царя.* Низами говорит о заказчице поэмы «Семь красавиц» Ала ад-Дине Корпа-Арслане (1174—1208), правителе Мараги. *Семь невест* — семь планет. *Ты Стрельца и Скорпиона людям отнеси.* Это — злой Махмуд и вечный светоч Фирдоуси. По преданию, Фирдоуси написал сатиру на султана Махмуда Газневи (999—1030), который неодобрительно отнесся к его эпосе «Шах-наме». Низами уподобляет их отношения созвездиям Стрельца и Скорпиона, которые, по учению астрологов, всегда враждуют друг с другом. Восхваление слова и несколько слов о мудрости. *Прокисло молоко.* Широко распространенная поговорка, означающая: «Кто скажет про свое молоко, что оно кислое?» *Блажен себя познавший.* Тот, кто познает себя, обретет бессмертную душу. *Сколько бы ячменных зерен птицам ни скормить* и т. д. Образ вечности: птица без крыльев сидит у амбара и клюет по одному зерну в год. *Дракон на кладе.* По поверью, клады сторожат драконы. *От змеи противоядье — в позвонке змеи.* См. прим. к гл. «Хосров умоляет Ширин», с. 755. *Из-за трех монет фальшивых* — из-за трех золотых тычинок. *Что есть золото? Два знака* и т. д. В арабской письменности персидское слово «зар» (золото) состоит из двух букв «з» и «р», которые даются в неслитном написании. *Время синюю одежду на себя надеть.* Синий цвет — цвет траура. *Три носильщика смиренных служат у тебя. Четверо рабов бессменных.* Три носильщика — минералы, растения и живые существа; четыре раба — четыре стихии (воздух, вода, земля, огонь). *Если букву «йа» отбросить, означает — «медь».* Персидское слово «сим» (серебро) в арабской письменности передается буквами «с», «йа», «м». Если отбросить букву «йа», то из оставшихся букв образуется при их перестановке слово, означающее «медь». Начало повествования о Бахраме. *На небес весах две чаши есть.* Подразумевается зодиакальное созвездие Весы, которое, по поверью, либо приносит счастье (жемчуг), либо невзгоды (камни). *Двухцветный мир* — черный (ночь) и белый (день). О по-

строении Хаварнака... Он из рода Сима и т. д. Низами здесь дает народную этимологию имени Симнар; на самом деле имя Симнар (Синнимар) — вавилонского происхождения и восходит, по всей вероятности, к имени древнего божества вавилонян Син. *Опоясывали небо девять сфер вокруг*. См. прим. на с. 750 («Семь небес»). *Гурия завязывала очи полотном*. Т. е. купол был настолько прекрасен, что он ослеплял глаза гурий. *Будет семисводным — словно небеса*. См. прим. на с. 750 («Семь небес»). Описание дворца Хаварнака и исчезновение Нумана. *Хаварнак светил, и рядом с ним светила Бахрам*. Бахрам одновременно является персидским названием планеты Марс. Поэт обыгрывает омонимичность этого имени. *Ход двенадцати созвездий и семи светил*. Речь идет о двенадцати созвездиях, Солнце, Луне и пяти известных тогда планетах. *Засуха и милосердие Бахрама*. Если б в Исфахан из Рея двинулся слепец и т. д. Поэт подчеркивает большую площадь, занятую домами, так как Исфахан находится на юге Ирана, а Рей — в пределах современного Тегерана. *Телец владычествует на небе с Зухрой*. По мусульманской астрологии, когда планета Зухра (Венера) входит в зону созвездия Тельца, год бывает счастливым. Описание семи дворцов. *В дни, когда — в венце Кубада* и т. д. Т. е. шах Бахрам, достойный преемник Кей-Кубада, превзошел в своем величии Кей-Хосрова. Индийская царица. *О чем горюешь, слиток серебра?* и т. д. Так как серебро, не подвергнувшееся очистке, — черного цвета, оно сравнивается с печалью. *Как вода живая, в вечном мраке заключен*. В «Искендер-наме» Низами рассказывает, что источник живой воды находится на севере, в стране вечного мрака. *Амброй оросилась ночи камфара* — день, подобный светлой камфаре, сменился ночью. *Ты — Тюркназ, что значит — Нежность*. Я — *Набег-Тюрктаз*. Оба имени тюрко-персидские. Тюркназ обозначает: нежащаяся тюрчанка, а Тюрктаз — нападающий тюркок. *Пусть Шебдизова подкова полегит в огне*. Чтобы вызвать любовную страсть, подкову от обуви клали в огонь в качестве приворотного средства. *Если в сеть поймаешь рыбу в глубине пруда, То луну поймать рукою можно не всегда*. Непереводимая игра слов: на фарси «рыба» и «луна» звучат почти одинаково. *Бесновался... словно одержимый в новолунья день*. По поверью, эпилептики подвержены очень сильным припадкам в дни новолунья. *Руку эту зависть гурий мне поцеловала*, т. е. Тюркназ, чья красота возбудила зависть гурий. *Пальмою ты обладаешь*. С пальмою сравнивается стройный стан. *Душа, ты видишь, подошла к губам* — душа готова расстаться с телом. *В мрак ушла я с Искендером за живой водой* — облачилась в черное; эпизод сошествия за живой водой описан Низами в «Искендер-наме». *Черный должен быть покров*. Черный цвет — знак аббасидских халифов и сельджуков, считавшихся их вассалами. *Черный цвет прекрасен — это лучший из цветов*. Поскольку любой цвет можно перекрасить в черный, а черный нельзя ни в какой, постольку он является самым ценным. *Туркестанская царица*. «Скрижаль Запоминанья». Скрижаль (Лаух ал-Махфуз), которая хранится на небесах в божественном чертоге и на которой предначертана судьба всех людей. *От Рыбы все и до Луны* — от земли до неба. *Не из печи ли старушки мне потоп грозит?* По мусульманской легенде, всемирный потоп начался в г. Куфе в Ираке в печи какой-то старушки. *Надо мной сегодня Солнце подошло к Тельцу*, т. е. наступила весна — в это время Солнце визуально наблюдается в зоне созвездия Тельца. *Глина це-*

нится, что, словно золото, желта. Желтая глина считалась самой ценной — ею пользовались для мытья в бане. Магрибская ц а р е в н а. «Глоток халифа» — название фруктового плода. *Играют криво* — это выражение означает: мошенничать в азартной игре или фальшивить при игре на музыкальных инструментах. *Будь сегодня ремненогом*. Ремненог — нечистая сила, джинн в облике беспомощного старика, который не может стоять на ногах, ибо ноги у него в виде ремня или плети. Он прикидывается беспомощным и просит путников донести его до источника воды. Взобравшись на спину сердобольных путников, он обвивает их своими ремнями-ногами и гоняет по пустыне до тех пор, пока те не падают замертво. *Растирал сандал*. Т. е. любуюя красавицами, Махан ерзал по дереву, растирая его. Растертый сандал — средство от головной боли. *Змеиный камень*. См. прим. к гл. «Хосров умоляет Ширин», с. 755. *В синей был одежде*. У мусульман траурный цвет — темно-синий. *Цветок лазурный* — лотос. *Иранская ц а р е в н а*. *В пятом знаке зодиака белая Зухра* Пять поклонов пред Бахрамом отдала с утра. Зухра — Венера, Бахрам — Марс. Сближение Марса и Венеры в «пятом знаке зодиака» соответствует месяцу Мурдаду: с 22 июля по 22 августа. *Напали зинджи на Хотан* — метафорическое изображение наступления ночи. *Когда сурьмой небесной сумрак обострил*. Согласно средневековой медицине, сурьма обостряет зрение. В данном контексте эта фраза означает: когда на темном небе взошла яркая луна. *Дракон у каждой девы охраняет клад*. Согласно поверью, клад охраняется драконом. Здесь дракон — локон, а клад — лицо. *Яблоки он и гранаты видел*. Яблоко — подбородок, гранат — грудь. *Ручей Ширин молочный*. В сказании о Ферхаде и Ширин повествуется, что по каналу, прорубленному Ферхадом во дворец Ширин, потекло молоко с пастбищ, где его собирали. Завершение дел Бахрама и исчезновение его в пещере. *Скрылся в капище подземном, словно Кей-Хосров*. Кей-Хосров, один из мифических царей древнего Ирана и главных героев «Шах-наме» Фирдоуси, чувствуя приближение смерти, удалился на высокую гору и там таинственно исчез. *В мозгу змеи — змеиный камень заключен*. Т. е. загадка исчезновения Бахрама подобна тайне местонахождения в голове змеи змеинного камня, который служит противоядием против змеинного же укуса. *Ты — четыре чашки с краской*. Четыре чашки в средневековой мусульманской медицине метафорически обозначали кровь, флегму, желтую и черную желчь. На основе этого учения выводились и характеры людей: преобладание в теле крови делает человека сангвиником, желчи — холериком, черной желчи — меланхоликом, а флегмы — флегматиком. *Хоть четыре дымохода в хижине — тесна*. Под хижинкой поэт подразумевает этот мир, который состоит из четырех стихий: воды, воздуха, земли и огня. *С семи великих поясов земных*. О семи поясах см. прим. 32.

ИСКЕНДЕР-НАМЕ

1. Книга о славе

О причинах сочинения книги. *Словно данную утренним просьбам в ответ*. Т. е. прекрасная ночь была дарована в ответ на молитвы в час рассвета, которые особенно угодны Аллаху. *Быть им всё же с печатью дневного светила*. Сколько бы плагиаторы не

похищали стихов у Низами, они все равно будут отсвечивать блеском его дарования. Притча. *Тем, кто в склад мой проникнуть пытается* и т. д. Низами осуждает поэтов-плагиаторов, предупреждая, что время разберет, кто самобытный мастер, а кто похититель чужого добра. О своем положении. *Шатер семикрасочный твой* — небо, состоящее из семи сфер (см. прим. к словам «Семь небес» на с. 750). *Был красив кипарис* и т. д. Здесь и далее поэт говорит о себе. *Дождь седой калфары*. Намек на седину и преклонный возраст поэта. Начало рассказа и изложение истины о рождении Искендера. *Он был правнук Исхака, который рожден Был Якубом*. Родословная Александра Македонского, которую Низами возводит к легендарным библейским патриархам Исааку (Исхаку) и Иакову (Якубу), носит баснословный характер. *Старцы Рума составили книгу свою Про отшельницу*. Подразумевается какая-то легенда о тайне рождения Александра, известная Низами, но не дошедшая до нас. *Запись... Что составил приверженец веры святой*. Речь идет об эпосе «Шах-наме» Фирдоуси, также содержащей описание подвигов Искендера. *Повествует проживший столь множество дней*. Низами имеет в виду себя и свой взгляд на происхождение Искендера. *Вступил в свой шестой, полный славою дом*. Восточная астрология учила, что каждая планета имеет «дом падения» и «дом подъема». Если планета находится в своем «доме» или на подъеме, она предсказывает успех. Здесь говорится о положении светил, благоприятном для Искендера. *Семь вещали планет*. См. прим. к словам «Семь небес» на с. 750. *Славя месяц душистый*. «Душистый месяц» — май, с которым сравнивается новорожденный Искендер. *Обученик Искендера*. *Взял чертеж, т. е. каббалистическую таблицу, с помощью которой производилось гадание, основанное на вычислении шифрового значения букв арабского алфавита и определении соответствующих им цветов (красная буква — победа, черная — поражение, зеленая — ничья)*. *Древо с шестью сторонами четыре Держит корня*. Мир, имеющий шесть измерений (верх, низ, переднее, заднее, правое, левое), состоит из четырех первоэлементов (земля, вода, воздух, огонь). Искендер восходит на трон отца. *И другой, что звался Справедливым*, — Хосров Ануширван, прозванный Справедливым, правитель древнего Ирана (531—579). Возвращение Искендера после победы над зинджами. *Даурогий* — прозвище, под которым Александр Македонский упоминается в Коране. *Этот город воздвиг, — потому Имя царское так подходило ему*. Подразумевается основанный Александром г. Александрия (Искендерие). Дарий требует от Искендера дань. Ответ Искендера. *С его именем нету на свете монет*. Лишь те цари, которые считались независимыми, могли чеканить монету с собственным изображением. Дарий обзуждает со своими вельможами действия против Искендера. *Он звался Ферибурз: в этом имени честь*. В этом имени две части: одна (ферр, фарр) означает величие, сияние над головой венценосцев, вторая (бурз) — высоту, богатырскую мощь. *С чашей вещью взять Кей-Хосрова престол*. По легенде, у иранского царя Кей-Хосрова была волшебная чаша, перешедшая к его наследникам. Она обладала свойством показывать все, что произошло или произойдет в мире. Бой Дария с Искендером при Мосуле. *Когда принял фагфур день пришедший* и т. д. Фагфур — титул китайского императора, здесь: солнце. *Динар* — луна, *жемчуга* — звезды. В стихах метафорическое изображение наступления утра. *Высь была на земле*,

а земля — в небесах. Метафорическое описание: пыль от сражения поднялась до неба, а шлемы воинов на земле сверкали подобно звездам. *Зиндж камень собрал* и т. д. Когда наступила тьма (зиндж), на небе показались звезды и солнце (фагфур) зашло. *Засверкал апельсин* — взошло солнце. Победа Искендера над Дарием и смерть Дария. *В небе горячий лаваш* — солнце. *Наземь Дарий повергся*. В описании гибели Дария у Низами совершенно другая последовательность исторических фактов. Дарий III был наголову разбит войсками Александра Македонского, после чего бежал и оказался в полной зависимости от своих сатрапов, которые, когда их стал преследовать Александр, убили царя. По приказу Александра, Дарий с почестями был похоронен в Персеполе. И лишь позднее, когда один из сатрапов Дария, обьявивший себя персидским царем, попал в руки Александра, он был казнен. *Мне на тающем льду написал про шербет*. Т. е. сладкие мои надежды не сбылись. *Роушенек* — Раохшна, прозванная греками Роксаной. Историческая Роксана была дочерью сатрапа Бактрии Оксиаста. Другую жену Александра звали Статирой (или Барсине), которая действительно была дочерью Дария III. *«Башня молчанья»* — место захоронения у зороастрийцев, которые тела умерших оставляли на башнях за чертой города — в добычу птицам. *«Человек» или «смерть»? Ты на буквы взгляни*. По-арабски слова «люди» и «я умер» пишутся одинаковыми буквами. Бракосочетание Искендера с Роушенек. *Чтоб кораллы на синем пылали* — чтобы цвет траура (синий) сменился праздничным (алым) цветом коралла. *Разорвав ожерелье дневного светила, Мгла вечерняя яхонт в ладони схватила, Буйсхакскою всё же пленяет бирюзой, За него отдала она пламенный свой*. Метафорическая картина наступления ночи: вечерние лучи сравниваются с яхонтами, из которых состояло ожерелье солнца, поменявшего их на бирюзу самого лучшего сорта, которая добывалась в местечке Буйсхак около г. Нишапура в Иране. Пламенный — яхонт. Т. е. с затуханием вечерней зари небо окрасилось в бирюзовый цвет. *И велел привести он прекрасную в сад* и т. д. Искендер велел жене Дария привести свою дочь Роушенек в сад, ибо она вырастила такую прекрасную, подобную чудесному саду роз, дочь. *Пояс царский украсит его голова*. Если Роушенек сделает другой выбор и откажется стать женой Искендера, то ее избранник лишится головы. *Горьких розовых слез нес он страстным угрозу*. Т. е. лик Роушенек своей красотой превосходил розы и заставлял страдать. *Стал светлей он от Светлой*. Поэт обыгрывает здесь значение имени Роушенек, которое означает: «светлая». *Склоняя свой клюв*. Подразумевается кувшин с петушиным горлышком. *Царь семи областей* — царь всего мира или семи икlimов (см. Словарь). Повествование о Нушабе: *«Белый сад» переполнен цветами*. Речь идет о знаменитом «Белом саде» города Берды, который славился своей красотой. *Но Берда ниспровергнута*. В 943 г. город был захвачен и сожжен русами (см. Словарь). *А по крови она чище лучших жемчужин*. В оригинале игра слов: «гоухар» означает «род», «племья», а также «жемчуг» или «драгоценный камень». *«Алхимиков камня»* — так называемого «философского камня», который, как считали алхимики, мог превращать в золото обыкновенные металлы. *Сумрак ночи, Шибдиз... Был подкован подковами дня золотыми* — настало утро: черный конь Шибдиз осветился лучами, которые исходили от золотых подков. *Семь небес* — см. прим. к этим словам на с. 750. *Одолою тебя, я ведь шаха запру*. Т. е. закрою тебя, царя мира, как короля

в шахматах. *Подземные... Рыба и Бык* — мифические Рыба и Бык, держащие Землю. *Шар игральный у дня ночь взяла* и т. д. Шар игральный — мяч для игры в човган (см. Словарь), с которым поэт часто сравнивает солнце. *Серебряных шариков реял пожар*. Серебряные шарики — звезды. *Лишь лепешки одной*. Лепешка — здесь: солнце. *От Рыбы до Луны* — от земли до неба. *Столетний коралл* — красное старое вино. *В пламень бросить подкову* — см. прим. к гл. «Индийская царевна», с. 759. *Черный соболь неожиданно стал рыжей лисой* — ночь сменялась днем. Искендер дает прощальный пир Нушабе и размышляет о новом походе. *Водолею промолвило Солнце: «Уйду»* и т. д. Солнце из сферы созвездия Водолея перешло в сферу созвездия Рыб, т. е. наступила зима. *Камфара, закрутясь, — о, кудесников чары!* *Порождала жасмины*. Камфара — снег, который, крутясь, ложился на чинары и делал их белыми, как жасмин. *Злобный ветер прорвал барабан соловьиный*, т. е. соловьи умолкли из-за сильного ветра. *В табархун обратился весенний эбен*. Все темное, напоминающее черный эбен, стало красным подобно табархуну. *Буртас* — здесь: красная ткань, которую изготовляло племя Буртас. *Новый Джемшид за здоровье Луны* — Искендер, пивший за здоровье Нушабе. *На славянские деньги поставлю чекан*, т. е. завоюю земли славян. Рассказ о художнике Мани. Пребывание Искендера в Китае. *Царь с хаканом сружались*. Китайский хакан без войны призвал себя подданным Искендера. *Всем народам, всем царствам — кыбла*, т. е. Искендер — тот человек, которому поклоняются все народы. *С препоясанным станом* — см. прим. 6. *Послушанья кольцо в свое ухо продел* — признал себя рабом Искендера. *Влажной тучи навес для рожденья жемчужин*. См. прим. 31 («Каплями дождинок»). Прибытие Искендера в область русов. В главе «После возвращения Искендера из Китая» (опущенной в наст. изд.) рассказывается о том, как Искендер узнает от правителя Абхазии Дувзла о нашествии русов на Арран, о разгроме ими Дербенда и Барды и о пленении царицы Нушабе. Искендер решает сокрушить могущество русов и вызволить из плена Нушабе. *Кинтал*. Во всех дошедших текстах Низами и его переводах на другие языки вождь этой дружины носит имя «Кинтал-Рус». Однако комментатору удалось установить, что в оригинале было слово «Кинииз-е Рус», что означает: «русский князь». *Бурнопламенный Фур тотчас съел камфары*. «Съест камфары» — идиоматическое выражение, означающее: «струсить». Искендер вступает в боренье с племенами русов. *Киноварь* — ярко-красная краска. *Продавец жемчугов* — Низами. *Рыбу подземную бросило в страх* — мифическую Рыбу, которая служит опорой для Земли. *Бык небесный* — олицетворенное созвездие Тельца. *И Платон перед ним не Платон — Филатус*. Точно не установлено, о каком Филатусе идет речь (может быть, о персонаже поэмы Унсурн «Вамик и Азра»), но смысл стиха ясен: сопоставляются несравнимые величины. Кинтал-Рус поражает гиланского вождя Зериванда. *От намаза полудня до третьей молитвы* — после полудня, от второй до третьей молитвы. Появление неизвестного всадника. *Рассыпался прахом индийский сандал*, т. е. богатырь Хинди, который носил имя, созвучное с Индией, откуда привозили сандал. *От Рыбы поднявшись до самой Луны*. См. выше прим. на с. 754. Искендер действует арканом. Необычный пленник приносит Искендеру Нистандарджихан. *Всадник внес крокодила*, т. е. поднял

меч. *От Малика бежавшая к розам Ризвана*, т. е. из ада в рай. *Я с ухом проколотым*. Для отличия от свободных людей рабам вставляли в ухо кольцо. Освобождение Нушабе и примирение Искендера с Кинталом. *Миткаль* — бумажная ткань. *Векша* — белка. *Тороватый* — щедрый. *Вмиг Дувала ремень вокруг нее завязала*. В оригинале неполная омонимия: имя правителя Абхазии Дувал созвучно слову «дэвал» (ремень).

II. Книга о счастье

Сказание об Искендере и мудром пастухе. *Обладал он Луной*, т. е. луноликой возлюбленной. *Пурпур тронной ограды*. Во времена поэта перед царской палаткой, разбитой вне города, устраивали ограду из щитов, которую обивали красным полотном. *Он пред мощным стоял Искендеровым валом*. Искендеров вал — описанная поэтом во второй части поэмы великая китайская стена, якобы построенная Искендером против диких племен Яджудж и Маджудж (Гогов и Магогов). Здесь высота царской палатки (дворца) сравнивается с этой стеной. Сказание об Архимеде и китаянке. *Как рабыня индийская, скрылась тоска*, т. е. исчезла темноликая тоска. *Почему разнородность господствует в мире? Семь отцов у нее, матерей же — четыре*. В этом мире все живое порождено четырьмя противоборствующими стихиями (земля, воздух, огонь и вода) и семью небесными светилами, которые не могут найти между собой общего языка, ибо Марс любит восвать, Венера стремится к веселью и музыке и т. д. Поэт обосновывает свой взгляд о вреде многоженства, широко распространенного в его время. *Красотой, как ладьей*. Речь идет о жене поэта Афак (см. вступ. статью, с. 12). В стихе омонимический образ — слово «рух» означает: «лик», «лицо» и «ладья», а слово «пийаде»: «пешка» и «спешить». Смысл стиха таков: она своим ликом-ладьей превращала луну в пешку. *Прямо к шаху коня подвела* и т. д. Поэт намекает на историю Афак с правителем Дербенда, который добивался близости с ней, но это ему не удалось. Смысл стиха таков: она своим благожением объявила «мат» шаху. *Потерял я навек мне дававшую сладость* и т. д. — о смерти Афак, умершей незадолго до работы над поэмой «Хосров и Ширин». *Я другой самоцвет отдал мраку земли*. Речь идет о смерти второй жены Низами, которую он потерял в период работы над поэмой «Лейли и Меджнун». *Ризвану я дал новобрачную снова*. Поэт похоронил и третью жену. Создание Платоном напевов для наказания Аристотеля. *Приотился он в бочке*. Еще задолго до Низами мусульманская традиция сливает легенду о древнегреческом философе Диогене (414—323 до н. э.), который будто бы жил в бочке, с Платоном. *Харут и Зухра в нескончаемом споре*. Т. е. властитель небесных звуков Платон оспаривает небесную покровительницу музыки Зухру (планету Венеру). Рассказ о перстне и пастухе. Рассказ о пастухе-невидимке, вложенный Низами в уста Платона, восходит к аналогичной легенде, содержащейся во второй книге «Государство» Платона. Отношение Сократа к Искендеру. *Звуков шелковых жду* и т. д. В старину струны музыкальных инструментов делали из специального сорта шелка и на шелке же рисовали художники

свои произведения. В живописи особенно славился румийский, т. е. византийский белый шелк. *Вокруг меня будут одни «пошел-воны».* «Пошел вон» — буквальный перевод идиоматического выражения, означающего: «придворные холоуи». *Снял с жемчужин покров — где им сыщется мера?* Т. е. обнажив глубокий смысл слов, равных по ценности жемчужинам, посланец начал обогащать знания Искендера. *Ты ушей не зальешь оглушающей ртутью.* Ртуть, влитая в уши, лишала человека слуха. *Ад всем замыслам черным — пособник не-лживый. Но ведь зиндж, государь, продавец несчастливый.* Дурные помыслы, «телесная муть», низменные страсти сродни аду, подобному по своему цвету зинджам, которые тоже несчастливы и редко бывают удачливыми купцами (зинджи в древние времена часто обращались в рабство). *Черным зинджем не стань... Только помни, о царь, их сверкающий смех.* Т. е. пусть душа твоя стремится стать белой, чистой от всякой скверны низменных страстей. *Если черным ты стал, ты сгори, словно ива, Ею зиндж побелил свои зубы на диво.* Т. е. если твоя душа стала черной, то лучше сгореть, чтобы очиститься от телесной мути, — ведь ива, сгорая, превращается в уголь. Толченый ивовый уголь во времена поэта употреблялся в качестве зубного порошка. *Некий черный в железо посмотрится.* В данном случае имеется в виду зеркало, сделанное из железа для Искендера. Этот эпизод присутствует в начале поэмы. *Хоть завесу ты можешь убрать от оконца, Свет, идущий в оконце, зависит от солнца.* Перевод неточен. В оригинале: «Тебе надлежит удалит от оконца сердца завесу, и тогда в это оконце проникнет свет солнца». Т. е. если очистить сердце от мути, то туда обязательно проникнет божественный свет мудрости. *Будь лишь духом на пире, не знающем зла, и т. д.* На пир благородной, подлинной жизни допускаются лишь те, кто избавился от телесных страстей. *Для престола царя даже яростный лев.* Имеются в виду украшения трона в виде изваяний львов. Прибытие Искендера в северные пределы и постройка вала, ограждающего от народа Яджудж. *Шелком саза, для слуха.* Под словом «шелк» имеются в виду струны, которые в те времена делали из витых шелковых ниток. Смысл двустичия: мастерской игрой на сазе сделай меня своим рабом. *Солнце проникло в созвездие Льва.* Солнце находится в созвездии Льва с конца июля по 22 августа. *Жало ветра еще не впускал Скорпион.* Солнце входит в пределы созвездия Скорпиона в октябре, когда начинаются холодные осенние ветры. *В песьи дни — в июле и августе: в эти месяцы Солнце вступает в зону созвездия Пса. Книга царей — «Шах-наме» Фирдоуси. За клинание, обращенное к матери, и смерть Искендера. Бубенцы. . . Отправленья нельзя превозмочь.* О метафорическом смысле каравана, уходящего в путь под звон бубенцов, см. прим. 31. *На милость Питателя взор обрати, т. е. на бога. Звезды, молвивши всем: «На деяньях — запрет» и т. д.* Звезды приказали всем: «Конец дневным работам», и, словно гвоздями, забили двери дневного света. *Расщепил он умело добротный тростник.* Писец очинил тростниковое перо (калам) и устремился в небесные дали, чтобы черпать там вдохновение. *Пишет царь Искендер к матерям четырем.* Искендер сравнивает свою мать с праматерью всего бытия, которая состоит из четырех стихий (вода, воздух, земля и огонь). *Хоть уж яблоко красное пало и т. д.* Если умирает Искендер (красное яблоко), то нет смысла убиваться матери (апельсину). *Мчусь я в восемь садов — в восемь райских садов. Стало с горестным стоном царапать ногтями,* т. е. убиваться в горе. *Звезды*

ногти остригли в печали. В знак печали и траура мусульмане остригали ногти. Птица быстрая — душа Искендера, унесшаяся в потусторонний мир. Камфарою, окутанной шелком. Камфару носили в шелковых мешочках. Там, в краю Искендера — в городе Александрии (в Египте). И конца этой нити вовек не найти — нельзя постичь смысл рождения и смерти. Пристанище цвета сурьмы — имеется в виду небо. Ведь безмолвная рыба избегла ножа. По мусульманским обычаям, рыбу нельзя резать ножом. В бурю дня правосудья. Подразумевается день Страшного суда. Снизу — сумрачный прах, сверху — блестящий пар. Земля и вода — стихии противоположные. Если в гости к себе приглашает Султан. В данном случае Султан — бог.

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

- Аббасиды* — династия арабских халифов (749—1258).
- Абу-Бакр* — см. халиф.
- Абу-Дулаф* — см. Асади.
- Авеста* — священная религиозная книга зороастрийцев (см. Зардушт).
- Аджам* — все неарабские страны, входившие в состав средневекового халифата (см. халиф). Этим словом чаще всего обозначался Иран.
- Айары* — особая прослойка городской бедноты, имевшая свою организацию и ставившая своей целью помощь беднякам за счет богатых. Из этих деклассированных элементов формировались отряды для «священной войны против неверных» или стражники для охраны границ от посягательств соседей-иноверцев. Айар — также синоним ловкости и хитрости.
- Айван* — крытая терраса перед домом или портик дворца, приемный зал, отделенный от двора лишь аркой.
- Аланы* — ираноязычные племена, обитавшие во II—IX вв. в Приазовье и Предкавказье, возможные предки современных осетин.
- Алиф* — первая буква арабского алфавита, изображается в виде прямой вертикальной линии; в поэзии — символ стройности.
- Алмагест* — распространенное в средние века название главного труда античного ученого Птолемея Клавдия (II в.) «Сочинение, или Математическая система», известное на Востоке также под названием Меджисте (от греч. «магисте» — величайшая).
- Алоэ* — алойное благовонное дерево, которое во времена Низами привозили чаще всего из Индии. Его сжигали в курильницах.
- Альбурз* — горный хребет, огибающий южный берег Каспийского моря, где он и получает название Альбурз; его высшая точка — потухший вулкан Демавенд (см.), у подножья которого расположен г. Тегеран.
- Амбра* — благовонное вещество, широко применявшееся на Востоке. Добывается из желудка и кишечника кашалота.
- Амириты* — европеизированное название арабского племени Бени Амир.
- Анка* — огромная мифическая птица, которую нельзя видеть; синоним всего невидимого, нематериального.

- Ануширван** — буквально: бессмертный; прозвище иранского царя из династии Сасанидов Хосрова I (531—579). После него царствовал Ормуз (579—590), а после Ормуза — прототип героя «Хосров и Ширин» Низами Хосров II Парвиз (590—628). При Ануширване была произведена опись всех земель и были установлены точные размеры налогов, до него взимавшихся произвольно, за что этот царь прозван Справедливым.
- Анхарак** — гора Кяпаз, расположенная в 35 км от Гянджи. В 1139 г. часть этой горы рухнула и загородила ущелье, в результате чего образовалось горное озеро Гёк-Голь.
- Аргаван** — распространенное на Востоке дерево или полукустарник с ярко-красными цветами; называется также «Иудиным деревом»; синоним багрового или пурпурного цвета.
- Аржанг** (Эрженг) — священная книга манихейцев (см. Мани), которая будто бы была украшена прелестными миниатюрами с многочисленными изображениями красивых лиц. Аржанг — символ всего прекрасного, изящного.
- Аристотель** — древнегреческий философ (384—322 до н. э.), ученый-энциклопедист, воспитатель Александра Македонского. Известен на Востоке под именем Арасту.
- Арш** — мера длины, примерно соответствующая русскому аршину.
- Арран** — древнее название западной части современного Азербайджана; столицей этой области были Барда (см.), а затем Гянджа, родина Низами. В средневековой географии Арран и Армения зачастую рассматривались как одна страна.
- Асади** (XI в.) — персидско-таджикский поэт, автор поэмы «Гершасп-наме», которая была преподнесена Абу-Дулафу, правителю Нахичевани.
- Аспид** — черный сланец, отделочный материал, использовался для письменных досок.
- Афрасияб** — легендарный туранский (см.) царь, патриарх тюрков; его войны с иранским царем Кей-Хосровом (см.) подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.
- Ахриман** (Ариман) — имя злого духа древнеиранской дуалистической религии. Ахриман — создатель зла на земле, враг человека, находящийся в постоянной вражде с богом добра Ормуздом (Ахурамазды).
- Ахсатан I** (1160—1196/97), сын Манучихра — ширваншах, правитель феодального государства Ширван в Сев. Азербайджане.
- Аят** — стих в Коране; его текст подразделяется на сурь (главы), а последние состоят из стихов.
- Бадахшан** — в средние века обширная область, охватывавшая юго-восток Памира (ныне Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР) и горные районы северного Афганистана. Там добывали драгоценные камни — гранаты. В стихах Низами губы красавицы часто сравниваются с «бадахшанскими ладами», т. е. гранатами чистой воды.
- Базахран** — см. Бахарзан.
- Базилик** — см. рейхан.
- Бакан** — лаковая краска.
- Барбат** (барбет) — восточный струнный музыкальный смычковый инструмент; лютя.
- Барда, Бердаа** — в X в. главный город Аррана (см.). В 943 г. был разграблен и сожжен русами (см.) и с тех пор утратил свое

значение. Развалины его находятся недалеко от г. Барда Азербайджанской ССР.

Басма — растительная черно-зеленая краска для волос и бровей.

Бахарзан — местность в Армении.

Бахман — сын Исфендиара (см.), персонаж «Шах-наме» Фирдоуси (см.); после смерти отца захватил в Иране престол и отомстил потомкам Рустама (см.).

Бейт — двестише.

Бек — титул знатных и богатых людей.

Берберийцы — берберы, жители Северной Африки.

Бижен — один из персонажей «Шах-наме» Фирдоуси (см.). В наказание за любовь к дочери туранского царя Афрасиаба (см.) прекрасной Маниже, был посажен в глубокий колодец.

Билаль — легендарный муэдзин (см.) пророка Мухаммада родом из Эфиопии (Хабеша).

Билкис — жена царя Сулеймана (см.), библейская царица Савская.

Бисутун — скала у дороги из Хамадана в Керманшах (северо-западный Иран). По приказу Дария I (V в. до н. э.) на ней были высечены клинописная надпись и рельефные изображения, которые связывались с легендой о Ферхаде. В этом же районе находятся развалины шахского дворца, известные под названием «Замок Ширин».

Булинас Румийский — Аполлоний Тианский, философ-неопифагорец, математик (ум. ок. 100 г.), много путешествовавший по всему Востоку. Легенды о нем как о маге, заклинателе, чарошее были широко распространены на Востоке.

Буртасы — племя, обитавшее в низовьях Волги, тюркского или финно-угорского происхождения.

Бухари — Мухаммад ибн Исмаил ибн Ибрахим (810—870), бухарский богослов и ученый; прославился тем, что собрал подлинные предания (хадисы) о пророке Мухаммаде и назвал свой труд «Ал-Джами ас-Сахих» («Достоверный свод»).

Вазир (везир, визирь) — главный советник шаха, первый министр.

Ваш — город в Туркестане, области, расположенной к северу от Ирана и в древности заселенной восточноиранскими, а позже тюркоязычными народами.

Ваши — буквально: происходящий из города Ваш (см.); так назывался высококачественный шелк, производящийся в Ваше.

Вир — водоворот.

Вис — главная героиня поэмы «Вис и Рамин» персидского поэта Фахр ад-дина Гургани, написанной между 1048 и 1056 гг. Ее сюжет парфянской повести о любви царицы Вис к брату царя Рамину.

Гавриил — см. Джабраил.

Газель — небольшое лирическое стихотворение, построенное на монорифме (аа, ба, ва и т. д.); второе значение слова «газель» — вид антилоп, отличающихся стройностью и быстротой бега.

Газна — средневековый город, столица султана Махмуда (999—1030), основателя династии Газневидов; развалины Газны находятся около г. Газнин в Афганистане.

Гебры — распространенное и поныне в Иране мусульманское назва-

ние зороастрийцев. Низами называет гебрами также индийских огнепоклонников, незороастрийцев.

Гилян — область в Иране у берегов Каспийского моря; славилась своими быстроходными конями и плодовитыми пчелами. «Гил» по-персидски означает: прах, земля. Низами думал, что Гилян — множественное число от этого слова, и потому он часто употреблял его как синоним бренности мира, грешной земли.

Гоухар — драгоценный камень или жемчужина; слово «гоухар» обозначает также первичную субстанцию. Омонимия эта, восходящая к мифу о происхождении мира из белой жемчужины, нередко используется в стихах Низами.

Гуль — злой дух; незаметно сбивая путника с дороги, он заставляет его плутать, а затем пожирает его, изнемогающего от голода и жажды.

Гульгун — конь Ширин, рожденный той же кобылицей, которая принесла Шебдиза (см.), и не уступающий ему в быстроте бега.

Гульшакар — засахаренные лепестки роз; варенье из лепестков роз.

Гулям — раб, слуга, обычно тюрок или славянин. Из рабов, поставляемых невольничьими рынками, рекрутировалась гвардия халифов (см.) и других правителей. Отсюда второе значение слова «гулям»: гвардеец, воин.

Гур — дикий осел, онагр. Название это созвучно слову, означющему по-персидски: могила.

Гур (с гортанным «г») — старинное название области, занимавшей часть территории современного Афганистана.

Гурви — вечно девственные и вечно юные райские девы-красавицы, которые, по Корану, предназначены в раю для праведников.

Гурхан — один из высоких титулов легендарного царя Бахрама.

Гюлистан — сад роз, цветник.

Гюрза — ядовитая змея.

Гяз — мера длины, соответствует старому «локтю», немного менее метра.

Давид — см. Давуд.

Давуд — мусульманский вариант имени библейского Давида (X в. до н. э.), царя древних евреев. Ислам причислил его к сонму пророков. По легенде, Давуд, отец Сулеймана (см.), был необычайно мудрым. Творец Забура (псалмов), он обладал дивным голосом, первый из людей выковал кольчугу; железо в его руках делалось мягким как воск.

Данаб (Зенеб) — звезда Альфа в созвездии Лебедя; астрологи ее влияние считали вредным.

Дарй — язык персидской классической литературы.

Дарий — древнеперсидский царь Дарий III Кодомен (336—330 до н. э.), последний из династии Ахеменидов, империю которого разгромил Александр Македонский, воспетый в «Искендер-наме» Низами.

Дастан — сказание, поэма, сюжетный рассказ, нередко «роман» — история влюбленных.

Дастархан — скатерть.

Дастур — советник шаха в древнем Иране.

Дебир — писец, секретарь, состоящий при шахе.

Дей — десятый месяц древнего иранского солнечного календаря (с 23 декабря по 21 января).

- Дейлемский топор* — топор из Дейлема, области в прикаспийской части Ирана, жители которой славились своими железными изделиями, в частности топорами-резаками.
- Демавенд* — гора к северу от Тегерана, покрытая вечными снегами.
- Дервиш* — мусульманский монах, зачастую странствующий.
- Джабраил* — вестник Аллаха (в Библии ему соответствует Гавриил).
- Джан* — душа, душечка.
- Джейран* — вид антилопы. См. «газель» во втором значении.
- Джейхун* — арабское название Амударьи.
- Джем, Джемшид* — мифический царь древнего Ирана, в царствование которого не было ни болезней, ни смерти, ни вражды. Когда Джемшид возгордился, бог в наказание дал над ним власть тирану Захаку, который зверски казнил его — распилал пилой пополам. Джемшид считался обладателем чудесной чаши, с помощью которой он мог в любой момент видеть все, что происходит в любой точке земли. Легенды приписывали ему и установление Новруза (см.).
- Джим* — пятая буква арабского, шестая буква персидского алфавита.
- Джинн* (арабск.) — злой дух, демон громадного роста и страшного вида, умеющий мгновенно менять свой облик.
- Джуляб* — сироп из лепестков роз, который кладут в халву, принимают как лекарство и т. п.
- Див* (перс.) — злой дух, демон.
- Диван* — правительственная канцелярия, государственный совет; в др. значении — сборник стихов одного или нескольких авторов с определенным порядком расположения материала.
- Динар* — золотая монета.
- Дирхем* — мера веса и название монеты (от греч. «драхма»), обычно серебряной, весом около 3,5 г.
- Дихкан* — первоначально: представитель домусульманской иранской земельной аристократии, потом этим термином стали обозначать земледельца-крестьянина. У Низами часто употребляется в значении хранителя древних преданий.
- Дувал* — глиняный забор.
- Дуррадж* — см. турач.
- Духан* — винная лавка.
- Дэв* — см. див.
- Ездигерд* — иранский шах (ум. 420) из династии Сасанидов, отец Варахрана V, явившегося прототипом Бахрама Гура, героя «Семь красавиц» Низами. Ездигерд покушался урезать привилегии зороастрийского духовенства, за что получил прозвание Грешник. Был убит мельником.
- Занг* (Зангибар) — Занзибар, группа островов у восточного побережья Африки; у Низами — вообще страна, населенная неграми.
- Заратуштра* — см. Зардушт.
- Зардушт* — Зороастр, основатель зороастризма, древней религии Ирана до VII в.; главным в этой религии был культ огня.
- Зардушти* — зороастриец (см. Зардушт).
- Захм* — медиатор (посредник), с помощью которого играют на струнных музыкальных инструментах.
- Зекат* — налог с имущества в пользу бедных мусульман; милостыня.

Земзем — священный колодец в Мекке (см.), около храма Каабы (см.). Его минеральной воде приписывают чудотворные свойства.

Зенд — Зенд-Авеста, название священной книги зороастризма (см. Зардушт), распространенное во времена Низами. В действительности книга называлась Авеста, а Зенд — позднейший комментарий к ней на языке пехлеви.

Зенеб — см. Данаб.

Зербафт — плотная узорчатая ткань из шелковых и золотых ниток.

Зерифкен — один из ладов древней иранской музыки.

Зиндан — темница, тюрьма.

Зинде-руд — река в Иране.

Зиндж (зинг) — негр.

Зороастр — см. Зардушт.

Зульф — локоны, кудри.

Зуннар — грубый волосяной пояс, который обязаны были носить христиане — подданные мусульманских правителей. Зуннар обозначает также ритуальный пояс, который носили зороастрийцы-огнепоклонники.

Зухра (Зухре) — планета Венера, уподоблявшаяся небесному музыканту; на старинных восточных миниатюрах изображалась в виде красавицы с бубном в руках. См. также: Харут и Марут.

Иблис — демон, стоящий выше других духов зла.

Ибн-Мукла (ум. 939) — знаменитый арабский каллиграф.

Ибн-Хани (937—972) — арабский поэт, оратор и софист, славился своим полемическим искусством.

Изд — см. Яздан.

Иклимы — географические области, на которые делили тогда всю обитаемую часть суши (Хорасан, Ирак, Туркестан, Зангибар, Рум, Индостан, Египет). Иклимы — также семь обитаемых поясов земли между воображаемыми линиями, проведенными параллельно экватору: до 20°, 27°, 33°, 38°, 43°, 47°, 53° с. ш. Прочие северные широты считались необитаемыми.

Ильяс — распространенный персонаж восточных легенд (в Библии ему соответствует Илья-пророк), помогающий мореплавателям, спасающий терпящих кораблекрушение. На суше аналогичные благодеяния оказывает Хызр (см.).

Индиго — синяя краска для тканей. Синяя одежда — знак траура на Востоке, поэтому индиго — синоним траура.

Ионийцы — греки, живущие на островах Ионийского моря; греки вообще.

Иосиф — см. Юсуф.

Ирак — в географии эпохи Низами обширная область, занимавшая северо-запад современного Ирана.

Ирем — прекрасный сад, созданный мифическим тираном Шеддадом, который решил устроить на земле подобия ада и рая. По легенде, Шеддад умер, не успев войти в свой рай.

Иса — Иисус Христос, причисленный в исламе к шести великим пророкам (Адам, Авраам, Ной, Моисей, Иисус, Мухаммад). Мусульманский Иса — не сын бога, а лишь пророк, человек, передавший людям божественное откровение. Согласно поверию, Иса обладал способностью воскрешать мертвых своим дыханием, подобным нежному весеннему ветерку, напоенному ароматом цветов.

Искендер — Александр Македонский (356—323 до н. э.).

- Исрафил** — архангел в Коране, который звуком трубы должен возвестить начало Страшного суда. От звука этой трубы расколется земля, рассыплются в прах горы и мертвые восстанут из могил.
- Истахр** — Персеполь, столица древнего Ирана при царе Дарии III (см.), развалины которого находятся на юге области Фарс, неподалеку от г. Шираза.
- Ису** — по предположению ученых, это название относится к племени вису (или весь), обитавшему вокруг Белого озера, по рекам Шексне, Мологе и Тверце, в X—XII вв. ассимилировавшемуся с русскими племенами.
- Исуйцы** — см. Ису.
- Исфаган** — один из древнейших городов в Иране.
- Исфендиар** — легендарный иранский богатырь, обладавший будто бы железным телом, один из героев «Шах-наме» Фирдоуси (см.).
- Исхак** — библейский пророк, сын патриарха Авраама.
- Ифриты** — самый страшный и злобный вид нечистых духов.
- Иемен** — страна на юге Аравийского полуострова; в поэзии Низами — синоним счастья, счастливого предзнаменования (см. Сухейль).
- Кааба** — храм в Мекке (см.) кубической формы, где хранится священный монолит — черный камень. Кааба — величайшая святыня ислама, к которой совершают паломничество и в сторону которой обращаются во время молитвы мусульмане.
- Каба** — род кафтана без воротника, шерстяной халат, обычная верхняя одежда во времена Низами, сохранившаяся в Иране и поныне.
- Кабарга** — разновидность небольшого безрогого оленя; из мускусных желез самца кабарги добывают мускус (см.).
- Каве** — как явствует из «Шах-наме» Фирдоуси (см.), кузнец Каве поднял восстание против тирана Заххака, надев на острие пики свой кожаный фартук. Когда Заххак был свергнут и на престол взшел шах Феридун (см.), фартук Каве вышили жемчугом, драгоценными камнями и сделали шахским штандартом — «Кавеевым стягом».
- Кайсар, кисра** — византийский император, арабизированная форма слова «кесарь» («цезарь»).
- Калам** — перо для писания, изготовлявшееся из тростника.
- Калым** — выкуп за невесту ее родителям. Хотя пророк Мухаммад заменил этот обычай выплатой суммы для обеспечения жены на случай развода, калым все же сохранился в мусульманских странах вплоть до наших дней.
- Камедь** — густой сок некоторых деревьев, растущих в Аравии и Иране.
- Каноп** — см. Сухейль.
- Карагач** — дерево с плотной древесиной, высотой до 20 м; использовалось как строительный материал, топливо, в декоративных целях.
- Карун** — легендарный богач (в Библии — Корей), который был проклят Мусой (Моисеем) за скупость и поглощен землей вместе со всеми своими богатствами (предание о сказочном богатстве Каруна идет от мусульманской традиции).
- Касаб** — тонкая желтая льняная материя; в мусульманских странах ее должны были носить евреи для отличия их от мусульман и христиан.

- Касыда** — большое стихотворение с монорифмой (аа, ба, ва и т. д.) нередко панегирического (ода) или философского содержания.
- Каф, Кафские горы** — легендарные горы мифической восточной географии, находящиеся будто бы на краю земли; в этих горах обитает птица Симург (см.).
- Кей** (Кейд) — титул древних иранских шахов из мифической династии Кеянидов (см.); иногда синонимично слову «шах».
- Кейван** — планета Сатурн, символ необратимого времени, несущего несчастье и смерть.
- Кей-Ковус** — легендарный шах древнего Ирана из династии Кеянидов (см.), один из основных героев «Шах-наме» Фирдоуси (см.), отец Сиявуша, невинно умерщвленного шахом Афрасиябом (см.) и его коварным братом Гарсивазом.
- Кей-Кубад** — легендарный шах древнего Ирана, прославившийся своим могуществом и пышными пирами.
- Кей-Хосров** — легендарный шах древнего Ирана; в «Шах-наме», где рассказана история его правления, Кей-Хосров на вершине своего могущества отрекается от власти и таинственно исчезает в горах.
- Кемарское алоэ** — алоэ (см.), привезенное из Кемара (Индия), считавшееся особенно ценным.
- Кетмень** — род мотыги.
- Кеяниды** — династия древних иранских шахов, легендарная история которой подробно изложена в «Шах-наме» Фирдоуси (см.).
- Кипарис** — в классической поэзии Востока синоним прямизны, стройного стана.
- Кирманшахан** — город на северо-западе Ирана, недалеко от которого находится «Замок Ширин» (см. Бисутун).
- Кисра** — см. Кайсар.
- Кишвер** — то же, что иклим (см.).
- Ковсар-Коусер** — один из райских источников, упоминаемых в Коране.
- Китай** — в поэзии Низами страна тюрок, не соответствующая современному географическому представлению. Китайский Туркестан — страна, откуда привозят прекрасных белокожих рабынь-тюрчанок, где живут искусные художники. Китай — это также Восток, страна восходящего солнца.
- Кулах** — головной убор иранских крестьян, а также дихкан (см.), которые носили высокие войлочные шапки, расшитые жемчугом и драгоценными камнями. В другом смысле кулах — корона, шахский венец.
- Кумган** — металлический сосуд наподобие чайника.
- Кунжут** — растение, из семян которого получают распространенное на Востоке масло.
- Кыбла** — направление в сторону Мекки (см.), куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы.
- Кыпчаки** — тюркское племя, в русских летописях именуемое «половцами». Кыпчакская степь — равнины к северу от Кавказского хребта, где во времена Низами кыпчаков захватывали в плен и продавали потом в рабство. Кыпчакской рабыней была жена Низами Афак (см. вступ. статью, с. 12—13).
- Лаваш** — плоский в виде лепешки пресный белый хлеб.
- Лал** — рубин; обычное сравнение с устами красавицы.

- Лат** — название одного из многочисленных доисламских идолов в Мекке (см.).
- Лахор** — индийский город, ныне находящийся на территории Пакистана.
- Луша** (или Танклуша) — персидская форма имени вавилонского астролога Тевкра Вавилонского (I в.), автора книги об эклиптике и зодиаке. Книга Луши, роскошно иллюстрированная миниатюрами, изображениями звезд и созвездий, пользовалась большой популярностью на Востоке.
- Магараджа** — высший титул князей в Индии; лицо, носящее этот титул.
- Маги** — в поэзии эпохи Низами зороастрийцы, жрецы-огнепоклонники, кудесники, волшебники; так как ислам запрещал употребление вина, то его поставщиками были зороастрийцы и христиане.
- Магриб** — западная часть средиземноморской Африки (Алжир, Тунис, Марокко, иногда и Египет), арабская Испания.
- Маджудж** — см. Яджудж.
- Мазендеран** — область в Иране.
- Майдан** — см. мейдан.
- Майоран** — душистое растение, употребляемое как пряная приправа.
- Максура** — место имама в мечети; в переносном смысле — «святая святых».
- Малик** — страж ада, упоминаемый в Коране.
- Мамешан-руд** — название реки.
- Мани** (казнен в 244 г.) — основатель манихейства, дуалистической религии, вобравшей в себя раннехристианские, зороастрийские и гностические верования. Манихейство было распространено в Иране и Средней Азии до X в. и позднее. Мани в поэзии Низами известен прежде всего как искусный художник (см. Аржанг).
- Мансур** ибн Музаффар — компоненты имени правителя Нусрат ад Дина Абу-Бахра Пишкина (см. о нем прим. 32).
- Мариам** — мать Исы (см.), дева Мария. Коранические легенды о ней восходят к апокрифическим евангелиям. По одной легенде, когда Мария бежала в Египет и, обессиленная, села в пути отдохнуть под пальмой, дерево тут же расцвело и принесло плоды.
- Маррих** — планета Марс.
- Марут** — см.: Харут и Марут.
- Масус** — блюдо из голубинного мяса, яиц, миндаля и фисташек.
- Медаин** — арабское название Ктесифона, древней столицы иранских царей династии Сасанидов (см.), находившейся неподалеку от современного Багдада, где до сих пор сохранились развалины колоссального дворца Сасанидов, известные в народе под названием «Дворец Хосрова».
- Меджисте** — см. Алмагест.
- Меджлис** — шахский прием, на котором читали стихи, слушали музыку; меджлис — это и духовная беседа суфийского (см.) старца со своими учениками.
- Меджнун** — буквально: одержимый, неистовый; прозвище Кейса, героя арабского сказания, положенного в основу поэмы Низами «Лейли и Меджнун»; в нарицательном значении — безумно влюбленный человек.
- Медресе** — мусульманское духовное учебное заведение.
- Мейдан** — площадь, ристалище для игры в конное поло.

- Мекка** — священный город мусульман, религиозный центр ислама, расположенный на Аравийском полуострове, на берегу Красного моря. В Мекке находится знаменитый храм Кааба (см.).
- Мен** — мера веса от 3 до 12 кг.
- Мерв** — исторический город в Средней Азии (ныне г. Мары Туркменской ССР).
- Мессих, Мессия** — то же, что Иса (см.). Древнееврейское слово «массах», из которого получилось «мессия», в I в. стало обозначать Христа.
- Миль** — палочка для сурмления век и ресниц.
- Мим** — двадцать четвертая буква арабского алфавита, имеет дугообразное начертание; в поэзии часто сравнивается с маленьким женским ртом.
- Мимбар** — кафедра в мечети.
- Мискаль** — мера веса, равная 4,6 г.
- Миср** — Египет.
- Михраб** — стрельчатая или сводчатая ниша в мечети, указывающая направление в сторону Мекки (см.) Во время молитвы лицо молящегося должно быть обращено к михрабу. Михраб — обычное в поэзии Востока сравнение с бровями красавицы.
- Михрган** — древний иранский праздник в честь бога Митры (Солнца), справлявшийся осенью во время сбора урожая.
- Мобед** — зороастрийский жрец-огнепоклонник; в поэзии Низами часто — жрец-идолопоклонник или огнепоклонник вообще (напр., индусский мобед).
- Моисей** — см. Муса.
- Мосул** — город в Ираке, существующий и поныне.
- Мубарек** — распространенное имя рабов.
- Мугань** — Муганская степь, низменность к югу от нижнего течения Аракса.
- Муканна** — буквально: человек с закрытым лицом; прозвище Хашима ибн Хакима из Мерва, поднявшего около 776 г. восстание против арабских завоевателей. Муканна считал себя божественным избранником и закрывал лицо зеленым покрывалом, будто бы потому, что обычные люди не могли выдержать исходящего от него ослепительного сияния. Согласно легенде, он изготовил из ртути искусственную луну, которую заставлял по ночам подниматься на небо.
- Муса** — арабизированная форма имени библейского пророка Моисей, почитаемого мусульманами.
- Мускус** — ароматическое вещество, добываемое из желез самца кабарги (см.).
- Мутриб** — певец и музыкант, трубадур; слова «мутриб» и «трубадур» имеют в основе общий арабский корень, семантика которого связана с понятием радости, веселья.
- Мушриф** — глава финансового ведомства.
- Муштари** — планета Юпитер; по верованиям астрологов, покровительствует мудрости.
- Мухтасиб** — должностное лицо в мусульманском городе, обязанное следить за внешним соблюдением шариата (см.). Мухтасиб осматривал город, базары, проверял правильность гирь, ловил продавцов вина, пьяниц и т. д.
- Муэдзин** — лицо, призывающее с минарета мусульман к молитве.
- Мюрид** — послушник, который обязан был беспрекословно повиноваться своему духовному наставнику — пиру (см.).

- Набиз** — алкогольный напиток, вино.
- Надир** — точка небесной сферы, противоположная зениту.
- Най** — небольшая тростниковая флейта, пронзительными звуками которой подавался сигнал к началу сражения.
- Наиб** — наместник.
- Намаз** — обязательная ежедневная пятикратная молитва у мусульман.
- Нард** — род игры в шашки на специальных досках, ходы которой определяются количеством цифр, выпавших на игральные кости; дважды шесть — наивысшее число, изображенное на костях.
- Нат** — кожаная подстилка, на которой обезглавливали осужденного.
- Нахид** — Зухра (см.).
- Неджд** — обширное плоскогорье на Аравийском полуострове, где кочевало племя Бени Амир (см. амириты).
- Нейсан, Нисан** — месяц древнего солнечного сирийского календаря, совпадающий с апрелем.
- Немрод** — легендарный тиран, свергнувший в огненную печь пророка Ибрагима (Авраама). За это бог покарал его москитом, который через ухо проник ему в мозг и терзал тирана до тех пор, пока он не погиб.
- Нехшеб** — город в Средней Азии, впоследствии Карши.
- Ниатус** — брат византийского императора, подлинное имя которого Тиадус (Феодосий); ему было поручено командование византийской армией, направленной на помощь Хосрову Парвизу.
- Никумаджис** — Никомач, придворный врач царя Филиппа Македонского, отец Аристотеля (см.).
- Нисар** — древний обычай осыпания новобрачных или вступившего на престол шаха золотыми монетами, драгоценными камнями, карамелью.
- Новруз** — новый год древнего иранского календаря, приходящийся на 22 марта.
- Ной** (Нух) — библейский патриарх, спасшийся в ковчеге во время всемирного потопа; почитается мусульманами как пророк.
- Нубиец** — чернокожий из Нубии; в поэзии Низами — символ черноты, ночи; улыбка нубийца на черном лице — метафора рассвета.
- Нушануш** — возглас во время пирушки, означающий: «На здоровье, да будет сладостно вино!»
- Нуш-гия** — противоядие, приготовленное из трав.
- Нуширван** — см. Ануширван.
- Онагр** — дикий осел.
- Оникс** — полудрагоценный минерал, разновидность агата с чередованием черных и белых слоев.
- Ормуз** — см. Ануширван.
- Органон** — небольшой музыкальный инструмент с мехами и клавиатурой, предшественник современного органа.
- Падишах** — царь, шах.
- Палуде** — вид желе, лакомство.
- Пардус** — барс.
- Пери** — фея, прекрасная лицом и злая душой; символ женской красоты.
- Пехлеви** — среднеперсидский язык; официальный язык Ирана до прихода туда арабов в 650 г.

- Пир* — старец, глава ордена дервишей (см.), духовный наставник у суфиев (см.).
- Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, известный на Востоке под именем Афлатун.
- Плектр* — роговая или черепаховая пластинка для извлечения звука на некоторых струнных музыкальных инструментах.
- Рабӣ* — Раби авваль, третий месяц мусульманского лунного календаря.
- Рабия* — персонаж древней легенды, жалостливая женщина, которая, обнаружив в пустыне умирающую от жажды собаку, отрезала свою косу, с ее помощью смочила в колодце рубашку и таким способом напоила животное.
- Раджа* — феодальный владетель, князь в Индии.
- Рамазан* — девятый месяц мусульманского календаря, месяц поста.
- Раст* — один из ладов восточной классической музыки.
- Рахави* — один из ладов восточной классической музыки.
- Рахи* — рыжий в яблоках конь богатыря Рустама (см.); символ расцвета.
- Рей* — древний иранский город, расположен в южной части современного Тегерана.
- Рейхан* — базилик, благовонная трава вроде мяты.
- Рибат* — караван-сарай, постоялый двор.
- Ризван* — страж райских врат, упоминаемый в Коране.
- Ричар* — пряность; маринад; кислые фрукты.
- Роузан* — отверстие в потолке для света и воздуха, волоковое окно.
- Рубаб* — струнный музыкальный инструмент.
- Руд* — струнный музыкальный инструмент.
- Рум* — Греция, Византия.
- Румиец* — Искендер (см.).
- Рустам* — главный герой так называемого систанского цикла иранского героического эпоса, непобедимый богатырь-великан; персонаж «Шах-наме» Фирдоуси (см.).
- Русы* — собирательное обозначение союзных хазарских, славянских и финских племен, которые в X—XII вв. совершали набеги на Азербайджан. Таких «русов» и описывает Низами, наделяя их высоким ростом, светлыми (или рыжими) волосами, отчаянной храбростью.
- Рута* — растение, мелкими зернами которого окуривали от «дурного глаза».
- Савская царица* — см. Билькис.
- Саз* — струнный музыкальный инструмент, чаще всего рубаб (см.).
- Саклабы* — арабское название славян.
- Салам* — приветствие, означающее: «мир тебе».
- Сам* — легендарный богатырь систанского цикла иранского героического эпоса, дед Рустама (см.).
- Саманиды* — независимая от халифата (см. халиф) династия иранского происхождения, правившая с 888 до 999 г. Хорасаном (см.) и Мавераннахром со столицей в Бухаре.
- Сандал* — сандаловое дерево, обладающее приятным запахом; масло, добываемое из него, употребляется в парфюмерии и медицине.
- Санджар* — последний султан (1118—1157) династии «великих Сельджуков» (см.).
- Сейфур* — тонкая шелковая ткань.

Сельджуки — династия султанов, правившая в XI—XII вв. огромной империей; государство Сельджуков простиралось от Китая до Средиземноморья, от Кавказских гор до Йемена.

Сивауш, Сияуш — см. Кей-Ковус.

Силь — талая или ливневая вода с горных склонов; вовлекая в свой поток камни и грязь, сметает на своем пути все препятствия.

Симург — мифическая огромная птица, обитающая на горе Каф (см.); царь птиц; символ невидимого, таинственного.

Синджаби — область в Иране в районе современного Кирманшаха, жители которой отличались храбростью.

Сират — мост над адской бездной, «тонкий, как волос, и острый, как меч», по которому, гласит Коран, должны пройти все люди во время Страшного суда. По нему пройдут праведники, а грешники упадут в адское пламя.

Сократ (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ, в литературе средневекового Востока образ идеального мудреца.

Соломон — см. Сулейман.

Справедливый — см. Ануширван.

Сулейман — мудрый и могучий царь (в Библии — Соломон), включенный исламом в число второстепенных пророков, бывших до Мухаммада. Сулейману, согласно мусульманским легендам, были подвластны люди, звери, пери (см.) и джинны (см.), которые носили его на ковре-самолете по всему его царству.

Суруш — древний Сраоша, один из ангелов зороастрийского (см. Зардушт) пантеона; вошел в мусульманские легенды как божественный вестник, несущий откровение, как внутренний голос.

Суфа — глинобитное возвышение в саду, около дома, для отдыха и приема гостей.

Суфий — буквально: носящий власяницу; последователь суфизма, мистико-аскетического направления в исламе, возникшего в VIII—IX вв. как учение, оппозиционное ортодоксальному мусульманству, с тенденцией к осуждению имущественного и социального неравенства.

Сухейль — Канопус, главная звезда созвездия Корабль Арго. Появляющаяся в определенное время года в южной части неба, она лучше всего видна в Йемене. В поэзии Низами Сухейль и Йемен — взаимосвязанные понятия.

Табарзад — кусковой сахар, карамель; синоним сладости.

Табари (ум. 923) — арабский историк, перу которого принадлежит огромное компилятивное сочинение «История пророков и царей»; спустя сорок лет после смерти автора оно было переведено на персидский язык.

Табархун — ива пурпуровая, розги из сандалового (см.) дерева.

Тамуз — месяц июль сирийского календаря; синоним лютой жары.

Танур — печь для выпечки хлеба.

Тараз — область и город в Туркестане, поставлявший белокожих красивых рабынь; символ белизны, света, утра, в противоположность Хабешу (см.). Развалины Тараза находятся неподалеку от современного г. Джамбула.

Тарикат — путь духовного совершенствования, приближения к единению с богом в суфизме (см. суфий); делился на этапы: покаяние, осмотрительность, воздержанность, бедность, терпение, упование на Аллаха, покорность, небытие, вечное единение с богом.

- Тактэ** — буквально: доска, т. е. носилки, на которых несут покойников.
- Тир** — четвертый месяц древнеиранского солнечного календаря (с 23 июня по 23 июля), время самых коротких ночей.
- Тиштрия** — звезда Сириус.
- Туба** — райское дерево.
- Тугра** — монограмма, шифр из букв царского имени и титула, заменяла собой личную подпись правителя.
- Туран** — мифическая страна иранского героического эпоса; туранцы — народ общего с иранцами происхождения, но враждебный им. Позже Тураном стали называть область обитания тюркских племен.
- Турач** (дуррадж) — горная куропатка, бормотание которой считается на Востоке приятным.
- Турундж** — померанец, небольшой горько-кислый апельсин, из сока которого готовят соусы.
- Тут** — тутовое дерево, шелковичник.
- Тюрки** — народы и племена тюркской расы; в классической поэзии Востока тюрки — символ белизны, красоты, изящества, благородства.
- Удж** — мифический великан (соответствует библейскому Огу).
- Умар-ал-Балхи** (конец X — начало XI в.) — ученый-энциклопедист; «Улуф» («Тысячи событий») — один из его трудов по всеобщей истории.
- Уннаб** — уна́би (зизифус обыкновенный); «грудная ягода», красный вкусный плод; традиционное поэтическое сравнение с губами и окрашенными пальцами красавицы.
- Утарид** — планета Меркурий.
- Фазгур** — буквально: сын бога; титул китайских императоров (отсюда русское — фарфор).
- Фазгурцы** — жители Китая (см.).
- Фарр** — божественная благодать, которой, согласно теократическим представлениям древнего Ирана, должен был обладать законный правитель. Фарр изображался в виде сияния (нимба) вокруг головы.
- Фарсанг** — путевая мера: столько, сколько может пройти конь за один час, т. е. шесть-семь (иногда десять) километров.
- Фарси** — персидский язык, язык классической литературы на фарси.
- Феникс** — чудесная птица, которая, согласно древним египетским мифам, достигнув старости, сжигала себя в пламени и возрождалась из пепла молодой и прекрасной.
- Феридун** — один из мифических царей древнего Ирана, герой «Шахнаме» Фирдоуси (см.), вернувший себе трон с помощью кузнеца Каве (см.). Феридун в старости хотел разделить свою державу между тремя сыновьями, но братья Сальм и Тур из зависти к Иреджу, которому предназначался Иран (а им достались Рум и Туран), убили Иреджа, из-за чего возникла длившаяся веками вражда Ирана и Турана (см.).
- Филатус** — персонаж поэмы «Вамик и Азра» Унсури (XI в.), учитель Азры, трусливый и слабый человек.
- Филикус** — Филиппус, македонский царь (359—336 до н. э.), отец Александра Македонского.

- Фирдоуси** — великий персидский поэт (936—1020), автор эпоса «Шах-наме» («Книга царей»).
- Фирман** — царский указ.
- Франки** — так на Ближнем и Среднем Востоке называли крестоносцев, а впоследствии всех европейцев.
- Фука** — бродячий напиток, пиво.
- Фур** — индийский царь Пор (IV в. до н. э.), разбитый Александром Македонским и попавший к нему в плен.
- Хабеш** — Эфиопия, откуда во времена Низами привозили темнокожих рабов, в поэзии — синоним мрака, ночи, в противоположность Таразу (см.) и Хотану (см.).
- Хаверан** — царство на северо-востоке Ирана.
- Хадж** — паломничество, которое мусульмане совершают в Мекку к храму Каабы (см.).
- Хаджадж ибн Юсуф** — полководец и наместник халифа (см.) Абдалмелика ибн Мервана (685—705), отличавшийся исключительной жестокостью.
- Хаджиб** — приближенный шаха.
- Хазарское море** — Каспийское море.
- Хазраны** (хазранийцы) — хазары, народность тюркского происхождения, которая с V до XI в. образовала государство на пространной территории (на западном и северном берегах Каспийского моря).
- Хакан** — император древних тюрков, титул китайского императора; хакан Чина, Турана и кайсар Рума в поэзии Низами — такие же противоположности, как Рум (см.) и Туран (см.), как Запад и Восток.
- Хаким** — мудрец, провидец, суфий (см.), также врач.
- Халил** — прозвище пророка Ибрагима (в Библии ему соответствует Авраам); Халил — буквально: друг, первый компонент слова «халилаллах» (друг Аллаха).
- Халиф** — религиозный глава мусульман и одновременно верховный правитель мусульманского государства; халифат сложился в VII в. после смерти пророка Мухаммада, преемниками которого были первые четыре «правоверных» халифа: Абу-Бакр (632—634), Умар (634—644), Усман (644—656) и Али (656—661); в начале XI в. халифы потеряли светскую власть и сохранили лишь религиозный авторитет.
- Ханака** — обитель дервишей (см.), жилище.
- Ханзол** — колоквинт, горький, ядовитый плод пустынного растения.
- Хар** — см. Рей.
- Харвар** — буквально: ослиный выюк, крупная мера веса, колеблющаяся в зависимости от места, где она применяется, от ста до четырехсот килограммов.
- Харум** — древнее название г. Барда (см.).
- Харун-ар-Рашид** — арабский халиф (786—809) из династии Аббасидов (см.); персонаж цикла арабских сказок «Тысяча и одна ночь».
- Харут** и **Марут** — два ангела, которые, по мусульманской легенде, были для испытания посланы на землю в человеческом облике. Они влюбились в красавицу Зухру (см.) и под действием охватившей их страсти совершили преступление. В наказание за это они были низвергнуты в колодезь в Вавилоне, где и должны пребывать до дня Страшного суда. Зухра, ставшая причиной их

- падения, вознесена на небо, где приняла облик планеты Венеры, покровительницы красоты и музыки.
- Хатиб* — проповедник, читающий молитву в мечети во здравие царствующего государя.
- Хатун* — тюркский титул правительницы или жены хакана (см.), благородной тюркской дамы.
- Хизан* — деревня к северо-западу от Исфагана (см.).
- Хирхиз* — киргиз; под областью Хирхиз подразумевалась территория в верховьях Енисея.
- Ходжа* — феодальный придворный титул, впоследствии: «господин», «почтенный человек».
- Хорасан* — обширная область, по средневековой географии, занимавшая территорию современного Ирана (от Тегерана) до берегов Амударьи и часть Афганистана (Балх, Газна).
- Хорезм* — древняя страна в районе Хорезмского оазиса (в низовьях Амударьи), один из старейших очагов высокоразвитой земледельческой культуры.
- Хосров, Хосрой* — шах Хосров Ануширван (см.), чье имя стало титулом могучего властелина подобно тому, как стало нарицательным имя Цезарь.
- Хотан* — название области в Туркестане, откуда привозили красивых рабынь; как и Тараз (см.) и Китай (см.), синоним света, белизны, красоты.
- Худжасте* — высокосортная бумага особого качества и формата.
- Хузистан* — область на юго-западе Ирана, откуда во времена Низами привозили финики; синоним сладости.
- Хум* — большой глиняный кувшин для хранения вина.
- Хума* — сказочная огромная птица, приносящая счастье. По поверью, на кого падет тень этой птицы, тот станет царем (Гамаюн русских сказок генетически связан с Хумой).
- Хурджин* — матерчатая переметная сума.
- Хусейн* — внук пророка Мухаммада, погибший от жажды во время битвы в 681 г.
- Хутальский* — от Хутталан, средневековой области, занимавшей часть современного Таджикистана, откуда вывозили породистых лошадей.
- Хутба* — торжественное провозглашение имени правителя во время пятничной мусульманской молитвы в мечети, молитва за «богоданного» государя.
- Хызр* — таинственное существо в зеленых одеждах, обладающее вечной жизнью, открывшее источник «живой воды». Хызр чудесно передвигается в пространстве и приходит на помощь путникам, погибающим в пустыне (ср. Ильяс). Суфии (см.) считали Хызра второстепенным пророком.
- Хырка* — буквально: рубище, власяница; особая одежда суфиев (см.) и дервишей (см.).
- Чанг* — большой струнный инструмент, напоминающий арфу (современный чанг похож на цимбалы).
- Чий* — см. Китай.
- Човган* (чоуган) — конное поло: всадники клюшками отбивают друг у друга шар и загоняют его между двумя столбами; човганом называется и клюшка изогнутой формы; в поэзии — синоним всего изогнутого, в частности — кудрей красавицы.

Шаб-чираг — сказочный драгоценный камень, который светится по ночам.

Шадурван — шахский шатер.

Шаир — поэт, певец.

Шам — Сирия.

Шамруд — река.

Шариат — законодательство, свод мусульманских религиозных и юридических правил, основанных на Коране.

Шаханшах — буквально: царь царей; титул иранских царей из династий Ахеменидов и Сасанидов.

Шахид — мусульманский мученик, павший в «священной войне» (газават), в битве с «неверными».

«*Шах-наме*» — см. Фирдоуси.

Шахразур — город недалеко от древней столицы Ирана Экбатана.

Шевавиз — легендарная птица; по ночам, свесившись вниз головой, она жалобно стонет, тоскуя по дню.

Шебдиз — черный конь Хосрова Парвиза (в поэме Низами «Хосров и Ширин»); символ ночи.

Шеддад — см. Ирем.

Шейх — буквально: старец, предводитель арабского племени.

Ширван — область в Азербайджане, которой правили ширваншахи.

Шихна — правитель города, начальник военной и полицейской власти.

Эбен — черное тропическое дерево с ценной, твердой, благоухающей древесиной, символ черноты и крепости.

Эдем — по библейской легенде, земной рай, местопребывание первых людей до грехопадения, благодатный уголок земли.

Эйлакцы — буквально: кочевники; название неизвестной народности или племени.

Эмир — титул военачальника или правителя.

Эрженг — то же, что Аржанг (см.).

Эрпат — зороастрийский (см. Зардушт) жрец, огнепоклонник.

Юнан — Греция.

Юсуф — герой мусульманской легенды, восходящей к Библии (Иосиф Прекрасный), любимый сын Якуба (см.). Был похищен другими сыновьями Якуба и брошен в колодезь, откуда его извлекли случайные путники. Он был продан в рабство египетскому вельможе Китфиру (Потифару), жена которого (Зулейха) влюбилась в Юсуфа. Легенда о Юсуфе и Зулейхе послужила основой для многочисленных сказаний и поэм на этот сюжет. Юсуф — символ красоты, целомудрия, благородства и мудрости.

Яджудж и *Маджудж* — мифические дикие, звероподобные племена (в Библии — Гог и Магог). По легенде, Александр Македонский построил медную стену — вал, чтобы оградить народы от опустошительных набегов этих племен.

Яздан (Изд) — древнее имя зороастрийского божества.

Яздигерд — см. Ездигерд.

Якуб — библейский Иаков; по исламу, один из пророков, бывших до Мухаммада, отец Юсуфа (см.).

Ясмен — жасмин.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

I—VIII. Между с. 352 и 353.

I. «Сокровищница тайн». Миниатюра к главе «Повесть о двух поспоривших мудрецах». Рукопись «Хамсе». 1491 г.

II. Фронтиспис поэмы «Хосров и Ширин». Начало текста произведения. В орнаменте начертано название поэмы, в центральной врезке: «Славословие великому творцу. Да будет возвеличено его имя». Рукопись «Хамсе». 1491 г.

III. «Хосров и Ширин». Миниатюра к главе «Хосров убивает льва во время пира». Рукопись «Хамсе». 1648 г. (Средняя Азия).

IV. «Хосров и Ширин». Миниатюра к главе «Ширин направляется к горе Бисутун, и конь ее падает» (Встреча Ферхада с Ширин). Во врезках текст: «И с молоком в руке у Сладкоустой чаша. И молвила „Испей во здравье наше“». Рукопись «Хамсе». 1491 г.

V. «Хосров и Ширин». Миниатюра к главе «Поездка Хосрова к замку Ширин под предлогом охоты». В миниатюре помещено шесть начальных двустихий из этой главы. Над дверью надпись: «Великий султан». Рукопись «Хамсе». 1491 г.

VI. «Лейли и Меджнун». Миниатюра к главе «Отец везет Меджнуну в храм Каабы». Рукопись «Хамсе». 1648 г. (Средняя Азия).

VII. «Лейли и Меджнун». Миниатюра к главе «Дружба Меджнуну с дикими зверьми». Рукопись «Хамсе». 1648 г. (Средняя Азия).

VIII. Заглавный лист рукописи поэмы «Семь красавиц». Начало текста произведения. Рукопись «Хамсе». XVI в. (Тебриз).

IX—XVI. Между с. 480 и 481.

IX. «Семь красавиц». Миниатюра к главе «Индийская царевна» (Бахрам в черном дворце). Во врезках три начальных двустихия этой главы. Надпись на фронтоне: «Великий султан». Рукопись «Хамсе». 1491 г.

X. «Семь красавиц». Миниатюра к главе «Туркестанская царица» (Бахрам в желтом дворце). Рукопись «Хамсе». XVI в. (Тебриз).

XI. «Семь красавиц». Миниатюра, изображающая пребывание Бахрама в одном из дворцов. Рукопись «Хамсе». XVI в. (Тебриз).

XII. Страница рукописи «Искендер-наме». Глава «Прибытие Искендера в область русов». Рукопись «Искендер-наме». 1572 г.

XIII. «Искендер-наме». Миниатюра к главе «Искендер дает прощальный пир Нушабе...». Из той же рукописи.

XIV. «Искендер-наме». Миниатюра к главе «Появление неизвестного всадника» (Нистандарджихан вступает в битву на стороне Искендера). Из той же рукописи.

XV. «Искендер-наме». Миниатюра к главе «Тайное собеседование Искендера с семью мудрецами». Во врезках: «Были семеро кругом, а царь стал единой Неуклонною точкой — его сердцевиной». Из той же рукописи.

XVI. «Искендер-наме». Миниатюра к главе «Рассказ о перстне и пастухе». Рукопись «Хамсе». 1491 г.

Оригиналы публикуемых миниатюр из списков произведений Низами хранятся в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

СОДЕРЖАНИЕ

Низами Гянджеви. *Вступительная статья Рустама Алиева* . . . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Газели

1. «Мне ночь не в ночь, мне в ночь невмочь, когда тебя нету со мной...» *Перевод К. Липскерова* 45
2. «Готова молодость твоя откочевать, схвати ее...» *Перевод К. Липскерова* 45
3. «Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг!...» *Перевод П. Антокольского* 46
4. «Расступился черный мускус, и она всплыла вчера...» *Перевод М. Тарловского* 46
5. «Гнет страсти мне в сердце — ведь сердце мишень — вошел...» *Перевод Ив. Бруни* 47
6. «Сердца людей забирать в полон умеет зульф благовонный твой...» *Перевод О. Румера* 47
7. «Я полюбил тебя. Куда теперь шагнуть?...» *Перевод Ив. Бруни* 48
8. «Спеши, о, спеши, без тебя умираю!...» *Перевод Ив. Бруни* 48
9. «Скорбь моя благословенна, вечно по тебе она...» *Перевод Ив. Бруни* 49
10. «Я всю ночь не сплю, мечтаю: будь хоть ночь со мною ты...» *Перевод Ив. Бруни* 49
11. «О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!...» *Перевод Ив. Бруни* 50
12. «Эй, бабочка, гаси свечу! Уж светоч здесь влекущий мой...» *Перевод Вс. Рождественского* 50
13. «Спать не стоит! Станем лучше веселиться до утра!...» *Перевод К. Липскерова* 51
14. «Счастье пьяное мое в ум придет когда-нибудь...» *Перевод Ив. Бруни* 51
15. «Влюбленный слеп. Но страсти зримый след...» *Перевод Н. Асанова* 52
16. «Я хочу тебе открыть глубину скорбей своих...» *Перевод Н. Павлович* 52

17.	«Другим знавала ты меня, а ты — ты лучше, чем была...» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	53
18.	«Весть! Весть о милой пришла! Что же с ней?..» <i>Перевод К. Липскерова</i>	53
19.	«Что смятенней: время, локон ли твой каждый, дело ли ненужное мое?..» <i>Перевод М. Тарловского</i>	54
20.	«Тюрки рабами индийскими стали — рядом с тобой...» <i>Перевод М. Тарловского</i>	54
21.	«О кипарис с плавной поступью мой, роза скупая моя!..» <i>Перевод К. Липскерова</i>	54
22.	«О мой кумир, сердца не дам, нет, не расстанусь я с ним!..» <i>Перевод Ив. Бруни</i>	55
23.	«Впору мне груз твой! Скажешь — немолод, — пусть!..» <i>Перевод М. Тарловского</i>	55
24.	«О спеси думай ты, как о своем недуге...» <i>Перевод С. Абрамова</i>	56
25.	«Друг, утешься. Судьба нам на помощь в печали приходит...» <i>Перевод С. Абрамова</i>	56
26.	«Может быть, эту газель прочитав, меня исцелить пожелаешь ты...» <i>Перевод Ив. Бруни</i>	57
27.	«Юность всю тебе я отдал: юности ты милой слаще...» <i>Перевод Ив. Бруни</i>	57
28.	«Жить в заботе и невзгодах, расточая зло, — не стоит...» <i>Перевод Ив. Бруни</i>	58
29.	«Любовь пришла, чтоб день мой угасить...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	59

Касыды

Переводы М. Борисовой

30.	«Слышишь, звякнул бубенцами в путь готовый караван...»	60
31.	«Я царем царей в державе мудрых мыслей нынче стая...»	64
32.	«Зри: сидит Султан Каабы, семь стран света — Его трон...»	68
33.	«Уж время — шашками закрыть шесть клеток мировой доски...»	71
34.	«Я долго шел по лугу лет, и сгорбилась моя спина...»	75

ПОЭМЫ

СОКРОВИЩНИЦА ТАИН

О положении и достоинстве этой книги. <i>Перевод К. Липскерова</i>	81
Речь о превосходстве слова. <i>Перевод К. Липскерова</i>	84
Превосходство речи, нанизанной в должном порядке, перед речью, подобной рассыпанным жемчугам. <i>Перевод К. Липскерова</i>	85
О наступлении ночи и познании сердца. <i>Перевод К. Липскерова</i>	90
Первое тайное собеседование (О воспитании сердца). <i>Перевод К. Липскерова</i>	95
Речь вторая. Наставление шаху о справедливости. <i>Перевод К. Липскерова</i>	100
Повесть о Нуширване и его визире. <i>Перевод К. Липскерова</i>	103

Повесть о Соломоне и поселянине. <i>Перевод К. Липскерова</i> . . .	107
Речь четвертая. О благожелательном отношении шаха к подданным. <i>Перевод К. Липскерова</i> . . .	109
Повесть о старухе и султани Санджаре. <i>Перевод К. Липскерова</i> . . .	110
Повесть о старике кирпичнике. <i>Перевод К. Липскерова</i> . . .	113
Повесть о Феридуне и газели. <i>Перевод К. Липскерова</i> . . .	114
Повесть о двух поспоривших мудрецах. <i>Перевод К. Липскерова</i> . . .	116
Повесть о царе-притеснителе и правдивом человеке. <i>Перевод К. Липскерова</i> . . .	118
Речь пятнадцатая. Порицание завистников. <i>Перевод К. Липскерова</i> . . .	120
Речь восемнадцатая. В осуждение двуличных. <i>Перевод С. В. Шервинского</i> . . .	123
Повесть о Джемшиде и его приближенном. <i>Перевод С. В. Шервинского</i> . . .	125
Повесть о Харун-ар-Рашиде и цирюльнике. <i>Перевод С. В. Шервинского</i> . . .	129
Речь двадцатая. О заносчивости современников. <i>Перевод С. В. Шервинского</i> . . .	131
Повесть о соловье и соколе. <i>Перевод С. В. Шервинского</i> . . .	134
Заключение книги. <i>Перевод С. В. Шервинского</i> . . .	135

ХОСРОВ И ШИРИН

Перевод К. Липскерова

Несколько слов о любви	138
Начало рассказа	140
Выезд Хосрова на охоту	143
Хосров со старцами идет к своему отцу	145
Хосров видит во сне своего деда Ануширвана	147
Рассказ Шапура о Ширин	148
Шапур в первый раз показывает Ширин изображение Хосрова	155
Шапур второй раз показывает Ширин изображение Хосрова	157
Шапур в третий раз показывает Ширин изображение Хосрова	158
Бегство Ширин от Михин-Бану в Меданн	161
Купанье Ширин в источнике	166
Хосров видит Ширин в источнике	167
Приезд Ширин в замок Хосрова в Меданне	176
Постройка замка для Ширин	178
Приезд Хосрова в Армению к Михин-Бану	180
Возвращение Шапура	182
Хосров узнает о смерти отца	185
Хосров восходит на трон вместо отца	187
Шапур привозит Ширин к Михин-Бану	188
Бегство Хосрова от Бехрама Чубине	190
Встреча Хосрова и Ширин на охоте	192
Наставление Михин-Бану Ширин	194
Описание весны и веселия Хосрова и Ширин	197
Хосров убивает льва во время пира	199
Хосров и Ширин остаются одни	201
Ответ Ширин Хосрову	203
Ответ Хосрова Ширин	205
Ширин снова отвечает Хосрову	208
Хосров умоляет Ширин	209

Хосров покидает Ширин и направляется в Рум. Венчание Хосрова с Мариам	213
Завещание Михин-Бану	216
Воцарение Ширин	220
Прибытие Ширин в Медаин	222
Хосров посылает Шапура за Ширин	223
Упреки Ширин Шапуру	224
Начало любви Ферхада	229
Приезд Ширин к месту работ Ферхада	233
Хосров узнает о любви Ферхада	234
Совещание о Ферхаде	236
Хосров вызывает к себе Ферхада	237
Спор Хосрова с Ферхадом	238
Рассекание горы Ферхадом и жалобы его	241
Хосров узнает о поездке Ширин. Гибель Ферхада	250
Смерть Мариам	256
Поездка Хосрова к замку Ширин под предлогом охоты	257
Свидание Хосрова с Ширин	264
Пятый ответ Ширин Хосрову	266
Возвращение Хосрова от замка Ширин	269
Ширин сожалеет об отъезде Хосрова	273
Свадьба Хосрова и Ширин	276
Наставления Ширин Хосрову о справедливости и знании	283
Описание Шируйе и конца царствования Хосрова	285
Хосров уединяется в храм огня. Шируйе заключает его в темницу	287
Шируйе убивает Хосрова	290
Пробуждение Ширин	291
Шируйе сватается к Ширин	292
Смерть Ширин в усыпальнице Хосрова	294
Смысл сказа о Хосрове и Ширин	297

Лейли и Меджнун

Перевод П. Антокольского

Вступление	299
Начало повести	303
О том, как Лейли и Меджнун полюбили друг друга	308
Отец Меджнуна отправляется сватать Лейли	310
Плач Меджнуна	313
Отец везет Меджнуна в храм Каабы	318
Отец Меджнуна узнает о замыслах племени Лейли	320
Чувства Лейли	324
Лейли в саду	326
Сватовство Ибн-Салама	330
Ноуфаль приходит к Меджнуну	331
Вторая битва Ноуфала	334
Старуха ведет Меджнуна к палатке Лейли	338
Венчанье Лейли	342
Ибн-Салам приводит Лейли в свой шатер	345
Снова отец приходит к Меджнуну	346
Отец прощается с Меджнуном	350
Меджнун узнает о смерти отца	353
Дружба Меджнуна с дикими зверьми	355

Притча	358
Меджнун получает письмо от Лейли	361
Письмо Лейли Меджуну	365
Ответное письмо Меджуну	368
Несостоявшееся свидание	370
Песня Меджнуна	374
Смерть Ибн-Салама	376
О том, как наступила осень и умирала Лейли	378
Плач Меджнуна о смерти Лейли	382
Смерть Меджнуна	383
Племя Меджнуна узнает о его смерти	384

СЕМЬ КРАСАВИЦ

Перевод В. Державина

Восхваление	387
О причине составления книги	391
Восхваление слова и несколько слов о мудрости	395
Начало повествования о Бахраме	405
О построении Хаварнака и о достоинствах строителя Симнара	407
Описание дворца Хаварнака и исчезновение Нумана	411
Бахрам находит изображение семи красавиц	416
О том, как правил Бахрам-Гур	418
Засуха и милосердие Бахрама	421
Бахрам женится на дочерях падишахов семи стран	424
Описание семи дворцов	426
Повесть первая. Суббота. Индийская царевна	428
Повесть вторая. Воскресенье. Туркестанская царевна	452
Повесть пятая. Среда. Магрибская царевна	467
Повесть седьмая. Пятница. Иранская царевна	488
Завершение дел Бахрама и исчезновение его в пещере	508

ИСКЕНДЕР-НАМЕ

Перевод К. Липскерова

Г. Книга о славе

О причинах сочинения этой книги	517
Притча	519
О своем положении	521
Начало рассказа и изложение истины о рождении Искендера	525
Обучение Искендера	530
Искендер восходит на трон отца	534
Возвращение Искендера после победы над зинджами	538
Ученые делают для Искендера зеркало	543
Дарий требует от Искендера дань. Ответ Искендера	545
Искендер готовит войско для войны с Дарием	553
Дарий обсуждает со своими вельможами действия против Искендера	558
Бой Дария с Искендером при Мосуле	568
Победа Искендера над Дарием и смерть Дария	576
Бракосочетание Искендера с Роушенек	590
Повествование о Нушабе	600

Искендер дает прощальный пир Нушабе и размышляет о новом походе	622
Рассказ о художнике Мани. Пребывание Искендера в Китае	632
Искендер прибывает в Кыпчакскую степь	634
Прибытие Искендера в область русов	640
Искендер вступает в боренье с племенами русов	647
Кинтал-рус поражает гилианского вождя Зериванда	652
Появление неизвестного всадника	656
Русы выпускают в бой неведомое существо	659
Искендер действует арканом. Необычайный пленник приносит Искендеру Нистандарджихан	663
Освобождение Нушабе и примирение Искендера с Кинталом	677
Возвращение Искендера в Рум	682

II. Книга о счастье

Сказание об Искендере и мудром пастухе	687
Сказание об Архимеде и китайке	692
Создание Платоном напевов для наказания Аристотеля	698
Рассказ о перстне и пастухе	704
Отношение Сократа к Искендеру	708
Прибытие Искендера в северные пределы и постройка вала, ограждающего от народа Яджудж	718
Заклинание, обращенное к матери, и смерть Искендера	729
 Примечания	 741
 Словарь	 767
 К иллюстрациям	 784

Н И З А М И
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1981, 792 стр.

План выпуска 1981 г. № 434

Художник *И. С. Серов*

Редактор *В. С. Киселев*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *Л. П. Полякова*

Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Е. Я. Лапкин*

ИБ № 2598

Сдано в набор 29.05.81. Подписано к печати 04.08.81.
М 15198. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная
гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 42,42. Уч.-
изд. л. 37,23. Тираж 40 000 экз. Заказ № 394. Цена
3 р. 10 к. Издательство «Советский писатель», Ленинград-
ское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ор-
дена Трудового Красного Знамени Ленинградская типо-
графия № 5 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная
ул., 1/3.

